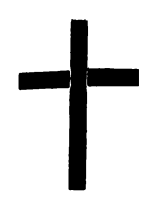

ВОСПОМИНАНІЯ

Товарища Оберъ-Прокурора Св. Синода

КНЯЗЯ Н. Д. ЖЕВАХОВА.

ВТОРОЙ ТОМЪ.

Мартъ 1917 г. — Январь 1920 г.

„Когда суды Твои совершаются на землѣ, тогда живущіе научаются правдѣ.“
(Исаіи, 26, 9).

НОВЫЙ САДЪ
КОРОЛЕВСТВО С. Х. С.
1928

Русская Типографія С. ФИЛОНОВА.

НОВЫЙ САДЪ
(Королевство С.Х.С.)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Первый томъ моихъ „Воспоминаній“ вызвалъ со стороны моихъ читателей разнообразныя сужденія. Одни изъ читателей проявляли большую снисходительность и дарили книгу лестными отзывами, другіе были строже и указывали на ея недостатки, сводившіеся къ тому, что авторъ недостаточно подробно останавливался на фактахъ общаго значенія и чрезмѣрно подробно освѣщалъ событія, имѣвшія личное для него значеніе. Третіи видѣли въ этомъ даже сведеніе личныхъ счетовъ автора съ его недоброжелателями. Къ тому же добавлялось, что и не всѣ характеристики въ равной мѣрѣ объективны. Іерархи совсѣмъ замолчали мою книгу и только двое изъ нихъ прислали мнѣ свои отзывы. Первый обвинялъ меня въ человѣкоугодничествѣ, усматривая его проявленія въ моей бесѣдѣ съ Ея Величествомъ, второй признавалъ предреволюціонную атмосферу обоснованной и оспаривалъ мои выводы.

Такъ какъ большинство полученныхъ мною писемъ, обращеній и запросовъ было послано мнѣ съ расчетомъ получить мой отвѣтъ, и такъ какъ отвѣтить каждому изъ моихъ корреспондентовъ я не имѣлъ возможности, то пусть это предисловіе къ моему второму тому, и будетъ такимъ отвѣтомъ.

Прежде всего я считаю нужнымъ сказать, что я не „сочинялъ“ своихъ „Воспоминаній“, а писалъ лишь о томъ, что сохранилось въ моей памяти и, слѣдовательно, опускалъ все то, что въ ней не сохранилось. Отсюда излишняя подробность съ одной стороны, сжатость и краткость изложенія — съ другой. Но „искренность“ я выдерживалъ до конца, не позволяя себѣ ни уклоняться отъ правды, ни допускать тенденціознаго освѣщенія фактовъ. Мемуары тѣмъ и отличаются отъ „сочиненій“, что оперируютъ сырымъ матеріаломъ.

то не повѣсти и разсказы, гдѣ требуется систематизація этого матеріала, согласованіе дѣйствій и фактовъ, съ опредѣленною цѣлью подчеркнуть основную идею сочиненія, выдвинуть главное дѣйствующее лицо и сосредоточить на немъ вниманіе читателя. Мемуары, въ лучшемъ случаѣ, да и то не всегда, выдерживаютъ лишь хронологію событій, но эти послѣднія стоятъ рядомъ, не связанныя между собою. И чѣмъ меньше связи между ними, тѣмъ точнѣе фотографія дѣйствительности, тѣмъ искреннѣе и правдивѣе былъ авторъ.

Что касается характеристики тѣхъ лицъ, съ которыми я встрѣчался на своемъ жизненномъ пути въ описываемый мною періодъ времени, то я охотно допускаю, что ихъ нравственный обликъ нашелъ въ моихъ „Воспоминаніяхъ" не полное отраженіе. Но иначе и не можетъ быть тамъ, гдѣ фиксируются лишь мимолетныя впечатлѣнія. Каждый человѣкъ въ теченіе одного дня можетъ быть и хорошимъ и дурнымъ, и умнымъ и глупымъ, и добрымъ и злымъ, (не говоря уже о томъ, что одинъ и тотъ же человѣкъ проявляетъ къ разнымъ людямъ различное отношеніе), и то впечатлѣніе, какое мы получаемъ отъ соприкосновенія съ людьми, зависитъ только отъ того, какую черту своего облика они показали намъ при встрѣчѣ съ ними. Художникъ можетъ смастерить какой угодно портретъ, но на фотографической пластинкѣ изображается лишь то, что попало въ фокусъ. А соотношеніе между „мемуарами" и „сочиненіями" такое же, какъ между фотографомъ и художникомъ. Поэтому, со многими сдѣланными мнѣ замѣчаніями я искренно согласенъ и заявляю, что, зарисовывая тѣ или иныя черты облика людей, съ коими я встрѣчался на страницахъ своего I-го тома, я отнюдь не имѣлъ намѣренія распространять эти черты на самую природу этого облика и менѣе всего имѣлъ въ виду выносить какіе либо приговоры людямъ.

Обращаясь къ замѣчаніямъ почтеннаго іерарха, усмотрѣвшаго въ моей книгѣ тенденціозное желаніе „обѣлить" Царя и Царицу и „человѣкоугодничество" предъ Ними, я долженъ заявить, что съ этого рода замѣчаніями совершенно несогласенъ и резонность ихъ категорически отвергаю по двумъ основаніямъ:

Во-первыхъ потому, что Царь и Царица были слишкомъ чисты для того, чтобы нуждаться въ какомъ либо обѣленіи съ чьей бы то ни было стороны, во-вторыхъ, потому что въ предреволюціонное время человѣкоугодничествомъ называлось не циничное пресмыкательство предъ революціонерами, не подлое заигрываніе съ ними, возводившее травлю Царя и Царицы на степень гражданскаго долга и отождествлявшее любовь къ Родинѣ съ ненавистью къ Царю, а *вѣрность присягѣ* и вѣрноподанническая преданность Монарху.

Этой присягѣ я не измѣнялъ и остаюсь ей вѣренъ.

Что касается ссылки другого іерарха на обоснованность предреволюціонной атмосферы въ Россіи, иными словами, его указанія на то, что революція была вызвана ошибками Царя и Его правительства, то опровергать ее нѣтъ нужды. Мнѣ остается только пожалѣть о незнакомствѣ почтеннаго іерарха съ исторіей, какая бы сказала ему, что всѣ революціи когда либо бывшія, составляли *всегда* внѣшнее, наносное явленіе, будучи излюбленнымъ пріемомъ жидовства для достиженія его вѣковѣчной цѣли — ликвидаціи христіанства, христіанской цивилизаціи и культуры, и что христіанскіе главы всѣхъ государствъ и во всѣ времена, равно какъ и народы въ цѣломъ, не только не принимали ни прямого, ни косвеннаго участія въ революціяхъ, а, наоборотъ, всегда вели борьбу съ ними, нерѣдко дѣлаясь и ихъ жертвой.

Революціи всегда были заданіемъ опредѣленной группы людей, выполнявшей директивы центра, программа дѣятельности котораго непосредственно вытекала изъ требованій Талмуда. Останавливаясь на результатахъ этой дѣятельности, поскольку она нашла свое отраженіе въ революціи 1917 года, осуществившей наиболѣе смѣлыя чаянія жидовства, я имѣлъ въ виду обнаружить и ея корни, сокрытые въ глубокихъ нѣдрахъ Ветхаго Завѣта Библіи, использовавъ для этой цѣли „Переписку съ друзьями“, съ коими я обмѣнивался по этому вопросу. Однако эта „переписка“ разрослась до такихъ размѣровъ, что могла бы составить содержаніе самостоятельной книги, и я предпочелъ включить ее въ одинъ изъ послѣдующихъ томовъ своихъ „Воспоминаній“, не смѣшивая съ прочимъ матеріаломъ.

Возможно, что русскіе читатели будутъ неудовлетворены содержаніемъ II-го тома, въ которомъ не найдутъ ничего для себя новаго. Тамъ изложены факты извѣстные всѣмъ русскимъ людямъ и добавлены даже свѣдѣнія, почерпнутыя изъ газетъ и журналовъ... Одинъ изъ моихъ друзей писалъ мнѣ 14 Апрѣля 1924 года: „... меня всегда сильно угнетаетъ, что мы, русскіе, тратимъ такъ много времени и силъ, и въ то же время такъ часто поступаемъ безграмотно только потому, что не даемъ себѣ труда серьезно отнестись къ дѣлу и изучить то, что уже достигнуто другими, преслѣдующими тѣ же цѣли... Такъ и съ еврейскимъ вопросомъ. Вѣдь мы до сихъ поръ все еще повторяемся въ изложеніяхъ, выражающихъ наши личные взгляды, въ которыхъ чувство господствуетъ часто надъ логикою фактовъ и цифръ. Между тѣмъ изученіе еврейскаго вопроса, начатое въ Западной Европѣ съ конца 70-хъ годовъ прошлаго вѣка, нынѣ уже базируется на чисто научныхъ работахъ, изслѣдующихъ важнѣйшіе факторы значенія Іуды: *расу, религію и народное хозяйство.* Но мы о нихъ не слышали, хотя уже Россія охвачена игомъ іудейской тираніи..."

И въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ понадобилась перепечатка свѣдѣній давно извѣстныхъ всему міру?!. Затѣмъ, чтобы сохранить въ памяти потомства всѣ тѣ ужасы „большевичества", какіе воспринимались огромнымъ большинствомъ людей какъ нѣчто неизбѣжное въ ходѣ историческихъ событій, какъ нѣчто новое, еще небывалое въ исторіи, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они являлись повтореніемъ давно *забытыхъ*, древнѣйшихъ событій исторіи въ тѣ ея періоды и эпохи, когда жиды овладѣвали властью. Если бы человѣчество помнило объ этихъ ужасахъ „большевичества", скрывавшагося въ исторіи только *подъ другими именами* и повторявшагося безчисленное количество разъ, если бы дѣлало въ свое время надлежащіе оттуда выводы, то не очутилось бы врасплохъ предъ современною намъ дѣйствительностью, или точнѣе, въ плѣну мірового жидовства.

„Большевичество" въ Россіи воскресило давно забытыя страницы исторіи и явилось лишь иллюстраціей тѣхъ пріемовъ пользованія властью, какіе искони вѣковъ практикова-

лись жидами въ моменты ихъ временнаго господства надъ другими народами. Христіане особенно не должны никогда забывать этихъ пріемовъ и, потому, все, что воскрешаетъ ихъ въ памяти и раскрываетъ природу жидовскихъ цѣлей и способы ихъ достиженія, имѣетъ, съ моей точки зрѣнія, особливое значеніе, какъ предостереженіе цѣнное для всѣхъ народовъ и во всѣ времена.

Однако же глубоко правъ авторъ приведеннаго выше письма, указывая на незнакомство русскихъ людей съ той огромной Западно-Европейской литературой по еврейскому вопросу, какая уже выявила подлинный ликъ Іуды и раскрыла сущность его идеологіи. Для огромнаго большинства русскихъ людей эти подлинныя завоеванія науки покажутся столько же изумительными, сколько и неожиданными. Недостатокъ мѣста не позволилъ мнѣ внести нѣкоторыя извлеченія изъ этихъ цѣнныхъ свѣдѣній въ составъ II тома. Они войдутъ въ содержаніе III тома, если ему будетъ суждено выйти въ свѣтъ.

Остается сказать еще нѣсколько пояснительныхъ словъ по церковнымъ вопросамъ, частично затронутымъ моей книгой. Только поверхностный наблюдатель можетъ увидѣть въ моихъ разсужденіяхъ на церковныя темы отраженіе неуваженія церковнаго авторитета или священнаго сана.

Наоборотъ, въ моемъ представленіи нѣтъ на землѣ авторитета выше церковнаго, какъ нѣтъ и сана выше сана священнаго. Отрицать церковный авторитетъ значитъ отрицать Божественное Откровеніе, значитъ свидѣтельствовать не только о своемъ безуміи, но и о своемъ невѣріи въ бытіе Бога. Но съ другой стороны, признавать этотъ авторитетъ, значитъ не только ограничиваться внѣшнимъ почитаніемъ его, а значитъ, прежде всего вѣрить въ его Божественную самодовлѣющую силу. Божественное Откровеніе не можетъ ни вытекать изъ нѣдръ человѣческаго сознанія, ни утверждаться на немъ, иначе бы оно перестало быть Откровеніемъ Бога. Но оно можетъ искажаться человѣческимъ сознаніемъ, можетъ подвергаться гоненіямъ со стороны человѣка, можетъ умышленно покрываться разнаго рода наслоеніями лжи и злобы человѣческой... И уважаютъ церковный авторитетъ не

тѣ, кто мирится съ этими преступленіями, а тѣ, кто вѣритъ въ Божественную силу его, кто срываетъ ложные покровы съ Божественнаго Откровенія и не боится лишить его земныхъ опоръ, выдуманныхъ человѣкомъ.

Такую же природу имѣетъ и мое отношеніе къ священному сану. Я думаю, что ни папство, ни патріаршество не имѣютъ каконическихъ обоснованій и что самая идея ихъ рождена вѣрою не въ силу Божію, а въ силу человѣческую. Нельзя переносить мистическій центръ религіознаго сознанія въ другое мѣсто, ибо сила Божія сказывается *только* въ немощи человѣческой, въ довѣріи человѣка къ этой силѣ, въ его чистотѣ, кротости и смиреніи, а не въ крѣпости земныхъ опоръ церковной власти.

И уважаютъ священный санъ не тѣ, кто вѣритъ въ силу этихъ опоръ, а тѣ, кто вѣритъ въ его мистическую силу и поклоняется ей.

Не могу, въ заключеніе, не указать на допущенное мною смѣшеніе хронологическихъ датъ при описаніи событій, останавливавшихъ мое вниманіе. Это объясняется тѣмъ, что II-й томъ былъ почти законченъ еще въ 1923-мъ году, но въ свое время не могъ быть изданъ. Съ теченіемъ времени я пересматривалъ его содержаніе и вынуждался согласовать его съ позднѣйшими свѣдѣніями, имѣвшими связь съ предъидущими и ихъ дополнявшими.

Въ связи съ общимъ содержаніемъ II томъ распадается, какъ бы, на 3 части.

1-я часть, составляющая главы 1-25, продолжаетъ хронику событій, 2-я часть, содержащаяся въ главахъ 26-38, говоритъ о большевичествѣ и его проявленіяхъ, и, наконецъ, 3-я часть, обнимающая главы 39-61, бѣгло касается церковныхъ вопросовъ.

Н. Ж.

Подворье Св. Николая,
Бари.
24 Мая (6 Іюня) 1927 г.

ГЛАВА I.

Испытанія.

Съ Марта 1917 года начался періодъ выпавшихъ на мою долю испытаній, вызванныхъ революціей, и наступила скитальческая жизнь, полная невзгодъ, страданій и лишеній, но, въ то же время, и удивительныхъ, чудесныхъ проявленій милости Божіей.

Приливы и отливы, зловѣщіе раскаты грома и ураганы, сметавшіе все на своемъ пути и бросавшіе меня, какъ песчинку, съ одного мѣста на другое, а затѣмъ яркое солнце, безнадежная тьма и снова ослѣпительные лучи свѣта, точно чередовались между собою, смѣняя отчаяніе на радость надежды. То мнѣ казалось, что Господь совсѣмъ забылъ меня и покинулъ, то, наоборотъ, что никогда еще не былъ такъ близокъ ко мнѣ, до того яркими и понятными были мнѣ дѣйствія Промыслительной руки Господней, до того яснымъ было сознаніе сущности и смысла всего вокругъ происходящаго.

Мнѣ часто указывали на то, что я напрасно стараюсь вездѣ и повсюду искать „мистики" и видѣть ее даже тамъ, гдѣ имѣются лишь естественныя сочетанія реальныхъ фактовъ, что ссылки на „мистику" дѣлаютъ мои рѣчи и писанія легковѣсными, недостаточно документированными и портятъ общее впечатлѣніе.

Это возможно, а съ точки зрѣнія раціоналистовъ, даже справедливо. Однако, оставляя вопросъ о „впечатлѣніи", я думаю, что тотъ фактъ, что человѣчество перестало искать мистическое начало въ природѣ окружающихъ его явленій — есть самый ужасный фактъ дѣйствительности, свидѣтельствующій о томъ, что люди порвали свою связь съ Источникомъ всего Сущаго — Богомъ, создавшимъ природу и управляющимъ ея законами. Мнѣ кажется, что искать отраженія Промыслительныхъ путей Божіихъ не только въ законахъ міроздания, но даже въ мелочахъ повседневной жизни, есть столько же обязанность христіанина, вытекающая изъ самой сущности

христіанства, какъ религіи чуда, сколько и потребность вѣрующаго человѣка, не порвавшаго связи съ этимъ Источникомъ, и что наша жизнь только тогда измѣнитъ свое содержаніе и идеалы, когда будетъ улавливать движеніе и направленіе Промыслительныхъ путей Господнихъ и сообразоваться съ ними.

Въ этомъ назначеніе земной жизни человѣка, ея смыслъ, ея единственное реальное содержаніе. Все же прочее — лишь временное, преходящее наслоеніе, пріобрѣвшее значеніе лишь благодаря духовной слѣпотѣ человѣчества. Ослѣпленные гордостью и самомнѣніемъ, люди не умѣли, или не хотѣли распознавать волю Божію въ судьбахъ міра и человѣка, не научились пользоваться духовнымъ зрѣніемъ, отметали все „мистическое“ и, сосредоточивая свое преимущественное вниманіе на томъ, что удаляло ихъ отъ Бога, проходили мимо всего того, что являлось выраженіемъ Промыслительныхъ путей Божіихъ, голосомъ Свыше, отеческою заботою и попеченіемъ, или угрозою и предостереженіемъ Милосерднаго Творца. Мелкія скорби, болѣзни разнаго рода, бѣдствія и житейскія невзгоды, всѣ эти „посѣщенія“ Божіи оказывались уже недостаточными для духовнаго пробужденія человѣчества и потребовались уже міровыя катастрофы, какихъ одни называли выраженіемъ законовъ исторической необходимости, другіе — гнѣвомъ, или карою Божіей, третьи еще болѣе нелѣпымъ словомъ „случайность“ и какія, въ дѣйствительности были тѣми „Судами Божіими“, о которыхъ говоритъ пророкъ Исаія: „Когда суды Твои совершаются на землѣ, тогда живущіе научаются правдѣ“ (Исаія 26, 9).

Раскрыла духовные очи слѣпымъ и революція и какими ясными стали пути Божіи въ глазахъ прозрѣвшихъ, какъ громко могли бы повѣдать славу Божію всѣ тѣ, кого Господь чудесно спасъ отъ ужасовъ, постигшихъ Россію... И думается мнѣ, что каждый добросовѣстный человѣкъ обязанъ повѣдать эту славу и выполнить свой долгъ передъ Богомъ.

Не для собственнаго прославленія пишу я свои воспоминанія, не изъ гордости отмѣчаю отраженія Промысла Божія въ своей жизни, а по требованію совѣсти, обязывающей меня быть вѣрнымъ долгу христіанина.

Начались мои испытанія арестомъ 1 Марта 1917 года, когда я былъ препровожденъ въ Министерскій павильонъ Государственной Думы и выпущенъ оттуда 5 Марта утромъ, послѣ чего уѣхалъ къ сестрѣ, въ ея имѣніе въ N-ской губерніи, гдѣ и оставался до 8 Апрѣля.

Съ 11 Апрѣля по 25 Мая я провелъ у матери, въ Кіевѣ, а, съ 26 Мая по 26 Іюня — въ N-ской губерніи, въ имѣніи

брата, послѣ чего снова уѣхалъ къ сестрѣ, въ N-скую губернію, гдѣ и оставался до 8 Ноября, дня вторичнаго отъѣзда въ Кіевъ, въ которомъ пробылъ почти 2 года, раздѣливъ его ужасную участь... Только 12 Сентября 1919 года мнѣ удалось вырваться изъ Кіева и пріѣхать въ Харьковъ, гдѣ я оставался до 28 Октября и откуда, ввиду наступленія большевиковъ, долженъ былъ бѣжать въ Ростовъ и оставаться тамъ до 7 Ноября, послѣ чего спускаться еще южнѣе, въ Пятигорскъ, въ которомъ я и прожилъ до конца кошмарнаго 1919-го года, съ 15 Ноября по 31 Декабря. Вездѣ я встрѣчалъ своихъ друзей, у которыхъ находилъ не только пріютъ, но и радушіе и помощь, вездѣ видѣлъ заботливую Руку Промысла Божія. 1 Января 1920 года я былъ вынужденъ выѣхать изъ Пятигорска въ Екатеринодаръ, гдѣ пробылъ до 10 Января и вновь спасаться бѣгствомъ отъ большевиковъ, приближавшихся къ Екатеринодару. Съ чрезвычайными трудностями я добрался 14 Января до Новороссійска, откуда бѣженская волна выбросила меня въ Константинополь, затѣмъ въ Сербію, куда я прибылъ 9-го Февраля и гдѣ оставался до Сентября 1920 года, пока не водворился въ Италіи, подъ кровомъ Святителя Николая...

Описанію этого крестнаго пути я и хотѣлъ бы посвятить послѣдующія главы.

ГЛАВА 2.

Послѣ ареста.

Кто изъ насъ не встрѣчался съ тѣми или иными разочарованіями, не возмущался проявленіями гнусности, измѣны и предательства, не задыхался въ атмосферѣ лжи, хитрости и лукавства, не изнемогалъ въ непосильной борьбѣ съ окружающимъ, чья вѣра въ конечное торжество правды не подвергалась испытаніямъ при видѣ царившей вокругъ неправды и сатанинской злобы!?

И это тогда, когда ложь еще выдавала себя за правду, когда самые гнусные пороки еще облекались въ нарядную внѣшность, когда глумленіе надъ законами Бога и нравственными велѣніями еще боялось проявлять себя открыто...

Но вотъ зло восторжествовало, разразилась революція и... все то, что такъ тщательно скрывалось, вдругъ неудержимымъ, бѣшенымъ потокомъ вырвалось наружу... Въ изумленіи, оглядываясь безпомощно по сторонамъ, я спрашивалъ

себя: „куда же дѣвалась совѣсть, куда исчезла честь, или, хотя бы, столь дорого цѣнимое людьми „личное самолюбіе?..“ Тѣ самые люди, которые еще вчера такъ громко величались своимъ уваженіемъ къ долгу, такъ высоко превозносили свою честь, были такъ чувствительны къ требованіямъ личнаго самолюбія, эти люди сдѣлались сегодня неузнаваемы. Одни по убѣжденію, другіе „страха ради іудейска“ пресмыкались предъ толпою и не только отдавали ей все, чему вчера поклонялись, но даже старались авансомъ заручаться ея расположеніемъ, становились гнуснѣйшими предателями и подогрѣвали разгорѣвшіяся преступныя страсти толпы. Другіе, стараясь отмежеваться отъ толпы, въ то же время отмежевывались и отъ ея жертвъ, опасаясь навлечь на себя подозрѣнія симпатіями къ пострадавшимъ. Они занимали двойственную позицію и отрекались отъ всѣхъ своихъ прежнихъ убѣжденій и связей, отъ прежнихъ благодѣтелей, друзей и знакомыхъ и, встрѣчаясь съ ними, трепетною рукою прикрывали красные банты въ петлицѣ — эмблему солидарности съ революціей, — дрожали отъ страха и помышляли лишь о своей личной безопасности.

Что же это было?

Обнаруженный подлогъ, прикрывавшій отсутствіе моральныхъ началъ величавыми тогами и бьющими въ глаза декораціями, создававшими иллюзію „Святой Руси“, или массовый психозъ, то малодушіе, какое хуже лжи, ибо является замаскированной ложью, надувательствомъ своей собственной совѣсти?

И то и другое!

И засвидѣтельствовали этотъ печальный фактъ не „верхи“ и не „низы“, на долю которыхъ досталось наибольше обвиненій, а та середина, какая отъ низовъ отстала, а къ верхамъ не пристала, та „интеллигенція“, какую составляли стриженые батюшки и семинаристы, недоучившаяся молодежь, женщины, не нашедшія себѣ примѣненія, мелкіе чиновники и адвокаты, газетные репортеры и писаки типа Горькаго, словомъ весь тотъ элементъ, изъ котораго состояла такъ называемая „прогрессивная общественность“, прикрывавшаяся высокими лозунгами и претендовавшая на особое къ себѣ вниманіе и уваженіе. Всѣ эти люди считали себя радѣтелями народнаго блага, передовыми людьми, тогда какъ на самомъ дѣлѣ были лишь глупыми людьми, объединенными между собою общею ненавистью къ аристократіи и завистью къ ея преимуществамъ.

Такъ какъ такихъ людей во всѣхъ странахъ большинство, то почва для большевичества вездѣ одинаково удобрена, и напрасно Западная Европа думаетъ, что большевичество у

нея невозможно будто бы потому, что составляетъ чисто русское явленіе, рожденное русскими бытовыми условіями. Здѣсь величайшее заблужденіе. Большевичество возможно вездѣ и при всякихъ условіяхъ, ибо не зависитъ ни отъ политическихъ, ни отъ экономическихъ причинъ, а коренится въ самой природѣ широкихъ массъ, склонныхъ заражаться дурными вліяніями, не способныхъ къ нравственному сопротивленію и героизму въ борьбѣ съ ними, таящихъ въ своихъ нѣдрахъ то вѣковѣчное зло, какое прячется и сгибается только предъ грубой силой и мгновенно же обнаруживается во внѣ въ формѣ самаго ужаснаго террора при малѣйшемъ подрывѣ этой силы, нежеланіи или неспособности бороться съ нимъ. Это зло такъ прочно сидитъ въ природѣ каждаго нравственно непросвѣщеннаго человѣка, а таковыхъ среди широкихъ народныхъ массъ на Западѣ еще больше, чѣмъ въ Россіи, что пробуждать его, разжигать звѣрскіе инстинкты толпы даже не нужно, а нужно только вызвать убѣжденіе въ безнаказанности всякаго рода проявленій этихъ инстинктовъ для того, чтобы дать имъ выходъ и использовать ихъ въ желаемомъ направленіи. Жиды это знали и въ стремленіи достигнуть своихъ конечныхъ цѣлей, всегда пользовались толпою, какъ благопріятною для нихъ стихіей, вооружая ее, путемъ обмана и преступныхъ лозунговъ, главнымъ образомъ, противъ опаснаго для нихъ культурнаго класса населенія.

Въ день своего освобожденія, или на другой день, не помню, я сидѣлъ въ своей разгромленной квартирѣ, на Литейномъ проспектѣ, № 34, окруженный гостями, скромными чиновниками, узнавшими о моемъ освобожденіи и поспѣшившими выразить мнѣ участіе... Отъ моего наблюденія не укрылось, что всѣ они держали себя въ моемъ присутствіи значительно свободнѣе и развязнѣе, чѣмъ прежде, до революціи, когда я былъ въ ихъ глазахъ только „сановникомъ"... Меня шокировала эта тенденція къ панибратству со стороны тѣхъ, кто еще вчера пресмыкался предо мною, шокировала не изъ мелочнаго самолюбія, а потому, что мнѣ было стыдно за нихъ, за попираемое ими человѣческое достоинство, за циничное свидѣтельство ихъ нравственной нечистоты. Своимъ поведеніемъ они доказывали, что способны были подчиняться только силѣ, проявляя должную аттенцію къ начальнику только доколѣ онъ оставался таковымъ... Однако, въ то же время, всѣ они, выражая краснорѣчиво свое участіе ко мнѣ, проводили ту мысль, что революція была „неизбѣжна" и что рано ли, поздно ли, но то, что случилось сейчасъ, должно было случиться.

„Почему?" спросилъ я.

„Да, какъ Вамъ сказать, отвѣтилъ одинъ изъ нихъ, все, знаете, къ тому шло, общая атмосфера была такая...“

И проговоривъ эти безсмысленныя слова, мой собесѣдникъ замолчалъ, оглядываясь на другихъ и ожидая поддержки.

Я съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на него и подумалъ: „неужели вы не чувствуете, что попросту глупы и что вамъ даже не пристало пускаться въ разсужденія на политическія темы“... И, глядя на него, я спросилъ: „А Вамъ извѣстно, кто создаетъ эту „атмосферу“, о которой Вы говорите? Создаете ее вы, господа все критикующіе, всѣмъ недовольные, разсматривающіе государственную жизнь подъ угломъ зрѣнія вашихъ маленькихъ частныхъ интересовъ и не сознающіе того, что для государственнаго равновѣсія, нужно, во имя долга къ Родинѣ, поступаться ими, когда этого требуетъ государственный разумъ. Еще вчера было много героевъ, но куда они исчезли сегодня? Вчера вы придирались къ пустякамъ, возмущались мелочами, громили правительство, обвиняя его въ неслыханныхъ преступленіяхъ, не вѣрили ему, не цѣнили его самоотверженной работы для вашего же блага... Сегодня же предается огню и мечу не только государственное достояніе, но даже святыни ваши, а вы молчите... И гдѣ тѣ герои, какіе бы бросились защищать ихъ, почему сейчасъ не слышно голосовъ недовольныхъ, почему всѣ присмирѣли?! Почему, вмѣсто протеста всѣ обращаются въ паническое бѣгство отъ... горсти жидовъ и взбунтовавшихся солдатъ!.. Окажите сопротивленіе и „атмосфера“ измѣнится. Атмосфера — показатель вашего разума и совѣсти“...

Вдругъ раздался звонокъ и въ переднюю вошелъ какой-то военный, не то солдатъ, не то офицеръ... Когда я вышелъ къ нему съ вопросомъ, что ему надо, онъ учтиво отвѣтилъ, что хотѣлъ бы купить мое піанино и предложилъ мнѣ 1000 рублей... Вѣроятно это былъ одинъ изъ тѣхъ, кто, въ сопровожденіи прочихъ солдатъ, производилъ обыскъ въ квартирѣ и видѣлъ піанино. Сославшись на то, что я не продаю своихъ вещей, я отпустилъ его и онъ, вѣжливо поклонившись, ушелъ, извинившись за безпокойство.

Я вернулся къ своимъ гостямъ...

Каково же было мое удивленіе, когда я никого изъ нихъ уже не засталъ въ квартирѣ... Услышавъ звонокъ и увидѣвъ сѣрую шинель, они въ паникѣ разбѣжались...

Вотъ они эти „герои“!!

Много шума, наглости, нахальства, но еще больше трусости.

Наглые и смѣлые при встрѣчѣ съ благородствомъ, они унижались и пресмыкались предъ грубою силою и хамствомъ,

заслуживъ презрѣніе даже со стороны большевиковъ, какихъ обезоруживало величіе подлиннаго барства, смѣлое исповѣданіе правды и вѣрность долгу.

П. Баркъ въ своихъ „Большевическихъ Эскизахъ“ (Лучъ Свѣта № 1, стр. 23), описывая звѣрства большевиковъ, говоритъ: „...разстрѣлы, повидимому, скоро надоѣли и пріѣлись, и тогда принялись изобрѣтать новые пріемы смертной казни, которые бы сильнѣе ощущали притупившіеся отъ постоянныхъ „острыхъ ощущеній“ большевическіе нервы. Въ это время былъ уже убитъ Урицкій, который такъ любилъ наблюдать разстрѣлы изъ своего окна. „Для меня, говорилъ этотъ плюгавый и невзрачный іудей на коротенькихъ ножкахъ и съ отпечаткомъ сатанинской злобы на лицѣ, нѣтъ высшаго наслажденія видѣть, какъ умираютъ монархисты. Я не наблюдалъ ни одного случая, когда бы у нихъ проявился животный страхъ предъ лицомъ смерти“...

А такими монархистами были всѣ честные слуги Царя и Россіи, вся Царская гвардія, состоящая изъ бѣлоручекъ, спаянныхъ между собой благородными традиціями поколѣній, вся русская аристократія, все честное, смиренное крестьянство, всѣ подлинные „верхи“ и „низы“, не отравленные ядомъ „середины“.

ГЛАВА 3.

Пребываніе у сестры. Отъѣздъ въ Кіевъ.

Каждый изъ насъ привыкъ встрѣчаться въ жизни съ какими либо осложненіями, непріятностями и огорченіями, съ трудно разрѣшимыми вопросами и задачами, но всѣ мы, въ бóльшей или меньшей степени умѣли бороться съ житейскими невзгодами и выходить побѣдителями, съ Божіей помощью, изъ этой борьбы... Какъ ни велики были, иной разъ, такія осложненія, но они лежали на поверхности жизни, не задѣвали самыхъ основъ жизни, не выбивали насъ изъ колеи, не нарушали общаго теченія жизни, ея содержанія и уклада. Когда же вся жизнь превратилась въ одинъ неразрѣшимый вопросъ, когда всѣ обычные способы борьбы оказывались непригодными, когда мысль была не только подавлена, но и убита и не разрѣшалось даже громко думать, когда оторванная отъ своихъ идейныхъ основъ, жизнь превратилась въ заботу только о физическомъ существованіи, тогда я растерялся и не зналъ, что дѣлать съ собою и куда укрыться.

Я не знаю, въ состояніи ли человѣкъ, привыкшій къ нормальнымъ условіямъ жизни вообразить весь ужасъ насильственнаго крушенія нравственныхъ основъ жизни, когда его гонятъ и преслѣдуютъ не за преступленія и пороки, а за вѣрность нравственному долгу, за исповѣданіе моральныхъ началъ въ жизни, когда обязываютъ и жить и думать для зла и во имя его, служить не Богу, а сатанѣ. Страшила меня не перспектива бѣдности и нищеты, отсутствія возможности честнымъ путемъ заработать кусокъ хлѣба, а страшило именно это насиліе надъ совѣстью, эта возмутительная тиранія духа, тотъ ужасающій деспотизмъ, какой связывалъ возможность одного только физическаго существованія съ измѣною долгу совѣсти и правды.

Было очевидно, что приходилось только бѣжать и бѣжать изъ этого ада, воскресившаго эпоху Діоклетіана и Юліана Отступника... Наскоро собравъ кое какія вещи и оставивъ свою квартиру на попеченіи прислуги, я бросился къ сестрѣ, въ N-скую губернію.

Недолго я пробылъ у сестры.

Революція только разгоралась. Повсюду рыскали агенты ея въ поискахъ избѣжавшихъ ареста членовъ правительства и, хотя я и имѣлъ свидѣтельство Керенскаго о своемъ освобожденіи изъ министерскаго павильона Думы, но не придавалъ этой бумажкѣ никакого значенія, и очень опасался за сестру въ томъ случаѣ, если бы мое пребываніе у нея было обнаружено.

Это опасеніе, въ связи съ полною невозможностью приспособиться къ условіямъ новой жизни и чѣмъ либо пригодиться сестрѣ, а также облегчить ей все болѣе возрастающіе расходы, вызываемые жизнью и содержаніемъ усадьбы, причиняло мнѣ невыразимыя страданія.

Крестьяне, между тѣмъ, только входили во вкусъ революціи, смотрѣли злобно, настроеніе было враждебное, и общеніе съ ними было невозможно... Я дѣлалъ попытки говорить съ ними на сходахъ, самовольно ими созываемыхъ, гдѣ они, съ азартомъ, обсуждали начинавшую опредѣляться борьбу между Троцкимъ и Керенскимъ, открыто выражая симпатіи большевикамъ, но скоро оставилъ эти попытки, сознавая ихъ безцѣльность...

Эти симпатіи крестьянъ къ Троцкому и все болѣе яркая ненависть къ Керенскому заставляли меня не разъ задумываться надъ психологіей этого факта. Здѣсь, конечно, не было ни симпатій, ни ненависти, а была лишь вѣками унаслѣдованная лѣность, нежеланіе разбираться въ правдѣ и привычка отдавать предпочтеніе силѣ. Если бы бралъ верхъ Керенскій,

-то симпатіи были бы на его сторонѣ по чисто безсознательному движенію въ сторону силы, а не правды. Было бы невѣрно видѣть въ этомъ фактѣ только русское бытовое явленіе. Это явленіе всеобщее, это результатъ того малодушія, какое черпаетъ свои корни въ лжи, въ противоположность героизму духа, вытекающему изъ родниковъ правды.

Между тѣмъ деревенская вакханалія, наводила ужасъ, и мое состояніе духа было до крайности подавленнымъ. Привыкнувъ къ строго размѣренной жизни, гдѣ каждый часъ былъ заполненъ опредѣленнымъ содержаніемъ, я чувствовалъ себя несчастнымъ, будучи выбитъ изъ привычной колеи жизни, не имѣя возможности совладать съ своимъ настроеніемъ, не позволявшимъ мнѣ сосредоточиться и управлять своими мыслями, и я то садился за письменный столъ, то снова срывался, не зная, куда бѣжать и что дѣлать съ собою и какъ скоротать несносные, тягучіе дни...

Ко всему этому прибавлялась неизвѣстность о завтрашнемъ днѣ, страхъ преслѣдованія, неизвѣстность о судьбѣ своихъ близкихъ, друзей и знакомыхъ, я не зналъ, гдѣ они и что съ ними...

Однако, оглядываясь теперь на эти давно минувшіе дни, я вижу въ нихъ выраженіе все той же премудрости и благости и безмѣрной милости Божіей. Въ неисповѣдимыхъ путяхъ Промысла Божія всѣ эти испытанія не только имѣли свой глубокій сокровенный смыслъ, но и были нужны какъ вразумленіе Свыше, какъ напоминаніе о забытомъ долгѣ человѣка предъ Богомъ, какъ грозное предостереженіе о вѣчности и незыблемости Божескихъ законовъ, такъ дерзко попиравшихся человѣкомъ... Было очевидно, что единичныя испытанія разсматривались только какъ неизбѣжное зло жизни, а не какъ предостерегающій голосъ Бога, было ясно, что для вразумленія людей потребовались уже тѣ мѣры, которыя бы указали имъ на значеніе въ жизни отрицаемой ими благодати Божіей, показали бы имъ во что превращается жизнь безъ этой благодати, жизнь управляемая народовластіемъ, а не боговластіемъ...

И какъ ни страшны были разыгрывающіяся предо мною событія, какъ ни грозны были будущіе перспективы, но, оцѣнивая ихъ съ указанныхъ выше точекъ зрѣнія, я видѣлъ въ нихъ только карающую, но въ то же время и милующую Руку Господню и только въ этомъ единственномъ сознаніи черпалъ силу жить въ атмосферѣ, какая все болѣе сгущалась и дѣлалась все болѣе страшной.

Но и въ ниспосылаемыхъ испытаніяхъ Господь сообразуется съ силами человѣка и никогда не налагаетъ ихъ свыше мѣры...

Чудесно кончились и мои испытанія... Совсѣмъ неожиданно для себя, я получилъ письмо отъ одного изъ своихъ друзей N. N., извѣщавшаго меня о томъ, что ему какимъ то чудомъ удалось достать два купе въ спальномъ вагонѣ для поѣздки въ Кіевъ, что есть одно свободное мѣсто, коимъ онъ умолялъ меня воспользоваться, предваряя, что въ будущемъ уже не представится такого случая, такъ какъ желѣзнодорожный транспортъ все болѣе разрушается, а большевики чинятъ все бо́льшія препятствія къ отъѣзду изъ Петербурга и скоро никого не будутъ выпускать больше... Какъ ни тяжело было покидать сестру, но сознавая, что, оставаясь у нея, я не только обременялъ ея бюджетъ, но и подвергалъ ее риску, я немедленно собрался, и 8 Апрѣля выѣхалъ, вмѣстѣ съ N. N., въ Кіевъ, куда и прибылъ 11 Апрѣля, заставъ тамъ мать, сестру и брата, собиравшихся уѣзжать, какъ обыкновенно дѣлали, въ имѣніе N-ской губерніи.

Въ Кіевѣ не было даже признаковъ революціи, въ домѣ я засталъ полную чашу, никто не жаловался ни на дороговизну, ни на недостатокъ продовольствія. Съ этой стороны Кіевъ рѣзко отличался не только отъ столицы, но и отъ N-ской губерніи, гдѣ дороговизна и отсутствіе предметовъ первой необходимости уже чувствительно сказывались, гдѣ спекуляція на этой почвѣ была уже въ самомъ разгарѣ...

Но отличался Кіевъ отъ столицы не только въ этомъ отношеніи...

Насколько горячо встрѣтили меня мои родные, настолько злобно и недружелюбно всѣ прочіе кіевляне. Всѣ они, въ одинъ голосъ, осуждали Государя Императора и особенно Императрицу и неизмѣнно добавляли:

„Вотъ до чего *вы* довели Россію!..."

Я до крайности горячился, вступая съ ними въ споры, но встрѣчалъ не менѣе горячія нападки и возраженія:

„Что Вы говорите, причемъ тутъ Бьюкененъ, какой смыслъ дружественной и союзной Англіи дѣлать у насъ революцію?! Ее сдѣлала Германія, сдѣлалъ ее Распутинъ, да *ваше* правительство... Если бы дали отвѣтственное правительство, то ничего бы не было!!"

Вотъ чѣмъ забрасывали меня кіевляне при каждой встрѣчѣ со мною!...

Пропасть между мною и ими была такъ велика, что мы не могли понять другъ друга, и я скоро убѣдился въ безполезности какихъ либо споровъ... Удивляло меня не это упорство кіевлянъ, а удивляла меня геніальная система жидовской пропаганды, поработившей общественное мнѣніе провинціи, удивляло то легковѣріе, съ которымъ провинція отно-

силась ко всякаго рода баснямъ, умышленно распускаемымъ агентами революціи, съ цѣлью опорочить священныя имена Царя и Царицы.

ГЛАВА 4.

Пребываніе въ деревнѣ. Возвращеніе къ сестрѣ.

Пробывъ въ Кіевѣ нѣсколько дней, я, вмѣстѣ съ матерью, сестрою и братомъ, уѣхалъ въ N-скую губернію, въ имѣніе брата, гдѣ и оставался до конца Іюня. Старики еще сохраняли воспоминаніе о моей дѣятельности въ качествѣ ихъ Земскаго Начальника и, дѣлая сравненіе настоящаго съ прошлымъ, благословляли прошедшія времена и громко проклинали новую власть, засѣвшую въ деревнѣ въ формѣ всякаго рода исполкомовъ... Одинъ изъ такихъ стариковъ едва не подвергъ меня величайшей опасности, когда случайно встрѣтивъ меня на вокзалѣ, не сдержался въ выраженіи знаковъ почтительности и началъ громко прославлять меня въ присутствіи сѣрыхъ солдатскихъ шинелей, расхаживавшихъ по перрону и тотчасъ же обступившихъ меня со всѣхъ сторонъ.

Свою рѣчь старикъ уснащалъ такими проклятіями по адресу новой власти, что я не рѣшаюсь воспроизводить ихъ... Однако, именно эти проклятія спасли и его и меня... Толпа все болѣе увеличивалась, жидки кругомъ высовывали головы и прислушивались, но никто не посмѣлъ сдѣлать старику даже замѣчанія... Повторилось лишь то, что обычно повторяется при встрѣчѣ смѣлости съ трусостью... Жидки постепенно уходили и скоро густая толпа совсѣмъ разсѣялась... Когда на перронѣ остались только я, да старикъ, тогда я шепнулъ ему, чтобы онъ не подвергалъ себя риску, ибо революцію устроили жиды, заполонившіе все село и завладѣвшіе волостью и что всякаго рода единичныя выступленія, какъ бы цѣнны ни были, не приведутъ къ цѣли, пока весь народъ не объединится въ стремленіи свергнуть съ себя жидовское иго.

„Да развѣ мы не знаемъ, кто тутъ работалъ!... „Съ этакой то высоты стянули Царя, нашего Кормильца“, сказалъ старикъ и началъ вытирать слезы...

Проѣхалъ я и въ свое имѣніе, отстоящее отъ усадьбы брата въ 6 верстахъ... Тамъ, на участкѣ земли, отведенномъ мною подъ постройку монастыря, возвышался только высокій столбъ, водруженный на мѣстѣ предполагаемаго престола

Божьяго, и сюда, какъ мнѣ сказали, ходили старики изъ сосѣднихъ селъ и заливали этотъ столбъ слезами, моля Бога о скорѣйшей постройкѣ обители... А сейчасъ и тропинка къ нему заросла и вездѣ царило запустѣніе, нагрянувшій смерчъ опустошилъ крестьянскія души и чуть ли не въ каждой избѣ были драмы и шла отчаянная борьба между отцами и дѣтьми... О монастырѣ никто и не думалъ...

Безконечно тяжело было видѣть, какъ деревня опускалась все ниже и ниже, но еще тяжелѣе было сознаніе невозможности придти къ ней на помощь... Сейчасъ было опьяненіе свободами, разнузданностью и безнаказанностью, дикое, безудержное глумленіе надъ нравственностью и закономъ, непостижимая сатанинская злоба и, конечно, при этихъ условіяхъ, всякаго рода попытки вразумленія только разжигали страсти. Толпа точно ждала вызова, жаждала крови и была страшной...

Недолго я оставался въ N-ской губерніи. Мысль о другой сестрѣ, одиноко боровшейся въ N-ской губерніи съ горемъ и нуждою, не давала мнѣ покоя... Увѣренный въ томъ, что время сгладило уже опасеніе риска для сестры отъ моего пребыванія у нея, я уѣхалъ 26 Іюня сначала въ Кіевъ, гдѣ сдѣлалъ большой запасъ продовольствія и, нагрузивъ его въ сундуки и чемоданы, поѣхалъ въ Петербургъ... Вспоминаю теперь объ этомъ путешествіи какъ о новомъ чудѣ Божіей милости къ сестрѣ... Я не слѣдилъ за вновь выходящими законами и не зналъ того, что провозъ продуктовъ продовольствія запрещенъ подъ угрозою тюремнаго заключенія... Объ этомъ я узналъ лишь въ пути, подъѣзжая къ Петербургу, и былъ до крайности взволнованъ заявленіемъ, что провозимый багажъ тщательно осматривается и нарушители закона подвергаются аресту... Нагруженные зерномъ, мукою и прочими продуктами, сундуки выдавали себя своею тяжестью, и я, съ великимъ трепетомъ, слѣдилъ за попытками вооруженныхъ солдатъ вскрыть ихъ на Николаевскомъ вокзалѣ... Но и здѣсь выручилъ меня мой лакей, вступившій въ перебранку съ солдатами... Удивительно, что смѣлость оставалась всегда побѣдительницею и, насколько „власти“ становились наглыми при встрѣчѣ съ мягкостью и деликатностью, настолько смирялись при встрѣчѣ съ грубостью и смѣлостью. Одинъ изъ солдатъ, однако, проткнулъ своимъ штыкомъ портъ-пледъ, но, къ счастью, задѣлъ только подушку, а не мѣшокъ съ зерномъ.

Съ чрезвычайными трудностями мнѣ удалось перегрузить свой багажъ съ Варшавскаго на Николаевскій вокзалъ, вездѣ были заставы, вездѣ стояли цѣлыя роты вооруженныхъ

солдатъ, одинъ видъ которыхъ наводилъ панику, всѣ требовали всякаго рода удостовѣреній и провѣрки багажа, однако, по милости Божіей, мнѣ удалось миновать всѣ эти мытарства и благополучно добраться до сестры...

Я пробылъ у сестры съ 8-го Іюля по 8 Ноября 1917 года.

Это было время непередаваемо тяжелыхъ страданій, въ конецъ обезсилившихъ меня... Я впервые позналъ, что значитъ неволя, отсутствіе свободы духа... Каждый день погружалъ меня все глубже и глубже въ ту тину, изъ которой не было выхода... И сестра, не могущая никакъ привыкнуть къ своему гнѣзду, къ этому маленькому имѣнію, недавно ею пріобрѣтенному, гдѣ были чужіе люди, чужіе нравы, гдѣ ничто не напоминало о родныхъ мѣстахъ, и я, случайный пришелецъ, загнанный судьбою въ это имѣніе, — мы оба сознавали, что не можемъ строить никакихъ плановъ на будущее, ибо были со всѣхъ сторонъ отрѣзаны и никуда не могли выѣхать и что намъ нужно примириться съ фатально сложившимися условіями и... ждать, ждать безъ конца, когда эти условія измѣнятся... И дни проходили за днями, недѣли за недѣлями, мѣсяцы за мѣсяцами, а перемѣны не было и не предвидѣлось...

Распущенность деревенская становилась, между тѣмъ, все большей и злоба населенія все болѣе возрастала... Село было богатое и даже въ мирное время было трудно найти работниковъ для полевыхъ работъ. Теперь же, когда пудъ сѣна въ Петроградѣ стоилъ 40 рублей, а къ концу лѣта продавался уже за 70 рублей, всѣ крестьяне чувствовали себя богачами и не обрабатывали даже собственной земли... Приглашеніе на полевыя работы стало признаваться чуть ли не оскорбленіемъ, и въ отвѣтъ на такія приглашенія раздавалась площадная брань... Ничего не оставалось, какъ лично приступить къ непривычному труду, косить и убирать сѣно и тутъ же, на мѣстѣ, продавать его по дешевой цѣнѣ мѣстнымъ крестьянамъ, которые выручали за него двойную и тройную цѣну...

Какъ то однажды пришелъ въ усадьбу мѣстный староста, теперь начальникъ какого то деревенскаго исполкома... Раньше робкій и почтительный, онъ держался теперь свободно, независимо и, хотя и былъ вѣжливъ, однако же въ каждомъ его движеніи сказывалось желаніе подчеркнуть равенство съ „господами". Онъ безцеремонно вошелъ на балконъ, сѣлъ въ кресло, положилъ снятую шапку на столъ и чувствовалъ себя не только гостемъ, но и почетнымъ гостемъ... Я снисходительно взиралъ на эти завоеванія революціи, ибо зналъ, что люди стараго закала, хотя и были довольны, что „сравнялись"

съ господами, но границъ они не переходили и были, все же, лучшими въ селѣ...

Явился б. староста къ сестрѣ съ визитомъ, какъ самъ объяснилъ, и до прихода сестры, мнѣ пришлось занимать его разговорами...

„Лучше ли теперь, чѣмъ было прежде?“ спросилъ я его...

„Грѣха таить нечего, отвѣтилъ онъ, раньше работать приходилось больше, а выручать меньше, а сейчасъ, наоборотъ, работаешь меньше, а получаешь больше“...

„А сколько у васъ десятинъ?“ спросилъ я.

„Двѣнадцать, отвѣтилъ онъ. Да обрабатываю я только четыре, а восемь гуляютъ, потому что надобности нѣтъ ихъ обрабатывать“...

„Какъ нѣтъ надобности, удивился я, только вѣдь и слышишь крики, что земли мало“...

„Оно можетъ быть и точно, что мало земли въ губерніяхъ хлѣбородныхъ, а наша N-ская губернія кормится только сѣномъ, какое мы и свозимъ въ Питеръ, а сейчасъ десятина, въ два покоса, даетъ чуть не 10.000 рублей... Тутъ, значитъ, мои сыновья и заявили мнѣ, что не хотятъ работать, ибо одной десятины на прожитокъ хватаетъ, ну а я самъ не справлюсь съ двѣнадцатью, такъ она задаромъ и пропадаетъ“...

„А почему это сѣно такъ сильно вздорожало?“ спросилъ я старосту.

„Да кто же его знаетъ, отвѣтилъ онъ, теперь все стало дорого, мужички даже перестали и продавать, чтобы не продешевить, теперь что ни день, то новыя цѣны... Повезутъ возъ, другой въ Питеръ, выручатъ цѣлую уйму денегъ, и не пересчитаешь даже, по прежнему времени на два года всему селу на прожитокъ бы хватило, ну а остальное, понятно, приберегутъ, чтобы продать послѣ, когда цѣны поднимутся... Теперь у каждаго столько сѣна, что и дѣвать его некуда, даже портиться начало, подъ дождемъ мокнетъ, въ сараяхъ не помѣщается“...

„Потому и стало сѣно дорого, объяснилъ я, что не только ваши сыновья не хотятъ обрабатывать остальныхъ восьми десятинъ, но и всѣ прочіе крестьяне не хотятъ работать. Дорого лишь то, чего нѣтъ, а чего много — то стоитъ дешево. Чѣмъ меньше вы будете косить и чѣмъ больше будете припрятывать свое сѣно, тѣмъ дороже оно будетъ. Но точно такъ, какъ поступаете вы съ сѣномъ, такъ поступаютъ въ другихъ мѣстахъ со всѣми прочими товарами и, если это будетъ продолжаться, то вы всѣ поумираете отъ голода и сколько бы милліоновъ у васъ ни было, но вы и кусочка хлѣба за нихъ не купите. Однимъ сѣномъ вы не проживете,

кромѣ сѣна вамъ нуженъ и кусокъ хлѣба, и масло, и пшено, и сахаръ, и соль, нужно имѣть и пару сапогъ, и гвоздь въ хозяйствѣ... А вотъ уже теперь ничего этого нѣтъ, ибо всѣ выжидаютъ пока цѣны еще болѣе повысятся и своего товара не продаютъ... Дождетесь вы того, что накопленныя вами деньги ничего не будутъ стоить и вы сами повыбрасываете ихъ за окно"...

„Да что и говорить, отвѣтилъ староста, это точно можетъ случиться, но опять таки, коли фунтъ керосина стоитъ сейчасъ тысячу рублей, то какъ же продавать сѣно по прежней цѣнѣ. Тутъ и тянешься за другими и самъ набиваешь цѣну на свой товаръ, прости Господи"...

Противно было видѣть въ лицѣ этого уже стараго человѣка такія сужденія. Онъ сравнивалъ прошедшее съ настоящимъ лишь съ точки зрѣнія своихъ личныхъ интересовъ, онъ ни однимъ словомъ не обмолвился ни о Государѣ, ни о Россіи; жалуясь на дороговизну жизни, онъ не учитывалъ, что такая дороговизна обусловливалась именно тѣмъ, что его сыновья не желали обрабатывать остальныхъ восьми десятинъ, что примѣру его сыновей слѣдовали всѣ прочіе крестьяне, озабоченные только выгодною продажею сбываемыхъ ими продуктовъ и увеличеніемъ ихъ стоимости... Онъ, можетъ быть, даже съ злорадствомъ смотрѣлъ на то, какъ перемѣнились роли, какъ интеллигенція спускалась все ниже и ниже, превращаясь въ чернорабочихъ, а крестьяне возвышались все выше и выше, превращаясь въ „господъ", щеголяя въ шелкахъ и бархатахъ, какъ деревенскія дѣвки стали носить высокіе желтые ботинки на тоненькихъ каблукахъ, а парни — высокіе лакированные ботфорты.. Роли дѣйствительно перемѣнились, съ тою лишь разницею, что у вновь народившихся господъ, вмѣсто прежняго либерализма и любви къ мужичку, стала наблюдаться непередаваемая злоба и ненависть къ интеллигенціи, звѣрская жажда мести, то отвратительное хамство, какое явилось наиболѣе характерною чертою революціи 1917 года.

ГЛАВА 5.

Тревоги и предчувствія. Отъѣздъ въ Кіевъ.

Непередаваемо тяжело протекала моя жизнь у сестры... Мы каждый день обсуждали вопросъ о томъ, что дѣлать и какъ выйти изъ того тупика въ которомъ очутились... Мы

сознавали, что поддерживать свое существованіе физическимъ, полевымъ трудомъ, превратиться въ хлѣбопашцевъ и чернорабочихъ мы оба были не въ силахъ, но какъ выйти изъ этого подневольнаго труда, изъ этого отчаяннаго положенія — не знали.

Уѣзжать?! Но какъ, если мы были отрѣзаны буквально отъ всего міра, если желѣзнодорожное сообщеніе было разрушено и поѣзда не ходили, если самый вопросъ о томъ, когда придетъ поѣздъ на нашу станцію вызывалъ усмѣшки у станціонной прислуги... Но, если бы даже и можно было уѣхать, то какъ ликвидировать усадьбу, или на кого ее оставить, откуда достать средства на проѣздъ, какъ тронуться съ мѣста, когда на рукахъ у сестры былъ неизлѣчимо больной ребенокъ, когда впереди буквально ничего не было видно и никакихъ плановъ и расчетовъ нельзя было строить?!

Между тѣмъ мое самочувствіе становилось все болѣе тягостнымъ и я зналъ, что не вынесу его больше, а съ Октября я сталъ ощущать такую непостижимую, непонятную душевную тоску, такую тревогу, какая, точно насильно, выталкивала меня изъ усадьбы все равно куда, лишь бы только не оставаться въ ней...

Наступилъ день праздника Казанской Божіей Матери, 22-ое Октября, и этотъ день объяснилъ мнѣ причины этой тоски и тревоги.

Въ ночь на 22-ое Октября я видѣлъ сонъ, окончательно надорвавшій мои силы. Мнѣ снилось, что я въ Кіевѣ у постели больной матери... Увидя меня, мать привстала на постели, подозвала меня къ себѣ, бережно сняла съ себя нагрудный шейный крестикъ, надѣла его на меня, перекрестила и навѣки со мною простилась...

О, какъ ужасно было пробужденіе, какъ колотилось сердце!..

„Если мы сейчасъ же не бросимъ всего и хотя бы пѣшкомъ не поплетемся въ Кіевъ, сказалъ я сестрѣ, то мы не застанемъ мать въ живыхъ"...

Сестра въ безсиліи опустила руки...

Снова начались прежнія обсужденія вопроса о томъ, какъ выбраться изъ усадьбы, однако было совершенно очевидно, что для такихъ обсужденій не было почвы и что нужно было, или томиться на одномъ мѣстѣ, или найти въ себѣ рѣшимость броситься въ пучину неизвѣстнаго, игнорируя всѣ обычные человѣческіе расчеты, а всецѣло отдаваясь на волю Божію.

Страшный сонъ предсмертнаго прощанія съ матерью, между тѣмъ, повторялся три дня подрядъ и я видѣлъ ту же

картину, со всѣми мельчайшими подробностями, каждую ночь вплоть до 24 Октября. Я уже не могъ долѣе совладать съ собою и ходилъ каждый день за справками на станцію, но мнѣ говорили, что поѣзда изрѣдка слѣдуютъ изъ Петербурга на Москву, но на нашей станціи не останавливаются и что нужно ѣхать въ Петербургъ, чтобы тамъ заблаговременно заручиться билетомъ и ждать своей очереди для отъѣзда въ Москву. Эти отвѣты убивали меня, ибо я зналъ, что большевики никогда бы не выпустили меня изъ Петербурга, что вездѣ были заставы, провѣрявшія паспорты и, притомъ, неизвѣстно было, сколько времени нужно было бы дожидаться своей очереди для отъѣзда изъ Петербурга и гдѣ жить это время? Вернуться же на свою квартиру, я, конечно, не могъ, тѣмъ болѣе, что она была уже кѣмъ то занята.

Наступилъ, наконецъ, день 8 Ноября 1917 года.

Не имѣя больше силъ, и наскоро сложивъ свои вещи, я вырвался изъ занесенной сугробами снѣга усадьбы и поѣхалъ на станцію, моля Бога о чудѣ. На станціи никого не было. Никто не ждалъ поѣзда... Было холодно и темно. Отыскавъ священника, настоятеля храма, расположеннаго у самой станціи, я просилъ его отслужить напутственный молебенъ... И Господь услышалъ молитву смиреннаго пастыря. Чудо Божіе совершилось... Вернувшись на станцію, я услышалъ шумъ приближающагося товарнаго поѣзда, къ которому былъ прицѣпленъ спальный вагонъ международнаго общества и, не успѣлъ поѣздъ остановиться, какъ я вскочилъ, вмѣстѣ съ своимъ лакеемъ, въ этотъ вагонъ, благодаря Господа за дарованную мнѣ милость.

На другой день утромъ я былъ уже въ Москвѣ.

Какой ужасъ представляла собою Москва! Проѣхавъ по центральнымъ улицамъ съ одного вокзала на другой, я увидѣлъ такіе ужасные слѣды разрушенія, которымъ бы никогда не повѣрилъ...

Огромная часть магазиновъ, главнымъ образомъ ювелирныхъ, была разгромлена и остатки уничтоженныхъ и разграбленныхъ вещей валялись на мостовой... Тамъ были изломанныя части массивныхъ бронзовыхъ каминныхъ часовъ, футляры отъ столовыхъ часовъ и драгоцѣнныхъ ювелирныхъ издѣлій, изломанная магазинная мебель, огромныя битыя стекла витринъ и пр. Значительная часть домовъ была разрушена тяжелыми снарядами, а уголъ великолѣпнаго зданія гостиницы „Метрополь“, на Театральной площади, былъ срѣзанъ точно острымъ ножомъ и обнажалъ угловыя комнаты всѣхъ этажей гостиницы... Огромныя опустошенія были и въ Кремлѣ, и на маіоликовомъ куполѣ храма Василія Блажен-

наго зіяло отверстіе, величиною въ сажень, причиненное брошеннымъ въ храмъ снарядомъ. Москва, какъ передавали, обстрѣливалась со всѣхъ сторонъ, главнымъ образомъ, съ Воробьевыхъ горъ.

Я приближался къ Брянскому вокзалу, не зная, найду ли я тамъ поѣздъ, отходящій въ Кіевъ, и гдѣ и какъ долго мнѣ придется ждать его...

Я видѣлъ подлѣ вокзала толпу въ нѣсколько сотъ людей, ночевавшихъ на улицѣ по недѣлямъ въ ожиданіи поѣзда и выбившихся изъ силъ, голодныхъ и полураздѣтыхъ... Всѣ стремились на югъ, преимущественно въ Кіевъ, гдѣ не изсякло еще продовольствіе, гдѣ еще оставались слѣды нормальной жизни, гдѣ еще не было случаевъ голодной смерти... И видъ этой измученной ожиданіемъ толпы пугалъ меня... Не оставалось никакой надежды даже протиснуться сквозь эту толпу, тѣмъ меньше найти мѣсто въ вагонѣ. При видѣ приближавшагося поѣзда, всѣ бросались на ходу, кто на крышу вагона, кто на паровозъ, вагоны брались штурмомъ и побѣждала сила... Я стоялъ въ сторонѣ и, глядя на эти картины, недоумѣвалъ, что дѣлать. „Господи, шептали мои уста, Тебѣ все возможно, доведи же меня до Кіева, къ умирающей матери“...

Въ этотъ моментъ кто то дернулъ меня за рукавъ... Лакей мой шопотомъ попросилъ у меня 50 рублей и, передавъ ихъ тутъ же какому то солдату, сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобы я слѣдовалъ за нимъ... Протискиваясь черезъ толпу, мы кое какъ выбрались изъ вокзала и, пройдя значительное разстояніе, очутились у какого то поѣзда, стоявшаго на запасномъ пути...

„Вотъ этотъ поѣздъ, сказалъ солдатъ, пойдетъ сегодня въ 6 часовъ вечера на Кіевъ. Занимайте купе и запирайтесь въ немъ“...

И опять совершилось чудо милости Божіей... Неизвѣстно откуда появился желѣзнодорожный кондукторъ, подтвердившій слова солдата, и усадилъ меня съ лакеемъ, въ купе, гдѣ мы оставались около трехъ часовъ, прежде чѣмъ поѣздъ двинулся въ путь...

Но что творилось на перронѣ, когда поѣздъ подошелъ къ нему — описать невозможно... Я слышалъ только душу раздирающіе крики, но не имѣлъ силъ выглядывать изъ за опущенной шторы въ окно купе... Лакей же мой, не отрываясь, смотрѣлъ въ щелку, боясь приподнять занавѣску, и докладывалъ мнѣ о всѣхъ ужасахъ происходящаго, гдѣ одинъ давилъ другого, гдѣ озвѣрѣвшіе люди, точно охваченные общею паникою, спасали только самихъ себя, не думая о другихъ... Совѣстно было чувствовать себя въ безопасности,

занимая вдвоемъ цѣлое купе, при видѣ этихъ ужасныхъ картинъ... Однако, не успѣлъ поѣздъ проѣхать нѣсколькихъ минутъ, какъ въ купе стали стучаться и я вынужденъ былъ открыть его... Огромная толпа людей, стоявшихъ въ коридорѣ, хлынула въ него, и въ купе, предназначенное для четырехъ человѣкъ, вошло шестнадцать... Давка была такъ велика, что ни сѣсть, ни встать, ни тѣмъ болѣе выйти изъ вагона, не было уже возможности. Но эта же давка принесла пользу въ томъ отношеніи, что никакая провѣрка документовъ не была возможною... Тѣмъ не менѣе каждый изъ насъ находился подъ страхомъ такой провѣрки, ибо у большинства, или вовсе не было никакихъ документовъ, или, что еще хуже, были документы царскаго правительства, что признавалось преступленіемъ, влекущимъ за собою разстрѣлъ. Особенно *опасно было* положеніе офицеровъ, охота за которыми не прекращалась, которыхъ вездѣ разыскивали и, послѣ безжалостныхъ мученій, предавали смертной казни... Не въ лучшемъ положеніи находился и я, у котораго былъ только царскій паспортъ, съ означеніемъ служебнаго положенія и придворнаго званія... Когда мы проѣхали нѣсколько станцій, поѣздъ, среди поля, остановился и началась провѣрка документовъ...

Боже, какъ билось мое сердце!.. Я молилъ о чудѣ и ждалъ чуда... И діаволъ, разинувшій свою пасть, чтобы поглотить меня, снова былъ отогнанъ Милосерднымъ Господомъ непостижимо, чудесно...

Провѣрка производилась не однимъ лицомъ, а нѣсколькими... Все это были вооруженные съ ногъ до головы большевики, съ звѣрскими, страшными лицами, жестокіе и грубые, но столь же нелѣпые и глупые...

У моего лакея было два паспорта, одинъ просроченный, только случайно неуничтоженный, какой хранился у него, другой новый, находившійся у меня. Когда большевикъ-контролеръ потребовалъ мои документы, то я, безъ всякихъ заднихъ мыслей вручилъ ему сперва паспортъ лакея, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ предъявить свой. Повертѣвъ въ рукахъ паспортъ лакея, большевикъ молча вернулъ его мнѣ обратно... Въ этотъ же моментъ другой большевикъ въ рѣзкой и грубой формѣ обратился за паспортомъ къ моему лакею. Тотъ смѣшался, струсилъ и вручилъ ему свой просроченный паспортъ. Большевикъ, подержавъ паспортъ въ рукахъ, вернулъ его лакею, не замѣтивъ, что паспортъ просроченъ. Надобности въ предъявленіи моего паспорта не было, и я мысленно возблагодарилъ Господа за свое спасеніе...

Миновавъ еще нѣсколько подобныхъ мытарствъ, я, наконецъ, благополучно доѣхалъ до Кіева.

Какъ громко стучало мое сердце, когда я подъѣзжалъ къ родному дому, какъ отчетливо воскресалъ въ моей памяти страшный сонъ, какъ велика была увѣренность въ томъ, что я уже не увижу болѣе свою безцѣнную мать, своего безконечно дорогого вѣрнаго друга...

ГЛАВА 6.

Кончина матери.

(† 30 Октября 1917 г.).

Трепетною рукою я позвонилъ и, войдя въ переднюю, не раздѣваясь, бросился къ матери, но... какъ вкопанный остановился на порогѣ гостиной... Повитые чернымъ крепомъ, стояли еще неубранные ставники. Они сказали мнѣ все... Невыразимою болью сжалось мое сердце... Сонъ не обманулъ меня, подготовивъ къ страшному удару, и, однако, я чувствовалъ, что этотъ ударъ былъ слишкомъ великъ и окончательно добилъ меня. Волненіе было такъ велико, что я испытывалъ физическую боль и судорожно сжималъ сердце, готовое, казалось, разорваться... Въ полномъ изнеможеніи, еле дыша, я опустился на кресло... Въ этотъ моментъ вышла ко мнѣ, вся заплаканная, въ глубокомъ траурѣ, моя сестра...

„Еще въ концѣ Октября, какъ только мамѣ стало хуже, я послала Тебѣ телеграмму, а передъ тѣмъ нѣсколько писемъ, но вѣрно Ты не получилъ ихъ“...

„Я ничего не получалъ“, отвѣтилъ я упавшимъ голосомъ.

„Еще лѣтомъ я знала, что мама не переживетъ зимы“, продолжала сестра. „Въ Сентябрѣ я видѣла удивительный сонъ, послѣ котораго не находила себѣ покоя. Мнѣ снилось, что мама собиралась куда то уѣзжать и дѣлала распоряженія предъ отъѣздомъ. Такъ какъ безъ меня мама никогда не ѣздила, то и я начала укладывать свои вещи и собираться въ путь. Замѣтивъ это, мама неожиданно сказала мнѣ: „Нѣтъ, Тебѣ еще нельзя ѣхать, Ты подожди, меня зоветъ Святитель Іоасафъ, къ Которому я ѣду, а Тебѣ нужно еще остаться“... Меня очень встревожилъ этотъ сонъ и я, не говоря никому ни слова, все время присматривалась къ мамѣ и, съ напряженнымъ вниманіемъ, слѣдила за ея здоровьемъ... Но ухудшенія я не замѣчала, напротивъ, мнѣ казалось, что мама чувствовала себя даже крѣпче и бодрѣе, чѣмъ раньше. Вдругъ, въ среднихъ числахъ Сентября, мама пригласила къ себѣ нашего священника о. Николая и управляющаго А. Н. Игна-

товскаго и написала свое завѣщаніе, которое они, какъ свидѣтели, и подписали. Все это меня взволновало, но, глядя на маму и, не замѣчая никакой перемѣны въ здоровьи, я понемногу успокаивалась. Прошло недѣли три. Мы стали собираться въ Кіевъ на зиму. Какимъ то чудомъ Божіимъ удалось достать отдѣльное купе и мы благополучно доѣхали.

По пріѣздѣ въ Кіевъ, мама чувствовала себя настолько хорошо, что даже не обращалась къ доктору, однако я не могла не замѣтить, что съ половины Октября, мама точно уже совсѣмъ ушла изъ міра, ничѣмъ не интересовалась и проявляла какую то удивительную апатію ко всему окружающему. Въ то же время мама говорила, что устала жить... Видимо все происходящее вокругъ причиняло мамѣ жестокія душевныя страданія... По отдѣльнымъ, отрывочнымъ словамъ можно было заключить, что мама не только не боялась смерти, а, какъ будто бы, даже желала ее. Апатія все болѣе увеличивалась и временами мама впадала въ сонливость, однако ни на что не жаловалась и никакихъ болей не испытывала. Дня за два до смерти, мама пожелала исповѣдаться и причаститься, а въ ночь на 30 Октября заснула навѣки, безболѣзненно и тихо... Все ждала Тебя и часто вспоминала... Мы тоже ждали и, потому, не хоронили. Прождали ровно 10 дней, и похоронили только третьяго дня, 9 Ноября, думая, что Тебѣ такъ и не удастся пріѣхать... Мы и опасались ждать долѣе, ибо революція разгорается и неизвѣстно, что будетъ дальше... Уже на другой день смерти мамы, начали разрываться тяжелые снаряды въ городѣ, вѣрно и съ Кіевомъ будетъ то же, что и съ Москвою. Замѣчательно, что за 10 дней не произошло никакихъ наружныхъ измѣненій тѣла... Мама, точно живая, лежала въ гробѣ и въ церкви даже громко говорили, что, вѣрно, покойница чѣмъ либо угодила Богу, если даже спустя 10 дней послѣ смерти, лежитъ въ гробѣ какъ живая".

Въ это время вошелъ братъ и показалъ фотографическій снимокъ матери въ гробѣ... Я едва не лишился чувствъ и долженъ былъ сдѣлать величайшее усиліе, чтобы сдержать себя и скрыть охватившее меня волненіе. Тотъ же часъ я побѣжалъ въ Покровскій монастырь, не успѣвъ даже разспросить о мѣстѣ погребенія матери... Какая то монахиня указала мнѣ могилу и, заливаясь горячими, неудержимыми слезами, я бросился на могильную насыпь, отдаваясь своему безпредѣльному горю...

Вотъ когда мы начинаемъ цѣнить своихъ родителей, думалъ я, изливая предъ лицомъ Всевѣдующаго Бога свое горе, упрекая себя за свои и вольные и невольные грѣхи противъ матери, за свою, быть можетъ, недостаточную почти-

тельность и за невниманіе, за то, что я, ея любимецъ, жилъ почти всегда вдали отъ родного дома и не давалъ матери того, чего она ждала отъ меня...

И все то, мимо чего я проходилъ, точно не замѣчая его, всѣ мельчайшія черты характера матери и особенности ея облика, все то, предъ чѣмъ я втайнѣ восхищался, но рѣдко высказывалъ, — все это, во мгновеніе ока, освѣтилось въ моемъ сознаніи необычайнымъ ослѣпительнымъ свѣтомъ, и я спрашивалъ себя, какимъ же образомъ могло случиться, что ни я, ни другіе не замѣчали при жизни матери того сіянія святости, коимъ она, смиренная, была окружена, той правды Божіей, какую она собою воплощала... Я вспомнилъ о той кротости и непередаваемомъ никакими словами смиреніи матери, которыми такъ жестоко злоупотребляли окружающіе, не замѣчавшіе хозяйки въ ея собственномъ домѣ, о ея невзыскательности и нетребовательности, вспомнилъ о томъ самоотверженіи, съ какимъ мать несла бремя воспитанія своихъ дѣтей, отдавъ имъ свое здоровье, вспомнилъ ея безпрерывныя, нескончаемыя болѣзни, ея поразительное одиночество, эту жизнь затворницы, не знавшей ни выѣздовъ, ни пріемовъ, ни развлеченій, а погруженной въ какой-то невидимый, внутренній, никому невѣдомый міръ, связанной какой-то очень глубокой, духовной работою...

Я не видѣлъ еще человѣка, который бы такъ мало соприкасался съ землею, съ внѣшностью... Даже затворники и подвижники казались мнѣ ближе къ землѣ, чѣмъ моя мать, которой были чужды какія бы то ни было страсти или земныя движенія и интересы и какая жила въ какой-то совершенно особой сферѣ...

Насколько мать глубоко скорбѣла при встрѣчѣ своихъ дѣтей съ тѣми, или иными огорченіями и испытаніями, настолько равнодушна была къ ихъ радостямъ. Можетъ быть такое равнодушіе вытекало изъ сознанія непрочности земныхъ радостей и успѣховъ, можетъ быть выражало собою убѣжденіе, что радости портятъ человѣческую душу, но только успѣхами своихъ дѣтей, а особенно такъ называемыми служебными успѣхами моего брата и моими мать не только не интересовалась, а даже въ точности не знала, какое служебное положеніе мы занимали... Ея вниманіе было сосредоточено только на культурѣ духа, на развитіи духовныхъ основъ міросозерцанія, надъ чемъ мать такъ много трудилась, являя своею жизнью исключительный примѣръ для подражанія, закладывая въ природу каждаго изъ насъ высокія понятія о долгѣ и нравственной отвѣтственности, развивая религіозную настроенность и сознаніе обязанностей къ Богу и ближнему...

И между тѣмъ даже эта сложная, духовная работа, требовавшая, казалось, особенной сосредоточенности и вниманія, протекала въ чрезвычайно нѣжныхъ, тонкихъ, неуловимыхъ формахъ, гдѣ не было ни поученій, ни наставленій, ни упрековъ, ни замѣчаній. Отношеніе матери къ тому, или иному явленію, или факту только чувствовалось окружающими, но во внѣ не выражалось, и кто былъ незнакомъ съ глубиною ея натуры, тотъ объяснялъ такое отношеніе равнодушіемъ или безразличіемъ къ окружающему, тогда какъ тамъ сказывалось только прирожденное изящество духа, только духовная красота и нравственное величіе, только опасеніе задѣть другого даже замѣчаніемъ. И, глядя на свою мать, я часто думалъ о томъ, какая чрезвычайная *сила* кроется въ смиреніи и какъ часто молчаніе могущественнѣе краснорѣчія и внѣшнихъ натисковъ, какъ часто одинъ только взглядъ матери обезцѣнивалъ длиннѣйшія тирады и рѣчи окружавшихъ, имѣвшія убѣдительную внѣшность, но ложное основаніе...

Никто никогда не видѣлъ мою мать въ состояніи раздраженія или гнѣва, или недовольства никто не видѣлъ ее и радостною и веселою. Она воплощала собою тихую грусть, какое то неземное спокойствіе духа, ничѣмъ невозмутимую кротость и безграничное смиреніе, и никогда ничѣмъ не подчеркивала своихъ духовныхъ преимуществъ предъ другими и, можетъ быть, потому, что искренно ихъ не замѣчала... Она учила другихъ, казалось, однимъ только фактомъ своего существованія...

Нужно ли говорить о томъ, до чего велико было духовное одиночество матери, какъ мало понимали ее даже близкіе люди, какъ невѣрно расцѣнивался ея обликъ окружавшими, неспособными не только подняться до ея духовной высоты, но даже осмыслить, понять ее!

Внѣ духовной области у матери не было никакого общенія ни съ дѣтьми, ни съ окружающими... Мать очень рѣдко выходила къ гостямъ брата или сестеръ и по цѣлымъ днямъ просиживала въ своей комнатѣ, занимая обычно, какъ въ Кіевѣ, такъ и въ имѣніи самую удаленную комнату въ домѣ... Личныхъ знакомыхъ мать не имѣла вовсе и никого не принимала... Однако, при всей своей крайней отчужденности отъ жизни, мать поражала окружавшихъ своею наблюдательностью и глубиною прозрѣнія. Ея мысли были всегда до того глубоки что, казалось, граничили даже съ прозорливостью, ея предостереженія — всегда безошибочны, совѣты всегда мудры. Здѣсь сказывалась столько же наслѣдственность и образованіе, сколько и та внутренняя, духовная работа, какая давала въ результатѣ удивительное знаніе человѣческой души и, развивала интуицію.

Особенную любовь мать имѣла къ Угоднику Николаю, въ день памяти Котораго, 6-го Декабря, родилась и подъ небеснымъ покровомъ Котораго жила.

Музыка и чтеніе были ея единственными занятіями, доступными для внѣшняго наблюденія... Мать великолѣпно играла на роялѣ, однако въ послѣдніе годы обезсиленная болѣзнями, сокрушавшими ея хрупкій, нѣжный организмъ, все рѣже и рѣже подходила къ роялю и, какъ тѣнь, двигалась по комнатамъ, едва прикасаясь къ полу.

Какой богатый матеріалъ для назиданія являла собою внутренняя, сокровенная жизнь моей матери, какъ много можно было бы написать, останавливаясь только на отрывочныхъ словахъ, или вскользь брошенныхъ замѣчаніяхъ, отражавшихъ такую неисчерпаемую глубину мысли!..

Однажды мать сказала мнѣ: „не ищи друзей, не найдешь и враговъ!" Эти слова, сказанныя въ пору моей юности, которая такъ неудержимо тянется къ дружбѣ и ищетъ ея, показались мнѣ не только жестокими, но даже противорѣчащими евангельскому завѣту любви къ ближнему. И нужно было много внутренней работы надъ собою, чтобы впослѣдствіи уразумѣть всю глубину этихъ словъ, коими отрицалась не любовь къ ближнему, а любовь къ себѣ, стремленіе быть любимымъ, жажда популярности и славы людской, все то, что пріобрѣталось цѣною измѣны правдѣ, служеніемъ общественному мнѣнію въ ушербъ высокимъ требованіямъ моральнаго долга.

Одна эта черта облика матери, эта исключительная правдивость и честность съ самимъ собою, ставили ее въ моихъ глазахъ на недосягаемый пьедесталъ и возводили на исключительную высоту.

Предъ моими глазами проходило много разныхъ людей, отъ простыхъ и скромныхъ, до знатныхъ, величавыхъ сановниковъ, но, разсматривая ихъ съ этой точки зрѣнія, я не замѣчалъ ни въ комъ изъ нихъ той внутренней правды, какую воплощала собою моя смиренная мать. Всѣ они были не только хорошими, но и очень хорошими людьми, но всѣ имѣли почти одну и ту же слабость: имъ хотѣлось *казаться* еще лучше, чѣмъ они были; всѣ они, въ бо́льшей или меньшей степени были заражены тѣмъ мелкимъ тщеславіемъ, какое заставляло ихъ оглядываться на общественное мнѣніе и интересоваться тѣмъ, что о нихъ говорятъ, или пишутъ. Не замѣчая того, всѣ они невольно дѣлали и маленькія уступки общественному мнѣнію и, конечно, грѣшили противъ требованія внутренней правды. Никто изъ нихъ не былъ свободенъ отъ желанія быть любимымъ и цѣнимымъ и, можетъ быть,

всѣ въ равной мѣрѣ стремились къ этой цѣли гораздо ревностнѣе, чѣмъ къ защитѣ принциповъ и чистотѣ помысловъ.

Но моя мать составляла разительное исключеніе на этомъ безконечно широкомъ фонѣ людей... Легко констатировать такой фактъ, но сколько внутренней правдивости и чистоты, сколько нравственнаго величія нужно для того, чтобы рождать такіе факты.

Вся жизнь моя отъ колыбели и до послѣднихъ дней, такъ тѣсно и неразрывно связанная съ жизнью матери, проходила здѣсь, у ея могилы, въ моемъ сознаніи, и я чувствовалъ такую невознаградимую ничѣмъ потерю, такое горе и одиночество, что не видѣлъ уже смысла въ своемъ дальнѣйшемъ существованіи... Остаться навсегда въ этомъ монастырѣ, упросить игуменію дать мнѣ въ оградѣ монастырской келлію, превратиться въ невѣдомаго странника, приходить каждый день на дорогую могилу, беречь ее и молиться — эти мысли были единственными, за которыя я судорожно хватался. Да проститъ мнѣ читатель, что я невольно завелъ его въ интимную область моихъ личныхъ переживаній, но сдѣлалъ я это безъ умысла, безъ намѣреній скрытыхъ, а только для того, чтобы до конца остаться правдивымъ. Правда же обязываетъ къ искренности и не боится подозрѣній въ тенденціозности. Нѣтъ въ моихъ рѣчахъ и писаніяхъ тенденцій и я гнушаюсь ими, ибо всякая тенденція, каковы бы ни были ея цѣли, есть не только ложь, но и ложь пріукрашенная, замаскированная, слѣдовательно еще хуже, ядовитѣе лжи. Я знаю, что о своихъ родителяхъ не принято ни говорить, ни писать, дабы не прослыть нескромнымъ, но пусть ужъ я прослыву нескромнымъ, лишь бы только мой читатель, вмѣстѣ со мною, вознесъ бы молитвенный вздохъ къ Отцу Небесному: „Господи, упокой душу почившей рабы Твоей Екатерины!“

Мать! Есть ли имя болѣе дорогое, болѣе святое на землѣ и какъ мало цѣнятъ люди это имя, какъ скоро забываютъ о немъ и о своихъ вѣчныхъ обязательствахъ къ нему!

Измученный и обезсиленный, я поздно вечеромъ вернулся домой...

На другой день утромъ я былъ до крайности изумленъ, увидѣвъ въ окно подъѣхавшую къ подъѣзду дома сестру, прибывшую изъ N-ской губерніи. Мнѣ было непонятно, какимъ образомъ сестра, такъ долго мучившаяся сознаніемъ невозможности вырваться изъ своей усадьбы, могла внезапно очутиться въ Кіевѣ, какимъ образомъ ей удалось преодолѣть всѣ ужасы переѣзда?! Изъ разсказовъ выяснилось, что, получивъ на другой день послѣ моего отъѣзда запоздавшую телеграмму о смерти матери, сестра немедленно же отпра-

вилась въ Петербургъ, откуда ходили еще поѣзда прямого сообщенія въ Кіевъ. Въ Кіевѣ сестра оставалась до конца праздниковъ Рождества Христова, а затѣмъ, вмѣстѣ съ нашей общей знакомой, на рѣдкость энергичной сестрой милосердія княжною О. И. Лобановою-Ростовскою, уѣхала обратно въ свою усадьбу, гдѣ и осталась... Эта усадьба спасла сестру отъ тѣхъ ужасовъ, какимъ мы подверглись вскорѣ послѣ ея отъѣзда, когда Кіевъ, сдѣлавшись ареною борьбы между петлюровцами и большевиками, сталъ обстрѣливаться со всѣхъ сторонъ изъ тяжелыхъ орудій и безконечное количество разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, когда большевики воздвигли гоненіе на Церковь и началось поголовное истребленіе христіанскаго населенія Кіева въ лицѣ его виднѣйшихъ представителей, когда въ теченіе трехъ мѣсяцевъ большевики зарубили и разстрѣляли десятки тысячъ интеллигенціи...

Пришелъ часъ, когда я, вмѣстѣ съ сестрами и братомъ долженъ былъ увидѣть въ величайшемъ горѣ отъ утраты матери лишь новое знаменіе милости Божіей къ намъ и къ незабвенной матери, какую удалось еще похоронить, съ соблюденіемъ всѣхъ обрядовъ Православія и отслужить сорокоустъ... Съ приходомъ же большевиковъ и воздвигнутымъ жидами гоненіемъ на Церковь не только богослуженіе было уже невозможно, но были запрещены даже погребальныя процессіи, какія обстрѣливались большевиками, нельзя было даже достать гроба и умершіе бросались въ могилу безъ отпѣванія.

ГЛАВА 7.

Кіевъ.

Провинціальное общество, привыкшее, какъ я уже отмѣчалъ, только критиковать и видѣть въ Петербургѣ источникъ всего зла Россіи, относилось съ крайнимъ недружелюбіемъ къ каждому представителю власти, совершенно не разбираясь въ сложныхъ концепціяхъ государственной жизни и менѣе всего предполагая, что провинція, въ лицѣ своей либеральной интеллигенціи и печати, составляла едва ли не главнѣйшій тормозъ въ дѣлѣ всяческихъ государственныхъ начинаній и проведенія ихъ въ толщу жизни.

Не составляли исключенія въ этомъ отношеніи и кіевляне.

Одинъ только мудрѣйшій А. С., глубокій ученый и мыслитель, авторъ произведеній, ставшихъ пророческими, зани-

малъ среди кіевлянъ особое мѣсто. Онъ не только видѣлъ истинныя причины всего вокругъ происходящаго, но видѣлъ въ переживаемыхъ событіяхъ буквальное осуществленіе своихъ предвидѣній и предостереженій, оставляемыхъ въ свое время безъ вниманія. Съ того же момента, когда эти предвидѣнія, являвшіяся въ сущности лишь выводами не зараженнаго іудаизмомъ ума и выраженіемъ глубокаго знанія исторіи, стали сбываться, домъ А. С. сдѣлался центральнымъ мѣстомъ, куда стекалось кіевское общество, все болѣе тѣсно окружавшее мудраго хозяина.

Кіевъ въ это время еще не былъ во власти большевиковъ и экономическая жизнь протекала въ немъ сравнительно нормально. Но въ отношеніи политическомъ городъ представлялъ собою нѣчто до крайности нелѣпое, ибо находился въ рукахъ такъ называемыхъ „украинцевъ", бездарныхъ и глупыхъ людей, мечтавшихъ о самостоятельной „Украинѣ" и не знавшихъ ни исторіи Малороссіи, ни того австрійско-польскаго русла, изъ котораго вытекала самая идея украйнизаціи Малой Руси. Царилъ неимовѣрный хаосъ въ рѣчахъ и убѣжденіяхъ и надъ Кіевомъ доминировала глупость, осуществляемая „Радою", возглавляемой австрійскимъ агентомъ, профессоромъ М. Грушевскимъ и его правительствомъ. Трудно было себѣ представить нѣчто болѣе безсмысленное и стыдно становилось за окружавшихъ...

Тѣмъ не менѣе, эта безсмыслица являлась, по сравненію съ большевичествомъ, меньшимъ зломъ и кіевляне даже содѣйствовали закрѣпленію идеи „самостійной Украины", влагая въ это понятіе иное содержаніе и допуская такую „самостійность" лишь какъ временную мѣру, незбѣжную для защиты Малороссіи отъ большевической заразы. Конечно, вожаки идеи были иного мнѣнія, но раздѣляли ихъ убѣжденія или глупые, или же подкупленные ими люди.

По пріѣздѣ въ Кіевъ, я засталъ работу „правительства" по украйнизаціи города въ самомъ разгарѣ, но даже не былъ удивленъ, увидѣвъ, что такая работа и началась и кончилась только замѣною городскихъ вывѣсокъ на русскомъ языкѣ „украинскою мовою", рождавшей крайне нелѣпыя сочетанія словъ и выраженій и вызывавшей смѣхъ. На нѣчто болѣе серьезное глупая „Рада" была очевидно неспособна и кіевляне снисходительно взирали на ея эксперименты, считая ихъ вполнѣ безобидными и нисколько не угрожающими государственному отдѣленію Малороссіи отъ Великороссіи.

Мало по малу въ Кіевъ стали стекаться всѣ тѣ счастливцы, коимъ удалось вырваться изъ Петербурга и Москвы. Первымъ прибылъ митрополитъ Кіевскій Владиміръ и пона-

добилось только нѣсколько дней для того, чтобы онъ услышалъ имя А. С. и сталъ бы къ нему ѣздить за совѣтами и наставленіями... Увы, визиты эти оказались уже запоздавшими... Въ свое время, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я усиленно распространялъ въ Петербургѣ книжку А. С. „Происхожденіе и сущность украинофильства“ и, вручая ее министрамъ и членамъ Государственнаго Совѣта, былъ и у митрополита Владиміра, усердно прося его ознакомиться съ ея содержаніемъ... Однако, книжку откладывали въ сторону и никто ее не читалъ, объ авторѣ никто раньше не слыхалъ и имя его никому ничего не говорило.

Теперь же митрополитъ Владиміръ воочію убѣдился въ значеніи этой книжки, ибо увидѣлъ буквальное осуществленіе предвидѣній автора.

Положеніе митрополита становилось съ каждымъ днемъ не только все болѣе сложнымъ, но и угрожающимъ. Въ связи съ общею украйнизаціей, начались и смуты въ церковной оградѣ, къ митрополиту предъявлялись требованія о разрѣшеніи совершать богослуженія на украинской мовѣ, не только украйнофильствующіе міряне, но и пастыри становились къ нему въ оппозицію и митрополитъ переживалъ тяжелые дни...

Я навѣстилъ Владыку.

Не высказывавшій и раньше радушія, митрополитъ принялъ меня сдержанно. Какъ и раньше, такъ и теперь, я не интересовался причинами такой нелюбезности, и, далекій отъ созерцанія его отношенія къ себѣ, сталъ разсказывать митрополиту о Кіевѣ, его политическомъ настроеніи и высказывать свои соображенія о положеніи...

Митрополитъ довольно разсѣянно слушалъ меня и казалось, что его мысли были заняты чѣмъ то другимъ... Нѣсколько вскользь брошенныхъ замѣчаній сказали мнѣ, что Владыка иначе оцѣниваетъ событія и раздѣляетъ общую точку зрѣнія тѣхъ, кто винилъ въ происшедшихъ событіяхъ правительство и бюрократію... Я, съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на митрополита, удивляясь тому, что Первоіерархъ и первенствующій членъ Синода выдѣлялъ себя изъ этого разряда людей, создававшихъ линіи государственной жизни и проводившихъ ихъ въ жизнь и своими словами подписываетъ себѣ приговоръ... Вдругъ, митрополитъ точно очнулся и неожиданно сказалъ мнѣ:

„Я никогда не прощу Вамъ, что Вы возвели епископа Черниговскаго Василія*) въ санъ архіепископа“...

---

*) Зарубленъ большевиками въ 1918 году.

Я былъ изумленъ до крайности его словами и горячо возразилъ митрополиту:

„Вотъ ужъ не ожидалъ такого упрека. Наоборотъ, до этого момента, до этихъ Вашихъ словъ я былъ убѣжденъ, что это Вы сдѣлали, а не я... По крайней мѣрѣ, на мой вопросъ, какимъ образомъ епископъ Черниговскій могъ получить такую награду въ тотъ моментъ, когда говорилось объ удаленіи его на покой, мнѣ отвѣчали, что онъ Вашъ племянникъ, носитъ Вашу фамилію „Богоявленскій“ и что получилъ санъ архіепископа не по своимъ, а по Вашимъ заслугамъ“...

Митрополитъ Владиміръ, въ свою очередь, чуть не вскрикнулъ:

„Какой онъ мой племянникъ, однофамилецъ только и больше ничего“...

„Если такъ, отвѣтилъ я, тогда вдвойнѣ необходимо разъяснить это недоразумѣніе и доказать Вамъ, что я не принималъ ни малѣйшаго участія въ награжденіи епископа Василія, чему не сочувствовалъ и противъ чего бы возражалъ, если бы меня запросили. Въ прошломъ году, членъ Г. Думы В. П. Басаковъ, встрѣтивъ меня случайно въ кулуарахъ Государственной Думы, началъ усердно просить меня о содѣйствіи къ возведенію епископа Василія Черниговскаго въ санъ архіепископа. Уже тогда я имѣлъ крайне неодобрительные отзывы объ епископѣ, зафиксированные цѣлымъ рядомъ дознаній, хранящихся въ Синодальномъ архивѣ... Тѣмъ не менѣе, В. П. Басаковъ вручилъ мнѣ не то докладную записку, съ перечнемъ заслугъ епископа Василія, не то прошеніе, покрытое массою всевозможныхъ подписей, среди которыхъ, однако, его подписи не было. Прочитавъ это прошеніе, я сказалъ В. П. Басакову:

„Съ Вами я уже давно знакомъ и нѣтъ у меня причинъ недовѣрять Вашей рекомендаціи, но изъ подписавшихъ прошеніе я никого не знаю. Если Вы искренно убѣждены въ заслугахъ Преосвященнаго Василія, тогда зачеркните всѣ эти ничего не говорящія мнѣ подписи, а подпишитесь сами на прошеніи и я дамъ ему ходъ“.

В. П. Басаковъ очень смутился и взялъ свое прошеніе назадъ, а потомъ даже смѣялся, разсказывая, что встрѣтился неожиданно съ Соломоновскимъ приговоромъ. Это было незадолго до назначенія меня Товарищемъ Оберъ-Прокурора Св. Синода. Получивъ назначеніе, и не вступая въ должность, я, какъ Вамъ извѣстно, уѣхалъ въ Бѣлгородъ, а въ мое отсутствіе и состоялся докладъ Оберъ-Прокурора о возведеніи архимандрита Нестора въ санъ епископа Камчатскаго, а епископа Василія въ санъ архіепископа, но я даже до сихъ поръ

не знаю, кто объ этомъ позаботился. Въ Синодѣ же возведеніе епископа Висилія въ санъ архіепископа объяснялось его родствомъ съ Вами, а архимандрита Нестора въ епископы— ходатайствомъ митрополита Питирима. Въ справедливости моихъ словъ не трудно убѣдиться, взглянувъ на дату Высочайшаго утвержденія докладовъ Синодальнаго Оберъ-Прокурора"...

„Вотъ какъ, удивился митрополитъ, а я думалъ, что здѣсь было Ваше участіе"...

„Нисколько, тѣ, кто утверждалъ Васъ въ такомъ предположеніи, только прикрывались моимъ именемъ"...

Такъ вотъ чѣмъ объяснялась сдержанность и даже холодность отношенія ко мнѣ митрополита Владиміра... Стало вдвойнѣ обиднымъ сознаніе, что даже старцы-монахи были способны носить въ своей душѣ тайное недружелюбіе и недоброжелательство, вмѣсто того, чтобы быть простыми, откровенными и прямодушными. Послѣ этого визита я уже болѣе не видѣлъ митрополита. 25 Января слѣдующаго 1918 года онъ былъ убитъ большевиками.

Звѣрства большевиковъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ центральныхъ губерніяхъ Россіи все болѣе увеличивались и на фонѣ творимыхъ ими ужасовъ, стали вырисовываться совершенно ясные контуры той системы, какая имѣла въ виду только одну цѣль — истребленіе христіанъ, цѣль, давно извѣстную каждому мало мальски знакомому съ „еврейскимъ вопросомъ"...

Въ связи съ этимъ Кіевъ сталъ все болѣе наполняться бѣглецами изъ Петербурга и Москвы, или иначе изъ такъ называемой „Совѣтской Россіи". Правда, и Кіевъ шелъ быстрыми шагами навстрѣчу большевикамъ и кіевскіе жиды предвкушали близость побѣды и до крайности обнаглѣли, но, все же, здѣсь еще не было ни „чрезвычаекъ", ни массоваго избіенія христіанскаго населенія, а царствовала пока только глупая „Рада", не настолько крѣпко себя чувствующая, чтобы перейти къ открытому террору.

Нашъ старинный и уютный домъ-особнякъ вскорѣ пріютилъ въ своихъ стѣнахъ моихъ петербургскихъ друзей и знакомыхъ. Первымъ прибылъ Товарищъ Министра Императорскаго Двора, графъ М. Е. Ниродъ, съ женою Софіей Ѳеодоровною, рожденной Треповою, сестрою жены, Юліей Ѳеодоровной Суходольской, и сыномъ, затѣмъ мой б. сослуживецъ Статсъ-Секретарь Государственнаго Совѣта, Гофмейстеръ Михаилъ Николаевичъ Головинъ, съ женою. Ко времени пріѣзда послѣдняго, графъ М. Е. Нироду, прожившій въ нашемъ домѣ недѣли двѣ, успѣлъ найти себѣ квартиру

и М. Н. Головинъ занялъ его помѣщеніе. Постепенно стали прибывать новыя лица и скоро нашъ домъ увидѣлъ въ своихъ стѣнахъ Государственнаго Секретаря С. Е. Крыжановскаго, б. министра земледѣлія графа А. Бобринскаго и смѣнившаго его А. А. Риттиха, б. товарища министра внутреннихъ дѣлъ А. Лыкошина, б. предсѣдателя Государственнаго Совѣта А. Куломзина, лейбъ-акушера Г. Е. Рейна, россійскаго посла въ Германіи А. Свербеева, М. И. Горемыкина и мн. др.

Позднѣе прибыла графиня Софія Сергѣевна Игнатьева, съ дочерью, графинею Ольгою Алексѣевною.

Атмосфера провинціальнаго застоя начала все болѣе разряжаться, общеніе съ столичными обывателями и членами правительства стало давать результаты, и скоро кіевляне перестали уже видѣть причины обрушившагося на Россію несчастія тамъ, гдѣ ихъ видѣли раньше. Какъ ни недовѣрчиво встрѣтило кіевское общество петербургскихъ сановниковъ, однако понадобилось очень мало времени для того, чтобы, съ чувствомъ величайшаго уваженія, преклониться предъ ними и съ недоумѣніемъ воскликнуть: „какимъ же образомъ могло случиться, что правительство, имѣя въ своемъ составѣ людей столь большого ума и широкаго кругозора могло очутиться въ рукахъ жидовъ, погубившихъ Россію"... Но и на этотъ вопросъ кіевляне скоро получили отвѣтъ... Событія разворачивались съ ураганною быстротою и скоро Кіевъ очутился въ такомъ положеніи, какое оставило позади себя всѣ ужасы Петербурга и Москвы.

Въ душевныхъ терзаніяхъ, сомнѣніяхъ, надеждахъ и ожиданіяхъ закончился кошмарный 1917 годъ.

1918 годъ.

ГЛАВА 8.

Надежды и ожиданія.

Событія принимали уже такой оборотъ, что даже самые крайніе оптимисты, вчерашніе соціалисты и кадеты, должны были признать себя побѣжденными. Періодъ болтовни на политическія темы уже кончился, событія стали расцѣниваться по иному, ибо для всѣхъ уже стало очевиднымъ, что идетъ

война не между народомъ и его угнетателями, не между „трудомъ и капиталомъ“, помѣщикомъ и крестьяниномъ, а между жидовствомъ и христіанствомъ, та именно борьба, какая надвигалась вѣками, о которой такъ часто предостерегали Россію ея лучшіе сыны, приносившіе самихъ себя въ жертву долгу предъ родиною. Вчерашніе ораторы, кричавшіе объ интересахъ „рабочаго класса“, о помощи „угнетенному народу“, о нуждахъ „пролетаріата“, ушли, посрамленные въ подполье, довольствуясь сознаніемъ своей глупости, позволившей имъ повѣрить той лжи, какую жиды выдавали за правду... Они убѣдились, что въ устахъ жидовъ „демократизмъ“ означалъ „іудаизмъ“, что „рабоче-крестьянское“ правительство есть жидовское правительство и что его цѣлью являлось не благо народа, а „ликвидація христіанства“, какъ одинъ изъ способовъ достиженія мірового владычества надъ христіанскими народами вселенной.

Такое убѣжденіе было настолько несомнѣннымъ и всеобщимъ, что рождало не только надежды, но даже увѣренность въ помощи „союзниковъ“, и Кіевъ трепетно ждалъ ихъ. Ждали измученные кіевляне и нѣмцевъ, и французовъ, и англичанъ и не допускали даже мысли о возможности безучастія Европы къ положенію, въ которомъ очутилась Россія, благодаря своему исконному благородству, честности и непоколебимой вѣрности „союзникамъ“; всѣ еще ожидали, что Европа придетъ на помощь во имя ея долга къ Россіи, которая такъ часто спасала ее отъ гибели и предъ которой Европа находилась въ неоплатномъ долгу... И даже скептики не сомнѣвались въ такой помощи, хотя и находили, что она явится не выраженіемъ отвѣтнаго благородства Европы, а будетъ диктоваться чувствомъ самосохраненія, сознаніемъ необходимости бороться съ міровою опасностью.

Однако одно разочарованіе смѣнялось другимъ и „участіе“ Европы въ судьбахъ Россіи оставило исторіи такія позорныя страницы, какія, надѣюсь, убьютъ въ самомъ зародышѣ тяготѣніе русскихъ къ „заграницѣ“ и научатъ ихъ понимать, уважать и любить Россію, самую глубокую, самую честную, самую культурную страну въ мірѣ.

Я не буду останавливаться на этихъ позорныхъ страницахъ, скажу лишь кратко, что на каждой изъ нихъ огненными буквами выгравированы слова: „*измѣна, ложь и предательство*“.

ГЛАВА 9.

Осада Кіева.

Недолго продержалась въ Кіевѣ глупая „Рада“. Пришли большевики и прогнали ее. Завоеванію Кіева предшествовала двухнедѣльная осада города, длившаяся съ 10 по 24 Января. 25 Января большевики были уже полными хозяевами Кіева и первою ихъ жертвою явился митрополитъ Кіевскій Владиміръ, звѣрски ими замученный.

Бомбардировка Кіева была такъ ужасна, что я даже не рѣшаюсь ее описывать, ибо едва ли найдется перо, способное передать этотъ ужасъ, не имѣвшій еще примѣра въ исторіи. Впрочемъ, къ разсмотрѣнію этихъ событій и нельзя подходить съ обычными человѣческими точками зрѣнія и масштабами... Здѣсь бушевали стихіи ада, справлялъ тризну сатана, и такъ и нужно оцѣнивать эти событія.

Окруженный со всѣхъ сторонъ, Кіевъ обстрѣливался не только изъ тяжелыхъ орудій, но и забрасывался снарядами съ аэроплановъ, рѣявшихъ надъ городомъ... Зловѣщій шумъ и свистъ летавшихъ въ разныхъ направленіяхъ гранатъ и шрапнелей, оглушающіе удары тяжелыхъ снарядовъ, попадавшихъ въ каменные дома, или разрывающихся на улицахъ и площадяхъ, безпрестанные взрывы пороховыхъ погребовъ и складовъ, трескотня пулеметовъ, крики раненыхъ и стоны умиравшихъ, — все это создавало такія картины, отъ которыхъ несчастные мирные жители сходили съ ума, или умирали буквально отъ страха.

Въ теченіе двухъ недѣль, безпрерывно днемъ и ночью, большевики дѣлали свое страшное дѣло, разрушая дивные кіевскіе храмы, забрасывая своими тяжелыми снарядами площади и улицы города, убивая сотни и тысячи ни въ чемъ неповинныхъ гражданъ осаждаемаго ими и обрекаемаго на гибель города.

Никакія мѣры предосторожности были, разумѣется, невозможны, ибо снаряды летали въ разныхъ направленіяхъ, сверху и со всѣхъ сторонъ и Кіевъ находился въ центрѣ перекрестнаго огня. Погибали и тѣ, кто укрывался въ погребахъ или подвалахъ каменныхъ домовъ, и тѣ, кто спасался на улицѣ, опасаясь найти смерть подъ обломками обрушивающихся домовъ, погибали и тѣ, кто искалъ убѣжища въ храмахъ Божіихъ... Эти послѣдніе обстрѣливались съ особенно ярко выраженнымъ сатанинскимъ ожесточеніемъ и кресты на куполахъ храмовъ являлись излюбленнымъ прицѣломъ большевиковъ...

Среди кіевлянъ были и герои Портъ-Артура, говорившіе, что осада Портъ-Артура была дѣтскою забавою въ сравненіи съ кіевскими ужасами, ибо доблестные защитники крѣпости, удивлявшіе весь міръ своимъ героизмомъ и превратившіеся, по выраженію генерала Стесселя, въ „тѣни", все же знали въ какомъ направленіи падаютъ снаряды японцевъ и сидѣли въ окопахъ, отбиваясь отъ нихъ... Кіевляне же не имѣли окоповъ и оставались въ своихъ домахъ, въ трепетномъ страхѣ ожидая своей участи, точнѣе неминуемой смерти...

Вспоминая теперь эти ужасы, я не могу объяснить себѣ, какимъ образомъ я пережилъ ихъ, и какъ могъ, при этихъ условіяхъ, даже выходить изъ дома, посѣщать церковь, навѣщать знакомыхъ, встрѣчать на улицахъ кіевлянъ, дѣлиться своими впечатлѣніями и выслушивать разсказы другихъ. И это тогда, когда тяжелые снаряды рвались на улицахъ, залитыхъ лужами крови, когда слышались раздирающіе душу крики раненыхъ, валявшихся на мостовой, когда площади были завалены трупами убитыхъ...

Объяснялось это, вѣрно, тѣмъ, что никто изъ насъ еще не зналъ, въ какихъ формахъ выльется владычество большевиковъ и что ожидало насъ впереди. Мы только слышали объ ужасахъ большевиковъ, знали о нихъ теоретически, но еще не извѣдали ихъ и надѣялись, что въ концѣ концовъ ужасная бомбардировка города кончится побѣдою „украинцевъ".

Однако одинъ день проходилъ за другимъ, тревожные слухи росли и... чрезъ двѣ недѣли большевики вступили въ Кіевъ.

Началось владычество большевиковъ съ повальныхъ арестовъ, обысковъ и грабежей, предпринимаемыхъ съ цѣлью взысканія контрибуціи въ нѣсколько сотъ милліоновъ рублей, наложенной побѣдителями. Сначала были ограблены банки и правительственныя учрежденія, а затѣмъ началось опустошеніе частныхъ квартиръ. И днемъ и ночью ходили вооруженные до зубовъ солдаты, въ сопровожденіи жидковъ и беззастѣнчиво грабили мирныхъ жителей, отбирая отъ нихъ самое необходимое, и угрожая смертью за утайку денегъ и вещей. Брали все что попадалось подъ руку. Являлись солдаты нерѣдко и съ своими любовницами, еще болѣе наглыми и циничными, и получали отъ трепещущихъ кіевлянъ все что требовали. Никто даже не думалъ оказывать сопротивленія, напротивъ всѣ были счастливы, если удавалось избѣжать смерти цѣною потери всего имущества и превратиться въ нищаго, всѣ были скованы ужаснымъ терроромъ и безропотно повиновались палачамъ.

Параллельно съ этимъ сыпались какъ изъ рѣшета, декреты и обязательныя постановленія большевиковъ, одинъ безумнѣе другого, начиная отъ запрещенія выѣзда изъ Кіева, окруженнаго со всѣхъ сторонъ красноармейцами, и кончая всякаго рода соціализаціями, включительно до соціализаціи женъ и дѣтей... Какъ ни разнообразны и безсмысленны на первый взглядъ казались эти „декреты“, однако вдумчивый наблюдатель, особенно, если былъ знакомъ съ ветхо-завѣтнымъ библейскимъ текстомъ, замѣчалъ опредѣленное соотношеніе между ними и ту связь, какая преслѣдовала только одну цѣль — поголовное истребленіе христіанскаго населенія.

И на этомъ кровавомъ фонѣ борьбы Свѣта и Тьмы, Добра и Зла, какъ ярко и отчетливо вырисовывалась любящая Рука Господня, какъ дивны были знаменія Божіи, какое непостижимое спокойствіе вливалось въ душу, духовно-зрячихъ людей при видѣ всемогущества Творца, обезоружившаго сатанистовъ, защищавшаго и спасавшаго просившихъ у Него помощи и на Него Одного возлагавшихъ свои упованія.

У беззащитныхъ кіевлянъ было только одно орудіе въ борьбѣ съ сатанистами — молитва къ Богу, точнѣе даже не молитва, ибо смятеніе было такъ велико, что даже пастыри церкви не могли молиться, а — вѣра, и эта вѣра творила дивныя чудеса. Вѣра, если она живая, даетъ спокойствіе, спокойствіе рождаетъ исповѣданіе, исповѣданіе — побѣждаетъ...

Прошло уже 7 лѣтъ со времени описываемыхъ событій и многое исчезло изъ моей памяти, а то, что было въ свое время записано, украли большевики. Однако, нѣкоторые разительные случаи видимаго заступленія Божія за вѣрующихъ никогда не изгладятся изъ памяти и о нихъ я долгомъ своимъ считаю повѣдать во славу Божію, въ назиданіе ближнимъ.

Меня особенно интересовала, въ эти моменты всеобщаго ужаса, психологія отношенія кіевлянъ кь Государю Императору и Царской Семьѣ и я, съ напряженнымъ вниманіемъ, слѣдилъ за рѣчами и сужденіями лицъ, которыя меня окружали и съ которыми я сталкивался. Я продолжалъ слышать вокругъ себя огульныя, необоснованныя и жестоко несправедливыя обвиненія Царя въ тѣхъ ошибкахъ и преступленіяхъ, какія приписывались Его Величеству сатанистами и повторялись молвою, и я не допускалъ, чтобы Господь не заступился за Своего Помазанника, къ Которому запретилъ даже прикасаться, и не посрамилъ бы Его строгихъ судей. И, когда начинались подобные разговоры, я старался всячески прекращать ихъ, опасаясь мгновеннаго суда Божія надъ клеветниками... Но меня не слушали.

Какъ то однажды пришелъ къ намъ, въ нашъ домъ, одинъ изъ такихъ судей, передъ тѣмъ недавно выпущенный большевиками изъ Лукьяновской тюрьмы, гдѣ онъ просидѣлъ свыше мѣсяца... Онъ занималъ высокую должность по судебному вѣдомству, былъ либераломъ и, какъ почти всѣ судейскіе чины, пребывалъ въ оппозиціи къ правительству, считая самодержавіе пережиткомъ старины, давно переросшимъ требованія современности.

Разсказавъ объ ужасахъ своего тюремнаго заключенія и невообразимыхъ издѣвательствахъ большевиковъ, онъ неожиданно закончилъ:

„Вотъ я выдержалъ и тюремный стажъ, а все-же скажу, что при Николаѣ было еще хуже"...

Я вздрогнулъ отъ этихъ словъ... На другой день, увѣренный въ своей дальнѣйшей безопасности, онъ былъ, однако вновь арестованъ, препровожденъ въ ту же Лукьяновскую тюрьму и, послѣ пытокъ и мученій, разстрѣлянъ большевиками... Слѣпой! Онъ не понялъ, что Господь чудесно выпустилъ его изъ тюрьмы на свободу для того, чтобы онъ одумался, покаялся и очистился... Подобныхъ случаевъ, когда кара настигала хулителей Помазанника Божія было много и долгъ каждаго вѣрнаго сына Россіи повелительно требуетъ запечатлѣть такіе случаи на вѣчныя времена.

Очень знаменательно и то, что большинство нашихъ мучителей, приходившихъ въ наши дома и квартиры для обысковъ и грабежей, погибали въ ужасныхъ мученіяхъ, попадая въ руки новыхъ завоевателей города. За короткое время, Кіевъ, если не ошибаюсь, переходилъ изъ рукъ въ руки свыше 30 разъ и сегодняшніе побѣдители, становились жертвою со стороны тѣхъ, кто, спустя нѣкоторое время, смѣнялъ ихъ въ этой роли.

Возвращаюсь, однако, къ разсказу о дивныхъ знаменіяхъ Божіихъ.

Въ первые дни неистовства большевическихъ бандъ Муравьева и Ремнева, буквально заливавшихъ Кіевъ кровью, были арестованы и уведены на разстрѣлъ графъ Мусинъ-Пушкинъ, сынъ бывшаго попечителя Петербургскаго учебнаго округа, предводитель дворянства Гадячскаго уѣзда, Полтавской губерніи, П. В. Кочубей и кажется князь Яшвиль, или другой кто то изъ представителей кіевской аристократіи, точно не помню. Дорогою палачи порѣшили немедленно застрѣлить ихъ и тѣмъ избѣжать процедуры суда надъ ними, очевидно не нужной и... дали залпъ, выстрѣливъ имъ въ затылокъ. Въ этотъ моментъ графъ Мусинъ-Пушкинъ вспомнилъ о Богѣ и осѣнилъ себя широкимъ крестнымъ знаменіемъ. Пуля про-

летѣла мимо... Спутники его были убиты наповалъ, а графа Мусина-Пушкина палачи отпустили...

Во время непрекращающейся канонады, длившейся, какъ я уже говорилъ, въ теченіе двухъ недѣль, почти въ каждомъ благочестивомъ домѣ служились молебны, причемъ не было ни одного случая, чтобы былъ убитъ священникъ и молящіеся. Въ угловомъ домѣ, выходящемъ фасадами на Столыпинскую и Б. Подвальную улицу, настоятель Срѣтенской церкви служилъ молебенъ. Въ этотъ моментъ тяжелый снарядъ попалъ въ домъ со стороны Столыпинской улицы, съ ужасающей силою пролетѣлъ, не задѣвъ никого изъ молящихся, чрезъ комнату и, пробивъ отверстіе въ стѣнѣ, выходящей на Б. Подвальную улицу, разорвался на мостовой, убивъ только того, кто, не дождавшись окончанія молебна, вышелъ изъ дома.

Еще болѣе разительный случай произошелъ по сосѣдству.

Въ квартиру явился молодой человѣкъ звать своихъ знакомыхъ на молебенъ, служившійся рядомъ, въ смежномъ домѣ. Семья, состоящая изъ восьми человѣкъ, сидѣли въ это время въ столовой за обѣдомъ и, повидимому, не проявила желанія поторопиться, предпочитая окончить обѣдъ. Молодой человѣкъ ушелъ. Не успѣлъ онъ выйти на улицу, какъ тяжелый снарядъ влетѣлъ въ столовую и *обезглавилъ всѣхъ сидѣвшихъ за столомъ*. Молодой человѣкъ и всѣ бывшіе съ нимъ, въ смежномъ домѣ на молебнѣ, спаслись.

Во время совершенія литургіи въ Десятинной церкви Св. Николая, тяжелый снарядъ попалъ въ главный куполъ храма и, пролетѣвъ черезъ храмъ, врѣзался въ престолъ, на которомъ приносилась въ этотъ моментъ Безкровная Жертва Богу. Снарядъ не разорвался и пастырь церкви продолжалъ богослуженіе. Аналогичный случай имѣлъ мѣсто и въ Срѣтенской церкви.

Безчисленное количество знаменій Божіихъ совершалось на глазахъ кіевлянъ у часовни на Б. Житомірской улицѣ, принадлежащей „Скиту Пречистыя", куда, украдкою, ходили даже большевики. Всѣмъ извѣстенъ случай, когда цѣлая рота большевиковъ разстрѣливала одного молодого офицера, въ то время, когда его жена, колѣнопреклоненно молилась въ часовнѣ Матери Божіей, заливая икону „Нечаянной Радости" слезами... Выпустивъ въ несчастнаго десятки ружейныхъ пуль, большевики отпустили его, сказавъ: „коли тебя даже пуля не беретъ, такъ иди себѣ на всѣ четыре стороны, некогда съ тобою возиться"... Этотъ поразительный случай поистинѣ чудесной помощи Божіей заставилъ говорить о себѣ всѣхъ

кіевлянъ и даже вразумилъ нѣсколькихъ большевиковъ, которые затѣмъ покаялись.

Я никогда бы не кончилъ, если бы задался цѣлью описать хотя бы тѣ знаменія Божіи, свидѣтелемъ которыхъ я былъ лично, или о которыхъ слышалъ по разсказамъ другихъ. Многое уже позабыто, а этого рода описанія, въ наше безвѣрное время, болѣе чѣмъ какія либо иныя, требуютъ точности и доказательствъ. Занести ихъ на страницы исторіи есть общехристіанскій долгъ каждаго добросовѣстнаго человѣка и тотъ, кто вспомнитъ притчу Христову о десяти прокаженныхъ, тотъ это сдѣлаетъ. Здѣсь нуженъ коллективный трудъ всѣхъ свидѣтелей этихъ знаменій Божіихъ, нужно самостоятельное изданіе такой книги, какая бы явила міру промыслительныя дѣйствія Господа въ это страшное время гоненій на Христа и Его Церковь, которая бы вразумила заблудшихъ, воочію показавъ имъ Бога Живаго и посрамила бы горделивыхъ, отрицающихъ Промыслъ Божій въ судьбахъ міра и человѣка...

О звѣрствахъ большевиковъ напечатаны уже сотни и тысячи книгъ, о благодатномъ же заступленіи Божіемъ за вѣрующихъ, въ моменты чинимыхъ большевиками звѣрствъ, нѣтъ еще ни одной книги. Взываю ко всѣмъ вѣрующимъ въ Бога и особливо къ испытавшимъ на себѣ милости Божіи, съ горячею просьбою собрать и подробно описать тѣ знаменія Божіи, свидѣтелями которыхъ они сами были, или о которыхъ слышали отъ другихъ... Я вѣрю, что Господь, явившій безчисленныя чудеса Своей милости къ людямъ, дастъ, во имя Своей любви къ нимъ, и возможность повѣдать объ этихъ чудесахъ всему міру... Изданіе такой книги есть нашъ долгъ предъ Богомъ, долгъ нашего религіознаго сознанія и въ то же время долгъ предъ Россіей, на которую всегда изливались безмѣрныя и богатыя милости Божіи. Этотъ долгъ ревностно выполнялся нашими предками, отмѣчавшими не только въ своихъ записяхъ и дневникахъ, но и на страницахъ печати всякаго рода проявленія Промысла Божія въ ихъ жизни и, потому, никогда не жаловавшихся на гнѣвъ или кару Божію, или на то, что они забыты Богомъ. И, если бы человѣчество отмѣчало бы и сохраняло въ памяти потомства безчисленныя проявленія милости Божіей къ людямъ въ ихъ повседневной жизни, если бы ревновало о славѣ Божіей на землѣ такъ, какъ ревнуетъ о собственной славѣ, разжигаемое гордостью и честолюбіемъ и увѣковѣчивая въ памяти потомства свои собственные „подвиги“ и исчезающія въ предѣлахъ времени „заслуги“, то весь міръ не вмѣстилъ бы всего числа написанныхъ книгъ и вся сумма человѣческаго горя и стра-

даній стала бы расцѣниваться по иному и разсматриваться съ иныхъ точекъ зрѣнія. Тогда было бы ясно, что Богъ ни на минуту не оставлялъ человѣка безъ Своего попеченія и что въ своихъ бѣдствіяхъ люди сами виноваты, ибо сами ихъ вызывали вопреки благой волѣ Божіей. Мы даже не замѣчаемъ до чего далеко ушли отъ Бога, какъ рѣзко измѣнился укладъ нашей жизни и ея содержаніе, а особенно наша психика, сравнительно только съ прошлымъ 19-мъ вѣкомъ. Стоитъ развернуть предъ собою наши старыя періодическія изданія за 70-80-е годы прошлаго столѣтія, т. е. всего за 50-60 лѣтъ тому назадъ, чтобы увидѣть какою свѣжестью была проникнута русская мысль, какъ вѣрно понимала печать, еще не попавшая въ рабство къ жидамъ, свою задачу, какъ почитала первѣйшимъ своимъ долгомъ воздавать славу Богу, отмѣчать проявленія Промысла Божія въ повседневной жизни и христіанизировать русскую общественную мысль. Такіе журналы, какъ „Душеполезный Собесѣдникъ“ и цѣлая серія сборниковъ назидательнаго чтенія, издаваемыхъ духовенствомъ и благочестивыми мірянами, останутся навсегда образцами русской литературы по глубинѣ русской мысли. И стоитъ развернуть любую страницу этихъ изданій, чтобы содрогнуться при мысли о томъ, до чего близокъ Богъ къ человѣку и до чего упорно и настойчиво человѣкъ удалялся отъ Бога все дальше и дальше, пока не зашелъ уже въ такія дебри, откуда пересталъ и видѣть и слышать Бога.

Не видѣли и не слышали и не замѣчали люди Бога и Его попеченій въ мирное и тихое время своего благополучія, но самые закоренѣлые и упорные въ грѣхахъ люди стали видѣть Руку Господню во дни ниспосланныхъ свыше испытаній, стали молиться, креститься и взывать о помощи и спасеніи... Пусть же хотя теперь повѣдаютъ славу Божію и увѣковѣчатъ въ памяти потомства то, чему сами были свидѣтелями, что видѣли или слышали отъ другихъ, въ назиданіе грядущимъ поколѣніямъ, во исполненіе своего долга предъ Богомъ.

ГЛАВА 10.

Убійство Митрополита Кіевскаго Владиміра.

(† 25 Января 1918 г.)

Ужасна была бомбардировка Кіева днемъ, но еще ужаснѣе были ощущенія ночью. Трескъ разрывающихся снарядовъ,

попадавшихъ въ каменныя стѣны домовъ, былъ такъ ужасенъ, удары до того оглушительны, что мы просиживали напролетъ всѣ ночи, затыкая уши, или пряча головы въ подушки, въ трепетномъ страхѣ за свою участь... Крыши и стѣны сосѣднихъ домовъ были уже испещрены зіяющими отверстіями отъ брошенныхъ въ нихъ снарядовъ и мы ждали, когда дойдетъ очередь до нашего дома, кому изъ насъ Господь пошлетъ смерть и кто останется въ живыхъ. Тѣмъ не менѣе, въ нашъ раіонъ сталъ стекаться чуть ли не весь Кіевъ, ибо, какъ ни велики были разрушенія въ Старомъ городѣ, все же ихъ было меньше, чѣмъ въ раіонахъ, прилегавшихъ къ крѣпостному валу и Кіево-Печерской Лаврѣ, служившей главною мишенью для обстрѣла со стороны озвѣрѣвшихъ большевиковъ. Положеніе митрополита Кіевскаго Владиміра становилось все болѣе опаснымъ, отношеніе къ нему братіи Лавры, состоявшей почти исключительно изъ мужиковъ, становилось все болѣе подозрительнымъ. Дисциплина исчезла и въ Лаврѣ повторилось лишь обычное явленіе, когда господъ предавали ихъ собственные, облагодѣтельствованные ими слуги. Революціонныя настроенія проникли въ самую толщу иноческой братіи и полуграмотный монахъ добивался сана іеромонаха съ такимъ же азартомъ, какъ и бездарный, невѣжественный архимандритъ, безъ всякаго образованія, — епископскаго сана. Аппетиты разгорались, достиженіе самыхъ безумныхъ цѣлей стало казаться, съ помощью революціи, возможнымъ, препятствіе усматривалось только въ старорежимныхъ порядкахъ, представителемъ и выразителемъ которыхъ былъ митрополитъ, единственный интеллигентный и образованный человѣкъ на этомъ мужицкомъ фонѣ изъ 800 человѣкъ братіи, и мысль объ убійствѣ его не только не вызывала негодованія и возмущенія, а разсматривалась чуть ли не какъ выходъ изъ положенія, какъ средство, способное удовлетворить эти разросшіеся аппетиты. Вотъ почему, когда въ среду братіи впервые проникли слухи о возможности покушенія на жизнь митрополита, то не только младшая, но даже старшая братія не приняла никакихъ мѣръ къ охранѣ своего архипастыря, а поторопилась заручаться благорасположеніемъ новыхъ властителей города, безбожниковъ и изувѣровъ.

А между тѣмъ, казалось бы, армія въ 800 человѣкъ братіи, вооруженная хотя бы дрекольями, могла бы отстоять натискъ разбойничьихъ бандъ, являвшихся въ Лавру каждый разъ въ числѣ не болѣе 8-10 человѣкъ... Страннымъ было и то, что всѣ входы въ Лавру, стоявшіе обычно на запорѣ, были во дни владычества большевиковъ, открыты и послѣдніе безпрепятственно шатались по погосту, чинили всевоз-

можныя безчинства, оскорбляли святыни, не встрѣчая сопротивленія ни съ чьей стороны. Казалось, вся братія была скована терроромъ и такое предположеніе могло быть вѣроятнымъ, если бы, наряду съ этимъ, не было установлено, что эти же большевики заходили вечерами въ келліи знакомыхъ монаховъ и предавались пьянству. Существовалъ ли опредѣленный заговоръ противъ жизни митрополита я не знаю, но несомнѣнно, что митрополитъ Владиміръ не пользовался популярностью среди невѣжественной братіи, не способной ни понять, ни оцѣнить своего кроткаго и смиреннаго, но прямого и твердаго архипастыря.

Къ общимъ причинамъ недовольства Владыкою прибавлялись и частныя, рожденныя ожесточеннымъ натискомъ на православную Церковь со стороны „украинцевъ", стремившихся отобрать себѣ не только нѣкоторые храмы, въ томъ числѣ и Софійскій соборъ, но и капиталы, принадлежащіе этимъ храмамъ, и домогавшихся совершенія богослуженія на „украинской мовѣ". Были пущены слухи, что означенные капиталы хранятся у митрополита Владиміра и этихъ нелѣпостей было достаточно для того, чтобы требованіе о возвращеніи капиталовъ было предъявлено митрополиту.

Положеніе Владыки становилось уже настолько угрожающимъ, что митрополитъ началъ готовиться къ смерти и даже написалъ свое завѣщаніе... Предчувствіе не обмануло Владыку... На другой день онъ былъ убитъ. Вечеромъ, 25 Января въ покои митрополита ворвалась банда большевиковъ, состоящая изъ 4-5 человѣкъ. Всѣ они были вооружены до зубовъ, тѣмъ не менѣе швейцаръ даже не подумалъ созвать на помощь братію Лавры, что легко было бы сдѣлать перезвономъ колоколовъ, а впустилъ злодѣевъ въ пріемную, откуда они безпрепятственно, никѣмъ не удерживаемые, прошли къ митрополиту. Подробности убійства митрополита были въ свое время описаны въ изданной Лаврою иллюстрированной книжкѣ, и не сохранились въ моей памяти, но общая картина убійства вырисовывается довольно ясно. Поднявшись на второй этажъ, разбойники стали бродить по всѣмъ комнатамъ, съ любопытствомъ осматривая ихъ, и, повидимому, никуда не спѣшили, до такой степени велика была ихъ увѣренность въ томъ, что никто имъ не помѣшаетъ привести въ исполненіе ихъ злодѣйскій замыселъ. Я обращаю на то обстоятельство особенное вниманіе, дабы подчеркнуть, что Лаврская братія имѣла полную возможность явиться на помощь митрополиту и спасти его. Разбойники смѣлы, когда ихъ боятся и, разумѣется, разбѣжались бы при встрѣчѣ съ арміей въ нѣсколько сотъ человѣкъ Лаврской братіи... Но на помощь

къ митрополиту никто не явился, всѣ сидѣли по своимъ келліямъ и не сдвинулись съ мѣста.

Отыскавъ митрополита, разбойники набросились на него съ требованіемъ вернуть капиталъ въ нѣсколько десятковъ или сотенъ тысячъ, не помню точно, якобы хранившійся въ покояхъ митрополита и принадлежащій „украинской“ церкви, угрожая, въ случаѣ отказа, немедленной смертью. Митрополитъ Владиміръ отвѣтилъ, что никакихъ капиталовъ у него нѣтъ и просилъ злодѣевъ не вѣрить распускаемымъ злостнымъ слухамъ... Какъ долго длилась такого рода бесѣда и въ чемъ она состояла, я не знаю, но закончилась она командою одного изъ наиболѣе озвѣрѣвшихъ разбойниковъ, крикнувшаго:

„Чего тамъ смотрѣть, да разговаривать, бей его“...

Въ этотъ же моментъ злодѣи набросились на беззащитнаго старца и сорвавъ съ него не только панагію, но даже шейный золотой крестикъ, стали вытаскивать Владыку изъ его покоевъ...

„Если вы хотите меня убивать, то убивайте здѣсь“, молилъ Владыка, но злодѣи, не обращая вниманіе на мольбу, продолжали наносить старцу удары и выводить его на Лаврскій погостъ...

Было около 8 часовъ вечера 25 Января, стояли лютые морозы.

„Холодно“, взмолился митрополитъ.

Злодѣи остановились на лѣстницѣ и одинъ изъ нихъ принесъ шубу, а другой бѣлый клобукъ, съ бриллiантовымъ крестомъ, и вручивъ ихъ митрополиту, повели его дальше...

Окруженный вооруженными до зубовъ злодѣями, митрополитъ шелъ точно на распятіе...

Что думалъ и переживалъ въ эти ужасные моменты престарѣлый архипастырь, что испытывала его трепетавшая душа?!...

Я вспомнилъ о томъ, какъ такіе же вооруженные до зубовъ солдаты вели меня 1 Марта 1917 года изъ моей квартиры, черезъ Литейный проспектъ, Фурштадтскую и Таврическую улицы, въ министерскій павильонъ Государственной Думы, какъ гоготала уличная толпа, готовая, казалось, разорвать меня на части, и какъ, при всемъ томъ, ни эта ближайшая перспектива, ни грядущая неизвѣстность моей дальнѣйшей судьбы, были безсильны нарушить то удивительное, ничѣмъ не возмутимое спокойствіе, какое я испытывалъ въ эти моменты сведенія счетовъ съ жизнью, такіе страшные и ужасные, если смотрѣть на нихъ со стороны...

Можетъ быть и митрополитъ Владиміръ, учитывая психологію происходящаго, былъ спокоенъ за себя... Но тотъ

фактъ, что Лаврская братія, еще вчера унижавшаяся и пресмыкавшаяся предъ нимъ, не только покинула его сегодня, но, прячась за стѣны храмовъ и Лаврскихъ зданій, украдкою смотрѣла на то, какъ пять вооруженныхъ злодѣевъ вели его на казнь, отзывался, конечно, жгучею болью въ сознаніи Владыки.

Поравнявшись съ главнымъ храмомъ Лавры, митрополитъ остановился и, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, низко поклонился, мысленно прощаясь съ обителью.

„Куда вы меня ведете", спросилъ Владыка у злодѣевъ.

„Въ Духовный Соборъ Лавры", отвѣтилъ одинъ.

„Въ Главный Штабъ", отвѣтилъ другой.

У боковыхъ воротъ ограды толпились монахи... Увидѣвъ процессію, они молча разступились и процессія пошла дальше, по направленію къ крѣпостнымъ валамъ... Пройдя значительное разстояніе, злодѣи остановились у пригорка, между Лаврою и Никольскимъ военнымъ соборомъ. Мѣсто было людное, почти вплотную примыкавшее къ трамвайной линіи, но это нисколько не смущало разбойниковъ. Снявъ съ митрополита бѣлый клобукъ, шубу, рясу и подрясникъ и оставивъ Владыку только въ нижнемъ бѣльѣ, злодѣи стали наносить ему штыковыя раны, а затѣмъ начали разстрѣливать изъ ружей и револьверовъ. Изуродовавъ свою жертву, они бросили трупъ на мѣстѣ злодѣянія и скрылись.

Непонятно, непостижимо, почему никто изъ состава Лаврской братіи даже не подумалъ прослѣдить, куда злодѣи повели митрополита, что никто изъ нихъ не послѣдовалъ хотя бы украдкой за своимъ архипастыремъ, если даже не для того, чтобы спасти его, то хотя бы для того, чтобы узнать о мѣстѣ казни. Всю ночь окоченѣвшій трупъ убіеннаго митрополита пролежалъ на пригоркѣ, у опушки лѣса, только на другой день, случайно, проходившая мимо женщина, пораженная злодѣяніемъ, принесла ужасную вѣсть въ Лавру.

Прибывшая на мѣсто убійства братія Лавры, перенесла на носилкахъ изуродованное тѣло своего архипастыря, съ трудомъ положила его въ гробъ ибо одна нога была сведена и не разгибалась, а на слѣдующій день похоронила его... Злодѣи же даже не думали скрываться, ихъ видѣли на одномъ изъ кіевскихъ базаровъ продающими панагію и брилліантовый крестъ съ бѣлаго клобука митрополита... Повсюду царилъ терроръ и анархія, защиты не было, жаловаться было некому...

Городъ былъ полонъ самыхъ разнообразныхъ слуховъ и версій по поводу кошмарнаго убійства... На мѣсто злодѣянія, гдѣ былъ водруженъ крестъ, обнесенный оградою, стали стекаться богомольцы...

ГЛАВА 11.

Приходъ нѣмцевъ.

Продержавшись въ Кіевѣ меньше мѣсяца, съ 25 Января по 16 Февраля (1 Марта) 1918 года, заливъ городъ кровью разстрѣлянныхъ ими жертвъ, среди которыхъ было свыше 6.000 офицеровъ и около 1.000 офицерскихъ дѣтей, воспитанниковъ мѣстнаго кадетскаго корпуса, большевики были, наконецъ, вытѣснены изъ Кіева украинцами, явившимися на этотъ разъ въ сопровожденіи нѣмцевъ. Энтузіазмъ населенія не поддавался описанію. Нѣмцевъ забрасывали цвѣтами, заливались при встрѣчѣ съ ними слезами, обнимали и цѣловали, молились на нихъ... Правда, наиболѣе горячія оваціи побѣдителямъ инсценировались провокаторами, которые, затѣмъ, и предавали тѣхъ, кто имъ вѣрилъ. Я молча глядѣлъ на вступленіе нѣмецкой арміи въ городъ, шедшей тѣмъ характернымъ маршемъ, высоко поднимая ноги, какой увѣковѣченъ цѣлымъ рядомъ безсмертныхъ карикатуръ, невольно вызывавшихъ улыбку и восхищеніе предъ нѣмецкой муштрой, я видѣлъ этотъ неописуемый восторгъ изстрадавшихся кіевлянъ, ихъ слезы умиленія при звукахъ оркестра... и мысленно спрашивалъ себя, зачѣмъ же нужно было воевать съ ними, зачѣмъ была нужна эта ужасная война, которой конца не видно, развѣ теперь не ясно, что война была нужна только тѣмъ, кто своею цѣлью ставилъ уничтоженіе двухъ могущественнѣйшихъ монархій, какъ самаго надежнаго оплота христіанства, что этого не поняли ни русскіе, ни нѣмцы, такъ легкомысленно попавшіеся въ сѣти Интернаціонала?!..

Восторгамъ кіевлянъ не было конца... Каждый шагъ, каждое распоряженіе, каждое дѣйствіе новой власти отличалось смѣлостью, рѣшительностью, было до мелочей продумано и давало мгновенные результаты. Не только въ самомъ городѣ, но и далеко въ его окрестностяхъ, въ смежныхъ уѣздахъ и даже губерніяхъ, на пространствѣ всей Малороссіи, былъ водворенъ порядокъ въ одинъ мигъ и большевики точно провалились въ бездну... Одинъ-два карательныхъ отряда, посланныхъ въ села и деревни и разстрѣлъ на мѣстѣ небольшой горсти хулигановъ, съ корнемъ вырвалъ большевическую заразу и жизнь, точно по мановенію волшебнаго жезла, вошла въ свое прежнее русло... Со всѣхъ сторонъ неслись благословенія новой власти и измученное населеніе боялось только одного — какъ бы нѣмцы не ушли изъ Малороссіи и не оставили ее на произволъ судьбы, для новаго растерзанія большевиками.

Какое значеніе могли имѣть при этомъ обвиненія въ корыстныхъ расчетахъ нѣмцевъ, преслѣдовавшихъ мирное завоеваніе Малороссіи, вывозъ оттуда сахара и хлѣба въ Германію и пр., если взамѣнъ этого они прогнали убійцъ и разбойниковъ, осквернявшихъ святыни, предававшихъ мучительной казни женщинъ и дѣтей, поголовно истреблявшихъ христіанское населеніе многострадальной Малороссіи?!... Кіевляне видѣли въ оккупаціи Малороссіи лишь начало общей оккупаціи Россіи, мечтали о томъ, что нѣмцы спасутъ и Царя, со всею Семьей, томившейся въ Сибири и тѣмъ оправдаютъ открытый разрывъ съ измѣнившими Россіи „союзниками" ея, аннулируютъ всѣ прежнія обязательства къ нимъ, добросовѣстное выполненіе которыхъ довело Россію до гибели. И эти мечты вовсе не казались несбыточными, а диктовались всѣмъ ходомъ постепенно разворачивающихся событій.

Необходимо не только отмѣтить, но и подчеркнуть тотъ фактъ, что большевики стали покидать Кіевъ при первомъ же дошедшемъ къ нимъ слухѣ о приближеніи нѣмцевъ. Они обращались въ паническое бѣгство, когда слухи стали подтверждаться, ибо трепетали при одномъ только словѣ „регулярная армія"... И это тогда, когда „красная" армія была въ апогеѣ своей славы, когда дурманъ еще сковывалъ ея ряды и истинная природа большевичества еще не была разгадана обманутыми солдатами, не сознававшими того, что они находились въ рукахъ жидовъ, являясь слѣпымъ орудіемъ послѣднихъ, когда эта же „красная" армія, одерживая въ междоусобной войнѣ одну побѣду за другой, разгромила впослѣдствіи Деникинскую армію и вытѣснила барона Врангеля изъ Крыма...

Сейчасъ этотъ дурманъ давно прошелъ; полуодѣтая, истощенная и голодная „красная" армія давно ждетъ избавителей, жаждетъ сигнала, чтобы повергнуть дула своихъ орудій противъ мучителей и палачей, а между тѣмъ Европа все еще толкуетъ о какой то совѣтской арміи, учитываетъ ея „силу", а вопросъ объ интервенціи вызываетъ разногласія даже въ средѣ русской эмиграціи...

Страхи большевиковъ предъ „регулярною" арміей были основательны. Въ тылу оставалось еще много большевиковъ провокаторовъ и они то и были свидѣтелями дѣйствій и пріемовъ нѣмецкаго команднаго состава, они видѣли, какъ одна рота нѣмецкихъ солдатъ, подъ предводительствомъ юноши-офицера, обращала, при своемъ появленіи въ село, въ паническое бѣгство тысячи большевиковъ, даже не примѣняя оружія, а ограничиваясь однимъ властнымъ приказомъ повиноваться новой власти.

Обезоруживая одно село за другимъ и разстрѣливая на площадяхъ зачинщиковъ, выдаваемыхъ мѣстнымъ населеніемъ, такіе карательные отряды творили чудеса и возвращались въ Кіевъ, встрѣчаемые всеобщимъ ликованіемъ...

Кіевъ сталъ оживать... Снова на куполѣ Кіевской городской Думы было водружено бронзовое, горѣвшее золотомъ, изваяніе покровителя города, Архангела Михаила, кощунственно свергнутое большевиками, снова засіяло въ сердцахъ кіевлянъ солнце и вернулись спокойствіе и радость надежды на конецъ испытаній...

Началась строиться новая жизнь. Оккупація Кіева нѣмцами явилась, конечно, не выраженіемъ ихъ участія къ страданіямъ русскихъ, не рыцарскою доблестью сосѣдей, а только политическимъ актомъ, хотя и предпринятымъ по соображеніямъ свойства экономическаго, однако скрывавшимъ за собою и общую цѣль — выдѣленіе Малороссіи изъ состава Россійской Имперіи и образованіе изъ нея самостоятельной единицы, подъ именемъ „Украйны".

Въ соотвѣтствіи съ этими планами и началась строиться въ Малороссіи государственная жизнь... Политическія вожделѣнія нѣмцевъ съ одной стороны, недомысліе „украинцевъ" и беззащитность русскаго населенія Малороссіи съ другой, предопредѣляли дальнѣйшій ходъ событій и на фонѣ „украинскаго" вопроса появилась фигура „гетмана" Скоропадскаго. Малороссія возвращалась къ первоначальнымъ этапамъ своей исторіи...

ГЛАВА 12.

Украинскій вопросъ, его природа и исторія.

Идея „самостійной Украины" — очень старая идея и имѣетъ свою исторію тѣснѣйшимъ образомъ связанную съ исторіей многострадальной Галицкой Руси и донынѣ томящейся въ чужой неволѣ.

Съ 1340 по 1772 годъ Галицкая Русь, составляющая земли Владиміра Святого, Ярослава, Романа и Даніила, находилась, какъ извѣстно, подъ польскимъ владычествомъ, претерпѣвая величайшія страданія и подвергаясь жестокимъ преслѣдованіямъ за православную вѣру. На протяженіи вѣковъ, измученное гоненіями и издѣвательствами, православное населеніе юго-западныхъ русскихъ областей взывало о помощи, однако ни настойчивыя представленія русскаго правительства,

ни ходатайства русскихъ пословъ въ Варшавѣ, ни даже участіе королевской власти въ Польшѣ, находившейся подъ гнетомъ сейма, состоявшаго изъ магнатовъ и представителей высшаго католическаго духовенства и іезуитовъ, ярыхъ гонителей православія и горячихъ защитниковъ уніи, не достигали цѣли до тѣхъ поръ, пока не пало Польское королевство и земли Рѣчи Посполитой были раздѣлены между Россіей, Пруссіей и Австріей. Въ результатѣ Россія получила, по тремъ раздѣламъ Польши, всѣ свои прежнія русскія земли, кромѣ Галиціи, какая, за исключеніемъ только двухъ уѣздовъ Тарнопольскаго и Сколатскаго, досталась Австріи. Однако, въ 1815 году, послѣ побѣдоносныхъ войнъ за избавленіе Европы отъ ига Наполеона, и эти два уѣзда были присоединены, по Вѣнскому конгрессу, къ Австріи и населеніе ихъ, состоящее изъ 1 милліона жителей, возсоединенное съ православіемъ, было вновь насильственно обращено въ унію.

Такимъ образомъ, многострадальная исторія Галиціи дѣлится на два періода, первый, когда Галиція находилась подъ польскимъ владычествомъ, съ 1340 по 1772 годъ, и второй, когда она очутилась подъ игомъ Австріи, подъ которымъ пребывала вплоть до революціи 1917 года, перемѣшавшей всѣ карты политической игры Европы, создавшей Польскую республику и цѣлый рядъ еще не разрѣшенныхъ политическихъ проблемъ. Этого послѣдняго періода я вовсе не буду касаться, а остановлюсь лишь на двухъ предшествующихъ, съ цѣлью указать источникъ происхожденія „украинскаго“ вопроса и объяснить природу „украинофильства“.

Владычество Польши, продолжавшееся свыше четырехъ столѣтій, оставило глубокій, неизгладимый слѣдъ въ жизни нашихъ братьевъ по крови, вѣрѣ и языку и кореннымъ образомъ измѣнило общественную и религіозную жизнь Галицкой Руси.

Русская культура была замѣнена польскою, повсюду введены польскіе обычаи и порядки и, конечно, въ первую очередь польскій языкъ. Но особенный фанатизмъ проявило польское правительство въ отношеніи православной вѣры русскихъ галичанъ. Ревностная пропаганда католичества сопровождалась жестокими преслѣдованіями православія. Соблазняемыя тѣми выгодами и преимуществами, которыми пользовалась польская шляхта, многія родовитыя русскія фамиліи, высшее духовенство и купечество теряли силу духа и воли и оставляли вѣру своихъ отцовъ и дѣдовъ. Перенимая отъ Польши языкъ и культуру, они мало по малу ополячивались окончательно и вѣрными православію остались, по выраженію галичанъ, только „попъ да хлопъ“, т. е. низшее

духовенство и простой народъ, подвергавшіеся неслыханнымъ мученіямъ, страданіямъ и гоненіямъ. Съ переходомъ Галиціи подъ владычество Австріи, положеніе ни въ чемъ не измѣнилось. Хотя Австрія и преслѣдовала, казалось, только политическія цѣли, вызванныя опасеніемъ близкаго сосѣдства нѣсколькихъ милліоновъ русскаго народа, граничившаго съ могущественной Россійской Имперіей, и усердно германизировала „королевство Галиціи и Лодомеріи", вводя повсюду австрійское самоуправленіе и судопроизводство и обязательный нѣмецкій языкъ, отдавая галицкія земли нѣмецкимъ колонистамъ и пр., но въ отношеніи преслѣдованія православной вѣры галичанъ едва ли не превзошла даже Польшу. Въ глазахъ Австріи, унія являлась самымъ вѣрнымъ, самымъ испытаннымъ средствомъ разобщенія галичанъ съ Россіей, а этого было достаточно для того, чтобы оправдать самыя жестокія гоненія на православную вѣру. Австрія, кромѣ того, являлась самой послушной дочерью Ватикана, самымъ вѣрнымъ орудіемъ папства и слѣпо осуществляла директивы послѣдняго, что рождало въ этой области, ея полное единомысліе съ Польшей, несмотря даже на то, что въ сферѣ политической цѣли Австріи и Польши не только не совпадали, а, наоборотъ, были рѣзко противоположны.

Австрія стремилась къ захвату всей южной Россіи и, расширяя предѣлы Малороссіи отъ Карпатъ и до Кавказа, имѣла въ виду образованіе самостоятельнаго государства, подъ именемъ „Украйны", которое бы находилось въ вассальной зависимости отъ нея до момента окончательнаго сліянія съ Австрійской имперіей. Кіевъ долженъ былъ сдѣлаться столицею этого государства, унія—переходнымъ мостомъ къ католичеству... Отсюда понятно, что пропаганда латинства и уніи совпадала съ общеполитическими видами Австріи и всячески ею поддерживалась. Польша же, поддерживая унію, мечтала о возстановленіи Польскаго королевства, съ восточною Галиціей, Волынью и прочими частями Малороссіи, расширяя предѣлы своего будущаго королевства „отъ моря и до моря", т. е. отъ Балтійскаго и до Чернаго моря и преслѣдуя совершенно противоположные австрійскимъ интересы.

Каждая изъ сторонъ имѣла своихъ агентовъ въ теченіе многихъ десятилѣтій развивавшихъ свою дѣятельность, въ результатѣ которой и возникъ „украинскій" вопросъ и создалось украинофильское движеніе. Ни Австрія, ни Польша не замѣчали того, что являлись лишь орудіемъ въ рукахъ третьихъ лицъ нисколько не заинтересованныхъ ни расширеніемъ предѣловъ Австрійской монархіи, ни возстановленіемъ Польскаго королевства и тотъ фактъ, что, послѣ паденія въ 1708

году Львовскаго братства, православные храмы Галиціи очутились въ арендѣ евреевъ, безъ разрѣшенія которыхъ нельзя было совершать богослуженія въ храмахъ, что подъ видомъ гоненія на православіе, преслѣдовалась христіанская религія вообще и вытѣснялись христіанскія начала изъ государственной и общественной жизни, не раскрывалъ имъ глазъ на истинную природу ихъ политической дѣятельности, отвѣчавшей лишь заданіямъ тѣхъ, кто во главу угла ставилъ уничтоженіе всякихъ монархій и ликвидацію христіанства.

Но въ наихудшемъ положеніи очутились, все же, наиболѣе одураченные „украинцы", въ свою очередь мечтавшіе о „самостійной Украйнѣ", не связанной ни съ Австріей, ни съ Польшей, а образующей самостоятельное государство, съ гетманомъ во главѣ.

Какое удивительное невѣжество, какое преступное незнаніе исторіи отражаетъ каждая страница этого „украйнофильскаго" движенія! И это тогда, когда ни Австрія, ни Польша не скрывали своихъ завѣтныхъ цѣлей совершенно уничтожить русскую народность, когда въ самой Галиціи не было ни одного человѣка, который бы не помнилъ завѣщанія генерала Мѣрославскаго: „бросимъ огни и бомбы за Днѣпръ и Донъ, въ самое сердце Россіи; пусть разоряютъ, опустошаютъ и губятъ Русь; возбудимъ ссоры въ самомъ русскомъ народѣ, пусть онъ разрываетъ себя собственными когтями; по мѣрѣ того, какъ онъ ослабляется, мы крѣпнемъ и растемъ". (А. Бѣлгородскій. Галицкая Русь въ борьбѣ за вѣру и народность. Церк. Вѣд. 1914 г., стр. 1692).

Хотя это завѣщаніе написано и польскимъ генераломъ, однако очень ясно, кто стоялъ за его спиною и диктовалъ ему эти жидовскія вожделѣнія. Между тѣмъ русскіе галичане продолжали тратить свои силы въ междоусобной борьбѣ. Пользуясь покровительствомъ и матеріальною поддержкою правительства, украинская партія основала въ 1868 году свое общество „Просвіта", а въ 1873 году „Товаріство имени Шевченка". Оба эти учрежденія носятъ явно враждебный для русскаго дѣла характеръ. Подобно Австріи и Польшѣ, украйнофилы также мечтали о созданіи „самостійнаго" государства отъ Карпатъ и до Кавказа, съ Кіевомъ, столицею этого государства. Въ своихъ газетахъ „Діло", „Русланъ", „Свобода" и др., а также многочисленныхъ книгахъ и брошюрахъ, украинцы вели усиленную пропаганду своихъ идей, проповѣдуя ненависть къ Россіи и русскому правительству. Въ 1890 году состоялось формальное соглашеніе поляковъ и украинцевъ, положившее начало „новой эры". Результатомъ этого союза былъ новый натискъ на русскій языкъ и русскую народность

въ Галиціи и образованіе особаго украинскаго жаргона, представляющаго собою смѣсь польскаго, нѣмецкаго, малорусскаго и латинскаго языковъ. Прекрасный русскій языкъ былъ изуродованъ и обратился въ какое то неудобоваримое мѣсиво. „Квестія“, „колумнія“, „денунціація“, „субвенція“, „праця“, „квота“, „мова“, — вотъ перлы этого новаго языка, который правительство старается насильственно распространять среди галицко-русскаго народа. (Тамъ же, стр. 1692 и 1693).

Всѣ эти нелѣпости, гуляя на просторѣ въ Галиціи, просачивались и за ея предѣлы, и Кіевъ былъ уже издавна ареною дѣятельности глупыхъ украинцевъ, не понимавшихъ того, что они являлись лишь орудіемъ въ рукахъ Австріи и Польши, какія, въ свою очередь, были орудіемъ въ рукахъ жидовскаго кагала. Однако, до войны 1914 года эта дѣятельность скрывалась въ подпольи. Революція же 1917 года открыла ей двери настежь и къ моменту описываемаго мною періода времени, украйнизація шла во всю и выражалась не только въ замѣнѣ русскихъ вывѣсокъ малорусскими, не только въ насильственномъ внѣдреніи „украинской мовы“ и гоненіяхъ на православіе, но и въ поискахъ гетмана.

Заядлые украйнофилы возлагали на помощь пришедшихъ въ Малороссію нѣмцевъ великія надежды и эти надежды не посрамили ихъ.

Свиты Его Величества генералу П. Скоропадскому, избранному гетманомъ, пришлось вписать свое имя въ одну изъ позорнѣйшихъ страницъ исторіи смутнаго времени Россіи начала XX вѣка.

„Украинскій“ вопросъ есть не только старый, но и очень сложный вопросъ. Сложный не своей исторіей, а тѣми политическими наслоеніями, коими окутана его исторія, сдѣлавшая самый вопросъ игралищемъ политическихъ страстей и ареною борьбы Россіи съ ея врагами. По поводу „украинскаго“ вопроса написано очень много брошюръ и статей, составляющихъ въ массѣ цѣлую литературу и, однако, не только широкая публика, но даже ученые, не умѣющіе отдѣлить исторію отъ политики, не разбираются въ этомъ вопросѣ. Истинная природа этого вопроса извѣстна лишь очень немногимъ*) и къ числу этихъ немногихъ принадлежитъ русскій ученый А. Ц. Царинный, на собственномъ опытѣ переживиій и перечувствовавшій всѣ перепетіи украинскаго движенія въ теченіе пятидесяти лѣтъ, и приславшій мнѣ, въ отвѣтъ на мою просьбу,

---

*) Замѣчательную книгу по исторіи украинскаго движенія напечаталъ въ 1912 году С. Щоголевъ, врачъ по образованію, членъ Кіевскаго Комитета по дѣламъ печати.

цѣлый рядъ писемъ, составившихъ впослѣдствіи книгу подъ заглавіемъ „Украинское Движеніе“, изданную въ Берлинѣ издательствомъ „Градъ Китежъ“ въ 1925 году. Къ этой замѣчательной книгѣ, раскрывающей не только природу „украинства“, но и описывающей событія разыгравшіяся въ Кіевѣ въ періодъ владычества большевиковъ и украинцевъ, я и отсылаю читателя, чтобы не повторять изложенія приведенныхъ въ ней фактовъ. Скажу лишь кратко, что 9 Ноября 1918 года императоръ Германскій Вильгельмъ II былъ свергнутъ съ престола и Германская имперія рушилась, превратившись въ Германскую республику. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого переворота явилось и паденіе гетманской власти, и менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ въ Кіевѣ водворилась такъ называемая „украинская директорія“, состоявшая изъ студентовъ-недоучекъ, щирыхъ украинцевъ, которая, въ свою очередь, была свергнута большевиками, на этотъ разъ прочно засѣвшими въ Малороссіи, гдѣ они пребываютъ и донынѣ, обильно поливая когда то цвѣтущія поля, веси и города кровью своихъ жертвъ. Такъ кончился 1918 годъ.

ГЛАВА 13.

Гетманъ Павло Скоропадскій.

Опереточнымъ было появленіе на сценѣ „гетмана“ П. Скоропадскаго. Роли были распредѣлены заранѣе между нѣмцами, прятавшимися за кулисами, и группою „избирателей“, выступившей впередъ. Самый актъ избранія гетмана состоялся, не безъ ироніи судьбы, въ циркѣ Крутикова, а не въ храмѣ Божіемъ, и это незначительное обстоятельство точно предопредѣлило будущій характеръ разыгрываемой комедіи, наложивъ на нее отпечатокъ циркового представленія.

Не допуская даже мысли, что русскій свитскій генералъ можетъ серьезно увлечься своею ролью и мечтать о превращеніи Малороссіи въ самостоятельное государство, кіевляне искренно привѣтствовали его избраніе. Для всѣхъ одинаково было ясно, что нужно забаррикадировать Малороссію отъ Совдепіи, оградить ее отъ захвата, опустошенія и разоренія большевиковъ, и „гетманщина“ являлась лишь вѣрнѣйшимъ способомъ къ достиженію этихъ цѣлей и, конечно, разсматривалась только какъ временная мѣра, вызванная роковымъ стеченіемъ обстоятельствъ.

Вотъ почему кіевляне были озабочены только тѣмъ, чтобы направить дѣятельность гетмана и его правительства въ правильное русло, предостеречь ихъ отъ ошибокъ и обезпечить выполненіе намѣченныхъ программъ. Эти программы обсуждались чуть ли не въ каждомъ домѣ и кіевляне, съ напряженнымъ вниманіемъ, слѣдили за каждымъ шагомъ гетмана. Прошло немного времени, пока сформировался составъ правительства и... кіевляне пріуныли. Внушали сомнѣніе не только министры, среди которыхъ были евреи и связанные родствомъ съ ними случайные люди и дилетанты, но и самъ гетманъ, не отдававшій себѣ отчета въ той роли, какую былъ призванъ играть и окружившій себя убѣжденными „самостійниками", подчинявшими его своему вліянію. Правда, положеніе гетмана, связаннаго директивами нѣмецкой власти, было труднымъ. Онъ былъ обязанъ выполнять программу „самостійниковъ" и въ томъ случаѣ, если бы не сочувствовалъ ей. Малѣйшее уклоненіе отъ этой программы явилось бы измѣною и по отношенію къ нѣмецкой власти. Такое уклоненіе было, при томъ, и фактически невозможнымъ, ибо явилось бы самоупраздненіемъ „гетманщины"... Положеніе было дѣйствительно до крайности нелѣпымъ.

Тѣмъ не менѣе территорія „Украйны" представляла собою въ этотъ моментъ совершенно чистое, ничѣмъ не засѣянное поле, какое, въ рукахъ опытнаго работника, бросившаго добрыя сѣмена, могло бы дать прекрасные всходы. Гетманъ просто не понималъ своей задачи, какая должна была сводиться не къ государственному строительству „Украйны", хотя бы и по совершенному плану, а только къ закрѣпленію ея военной мощи въ размѣрахъ, устранявшихъ опасность новаго вторженія большевиковъ. Въ связи съ этимъ, его усилія должны были быть направлены къ тому, чтобы привить эту точку зрѣнія и нѣмецкой власти, а вопросы внутренняго распорядка и государственнаго строительства онъ обязанъ былъ отнести на второй планъ, не забывая того, что являлся лишь „калифомъ на часъ", обязаннымъ, при наступленіи должнаго момента, сложить съ себя свои званія и вернуть Малороссію Русскому Царю.

Вмѣсто этого гетманъ, повидимому, искренно увлекавшійся своею ролью, сформировалъ свое правительство, ставшее насаждать чуждую русскому правосознанію государственность и проявлялъ весьма недвусмысленное отношеніе къ тѣмъ, кто ей не сочувствовалъ. Совершенно очевидно, что онъ былъ безсиленъ вызвать къ себѣ довѣріе и симпатіи со стороны русскихъ людей, и его власть держалась только на нѣмецкихъ штыкахъ, какъ тогда говорили, да на кучкѣ „са-

мостійниковъ", терявшихся въ массѣ населенія Малороссіи и не представлявшихъ собою никакой реальной силы. Въ результатѣ русскіе люди начали сторониться отъ гетмана и, хотя въ этотъ моментъ въ Кіевѣ и было много опытныхъ государственныхъ дѣятелей, изъ состава прежняго царскаго правительства, однако никто изъ нихъ не желалъ сотрудничать съ гетманскими министрами... Впрочемъ и гетманъ не считалъ нужнымъ обращаться къ нимъ за помощью...

„Управлять — значитъ предвидѣть", но именно этого предвидѣнія и не было у гетмана. Не было никакого государственнаго опыта и у гетманскихъ министровъ. Не могло быть, посему, и вопроса о томъ, удержалась бы власть гетмана своими собственными силами, если бы лишилась той ненадежной опоры, какую представляли собою нѣмецкіе штыки и кучка „самостійниковъ", окружавшая гетмана. А между тѣмъ этотъ вопросъ являлся важнѣйшимъ вопросомъ момента и на немъ должна была бы строиться вся программа гетманскаго правленія, какая бы предопредѣляла и направленіе его послѣдующей дѣятельности.

Этого не было сдѣлано и, когда нѣмцы, подъ давленіемъ „союзниковъ", были вынуждены покинуть предѣлы Малороссіи, то предсказанія русскихъ людей буквально исполнились. Петлюровцы мгновенно ворвались въ Кіевъ и все зданіе, построенное гетманомъ, рушилось, какъ карточный домикъ, къ вящшему позору тѣхъ, кто его построилъ. Недолго продержались и петлюровцы... Снова началась ужасная бомбардировка Кіева, снова полились рѣки крови и погибли тѣ, кто спасся въ первый разъ, большевики снова завладѣли несчастнымъ городомъ, а вмѣстѣ съ нимъ и всею Малороссіею и оставались въ ней до тѣхъ поръ, пока не были вытѣснены Добровольческой арміей Деникина, вступившей въ Кіевъ въ воскресеніе 18 Августа 1919 года.

1919 годъ.

ГЛАВА 14.

Подъ властью сатанистовъ.

Съ наступленіемъ первыхъ признаковъ паденія гетманской власти, всѣ мои знакомые, прибывшіе изъ Петербурга, начали разъѣзжаться въ разныя стороны. Долѣе прочихъ задержался М. Н. Головинъ, съ женою, о пребываніи которыхъ въ нашемъ домѣ я и до сихъ поръ храню признательную память. Статсъ-Секретарь Государственнаго Совѣта, тайный совѣтникъ, гофмейстеръ Высочайшаго Двора, М. Н. Головинъ плѣнялъ каждаго, кто его зналъ, своимъ христіанскимъ смиреніемъ, своею глубокою вѣрою, кротостью и благородствомъ подлиннаго барина, своею безграничною любовью къ погубленной Россіи, участь которой отзывалась въ немъ такою болью, что причиняла ему личныя страданія. Какъ и всѣ прочіе лучшіе люди, Михаилъ Николаевичъ потерялъ буквально *все*, и, однако его личныя потери точно не касались его, и мысль была занята только интересами Россіи, о которой онъ безостановочно думалъ, о которой постоянно говорилъ, стараясь подыскать опору своимъ надеждамъ на ея возрожденіе.

Не могу не остановиться и на свѣтломъ имени бывшаго Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ А. Лыкошина, великаго христіанина и подлиннаго подвижника церкви. Вырвавшись съ чрезвычайными усиліями изъ Петербурга, онъ недолго прожилъ въ Кіевѣ и скончался при крайне загадочной обстановкѣ. Его нашли убитымъ на улицѣ и причина смерти осталась невыясненной. Совершенно исключительное впечатлѣніе произвелъ на кіевлянъ Государственный Секретарь С. Е. Крыжановскій, котораго кіевскіе правые круги считали лѣвымъ, пока не увидѣли въ немъ подлиннаго государственнаго человѣка, съ столько же широкими, сколько и ясными государственными программами, куда, конечно, не могли укладываться программы отдѣльныхъ партій. Ближе ознакомившись съ Сергѣемъ Ефимовичемъ, кіевляне страстно желали привлечь его къ участію въ правительствѣ Скоропадскаго, однако С. Е. Крыжановскій, болѣе чѣмъ кто либо иной, видѣлъ бутафорію гетманшафта и наотрѣзъ отказывался отъ такого участія.

Очаровалъ кіевлянъ и Товарищъ Министра Высочайшаго Двора графъ М. Е. Randомъ... Сколько кротости и смиренія, сколько подлиннаго барства увидѣли кіевляне въ каждомъ его

жестѣ и движеніи, сколько горячей неподдѣльной любви къ Государю и Россіи отражалось въ каждой его мысли, сколько выдержки проявлялъ этотъ сановникъ, скрывая то великое горе, какое онъ переживалъ, глядя на окружающее!... Совсѣмъ въ иномъ освѣщеніи предстали предъ взоромъ кіевлянъ и графъ А. А. Бобринскій и А. А. Риттихъ и всѣ эти представители свергнутаго царскаго правительства, вожди „реакціи", оказавшіеся на самомъ дѣлѣ только государственными людьми, съ высоты положенія которыхъ открывались государственныя точки зрѣнія, неусваиваемыя провинціей.

Тяжело было видѣть этихъ большихъ людей, полныхъ энергіи, богатыхъ государственными знаніями и опытомъ, и въ то же время обреченныхъ на абсолютное бездѣліе, или вынужденныхъ искать себѣ какихъ либо заработковъ для пропитанія. Тяжела была и разлука съ ними. И, однако, я радовался тому, что они покидали меня. Атмосфера жизни становилась все болѣе страшной, вновь возобновились „обыски", являвшіеся въ сущности вылавливаніемъ лучшихъ людей для преданія ихъ казни. Никто не былъ увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ и каждый стремился вырваться изъ Кіева въ надеждѣ, что гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ будетъ лучше. И страшась за участь своихъ близкихъ, я радовался, когда имъ удавалось, послѣ безконечныхъ хлопотъ, вырваться изъ обреченнаго города. При всемъ томъ, нашему дому не суждено было оставаться пустымъ. Это было бы и опасно, иначе онъ былъ бы реквизированъ. И на смѣну уѣхавшимъ, у насъ поселились дочери В. П. Кочубея и нашъ сосѣдъ по имѣнію, графъ С. С. де-Бальменъ, съ племянникомъ. Послѣдній, впрочемъ, только навѣщалъ насъ, ибо вынужденъ былъ скрываться въ разныхъ мѣстахъ до тѣхъ поръ, пока ему, наконецъ, удалось вырваться изъ Кіева, благополучно добраться до своего имѣнія и затѣмъ жениться на М. В. Кочубей.

Вскорѣ нашъ домъ превратился въ „столовую", куда приходили обѣдать въ складчину всѣ наши многочисленные знакомые, не имѣвшіе уже ни средствъ, ни возможности питаться въ своихъ собственныхъ квартирахъ, откуда они были выселены декретами большевиковъ. Такая же участь ожидала и насъ, и только превращеніе дома въ „столовую", спасало его отъ реквизиціи. Между этими посѣтителями были и тѣ, когда то очень богатые и знатные господа, которые безсознательно тянулись за общимъ голосомъ недовольства царскимъ режимомъ, тѣ глупые провинціальные кадеты, которые только теперь, стоя у разбитаго ими же корыта, протирали себѣ глаза и точно не вѣрили ужасу происходящаго. Общество этихъ людей было для меня невыносимо.

Наступили мучительные, страдные дни... Въ теченіе дня и ночи слышалась перестрѣлка на улицахъ и трескотня пулеметовъ. Каждый день являлись въ нашъ домъ вооруженные, полупьяные солдаты для производства обысковъ и цинично, нагло крали, т. е. вѣрнѣе грабили все, что имъ нравилось и попадалось подъ руку. Каждый день можно было ожидать ареста, заключенія въ тюрьму и казни, и на общемъ совѣтѣ было рѣшено, что мой братъ и я должны скрыться куда либо изъ Кіева. Это нужно было сдѣлать и въ интересахъ сестры, дабы не подвергать ее опасности. Было несомнѣнно, что за моимъ братомъ и за мною слѣдили агенты „чрезвычаекъ" и что нужно было принимать какія либо мѣры. Начались поиски мѣста, но, увы, эти поиски ни къ чему не приводили. Особенно тяжело было видѣть малодушіе со стороны тѣхъ монастырей, которые раскрывали намъ раньше свои объятія, брату моему, какъ кіевскому старожилу и благодѣтелю этихъ монастырей, пользовавшихся его помощью въ самыхъ разнообразныхъ видахъ и проявленіяхъ, мнѣ, какъ б. Товарищу Оберъ-Прокурора Св. Синода. Теперь же наши имена сдѣлались страшными и настоятели монастырей буквально трепетали при встрѣчахъ съ нами, откровенно высказывая опасенія навлечь на себя преслѣдованія со стороны большевиковъ вниманіемъ къ намъ. Только спустя полтора мѣсяца моему брату удалось найти пріютъ въ маленькомъ подгородномъ „Скиту Пречистыя" подлѣ Кіева, и онъ переѣхалъ туда, взявъ и меня съ собою. Тамъ я и оставался съ 15 Февраля до Страстной недѣли, а затѣмъ пріѣхалъ въ Кіевъ, имѣя въ виду провести праздники съ сестрою и снова вернуться обратно въ Скитъ. Первымъ встрѣтилъ меня графъ С. С. де-Бальменъ, который, взглянувъ на меня, всплеснулъ руками и спросилъ, чѣмъ я боленъ. Я отвѣтилъ, что вполнѣ здоровъ и чувствую себя хорошо. Тогда онъ подвелъ меня къ зеркалу и... я самъ въ ужасѣ отшатнулся.

„Неужели же Вы не замѣтили, что у Васъ страшное разлитіе желчи, развѣ въ Скиту Вы ни разу не смотрѣлись въ зеркало", спросилъ меня удивленно графъ Сергѣй Сергѣевичъ.

„Ни разу не смотрѣлся, въ моей келліи и зеркала не было", отвѣтилъ я. „Вотъ Вамъ и монастырская пища, сказалъ графъ, теперь нужно ложиться въ больницу".

И, вмѣсто того, чтобы оставаться дома, я въ тотъ же день, благодаря своему доброму брату, похлопотавшему обо мнѣ, отправился въ больницу Покровскаго монастыря, гдѣ и пролежалъ въ кровати цѣлый мѣсяцъ, пользуясь вниманіемъ игуменіи и уходомъ со стороны больничныхъ сестеръ.

ГЛАВА 15.

Покровскій монастырь.

Много лѣтъ тому назадъ, въ пору моего дѣтства, прибыла въ Кіевъ на жительство вдова Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, Великая Княгиня Александра Петровна. Никто въ точности не зналъ намѣреній Великой Княгини, однако народная молва связывала этотъ фактъ съ болѣзнью разбитой параличемъ Великой Княгини, чаявшей найти исцѣленія у Кіевскихъ Угодниковъ. Пріобрѣтя въ близкомъ сосѣдствѣ съ Кіево-Печерской Лаврою небольшую усадьбу, Великая Княгиня устроила въ своихъ покояхъ домовую церковь, посѣщеніе которой не возбранялось и посторроннимъ лицамъ, и начала монашескую жизнь... Въ бытность свою гимназистомъ, я нерѣдко забѣгалъ въ эту маленькую, уютную церковь и видѣлъ Великую Княгиню, которую возили тогда въ креслѣ, ибо она не владѣла ногами.

Прошло немного времени и Кіевъ заговорилъ о чудесномъ исцѣленіи Ея Императорскаго Высочества, о тайномъ постригѣ ея и желаніи, въ благодарность за полученное исцѣленіе, основать въ Кіевѣ женскій монастырь.

Слухи стали подтверждаться и черезъ нѣсколько лѣтъ, въ старомъ Кіевѣ, въ недалекомъ разстояніи отъ моего родительскаго дома, возникла дивная обитель, названная Покровскимъ женскимъ монастыремъ, настоятельницею котораго и была назначена принявшая иночество Великая Княгиня, возведенная въ санъ игуменіи, съ именемъ Анастасіи.

Построенная въ древне-русскомъ стилѣ, по эскизамъ, планамъ и чертежамъ младшаго сына Великой Княгини, Великаго Князя Петра Николаевича, обитель вскорѣ завоевала себѣ всеобщую любовь со стороны кіевлянъ и привлекала къ себѣ не только молящихся, но и буквально всѣхъ „труждающихся и обремененныхъ“, находившихъ за оградою монастыря и помощь и утѣшеніе. Святая душа Основательницы монастыря, матушки игуменіи Анастасіи, нашла въ этой обители отраженіе и своей вѣры и своихъ духовныхъ запросовъ. Образцовая больница, съ амбулаторнымъ пріемомъ выдающихся врачей города, содержащаяся на средства монастыря и дававшая не только безплатное лѣченіе, но и отпускавшая даровыя лѣкарства каждому желающему, великолѣпныя мастерскія, рукодѣльныя и иконописныя, школы, книжныя и иконныя лавки, все это свидѣтельствовало о томъ, что въ основѣ учрежденія обители лежала только одна идея — любовь къ

ближнему, служеніе народу, великое и глубокое участіе къ его духовнымъ и матеріальнымъ нуждамъ.

Могла ли думать святая основательница обители, отдавшая служенію ближнему не только все свое имущество, но и свою жизнь, что, спустя 10 лѣтъ послѣ ея смерти, сестры обители будутъ уничтожать нагробную надпись на ея могилѣ, опасаясь, что большевики осквернятъ дорогую могилу и выбросятъ тѣло почившей только потому, что она была „Великой Княгинею"?! И однако такое опасеніе оправдывалось дѣйствіями озвѣрѣлыхъ большевиковъ, которые въ порывѣ сатанинской ярости, уничтожали въ усадьбахъ помѣщиковъ и на городскихъ кладбищахъ фамильные склепы наиболѣе извѣстныхъ людей, раскапывали могилы и кощунственно издѣвались надъ трупами „буржуевъ", тѣхъ самыхъ „буржуевъ", которые и при жизни и послѣ смерти расплачивались за свою любовь къ „угнетенному народу" и такъ жалостливо относились къ „бѣдному мужичку", или „сѣрому солдатику"...

Любилъ я Покровскую обитель и часто навѣщалъ ее, а послѣ смерти погребенной въ ней матери, обитель стала мнѣ еще ближе, могилы спящихъ вѣчнымъ сномъ — еще дороже. Любилъ я бродить между ними и мысленно разговаривать съ покойниками, останавливаться надъ могильными надписями заглядывать мысленнымъ взоромъ въ потусторонній міръ...

„Тише! О жизни поконченъ вопросъ,
Больше не надо ни пѣсенъ, ни слезъ", прочиталъ я надпись на могильномъ памятникѣ.

„Помолись обо мнѣ", стояло рядомъ.

И обвѣянная святою благодатію Божіею, обитель раскрывала предо мною тайны загробнаго міра, звала на небо, и трепетала моя душа и не хотѣлось уходить... И такими родными и близкими были эти могилы чужихъ мнѣ людей, и я понималъ, почему онѣ были такими. Потому, что каждая могила была откровеніемъ, потому что среди умершихъ не было враговъ, а всѣ были друзьями, самыми вѣрными, самыми мудрыми друзьями... И нужно было только захотѣть говорить съ ними, чтобы получить отъ ихъ молчанія то, чего не дало бы никакое общеніе съ живыми людьми, никакая книга... Великая школа жизни — монастырь, но нѣтъ выше школы — кладбища. Только тамъ пробуждается заснувшая мысль и сознаніе проникаетъ въ полосу свѣта, откуда видны небесныя дали и горизонты вѣчной красоты и правды, только тамъ рождается радость, выходящая за предѣлы земныхъ наслажденій, та истинная, настоящая радость, какая даетъ новое содержаніе мысли, переставляетъ прежнія точки зрѣнія, опредѣляетъ новыя задачи, создаетъ новые идеалы и способ-

ность идти имъ навстрѣчу... Это радость встрѣчи съ Господомъ, когда становится такъ осязательно ясно, что истинное счастье заключается въ томъ, что приближаетъ человѣка къ Богу и увеличиваетъ любовь къ Нему, а несчастье — въ томъ, что удаляетъ его отъ Бога, что самымъ лютымъ нашимъ врагомъ являемся мы сами, безумные, слѣпые, гордые люди, не только не ищущіе Бога и не идущіе Ему навстрѣчу, но упорно не желающіе пользоваться Его неизреченными милостями и дерзко возстающіе на своего Творца... Все, все, что отягощаетъ земную жизнь, всѣ бѣды и нестроенія, все неисчислимое горе и страданія, — все это „плодъ помысловъ“ нашихъ, результатъ одной причины, нашего собственнаго самомнѣнія и гордости, благодаря которымъ мы стали разсматривать нашу земную жизнь внѣ всякой связи съ загробной жизнью, строить ее на началахъ, исключающихъ самую мысль о безсмертіи души и нравственной отвѣтственности...

Больница была заполнена больными... Однако уже на другой день я присмотрѣлся къ этимъ „больнымъ“ и увидѣлъ, что главный контингентъ ихъ составляютъ молодые и здоровые офицеры, укрываемые сердобольною обителью отъ преслѣдованія большевиковъ. Моя болѣзнь не требовала лѣченія и сводилась только къ соблюденію діэты, что давало мнѣ возможность перезнакомиться со всѣми своими сосѣдями. Между этими послѣдними я встрѣтился и съ своимъ старымъ знакомымъ графомъ Сергіемъ Константиновичемъ Ламздорфъ-Галаганомъ, безуспѣшно разыскиваемымъ большевиками. Много разъ ему удавалось вырываться изъ рукъ сатанистовъ и всякій разъ его спасало чудо Божіе.

Припоминаю курчаваго юношу-офицера Димитрія Г., со сломанной ногой, прыгавшаго на костыляхъ по коридорамъ и лѣстницамъ и не могущаго усидѣть на мѣстѣ. Какъ страстно онъ ненавидѣлъ большевиковъ, какъ мечталъ, по выходѣ изъ больницы, поступить въ „чрезвычайку“, чтобы, если не убить ея начальника Лациса, то хотя бы спасти его жертвы, вырвать изъ когтей этого человѣка-звѣря обреченныхъ на разстрѣлъ. Гдѣ онъ теперь?!

Въ теченіе мѣсячнаго пребыванія въ больницѣ, меня часто навѣщала сестра. Всякій разъ она приходила взволнованной и встревоженной и приносила одну вѣсть тяжелѣе другой. Не прошло и недѣли со времени моего переѣзда въ больницу, какъ половина нашего дома была реквизирована большевиками. Они заняли лучшія комнаты въ домѣ, заставивъ живущихъ въ немъ „уплотниться“, т. е. попросту приказавъ имъ размѣститься въ двухъ комнатахъ, оказавшихся большевикамъ непригодными. По словамъ сестры, все это были чекисты, съ

страшными звѣрскими лицами, съ ногъ до головы вооруженные, сосѣдство съ которыми наводило ужасъ. Однако милость Господня была безпредѣльна, и кто знаетъ, можетъ быть эти страшные чекисты явились именно тѣмъ орудіемъ промысла Божія, какой охранялъ и защищалъ мою кроткую сестру и жившихъ при ней! Большевики вели себя смирно, въ теченіе цѣлаго дня не показывались на глаза, а являлись только для ночлега и ни въ какіе разговоры ни съ кѣмъ не вступали. Въ то же время ихъ пребываніе въ нашемъ домѣ застраховывало насъ отъ худшаго, ибо мы имѣли въ ихъ лицѣ какъ бы даровую и надежную охрану. Тѣмъ не менѣе сестра убѣждала меня не возвращаться домой, а держаться въ больницѣ какъ можно дольше.

Пришелъ, однако, моментъ, когда дальнѣйшее мое пребываніе въ больницѣ оказалось невозможнымъ. Въ концѣ Марта большевики начали правильную осаду монастыря, съ цѣлью выловить скрывавшихся тамъ „контръ-революціонеровъ". Монастырь былъ обложенъ со всѣхъ сторонъ орудіями и пулеметами и большевики стали его обстрѣливать. Совершенно очевидно, что надобности въ такомъ обстрѣлѣ не было, ибо ворота обители не запирались не только днемъ, но и ночью и входъ въ нее былъ свободенъ для каждаго. Обстрѣлъ имѣлъ въ виду, конечно, только разрушеніе христіанскихъ святынь, глумленіе надъ вѣрою, святотатство и кощунство. Жидки и полупьяные солдаты врывались, съ папиросами въ зубахъ и въ шапкахъ на головѣ въ храмъ, уничтожали иконы, били стекла, грабили, издѣвались надъ священнослужителями и монахинями и выгоняли молящихся изъ храма. При видѣ этихъ издѣвательствъ, особенно сильно трепетали больничныя сестры, однако свершилось поистинѣ великое чудо, какое спасло больницу и пребывавшихъ въ ней. Много времени прошло уже со времени описываемыхъ событій, но я до сихъ поръ не могу объяснить себѣ иначе какъ чудомъ Божіимъ тотъ фактъ, что большевики, разорявшіе въ теченіе нѣсколькихъ дней Покровскую обитель, арестовавшіе игуменію, казначею и настоятеля храма, не подходили даже близко къ больницѣ, гдѣ и находилось главное средоточіе такъ называемыхъ „контръ-революціонеровъ". Спустя нѣсколько дней, большевики покинули монастырь, а здоровые „больные", признавъ свое дальнѣйшее пребываніе въ больницѣ небезопаснымъ, стали постепенно покидать ее и искать себѣ новаго мѣста. Я вынужденъ былъ вернуться, къ ужасу моей сестры, въ нашъ домъ, и, не успѣвъ войти въ него, столкнулся съ однимъ изъ чекистовъ, вступившимъ со мною въ бесѣду. Отступленіе было невозможно, да и безцѣльно.

Я прошелъ съ нимъ въ кабинетъ, реквизированный „товарищами“ и, вспомнивъ свою бесѣду съ солдатомъ, описанную въ І-мъ томѣ „Воспоминаній“, приготовился говорить съ нимъ на чистоту, имѣя уже много разъ случай убѣждаться въ томъ, что уклончивость и недоговоренность приводитъ только къ обратной цѣли, а прямодушіе побѣждаетъ.

Бесѣда длилась долго и сводилась къ обвиненіямъ „господъ“ въ издѣвательствѣ надъ „народомъ“, однако же кончилась мирно. Вразумился ли чекистъ моими доводами, коими я особенно настойчиво подчеркивалъ неизбѣжность возмездія Божьяго за нарушеніе Его заповѣдей, я не знаю, однако же его звѣрская наружность перестала пугать меня, и я увидѣлъ, что и за этою внѣшностью теплится какая то искра человѣчности.

„Можетъ быть оно и такъ, а можетъ и не такъ“, закончилъ чекистъ, тяжело вздохнувъ и, подавъ мнѣ свою мозолистую руку, ушелъ изъ кабинета и больше меня не трогалъ. Перезнакомился я и съ его товарищами-солдатами, но эти послѣдніе оказались столько же безмѣрно глупыми, сколько и симпатичными, добрыми деревенскими парнями, съ которыми мы не только вступали въ разговоры, но и дѣлились своими опасеніями, и отъ которыхъ слыхали неизмѣнное: „не сумлѣвайтесь“. Подъ конецъ, мы даже радовались сознавая, что въ ихъ лицѣ имѣемъ надежную охрану, и я въ частности, пересталъ даже думать объ отъѣздѣ въ „Скитъ“, оставаясь весь Апрѣль въ нашемъ домѣ.

Между тѣмъ, огромное большинство моихъ друзей и знакомыхъ, въ томъ числѣ и мой двоюродный братъ, князь Димитрій Владиміровичъ Жеваховъ и графъ Сергій Константиновичъ Ламздорфъ-Галаганъ, томились въ тюрьмахъ и чрезвычайкахъ Кіева.

Воспоминаніямъ о своемъ кузенѣ и профессорѣ Кіевскаго университета П. Армашевскомъ, разстрѣлянныхъ большевиками лѣтомъ 1919 года, я отвожу послѣдующія главы, о графѣ же Сергіи Константиновичѣ Ламздорфъ-Галаганѣ, скажу теперь.

По выходѣ изъ больницы Покровскаго монастыря, графъ нѣкоторое время проживалъ въ Кіевѣ, будучи вынуженъ, какъ и всѣ прочіе, скрывать свое мѣстожительство и каждую ночь проводить гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. Подъ конецъ, онъ все же былъ схваченъ агентами чрезвычайки и приговоренъ къ разстрѣлу. Подведя его къ стѣнкѣ, чекисты предъявили графу мою фотографическую карточку и требовали указанія моего адреса. Благородный графъ категорически заявилъ, что гвардія Его Императорскаго Величества предательства не допускала и смерти никогда не боялась. Такой отвѣтъ,

произнесенный въ рѣзкой формѣ, ошеломилъ большевиковъ и... они отсрочили казнь. О судьбѣ графа узнали его друзья, между которыми были представители простого класса, интересы котораго всегда были близки графу, бывшему народникомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова и пользовавшемуся чрезвычайною популярностью среди простого класса населенія. Въ результатѣ ихъ заступничества, чекисты не посмѣли тронуть графа и выпустили его на свободу. Велики милости Божіи къ намъ, недостойнымъ рабамъ Его!

ГЛАВА 16.

Послѣдніе дни пребыванія въ Кіевѣ. Татьяна N.

Недолго продолжалась наша жизнь въ родномъ домѣ. Какъ ни тѣсно былъ ютиться въ двухъ комнатахъ и въ залѣ, превращенномъ въ столовую, какъ ни тягостно было сосѣдство большевиковъ, но, въ сравненіи съ общими испытаніями и притѣсненіями, выпавшими на долю другихъ, мы находились еще въ лучшемъ положеніи. Имѣлись, кромѣ того, и средства, выручаемыя отъ постепенной распродажи движимости, платья, обуви и мелкихъ вещей, въ свое время запрятанныхъ и уцѣлѣвшихъ отъ реквизицій. Но скоро пришелъ конецъ нашему сравнительному благополучію. Въ послѣднихъ числахъ Апрѣля, къ живущимъ у насъ большевикамъ стали все чаще и чаще являться „товарищи", и между ними происходили перебранки... Мы слышали за дверьми крупные разговоры, споры и препирательства, но не догадывались въ чемъ было дѣло, пока 6 Мая 1919 г. эти новые пришельцы не объявили намъ, что нашъ домъ будетъ реквизированъ 23-мъ стрѣлковымъ совѣтскимъ полкомъ подъ помѣщеніе клуба, а всѣ живущіе въ немъ, въ томъ числѣ и занимавшіе половину дома большевики, будутъ выселены. Никакіе протесты не помогли, эти послѣдніе подчинились приказу свыше и немедленно перебрались въ другое помѣщеніе, намъ же былъ данъ срокъ въ 24 часа, въ теченіе которыхъ мы должны были очистить домъ, безъ права вывезти изъ него его обстановку. Мы оказались выброшенными на улицу. Положеніе было отчаянное. И здѣсь Господь явилъ намъ Свою помощь чудесно, непостижимо, избравъ орудіемъ Своей воли дѣвицу Татьяну N., съ которой я познакомился только наканунѣ. Я преступилъ бы требованія долга, если бы не запечатлѣлъ на страницахъ своихъ воспоминаній образа этой чудной дѣвушки,

если бы громко и чистосердечно не сказалъ, что она воскресила въ моей памяти образы гонимыхъ за вѣру древнихъ подвижницъ, радостно шедшихъ на костеръ, славословя Бога. Она не только была насквозь проникнута христіанствомъ, но и стояла уже на такой высотѣ христіанскаго духа, какая была доступна лишь исповѣдникамъ, неудовлетворявшимся только вѣрою, но искавшимъ исповѣданія своей вѣры, жаждавшимъ подвига.

Никто изъ нашей семьи не зналъ раньше Татьяны N. и знакомство съ нею произошло случайно, какъ обычно говорятъ тѣ, кто на поверхности внѣшнихъ фактовъ не улавливаетъ Промыслительныхъ путей Божіихъ. Она встрѣтила меня однажды въ пріемной митрополита Кіевскаго Антонія, куда зашла по своему дѣлу, а затѣмъ пришла къ намъ въ домъ поблагодарить меня за оказанное ей содѣйствіе. Каждая послѣдующая встрѣча съ нею убѣждала меня въ томъ, что она являлась законченнымъ типомъ сознательной христіанки, великою исповѣдницею Христовой, способной на героическіе подвиги и самоотверженіе. Христіанство являлось для нея не теоретическимъ догматомъ вѣры, а безконечно труднымъ подвигомъ, повседневной работою, и отражалось въ каждой ея мысли, въ каждомъ жестѣ и движеніи. Только смѣлые люди могутъ быть подлинными христіанами, только живая вѣра можетъ дѣлать людей смѣлыми. И Татьяна N. была воплощеніемъ такой вѣры. Казалось, она искала мученичества и для нея не было бо́льшей радости, какъ пострадать за Христа, Котораго она возлюбила всѣмъ сердцемъ своимъ, всѣмъ помышленіемъ и разумѣніемъ. И, живя въ кошмарныхъ условіяхъ царившей вокругъ паники и большевическихъ звѣрствъ, Татьяна N. чувствовала какое то неземное спокойствіе, призывала окружавшихъ къ вѣрѣ, убѣждала, что ни одинъ волосъ съ головы не упадетъ безъ воли Божіей, укрѣпляла надежду на милость Божію и являлась буквально ангеломъ-хранителемъ для тѣхъ, среди которыхъ жила.

И, когда надъ нашимъ домомъ разразилась катастрофа, а мы были выброшены на улицу, Татьяна N. первая ринулась къ намъ на помощь и не только пріютила насъ, но и перевезла къ себѣ дорого стоющую библіотеку и картинную галлерею моего брата, а также отважилась взять на храненіе мои придворные мундиры, обнаруженіе которыхъ, конечно, могло бы привести ее къ разстрѣлу. Ея самоотверженіе не знало границъ, ея вѣра не имѣла предѣловъ. И такая вѣра дѣйствительно творила чудеса.

Татьяна N. какъ бы говорила окружавшимъ:

„Вы, вѣдь, вѣрите, что Богъ есть, что Онъ любитъ Свое

твореніе, что безгранично снисходителенъ къ вашимъ немощамъ, что не требуетъ отъ васъ никакихъ жертвъ, а только желаетъ, чтобы вы сознавали свое окаянство и, какъ провинившіяся дѣти, просили бы Его помощи, такъ зачѣмъ же вамъ бояться и трепетать?!.. Вы боитесь смерти отъ рукъ большевиковъ, а, если такой страхъ очистилъ ваши души отъ скверны, если покаяніе растворило ваше сердце любовью къ Богу, то развѣ страшна смерть?! Можетъ быть, въ путяхъ Промысла Божія наша смерть именно теперь нужнѣе жизни... Предоставимъ же волѣ Божіей распоряжаться нашими жизнями и будемъ думать лишь о томъ, чтобы исполнять Его волю, и тогда исчезнутъ всякіе страхи"...

И эти мысли Татьяна N. высказывала не словами, а, дѣлами, всѣмъ своимъ поведеніемъ. Жатвы было много, и она бросалась изъ одного мѣста въ другое, отъ одного страждущаго къ другому изнемогавшему, и вездѣ ея появленіе вносило благодатный миръ и озареніе.

„Почему такъ мало такихъ людей, спрашивалъ я себя мысленно, глядя на Татьяну N.! Какая огромная сила заключалась въ хрупкомъ организмѣ этой 19-лѣтней дѣвушки! Если бы пастыри Церкви имѣли хотя сотую долю такой силы, они были бы непобѣдимы!"

Еще одинъ разъ я увидѣлся съ Татьяной N. глубокою осенью, сначала въ Харьковѣ, а затѣмъ въ Ростовѣ... То были мимолетныя встрѣчи... Ей не удалось выбраться изъ Россіи и она осталась въ совѣтскомъ адѣ. Но я покоенъ за нее, вѣруя, что она находится подъ особымъ покровомъ небеснымъ, какъ Божія избранница.

ГЛАВА 17.

Скитъ Пречистыя.

Ужасны были встрѣчи съ представителями 23-го стрѣлковаго совѣтскаго полка, реквизовавшаго нашъ домъ. Въ большинствѣ случаевъ это были полупьяные, вооруженные до зубовъ солдаты, являвшіеся къ намъ подъ предлогомъ осмотра его, для грабежа, и предъявлявшіе самыя наглыя требованія. Нѣкоторыя изъ нихъ приходили вмѣстѣ со своими любовницами и предлагали послѣднимъ на выборъ любую вещь, какая имъ нравилась. Они садились за рояль и барабанили по клавишамъ, располагались на диванахъ, топтали грязными ногами ковры и бросали окурки папиросъ на

паркетъ, и словно забавлялись тѣмъ впечатлѣніемъ, какое производили. Это были въ полной мѣрѣ уже окончательно погибшіе люди, утратившіе образъ Божій, озлобленные и жестокіе, и большинство изъ нихъ погибло чрезъ три мѣсяца, послѣ изгнанія большевиковъ изъ Кіева. Бродя по комнатамъ, они облюбовывали себѣ тѣ вещи, какія имъ нравились и уносили все, что могли унести, книги, ноты, картины, часы, разныя мелкія бездѣлушки, не имѣвшія рыночной стоимости, дорогія по воспоминаніямъ и пр. и пр. Переглядываясь между собою, они добавляли, что всѣ вещи останутся цѣлыми и будутъ возвращены по освобожденіи дома отъ реквизиціи, и даже предлагали квитанціи, подписывая ихъ вымышленными именами. Всякіе протесты были безцѣльны, и ничего не оставалось, какъ бросить домъ на произволъ судьбы и идти куда глаза глядятъ. Съ помощью случайно прибывшаго по своимъ дѣламъ вѣрнаго человѣка изъ нашего имѣнія, сестрѣ удалось уѣхать въ N-скую губернію, туда же поѣхалъ и 75-лѣтній графъ С. С. де-Бальменъ... Не выдержавъ дальнѣйшихъ испытаній, связанныхъ съ новыми побѣдами большевиковъ, явившихся къ нему въ имѣніе, старикъ застрѣлился 30 Октября 1919 года...

Братъ и я вернулись снова въ Скитъ, гдѣ и оставались 3 мѣсяца, вплоть до изгнанія большевиковъ изъ Кіева Добровольческой арміей генерала Деникина, вступившей въ городъ 18 Августа 1919 года.

Эти три мѣсяца были съ одной стороны непрерывнымъ страданіемъ, съ другой — непрерывнымъ свидѣтельствомъ дивныхъ знаменій Божіихъ, тѣми аскетическими, хотя и подневольными опытами, которые возводили настроеніе до предѣльныхъ высотъ религіознаго напряженія, возможнаго только при необычныхъ условіяхъ внѣ міра. И братъ, и я были облачены въ послушническія одежды, ходили въ подрясникахъ, съ скуфейками на головахъ, и, искренно желая слиться съ прочей монастырской братіей, радостно и охотно подчинялись общему укладу монастырской жизни. При всемъ томъ, однако, мы не могли, на первыхъ же порахъ, не почувствовать той высокой стѣны, какая стояла между нами и братіей, состоящей сплошь изъ крестьянъ окрестныхъ селъ и деревень и какую эту послѣдніе не только не могли, но и не желали перейти. Насколько внимателенъ былъ къ намъ, расположенный къ моему брату, игуменъ Мануилъ, впослѣдствіи схиигуменъ Серафимъ, пользовавшійся разнаго рода благодѣяніями со стороны моего брата, въ послѣднее время почти единолично поддерживавшаго Скитъ хлѣбомъ и продуктами изъ своего имѣнія, настолько недовѣрчиво и неискренно от-

носились къ намъ прочіе насельники Скита. Глухое недовольство и ропотъ, съ трудомъ сдерживаемые первое время, стали все болѣе рѣзко обнаруживаться по мѣрѣ того, какъ большевики, грабя окрестныя обители, стали добираться и до Скита. На ряду съ жалобами на „объѣданіе“, игумену стали приноситься и жалобы на то, что, укрывая „князей“, онъ подвергаетъ опасности весь Скитъ. Возможно, что такія опасенія и были основательными, однако старецъ-игуменъ приходилъ въ страшное негодованіе отъ этихъ жалобъ, указывая, между прочимъ, и на то, что весь Скитъ кормится тѣмъ вагономъ хлѣба, какой былъ пожертвованъ моимъ братомъ. Препирательства игумена съ маловѣрною братіей все болѣе учащались, и я, съ братомъ, не разъ задумывались о томъ, куда идти и гдѣ искать пріюта, о чемъ и заявляли игумену. Но онъ и слышать не хотѣлъ о нашемъ уходѣ, и мужественно, не церемонясь въ выраженіяхъ, пробиралъ свою братію, называя ее разжирѣвшими на монастырскихъ хлѣбахъ, зазнавшимися хамами, не только забывшими, но никогда даже не знавшими Бога, Который сильнѣе всякихъ большевиковъ и можетъ защитить обитель отъ какихъ угодно звѣрей, лишь бы только обитель любила Добро и творила его, утверждалась бы на страхѣ предъ Богомъ, а не предъ людьми.

Какою мудростью вѣяло отъ этихъ словъ престарѣлаго игумена, сколько подлинной вѣры выражали они!

„По человѣчеству, я и точно навожу опасность на обитель, укрывая васъ, говорилъ намъ игуменъ, а по Божьему, я творю добро, спасая васъ отъ смерти, за что же Господь будетъ наказывать меня и обитель?! Они, говорилъ игуменъ, указывая на братію, не знаютъ, что Господь скорѣе накажетъ меня, если я выпущу васъ на растерзаніе большевиковъ, имѣя возможность укрыть васъ... Живите себѣ спокойно, пока не скажется воля Божія, а на человѣческую волю братіи не обращайте вниманія... Они всѣ большевики, и, если бы я имъ дался, то меня бы перваго они разорвали.“

И дѣйствительно, прошло немного времени, какъ братія предъявила игумену Мануилу требованіе объ уходѣ на покой и старецъ совѣтовался съ нами, какъ ему реагировать на такого рода наглое требованіе. Разумѣется, и братъ мой, и я усиленно убѣждали игумена не только отклонить такое требованіе, но и использовать всю полноту его власти для обузданія зачинщиковъ. Кончилось тѣмъ, что игуменъ созвалъ всю братію и выбранилъ ее площадною бранью, проявивъ при этомъ совершенно исключительное мужество, изумительную находчивость и изъ ряда вонъ выходящую смѣлость. Послѣ учиненнаго разноса, братія мгновенно смирилась и

жизнь обители вошла въ свое обычное русло. Это была едва ли не единственная въ епархіи обитель, гдѣ еще держалась власть законно поставленнаго игумена. Во всѣхъ прочихъ монастыряхъ братія быстро революціонизировалась, изгоняла прежнихъ начальниковъ, замѣняла ихъ выборными и проявляла открытое неповиновеніе къ законной власти.

Личность игумена Мануила до того примѣчательна, что я долженъ остановиться на ней подробнѣе.

Крестьянскій сынъ, игуменъ Мануилъ, съ дѣтства чувствовалъ влеченіе къ иноческой жизни. Онъ несомнѣнно родился не только съ дарованіями, но и съ той тоскою по идеалу, какая обезцѣнивала въ его глазахъ все окружающее и гнала его изъ міра. Заглушая эту тоску, онъ подвергалъ себя не только аскетическимъ опытамъ, но и тяжелымъ епитиміямъ, добровольно налагая на себя всякаго рода испытанія, носилъ вериги, предавался посту, проводилъ ночи въ полѣ на молитвѣ и пр. Будучи сыномъ состоятельныхъ родителей и, не испытывая нужды, онъ добровольно бичевалъ себя, помогалъ бѣднымъ, отказывая себѣ въ кускѣ хлѣба, и горѣлъ только однимъ желаніемъ всецѣло предать себя волѣ Божіей и поступить въ монастырь. Однако, родители были противъ такого намѣренія и, пристроивъ его на службу приказчикомъ въ сосѣднемъ городѣ, думали женить его. Это рѣшеніе до того испугало 16-ти лѣтняго юношу, что онъ, безъ оглядки бросился бѣжать куда глаза глядятъ, пока не добѣжалъ до ближайшаго монастыря, гдѣ и укрылся. Чистосердечно разсказавъ настоятелю монастыря о причинахъ, заставившихъ его бѣжать изъ родительскаго дома, онъ просилъ принять его въ число братіи, что тотъ и исполнилъ, обѣщая заступиться за него предъ родителями.

Какъ протекала дальнѣйшая жизнь игумена Мануила, я не знаю, ибо познакомился съ нимъ лишь незадолго до революціи, а ближе узналъ его только во дни своего пребыванія въ Скиту. Это былъ уже глубокій старецъ, очень растолстѣвшій и облѣнившійся, ничѣмъ не интересовавшійся и равнодушный ко всему окружающему. Онъ еле передвигался съ мѣста на мѣсто, да и то съ помощью двухъ послушниковъ, поддерживавшихъ его, хотя не пропускалъ ни одной церковной службы и аккуратно являлся въ храмъ четыре раза въ сутки, на утреню, раннюю обѣдню, вечерню и всенощную, гдѣ предавался дремотѣ. Тѣмъ не менѣе отъ его зоркаго наблюденія не ускользалъ ни малѣйшій промахъ священнослужителей, которыхъ онъ грозно окрикивалъ, замѣчая ошибку. Его игуменское кресло стояло раньше въ алтарѣ, но по требованію братіи, заявившей игумену, что онъ своимъ присутствіемъ въ

5*

алтарѣ вноситъ соблазнъ, было вынесено на лѣвый клиросъ. Игуменъ Мануилъ подчинился требованію, однако не простилъ его, и, сидя на клиросѣ, проявлялъ свою игуменскую власть въ формахъ еще болѣе строгихъ, чѣмъ раньше.

„Чего ты вертишься въ алтарѣ, какъ скотина", раздавался съ клироса властный голосъ игумена, обращенный къ новопоставленному діакону, неумѣло совершавшему кажденіе.

Въ устахъ всякаго другого такіе пріемы и напрашивались бы на осужденіе, однако со стороны игумена Мануила здѣсь было столько простодушія и незлобивости, столько опытовъ дознанной увѣренности въ непримѣнимости никакихъ иныхъ пріемовъ отношенія къ его невѣжественной и грубой братіи, что, конечно, осуждать его было бы несправедливо. И самъ игуменъ прошелъ суровую школу жизни, самъ вышелъ изъ крестьянъ и братію свою дисциплинировалъ способами, казавшимися ему наилучшими, не допуская и мысли, что его методы и системы воспитанія братіи могутъ рождать соблазнъ. Скитъ, начальникомъ котораго онъ былъ, являлся въ его глазахъ его вотчиной, а братія — его даровыми работниками. И, съ своей точки зрѣнія онъ былъ правъ, ибо никакъ не могъ стать на другую точку зрѣнія. Игуменъ Мануилъ, вступивъ въ управленіе Скитомъ, засталъ тамъ только заброшенное ущелье, между горами, не поддававшееся никакой обработкѣ, усѣянное пнями отъ срубленнаго лѣса, однако, обладая исключительной энергіей и большимъ практическимъ умомъ прирожденнаго строителя, привелъ Скитъ въ цвѣтущее состояніе, обновилъ старую маленькую церковь, заложилъ фундаментъ и довелъ до перваго этажа огромный каменный храмъ, выстроилъ игуменскій и братскій корпуса, гостиницу для паломниковъ, создалъ дивную пасѣку и фруктовый садъ и заставилъ говорить о себѣ и своей дѣятельности не только Кіевъ, но и сосѣднія губерніи. Такъ какъ въ этой работѣ ему не только никто не помогалъ, а, наоборотъ всѣ, кто могъ, мѣшалъ, то игуменъ Мануилъ, закончивъ свою строительскую дѣятельность, замкнулся въ Скиту, не входилъ въ общеніе даже съ архіерейскою властью и проявлялъ чрезвычайную независимость и самостоятельность.

Съ назначеніемъ митрополита Владиміра въ Кіевъ, Владыка, объѣзжая свою епархію, посѣтилъ и „Скитъ Пречистыя", расположенный на окраинѣ города. Послѣ торжественнаго богослуженія и достодолжнаго пріема, митрополиту была предложена роскошная трапеза, столъ ломился отъ питій и яствъ, а въ хрустальныхъ вазахъ, откуда то взятыхъ на прокатъ, красовались дивныя груши-дюшесъ. Залюбовавшись ими, митрополитъ взялъ одну.

„Вотъ Вы взяли грушу, сказалъ игуменъ Мануилъ митрополиту, а того не знаете, что каждая изъ нихъ стоитъ 10 рублей. А кто мнѣ далъ денегъ чтобы купить ихъ?! Лавра? Нѣтъ, своимъ потомъ и трудомъ заработалъ ихъ, да теперь и Васъ угощаю! Вотъ оно что! Кушайте, Владыка, на здоровье!"

Митрополитъ поморщился, но ничего не отвѣтилъ, зная, что съ игуменомъ Мануиломъ препирательства безполезны и психологію крестьянина передѣлать невозможно.

Часто вспоминая о посѣщеніи Скита митрополитомъ Владиміромъ, игуменъ Мануилъ любилъ разсказывать и объ эпизодѣ съ грушами, и я, однажды, не удержался, чтобы не сказать игумену:

„Какъ же Вы такъ нелюбезно поступили съ митрополитомъ, да еще Вашимъ гостемъ!"

Игуменъ сдѣлалъ очень удивленное лицо и, недоумѣвая, спросилъ меня:

„Почему нелюбезно? Это вотъ братія моя точно отговаривала меня отъ лишнихъ затратъ, ну а я, ради митрополита, не пожалѣлъ и 100 рублей за одинъ только десятокъ грушъ. Оно, конечно, за трапезою кому либо изъ братіи болѣе бы пристало сказать объ этомъ митрополиту, и тѣмъ подчеркнуть мое усердіе, но братія, какъ нарочно, сидѣла точно воды въ ротъ набравши и всѣ молчали, какъ рыбы. Я крѣпился и выжидалъ, да такъ ничего и не дождался. Тогда я самъ сказалъ объ этомъ митрополиту, чтобы Владыка зналъ, что я не поскупился на пріемъ, хотя послѣдній и влетѣлъ мнѣ не въ одну сотню рублей, одна рыба чего стоила, а кромѣ рыбы чего только не было! За мѣсяцъ того не проѣшь, что проѣли за одинъ только день, прости Господи!"

Побужденія игумена были чистыя, а выливались они въ форму обычную въ крестьянскомъ быту и попытки измѣнить эти формы явились бы безполезными.

Брату моему была отведена келлія въ игуменскомъ корпусѣ, меня же помѣстили на пасѣкѣ, гдѣ я жилъ въ сосѣдствѣ съ старцемъ-монахомъ Петромъ и послушникомъ послѣдняго, въ маленькомъ домикѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ фруктовыми деревьями и цвѣтами. Пасѣка была отрѣзана не только отъ всего міра, но даже отъ Скита, и вокругъ царила удивительная тишина. Если бы не безпокойство и тревоги о сестрахъ, изъ которыхъ одна томилась въ N-ской губерніи, а другая уѣхала на неизвѣстное въ N скую губернію, о братѣ, котораго я, хотя и видѣлъ каждый день, но въ безопасности котораго не былъ увѣренъ, о друзьяхъ и знакомыхъ повсюду разсѣянныхъ и трепетавшихъ за свою участь, то я долженъ былъ бы признать, что не нашелъ бы лучшаго мѣста для

духовной жизни. *Тамъ, на пасѣкѣ, было все, что возносило духъ къ небу, что успокаивало мятежную душу, научало и ваэрождало ее.*

И снова я переживалъ тѣ самыя ощущенія, коими былъ проникнутъ 10 лѣтъ тому назадъ, когда жилъ въ Боровскомъ монастырѣ Преп. Пафнутія, Калужской губерніи... Тогда мое пребываніе въ этомъ монастырѣ, съ мыслію остаться тамъ навсегда, вызывало и недоумѣнія и негодованія со стороны близкихъ, а мои письма оттуда являлись предметомъ насмѣшекъ и всяческихъ осужденій. А вѣдь перспективы мѣняются въ зависимости отъ того мѣста, съ котораго мы ихъ разсматриваемъ, и то, что видно монастырю, того не видно міру!... Между реализмомъ и мистикою такое же родство, какъ между умомъ и сердцемъ, и мистика реальна лишь для сердца. Съ какого же мѣста видна подлинная Правда? Этого вопроса для меня уже не существовало... Конечно, съ монастырской ограды! И это мѣсто становилось для меня все болѣе дорогимъ, дорогимъ потому, что доводило перспективу не только до ея земныхъ предѣловъ, но и далеко за эти предѣлы, раскрывая духовному взору незримыя области горняго знанія...

И дни проходили за днями быстро и незамѣтно, и я точно не замѣчалъ, что мой затворъ былъ вынужденнымъ, что моя воля связана и что только мое личное настроеніе окрашивало окружавшую меня обстановку другимъ цвѣтомъ... И я боялся потерять это настроеніе и велъ усиленную, великую и трудную борьбу съ самимъ собою, стараясь оцѣнивать окружающее съ духовныхъ точекъ зрѣнія и влагать въ него мистическое содержаніе, всецѣло предаваясь волѣ Господней. И самыя маленькія побѣды давали мнѣ сладость познанія затвора, хотя онъ и былъ вынужденнымъ, пріобщали къ радости одиночества, связывали меня незримыми нитями со всѣмъ міромъ, какой казался мнѣ такимъ далекимъ, а на самомъ дѣлѣ такимъ роднымъ и близкимъ, и я опытно познавалъ всю глубину и премудрость иноческой идеи, и понятной становилась мнѣ та духовная радость отшельниковъ и затворниковъ, какіе съ точки зрѣнія міра казались только мучениками и страдальцами...

А между тѣмъ вокругъ меня были только грубые, неотесанные мужики, жившіе интересами желудка, не способные учесть ни благодатныхъ условій внѣшней обстановки, ни проникаться сущностью и красотою монастырскаго богослуженія. Они шли въ храмъ точно на работу, какою тяготились, шли нехотя и лѣниво, ибо всѣ ихъ интересы вращались вокругъ хозяйства Скита и его доходовъ, вокругъ черной ра-

боты въ полѣ и на огородѣ, а богослуженіе въ храмѣ только отвлекало ихъ отъ этой работы.

Въ свободное же отъ черной работы время, шли суды и пересуды и, разумѣется, болѣе всего доставалось игумену Мануилу, котораго невѣжественная братія, хотя и побаивалась, но изрядно ненавидѣла, быть можетъ, именно потому, что онъ, въ духовномъ отношеніи, стоялъ неизмѣримо выше всѣхъ прочихъ насельниковъ Скита.

Особенно огорчалъ меня мой сосѣдъ старецъ-монахъ Петръ. Это былъ угрюмый, замкнутый, хитрый мужикъ себѣ на умѣ, крайне недовольный моимъ сосѣдствомъ. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ закулисныхъ агитаторовъ, которые доказывали братіи, что пребываніе въ Скиту „князей" принесетъ Скиту и матеріальный и еще болѣе моральный ущербъ, ибо „князья" де все подмѣтятъ и разнесутъ о Скитѣ дурную славу. Онъ и не ошибся, но не ошибся только въ отношеніи самого себя, ибо имѣлъ основанія опасаться дурной о себѣ славы, стараясь казаться не тѣмъ, чѣмъ былъ въ дѣйствительности, обманывая Бога и людей своимъ лицемѣріемъ. Глядя на него, видя его лукавство, я часто думалъ о томъ, какъ типы ему подобные сильно боятся людей и какъ мало боятся Бога, какъ мало Ему вѣрятъ и какъ грубо эксплоатируютъ иноческую идею, извлекая изъ нея только грубо житейскія выгоды.

Какъ ни опустился игуменъ Мануилъ, однако же, и растративъ половину своего духовнаго богатства, онъ сохранилъ, на старости лѣтъ, другую половину и временами проявлялъ великую духовную мудрость. Онъ являлъ собою уже доживающій типъ монаха стараго закала, въ свое время прошедшаго школу духовнаго дѣланія и добросовѣстно усвоившаго ее, и, конечно, очень рѣзко выдѣлялся на общемъ фонѣ братіи, не проходившей никакой школы и состоящей изъ мужиковъ, пришедшихъ изъ деревень прямо отъ сохи. Его строгость, какая въ глазахъ распущенной братіи казалась тѣмъ бо́льшей аномаліей, что проявлялась въ революціонное время, уничтожившее различіе между прежними начальниками и подчиненными, старость и болѣзни, — все это являлось въ глазахъ братіи достаточнымъ поводомъ для броженій въ оградѣ Скита, гдѣ устраивались всякаго рода сходки и совѣщанія и намѣчались кандидаты на мѣсто игумена Мануила, котораго братія стремилась заставить уйти на покой. Особенно усиленно добивался игуменскаго мѣста іеромонахъ, котораго звали, если не ошибаюсь, Филаретомъ. Этотъ іеромонахъ казался чрезвычайно смиреннымъ и находился почти безпрерывно въ состояніи умиленія, говорилъ постоянно о Богѣ, о любви

къ ближнему, о подвигахъ и страданіяхъ, гоненіяхъ и преслѣдованіяхъ, и, отъ души ненавидя игумена Мануила, заканчивалъ свои рѣчи обвиненіями послѣдняго въ разнаго рода преступленіяхъ, хотя и дѣлалъ это такъ хитро, что въ результатѣ получалось впечатлѣніе не столько о преступленіяхъ игумена Мануила, сколько о качествахъ и достоинствахъ самого разсказчика. Особенно часто прибѣгалъ о. Филаретъ къ моему брату и, какъ то однажды, зайдя къ нему, разсказалъ брату такую исторію:

„Дивны дѣла Господни, началъ о. Филаретъ, не только на яву, но даже въ сновидѣніяхъ свершается Его святая воля. Посѣтилъ Господь и меня, грѣшнаго, сновидѣніемъ знаменательнымъ, и кто знаетъ, можетъ быть въ ономъ и таится великій сокровенный смыслъ, предвареніе, скуднымъ моимъ умомъ не постигаемое. Вотъ я и подумалъ, пойду къ Его Сіятельству Владиміру Давидовичу, рабу Божіему смиренному, Они мнѣ, по своей учености, и разскажутъ, какъ сіе сновидѣніе понимать должно. Было ли тамъ откровеніе, а то, пожалуй, даже предвареніе, или такъ только одно мечтаніе безъ послѣдствій?“

„Разскажите пожалуйста“, сказалъ братъ, любезно усаживая гостя.

„Не знаю, съ чего и начать, замялся о. Филаретъ, искушеніе, прости Господи, прямо таки искушеніе. Вотъ вижу я себя шествующимъ въ бѣло-снѣжномъ одѣяніи по полю, усѣянному райскими цвѣтами... Благоуханіе такое, что и сказать невозможно, сильно чувствительное, на подобіе ладана Аѳонскаго, или Іерусалимской смирны. Въ правой рукѣ держу толстую и высокую, яркимъ пламенемъ горящую свѣщу, а въ лѣвой, — прости Господи, пальмовую вѣтвь. Горняя помышляяй, медленнымъ шагомъ шествую я по райскому полю, преданный богомыслію, и не замѣтилъ, какъ неожиданно подошелъ не то къ озеру, не то къ болоту, бурливому и на видъ весьма гнусному. Я себѣ и думаю, откуда таки завестись такому болоту среди райскаго поля и какъ подобаетъ сему быть, въ явное нарушеніе и даже противленіе красотѣ Божіей. Не успѣлъ я даже подумать сицеваго, какъ изъ болота взвился гадъ, норовившій укусить меня за ногу. Я, хотя и сомлѣлъ отъ страха, но, схвативъ лопату, со всего размаха — „лясъ“ по головѣ гада... А онъ только поморщился и словно еще выше вытянулъ свою голову. Тутъ только я разсмотрѣлъ, что то былъ не гадъ, а игуменъ Мануилъ, т. е. хотя и гадъ, но съ игуменской головою... И до чего же жирная была эта голова, точно саломъ обмотанная, и вообразить себѣ, прости Господи, невозможно! Сильно таки возревновало мое сердце,

не мѣсто, вѣдь, гнусному гаду въ семъ полѣ райскомъ, сказалъ я себѣ мысленно и... схвативъ топоръ, вознамѣрился убить гада. „Я таки тебѣ покажу, говорилъ я себѣ, какъ заводиться въ неподобающемъ тебѣ мѣстѣ. Коли ты гадъ, то иди себѣ въ преисподнюю, а не ютись здѣсь, омрачая смрадомъ, трепетомъ и страхомъ сіе священное мѣсто, ибо ты гнусенъ, твое пребываніе здѣсь неумѣстно и ты однимъ своимъ видомъ оскверняешь благолѣпіе, а коли ты не гадъ, а игуменъ, то тѣмъ паче тебѣ не подобаетъ сидѣть въ болотѣ“... И, взявъ топоръ, я безбоязненно вышелъ на средину болота, погрузившись до колѣнъ въ гнусную на видъ, сѣро-зеленую густую, липкую, издающую сильное зловоніе массу. И... чудесное дѣло, — одѣяніе мое бѣлое такъ и оставалось бѣлоснѣжнымъ и гнусная влага не оскверняла его. Высоко замахнувшись съ такою силою, какая едва не повергла меня самого навзничь, такъ что я едва удержался на ногахъ, я громко возопилъ: „Лясъ“, и ударилъ гада по головѣ. „Лясъ“, сказалъ я другой разъ и съ новой силой, со всего размаха, смазалъ гада по головѣ такъ, что она съ ревомъ, озвѣрѣлая, тутъ же и булдыхнула въ болото. И, свершивъ свое дѣло, съ яркимъ сознаніемъ, что очистилъ святое мѣсто отъ ненавистнаго и гнуснаго гада, я плюнулъ и сталъ медленно выходить изъ болота, внимая сладкозвучному пѣнію райскихъ птицъ, многоперистыхъ и хорошо упитанныхъ, различнаго вида и породы. Не утерпѣло однако мое сердце, чтобы не оглянуться назадъ, ибо въ мечтаніяхъ мнѣ предносилось, что увижу эту жирную игуменскую голову съ туловищемъ гада разлученную, плавающей на поверхности болотной. И, о диво!.. Увидѣть я увидѣлъ эту голову, но не разлученной, а будто еще тѣснѣе соединенной съ туловищемъ гада... Но мало этого, эта жирная игуменская голова точно глумилась надо мною... То спрячется, то опять вынырнетъ и скалитъ зубы, то перевернется въ водѣ и не одинъ разъ, а нѣсколько, на подобіе жирнаго тюленя, то начнетъ трястись всѣмъ существомъ своимъ... Ну прямо таки, одно слово, нечистая сила дразнила меня и изводила до крайнихъ степеней... Ну, тутъ, понятное дѣло, я посрамленный, сейчасъ же и проснулся... И такъ мнѣ стало тяжело и томно, что даже пожалѣлъ, что легъ спать“, закончилъ о. Филаретъ, глубоко вздохнувъ и вопросительно посматривая на моего брата.

Ясно, что разсказавъ свое сновидѣніе, о. Филаретъ ожидалъ, что братъ истолкуетъ его въ благопріятномъ для него смыслѣ и увидитъ въ борьбѣ о. Филарета съ гадомъ прообразъ его борьбы съ игуменомъ Мануиломъ, а въ бѣлоснѣжномъ одѣяніи, горящей свѣчѣ и пальмовой вѣткѣ — эмблему

чистоты и правоты о. Филарета, хотя и оставалось невыясненнымъ, какимъ образомъ о. Филаретъ, имѣя въ одной рукѣ горящую свѣчу, а въ другой — пальмовую вѣтвь, могъ дѣйствовать топоромъ и лопатою...

Но ожиданія о. Филарета не оправдались и братъ сказалъ ему:

„Значитъ, Вамъ такъ и не удалось побѣдить гада, значитъ и бороться съ нимъ было не нужно“.

Таковъ былъ составъ братіи Скита.

И глядя на нее, я съ новой силою, ощущалъ то великое недоразумѣніе, какое представлялъ собою нынѣшній составъ современныхъ монастырей.

Съ точки зрѣнія міра братія монастыря состояла изъ монаховъ, доводившихъ свое смиреніе до такихъ предѣловъ, что даже настоятели, въ санѣ архимандрита или игумена, іеромонахи и іеродіаконы, не гнушались черной работы въ полѣ, на огородѣ или въ конюшнѣ, сливаясь въ братскомъ единеніи со всѣми послушниками обители. На самомъ же дѣлѣ тамъ были не священнослужители, занимавшіеся черной работой, а чернорабочіе, по недоразумѣнію носившіе рясы и облеченные священнымъ саномъ.

Будь то дѣйствительные монахи, чернорабочіе по послушанію, а не по призванію, по природѣ же культурные, образованные люди, сознательные христіане, какую бы огромную нравственную силу вносили бы они въ жизнь, какимъ бы явились несокрушимымъ оплотомъ Православія и противовѣсомъ злу міра!

И мысль объ учрежденіи въ Россіи подлинныхъ монастырей, какъ очаговъ христіанскаго знанія и религіозной настроенности, какъ средоточія образованныхъ людей, вытѣсняемыхъ изъ міра и не способныхъ бороться съ его неправдою, съ новою силою овладѣвала мною... Я помню, что, приступивъ къ осуществленію этой мысли въ своемъ имѣніи, я встрѣчалъ осужденіе со стороны нѣкоторыхъ іерарховъ, говорившихъ, что я имѣлъ въ виду спеціальные монастыри „для дворянъ“... Нѣтъ, иноческая база всегда и вездѣ одинакова и зиждется не на внѣшности, а на личномъ отношеніи инока къ этой внѣшности, главное, конечно, не въ томъ, что̀ окружаетъ инока совнѣ, а въ томъ, каково его настроеніе и какъ онъ воспринимаетъ окружающую его внѣшность. При всемъ томъ, однако, и внѣшность часто заключаетъ въ себѣ элементы отрицательные и понижаетъ настроеніе, терзаетъ духъ, какой бы чудодѣйственной силой ни обладали внѣшнія рамки монастырскаго быта сами по себѣ, даже безотносительно къ своей сущности.

„До какихъ горнихъ высотъ могъ бы дойти сознательный убѣжденный инокъ, если бы былъ только честенъ съ самимъ собою и добросовѣстенъ“, думалъ я, анализируя свое собственное настроеніе, провѣряя впечатлѣнія окружающаго въ томъ видѣ, въ какомъ они преломлялись въ моемъ сознаніи подъ угломъ зрѣнія иноческой жизни.

Я сидѣлъ въ своей келліи, чувствуя себя отрѣзаннымъ отъ всего міра, всѣми забытымъ и никому не нужнымъ. И между тѣмъ никогда еще міръ не казался мнѣ такимъ близкимъ какъ теперь, никогда сердце мое не растворялось большею жалостью къ человѣку, казавшемуся мнѣ жертвою своихъ грѣховъ, страстей и заблужденій, никогда еще я не былъ болѣе снисходителенъ къ людскимъ немощамъ и строгъ къ себѣ, какъ теперь. И даже ежечасныя мелкія непріятности и уколы самолюбія, неизбѣжные при столкновеніи съ чуждою средою, не причиняли мнѣ огорченія и не волновали меня. Всему я находилъ объясненіе, не роопталъ и никого не осуждалъ, а главное научился замѣчать и то, мимо чего раньше проходилъ безъ вниманія.

Созерцая духовнымъ окомъ окружающее, я ужасался при видѣ бездны зла господствовавшаго въ жизни и поработившаго человѣка, и я недоумѣвалъ, зачѣмъ оно нужно, чего хотятъ люди, чего добиваются, къ чему стремятся, зачѣмъ нужны имъ эти такъ называемыя блага жизни, которыми много людей пользовалось до революціи, а теперь утративъ ихъ, даже не замѣчаетъ потеряннаго и свободно обходится безъ нихъ! Развѣ въ нихъ счастье, развѣ не самое великое счастье осязать живую связь между небомъ и землею и чувствовать себя пріобщеннымъ къ этой связи, сознавать себя не забытымъ со стороны Бога и пользующимся Его неизреченными милостями, изъ коихъ главная — это миръ душевный, спокойствіе совѣсти!..

А между тѣмъ вокругъ меня бурлили страсти, царило взаимное недоброжелательство и интриги, зависть и злоба, и отрекшіеся отъ міра монахи точно соревновали другъ съ другомъ въ погонѣ за копѣечными мірскими благами и даже строили на революціи свои планы и расчеты, вскормленные безмѣрнымъ честолюбіемъ и тщеславіемъ. Но были между ними и такіе, которые „жалѣли“ меня и брата и, оцѣнивая наше нынѣшнее положеніе съ точки зрѣнія раньше занимаемаго, выражали намъ свое сочувствіе въ трогательно нѣжныхъ формахъ. Спаси ихъ Господи!

Внѣшнее разстояніе между нашими положеніями, теперь и раньше, было дѣйствительно огромнымъ, однако и братъ, и я, тянувшіеся къ иночеству, любившіе и понимавшіе его,

если и тяготились въ Скиту, то не положеніемъ послушниковъ, ибо никакихъ послушаній не несли, а окружавшей насъ средою, съ которой не находили общаго языка и которая не высказывала намъ открыто своего недоброжелательства и нерасположенія лишь потому, что боялась игумена.

Такое отношеніе не мѣшало, однако, той же братіи обращаться къ намъ за разнаго рода нуждами и даже вести съ нами, въ часы досуга, бесѣды на отвлеченныя темы. Особенно интересовалась братія вопросами астрономіи и космографіи, въ какіе вкладывала своеобразное содержаніе, разсматривая свѣтила небесныя какъ мѣста пребыванія Бога и ангеловъ, и интересуясь разстояніемъ этихъ мѣстъ отъ земли. Конечно, наши разсказы и объясненія никогда не удовлетворяли братію, ниспровергавшую доводы разума и науки такими репликами, противъ которыхъ возражать было трудно.

„И одного только я не возьму себѣ въ толкъ, горячо возразилъ однажды одинъ изъ такихъ оппонентовъ, зачѣмъ это нужно господамъ морочить намъ головы и говорить то, чему и малый ребенокъ никогда не повѣритъ... И гдѣ же это видано и кто же сему повѣритъ, что земля вертится?! Да, если бы она вертѣлась, то первыми бы попадали наши колокольни, прости Господи... А, коли не падаютъ, значитъ, по милости Божіей, земля пока стоитъ на своемъ мѣстѣ... И опять таки, зачѣмъ ей и понадобилось бы вертѣться!.. Все это ни къ чему“...

„Такъ то оно такъ, возразилъ другой, а про то бываютъ и землетрясенія“...

„А гдѣ же они бываютъ, запальчиво возразилъ первый, бываютъ, да не у насъ, а у басурманъ, да и опять таки только затѣмъ, чтобы они познали Бога, а православному люду землетрясенія безъ надобности, ихъ Богъ и не посылаетъ“.

„Это, конечно, вмѣшался въ разговоръ третій монахъ, ну а на чемъ же собственно держится сама земля то?!“

„На чемъ держится, скептически посмотрѣлъ на вопросившаго первый монахъ, говорившій увѣренно и пользовавшійся авторитетомъ у братіи, на томъ и держится, на чемъ ей полагается держаться“...

„Батюшка, батюшка, а вотъ ученые говорятъ, что даже знаютъ сколько верстъ отъ одной звѣзды до другой, да во сколько дней бы можно было доѣхать къ нимъ отъ земли, если бы можно было построить желѣзную дорогу до неба“, сказалъ какой то молодой послушникъ...

„А ты имъ и вѣришь“, скептически замѣтилъ батюшка... „Во-первыхъ, не нашлось бы и такой длинной лѣстницы, чтобы ее приставить къ небу, а во-вторыхъ, если бы и на-

шлась такая, то до чего ты ее зацѣпишь, чтобы держалась? Ну, положимъ, на землѣ бы еще и можно было ее утвердить, ну а на небѣ то къ чему ее приставишь, коли тамъ одинъ только паръ? А, если не къ чему приставить, то и не полѣзешь на нее, а, если не полѣзешь, то ничего и не вымѣряешь и не пересчитаешь... Глупости это все“...

Неизвѣстно до чего бы договорилась братія, если бы на горизонтѣ не показался игуменъ Мануилъ. Тяжело опираясь на руку моего брата, игуменъ медленно поднимался по крутой тропинкѣ, направляясь въ пасѣку, куда заходилъ ежедневно для осмотра огородныхъ продуктовъ и фруктовыхъ деревьевъ, составлявшихъ предметъ его особенныхъ заботъ и попеченій. Чего только не было на огородѣ?! Ярко красные, пухлые сочные помидоры, огурцы, арбузы, дыни и клубника, морковь, рѣдька и редиска, упитанные, красивые, свидѣтельствующіе своимъ видомъ о нѣжномъ уходѣ за ними хозяина.

Между ними, на разстояніи одной сажени другъ отъ друга, росли фруктовыя деревья, яблони и груши разныхъ сортовъ, сливы, вишни, персики и абрикосы, а вокругъ сада, съ трехъ сторонъ, огромные кусты всевозможныхъ ягодъ... Тамъ была и малина, и смородина, и крыжовникъ, и ежевика и чего только не было!.. И любуясь плодами своихъ трудовъ, игуменъ, съ любовью, останавливался подлѣ каждаго дерева и кустика и срывая фрукты, наполнялъ ими свои карманы... Особенно часто онъ останавливался на помидорахъ и то и дѣло наклонялся къ землѣ, чтобы сорвать наилучшіе, приговаривая при этомъ: „если я ихъ не заберу сегодня, то завтра уже ихъ не будетъ... Придутъ „черти“ и покрадутъ“. Подъ „чертями“ игуменъ разумѣлъ свою братію, которая дѣйствительно часто появлялась на пасѣкѣ, занимаясь „тайноѣденіемъ“... Я не могъ воздержаться отъ улыбки, глядя на то немовѣрное количество разнаго рода плодовъ, какое помѣщалось въ карманахъ игуменскаго подрясника... Оказалось что тамъ были не карманы, а привязанные къ обѣимъ сторонамъ мѣшки, одинъ изъ которыхъ предназначался спеціально для помидоровъ, часто даже недозрѣлыхъ, которые потомъ отлеживались на солнцѣ, а другой для прочихъ плодовъ, въ томъ числѣ для арбузовъ и дынь...

Къ нимъ игуменъ Мануилъ проявлялъ особенно трогательную заботливость.

Какъ то однажды, гуляя съ игуменомъ по огороду и, обративъ вниманіе, что онъ срываетъ огромные листья лопуха и покрываетъ ими арбузы и дыни, я сказалъ:

„Зачѣмъ Вы это дѣлаете, батюшка, они любятъ солнце, скорѣе созрѣютъ, а Вы покрываете ихъ лопухомъ“...

Игуменъ тяжело вздохнулъ и отвѣтилъ: „конечно любятъ, но, если ихъ не скроешь, то они и не уберегутся отъ братіи... Братія — это тѣ же большевики... Чуть только увидятъ хорошенькаго „кавунчика“ (такъ въ Малороссіи зовется арбузъ) или красавицу дыню, такъ сейчасъ же и проглотятъ ихъ... Вотъ я и спасаю ихъ подъ лопухами, авось не примѣтятъ“...

Мирно и тихо протекала наша жизнь въ Скиту въ первые дни нашего пріѣзда. Скрытый въ ущельи горы, Скитъ былъ отгороженъ отъ міра точно высокими стѣнами, мало кому былъ даже извѣстенъ и его трудно было найти. Но вотъ прошелъ мѣсяцъ, большевики неистовствовали въ городѣ все больше, изъ Кіева доходили слухи одинъ ужаснѣе другого, и отъ моего взора не укрывалось то безпокойство и тѣ тревоги, какія переживала братія. На разспросы или не отвѣчали, или успокаивали меня.

И тутъ, быть можетъ, впервые предо мною раскрылась нѣжная, полная братской любви, душа моего брата Владиміра. Странныя отношенія связывали меня съ моимъ братомъ. Мы точно боялись признаться другъ другу въ своей любви, никогда и ни въ чемъ ее не выражали во внѣ, оба были достаточно угрюмы, необщительны, тогда какъ оба въ одинаковой мѣрѣ тревожились другъ за друга и внутренно были между собою связаны неразрывными нитями. Безпокойство моего брата обо мнѣ выражалось всегда такъ наглядно, онъ такъ мало умѣлъ скрывать его, что мнѣ достаточно было только взглянуть на него, чтобы угадать какую либо бѣду. Такъ случилось и тогда, когда братъ, узнавъ о разстрѣлѣ кузена Димитрія, скрылъ отъ меня эту ужасную вѣсть и я узналъ о ней лишь позднѣе, да и то случайно, отъ одного изъ іеромонаховъ, совершавшихъ панихиду по „убіенномъ рабѣ Божіемъ Димитріѣ“, который на вопросъ мой о комъ онъ молился, выдалъ тайну моего добраго брата.

Наступили тревожные дни. Наше личное положеніе отъ этого становилось все тяжелѣе. Опасаясь нападенія большевиковъ на Скитъ, братія видѣла въ нашемъ лицѣ точно магнитъ, который, рано или поздно притянетъ ихъ въ Скитъ, и ропотъ, сначала глухой и скрытый, становился все громче и откровеннѣе. Идти было некуда... Это сознавала и братія, но такое убѣжденіе не мѣняло ни ея настроенія, ни отношенія къ намъ.

Сыпались на меня удары и съ другихъ сторонъ. Переписка была невозможна и со дня революціи я ни откуда не получалъ писемъ и самъ никому не писалъ, томясь неизвѣстностью объ участи своихъ родныхъ и близкихъ. Невозможна

была переписка столько же по причинѣ разстройства почтово-телеграфныхъ сношеній, сколько и потому, что письма перехватывались большевиками и создавали угрозу адресатамъ. При всемъ томъ, я какимъ то чудомъ получилъ письмо изъ Петербурга отъ знакомаго протоіерея, и это письмо, извѣщавшее меня о смерти моего друга Ю. Д. Азанчеева, явилось для меня великимъ ударомъ. Горный инженеръ, б. вице-директоръ департамента Министерства Финансовъ, тайный совѣтникъ, увѣшанный звѣздами, Юрій Димитріевичъ былъ однимъ изъ тѣхъ великихъ христіанъ, какіе одухотворяли своимъ настроеніемъ окружавшихъ однимъ только своимъ присутствіемъ.

Въ послѣдніе годы онъ былъ едва ли не единственнымъ активнымъ работникомъ въ братствѣ Св. Іоасафа и руководилъ его дѣятельностью. Личная его жизнь сложилась несчастливо, но удары судьбы, казалось, только закаляли его дѣтскую, прозрачно чистую хрустальную душу, гдѣ не было ни одного невѣрнаго изгиба или уклоненія отъ требованій правды. И, глядя на Юрія Димитріевича, я удивлялся какимъ образомъ онъ, проживъ всю свою жизнь въ Петербургѣ, среди столичной сутолки, могъ сохранить такую чистоту своей души и возвыситься до предѣловъ совершенства, недоступныхъ даже монахамъ, отрекшимся отъ міра и жившимъ вдали отъ него, какимъ образомъ могло случиться, что будучи прирожденнымъ монахомъ, Юрій Димитріевичъ сдѣлался горнымъ инженеромъ вмѣсто того, чтобы быть іерархомъ Церкви, ея гордостью и украшеніемъ. Вѣрно и самъ Юрій Димитріевичъ удивлявшій меня своими церковными и духовными познаніями, сознавалъ, что шелъ не своимъ путемъ, въ разрѣзъ съ своимъ призваніемъ, ибо въ послѣдніе годы своей жизни все чаще задумывался надъ вопросами иночества, скорбя о той непроходимой стѣнѣ, какая стояла между монастыремъ и образованнымъ классомъ... Извѣстіе о его смерти поразило меня такою болью, какую я испыталъ только одинъ разъ въ своей жизни, лишившись матери.

Все чаще и чаще покидали міръ лучшіе люди, все сиротливѣе становилось на душѣ и не за кого было держаться.

Вокругъ же бушевали стихіи ада, владычествовалъ сатана...

Было страшно и жутко... Стою я, однажды, въ храмѣ, за всенощной и мой взоръ случайно палъ на высокое окно, чрезъ которое виднѣлись очертанія горы, у подножія которой стоялъ нашъ Скитскій храмъ. Затрепетало мое сердце, когда на фонѣ зарева заходящаго солнца, я увидѣлъ черные силуэты большевиковъ, осторожно пробиравшихся, съ ружьями въ

рукахъ, черезъ кусты и спускавшихся по направленію къ церкви...

Увидѣла ихъ и братія и ледяной ужасъ сковалъ всѣхъ... Какъ сейчасъ помню то страшное безпокойство, какое охватило особенно священнослужащихъ, совершавшихъ богослуженіе....Дрожащимъ голосомъ, тихо, точно про себя, они подавали возгласы, и, будто, приговоренные къ смерти, не знали, продолжать ли богослуженіе, или прервать его, заблаговременно скрыться, — или ждать нападенія на храмъ. Страшно волнуясь, они безпомощно и робко оглядывались на игумена Мануила и, казалось, безмолвно вопрошали его, что имъ дѣлать и какъ поступить...

„Чего ты уставился на меня, какъ баранъ", крикнулъ на весь храмъ игуменъ, и этотъ властный голосъ старца съ корнемъ вырвалъ панику, охватившую монаховъ. Богослуженіе продолжалось, хоръ сталъ пѣть еще громче, нисколько не смущаясь присутствіемъ большевиковъ, которые, въ числѣ 5-6 человѣкъ, вошли въ храмъ.

По окончаніи всенощной, игуменъ Мануилъ, поддерживаемый съ двухъ сторонъ послушниками, не обращая ни малѣйшаго вниманія на большевиковъ, вышелъ изъ храма по направленію къ своимъ покоямъ. Его сейчасъ же окружила толпа богомольцевъ, подошедшая подъ благословеніе.

„А вы, черти, почему не подходите подъ благословеніе, обратился игуменъ къ большевикамъ, безбожники вы, нехристы, чего лазите по монастырямъ, да мутите народъ, грабители..."

„Батюшка, батюшка", шепнулъ послушникъ, дергая игумена за рясу и останавливая его.

„Чего, тамъ, батюшка", оборвалъ игуменъ, а затѣмъ, обращаясь къ большевикамъ, сказалъ имъ: „васъ сколько здѣсь, 6 человѣкъ, ну а насъ 26, убирайтесь, откуда пришли, а то прикажу выгнать"...

Большевики, привыкшіе, что предъ ними всѣ трепетали и не ожидавшіе такой встрѣчи, пришли въ страшное замѣшательство и до того смутились, что, глядя на нихъ, богомольцы, и особенно бабы, заступились за нихъ.

А кто же изъ знакомыхъ съ деревней и крестьянскимъ бытомъ не знаетъ, въ какихъ формахъ проявляется такое заступничество крестьянскихъ бабъ, отражающее столько юмора имъ однимъ свойственнаго? Не даромъ крестьянскіе парни такъ боялись привхожденія въ ихъ взаимные споры бабъ, особенно жалостливыхъ, движимыхъ только участіемъ, но еще болѣе обострявшимъ всякаго рода споры. Такъ слу-

чилось и здѣсь. Желая сгладить непріятное впечатлѣніе отъ словъ игумена, бабы сказали ему:

„Батюшка, да то они такъ только сдуру, а робята они ничего себѣ“...

Сказанныя на малороссійскомъ языкѣ, эти слова пріобрѣтали обидный смыслъ и задѣвали самолюбіе большевиковъ, которые были пристыжены настолько, что ушли изъ Скита, ничего не тронувъ и отказавшись даже отъ предложенной имъ трапезы.

„Не жизнь, а каторга“, нерѣдко раздавалось въ средѣ братіи...

И умный игуменъ Мануилъ всегда находилъ слова, вразумлявшія братію.

„На каторгѣ только подневольный трудъ, а нѣтъ страха за завтрашній день, за свою жизнь, всѣ живутъ на готовомъ, обо всѣхъ заботится начальство, только воли нѣтъ свободной... А на что она монаху... А сейчасъ Господь послалъ такое время, что позавидовать можно и каторгѣ... Трепетать приходится день и ночь, отъ страха работа валится изъ рукъ, молитва на умъ и на сердце не идетъ, дрожимъ всѣ точно приговоренные къ смерти... Не знаемъ на что и для кого трудиться... Завтра придутъ жиды и все заберутъ, да вдобавокъ еще и убьютъ... Вотъ оно что! А откуда же трепетъ, откуда не знающій жалости къ жертвѣ страхъ?.. Отъ маловѣрія! Отъ непониманія, что значитъ нести крестъ Господень и въ чемъ сей крестъ заключается!.. Заключается же крестъ Господень въ скорбяхъ, печаляхъ и болѣзняхъ, въ трудахъ и заботахъ, въ досадахъ, огорченіяхъ и неудачахъ, въ тугѣ душевной и тѣлесной. Многозаботливость и многопопеченіе увеличиваетъ тяжесть креста, а смѣлое преданіе себя волѣ Божіей снимаетъ эту тяжесть. Думайте не о грядущихъ напастяхъ, а о томъ, что вы — дѣти Божіи, хотя и окаянныя и недостойныя, а все же Его дѣти... Онъ ли, Милосердый, не попечется о васъ?! Тогда и страха не будетъ...“

Игуменъ Мануилъ представлялъ собою въ данномъ отношеніи полную противоположность своей братіи. Онъ выросъ и состарился въ совершенно иныхъ условіяхъ жизни, отвергалъ революцію, какъ таковую, вовсе не считался съ нею, не признавалъ ее и даже не хотѣлъ вѣрить тому, что революція — совершившійся фактъ, съ которымъ приходится считаться по неволѣ. Онъ былъ слишкомъ уменъ для того, чтобы радоваться революціи, однако же, какъ и всякій крестьянинъ, былъ увѣренъ, что революція коснется только интересовъ господскаго класса и не задѣнетъ ни его лично, ни результатовъ его упорнаго долголѣтняго труда.

На большевиковъ онъ смотрѣлъ такъ же, какъ смотрѣлъ на каждаго бунтовщика и смутьяна въ стѣнахъ своего Скита и, не допуская соглашательства съ послѣднимъ, не мыслилъ иного отношенія и къ большевикамъ, возмущаясь общимъ пресмыкательствомъ предъ ними и жалуясь на то, что русскій народъ безъ боя сдалъ свои позиціи „страха ради іудейска". Въ этомъ игуменъ Мануилъ былъ безконечно правъ, а своимъ собственнымъ примѣромъ оправдывалъ свои теоріи.

Положеніе въ Кіевѣ становилось, между тѣмъ все болѣе нестерпимымъ; съ просьбою о пріютѣ въ Скиту обращались къ игумену Мануилу даже епископы, но игуменъ категорически отказывалъ имъ, ссылаясь на то, что содержаніе епископовъ разоритъ Скитъ. Тѣмъ не менѣе, какимъ то образомъ, въ Скитъ пробирались не только монахи изъ Кіевскихъ монастырей, но даже міряне, при чемъ послѣдніе безъ вѣдома игумена, а по протекціи низшей братіи.

Пріѣхалъ изъ Кіева и іеромонахъ С., съ которымъ я впослѣдствіи очень подружился, найдя въ его лицѣ человѣка исключительной эрудиціи и начитанности въ области исторіи еврейскаго вопроса. Онъ изумлялъ меня своими колоссальными познаніями по этому вопросу и являлся на рѣдкость интереснымъ и цѣннымъ собесѣдникомъ.

„У насъ много разныхъ наукъ, сказалъ онъ мнѣ однажды, но не хватаетъ главной, какую нельзя и назвать иначе, какъ наукою изъ наукъ, не хватаетъ „жидовѣдѣнія". Безъ этой науки, не только Россія, но и вся вселенная будутъ находиться впотьмахъ. Наука эта сложная и корни ея восходятъ къ временамъ глубокой древности. Исторію еврейскаго вопроса мало кто знаетъ, природа еврейскихъ идеаловъ также невѣдома большинству, ихъ задачи и цѣли — тѣмъ меньше, ибо иначе христіанскія народности не помогали бы евреямъ осуществлять эти задачи. Между тѣмъ знать еврейскій вопросъ христіанамъ такъ же нужно, какъ нужно слѣпому имѣть палку... Науку „жидовѣдѣнія" нужно сначала создать, а затѣмъ преподавать ее во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, начиная отъ начальныхъ школъ и кончая университетомъ, сдѣлавъ ее обязательною на всѣхъ факультетахъ. Но одного только теоретическаго усвоенія этой науки мало, а нужна и практическая реализація пріобрѣтенныхъ знаній, которая предполагаетъ крупную реорганизацію всего нашего правительственнаго аппарата. При каждомъ министерствѣ, не исключая и Синода, должны быть созданы спеціальные департаменты, вѣдающіе еврейское дѣло въ Россіи. Дѣятельность евреевъ во всѣхъ государствахъ и въ Россіи объединяется едиными директивами, идущими изъ единаго центра, и ея проявленія совершенно

не зависятъ отъ того, будутъ ли евреи въ Россіи, или не будутъ, останутся ли, послѣ возрожденія Россіи, или будутъ изъ нея выселены. Такіе департаменты нужны безусловно и, пока надъ еврействомъ не будетъ созданъ организованный международный государственный контроль, до тѣхъ поръ борьба съ евреями невозможна. Проникая въ разнообразныя сферы государственной жизни, евреи систематически подтачивали государственность, а между тѣмъ главы государствъ этого не замѣчали именно потому, что не были знакомы съ наукою „жидовѣдѣнія". Такіе же департаменты должны быть созданы и во всѣхъ прочихъ государствахъ Европы и Америки и только тогда можно будетъ серьезно говорить о единомъ христіанскомъ фронтѣ въ противовѣсъ 3-му Интернаціоналу. Рано или поздно, но такой фронтъ будетъ созданъ цѣною величайшихъ потрясеній всѣхъ христіанскихъ государствъ міра, и благоразумнѣе создавать его теперь, чѣмъ дожидаться, когда онъ будетъ созданъ на развалинахъ погибшихъ государствъ, какъ это случилось съ Россіей, благодаря ея безпечности. Русскіе любятъ говорить объ историческомъ призваніи Россіи, но видятъ его только въ помощи и поддержкѣ западныхъ славянъ, чуждыхъ намъ не только по обычаямъ и укладу жизни, но возможно, что и по духу и даже по вѣрѣ, несмотря на ихъ офиціальное православіе. Однако, миссія Россіи заключалась не въ вмѣшательствѣ ея въ политическую жизнь западнаго славянства, ибо, по существу, таковое вмѣшательство являлось лишь вторженіемъ въ область Божественнаго Промысла въ отношеніи славянъ, а заключалась миссія Россіи въ защитѣ христіанства на землѣ, иначе — въ борьбѣ съ его врагами. И эту миссію Россія еще не выполнила и, повидимому, только теперь осознала ее".

И о. іеромонахъ С., познакомивъ меня съ идеей своего труда, коимъ былъ занятъ, прочитывалъ мнѣ нѣкоторыя выдержки составляемой имъ науки „жидовѣдѣнія", разворачивая въ стройной системѣ ея общія положенія и останавливаясь подробно на историческихъ предпосылкахъ.

Мое изумленіе было безгранично. Глядя на этого благолѣпнаго старца, я мысленно спрашивалъ себя, какимъ образомъ этотъ подлинно великій и ученый мужъ могъ прожить свою долгую жизнь *незамѣченнымъ* и состариться въ санѣ провинціальнаго іеромонаха, тогда какъ онъ былъ не только вполнѣ законченнымъ по уму и образованію государственнымъ человѣкомъ, но и однимъ изъ самыхъ выдающихся среди нихъ, человѣкомъ, какихъ было такъ мало въ Россіи и какіе были такъ нужны.

И, отвѣчая мнѣ на мою просьбу, іеромонахъ С. разсказалъ мнѣ свою біографію.

Вскорѣ, послѣ окончанія курса въ Кіевской Духовной Академіи и принятія монашества, іеромонахъ С. былъ причисленъ къ братіи Никольскаго монастыря на Печерскѣ и быстро выдвинулся, будучи назначенъ казначеемъ монастыря, настоятелемъ котораго былъ епископъ Каневскій, одинъ изъ викаріевъ Кіевскаго митрополита. Должность эта высокая и является переходною къ должности настоятеля монастыря, и іеромонахъ С. былъ уже наканунѣ возведенія въ санъ архимандрита. Но тутъ произошла смѣна архіереевъ и настоятелемъ Никольскаго монастыря былъ назначенъ епископъ Иннокентій, человѣкъ ограниченный и поддававшійся чужимъ вліяніямъ. Смѣненъ былъ и Кіевскій губернаторъ и на его мѣсто былъ назначенъ графъ П. Н. Игнатьевъ, впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія, человѣкъ чрезвычайно чувствительный къ голосу общественности и искавшій популярности. Оба эти назначенія оказались роковыми для іеромонаха С., въ лицѣ котораго и архіерей и губернаторъ увидѣли яраго юдофоба и черносотенника и подвергли его неслыханнымъ гоненіямъ и преслѣдованіямъ, вплоть до увольненія отъ должности казначея. Заступничество митрополита Флавіана спасло іеромонаха С. отъ окончательной гибели, однако не возстановило его въ правахъ и не создало ему условій, обезпечившихъ бы возможность продолженія научныхъ работъ, коими онъ занимался и кои такъ и остались незаконченными. „Революція же уничтожила и то, что было раньше собрано, и теперь приходится начинать сначала“, закончилъ о. С. свою печальную повѣсть.

„Вотъ и Распутинъ, вызвавшій революцію и погубившій Россію“, думалъ я, слушая о. С.

Кто только не трудился надъ разрушеніемъ русской государственности, въ какихъ только мѣстахъ не были заложены сѣмена разложенія!..

И какъ бы въ подтвержденіе теорій іеромонаха С. я получилъ отъ неизвѣстнаго, случайно встрѣтившагося со мною человѣка, карманную записную книжку, съ рядомъ отмѣтокъ и замѣтокъ по еврейскому вопросу. Передавая мнѣ свою книжку, неизвѣстный просилъ меня сберечь ее и, при случаѣ, отпечатать то, что будетъ мною признано имѣющимъ общее значеніе и явится въ моихъ глазахъ цѣннымъ. Возвратясь въ свою келлію, я развернулъ эту книжку и подъ датою „10 Ноября 1904 года“, т. е. за годъ до первой еще революціи, прочиталъ коротенькую запись, подъ заглавіемъ „*Еврейскій Король*“. Воспроизвожу эту запись безъ малѣйшихъ измѣненій.

„На этихъ дняхъ я говорилъ съ пріѣхавшимъ сюда кіевляниномъ объ умершемъ еврейскомъ королѣ Лазарѣ Израилевичѣ Бродскомъ. Боже мой, что это былъ за великій еврей, какой пламенный патріотъ!.. Я никакъ не думалъ, что торжественные похороны Бродскаго въ Кіевѣ были похоронами короля, что рѣчи надъ его гробомъ были рѣчами его подданныхъ, искренно его любившихъ, и мнѣ хочется воспѣть его, какъ великаго патріота еврейскаго королевства, которое, нужно думать, скоро образуется на территоріи Россійскаго государства. Мнѣ хочется сказать самому себѣ и моимъ братьямъ русскимъ: „подражайте ему, подражайте ему, дѣлайте для своего отечества, для „бѣднаго" русскаго царства то, что дѣлалъ для еврейства этотъ „бѣдный" Лазарь, какъ его называли льстивые уста пресмыкателей.

Этотъ король удесятерилъ милліоны своего отца Израиля Бродскаго, нажитые скупкою имѣній на имя русскихъ; онъ задушилъ Общество Пароходства по Днѣпру, устроивъ ему конкуренцію въ сильномъ еврейскомъ пароходномъ обществѣ и затѣмъ слилъ оба общества въ одно; онъ участвовалъ во всѣхъ банкахъ и акціонерныхъ предпріятіяхъ, довелъ акціи Кіевскаго городского трамвая съ 90 до 500 рублей; онъ былъ полнымъ хозяиномъ въ сахарномъ дѣлѣ, устанавливалъ цѣны на сахаръ, открывалъ новые рынки сбыта, разорялъ однихъ, обогащалъ другихъ; онъ купилъ Московскій пивоваренный заводъ въ Хамовникахъ, акціи котораго принадлежали одному очень вліятельному лицу въ Юго-Западномъ краѣ; онъ, какъ паукъ, разставлялъ сѣти повсюду, проникая въ толщу городской общественной жизни Кіева и всего Юго-Западнаго края и подчиняя ее своей волѣ, программѣ, задачамъ и цѣлямъ.

Въ Городской Думѣ у него была своя сильная партія, чрезъ которую онъ душилъ все русское, травя честныхъ русскихъ людей, лишая ихъ иниціативы, подвергая гоненіямъ и преслѣдованіямъ; онъ имѣлъ сильную партію среди профессоровъ Кіевскаго университета, давилъ все, ускользавшее изъ подъ его ярма, услащеннаго лукулловскими обѣдами и ужинами, щедрыми подачками и царскими пріемами... Въ его пріемной толпились представители русской знати, съ громкими именами, и здѣсь зрѣли планы господства евреевъ надъ Россіей, подвергались остракизму наиболѣе энергичные, независимые, честные русскіе патріоты и вѣрноподданные Царя... Борьба съ ними велась умно и хитро. Гдѣ деньгами, гдѣ жертвами, гдѣ покупкой имѣній нужнымъ людямъ, гдѣ взятіемъ ихъ на службу къ себѣ или къ своимъ агентамъ, гдѣ подкупомъ, гдѣ женщинами... Лазарь Бродскій былъ уменъ и талантливъ, ловокъ и изворотливъ... Его живые, черные глаза

горѣли яркимъ, діавольскимъ огнемъ, а острый мозгъ поддерживалъ въ теченіе длинныхъ часовъ пріема то бойкій фривольный разговоръ съ ничтожнымъ человѣкомъ, то игривый — съ дамой, то почтительный съ сановникомъ. Именитое еврейство Сѣверо и Юго-Западной Россіи толпилось въ его пріемныхъ, спрашивало его совѣтовъ и получало отъ него мысли, директивы и субсидіи. Это былъ страстный защитникъ еврейства въ Россіи, много поработавшій для его подъема и господства, и вносившій въ свою борьбу съ Россіей всю страстность еврея, всю жестокость расы. Это былъ убѣжденный врагъ Россіи и всего русскаго, работавшій надъ разрушеніемъ русскихъ государственныхъ основъ съ ярко пылавшей ненавистью къ ней, съ чисто сатанинской злобою и неукротимой энергіей, не имѣвшей примѣра. Когда онъ появлялся заграницей, то къ нему со всѣхъ сторонъ стекались разнаго рода дѣльцы и иностранные банкиры, безчисленныя депутаціи изъ разныхъ мѣстъ, и онъ принималъ всѣхъ, надѣляя ихъ подачками, хотя къ заграничнымъ евреямъ и не проявлялъ той горячей любви, какую питалъ къ русскимъ. Онъ не любилъ сіонизма и палестинцевъ, ибо считалъ „обѣтованною землею" Россію, гдѣ ему самому жилось тепло и гдѣ положеніе евреевъ было лучше, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. Заграничныхъ евреевъ онъ считалъ аборигенами, не сознававшими того, что имъ давно пора выѣхать изъ заграницы и переселиться въ Россію, чтобы участвовать въ общей работѣ по завоеванію ея, порабощенію русскаго народа и превращенію Россіи въ еврейское королевство. Для такого превращенія не нужно, по мнѣнію Бродскаго, ни арміи, ни снарядовъ, а нужно дать русскому еврею только технику и просвѣщеніе и тогда онъ самъ завоюетъ оборванную, ходящую въ лаптяхъ, Россію.

Поэтому онъ особенно горячо поддерживалъ просвѣщеніе, создавая повсюду гдѣ было можно, массу еврейскихъ школъ и ремесленныхъ училищъ, и субсидировалъ ихъ или явно, или тайно. Умный и хитрый, онъ всегда имѣлъ предъ собою только одну цѣль — торжество еврея, уничтоженіе христіанскаго идеала и русскаго патріотизма, и шелъ неуклонно къ этой цѣли, ни на одно мгновеніе не теряя ее изъ виду.

Учитывая значеніе печати, онъ создавалъ еврействующія газеты („Заря", „Жизнь и Искусство" и др.), субсидировалъ ихъ, или, наоборотъ, душилъ, когда онѣ уклонялись отъ намѣченныхъ имъ программъ; считая всѣхъ русскихъ „юдофобами", онъ разжигалъ политическія страсти у неумныхъ людей и хорошо зная природу „украинства", особенно настойчиво поддерживалъ украинофиловъ, которые работали

надъ разрушеніемъ русской государственности и являлись его союзниками. Когда положеніе еврейства въ Юго-Западномъ краѣ ухудшалось почему либо, когда во главѣ администраціи попадались случайно русскіе люди, не поддававшіеся его чарамъ, тогда онъ измѣнялъ тактику и щедро жертвовалъ на чисто русскія предпріятія и учрежденія и даже на православные храмы, чѣмъ покупалъ себѣ расположеніе и страховалъ себя отъ подозрѣній. Въ этихъ цѣляхъ онъ не останавливался даже предъ явно убыточными жертвами, къ числу которыхъ нужно отнести крупное пожертвованіе на учрежденіе въ Кіевѣ Бактеріологическаго Института. При всемъ томъ, онъ былъ увѣренъ въ себѣ и своей безопасности настолько, что однажды даже сказалъ: „если бы я хотѣлъ уничтожить русскихъ людей, то сдѣлалъ бы это 10 разъ, я этого не дѣлаю, потому что они мнѣ нужны". Онъ былъ связанъ съ всемірнымъ кагаломъ тѣсными узами родства. Швейцарскій Дрейфусъ былъ женатъ на его дочери, другая дочь была замужемъ за петербургскимъ вліятельнымъ евреемъ, Ротшильды, Каганы, Грегеры, Горовицы и др. были его родственниками. Это былъ человѣкъ исключительнаго ума и чисто діавольской изворотливости, человѣкъ, пылавшій величайшею ненавистью къ христіанству, уничтоженіе котораго являлось не только цѣлью, но и идеей его жизни, это былъ прежде всего убѣжденный еврей и величайшій еврейскій патріотъ... О, если бы мы русскіе, взяли бы съ него примѣръ и проявили бы въ борьбѣ съ еврействомъ хотя бы тысячную долю той энергіи, какую Лазарь Бродскій развивалъ въ борьбѣ съ христіанствомъ, то не было бы у насъ *ни одного еврея*. Но, если мы не спохватимся *сейчасъ же*, если не соединимся для дружной работы, если не сознаемъ, насколько такая работа сдѣлалась уже кричащей необходимостью, *тогда Россія погибнетъ*, тогда она превратится въ *еврейское государство*... И это будетъ, если мы не вдумаемся въ эти слова и отнесемся къ нимъ только какъ къ звукамъ, а не какъ къ *предостереженію Божіему*".

Я прочиталъ эту запись и у меня опустились руки... Да, это былъ дѣйствительно голосъ Свыше, было вразумленіе и предостереженіе, данное милосерднымъ Господомъ еще въ *Ноябрѣ 1904 года*, и, однако, никто не обратилъ на него вниманія, а теперь, въ 1917 году... Россіи уже не было, а вмѣсто нея созидалось и укрѣплялось на русской территоріи еврейское царство.

Просмотрѣлъ я и другія записи въ книжкѣ, но онѣ относились уже къ 1917 году и, какъ онѣ ни были содержательны и интересны, но я ихъ не воспроизвожу, ибо написаны онѣ

уже въ позднѣйшее время и являются лишь выводами и впечатлѣніями...

Я вернулся къ іеромонаху С. и подѣлился съ нимъ прочитаннымъ. Новаго для него ничего не было... Онъ склонилъ свою сѣдую голову и сказалъ: „а вотъ, заграница, да и сами русскіе обвиняютъ Россію, иначе правительство, въ антисемитизмѣ... Вотъ онъ какой этотъ антисемитизмъ въ дѣйствительности!.. На глазахъ русскихъ людей разрушалась вся Россія, а юдофиловъ въ Россіи было больше, чѣмъ во всемъ мірѣ, а жидовствующихъ... и не перечесть. Всѣ, кто хотѣлъ быть популярнымъ, жидовствовали, а кто же не хотѣлъ?..“

Правъ, глубоко правъ былъ іеромонахъ С.

Молодой человѣкъ, передавшій мнѣ рукопись, безслѣдно исчезъ и я такъ и не узналъ, кто онъ и откуда явился ко мнѣ.

Вслѣдъ за іеромонахомъ С., пріѣхалъ изъ Кіева и профессоръ Кіевской Духовной Академіи, архимандритъ Тихонъ, впослѣдствіи епископъ Берлинскій, кажется вызванный на этотъ разъ игуменомъ Мануиломъ для совершенія обряда постриженія въ схиму. Игуменъ Мануилъ очень не любилъ ученаго монашества и не стѣснялся въ выраженіяхъ своего недоброжелательства даже лично къ о. архимандриту. Предо мною раскрылась еще одна аномалія въ нѣдрахъ иноческой жизни, — огромная пропасть, раздѣлявшая ученое монашество отъ прочаго, состоящаго изъ простонародья, ревниво оберегавшаго пріобрѣтенныя иночествомъ привилегіи. Эта ревность доходила до абсурда, и въ каждомъ представителѣ ученаго монашества, а тѣмъ болѣе въ лицѣ мірянъ, только временно проживавшихъ хотя бы по сосѣдству съ монастыремъ, братія видѣла не то ревизоровъ, контролировавшихъ ихъ жизнь и поведеніе, не то лицъ, покушавшихся на ихъ благополучіе. Достаточно было монаху, хотя бы и вышедшему изъ крестьянской среды, получить образованіе и примкнуть къ „ученому“ монашеству для того, чтобы онъ переставалъ быть „своимъ“ и находился бы на подозрѣніи у своихъ прежнихъ собратьевъ.

Архимандритъ Тихонъ и лично тяготился пребываніемъ въ Скиту, и вскорѣ по совершеніи обряда постриженія игумена Мануила въ схиму, уѣхалъ изъ Скита.

Съ каждымъ днемъ, настроеніе въ Скиту дѣлалось тревожнѣе... Достаточно было большевикамъ найти дорогу къ нему, дабы ихъ посѣщенія участились, и не проходило дня, чтобы жизнь не нарушалась внезапными налетами негодяевъ. Одновременно росли и слухи, одинъ ужаснѣе другого, и эти слухи впослѣдствіи подтверждались. Въ сосѣднемъ монастырѣ большевики перерѣзали братію и ограбили имущество, въ

одномъ изъ прилегавшихъ къ Скиту селъ убили священника, жену и дѣтей его, въ Уманскомъ имѣніи, принадлежавшемъ Скиту, разстрѣляли настоятеля храма, завѣдывавшаго имѣніемъ, и нѣсколькихъ монаховъ. Братія Скита трепетала... Одинъ только игуменъ Мануилъ сохранялъ невозмутимое спокойствіе. И какъ же дорого было это спокойствіе для окружавшихъ, съ какою любовью взирали на игумена даже тѣ, кто втайнѣ его ненавидѣлъ, когда игуменъ, сидя за обѣдомъ, смаковалъ его, продолжая спокойно сидѣть за столомъ въ тѣ моменты, когда большевики грабили хозяйство Скита и угрожали игумену убійствомъ. Въ этихъ случаяхъ растерянная братія бросалась къ игумену и, вмѣсто того, чтобы защищать его, сама пряталась за игумена и просила его защиты. Между тѣмъ въ распоряженіи игумена, кромѣ запаса бранныхъ словъ, не имѣлось никакихъ другихъ средствъ самозащиты. Онъ былъ немощенъ и старъ, толстъ и неподвиженъ, и вся его наружность отражала нѣчто до крайности комическое, его природа была точно насыщена юморомъ. Онъ не испытывалъ ни малѣйшаго страха предъ большевиками, а, наоборотъ, былъ убѣжденъ, что они боятся его, ибо *должны* бояться, *должны* цѣнить въ его лицѣ игумена и подчиняться ему.

Былъ день, когда большевики, ворвавшись въ Скитъ, начали открыто грабить его. Братія прибѣжала къ игумену и подняла вопль.

„Гони ихъ къ чертямъ, не дадутъ даже пообѣдать спокойно", сказалъ игуменъ, громко отрыгнувшись.

Однако, братія была до того терроризована и запугана, что безъ игумена не рѣшалась возвращаться къ большевикамъ, которые собирались уводить лошадей и коровъ.

И, приказавъ вести себя подъ руки, игуменъ Мануилъ, тяжело переваливаясь съ одной ноги на другую, вышелъ къ большевикамъ и разразился страшной бранью. Эффектъ, однако, получился на этотъ разъ обратный. За каждымъ его словомъ слѣдовала такая отрыжка, какая мѣшала ему говорить и какая, въ результатѣ, вызывала дружный смѣхъ не только у большевиковъ, но и у братіи. Я уже упоминалъ о наружности о. игумена, на которую нельзя было смотрѣть безъ улыбки, и читатель можетъ себѣ представить эту картину разноса большевиковъ игуменомъ, вся фигура котораго и отрыжка, сопровождавшая каждое его слово, такъ настойчиво опровергала его ссылки на скудость матеріальныхъ средствъ Скита, живущаго впроголодь.

Пересмѣиваясь между собою, большевики дѣлали свое

дѣло, однако игумена не тронули, а уходя изъ Скита и уводя лошадь и корову, даже сдѣлали въ шутку подъ козырекъ.

„Оставьте же хотя корову, подлецы, на какого черта она нужна вамъ“, бросился имъ въ догонку игуменъ, „развѣ вы, такіе-сякіе, не знаете, что коровка здѣсь и выросла въ Скиту“... И игуменъ замахнулся на нихъ палкой, приведя своею смѣлостью въ изумленіе братію, которая удерживала игумена, опасаясь худшаго и хватала его за рясу.

„А почемъ мы знаемъ, гдѣ коровка выросла, намъ это безъ послѣдствій“, огрызнулся кто то изъ большевиковъ...

Но таковы уже свойства русской, крестьянской логики, коимъ вѣрны остались и большевики. Споръ немедленно перешелъ въ другую плоскость и началась перебранка по вопросу о томъ, гдѣ выросла коровка, и судьба ея была поставлена въ зависимость отъ того, какъ этотъ вопросъ разрѣшится. Конечно, вся братія начала клятвенно завѣрять, что коровка и родилась и выросла въ Скиту, и... въ результатѣ коровку удалось отстоять, а лошадь большевики увели съ собою.

На радостяхъ игуменъ приказалъ дать коровкѣ двойную порцію сѣна...

„Да прибавьте ей еще чего нибудь“, сказалъ игуменъ, погладивъ коровку по головѣ съ тою любовью, о которой говорили его добрые глаза...

Эти налеты до крайности нервировали брата и меня и мы жили не только подъ угрозою быть ежеминутно схваченными, но и подъ угрозою причинить много огорченій Скиту, насъ пріютившему. Появлялись большевики и на пасѣкѣ, причемъ меня, всякій разъ прятали, запирая на ключъ мою келлію и заставляя дверь съ наружной стороны тяжелыми шкапами. Между тѣмъ, Кіевъ непрерывно осаждался то повстанцами, то полками бѣлой арміи Деникина и большевики доживали свои послѣдніе дни. Сильнѣйшая канонада раздавалась днемъ и ночью, и мы со дня на день ждали своего спасенія. Однако, прежде чѣмъ оно наступило, пришлось пережить еще одно послѣднее, но за то и самое тяжелое испытаніе, о которомъ я и до сихъ поръ вспоминаю съ нервной дрожью. Въ ночь, съ 5 на 6 Августа, подъ праздникъ Преображенія Господня, послышался робкій стукъ въ дверь моей келліи. Я вздрогнулъ и спросилъ, кто тамъ.

„Не бойся ничего, сказалъ мнѣ глухимъ голосомъ мой братъ, открой дверь“...

Я увидѣлъ предъ собою брата, іеромонаха С., казначея Скита іеромонаха Корнилія и еще кого то, точно не помню. Было 2 часа ночи.

„Не бойся, сказалъ мнѣ еще разъ мой братъ, одѣвайся скорѣе... Получилось извѣстіе, что большевики узнали, гдѣ мы находимся и хотятъ сдѣлать обыскъ въ Скиту... Намъ нужно скрыться въ другое мѣсто, куда мы сейчасъ и пойдемъ пересидѣть нѣкоторое время“...

Я почувствовалъ, какъ сильно затрепетало мое сердце... Мое волненіе еще болѣе увеличилось, когда я взглянулъ на брата, который силился меня успокоить, но самъ испытывалъ такое же волненіе. Я быстро одѣлся и покинулъ свою келлію. Весь Скитъ уже былъ на ногахъ и общая суета и тревога не укрывалась отъ меня... Я догадывался, что отъ меня что то скрывали, но глядя на идущихъ со мною, не разспрашивалъ ихъ... Мы вышли въ противуположную сторону, не по направленію къ выходу изъ Скита, и я спросилъ:

„Куда мы идемъ?“

Кто то отвѣтилъ мнѣ, что не стоитъ идти черезъ дворъ и ворота Скита, а для сокращенія разстоянія, лучше идти напрямикъ. И мы пошли по прямой линіи, преодолѣвая всякія препятствія, перелѣзая чрезъ высокіе заборы, причемъ мнѣ то и дѣло напоминалось, что не нужно дѣлать шума и стараться идти молча, незамѣтно. Я недоумѣвалъ, зачѣмъ нужны были такія предосторожности, когда большевики только „собирались“ являться въ Скитъ и было даже неизвѣстно, когда явятся. Я не зналъ того, что отъ меня скрывалось, именно, что большевики уже давно пришли и въ тотъ самый моментъ, когда мой братъ явился за мною, они уже рыскали по всему Скиту и обыскивали келліи монаховъ. Объ этомъ мнѣ сказали мои спутники лишь тогда, когда мы вышли за территорію Скита и находились въ лѣсу.

Моросилъ мелкій дождь, тучи стремительно неслись по небосклону, то скрывая луну, то заволакивая ее тонкимъ покровомъ... Казалось, что не тучи, а луна куда то летѣла, то прячась за тучи, то выглядывая изъ нихъ для того, чтобы показывать намъ дорогу.

Мы шли въ лѣсную дачу, принадлежавшую Покровскому монастырю и отстоявшую отъ Скита на разстояніи 4-5 верстъ. Однако прошло уже два часа, а мы все шли и шли, а дача не показывалась. Я чувствовалъ, что начинаю уже терять силы... Навстрѣчу попадались намъ костры и возлѣ нихъ силуэты солдатъ, съ ружьями за плечами.

„Это большевики“, раздавалось шопотомъ, и мы сворачивали въ сторону и обходили ихъ. Такихъ встрѣчъ было нѣсколько, но Господь невидимо хранилъ насъ и мы успѣвали замѣчать ихъ во-время и мѣнять направленіе дороги. Наконецъ, мы подошли не то къ протекавшей въ лѣсу рѣкѣ, или

ручью, не то къ огромной лужѣ, настолько глубокой, что перейти ее въ бродъ не представлялось возможнымъ. Обходить же ее было опасно, ибо мы неминуемо встрѣтились бы съ большевиками. Мы остановились въ нерѣшительности, не зная что дѣлать. Выручилъ насъ іеромонахъ Корнилій, который снялъ сапоги, подвернулъ до колѣнъ брюки и поочередно перенесъ на своихъ богатырскихъ плечахъ сначала брата, а затѣмъ меня. Мы пошли впередъ... Какое то непонятное ощущеніе овладѣвало мною... Тоска давила меня, предчувствіе чего то тяжелаго, неотвратимаго, неизбѣжнаго тѣснило меня и сковывало, и въ то же время какая то необъяснимая апатія овладѣвала мною... Сознаніе не работало, я шелъ, вперивъ взоръ впередъ, машинально переступая ногами и чувствовалъ такую безконечную усталость, такое безмѣрное томленіе духа, что, казалось, отдался бы большевикамъ, не сдѣлавъ ни малѣйшаго усилія вырваться изъ ихъ рукъ...

Вдругъ, точно вкопанный, я остановился на мѣстѣ и едва не вскрикнулъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, пересѣкая намъ дорогу, шло какое то невѣдомое животное, окрашенное въ ярко пепельный цвѣтъ, величиною въ теленка. Животное шло медленно, точно не обращая никакого вниманія на идущихъ, мотая головою и разваливаясь во всѣ стороны, какъ ходятъ тигры и вдругъ, мгновенно исчезло, на моихъ глазахъ, какихъ я не сводилъ съ него.

„Видѣли", спросилъ я своихъ спутниковъ, трепеща всѣмъ тѣломъ...

Никто ничего не видѣлъ, я же остался въ убѣжденіи, какого держусь и донынѣ, что видѣлъ діавола, въ образѣ невѣдомаго, не существующаго на землѣ животнаго. Я не допускаю, что мои нервы, какъ бы ни были развинчены, могли создать въ моемъ воображеніи подобную картину, ибо необычайную фигуру этого на рѣдкость гнуснаго по виду животнаго, вижу и до сихъ поръ предъ своими глазами.

Прошло уже четыре часа, какъ мы вышли изъ Скита, и я отъ утомленія, съ окровавленными ногами, свалился на землю и не могъ идти дальше.

Было уже свѣтло... Но мы находились уже на разстояніи нѣсколькихъ сотъ саженъ отъ лѣсной дачи, и между моими спутниками было рѣшено, что іеромонахъ Корнилій пойдетъ на развѣдку и предупредитъ о нашемъ приходѣ матушку завѣдывающую дачей, а остальные останутся дожидаться въ лѣсу.

Прошло не болѣе получаса, какъ о. Корнилій вернулся, заявивъ, что лѣсная дача занята большевиками, которые пока еще спятъ и что намъ нужно, какъ можно скорѣе, спасаться

отъ нихъ бѣгствомъ... Куда? Никто не зналъ. Это извѣстіе какъ громомъ поразило насъ, и особенно меня, не имѣвшаго уже физической возможности подняться съ земли... Однако дѣлать было нечего... Страхъ побѣдилъ усталость, и мы снова выбрались изъ лѣса и очутились въ полѣ, не зная, что дѣлать дальше и въ какомъ направленіи двигаться.

Но милосердный Господь, охранявшій насъ въ пути, послалъ намъ неожиданно чудесную помощъ... Не прошло и часу, какъ мы услышали шумъ подъѣзжавшей къ намъ кибитки, посланной за нами изъ лѣсной дачи въ догонку, съ извѣстіемъ, что большевики, переночевавъ въ дачѣ, ушли въ неизвѣстномъ направленіи и что мы можемъ вернуться обратно. Такъ мы и сдѣлали и пріѣхавъ въ дачный домикъ, улеглись, измученные и усталые, спать...

Было уже около 2-хъ часовъ пополудни, когда мы вновь были испуганы неожиданно прибывшимъ изъ Скита послушникомъ съ какимъ то порученіемъ къ іеромонаху Корнилію отъ игумена Мануила. Страхъ, однако, быстро разсѣялся... Послушникъ объявилъ, что большевики уже уѣхали изъ Скита, увезя съ собою жившаго въ Скиту, безъ вѣдома игумена Мануила, какого то бывшаго казначея или кассира, служившаго раньше у нихъ, а затѣмъ имъ измѣнившаго, что предположеніе о намѣреніи ихъ разыскивать „князей", оказалось неосновательнымъ, что они даже не спрашивали обо мнѣ и братѣ, а явились къ этому кассиру и арестовавъ его, увезли съ собою. Въ заключеніе, игуменъ просилъ насъ всѣхъ вернуться обратно въ Скитъ.

Чудо Божіе снова свершилось надъ нами, и мы благополучно вернулись въ Скитъ, гдѣ игуменъ ожидалъ насъ съ чаемъ, сидя за самоваромъ...

„Учитесь прозрѣвать благую волю Господню о насъ въ событіяхъ повседневной нашей жизни" сказалъ игуменъ, слушая нашъ разсказъ о томъ, какъ мы сбились съ пути и вмѣсто того, чтобы пройти 3 версты, проблуждали ночью около 15 верстъ...

„Если бы не сбились съ дороги, то наткнулись бы на большевиковъ, а они бы и перестрѣляли васъ всѣхъ, вотъ Господь и не захотѣлъ этого и укрылъ васъ", закончилъ мудрый игуменъ.

И вспоминая теперь объ этомъ новомъ заступленіи Божіемъ, такомъ очевидномъ, такомъ чудесномъ, я только и могу воздать хвалу Богу, не постигая того, какъ безмѣрна любовь Божія къ грѣшному человѣку и какъ близокъ къ намъ Милосердный Отецъ нашъ Небесный.

Недѣлю спустя, добровольцы ворвались въ Кіевъ, выгнали оттуда большевиковъ, и я, съ братомъ, могли вернуться къ себѣ въ домъ.

Это было 15 Августа 1919 года, въ день Успенія Пресвятой Богородицы.

Долгъ глубокой благодарности къ игумену Мануилу заставляетъ меня почтить сердечною признательностью его память.

Это былъ человѣкъ стараго закала, своеобычный, настойчивый, подчасъ тяжелый и трудный въ общежитіи, но человѣкъ глубокой, чисто дѣтской вѣры, являвшейся для него и крѣпостью и силою. Мало образованный и просвѣщенный свѣтомъ знанія, весьма скептически относясь къ завоеваніямъ науки, онъ опирался только на свою вѣру и сквозь призму ея разсматривалъ и оцѣнивалъ окружающее... Его вѣра раскрывала предъ нимъ необъятные горизонты невидимаго, казалось, обнажала и тайны загробнаго міра и давала ему такое спокойствіе, рождала такую силу духа, какая заражала малодушныхъ и какую не въ силахъ были ослабить никакіе земные ужасы и страхи такъ жестоко терзавшіе маловѣрныхъ...

И глядя на игумена Мануила, я все болѣе убѣждался въ томъ, что каждому человѣку нужно ровно столько знанія, чтобы умѣть сквозь призму его видѣть, познавать и любить Бога, что надмѣваетъ не знаніе и наука, а гордость, что приближаетъ къ Богу не простота и невѣжество, а смиреніе, и что гордость и смиреніе одинаково могутъ принадлежать и ученымъ и простецамъ...

Великая вѣра игумена Мануила никогда не посрамляла его, и благодать Божія видимо почивала на немъ, охраняя и защищая его, и благословляя его труды.

11 Мая 1920 года онъ скончался и погребенъ тамъ же, въ Скиту, въ заранѣе приготовленномъ склепѣ. Миръ праху твоему великій труженикъ и честный монахъ!.. Упокой, Господи, смиренную душу раба Твоего схи-игумена Серафима!

ГЛАВА 18.

Профессоръ П. Я. Армашевскій.

(† Май 1919 г.)

Не могу не воздать долга глубочайшаго уваженія къ памяти замученнаго жидами незабвеннаго профессора Кіевскаго Университета Петра Яковлевича Армашевскаго, въ числѣ

прочихъ кіевлянъ посѣщавшаго нашъ домъ въ кошмарные годы 1917-1919, въ разгаръ неистовствъ щирыхъ „украинцевъ“ и большевиковъ, руководимыхъ жидами... Я лично мало зналъ П. Я., хотя съ женою его, рожденною графинею Капнистъ, насъ и связывали родственныя отношенія... Живя постоянно въ Петербургѣ, я имѣлъ мало знакомыхъ въ Кіевѣ и познакомился съ П. Я. лишь послѣ революціи, заставившей меня вернуться въ свой родной городъ, встрѣтиться съ старыми знакомыми и пріобрѣсти новыхъ... Однако и кратковременное знакомство съ П. Я. оставило въ моей памяти неизгладимое впечатлѣніе. Это былъ законченный государственный человѣкъ огромнаго ума, знавшій гдѣ зарыты корни революціи и потому, столь ненавистный жидамъ... Его бесѣды по поводу совершавшихся событій отражали безнадежный пессимизмъ. Онъ не видѣлъ просвѣтовъ въ близкомъ будущемъ и доказывалъ, что никакая логика ума, никакіе доводы разума не въ состояніи измѣнить психологіи толпы и что кровавые ужасы будутъ длиться въ Россіи до тѣхъ поръ, пока народъ не прозрѣетъ настолько, чтобы увидѣть за ними жида, кровью ритуальныхъ массовыхъ убійствъ заливающаго Россію. „Сейчасъ еще нѣтъ почвы для пробужденія народнаго сознанія и, слѣдовательно, возрожденія Россіи, пройдутъ еще долгіе годы прежде чѣмъ такая почва явится въ Россіи и еще болѣе долгіе годы, пока Западная Европа очутится предъ угрозою собственной гибели и поможетъ Россіи уничтожить большевичество, а на рыцарство расчитывать не приходится...“

Прошло много лѣтъ съ того момента, когда эти слова были произнесены проф. П. Я. Армашевскимъ и его другъ А. В. Царинный, письмомъ за № 40, отъ 9/22 Іюля 1924 г., подѣлился со мною своими воспоминаніями о покойномъ, настолько ярко отражающими обликъ П. Я., что я позволяю себѣ привести ихъ полностью.*)

„Кровавый изъ кровавыхъ 1919-й годъ, пишетъ А. В. Царинный, былъ временемъ непрерывной гражданской войны въ Россіи. На жидовскую власть въ Москвѣ — ополчились: съ юга — Деникинъ, съ востока — Колчакъ, съ сѣвера — Миллеръ, съ запада — Юденичъ; казалось, что долженъ прійти ей конецъ; однако чрезвычайки и глупая красная армія ее выручили. Украинскіе соціалисты разныхъ толковъ также примазались къ противобольшевическому движенію. Петлюра, съ помощью бывшихъ австрійскихъ генераловъ (Кравзъ-Торнов-

*) Означенное письмо вошло въ содержаніе книги А. Царinнаго „Украинское движеніе“ (главы XXI и XXII, стр. 153-166).

скаго и др.) организовалъ въ Галиціи армію для наступленія на Кіевъ. По всей Южной Россіи появились партизанскіе отряды, которые вели мелкую борьбу съ большевиками. Особенно были извѣстны банды: Зеленаго — около Триполья, Струка и Соколовскаго — на Кіевскомъ Полѣсьѣ, Тютюнника — въ окрестностяхъ Черкасъ, Ангела — въ Полтавской губерніи, какой то Маруси — на границѣ Кіевщины и Херсонщины. Хотя предводители всѣхъ этихъ бандъ выступали подъ желто-голубымъ украинскимъ флагомъ, но въ сущности малорусское національное чувство было имъ совершенно чуждо и непонятно, главными же стимулами ихъ дѣятельности были грабительскіе инстинкты да упоеніе своеволіемъ и разнузданностью, при полной безнаказанности. Въ самихъ бандахъ духъ царилъ большевицкій, т. е. безпощадно-разрушительный, хотя онѣ якобы боролись съ большевиками.

Если бы существовала высочайшая гора, съ вершины которой была бы видна вся широкая русская равнина, то взоръ стоящаго на вершинѣ наблюдателя вездѣ останавливался бы на трупахъ и трупахъ, — на русскихъ трупахъ. Эта картина труповъ невольно приводитъ на память одну сказку въ еврейскомъ священномъ писаніи, которая, несмотря на сказочную оболочку, таитъ въ себѣ глубокій реальный смыслъ. Однажды Аммонитяне, Моавитяне и обитатели горы Сеиры заключили между собою союзъ и соединенными силами выступили противъ Іудеевъ (т. е. жидовъ). Іудейскій національный богъ Яхо чудеснымъ образомъ привелъ союзниковъ въ состояніе безумія, они перессорились, и сначала Аммонитяне и Моавитяне истребили обитателей горы Саира, а потомъ взаимно истребили другъ друга. „Когда Іудеи пришли на возвышенность въ пустынѣ и взглянули на то многолюдство, и вотъ — трупы, лежащіе на землѣ, и нѣтъ уцѣлѣвшаго". Что же стали дѣлать Іудеи? Они „принялись забирать добычу, и нашли у своихъ враговъ во множествѣ и имущество, и одежды, и драгоцѣнныя вещи, и набрали себѣ столько, что не могли нести. И три дня они забирали добычу; такъ велика была она". (2 Паралип. 20, 1-30). Вылущивая изъ сказки бытовую дѣйствительность, мы ясно видимъ, что Іудеямъ удалось, вѣроятно, при помощи подосланныхъ шпіоновъ и агитаторовъ перессорить ополчившіяся противъ нихъ близко родственныя племена, по сказанію, происходившія отъ зачавшихъ отъ отца дочерей Лота, и довести ихъ до междоусобнаго кровопролитія. Когда обезумѣвшіе враги Іудеевъ устлали поле трупами погибшихъ собратій, тогда Іудеи занялись грабежомъ принадлежавшаго врагамъ ихъ имущества. Это точное изображеніе роли жидовъ въ русской революціи и наступившей вслѣдъ

за нею гражданской войнѣ. Натравивъ однихъ русскихъ на другихъ, во имя глупыхъ и преступныхъ лозунговъ въ родѣ: „Грабь награбленное!“, „Миръ хижинамъ, война дворцамъ!“, „Мы на горе всѣмъ буржуямъ міровой пожаръ раздуемъ!“, жиды спокойно смотрѣли „съ возвышенности“ Московскаго Кремля на взаимоистребленіе русскихъ русскими и плотоядно любовались картиной: „трупы, лежащіе на землѣ, и нѣтъ уцѣлѣвшаго“. Какъ только Россія стала истекать кровью своихъ безумныхъ сыновъ, жиды принялись ее грабить, и грабятъ не три дня, а вотъ уже семь лѣтъ, — такъ велика добыча.

Кромѣ матеріальнаго обогащенія, цѣлью жидовъ въ русской революціи было еще истребленіе живыхъ умственныхъ силъ русскаго народа. Направленія и оттѣнки русской мысли имѣли мало значенія въ глазахъ жидовъ. Важно было, чтобы вообще не осталось людей способныхъ мыслить, прозрѣвать и, наконецъ, понять, кто истинный виновникъ русскаго ужаса. Поэтому, въ частности въ Южной Россіи, о которой мы ведемъ рѣчь, чрезвычайки одинаково уничтожали и „малоруссовъ“, и „украинцевъ“ или пользуясь другими терминами, и „богдановцевъ“, и „мазепинцевъ“, приверженцевъ и русской и польской оріентаціи, и дорожащихъ русскимъ литературнымъ языкомъ, какъ своимъ роднымъ, и стремящихся замѣнить его русско-польскимъ жаргономъ галиційской фабрикаціи. Лѣтомъ 1919 г. были разстрѣляны три видныхъ представителя стараго культурнаго слоя малороссійскаго общества: Петръ Яковлевичъ Армашевскій, Петръ Яковлевичъ Дорошенко и Владиміръ Павловичъ Науменко. Первые два принадлежали къ потомкамъ тѣхъ малороссійскихъ старшинскихъ родовъ, память о которыхъ увѣковѣчена „Малороссійскимъ Родословникомъ“ В. А. Модзалевскаго; В. П. Науменко происходилъ изъ болѣе новаго, но цивилизованнаго рода: отецъ его былъ уже директоромъ гимназіи.

П. Я. Армашевскій (род. 1850 г.) окончилъ курсъ наукъ въ Черниговской гимназіи и въ Кіевскомъ университетѣ по естественному отдѣленію. Посвятивъ себя ученой дѣятельности, онъ прошелъ въ родномъ университетѣ, по мѣрѣ полученія ученыхъ степеней, обычный путь профессорской карьеры: былъ хранителемъ минералогическаго кабинета, доцентомъ, экстраординарнымъ, ординарнымъ и, наконецъ, заслуженнымъ профессоромъ по каѳедрѣ геологіи и геогнозіи. Его преподаваніе привлекало къ изученію геологіи молодыя силы, и онъ оставилъ цѣлую школу учениковъ, къ числу которыхъ принадлежатъ профессора Лучицкій и Дубянскій. Какъ горячій сторонникъ высшаго женскаго образованія, П. Я.

много заботъ посвятилъ организаціи Высшихъ Женскихъ Курсовъ, директоромъ которыхъ состоялъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Ученый интересъ П. Я. сосредоточивался главнымъ образомъ на изученіи геологическаго строенія Приднѣпровья, и въ частности онъ былъ выдающимся знатокомъ наслоеній, на которыхъ расположенъ г. Кіевъ. Это обстоятельство указывало Кіевскому городскому самоуправленію приглашать П. Я. въ комиссіи по вопросамъ артезіанскаго водоснабженія города и предохраненія отъ оползней нагорныхъ частей города вдоль берега Днѣпра. Въ послѣдніе годы предъ революціей П. Я. былъ постояннымъ предсѣдателемъ думской комиссіи по этимъ вопросамъ. Г. Кіевъ обязанъ П. Я. прекрасной разработкой сѣти артезіанскихъ колодцевъ, которая дала возможность городскому водопроводу замѣнить днѣпровскую воду артезіанскою въ неограниченномъ количествѣ. Удачно придуманною и тщательно имъ инспектируемою системою штольней П. Я. добился прекращенія оползней на Владимірской горкѣ и въ другихъ угрожаемыхъ ими мѣстахъ. Теперь, когда П. Я. нѣтъ на его сторожевомъ посту оползни пошли полнымъ ходомъ, и, по газетнымъ извѣстіямъ отъ весны 1924 года, все Кіевское нагорье отъ Андреевскаго спуска до Аскольдовой могилы грозитъ сползти въ Днѣпръ съ дивнымъ Андреевскимъ храмомъ работы Растрелли и 93-мя усадьбами.

Какъ человѣкъ широкаго европейскаго образованія, ежегодно въ каникулярное время ѣздившій заграницу, чтобы слѣдить за движеніемъ европейской мысли и техники, П. Я. не могъ сочувствовать узкимъ и нелѣпымъ тенденціямъ „украинцевъ", стремившихся загнать населеніе Южной России въ тупикъ „мовы" и соціализма. Онъ горячо любилъ Россію, какъ культурное цѣлое, а русскому языку всегда пророчилъ міровую роль. Такое настроеніе нисколько однако не препятствовало ему питать нѣжныя чувства привязанности къ Малороссіи, какъ ближайшей родинѣ, и интересоваться не только ея будущимъ хозяйственнымъ и техническимъ развитіемъ, но и прошлою судьбою. По матери, Маріи Матвѣевнѣ, П. Я. былъ роднымъ племянникомъ славнаго историка Малороссіи Александра Матвѣевича Лазаревскаго и съ величайшимъ интересомъ слѣдилъ за разработкой мѣстной исторіи въ руководимомъ дядею журналѣ „Кіевская Старина". П. Я. былъ постояннымъ посѣтителемъ ежемѣсячныхъ собраній редакціи журнала и вносилъ въ нихъ много оживленія своими мѣткими, часто ироническими замѣчаніями.

Бывая заграницей въ послѣдніе годы передъ міровой войной, П. Я. обратилъ вниманіе на необычайно быстро возрастающее вліяніе на европейскую жизнь банковскаго и бир-

жевого капитала, сосредоточеннаго въ рукахъ жидовъ, на тѣсную связь этого капитала съ соціализмомъ и на подготовку имъ міровой войны. Онъ познакомился съ нѣмецкой и французской антисемитической литературой, которая раскрывала многія тайныя пружины европейской политики, недоступныя непосвященному взору. П. Я. почувствовалъ, что Россію ждетъ великое бѣдствіе. Поэтому, когда въ Кіевѣ, по инициативѣ профессора Д. И. Пихна, основался клубъ русскихъ націоналистовъ, чтобы отстаивать русскую идею на юго-западѣ Россіи отъ жидовскихъ и украинскихъ козней и натисковъ, П. Я. охотно примкнулъ къ нему и былъ избранъ товарищемъ его предсѣдателя.

Между тѣмъ разразилось дѣло Бейлиса, обвиняемаго въ ритуальномъ убійствѣ мальчика Ющинскаго. Жидовство всего міра бурно всколыхнулось и показало свою необыкновенную солидарность и мощь. Ко всеобщему изумленію національно настроенныхъ русскихъ кіевлянъ В. В. Шульгинъ, преемникъ Д. И. Пихна, на посту редактора праваго „Кіевлянина", выступилъ съ безтактной статьей въ защиту Бейлиса. Подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ „измѣны" В. В. Шульгина (по существу это была задорная безтактность, вызванная плохой освѣдомленностью о тайнахъ жидовства), маленькая группа твердыхъ русскихъ націоналистовъ рѣшила основать въ Кіевѣ вторую правую газету, которая болѣе опредѣленно и смѣло боролась бы съ жидовскимъ засиліемъ. Въ организаціи газеты живое участіе принялъ П. Я... Назвали ее —„Кіевъ". Основанная на скудныя средства, бѣдная сотрудническими силами, начавшая свое существованіе въ неблагопріятную пору — наканунѣ міровой войны и наступленія агоніи русской государственности, газета не успѣла (да и не могла успѣть) завоевать себѣ широкій кругъ подписчиковъ и отъ остраго безденежья постоянно качалась между жизнью и смертью. Заботы о газетѣ доставляли П. Я. немало огорченій, и послѣ трехлѣтней слишкомъ борьбы съ неустранимыми препятствіями изданіе пришлось пріостановить. Тѣмъ не менѣе „Кіевъ" останется памятникомъ тѣхъ усилій, какія напрягали немногіе прозорливые люди въ Кіевѣ, чтобы раскрыть глаза власти и обществу на подготовлявшійся жидами политическій переворотъ и спасти отъ разрушенія зданіе русской государственности. Усилія эти оказались тщетными. Крушеніе русской монархіи наступило черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ прекращенія „Кіева".

Съ кончиной Д. И. Пихна и съ выступленіемъ на политическое поприще сотрудника газеты „Кіевлянинъ" А. И. Савенка, который въ 1913 г. былъ избранъ членомъ 4-ой Го-

сударственной Думы, клубъ русскихъ націоналистовъ утратилъ свой прежній характеръ. Онъ сдѣлался орудіемъ въ достиженіи А. И. Савенкомъ его личныхъ цѣлей. Когда въ Государственной Думѣ образовался столь пагубный для Россіи прогрессивный блокъ, кіевскій клубъ русскихъ націоналистовъ, подъ давленіемъ А. И. Савенка, переименовался въ клубъ прогрессивныхъ русскихъ націоналистовъ. Этимъ А. И. Савенко, сдѣлавшійся, послѣ смерти профессора В. Г. Чернова, предсѣдателемъ клуба, хотѣлъ подчеркнуть связь клуба съ прогрессивнымъ блокомъ Государственной Думы. Клубъ подчинился диктаторской власти своего предсѣдателя и пересталъ быть каѳедрой, съ которой раздавались свободные голоса людей объединенныхъ идеей русскаго націонализма, но различно смотрѣвшихъ на текущіе вопросы русской политической жизни. Клубъ долженъ былъ смотрѣть на все глазами А. И. Савенка, видѣть въ немъ оракула, изрекавшаго непогрѣшимыя истины, и служить пьедесталомъ для его восходящаго величія. Не сочувствуя замашкамъ А. И. Савенка, П. Я. въ мотивированномъ письмѣ сложилъ съ себя званіе члена клуба и пересталъ принимать какое-либо участіе въ его дѣятельности.

Объявленіе міровой войны застало П. Я. и его супругу заграницей, въ Карлсбадѣ. Съ большими трудностями пробрались они черезъ Швецію и Финляндію домой. Перипетіи войны П. Я. переживалъ съ необычайнымъ напряженіемъ, постоянно скорбя, зачѣмъ великія христіанскія націи бросились взаимно истреблять другъ друга къ великой радости жидовъ, видѣвшихъ въ войнѣ источникъ своего обогащенія. Онъ какъ-бы предчувствовалъ, что напишетъ жидъ Исаакъ Маркуссонъ въ „Times“ отъ 3 Марта 1917 г.: „Война — это колоссальное дѣловое предпріятіе; самое изящно-прекрасное въ ней это организація дѣла“. Особенно печалилъ П. Я. разрывъ Россіи съ Германіей, наука которой была духовной кормилицей длиннаго ряда поколѣній русскихъ ученыхъ. Для многихъ и многихъ изъ нихъ имена Берлинъ, Мюнхенъ, Лейпцигъ, Геттингенъ, Іена, Галле, Гейдельбергъ, Боннъ — напоминали лучшіе, незабвенные дни молодого увлеченія наукой и творческой работы мысли.

Супруга П. Я., Марія Владиміровна, урожденная графиня Капнистъ, по первому мужу Врублевская, правнучка извѣстнаго писателя екатерининскаго времени В. В. Капниста, автора „Ябеды“, по влеченію своего добраго сердца, въ сотрудничествѣ съ нѣсколькими другими дамами, собирая доброхотныя частныя пожертвованія, дѣятельно занималась заготовкой бѣлья, фуфаекъ, рукавицъ и прочихъ носильныхъ вещей для

снабженія ими сражавшихся на фронтѣ солдатъ. П. Я., не жалѣя силъ, приходилъ на помощь дамамъ тамъ, гдѣ необходимо было его участіе. Кто могъ думать, что солдаты, бывшіе предметомъ постоянныхъ заботъ русской интеллигенціи, скоро обратятся въ свирѣпыхъ красноармейцевъ и, по наущенію жидовъ, жестоко расправятся съ тѣми, кто болѣлъ за нихъ душой и всячески старался облегчить имъ военныя тягости и невзгоды.

Паденіе Россійской имперіи произвело на П. Я. удручающее впечатлѣніе. Особенно возмутила его знаменитая телеграмма, разосланная по желѣзнымъ дорогамъ отъ имени какого-то ничтожнаго думца Бубликова, о томъ, что де „власть перешла къ Родзянку". „Какъ осмѣлился глупый Родзянко принять власть!" — горячился П. Я. — „да вѣдь онъ не соображаетъ очевидно, что онъ творитъ". П. Я., насквозь знавшій сухую, безсердечную, меркантильную Западную Европу, любилъ благостный русскій царскій режимъ и считалъ монархическій образъ правленія необходимымъ для цѣлости и сохранности Россіи. Онъ всею душою ненавидѣлъ П. Н. Милюкова и людей его типа легкомысленно мечтавшихъ, по наукамъ жидовъ, о республиканской Россіи. П. Я. былъ слишкомъ уменъ и практиченъ, слишкомъ близко изучилъ Россію во время своихъ, часто пѣшеходныхъ, геологическихъ экскурсій, чтобы не понимать, что республика въ Россіи — это значитъ упраздненіе самой Россіи, какъ великаго государства, осуществлявшаго крупныя культурно-историческія задачи.

Съ наступленіемъ революціи П. Я. совершенно удалился отъ общественной дѣятельности и замкнулся въ своемъ кабинетѣ, желая оставаться только стороннимъ наблюдателемъ того сумбура, который принесли такъ называемыя „свободы". Онъ обрабатывалъ курсъ любимой кристаллографіи, перечитывалъ классиковъ естествознанія, углублялся въ св. евангеліе и предавался религіознымъ размышленіямъ о мудрости міозданія и о тщетѣ человѣческихъ усилій создать общежитіе, противное основнымъ свойствамъ и требованіямъ человѣческой души. Религіозное настроеніе П. Я. подогрѣвала и укрѣпляла жена его Марія Владиміровна, пережившая въ юности моментъ высочайшаго подъема религіознаго чувства. Въ юные годы она страдала какою-то загадочною болѣзнью ногъ, лишавшею ее свободы передвиженія. Лучшіе парижскіе врачи не могли добиться никакого улучшенія. Однажды М. В. горячо молилась предъ домашнею иконою Пресвятой Богородицы и почувствовала себя исцѣленною. Это чудо сдѣлало ее навсегда глубоко вѣрующей христіанкой и направило ее въ жизни на путь безропотной покорности волѣ Божіей

Исцѣлившая М. В. чудотворная икона Богоматери сдѣлалась потомъ общенароднымъ достояніемъ и является главной святыней основавшагося въ бывшемъ имѣніи родителей М. В. (Кобелякскаго у. Полтавской губерніи) Козельщанскаго женскаго монастыря.

За два года уединенной жизни П. Я. (съ Марта 1917 г. по Апрѣль 1919 г.) шесть разъ смѣнились политическія декораціи въ Кіевѣ: 1) Украинская Центральная Рада, 2) совѣтскій режимъ Муравьева и Ремнева, 3) опять Украинская Центральная Рада при германской оккупаціи, 4) гетманство П. П. Скоропадскаго, 5) Директорія В. К. Винниченка и К°, 6) совѣтскій режимъ Раковскаго. Германская оккупація сначала казалась П. Я. лучемъ свѣта, пронизывающимъ мракъ революціи, но вскорѣ онъ убѣдился, что германская государственность сама находится уже въ періодѣ разложенія, и что съ нею нельзя связывать никакихъ надеждъ. Густая безпросвѣтная мгла спустилась надъ Кіевомъ 25 Января ст. ст. 1919 г., когда большевики овладѣли городомъ, и открылся красный терроръ. П. Я. казалось, что разъ онъ замкнулся дома и нигдѣ не показывается, то что палачи революціи о немъ не вспомнятъ и оставятъ его въ покоѣ. Но онъ забывалъ о жидовской мстительности. Даже своему богу, который является непосредственнымъ отображеніемъ ихъ души, жиды приписываютъ такую мстительность, что беззаконіе отцовъ онъ наказываетъ въ дѣтяхъ до третьяго и четвертаго рода (Числ. 14, 18). Лейба Бронштейнъ, посѣтивъ Кіевъ въ концѣ Апрѣля ст. ст. 1919 г. нашелъ, что кіевская чрезвычайка слабо работаетъ, и поручилъ ей разстрѣлять кіевскихъ русскихъ націоналистовъ. П. Я. былъ арестованъ въ ночь на 29 Апрѣля ст. ст. и разстрѣлянъ въ первыхъ числахъ Мая послѣ утонченныхъ мученій и издѣвательствъ. Осиротѣвшая семья не могла добиться разрѣшенія „власти“ на полученіе его тѣла для христіанскаго погребенія. Нѣтъ ни на одномъ изъ кіевскихъ кладбищъ ни могилы его, ни могильнаго надъ нею памятника, у котораго почитатель П. Я. могъ бы помолиться за душу усопшаго мученика. Такъ погибъ благороднѣйшій человѣкъ, заслуженный дѣятель науки, учитель длиннаго ряда поколѣній кіевскихъ естественниковъ, полезнѣйшій гражданинъ города Кіева, которому кіевляне обязаны артезіанскимъ водоснабженіемъ, славный сынъ Малороссіи, горячо любившій свою ближайшую родину, но чувствовавшій себя русскимъ и мыслившій Малороссію не иначе, какъ въ видѣ неразрывной составной части Россійской имперіи, — погибъ отъ руки негодяевъ, не умѣвшихъ даже правильно написать его фамилію. Гнусный „протоколъ“ гласитъ: „Слушали: о бывшемъ проф. университета

Армашовѣ, — обвиняется въ контръ-революціи. Постановили: подвергнуть высшей мѣрѣ наказанія". (С. П. Мельгуновъ. Красный терроръ въ Россіи. Берлинъ, 1924, стр. 110).

П. Я. былъ европейцемъ въ полномъ смыслѣ этого слова, типичнымъ представителемъ „арійскаго" племени. Высокаго роста, могучаго сложенія, П. Я. совсѣмъ не производилъ впечатлѣнія старика, несмотря на свои 70-тъ почти лѣтъ. Какъ многіе ученые, государственные и общественные дѣятели Запада въ этомъ возрастѣ, онъ чувствовалъ себя еще вполнѣ бодрымъ и трудоспособнымъ, и съ юношескимъ увлеченіемъ предавался любимымъ умственнымъ занятіямъ. Жизнь его духа была прервана насильственно, когда она не успѣла еще завершить своего естественнаго цикла.

Вѣрная подруга П. Я., Марія Владиміровна, пережила его только на полтора года. Укрываясь отъ преслѣдованій чрезвычайки сначала въ Кіевѣ, а потомъ въ Одессѣ, она не имѣла ни минуты покоя, какъ отъ тоски по любимомъ мужѣ, такъ и отъ постояннаго опасенія попасть въ руки большевическихъ палачей. Осенью 1920 г. она заболѣла какою-то изнурительною болѣзнью, не выясненною врачами, и скончалась въ Одессѣ, въ нищенской обстановкѣ, 6-го Декабря ст. ст. того же 1920 года.

ГЛАВА 19.

Князь Д. В. Жеваховъ.

(† въ Іюлѣ 1919 г.)

Трудно передать картину неистовствъ и звѣрствъ сатанистовъ, державшихъ Кіевъ въ теченіе шести мѣсяцевъ, съ Февраля по Августъ 1919 года, въ своихъ кровавыхъ и цѣпкихъ объятіяхъ. Трудно вѣрить, что въ теченіе этого полугода украинцами-петлюровцами и большевиками разстрѣляно по свѣдѣніямъ однихъ свыше 40.000, а по свѣдѣніямъ другихъ — около 100.000 интеллигенціи. Никакое перо не въ состояніи описать тѣхъ ужасовъ, какіе совершались цинично и откровенно среди дня, когда каждаго прохожаго, по виду интеллигента, хватали и бросали въ подвалы чрезвычаекъ, подвергая неслыханнымъ издѣвательствамъ и мученіямъ, а затѣмъ отвозили въ загородныя кладбища, гдѣ живыми закапывали въ могилы, вырытыя предварительно самими же жертвами. Еще ужаснѣе было то, что творилось подъ покровомъ ночи и что обнаружилось лишь позднѣе, послѣ прихода Деникинскихъ

войскъ, въ день Успенія Божіей Матери, 15 Августа 1919 года. Когда солдаты явились на Садовую 5, гдѣ помѣщалась одна изъ Кіевскихъ чрезвычаекъ, то обнаружили въ огромномъ сараѣ усадьбы густую желтую липкую массу, подымавшуюся отъ пола до верху свыше чѣмъ на аршинъ, такъ что они были вынуждены очищать этотъ сарай, стоя по колѣни въ этой массѣ... То были человѣческіе мозги... Здѣсь, въ этомъ сараѣ, несчастныя жертвы не разстрѣливались изъ ружей и револьверовъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, а убивались ударами тяжелыхъ молотовъ по головѣ, причемъ отъ этихъ ударовъ мозгъ вываливался на асфальтовый полъ сарая... Въ теченіе дня и ночи фургоны, съ наваленными на нихъ трупами и торчащими во всѣ стороны ногами, разъѣзжали по улицамъ города, наводя ужасъ на жителей, изъ коихъ каждый считалъ себя обреченнымъ и только ждалъ своей очереди...

Бѣжать было некуда и невозможно, ибо городъ былъ оцѣпленъ кордономъ красныхъ войскъ. Никто и не дѣлалъ этихъ попытокъ, ибо боялся даже выйти на улицу, переживая буквально слова ст. 66 и 67, главы 28 Второзаконія:

„Жизнь твоя будетъ висѣть предъ тобою, и будешь трепетать ночью и днемъ и не будешь увѣренъ въ жизни твоей. И отъ трепета сердца твоего, которымъ ты будешь объятъ, и отъ того, что ты будешь видѣть глазами твоими, утромъ ты скажешь: „о, если бы пришелъ вечеръ“, а вечеромъ скажешь: „о, если бы наступило утро“.

Познали люди, что значитъ умирать отъ страха... Многіе дѣйствительно умирали; еще больше сходило съ ума. Въ этотъ разгаръ царившей въ Кіевѣ вакханаліи, погибли отъ руки палачей едва ли не всѣ лучшіе люди города и, среди нихъ, знаменитые профессора Кіевскаго университета П. Армашевскій и Ю. Флоринскій, причемъ первый, какъ говорили, былъ зарытъ въ могилу живымъ, подвергшись предварительно жесточайшимъ пыткамъ и мученіямъ.

Не избѣжалъ подобной же ужасной участи и товарищъ Предсѣдателя Кіевскаго Окружнаго Суда, д. с. с. князь Димитрій Владиміровичъ Жеваховъ, этотъ тихій и скромный труженикъ, олицетворявшій собою подлинное христіанское смиреніе и истинное благородство.

Есть люди безъ всякаго заглавія въ жизни, не занимающіе никакого служебнаго положенія, не оставляющіе никакихъ слѣдовъ въ сферѣ государственной, или общественной жизни, а между тѣмъ настолько богатые духовнымъ содержаніемъ, что о нихъ можно написать цѣлые томы, останавливаясь только на красотѣ ихъ нравственнаго облика. Эти люди рождаются точно для того, чтобы служить живымъ укоромъ совѣсти для

другихъ; съ ними не сливаются, ихъ часто не любятъ, но съ ними считаются, на нихъ оглядываются, въ ихъ присутствіи сдерживаются, и ложь, неправда обращаются въ бѣгство при одномъ ихъ появленіи. Къ числу этихъ рѣдкостныхъ цѣльныхъ натуръ принадлежалъ и князь Димитрій Владиміровичъ, о которомъ можно сказать, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ достойнѣйшихъ представителей Ѳемиды, не знавшимъ неправды и не допустившимъ въ теченіе всей своей жизни и службы ни малѣйшаго компромисса съ нею. Князь Д. В. былъ достойнѣйшимъ сыномъ своего выдающагося отца, память о которомъ и донынѣ жива въ Кіевскомъ учебномъ округѣ. И, чтобы обрисовать его обликъ, нужно остановиться на томъ духовномъ наслѣдствѣ, которое онъ получилъ. Отецъ его, князь Владиміръ Димитріевичъ, по окончаніи курса юридическихъ наукъ въ Кіевскомъ Университетѣ Св. Владиміра началъ свою службу въ Московскомъ Сенатѣ. Тамъ же, въ Москвѣ, онъ и женился на Анастасіи Димитріевнѣ Корсаковой, сестра которой Марія Димитріевна вышла замужъ за бѣднаго студента, пробивавшагося уроками, Александра Николаевича Шварца, впослѣдствіи Министра Народнаго Просвѣщенія. Марія Димитріевна нерѣдко вспоминала, какъ сурово былъ встрѣченъ Московскимъ обществомъ ея бракъ съ А. Н. Шварцъ, особенно при сопоставленіи брака ея сестры Анастасіи съ княземъ В. Д., бывшимъ тогда однимъ изъ блестящихъ представителей Московскаго beau mond'a.

Князь Владиміръ Димитріевичъ былъ однимъ изъ тѣхъ свѣтскихъ либераловъ 60-хъ годовъ, которые пламенѣли любовію къ народу потому, что не знали ни самого народа, ни его дѣйствительныхъ нуждъ и способны были оказывать послѣднему только медвѣжьи услуги. Тѣмъ не менѣе, имъ нельзя было отказывать ни въ искренности, ни въ благородствѣ побужденій, и, ни блестящее мѣсто, какое князь В. Д. занималъ въ обществѣ, ни счастливыя условія службы, ни его семейная обстановка, не заглушали въ немъ сознанія долга къ меньшему брату. Не знаю въ точности причинъ, заставившихъ князя В. Д. переѣхать изъ Москвы въ Тверь, гдѣ онъ получилъ мѣсто старшаго чиновника особыхъ порученій при Тверскомъ губернаторѣ. Нѣкоторое время спустя, онъ перешелъ на службу въ канцелярію Кіевскаго генералъ-губернатора князя А. М. Дондукова-Корсакова и настолько быстро выдвинулся, что, не достигнувъ и 30 лѣтъ, былъ назначенъ временно и. д. управляющаго канцеляріей Начальника Юго-Западнаго края. Но здѣсь, въ Кіевѣ, князя В. Д. постигло великое горе. Свирѣпствовавшая въ Кіевѣ холера унесла въ могилу его жену, Анастасію Димитріевну, скончавшуюся въ расцвѣтѣ силъ 26-ти

лѣтъ отъ роду, оставивъ послѣ себя двухъ малолѣтнихъ дѣтей Димитрія и Сергѣя. Воспитанію своихъ сыновей, князь и посвятилъ свою жизнь, переѣхавъ на жительство къ своей матери, княгинѣ Любови Давидовнѣ, рожд. Горленко, имѣвшей свой домъ особнякъ, на Бибиковскомъ бульварѣ, № 5.

Между тѣмъ Начальникъ Юго-Западнаго края князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ былъ назначенъ комиссаромъ Болгаріи и, цѣня выдающіяся дарованія князя В. Д. и будучи родственно расположенъ къ нему, неоднократно пріѣзжалъ къ князю, предлагая ему портфель министра народнаго просвѣщенія въ Болгаріи. Однако, не желая разставаться съ матерью и не имѣя возможности покинуть малолѣтнихъ дѣтей, князь В. Д. отклонялъ всякаго рода предложенія, тѣмъ болѣе, что они не совпадали и съ его убѣжденіями, по силѣ которыхъ князь признавалъ полезною только службу на мѣстахъ, въ тѣснѣйшемъ соприкосновеніи съ народомъ и его нуждами. Вотъ почему, когда князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ уѣхалъ въ Болгарію, князь В. Д., къ общему удивленію и недоумѣнію, перешелъ на службу въ вѣдомство народнаго просвѣщенія, занявъ скромную должность правителя канцеляріи попечителя Кіевскаго учебнаго округа, въ каковой должности и пребывалъ до самой своей смерти. Узнавъ объ этомъ, А. Н. Шварцъ, бывшій въ то время попечителемъ Рижскаго учебнаго округа, предлагалъ князю В. Д. цѣлый рядъ должностей по вѣдомству народнаго просвѣщенія, однако князь неизмѣнно отвѣчалъ: „когда дерево болѣетъ, нужно лѣчить его корни, а не вѣтви“ и выражалъ сожалѣніе, что не можетъ отдаться служенію народу въ должности еще болѣе скромной.

Насколько искренно исповѣдывалъ князь В. Д. свои убѣжденія, доказываетъ, между прочимъ, и тотъ совѣтъ, какой онъ преподалъ своему сыну, тотчасъ послѣ полученія послѣднимъ университетскаго диплома, убѣждая его не гнушаться деревни, а идти въ сельскіе учителя... „Самые благодѣтельные министерскіе циркуляры не сдѣлаютъ того, что сдѣлаетъ непосредственное служеніе народу въ самой деревнѣ, и посредственный, но честный сельскій учитель сдѣлаетъ больше, чѣмъ геніальный министръ народнаго просвѣщенія“ — говорилъ князь В. Д. „Но зато дурной учитель можетъ сдѣлать столько зла, какъ ни одинъ изъ самыхъ дурныхъ министровъ... Законодателей, руководителей и надзирателей у насъ много, а нѣтъ проводниковъ закона въ жизнь, нѣтъ его исполнителей, и отъ этого и самая государственность находится въ опасности...“ Таковы были убѣжденія князя, какія онъ проводилъ въ жизнь, не соблазняясь никакими соблазнами и отвѣчая всякій разъ отказомъ на тѣ предложенія, какія получалъ отъ Министра

народнаго просвѣщенія, предоставлявшаго ему высокіе посты въ министерствѣ. 8 Мая 1894 года князь В. Д. скончался при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, не воспользовавшись, за все время своей службы, даже кратковременнымъ отпускомъ. Въ теченіе десяти лѣтъ послѣ его смерти, сослуживцы совершали поломничества на его могилу и служили панихиды, и имя князя Владиміра Димитріевича живетъ и донынѣ въ памяти Кіевскаго учебнаго округа, какъ имя человѣка выдающейся нравственной чистоты, являвшагося примѣромъ служебнаго долга и глубокаго пониманія государственныхъ задачъ, съ такимъ самоотверженіемъ проводимыхъ имъ на его скромномъ служебномъ поприщѣ.

До чего велико было смиреніе князя В. Д. свидѣтельствуетъ, между прочимъ и тотъ фактъ, что онъ не пользовался своимъ титуломъ и его сослуживцы даже не знали, что онъ имѣлъ его.

Князь Димитрій Владиміровичъ унаслѣдовалъ въ полной мѣрѣ качества и свойства своего отца. И смиреніе, граничащее съ застѣнчивостью, было также доминирующей чертою его характера. Стараясь быть вездѣ и всегда незамѣтнымъ, чуждаясь политики, не принимая никакого участія въ общественной жизни Кіева, имѣя крайне ограниченный кругъ знакомыхъ, князь Д. В. жилъ отшельникомъ въ двухъ маленькихъ комнатахъ, удивляя даже своихъ близкихъ скромностью своихъ привычекъ и потребностей. Служебная дѣятельность была единственною сферою его интересовъ, и ей онъ отдавалъ все свое время, свои глубокія познанія, свои самоотверженные труды, то совершая утомительные разъѣзды по сессіямъ и предсѣдательствуя на нихъ, то просиживая ночи надъ составленіемъ судебныхъ рѣшеній и приговоровъ въ окончательной формѣ. Единственнымъ отвлеченіемъ отъ служебныхъ занятій была для него иностранная литература, какую онъ, въ совершенствѣ владѣя новыми языками, зналъ такъ же основательно, какъ и русскую. Его служебная добросовѣстность доходила до педантизма, но это былъ педантъ въ лучшемъ значеніи слова, для котораго не существовало ничего, что могло бы оправдать даже малѣйшее отступленіе отъ строжайшей судейской правды... „Судъ есть олицетвореніе абсолютной правды, иначе онъ не судъ, а базаръ, гдѣ покупается и продается человѣческая совѣсть“ — говорилъ князь Д. В., особенно возмущавшійся, когда въ сферу правосудія просачивались политическіе мотивы. Отстаивая абсолютную чистоту судейской совѣсти, князь Д. В. нерѣдко входилъ въ конфликты со своими сослуживцами, высказываясь въ томъ смыслѣ, что никакіе предположенія и выводы, какъ бы вѣроятны ни были,

не могутъ ложиться въ основаніе того или иного судебнаго рѣшенія или приговора, и что эти послѣдніе должны выноситься только на основаніи безспорныхъ доказательствъ, представленныхъ судебнымъ слѣдствіемъ... „Судъ оперируетъ готовымъ матеріаломъ, а, если матеріалъ недостаточенъ и открываетъ просторъ для всякаго рода заключеній, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что судъ долженъ замѣнить доказательства, какихъ нѣтъ, предположеніями, какія имѣются, но не могутъ быть доказаны. Отступленіе отъ этого принципа привело бы только къ произволу и превратило бы судъ въ школу безнравственности", говорилъ князь Д. В. Разошелся князь съ своими сослуживцами и во взглядахъ на процессъ Бейлиса, въ которомъ участвовалъ, являясь однимъ изъ тѣхъ, кто, основываясь на объективныхъ данныхъ предварительнаго слѣдствія, считалъ виновность Бейлиса недоказанной.

„Очень возможно, что Бейлисъ и дѣйствительно виновенъ" — говорилъ князь Д. В.: „но сдѣлать такой выводъ на основаніи одного только слѣдственнаго матеріала — нельзя; строить же его на данныхъ, создаваемыхъ общею атмосферою процесса, или несимпатіями къ еврейству, я не могу безъ измѣны правосудію и судейской совѣсти..." Это свое мнѣніе князь Д. В. высказывалъ не только на процессѣ, но и въ личной бесѣдѣ съ министромъ юстиціи И. Г. Щегловитовымъ. Однако, по горькой иронія судьбы, князь Д. В. былъ казненъ большевиками именно за свое участіе въ означенномъ процессѣ.

Онъ былъ арестованъ большевиками въ началѣ Великаго поста 1919 года и препровожденъ въ Лукьяновскую тюрьму, гдѣ содержался до Страстной седмицы, послѣ чего былъ выпущенъ на свободу, но съ обязательствомъ не отлучаться изъ Кіева, въ чемъ отъ него была отобрана подписка. Въ теченіе этого времени палачи нѣсколько разъ допрашивали его, причемъ инкриминировали ему его участіе въ процессѣ Бейлиса и его титулъ, требуя, подъ угрозою разстрѣла, списка и адресовъ его „титулованныхъ" родныхъ и знакомыхъ, цинично заявляя, что вся кіевская аристократія обречена на уничтоженіе и не избѣгнетъ своей участи. По выходѣ изъ тюрьмы князь Д. В., къ ужасу своихъ близкихъ, отправился на свою прежнюю квартиру... Послѣдняя оказалась занятою красноармейцемъ, съ его любовницею... Казалось бы, что этотъ фактъ, самъ по себѣ, давалъ князю и нравственное право искать пристанища въ другомъ мѣстѣ, однако его добросовѣстность была такъ велика, что заставила князя, во исполненіе даннаго палачамъ слова, помѣститься въ передней..., Никакіе уговоры близкихъ немедленно скрыться изъ Кіева,

или хотя бы перемѣнить прежнее мѣстожительство, не достигли цѣли.

„Разъ данное слово должно быть исполнено при *всякихъ* условіяхъ и честнымъ нужно быть и тогда, когда это невыгодно" — отвѣчалъ князь Д. В.

Черезъ нѣсколько дней по выходѣ изъ тюрьмы, князь былъ снова арестованъ и вторично брошенъ въ ту же Лукьяновскую тюрьму, гдѣ томился въ ужасныхъ условіяхъ три мѣсяца, послѣ чего палачи увезли его въ одну изъ Кіевскихъ чрезвычаекъ, гдѣ и разстрѣляли... Какъ, при какихъ обстоятельствахъ, когда именно погибъ благороднѣйшій князь Д. В., покрыто непроницаемой тайной... О разстрѣлѣ его стало извѣстнымъ только изъ большевическихъ газетъ, издававшихся въ Кіевѣ, гдѣ помѣщались списки разстрѣлянныхъ, и гдѣ сообщеніе о его гибели сопровождалось циничнымъ глумленіемъ надъ представителями кіевской интеллигенціи, не избѣжавшими подобной же участи.

Судя по списку нужно думать, что князь Д. В. былъ разстрѣлянъ въ промежутокъ между 12 и 14 Іюля 1919 года. Князь скончался 49 лѣтъ, не оставивъ послѣ себя ни имущества, ни потомства, ни даже могилы...

Миръ праху Твоему, благороднѣйшій, неподкупной честности, чистый человѣкъ!

Вознесемъ же молитву объ упокоеніи души убіеннаго раба Божія Димитрія, и пусть эти молитвы дадутъ ему, кроткому и смиренному, не имѣвшему радостей въ земной жизни, утѣшеніе небесное, радость сознанія связи съ людьми, интересами которыхъ онъ жилъ, для блага которыхъ такъ самоотверженно работалъ...

ГЛАВА 20.

Г. А. Шечковъ.

(† 22 Іюня 1922 г.)

Кто былъ знакомъ съ природою еврейскаго бога Яхве въ отраженіяхъ ветхозавѣтнаго библейскаго текста и талмуда, тотъ, конечно, не удивлялся той ярости и тому рвенію, съ какими жиды выполняли требованія своего бога, повелѣвавшаго имъ „истребить, убить и погубить всѣхъ сильныхъ въ народѣ и въ области, которые во враждѣ съ ними, дѣтей и женъ, и имѣніе ихъ разграбить", „всякій городъ или область... нещадно опустошить мечемъ и огнемъ и сдѣлать не только

необитаемой для людей, но и для звѣрей и птицъ навсегда отвратительною...“ (Эсѳирь 8, 11-12).

Талмудъ, не ограничиваясь требованіемъ истребить всѣхъ „сильныхъ“, добавилъ къ нему еще требованіе „зарѣзать всѣхъ *лучшихъ* изъ христіанъ“, а затѣмъ распространилъ это требованіе вообще на всѣхъ христіанъ, охотясь за ними и истребляя ихъ только за принадлежность къ христіанству.

Хотя Г. А. Шечкову и удалось избѣжать казни, однако онъ погибъ, какъ одинъ изъ лучшихъ людей Россіи, погибъ замученный тѣми нравственными муками, какія наиболѣе остро переживались людьми его настроенія и убѣжденій въ этотъ кошмарный періодъ жидовскихъ звѣрствъ. Одинъ изъ его друзей посвятилъ его свѣтлой памяти нижеприводимыя мною строки... Я съ тѣмъ бóльшимъ чувствомъ удовлетворенія помѣщаю эти строки на страницахъ II-го тома своихъ „Воспоминаній“, что лично зналъ и любилъ Г. А. Шечкова, сочетавшаго въ себѣ столько ума и трогательнаго смиренія, и бывшаго однимъ изъ выдающихся государственныхъ людей Россіи.

Георгій Алексѣевичъ Шечковъ.

(Некрологъ).

22-го Іюня ст. ст. 1920-го года, рано утромъ, послѣ безпокойно проведенной ночи, внезапно скончался въ Одессѣ отъ паралича сердца, немного не доживъ до 64 лѣтъ, замѣчательный русскій человѣкъ Георгій Алексѣевичъ Шечковъ.

Въ Одессу занесла его бѣженская волна, ринувшаяся на югъ въ Ноябрѣ 1919 г., вслѣдъ за неожиданнымъ откатомъ къ югу Деникинской арміи. Здѣсь, въ постоянной тревогѣ за завтрашній день, скрывался онъ подъ чужимъ именемъ отъ преслѣдованій жестокой Одесской чрезвычайки, возглавляемой знаменитыми палачами Дейчемъ и Вихманомъ, хвалившимися, по распространенной городской молвѣ, тѣмъ, что у нихъ нѣтъ аппетита къ обѣду, если они предварительно не разстрѣляютъ хоть десятка русскихъ „буржуевъ“. Физическая смерть Георгія Алексѣевича явилась послѣднимъ звеномъ въ длинной цѣпи невыразимо тяжкихъ мукъ его горячаго патріотическаго сердца при видѣ гибельнаго разрушенія и растерзанія кровожаднымъ большевичествомъ столь страстно имъ любимой, нѣкогда великой, богатой и славной Императорской Россіи.

Георгій Алексѣевичъ родился 1-го Августа 1856 г. въ родовомъ имѣніи Шечковыхъ с. Волынцевѣ Путивльскаго у.,

Курской губ. Первоначальное воспитаніе и образованіе получилъ онъ дома, подъ надзоромъ нѣжнолюбящихъ родителей, въ условіяхъ деревенскаго приволья и въ постоянномъ общеніи съ красивой природой Волынцевскаго парка и береговъ р. Сейма. Въ Августѣ 1869 г., 13-ти лѣтъ, онъ поступилъ во 2-ой классъ Лицея Цесаревича Николая, основаннаго въ началѣ 1868 г. въ Москвѣ покойными М. Н. Катковымъ, редакторомъ „Московскихъ Вѣдомостей“, и П. М. Леонтьевымъ, профессоромъ римской словесности въ Московскомъ университетѣ, въ память скончавшагося въ расцвѣтѣ юности старшаго сына Царя-Освободителя.

Въ то время это было маленькое частное учебное заведеніе, помѣщавшееся на Большой Дмитровкѣ въ наемномъ домѣ Шаблыкина. Основатели Лицея были увлечены тогда организаціей англійскихъ закрытыхъ коллегій, задававшихся цѣлью не только обогащать умы воспитанниковъ познаніями въ наукахъ, но и укрѣплять ихъ тѣла, и развивать ихъ характеры въ такой степени, чтобы потомъ, вступивъ въ жизнь, эти люди способны были служить примѣромъ для своихъ согражданъ и направлять судьбы націи. Имъ казалось, что демократизованная реформами Императора Александра II Россія особенно нуждается въ выработкѣ аристократовъ ума и характера, безъ которыхъ не можетъ существовать никакая истинная демократія. Такимъ образомъ, въ уставъ Лицея введены были почти всѣ особенности англійскаго школьнаго строя, какъ онъ выразился въ такихъ коллегіяхъ, какъ Итонская и ей подобныя. Воспитанники дѣлились по возрастамъ на маленькіе пансіоны, во главѣ которыхъ стояли семейные воспитатели, обязанные организовать пансіонскій бытъ такъ, какъ бы это была жизнъ ихъ собственной расширенной семьи. Надъ группами воспитанниковъ имѣли попеченіе особые туторы, изучавшіе индувидуальныя черты каждаго питомца и содѣйствовавшіе, какъ успѣхамъ ихъ занятій, такъ и правильному развитію ихъ характеровъ. Много времени отводилось прогулкамъ на воздухѣ, гимнастикѣ, фехтованію, танцамъ и спорту въ видѣ катанья на конькахъ зимою и на лодкахъ лѣтомъ, или въ видѣ такихъ игръ, какъ лапта, крокетъ, футболъ. Не забыты были и искусства: музыка и рисованіе, преподававшіяся желающимъ. Центромъ учебныхъ занятій были древніе языки: латинскій и греческій. Первый изучали главнымъ образомъ для выработки логическаго мышленія и умѣнія облечь каждую мысль со всѣми ея оттѣнками въ наиболѣе для нея подходящую словесную форму, такъ какъ латинскій языкъ является единственнымъ литературнымъ языкомъ въ мірѣ, достигшимъ идеала въ смыслѣ полнаго соотвѣтствія

между человѣческою мыслью и словеснымъ ея выраженіемъ. Поэтому, грамматическія упражненія играли на латинскихъ урокахъ главную роль. При изученіи греческаго языка имѣлось въ виду преимущественно его значеніе, какъ языка православной греческой Церкви, на которомъ были написаны евангелія и другія писанія Новаго Завѣта, творенія такихъ столповъ Церкви, какъ Василій Великій или Іоаннъ Златоустъ, и, наконецъ, весь кругъ богослужебныхъ книгъ. Славянскій текстъ новозавѣтныхъ и церковныхъ книгъ переведенъ съ греческаго и для образованнаго человѣка можетъ быть вполнѣ понятенъ только при постоянномъ сличеніи его съ греческимъ подлинникомъ. Особенно нуждаются въ сличеніи текстовъ прозаическіе переводы греческихъ стиховъ, которыми написаны въ большинствѣ случаевъ православныя пѣснопѣнія и молитвы. Преподаватели греческаго языка въ Лицеѣ никогда не забывали о религіозномъ его значеніи, и поэтому курсъ грамматики былъ сокращенъ, но за то читались въ классѣ не только свѣтскіе авторы, какъ Ксенофонтъ, Гомеръ, Геродотъ, Софоклъ и Платонъ, но такъ же евангелія и отрывки изъ богослужебныхъ книгъ.

Новые языки: французскій, нѣмецкій и, по желанію, англійскій — изучались и на урокахъ, и въ разговорахъ съ иностранцами, дежурившими постоянно на перемѣнахъ между уроками, и въ лицейскихъ пансіонахъ въ послѣобѣденные часы. Цѣлью ставилось пріученіе къ чтенію книгъ на новыхъ иностранныхъ языкахъ.

Не были упущены изъ виду математика и естественныя науки. Послѣднія преподавались только въ старшихъ классахъ, но очень серьезно, и такіе уроки могли достигнуть той цѣли, которую ставилъ французскій педагогъ Рене Поко (René Paucot) при изученіи естественныхъ наукъ въ средней школѣ: во-первыхъ, развить въ питомцахъ эстетическое чувство при наблюденіяхъ надъ соотвѣтствіемъ строенія даннаго животнаго съ его образомъ жизни или надъ внѣшнею окраскою животныхъ; и, во-вторыхъ, развить чувство преклоненія передъ величіемъ природы и ея Творца и сознанія ничтожества человѣка съ одной стороны, но съ другой — и могущество человѣческаго генія, стремящагося раскрыть тайны природы.

Курсъ математики проходили сокращеннѣе, чѣмъ принято было въ среднихъ школахъ Россіи, но къ большей пользѣ для дѣла, ибо то, что проходилось, понималось и усваивалось воспитанниками основательнѣе.

Уроки русскаго языка, отечественной исторіи и географіи служили матеріаломъ для пробужденія патріотическихъ чувствъ и живой любви къ Россіи, къ ея Церкви, къ ея Го-

сударю, какъ Помазаннику Божію, къ ея тяжелой, но славной исторіи, къ ея дивному языку, къ ея геніальнымъ писателямъ, къ ея однообразно-равнинной, но милой природѣ.

Преподаваніе Закона Божьего находилось въ рукахъ умныхъ и опытныхъ законоучителей, которые умѣли укрѣплять, а не расхолаживать вѣру питомцевъ Лицея.

Вся учебная жизнь Лицея освѣщалась мыслью древняго іудейскаго мудреца: „Всякая премудрость — отъ Господа и съ Нимъ пребываетъ вовѣкъ“ (Іис. Сир. 1, 1). Преподаватели стремились общими силами развивать въ воспитанникахъ сознаніе, что между религіей и истинной наукой не можетъ быть противорѣчій, ибо „въ рукѣ Бога и мы и слова наши, и всякое разумѣніе и искусство дѣланія“ (Прем. Сол. 7, 16).

Составъ воспитанниковъ Лицея въ то время былъ довольно однородный, хотя они не подбирались по записямъ въ дворянскія родословныя книги, какъ въ Петербургскомъ Лицеѣ или Училищѣ Правовѣдѣнія. Это были преимущественно дѣти провинціальныхъ землевладѣльцевъ-дворянъ, коренныхъ русскихъ и православныхъ, не связанныхъ тѣсно съ сановными кругами Петербурга, но достаточно зажиточныхъ и культурныхъ, чтобы желать для своихъ сыновей широкаго и основательнаго образованія. Богатый московскій купеческій элементъ представленъ былъ очень слабо, всего 2-мя или 3-мя воспитанниками. Инородцевъ не было вовсе. Благодаря такой однородности состава изъ русской православной среды, возможны были и настроенія, общія всѣмъ воспитанникамъ, и прочныя дружескія связи между духовно-родственными юношами.

Вотъ въ какой обстановкѣ протекли школьные годы Георгія Алексѣевича (1869-1876). Дыханіе жизни въ лицо Лицея вдунулъ одинъ изъ его основателей и первый директоръ — Павелъ Михайловичъ Леонтьевъ, и при немъ Лицей сохранялъ неуклонно свой оригинальный, ему одному присущій обликъ. Съ его смертью († 24 Марта 1875 г.) духъ его постепенно отлеталъ отъ Лицея, начинанія его забывались, и позднѣйшій Лицей, обратившійся въ казенное учебное заведеніе съ совершенно новымъ уставомъ, ни въ чемъ не напоминалъ старымъ лицеистамъ своего незабвеннаго первообраза.

Каникулярное время Георгій Алексѣевичъ всегда проводилъ въ родномъ Волынцевѣ, и здѣсь, по мѣрѣ возмужанія, его обступали, обвѣянныя поэтической грезой, преданія Путивльской старины. Его умственному взору рисовались и походы сѣверскихъ князей на половцевъ, и плачъ нѣжной супруги Ярославны на Путивльскомъ „заборалѣ“, и запуган-

ная, скитальческая жизнь на татарскомъ пограничьи послѣднихъ князей Липецкихъ, Рыльскихъ и Воргольскихъ, и появленіе вблизи Путивля осѣдлыхъ татарскихъ слободъ съ баскакомъ Ахматомъ во главѣ, и превращеніе Путивля въ пограничный опорный пунктъ Московскаго государства, откуда московскіе воеводы сносились съ татарскимъ Крымомъ и съ литовскимъ Кіевомъ, и прибытіе въ Путивль перваго Самозванца съ польскимъ и козацкимъ сбродомъ, и трудная борьба Москвы съ Польшею за Малороссію при традиціонной шатости малороссіянъ, какъ маятникъ качавшихся изъ стороны Москвы въ сторону Польши и обратно, и молніеносный походъ Петра навстрѣчу шведамъ къ Полтавѣ. Наиболѣе бурныя событія старой Руси до шведской войны включительно коснулись такъ или иначе Путивля, и для полета юношескаго воображенія Георгія Алексѣевича въ глубь вѣковъ было достаточно простора.

Въ старшихъ классахъ, возвращаясь въ Лицей послѣ каникулъ, Георгій Алексѣевичъ цѣлыми часами бесѣдовалъ съ своимъ ближайшимъ другомъ о томъ, что онъ читалъ или слышалъ о Путивльской старинѣ, и какіе памятники ея на мѣстѣ ему удалось найти или увидѣть.

Еще въ юности занимали Георгія Алексѣевича діалектическія загадки русскаго языка, такъ какъ въ Путивльскомъ уѣздѣ ему приходилось слышать въ ближайшемъ сосѣдствѣ между собою три говора русскаго языка: южно-великорусскій, южно-малорусскій и восточно-бѣлорусскій.

Такъ созрѣвала тонко сотканная душа Георгія Алексѣевича, подъ впечатлѣніями религіи, науки и русской народной и государственной старины, передъ наступленіемъ университетскихъ годовъ, столь важныхъ въ дальнѣйшемъ развитіи каждаго образованнаго человѣка.

Получивъ аттестатъ зрѣлости въ 1876 г., Георгій Алексѣевичъ вступилъ на юридическій факультетъ Московскаго университета, но остался жить въ Лицеѣ, какъ это предусматривалось старымъ лицейскимъ уставомъ. Лицей перебрался уже тогда въ собственный домъ на углу Остоженки и Крымскаго Брода, но все еще сохранялъ завѣты П. М. Леонтьева. Руководителемъ проживавшихъ въ Лицеѣ юристовъ былъ человѣкъ широкаго образованія, знатокъ римскаго права, Константинъ Ивановичъ Лаврентьевъ, впослѣдствіи попечитель Западно-Сибирскаго учебнаго округа. Ему Георгій Алексѣевичъ много обязанъ въ выработкѣ строгаго юридическаго мышленія. Однако Г. А. не тянуло къ римскому праву, и онъ, слѣдуя прежнимъ наклонностямъ, сосредоточился на изученіи каноническаго и русскаго права, и достигъ въ этихъ наукахъ

большого углубленія. Къ окончанію университетскаго курса онъ совсѣмъ специализировался на каноническомъ правѣ, которое на всю жизнь осталось любимымъ предметомъ его изученій и размышленій. Начинавшія входить тогда въ моду, съ легкой руки Ал. Ив. Чупрова, экономическія науки, тенденціозное преподаваніе которыхъ привело потомъ къ обращенію Московскаго университета въ революціонное гнѣздо, — были совершенно чужды вкусамъ Г. А., и по оставленіи университета онъ часто высказывался, что увлеченіе молодежи тенденціознымъ экономизмомъ непремѣнно приведетъ Россію къ революціонной катастрофѣ. Будучи еще въ университетѣ, Г. А. положилъ начало собиранію своей обширной библіотеки, которая, какъ и большинство частныхъ библіотекъ въ русскихъ сельскихъ усадьбахъ, погибла въ с. Волынцевѣ въ 1918 или 1919 г.

Послѣ окончанія университета Г. А., въ виду смерти отца, какъ единственный сынъ, поселился при матери въ с. Волынцевѣ, дѣльно велъ хозяйство и принималъ участіе въ мѣстной земской жизни. Зимніе мѣсяцы онъ проводилъ обыкновенно въ Москвѣ, гдѣ вращался въ кружкахъ братьевъ Самариныхъ, Дмитрія Хомякова, Клавдія Степанова и другихъ единомышленниковъ стараго православно-русскаго настроенія. Всѣ до́суги Г. А. просиживалъ надъ книгами, стремясь пополнить свое юридическое образованіе еще богословскимъ, столь необходимымъ для каждаго серьезнаго канониста. При этомъ намѣтилась тема обширнаго трактата: „Объ отношеніи Церкви къ государству и объ организаціи власти, по православному сознанію“, который Г. А. обрабатывалъ въ теченіе всей своей жизни, но который, къ сожалѣнію, остался въ рукописи. Г. А. былъ убѣжденъ, что въ Россіи, гдѣ большинство населенія исповѣдуетъ православную вѣру, православная Церковь, какъ носительница идеала христіанскаго общежитія не можетъ оставаться внѣ политики, но, напротивъ, всѣми доступными и подобающими ей мѣрами обязана воздѣйствовать на своихъ чадъ, чтобы они строили государство не безвѣрное, а христіанское, руководимое завѣтами Матери-Церкви и не забывающее объ ея нуждахъ. Въ своемъ трактатѣ Г. А. стремился выяснить, съ исторической и догматической точки зрѣнія, какъ цѣли, такъ и методы православной политики, съ тѣмъ, чтобы помочь православнымъ мужчинамъ и женщинамъ, склоннымъ къ занятіямъ политикой, сообразовать свою дѣятельность съ исповѣдуемою ими вѣрою. Намъ приходилось читать, по желанію автора, нѣкоторыя главы изъ упомянутаго трактата, и мы восхищались и тою блестящею аргументаціею, и тою глубиною учености, какія обнаружилъ

авторъ въ своемъ трудѣ. Племянница покойнаго Г. А. приняла нѣкоторыя мѣры къ сохраненію обширной рукописи, наполняющей цѣлый ящикъ, но уцѣлѣетъ ли она въ большевическомъ адѣ — кто это знаетъ? Небольшіе экскурсы, относящіеся къ трактату, Г. А. отдавалъ въ печать въ видѣ газетныхъ и журнальныхъ статей. Собраніе ихъ составило бы, вѣроятно, порядочный томъ.

Въ занятіяхъ сельскимъ хозяйствомъ въ с. Волынцевѣ, въ научныхъ трудахъ — протекла четверть вѣка жизни Г. А. (1880-1905). Но вотъ грянулъ громъ 1905-го года. Всѣ почувствовали, что Россія заколебалась въ своихъ коренныхъ устояхъ. Г. А. былъ въ то время Путивльскимъ уѣзднымъ предводитемъ дворянства, и ему пришлось съ опасностью жизни отбить революціонный штурмъ въ родномъ уѣздѣ. Быстро промелькнули первая и вторая революціонныя Думы. Наконецъ, выборный законъ былъ измѣненъ, и Г. А. рѣшилъ, что теперь патріотическій долгъ повелѣваетъ ему окунуться въ политику и идти въ Думу, чтобы спасать великую Императорскую Россію. Хотя у него не было темперамента вожака и борца, и вообще политическая дѣятельность была не въ его натурѣ, ибо, кроткій сердцемъ, онъ не былъ способенъ къ той ненависти, какая лежитъ въ основѣ нынѣшней партійной борьбы, тѣмъ не менѣе, по велѣнію долга, онъ ставитъ свою кандидатуру въ члены 3-ей Думы отъ Курской губ. и проходитъ. Переизбранъ онъ былъ и въ 4-ую Думу. Борьба съ революціей за Россію продолжалась 10 лѣтъ, совершенно разстроила слабое отъ природы здоровье Г. А., но спасти Россію людямъ его настроенія не удалось. Въ Думѣ онъ сидѣлъ на правомъ крылѣ и много работалъ въ думскихъ комиссіяхъ. Въ 3-ей Думѣ правые, т. е. люди православно-русскихъ воззрѣній, желавшіе сохранить и усовершенствовать нашу старую православно-монархическую государственность, какъ наиболѣе отвѣчавшую нуждамъ Россіи, имѣли во главѣ крупную умственную силу въ лицѣ разстрѣляннаго потомъ большевиками профессора всеобщей исторіи въ Харьковскомъ университетѣ Андрея Николаевича Вязигина и располагали, сколько помнится, 60-ью голосами. Часто они находили поддержку въ націоналистахъ, которые не успѣли еще передѣлаться въ прогрессивныхъ націоналистовъ. Такимъ образомъ, удавалось иногда добиваться рѣшенія вопросовъ въ правомъ направленіи. Громадное значеніе имѣло также постепенное передвиженіе направо покойнаго Столыпина. Въ то время Г. А. бодрился и питалъ нѣкоторыя розовыя надежды, что Россія уцѣлѣетъ. Но вотъ П. А. Столыпинъ погибъ отъ іудейской пули; въ 4-ой Думѣ правыхъ было уже гораздо меньше,

и они не имѣли опредѣленнаго вождя; націоналисты вошли въ зловредный прогрессивный блокъ. Г. А. пріунылъ, упалъ духомъ и сталъ предчувствовать близость катастрофы.

Тѣмъ временемъ разразилась міровая война, спровоцированная темными силами для уничтоженія трехъ имперій. Какъ уполномоченный Курской организаціи помощи арміи, Г. А. нѣсколько разъ ѣздилъ и на европейскій и на азіатскій фронты военныхъ дѣйствій, побывалъ и на Западной Двинѣ, а на Карпатахъ, и въ Эрзерумѣ; и всегда его поражала рѣзкая разница между бодрымъ настроеніемъ ближайшаго къ непріятелю фронта и позорной паникой тыла. Между тѣмъ въ Думѣ и на верхахъ арміи, въ генеральской средѣ, зрѣлъ преступный заговоръ противъ Императорской власти. Окунаясь послѣ пребыванія на фронтѣ въ Думскую атмосферу, Г. А. все яснѣе и яснѣе чувствовалъ, что Дума изъ государственнаго учрежденія обратилась въ конспиративную квартиру, гдѣ разрабатывались планы, какъ удобнѣе и возможнѣе свалить русскую монархическую государственность. Сознаніе своего безсилія предотвратить грядущую бѣду причиняло тяжелыя страданія чуткой душѣ Г. А. Наконецъ, заговорщики перестали скрывать себя и свои планы. Однажды, недѣли за двѣ до революціи, разыгралась такая сцена. Въ залѣ сидѣли группой Родзянко, Савичъ и Шидловскій, и оживленно о чемъ то бесѣдовали. Г. А. проходилъ мимо. Родзянко окликаетъ его и приглашаетъ принять участіе въ разговорѣ. Когда Г. А. подсѣлъ, Родзянко сталъ объяснять ему, что вотъ де Дума рѣшила устранить Государя и взять власть въ свои руки; что теперь де пришелъ подходящій моментъ, ибо англійскій посолъ Бьюкэнэнъ, сочувствующій перевороту, сообщилъ, что въ Ставку отослана диспозиція, выработанная представителями штабовъ всѣхъ союзныхъ армій относительно общаго наступленія на Германію ранней весной 1917 г. и вполнѣ обезпечивающая побѣду; если де Россія получитъ побѣду изъ рукъ императора Николая, то власть его укрѣпится навсегда; поэтому, наканунѣ рѣшительной и вѣрной побѣды, Дума должна спѣшить отнять отъ Государя власть, чтобы въ Россіи создалось впечатлѣніе, какъ будто побѣда дарована ей Думою. Въ заключеніе Родзянко приглашалъ Г. А. присоединиться къ плану думцевъ. Когда послѣдній замѣтилъ, что неизвѣстно, какъ отнесется къ думской затѣѣ армія, Родзянко смѣло заявилъ: „Да генералы съ нами“. Г. А. пробовалъ еще возражать, что такой шагъ, какъ смѣна власти во время войны, можетъ повести не къ побѣдѣ, а къ гибели Россіи, но Родзянко сталъ раздражаться и говорить рѣзкости. Послѣ этого Г. А. сказалъ: „Во всякомъ случаѣ мнѣ не по пути съ из-

мѣнниками", всталъ и отошелъ, ни съ кѣмъ не простившись рукопожатіемъ.

Удивительно, до чего въ тѣ ужасные дни было забыто всѣмъ сановнымъ и чиновнымъ Петербургомъ то мѣсто вѣрноподданнической присяги, гдѣ говорится: „о ущербѣ же Его Величества интереса, вредѣ и убыткѣ, какъ скоро о томъ увѣдаю, не только благовременно объявлять, но и всякими мѣрами отвращать и не допущать тщатися". На глазахъ у всѣхъ въ Думѣ зрѣлъ заговоръ, о немъ открыто говорили въ обществѣ, а предержащія власти, не боясь отвѣтственности передъ Богомъ за нарушеніе присяги, играли въ аполитичность и потворствовали преступнымъ замысламъ глупыхъ людей, обмороченныхъ подлыми и хитрыми іудеями.

Послѣ революціи для Г. А. началась тяжелая скитальческая жизнь. Чудомъ уцѣлѣвъ въ мартовскіе дни, онъ пѣшкомъ вышелъ изъ Петербурга, чтобы пробраться въ Москву. Здѣсь онъ заболѣлъ припадками сердца и долго провалялся у родныхъ, пока могъ двинуться въ свое милое с. Волынцево. Въ любимомъ родовомъ имѣніи, въ послѣдній разъ въ жизни, подъ сѣнью столѣтнихъ дубовъ, просуществовалъ онъ довольно спокойно и благополучно около трехъ мѣсяцевъ, пока волны октябрьской большевической революціи не докатились до селъ и деревень. Послѣ того, какъ начались повсемѣстные разбои и пожары, Г. А. простился навсегда съ с. Волынцевымъ и уѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ жила съ семьею одна изъ его сестеръ. Въ Кіевѣ онъ пережилъ одиннадцатидневную бомбардировку города большевиками (15-25 Января 1918 г.), бѣгство защищавшихъ городъ петлюровцевъ, разстрѣлъ большевиками свыше двухъ тысячъ офицеровъ и „буржуевъ" (въ числѣ нихъ погибъ и сынъ мятежнаго Родзянка), повальные грабежи, учиненные красными ордами Муравьева и Ремнева, наконецъ, появленіе Петлюры въ сопровожденіи нѣмцевъ. Семимѣсячный періодъ гетманской власти П. П. Скоропадскаго былъ временемъ, когда всѣ въ Кіевѣ немного отдохнули, благодаря водворенному нѣмцами порядку. Послѣ того опять явились петлюровцы, и Г. А., вмѣстѣ со множествомъ другихъ честныхъ русскихъ людей, былъ арестованъ неистовыми украинскими шовинистами и заключенъ въ Лукьяновскую тюрьму, гдѣ пробылъ около двухъ мѣсяцевъ до новаго вступленія въ Кіевъ большевиковъ. Нелѣпая „украинская" власть видѣла въ немъ и въ его соузникахъ опасныхъ для себя русскихъ патріотовъ, сторонниковъ всероссійскаго монарха. Пребываніе въ Лукьяновской тюрьмѣ особенно тяжело отразилось на разстроенномъ здоровьи Г. А., и онъ вышелъ оттуда совсѣмъ разбитымъ и больнымъ. Режимъ былъ суровый, и тюремная

стража изъ галичанъ постоянно издѣвалась надъ русскимъ языкомъ заключенныхъ, грозя всѣхъ ихъ перестрѣлять, какъ враговъ неньки-Украины.

Послѣ второго появленія большевиковъ въ Кіевѣ (Январь 1919 г.) Г. А. перешелъ на нелегальное положеніе и часто мѣнялъ квартиры, живя подъ чужимъ именемъ. Кратковременный періодъ Деникинской власти (конецъ Августа-Ноябрь 1919 г.) промелькнулъ, какъ сонъ, подъ постоянной угрозой большевиковъ, которые 1-4 Октября овладѣли было городомъ, но были вытѣснены. Въ концѣ Ноября начался откатъ Деникинской арміи къ югу, и Г. А. съ семьей сестры, послѣ трехнедѣльнаго мучительнаго странствованія въ холодныхъ скотскихъ вагонахъ, очутился въ Одессѣ, подъ тѣмъ же чужимъ именемъ, подъ которымъ онъ укрывался и въ Кіевѣ.

Пребываніе многочисленныхъ бѣженцевъ въ Одессѣ сопряжено было съ тяжелыми лишеніями. Не избѣгъ ихъ со своими близкими и Г. А. Въ нетопленой комнатѣ, безъ увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, на плохомъ питаніи, ждалъ онъ весны 1920 г. и надѣялся, что она принесетъ избавленіе. Она принесла тепло, и это уже было благо. Съ однимъ изъ старыхъ друзей выходилъ ежедневно Г. А. на возвышенность, откуда разстилался видъ на море, и здѣсь цѣлыми часами дышалъ живительнымъ морскимъ воздухомъ и дѣлился мыслями и воспоминаніями о пережитомъ. Трупное гніеніе, казалось ему, ожидаетъ Россію, если она не освободится скоро отъ іудейскаго ига. Г. А. прекрасно понималъ, что большевичество въ своей сущности есть борьба съ Богомъ и съ христіанствомъ; что оно опирается на самыя низменныя свойства человѣческой души: на эгоизмъ, на жадность, на вѣроломство, на развратъ, на жестокость; что если не положить ему конца, то Россія останется безъ Церкви, безъ національной интеллигенціи, безъ традицій, и обратится въ страну измученныхъ, голодныхъ, обнищалыхъ рабовъ, готовыхъ за краюшку заплѣсневѣлаго хлѣба работать физически на кого угодно, кто только обезпечитъ имъ кое-какую безопасность и относительное спокойствіе. Между тѣмъ конца іудейскому игу не предвидѣлось, какъ не видно его и теперь, послѣ протекшихъ семи лѣтъ, когда предвидѣнія Г. А. цѣликомъ исполнились. Недавно въ одной изъ эмигрантскихъ газетъ была помѣщена корреспонденція изъ Россіи, заканчивавшаяся словами: „Въ Россіи отвыкли пророчествовать на счетъ ближайшаго будущаго Россіи. Внѣшне всѣ устали, флегматичны, фаталистически-покорны, внутри всѣ насторожѣ. Новыхъ неожиданныхъ импульсовъ, которые были бы способны придать свѣжую силу совѣтскому государству, больше не ждутъ; не ждутъ этого и

со стороны хозяйства. Въ правительственныхъ учрежденіяхъ рады, если хозяйственный аппаратъ, валюта, торговый балансъ сохраняются въ своемъ нынѣшнемъ жалкомъ равновѣсіи. На смѣлыя рѣшенія, хорошія или дурныя, способности нѣтъ. Русская жизнь теперь — большое топтаніе на мѣстѣ“.

Мрачныя мысли отравляли послѣдніе дни томительной жизни Г. А. Наконецъ, однажды раннимъ утромъ, 22 Іюня ст. ст. 1920 г., пошелъ онъ на базаръ за хлѣбомъ и другими съѣстными припасами. Было очень жарко. Возвратившись домой около 8 часовъ, онъ жаловался сестрѣ, что страшно усталъ, и сѣлъ за столъ, чтобы выпить стаканъ ячменнаго кофе съ молокомъ. Послѣ перваго стакана попросилъ второй, но въ это время зашатался, свалился со стула на полъ и скончался безъ малѣйшаго стона, совершенно безболѣзненно.

Г. А. никогда не женился подъ впечатлѣніемъ внезапной трагической кончины молодой дѣвушки, объявленной его невѣстою. Не имѣя собственной семьи, Г. А. былъ нѣжно привязанъ къ семьѣ той сестры, съ которою онъ очутился волею судебъ въ Одессѣ, и которая приняла его послѣдній вздохъ, и позаботилась похоронить его съ соблюденіемъ обычныхъ христіанскихъ обрядовъ на старохристіанскомъ Преображенскомъ кладбищѣ въ Одессѣ, несмотря на всѣ препоны, чинимыя въ такихъ случаяхъ іудейскою совѣтскою властью.

Маленькаго роста, сухой, подвижный, Г. А. до конца жизни не производилъ впечатлѣнія старика, несмотря на слабость здоровья. Въ слабомъ тѣлѣ жилъ крѣпкій духъ.

Миръ его праху и покой духу въ обителяхъ Отца Небеснаго!

ГЛАВА 21.

Возвращеніе въ Кіевъ.

Сердечно простившись съ игуменомъ Мануиломъ и братіей, я вышелъ пѣшкомъ за ограду Скита. Братъ предпочелъ остаться въ Скиту, для приведенія своихъ дѣлъ, еще дня два, со мною же пошли о. іеромонахъ С. и нѣкоторыя другія лица, имена которыхъ исчезли изъ моей памяти. Навстрѣчу намъ попадались веселыя, смѣющіяся лица Деникинскихъ солдатъ, обозы которыхъ устилали путь до самаго Кіева. Мы подошли къ предмѣстью Кіева, называвшемуся Деміевкой, и предъ нашими взорами предстала во всемъ ужасѣ картина недавняго боя. Вездѣ лежали трупы, главнымъ образомъ еврейской мо-

лодежи, съ разрубленными пополамъ черепами. Подлѣ нихъ толпились крестьяне, выражавшіе страшное негодованіе и ненависть къ евреямъ, припоминались всѣ ихъ преступленія и та провокація, жертвою которой становились добровольцы и какая такъ тормозила ихъ работу. Надъ трупами шло открытое надругательство, дикое и циничное, и, однако, не было никого, кто бы призналъ прорвавшуюся злобу къ жидамъ необоснованною и заступался за нихъ. Было для всѣхъ очевидно, что евреи понесли только то, что заслужили своимъ поведеніемъ. Вездѣ стояли группы людей громко разсказывавшихъ объ ужасахъ „чрезвычаекъ" и о неслыханныхъ преступленіяхъ большевиковъ. Цѣлыя толпы людей направлялись къ этимъ „чрезвычайкамъ" въ надеждѣ найти трупы своихъ родныхъ и близкихъ. И радость освобожденія Кіева отъ злодѣевъ смѣшивалась съ ужасомъ, который отражался на лицахъ по мѣрѣ разсказовъ о томъ, что такъ тщательно скрывалось, а теперь предстало предъ общимъ взоромъ во всей своей наготѣ.

Мы вошли въ городъ... Еще не убраны были красныя тряпки и пятиконечныя звѣзды на стѣнахъ и домахъ, еще стояли на улицахъ массивныя деревянныя арки, со всякаго рода надписями и изреченіями, еще красовались вездѣ на видныхъ мѣстахъ бюсты Ленина и Троцкаго, и внѣшній видъ Кіева еще напоминалъ собою столицу іудейскаго царства.

Разрушенія въ городѣ были ужасны. Масса дорогихъ совершенно новыхъ, недавно выстроенныхъ домовъ превратились въ развалины, уничтожены были и памятники старины, не пощадила еврейская злоба и величественныхъ Кіевскихъ храмовъ, и на золотыхъ куполахъ Софійскаго Собора, Михайловскаго монастыря и др. зіяли отверстія отъ брошенныхъ снарядовъ. Колокольня Никольскаго Собора, на Печерскѣ, была совсѣмъ разрушена... Трудно вообразить себѣ всѣ эти картины разрушенія... Казалось, вражеская рука стремилась окончательно уничтожить городъ и превратить его въ пустыню...

Съ трепетомъ я подходилъ къ нашему дому... и, о Боже, что я тамъ увидѣлъ! Все, что можно было вывезти, было куда то вывезено и оставались только громоздкія вещи, рояль и нѣсколько гардеробныхъ шкаповъ, да массивный обѣденный столъ въ столовой... Посрединѣ зала лежалъ стогъ сѣна и обломки дорогой мебели валялись на полу. Стѣны были чѣмъ то залиты и попорчены, по угламъ стояли какія то больничныя кровати, неизвѣстно кому принадлежавшія... Оказалось, что въ теченіе около двухъ мѣсяцевъ въ домѣ помѣщался клубъ 23-го совѣтскаго полка, а затѣмъ больница... По разнымъ комнатамъ были разбросаны медикаменты... Оставаться въ домѣ было

немыслимо. Не вѣрилъ я, кромѣ того, и въ прочность Деникинской арміи, которая уже не въ первый разъ брала Кіевъ и все же не имѣла возможности удержать его. И моею первою мыслію было уѣхать къ сестрѣ въ N-скую губернію. Однако и это предположеніе оказалось неосуществимымъ. Появленіе брата или мое въ нашемъ прежнемъ имѣніи создавало бы угрозу сестрѣ, и этотъ планъ пришлось оставить. Тогда я рѣшилъ ѣхать въ Крымъ, или на Кавказъ и туда выписать сестру. У брата были другіе планы, мы не могли сговориться и, въ результатѣ, запаковавъ свои вещи и взявъ ихъ въ количествѣ, позволявшемъ бы мнѣ лично донести ихъ съ собою на вокзалъ, я простился съ Кіевомъ и направился въ Харьковъ.

Моему отъѣзду предшествовали долгія и очень сложныя хлопоты, ибо, хотя выѣздъ изъ Кіева и былъ свободнымъ, но уѣзжавшихъ было такъ много, что требовались уже предварительныя записи для права помѣститься только въ теплушкѣ. Мнѣ удалось, наконецъ, чрезъ мѣсяцъ, добиться такого права, и 12 Сентября 1919 года я покинулъ Кіевъ. Идя къ вокзалу, я слышалъ гулъ яростной канонады, доносившійся со стороны Святошина, одной изъ ближайшихъ желѣзнодорожныхъ станцій и, съ ужасомъ думалъ о томъ, что должны испытывать несчастные кіевляне, и въ томъ числѣ мой добрый братъ, если большевики снова вернутся въ Кіевъ. Такъ это и случилось, ибо не прошло и двухъ недѣль и, послѣ ужасающей бомбардировки, Кіевъ снова палъ и большевики съ новою силою принялись дорѣзывать несчастное населеніе города, оставшееся въ живыхъ.

ГЛАВА 22.

По пути въ Харьковъ. Ростовъ на Дону.

Я шелъ по направленію къ вокзалу съ единой мыслью вырваться во что бы то ни стало изъ Кіева, пользуясь кратковременнымъ моментомъ, дававшимъ мнѣ такую возможность. Но зачѣмъ я ѣду въ Харьковъ, что буду тамъ дѣлать, чѣмъ буду жить, найду ли тамъ друзей и знакомыхъ, — я не зналъ. Я ѣхалъ на неизвѣстное, вручая себя водительству Промысла Божія, съ такою вѣрою, какую раньше не испытывалъ, утѣшая себя тѣмъ, что судьбы Божіи непреложны и что будетъ то, что должно было быть.

Предъ вокзаломъ стояла огромная толпа народа, устилавшая всю предвокзальную площадь. Пробраться къ перрону было трудно, еще труднѣе было отыскать такъ называемую „офицерскую“ теплушку, гдѣ, якобы, было приготовлено одно мѣсто и для меня. Когда, послѣ долгихъ поисковъ, я подошелъ къ ней, то увидѣлъ, что она биткомъ набита людьми, чуть ли не со вчерашняго дня занявшими ее и ревниво оберегающими свои мѣста. Не столько необходимость, сколько деликатность заставила меня сдать свой чемоданъ въ багажъ, дабы не стѣснять своихъ спутниковъ, переполнившихъ теплушку. Каково же было мое изумленіе и даже негодованіе, когда, войдя въ эту теплушку, я увидѣлъ, что бо́льшая половина ея была занята шкапами и комодами, огромными сундуками и пр. Мои спутники спасали не только себя, но умудрялись вывозить и весь свой скарбъ, тогда какъ я постѣснялся захватить съ собою въ теплушку даже ручной чемоданъ, съ платьемъ, бѣльемъ и необходимыми вещами, уцѣлѣвшими отъ захвата ихъ большевиками.

Впослѣдствіи мнѣ пришлось горько пожалѣть объ этомъ, ибо своего чемодана я такъ и не увидѣлъ больше; по пути багажный вагонъ былъ или отцѣпленъ, или расхищенъ желѣзнодорожными служащими, но только въ Харьковъ онъ не дошелъ и всѣ мои вещи погибли.

Впрочемъ, и здѣсь сказались Промыслительные Пути Божіи. Поиски багажа заставили меня не только оставаться въ Харьковѣ около мѣсяца, но и измѣнили мои первоначальные планы и удержали отъ поѣздки туда, гдѣ пребываніе было опасно и гдѣ меня ждала вѣрная гибель. Объ этомъ, впрочемъ, скажу ниже.

Кое какъ примостившись въ теплушкѣ, я сталъ разсматривать своихъ спутниковъ. Между ними не было ни одного офицера и всѣ недоумѣвали, почему ей было присвоено названіе „офицерской“. Не было и нумерованныхъ мѣстъ, въ теплушку садились всѣ, кто только могъ влѣзть въ нее и оказывался побѣдителемъ въ борьбѣ съ моими спутниками, никого болѣе не впускавшими въ теплушку. Наконецъ, поѣздъ, перегруженный пассажирами, изъ которыхъ многіе сидѣли и на крышахъ вагоновъ и висѣли на ступеняхъ, держась за окна, медленно отошелъ отъ вокзала, двигаясь по направленію къ желѣзнодорожному мосту чрезъ Днѣпръ. Было около 10 часовъ вечера. Мы двигались очень медленно, ежеминутно останавливаясь не только на полустанкахъ, но и между ними. Доѣхавъ до моста, поѣздъ остановился и простоялъ довольно долго. Оказалось, что машинистъ, ссылаясь на то, что большевики повредили мостъ, не хотѣлъ ѣхать дальше. Много

времени прошло, пока его убѣдили въ отсутствіи риска и заставили продолжать путь. Только къ утру слѣдующаго дня мы свернули съ магистрали на Кіево-Полтавскій желѣзнодорожный путь и добрались до станціи, гдѣ и простояли нѣсколько часовъ. Не было ни дровъ, ни угля и сами пассажиры рыскали по разнымъ мѣстамъ въ поискахъ того и другого, чтобы обезпечить возможность проѣзда хотя бы до слѣдующей станціи. Впрочемъ, мы задерживались на станціяхъ не только по одной этой причинѣ. Кто велъ поѣздъ, кто считался главнымъ распорядителемъ, мы не знали. Но стоило намъ только остановиться на станціи, полустанкѣ, или среди поля, какъ раздавались ружейные и револьверные выстрѣлы и слышались отдаленные крики. Оказалось, что „начальство" поѣзда распорядилось вытаскивать изъ вагоновъ I и II класса всѣхъ жидовъ, изъ коихъ однихъ выбрасывали на полотно желѣзной дороги, другихъ же вѣшали или разстрѣливали. Даже въ эти моменты общаго бѣгства русскихъ людей, когда не только простонародье, но даже интеллигентные и высокопоставленные люди считали за счастье ѣхать въ теплушкахъ или прицѣпиться къ вагонамъ, сидя на буферахъ, жиды умудрялись занимать мѣста въ вагонахъ I и II класса и окружать себя возможнымъ, по условіямъ времени, комфортомъ. При всемъ томъ, однако, большинство русскихъ пассажировъ, находя распоряженіе начальства относительно евреевъ правильнымъ, возмущалось дикою расправою надъ ними, заступалось за нихъ и многимъ спасло жизнь. Даже въ эти моменты гибели Россіи и своей собственной, русскіе люди сохраняли свою удивительную незлобивость.

На ст. Г. подали новый составъ поѣзда, къ которому и прицѣпили нашу теплушку, и мы поѣхали быстрѣе. Я находился на разстояніи только 30 верстъ отъ нашего имѣнія и сердце разрывалось отъ боли за свою сестру, тамъ находившуюся... „Отчего бы ей не пріѣхать сюда, на станцію, думалъ я, всего только 30 верстъ, какихъ въ крайнемъ случаѣ можно было пройти даже пѣшкомъ, и мы бы могли ѣхать вмѣстѣ, дѣля вмѣстѣ горе"... И только тяжелый вздохъ былъ мнѣ отвѣтомъ... Сестра не рѣшалась ѣхать на неизвѣстное, я не могъ показаться въ имѣніи безъ того, чтобы не повредить ей...

Послѣ труднаго и томительнаго переѣзда, я прибылъ въ Харьковъ 14 Сентября. Мнѣ суждено было опытно пережить тѣ превратности судьбы, о которыхъ я зналъ только изъ сказокъ, пройти въ иномъ образѣ и при совершенно иныхъ условіяхъ тотъ самый путь, какой былъ еще такъ недавно пройденъ мною, въ мою бытность Товарищемъ Оберъ-Про-

курора Св. Синода, когда меня ждали на перронѣ власти и разнаго рода должностныя лица, устраивая торжественныя встрѣчи. Увы, вмѣсто вагона салона теперь была теплушка, вмѣсто придворной формы — жалкія лохмотья и я самъ имѣлъ потертый видъ измученнаго и изстрадавшагося бѣженца. Съ трудомъ протискиваясь чрезъ толпу, съ своими вещами, я коекакъ выбрался на площадь и, взявъ извозчика, приказалъ ему везти меня въ архіерейскій домъ, въ надеждѣ найти тамъ кого либо изъ моихъ знакомыхъ. Харьковской епархіей управлялъ тогда архіепископъ Георгій, б. Минскій, но я не зналъ этого. Его викаріями были епископы Ѳеодоръ Старобѣльскій и Митрофанъ Сумскій. Всѣ эти архипастыри знали меня и мой пріѣздъ не показался имъ неожиданнымъ. Напротивъ, архіепископъ Георгій и епископъ Ѳеодоръ, о которомъ я уже упоминалъ въ своемъ I-мъ томѣ, проявили ко мнѣ большое вниманіе и расположеніе, и пріютили меня въ архіерейскомъ домѣ, отведя свѣтлую и помѣстительную комнату, даря радушіемъ и гостепріимствомъ.

Всего два года тому назадъ я былъ въ Харьковѣ, но какъ измѣнился городъ за это время, какъ много друзей и знакомыхъ уже ушли изъ этого міра, подавленные ужасомъ происшедшаго!.. И я навѣщалъ только ихъ могилы, среди которыхъ наиболѣе близкой по воспоминаніямъ была могила Евгеніи Николаевны Гейцыгъ... Долго стоялъ я подлѣ этой могилы и какъ ни тягостно было сознаніе, что я уже не увижу болѣе своего друга, однако я зналъ, что ея смерть была для нея милостью Божіей, сохранившей ее отъ тѣхъ ужасовъ революціи, какія наступили тотчасъ же послѣ ея кончины...

Миръ праху Твоему, смиренная труженица, великая работница на нивѣ Господней!..

Я не предполагалъ оставаться въ Харьковѣ, а намѣренъ былъ ѣхать дальше по направленію къ Крыму. Путь былъ свободенъ и остановка была только за моимъ багажемъ, который еще не прибылъ въ Харьковъ. Въ теченіе почти мѣсяца я наводилъ о немъ справки, посылая безконечныя телеграммы въ разныя мѣста и учрежденія, но безуспѣшно. Между тѣмъ Деникинская армія двигалась впередъ, очистила уже Курскъ и Орелъ и недалеко уже было и до Москвы, гдѣ царила неимовѣрная паника, и большевики, съ Ленинымъ и Троцкимъ, готовились къ эвакуаціи въ Нижній Новгородъ.

Настроеніе было у всѣхъ приподнятое, всѣ жили надеждою на скорое избавленіе. Увы, такъ только казалось съ высоты птичьяго полета. Въ дѣйствительности же не только въ тылу, но и въ самой арміи царило разложеніе, шла пар-

тійная борьба, люди не знали за что они борются, Деникинъ не умѣлъ объединить ихъ единымъ лозунгомъ „за Царя", ибо и самъ не исповѣдывалъ его, а его помощники шли даже дальше и своимъ поведеніемъ дискредитировали и имя главнокомандующаго и все русское дѣло. Пребываніе генерала Май-Маевскаго въ Харьковѣ оставило неизгладимыя страницы только въ лѣтописяхъ харьковскихъ ресторановъ и увеселительныхъ мѣстъ и являлось сплошнымъ преступленіемъ по отношенію къ Россіи и русскимъ людямъ, и, какъ ни блестящи были побѣды на фронтѣ, но вдумчивые люди видѣли, что армія въ своемъ стремительномъ бѣгѣ впередъ, не закрѣпляла завоеванныхъ позицій, а оставляла ихъ на произволъ судьбы, или же для новаго захвата большевиками. И чѣмъ дальше откатывалась армія на сѣверъ, тѣмъ большая дезорганизація царила на югѣ. Вскорѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что путь изъ Харькова, по направленію къ Севастополю, отрѣзанъ, и я вынужденъ былъ измѣнить свой первоначальный маршрутъ. Приглашеніе моего друга, Статсъ-Секретаря Государственнаго Совѣта М. Н. Головина, очутившагося въ Ростовѣ и занимавшаго при такъ называемомъ „Особомъ Совѣщаніи", состоящемъ при Деникинѣ, какой то служебный постъ, заставило меня поѣхать въ Ростовъ. Я пробылъ въ Харьковѣ съ 14 Сентября по 28 Октября и прибылъ въ Ростовъ 29 Октября. Тамъ, въ „Особомъ Совѣщаніи", кромѣ М. Н. Головина, я засталъ почти всѣхъ своихъ прежнихъ сослуживцевъ по Государственной канцеляріи, во главѣ съ Статсъ-Секретаремъ С. В. Безобразовымъ, управлявшимъ канцеляріей Особаго Совѣщанія и имѣвшимъ своимъ помощникомъ А. А. Ладыженскаго, котораго называли ярымъ англоманомъ и убѣжденнымъ противникомъ нѣмецкой оріентаціи. Особое Совѣщаніе помѣщалось въ Московской гостиницѣ и всѣ служащіе жили тамъ съ своими женами и дѣтьми, вслѣдствіе чего канцелярія носила семейный характеръ и не была похожа на офиціальное учрежденіе. Я не знаю на чемъ основывалъ М. Н. Головинъ свои предположенія о возможности для меня получить при Особомъ Совѣщаніи какое либо служебное мѣсто. При видѣ состава этого Совѣщанія, гдѣ верховодили кадеты и прислужники кадетовъ, я убѣдился, что такая возможность абсолютно исключалась и что для меня тамъ не могло быть никакого мѣста.

И я снова очутился на распутьи, не зная куда идти и что дѣлать съ собою, пока не рѣшилъ возвращаться въ Харьковъ, съ тѣмъ чтобы провести зиму въ Святогорскомъ монастырѣ, куда меня манили прежнія воспоминанія и гдѣ жили еще великіе духовной жизнью старцы.

Незамѣтно прошла недѣля, въ теченіе которой я встрѣчался съ своими старыми знакомыми, занесенными бѣженской волною въ Ростовъ и не знавшими, подобно мнѣ, что съ собою дѣлать.

Я видѣлъ здѣсь родного по духу и настроенію камергера Н. В. Лотина и его семью, графа С. К. Ламздорфа-Галагана, П. П. Извольскаго, но чаще всего встрѣчался съ писателемъ Б. А. Лазаревскимъ, съ которымъ обѣдалъ въ одномъ ресторанѣ. Я зналъ Б. А. Лазаревскаго еще съ дѣтства, оба мы учились въ Коллегіи П. Галагана и Б. А. былъ старше меня на годъ или два, не помню, что, однако, не мѣшало ему, вопреки существующимъ въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ традиціямъ, находиться со мною, воспитанникомъ младшаго класса, въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Эти послѣднія выражались почти исключительно въ его письмахъ ко мнѣ, чрезвычайно длинныхъ, составившихъ объемистую тетрадь въ нѣсколько сотъ сраницъ, коими Б. А. дѣлился своими повседневными впечатлѣніями и старался провѣрять справедливость своихъ наблюденій и выводовъ. Насъ обоихъ называли „графоманами" и такая переписка нисколько насъ не тяготила. Но, кажется, ея единственнымъ положительнымъ результатомъ явилось только то, что она развивала технику письма...

Объ этой перепискѣ я и вспомнилъ при встрѣчѣ съ Б. А. Лазаревскимъ, котораго много лѣтъ не видѣлъ и съ которымъ, несмотря на то, что онъ также жилъ въ Петербургѣ, нигдѣ не встрѣчался.

„Неизвѣстно, что будетъ съ нами дальше и какъ сложится наша дальнѣйшая жизнь", сказалъ мнѣ Б. А., „давайте уговоримся, что тотъ изъ насъ, кто первый умретъ, долженъ явиться другому и сообщить о своей смерти"...

„Хорошо", отвѣтилъ я, „если не забуду и если такое право будетъ дано Богомъ"...

Вспоминаю объ этомъ разговорѣ для того, чтобы указать на тѣ противорѣчія въ области психики и убѣжденій, какія я замѣчалъ у Б. А. Лазаревскаго. Сынъ благородныхъ родителей, сынъ знаменитаго историка и ученаго А. М. Лазаревскаго, Борисъ Александровичъ точно не замѣчалъ того, какъ планомѣрно и настойчиво онъ отходилъ отъ родныхъ идеаловъ и завлекался въ совершенно чуждую духу его родовыхъ традицій сферу и мысли и дѣла. Въ его сознаніи, несомнѣнно, теплились еще небесныя искры, но онъ не только не культивировалъ ихъ, а, прельщенный славою писателя, незамѣтно угашалъ ихъ, точно не зналъ того, что писательская слава ни въ малѣйшей степени не зависитъ отъ писательскаго таланта, а покупается и продается жидами. Когда

печать всего міра въ рукахъ жидовъ, когда въ ихъ же обладаніи находятся всякаго рода книгоиздательства, тогда, вѣдь, такъ легко сдѣлаться знаменитостью... Въ самомъ худшемъ случаѣ стоитъ взять на себя одно лишь обязательство — замалчивать жида и не разоблачать его роли на землѣ... „А тамъ пиши себѣ что хочешь и какъ хочешь, славу обезпечимъ"... Но какая же цѣна такой славѣ въ предѣлахъ даже не вѣчности, а только времени?! А между тѣмъ, какъ много талантливыхъ людей, начиная съ гр. Л. Толстого, соблазнялись такой дешевой славой, какую цѣнили такъ дорого, что приносили ей въ жертву не только самихъ себя, но и Божескую правду...

Пробывъ недѣлю въ Ростовѣ, я выѣхалъ 8 Ноября обратно въ Харьковъ, съ намѣреніемъ провести зиму въ Святогорскомъ монастырѣ.

Удивленіе архіепископа Георгія, котораго я не успѣлъ предупредить о своемъ пріѣздѣ, было безгранично.

„Зачѣмъ Вы пріѣхали, какъ могли рѣшиться пріѣхать, когда мы всѣ бѣжимъ въ Ростовъ?! Развѣ Вы не знаете, что большевики уже подходятъ къ Харькову и не сегодня-завтра будутъ здѣсь? Намъ всѣмъ нужно сейчасъ же уѣзжать, пока еще есть время!"

Я ничего не зналъ. Правда, мнѣ было извѣстно, что Деникинская армія была отброшена обратно къ югу, однако же я не представлялъ себѣ, чтобы опасность была такъ велика и близка, тѣмъ болѣе, что въ „Особомъ Совѣщаніи" никто не допускалъ ее и пораженіе Деникина объяснялось лишь незначительной неудачей, какая будетъ скоро исправлена.

Я былъ тѣмъ болѣе озадаченъ, что очутился буквально на распутьи. Ѣхать въ Ростовъ, откуда я только что вернулся и гдѣ, очевидно, не могъ бы устроиться, казалось мнѣ невозможнымъ, оставаться же въ Харьковѣ тоже было нельзя. И въ этотъ моментъ мучительныхъ думъ и терзаній, Господь снова явилъ мнѣ милость, протянувъ Свою руку помощи.

Раздался звонокъ и въ переднюю вошелъ какой то человѣкъ, въ кожаной курткѣ и высокихъ сапогахъ, по виду большевикъ и просилъ послушника доложить о себѣ архіепископу, или мнѣ.

Передавая намъ его просьбу, послушникъ вполголоса замѣтилъ, что этотъ человѣкъ кажется ему сильно выпившимъ и не крѣпко держится на ногахъ. Тогда архіепископъ приказалъ выгнать его и отказался его принять.

Незнакомецъ, не настаивая на пріемѣ, однако остался въ передней и вступилъ въ бесѣду съ послушникомъ, коему назвалъ себя „дѣлопроизводителемъ митрополита Питирима" и

просилъ передать отъ митрополита привѣтъ и поклонъ архіепископу и мнѣ, а также приглашеніе пріѣхать въ Пятигорскъ, вблизи котораго, у подножія горы Бештау, былъ расположенъ Второ-Аѳонскій монастырь, коимъ въ скромной должности настоятеля управлялъ бывшій митрополитъ Петербургскій Высокопреосвященный Питиримъ.

„Скажите архіепископу и князю, что пріѣзжалъ отъ митрополита Питирима дѣлопроизводитель „Вячеславъ Александровичъ“ и что митрополитъ ждетъ князя въ Пятигорскѣ“, сказалъ онъ, прощаясь съ послушникомъ.

„Дивны дѣла Божіи“, только и могъ я сказать, выслушавъ послушника. Я былъ увѣренъ, что митрополитъ Питиримъ давно уже умеръ, какъ утверждали въ Кіевѣ, гдѣ даже служились по немъ панихиды въ Покровскомъ монастырѣ. Не зналъ и архіепископъ Георгій о томъ, что митрополитъ Питиримъ живъ и находится въ Пятигорскѣ, и оба мы пожалѣли, что не приняли „Вячеслава Александровича“ и не разспросили его о митрополитѣ.

Однако, это посѣщеніе явилось для меня той путеводной звѣздою, какая указывала дальнѣйшее направленіе моего пути. Предо мною стала вырисовываться перспектива провести зиму въ Ново-Аѳонскомъ монастырѣ на Кавказѣ, куда я собирался поѣхать, навѣстивъ предварительно митрополита Питирима въ Пятигорскѣ, и гдѣ разсчитывалъ встрѣтиться съ братомъ, который тоже туда собирался ѣхать вмѣстѣ съ семьей барона Штейнгеля.

Настроеніе въ Харьковѣ дѣлалось между тѣмъ все болѣе тревожнымъ и постепенно смѣнялось паникою, какая все болѣе увеличивалась по мѣрѣ проникновенія въ массы населенія ужасныхъ слуховъ. Гражданскія власти развивали колоссальную энергію по эвакуаціи города и только благодаря ихъ вниманію къ архіепископу, намъ удалось получить вагонъ I-го класса, а 12-го Ноября выѣхать изъ Харькова въ Ростовъ. Выѣхали архіепископъ Георгій, епископы Ѳеодоръ и Митрофанъ, архимандритъ Рафаилъ и нѣсколько священниковъ изъ бѣлаго духовенства. Всѣ они остались въ Новочеркасскѣ, я же поѣхалъ дальше, направляясь въ Пятигорскъ.

Поѣздъ прибылъ въ Ростовъ въ 12 часовъ ночи. Взваливъ свои вещи на плечи, я побрелъ въ городъ, въ надеждѣ найти гдѣ либо ночлегъ. Идти въ Московскую гостиницу, я не хотѣлъ, найти свободный номеръ въ другой гостиницѣ было немыслимо. Я сдѣлалъ попытку зайти къ однимъ изъ своихъ знакомыхъ, въ окнѣ у которыхъ свѣтился огонекъ... Я робко постучался въ дверь. Хозяинъ въ ужасѣ отшатнулся... „Бѣгите, бѣгите скорѣе, моя жена лежитъ въ тифѣ, не дай

Богъ заразитесь..." Я хотѣлъ вернуться на вокзалъ, но вспомнилъ грозный окрикъ какого то сторожа, запрещавшаго устраиваться на ночлегъ въ залѣ даже III-го класса... „Какія параллели", подумалъ я, рисуя себѣ картину моего пріѣзда въ Ростовъ въ Январѣ 1917 года. Такъ недавно были всѣ эти парады и торжественныя встрѣчи, царскія комнаты, а теперь гонятъ изъ залы III-го класса!

И снова взваливъ на плечи свой багажъ, я вышелъ на главную улицу, гдѣ кое гдѣ горѣли еще фонари, прислонился къ одному изъ нихъ и рѣшилъ пересидѣть такъ всю ночь. Все же надежда на ночлегъ не покидала меня, и я спрашивалъ каждаго прохожаго, гдѣ бы могъ найти пріютъ. Многіе проходили мимо меня, не обращая вниманія и принимая меня за бродягу или нищаго, другіе отвѣчали на мой вопросъ пожимая плечами, или указывая на абсолютную невозможность найти пріютъ, да еще въ такой поздній часъ. Наконецъ нашлась какая то добрая душа, которая не только указала мнѣ адресъ, но даже довела меня до одного дома, сказавъ, что тамъ живетъ одна очень благочестивая семья, всегда принимавшая странниковъ и никому не отказывавшая въ пріютѣ.

Не вспомню теперь фамиліи этой семьи, но помню то удивленіе, съ какимъ меня встрѣтили эти на рѣдкость добрые люди, почитавшіе моего брата и въ свое время чѣмъ то ему обязанные. Одного изъ сыновей этой семьи и я зналъ, встрѣчаясь съ нимъ у брата, въ Кіевѣ, въ бытность этого сына послушникомъ Глинской пустыни, а затѣмъ Кіево-Печерской Лавры. Съ тою любовію, съ какою могутъ встрѣтить только любящіе родители своего сына, приняли меня эти люди. Это были ростовскіе купцы, на рѣдкость богомольные, проникнутые великою вѣрою, одни изъ тѣхъ подлинно религіозныхъ православныхъ христіанъ, которые не только исповѣдывали вѣру словами, но и жили вѣрою и опирались на нее. Всѣ ихъ комнаты были буквально завѣшаны иконами, подлѣ которыхъ горѣли безчисленныя лампады, они отказывали себѣ въ насущномъ кускѣ хлѣба, но прежде всего покупали масло для лампадъ и разсказывали мнѣ о дивныхъ знаменіяхъ Божіихъ, свидѣтелями которыхъ они были. И дѣйствительно, нужно было удивляться тому, какимъ образомъ могли уцѣлѣть эти сотни иконъ въ ихъ домѣ при всякаго рода обыскахъ и облавахъ большевиковъ во дни ихъ владычества въ Ростовѣ. Я засталъ у нихъ въ домѣ нѣсколькихъ раньше неизвѣстныхъ имъ людей, подобно мнѣ нашедшихъ у нихъ пріютъ... Со всѣми они были ласковы и привѣтливы, всѣхъ кормили, указывая на то, что Господь повелѣваетъ питать странниковъ и что они выполняютъ только заповѣдь Божію.

Такъ какъ ихъ домъ былъ переполненъ, то они соорудили изъ стульевъ кровать, положили на нихъ матрацъ и даже перину, покрыли ее бѣлоснѣжнымъ бѣльемъ, накормили меня ужиномъ и уложили меня, славословя Бога.

И, вспоминая теперь объ этой семьѣ, я мысленно призываю на нихъ благословеніе Божіе за все то добро, какое они оказали и мнѣ и людямъ, находившимся тогда въ моемъ положеніи.

Пробывъ у нихъ весь слѣдующій день, я выѣхалъ 15 Ноября въ Пятигорскъ, направляясь къ митрополиту Питириму.

Наученный горькимъ опытомъ, я пришелъ на вокзалъ за нѣсколько часовъ до отхода поѣзда, надѣясь заранѣе занять себѣ мѣсто, и просидѣлъ эти часы на своихъ вещахъ, не двигаясь съ мѣста и зорко слѣдя за ними. Наконецъ, дверь на перронъ открылась и огромная толпа, никѣмъ не сдерживаемая, ринулась къ вагонамъ. У меня было 3 мѣста: дорожный несессеръ, вѣнской работы Вюрцла, въ чехлѣ, тамъ же пріобрѣтенный мѣшокъ, съ мѣдной ручкой и замкомъ, подлѣ котораго висѣли и два изящныхъ маленькихъ ключа, и портъ-пледъ. Кромѣ этого была еще палка и зонтикъ.

Обыкновенно, при своихъ передвиженіяхъ, я связывалъ мѣшокъ и несессеръ и носилъ ихъ на плечахъ, а портъ-пледъ держалъ въ рукѣ. На этотъ разъ, увидѣвъ носильщика, я до того ему обрадовался, что поручилъ ему нести мѣшокъ, разсчитывая притомъ, что ему скорѣе чѣмъ мнѣ удастся найти мѣсто въ вагонѣ. Въ мѣшкѣ было драповое пальто, купленное въ Берлинѣ на Унтеръ денъ-Линденъ, въ одномъ изъ самыхъ фешенебельныхъ магазиновъ, и все лучшее, что у меня осталось изъ платья и бѣлья и что не вошло въ чемоданъ, украденный по пути изъ Кіева въ Харьковъ. Быстро схвативъ мѣшокъ, носильщикъ еще быстрѣе убѣжалъ съ нимъ въ противуположную сторону и... скрылся. Опасаясь потерять мѣсто въ вагонѣ и изнемогая подъ тяжестью вещей, оставшихся у меня на рукахъ, я не могъ погнаться за нимъ и... мои послѣднія вещи погибли. Но этимъ еще не кончились мои испытанія въ пути. Въ Ростовѣ мнѣ удалось захватить верхнее мѣсто въ вагонѣ II-го класса и первую ночь я провелъ относительно благополучно. При пересадкѣ же на какой то узловой станціи, кажется Тихорѣцкой, или въ Минеральныхъ Водахъ, я очутился въ III-мъ классѣ и переѣздъ былъ настолько труденъ и утомителенъ, что я, кое какъ примостившись на лавкѣ и распаковавъ свой портъ-пледъ, мгновенно уснулъ, снявъ предварительно ботинки и поставивъ ихъ подъ лавку. Каковъ же былъ мой ужасъ, когда, подъѣзжая уже къ Пятигорску, я не нашелъ своихъ ботинокъ... Ночью кто то укралъ ихъ у меня.

Я былъ въ отчаяніи, ибо не могъ выйти изъ вагона. А между тѣмъ была уже зима, стояли морозы и вездѣ большіе сугробы снѣга.

Мое отчаяніе было такъ велико, что надо мною сжалились мои сосѣди по вагону и одинъ изъ нихъ успокоилъ меня тѣмъ, что на слѣдующей станціи доставитъ мнѣ пару сапогъ за 2.000 рублей, ибо имѣетъ тамъ сапожную лавку и торгуетъ обувью. Такъ это и случилось. Во время кратковременной остановки поѣзда, онъ выскочилъ на перронъ и въ одинъ мигъ принесъ мнѣ новую пару крестьянскихъ сапогъ, ужасныхъ по виду и не менѣе ужасныхъ по качеству. Подошвы были подбиты гвоздями, которые немилосердно рѣзали ногу... И однако мнѣ ничего не оставалось, какъ взять эти сапоги.

Наконецъ, я доѣхалъ до Пятигорска и, взявъ свои вещи, осторожно ступая, чтобы не причинять боли ногамъ, пошелъ въ Подворье Второ-Аѳонскаго монастыря, собираясь тотчасъ же ѣхать въ монастырь, расположенный у подошвы горы Бештау, къ митрополиту Питириму.

ГЛАВА 23.

Пятигорскъ. Подворье Второ-Аѳонскаго монастыря. Митрополитъ Питиримъ.

Трудно передать то впечатлѣніе, какое я испыталъ, когда впервые вошелъ въ маленькій домикъ, называвшійся „Подворьемъ Второ-Аѳонскаго монастыря“. Пріемный залъ Харьковскаго архіепископа былъ въ два раза больше этого домика. Въ одной комнатѣ помѣщалась крохотная церковь, на 15-20 человѣкъ, въ остальныхъ жила часть братіи монастыря, завѣдывающій Подворьемъ, очередной іеромонахъ и діаконъ. Тутъ же, какъ оказалось, жилъ и митрополитъ Питиримъ.

„Услышалъ же Господь мои молитвы, увидѣлъ мои слезы, прислалъ же Васъ сюда“, встрѣтилъ меня такими словами завѣдывающій Подворьемъ, „спасайте Владыку, погубятъ его здѣсь...“

„Кто, спросилъ я, разскажите мнѣ...“

„Обижаютъ Владыку, охъ какъ горько обижаютъ, а помощи ни откуда... Повѣрите ли, что даже рубаху съѣли насѣкомые и, если бы я не доглядѣлъ, да не далъ своей рубахи, то...“ И добрый іеромонахъ залился слезами... „Каждый день пьянство, чуть ни драки и все это подъ дверью Владыки, всѣ церковные доходы берутъ себѣ въ карманъ, представляютъ

невѣрные счета, грабятъ, обманываютъ... А что можетъ сдѣлать Владыка, коли ни на кого опереться не можетъ! Одинъ то „дѣлопроизводитель“ чего стоитъ...“

„Что же епископъ Макарій Владикавказскій*) не поможетъ“, спросилъ я.

„Отъ него вся бѣда и идетъ... Раньше онъ былъ викаріемъ митрополита Питирима, когда Владыка былъ архіепископомъ Владикавказскимъ, ну а теперь, когда митрополитъ подъ его начало попалъ, извѣстное дѣло, что получается... Начальникомъ себя держитъ, отъ митрополита получаетъ бумаги за подписью „нижайшій послушникъ“, такъ и смотритъ на него какъ на послушника...“

Изъ дальнѣйшаго выяснились такія ужасныя подробности жизни митрополита, не имѣвшаго средствъ даже на пропитаніе и жившаго буквально подаяніями прихожанъ, что я лично готовъ былъ видѣть въ фактѣ моего пріѣзда въ Пятигорскъ выраженіе промыслительныхъ путей Божіихъ. Не было не только хлѣба, но и дровъ для отопленія Подворья и Владыка мучился и отъ голода и отъ холода, живя въ Подворьи, какъ въ вертепѣ разбойниковъ.

Митрополиту уже успѣли доложить о моемъ пріѣздѣ и, нѣсколько мгновеній спустя, дверь въ смежную комнату раскрылась и на порогѣ появился Владыка. Дѣйствительно, безъ слезъ нельзя было смотрѣть на него.

Вмѣсто подрясника на немъ было старое, поношенное драповое пальто, надѣтое поверхъ пиджака, все это съ чужого плеча, лицо отражало глубокое страданіе, безысходное горе, растерянность, безпомощность... И тѣмъ не менѣе, митрополитъ старался бодриться, скрыть ту дѣйствительность, какую, конечно, нельзя было скрыть и какая была слишкомъ безжалостна къ нему.

„Вотъ, нашлись добрые люди, какіе подарили мнѣ, одинъ пальто, оно еще совсѣмъ хорошее, а другой старенькій пиджакъ... Все же не мерзну въ нихъ, а ряску берегу, одна только у меня осталась“...

Владыка искренно, по дѣтски, обрадовался моему прізду и, послѣ первыхъ привѣтствій, разсказалъ мнѣ о всѣхъ пережитыхъ имъ ужасахъ, добавляя всякій разъ: „если бы не моя мамочка, покойница, которая часто приходила ко мнѣ во снѣ и успокаивала меня, прося чтобы я не боялся, то я бы и не пережилъ всего, что свалилось на мою голову“.

---

*) Еп. Макарій Владикавказскій впослѣдствіи „объявилъ себя коммунистомъ, завелъ гаремъ, сталъ кутить и безобразничать открыто и цинично“ (Нов. Вр. 8 Сент. 1924 г., № 710). См. гл. 41 „Гоненія на Церковь“.

„Когда совѣсть спокойна, продолжалъ митрополитъ, тогда ничего не страшно. Хотя я и по природѣ всегда былъ робкимъ человѣкомъ, а злые люди сдѣлали меня еще боязливѣе, хотя я и зналъ, что меня травили всѣ, кто только могъ и хотѣлъ, но въ первые моменты революціи я даже не допускалъ мысли, чтобы надо мною могутъ такъ жестоко, такъ обидно надругаться, и оставался въ покояхъ Александро-Невской Лавры, не принимая никакихъ мѣръ къ самозащитѣ... Да и какія я могъ принимать мѣры!.. Мнѣ казалось, что мы, все же, жили въ культурномъ государствѣ и что самыя нелѣпыя и дикія выходки Керенскаго будутъ выливаться въ допустимую форму. Но скоро мнѣ пришлось убѣдиться, что Керенскій самъ былъ игрушкой въ рукахъ озвѣрѣвшей толпы и что всѣ его дѣйствія были въ сущности продиктованы страхомъ предъ этой толпою, желаніемъ угодить ей въ цѣляхъ собственной самозащиты. Онъ взялся за власть, не имѣя даже азбучнаго представленія о томъ, какъ управлять ею, а при этихъ условіяхъ, вѣдь, можно было ожидать всего. Чуть ли не въ первый день революціи, 27 или 28 Февраля, въ мои покои ворвалась пьяная толпа солдатъ и объявила, что должна обыскать мои помѣщенія, чтобы удостовѣриться, нѣтъ ли тамъ оружія. „Это у митрополита-то!" сказалъ Владыка улыбнувшись. Повторяя заученныя фразы, солдаты даже не разбирались въ томъ, насколько такое заданіе было умѣстно въ отношеніи митрополита, не могущаго имѣть въ своихъ покояхъ никакого оружія... Обыскавъ все помѣщеніе, перерывъ вещи и, можетъ быть, унеся съ собою какія либо цѣнности, солдаты ушли, а на смѣну имъ вскорѣ пришли другіе съ тѣмъ, чтобы арестовать меня и увезти, по приказу Керенскаго, въ Думу. Меня грубо схватили, усадили въ автомобиль и повезли по Невскому проспекту среди разъяренной толпы, готовой каждую минуту растерзать меня... Что я пережилъ, одному только Богу извѣстно... Толпа была такъ велика, что автомобиль едва двигался... Толпа бушевала, слышались выстрѣлы... Въ этотъ моментъ, одинъ изъ преступниковъ вскочилъ на подножку автомобиля и, схвативъ меня за рукавъ рясы, силился вытащить меня изъ автомобиля. Между нимъ и сопровождавшимъ меня конвоемъ завязалась борьба, и неизвѣстно, чѣмъ бы она кончилась, если бы преступникъ не былъ сраженъ пулей, попавшей ему въ ротъ и замертво не свалился на мостовую. Шофферъ воспользовался минутнымъ замѣшательствомъ толпы и, какъ стрѣла, помчался впередъ, сворачивая то вправо, то влѣво, пока не доставилъ меня въ Думу. Тамъ меня встрѣтилъ Керенскій, который продержалъ меня въ положеніи арестованнаго 4 часа въ Думѣ, послѣ чего

объявилъ, что я долженъ уѣхать изъ Петербурга и что онъ предоставляетъ мнѣ свободу выбора мѣста.

Какъ я вернулся обратно въ Лавру, почему остался живъ, а не сдѣлался жертвой обезумѣвшей толпы, какая съ каждымъ днемъ становилась все болѣе страшной, я не знаю и, слава Богу, не помню уже подробностей пережитаго кошмара. Знаю лишь, что по возвращеніи изъ Думы, я уничтожилъ всѣ свои драгоцѣнныя бумаги, письма моей дорогой мамочки, письма Государя и Императрицы, Высочайшіе грамоты и рескрипты и многія другія цѣнности. Все было слишкомъ дорого для того, чтобы я могъ покидать ихъ на неизвѣстное, а хранить у себя я боялся... Наскоро собравшись, я, въ первыхъ числахъ Марта 1917 года, и пріѣхалъ сюда, гдѣ вотъ и живу, по милости Божіей", закончилъ митрополитъ, умолчавъ о тѣхъ ужасахъ, какіе были пережиты имъ въ 1918 году, когда въ Пятигорскѣ владычествовали большевики, разстрѣлявшіе нѣсколько сотъ мирныхъ жителей, въ томъ числѣ б. министра юстиціи Н. Добровольскаго, генерала Радко-Дмитріева, князей Шаховскихъ, Урусовыхъ и др.

Объ этомъ мнѣ сообщилъ завѣдывающій Подворьемъ іеромонахъ, подчеркнувшій, что, если Пятигорскъ не былъ окончательно вырѣзанъ большевиками, то обязанъ только молитвенному заступленію митрополита Питирима.

„Что у насъ творилось здѣсь, такъ и вообразить себѣ невозможно, разсказывалъ іеромонахъ. Не было дома, не забрызганнаго кровью, которая такъ и лилась ручьями по улицамъ. Хватали каждаго прохожаго на улицахъ и тутъ же разстрѣливали... А сюда вѣдь понаѣзжало много господъ, все больше князья, да генералы, тутъ ихъ всѣхъ и поймали, да посадили въ чрезвычайку и долго мучили, а затѣмъ связавъ имъ руки за спину, повели на кладбище, гдѣ и зарубили шашками, закопавъ полуживыми въ ямѣ.

А къ намъ то въ Подворье никто изъ нехристовъ даже не заглянулъ, точно боялась нечистая сила святого нашего Владыку. А вѣдь онъ то у нихъ на глазахъ былъ, ни предъ кѣмъ не таился, никуда не скрывался, а цѣлодневно пребывалъ въ храмѣ, да слезно молился... И много, много слезъ проливалъ невинно оклеветанный страдалецъ Владыка-митрополитъ, и эти слезы и залили пожаръ и не дали ему разгорѣться... Скоро большевиковъ прогнали, по праведнымъ молитвамъ Владыки... Тутъ и потянулись къ намъ въ Подворье всѣ, кто остался живъ и воздали великую славу Владыкѣ; приношеніями добрыхъ людей мы и кормились, да и теперь кое-какъ держимся... Обѣднѣлъ приходъ, само населеніе, до чиста ограбленное, стало нищимъ и болѣзнуетъ отъ ску-

дости, а другой помощи ни откуда нѣтъ... Грѣхъ великій взяли прочіе Владыки, забывъ митрополита и забросивъ его сюда, какъ и взаправду преступника, а про то, дай Богъ всякому ему уподобиться".

Трогательна была любовь этого простого іеромонаха къ митрополиту Питириму, этого единственнаго вѣрнаго и преданнаго человѣка въ Подворьи и, пользуясь его указаніями, я горячо принялся хлопотать объ облегченіи условій жизни митрополита, положеніе котораго было дѣйствительно ужаснымъ... Нужна была только свойственная митрополиту кротость, абсолютная нетребовательность и непритязательность, быть можетъ и усталость, чтобы не падать подъ тяжестью этихъ условій и крѣпиться. Я бросался во всѣ мѣста, куда было можно и откуда я ждалъ помощи, но скоро убѣдился, что мои хлопоты безполезны. Главнокомандующій войсками Сѣвернаго Кавказа, генералъ Эрдели вовсе меня не принялъ и я добился пріема только у его жены Маріи Александровны, рожденной Кузминской, да и то, вѣроятно, только потому, что былъ знакомъ съ нею въ бытность свою студентомъ, встрѣчаясь съ нею въ Кіевѣ, гдѣ ея отецъ былъ Старшимъ Предсѣдателемъ Кіевской Судебной Палаты. Тогда она была привѣтливой барышней, а сейчасъ предстала предо мною въ образѣ высокопревосходительной генеральши и проявила много дурного тона дѣланностью, искусственностью движеній и неискренностью. Къ личности и положенію митрополита она не обнаружила ни малѣйшаго участія и не сдѣлала ни одного жеста въ его сторону хотя бы изъ вѣжливости, оставивъ мнѣ самое непріятное впечатлѣніе отъ визита. Тогда я бросился въ канцелярію Главнокомандующаго, въ составѣ которой находились мои прежніе сослуживцы по Государственной канцеляріи баронъ Бюллеръ и фонъ-Фельдманъ, изъ коихъ послѣдній былъ даже правителемъ этой канцеляріи. Ихъ участіе выразилось только въ визитѣ къ митрополиту, при чемъ оба въ ужасѣ отшатнулись, переступивъ порогъ келліи митрополита, но никакой помощи Владыкѣ они не оказали, а только лишній разъ убѣдили меня въ томъ, что имя митрополита Питирима безвозвратно скомпрометировано въ глазахъ знавшихъ его по Петербургу и что можно разсчитывать только на помощь со стороны мѣстныхъ жителей, для которыхъ митрополитъ являлся новымъ человѣкомъ. Но эта послѣдняя помощь могла выразиться только въ кускѣ хлѣба и никакой другой помощи они не могли бы оказать митрополиту.

Митрополитъ Питиримъ, конечно, чувствовалъ истинное отношеніе къ себѣ со стороны Главнокомандующаго генерала

Эрдели и пришлой интеллигенціи, но, стоя неизмѣримо выше своихъ недоброжелателей, не только не огорчался такимъ отношеніемъ, а даже шутилъ, разсказывая о томъ, какъ его сердобольные прихожане, обиженные отношеніемъ властей къ митрополиту, дали ему совѣтъ перемѣнить имя, принявъ схиму.

„Есть же на свѣтѣ добрыя души, сказалъ мнѣ митрополитъ смѣясь, подумайте только, какъ хорошо бы звучало „схи-митрополитъ Павелъ“, никто бы и не подумалъ о томъ, что подъ этой схимой скрывается прославленный, или вѣрнѣе, обезславленный митрополитъ Питиримъ“.

„Особенно, если бы приняли схиму здѣсь же, въ Подворьи и остались бы въ Пятигорскѣ“, отвѣтилъ я.

„А въ другой разъ было еще лучше, продолжалъ митрополитъ, одинъ изъ монаховъ прочиталъ въ газетѣ какой то пасквиль на меня, и не понявъ статьи, прибѣжалъ ко мнѣ радостный и сіяющій и, держа газету въ рукахъ сказалъ мнѣ: „посмотрите, Владыка святый, не всѣ дерзаютъ причинять Вамъ скорби, есть и понимающіе, вотъ газета пишетъ, дозвольте показать, что „имя митрополита Питирима станетъ историческимъ“. Можетъ и въ самомъ дѣлѣ было бы лучше прикрыть такое историческое имя схимой“, сказалъ митрополитъ, и мы оба разсмѣялись.

Утѣшался митрополитъ только отношеніемъ къ нему мѣстныхъ жителей, изъ коихъ каждый старался чѣмъ либо доказать свою любовь къ нему. Все это были простые, добрые, богобоязненные люди, но всѣ были такъ бѣдны, что страдали отъ сознанія невозможности создать митрополиту лучшія условія жизни, ибо и сами жили впроголодь. Встрѣтился я въ Пятигорскѣ и съ бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія, членомъ Государственнаго Совѣта, Петромъ Михайловичемъ фонъ-Кауфманомъ-Туркестанскимъ, надѣясь чрезъ его посредство привлечь къ митрополиту участіе со стороны мѣстныхъ властей, но и это не удалось мнѣ.

П. М. фонъ-Кауфманъ-Туркестанскій также былъ невысокаго мнѣнія о митрополитѣ и уклонялся отъ свиданія съ нимъ и, только послѣ моихъ настояній, согласился его посѣтить. Убѣжденіе, что митрополитъ былъ не только ставленникомъ Распутина, но и его другомъ, раздѣлялось П. М. фонъ-Кауфманомъ-Туркестанскимъ наравнѣ съ прочими обывателями столицы и поколебать это убѣжденіе было трудно. Впрочемъ, послѣ одного изъ свиданій съ митрополитомъ, П. М. фонъ-Кауфманъ-Туркестанскій, какъ мнѣ казалось, измѣнилъ свое мнѣніе.

Мнѣ памятно это свиданіе.

Войдя въ Подворье, Петръ Михайловичъ былъ пораженъ нищенской обстановкой окружавшей митрополита. Владыка занималъ маленькую проходную комнату, гдѣ стояла желѣзная, рыночная кровать на изогнутыхъ ножкахъ, шкафъ, комодъ и маленькій столъ, за которымъ, съ трудомъ, могли помѣститься только три человѣка. Это была и спальня, и пріемная, и столовая и кабинетъ Владыки. Съ одной стороны къ ней примыкала комната завѣдывающаго Подворьемъ, а съ другой моя комната, бывшая раньше спальней Владыки, какую митрополитъ уступилъ мнѣ. Эта послѣдняя была еще меньше и настолько узка, что въ ней могла помѣститься лишь кровать и не было мѣста для стола и стульевъ. Митрополитъ привѣтливо встрѣтилъ гостя и между ними завязалась бесѣда о причинахъ, приведшихъ Россію къ гибели, при чемъ Петръ Михайловичъ отводилъ замѣтное мѣсто Распутину и очень недвусмысленно намекалъ и на роль митрополита Питирима. Изъ дальнѣйшаго выяснилось, что, будучи главноуполномоченнымъ Краснаго Креста, Петръ Михайловичъ былъ очень близокъ къ Государю и пользовался исключительнымъ довѣріемъ и расположеніемъ Его Величества, часто бывалъ въ Ставкѣ, но что Императрица не благоволила къ нему и онъ долженъ былъ, въ концѣ концовъ, покинуть свой постъ.

Развивая свою мысль о вредномъ вліяніи Распутина, Петръ Михайловичъ, въ заключеніе, сказалъ, что съ этимъ вліяніемъ мало боролись и находилъ, что митрополитъ Петербургскій также долженъ былъ считать себя обязаннымъ бороться съ этимъ вліяніемъ, вмѣсто того, чтобы усиливать его.

Владыка все время молчалъ. Когда же Петръ Михайловичъ кончилъ, то митрополитъ Питиримъ сказалъ:

„Вотъ Вы подчеркивали свою близость къ Государю, говорили, что бывали у Его Величества даже безъ вызова, по Вашему личному почину, почему же Вы не раскрыли глаза Государя на Распутина... Кромѣ Васъ были и другіе близкіе, былъ протопресвитеръ Шавельскій, который по цѣлымъ днямъ и каждый день находился въ общеніи съ Государемъ... Почему же онъ не сдѣлалъ такой попытки, почему всѣ сваливаютъ отвѣтственность только на одного митрополита Петербургскаго... Знаете ли вы, сколько разъ видѣлъ митрополитъ Петербургскій Государя за время своего пребыванія на столичной каѳедрѣ?!

Только четыре раза, и при томъ, по десять минутъ каждый разъ...

То время, когда въ строительствѣ государственномъ, или, хотя бы въ указаніи вѣрныхъ линій государственной жизни принимали участіе іерархи Церкви, давно уже прошло, поли-

тику давно уже дѣлаютъ другіе люди и государственная жизнь протекаетъ по такому руслу, гдѣ рѣдко встрѣчается съ Церковью... Это явленіе находятъ печальнымъ не только іерархи...

Когда же Императрица, ясно отдававшая Себѣ отчетъ въ этомъ явленіи, приглашала Петербургскаго митрополита для бесѣдъ на общія церковно-государственныя темы, тогда общество стало обвинять митрополита въ вмѣшательствѣ въ политику и находить, что единственной дозволенной темою разговора митрополита съ Царемъ и Царицей могъ быть только Распутинъ.

Митрополитъ Петербургскій сдѣлалъ больше, чѣмъ все общество, забросавшее его тяжкими обвиненіями. Онъ не побоялся клеветы, онъ принималъ у себя Распутина, старался смягчать его вліяніе, обезвреживать, и я долженъ сказать, что, хотя авторитетъ Распутина въ глазахъ Государя и Государыни и дѣйствительно былъ высокъ, но Распутинъ не пользовался своимъ авторитетомъ для преступныхъ цѣлей и самые ярые его враги не въ состояніи будутъ указать ни одного преднамѣреннаго преступнаго дѣянія съ его стороны. Если бы его имя не сдѣлалось мишенью для обстрѣла монархіи, то онъ сошелъ бы со сцены такъ же, какъ сошли со сцены и его предшественники. Нужно было замалчивать это имя такъ же, какъ въ свое время, замалчивалось имя графа Эйленбурга въ Германіи, а не раздувать его славу, все равно добрую или худую, ибо обѣ были одинаково вредны и для государства опасны.

Все это хорошо сознавали всѣ, но всѣ боялись прослыть „распутинцами" и тѣмъ громче кричали о преступленіяхъ Распутина, чѣмъ больше желали отмежеваться отъ него и не запятнать своей репутаціи... А въ чемъ выражались конкретныя преступленія Распутина, этого никто не могъ сказать и когда я объ этомъ спрашивалъ, то никто не могъ мнѣ отвѣтить, а отдѣлывался лишь общими фразами... Не Распутинъ погубилъ Россію, а Ставка и Дума, но туда никто не заглядывалъ... Мнѣ больше всѣхъ доставалось изъ за Распутина, я страдалъ изъ за этого имени больше чѣмъ другіе, ибо мною пользовались дурные люди, играя именемъ Распутина. И я скажу, что эти дурные люди были хуже Распутина. Добросовѣстный глупецъ всегда менѣе опасенъ, чѣмъ недобросовѣстный умный. Говорили, что Распутинъ смѣняетъ и назначаетъ министровъ. Можетъ быть и была доля правды въ томъ, что онъ рекомендовалъ Государю того, или другого министра... И однако же, этотъ ужасный человѣкъ, имя котораго прогремѣло на весь свѣтъ какъ синонимъ зла, который, якобы,

вызывалъ революцію, этотъ самый человѣкъ не рекомендовалъ Государю ни одного изъ тѣхъ лицъ, которые смѣнили „распутинскихъ ставленниковъ“ и образовали Временное Правительство, погубившее Россію. И ужъ во всякомъ случаѣ, Распутинъ любилъ Царя и Россію больше, чѣмъ эти преступники... Да, это былъ болѣзненный наростъ на государственномъ организмѣ и было бы лучше, если бы его не было, однако видѣть въ Распутинѣ главное зло въ жизни Россіи за послѣдніе годы, значитъ не знать ни исторіи, ни психологіи революціи, на страницахъ которой имя Распутина даже не упоминалось.

Что же касается того, что митрополитъ Петербургскій не возставалъ противъ увлеченія Государя и Государыни именемъ Распутина, то этотъ вопросъ разсматривался совсѣмъ не въ той плоскости, на которой бы можно было найти отвѣты на него. Важно не то, кто возставалъ, а кто не возставалъ, а важно то, что общество утратило пониманіе религіозной сущности Самодержавія и стремилось подчинять волю Монарха своей волѣ... Помазанникъ Божій есть орудіе воли Божіей, а эта воля не всегда угодна людямъ, но *всегда* полезна. Народовластіе же *всегда* гибельно, ибо Богу было угодно постановить, чтобы не паства управляла пастыремъ, а пастырь паствой. Тамъ, гдѣ этотъ принципъ нарушается, наступаютъ послѣдствія гораздо болѣе горькія и опасныя, чѣмъ все то, что признается ошибками, или неправильными дѣйствіями пастыря. Пастырь отвѣтственъ предъ Богомъ, народовластіе же всегда безотвѣтственно, есть грѣхъ, бунтъ противъ Божескихъ установленій...“

Рѣчь митрополита Питирима лилась ровно, плавно и гладко и, любуясь его умными глазами, отражавшими такъ много мысли и столько страданій, я въ то же время слѣдилъ за тѣмъ впечатлѣніемъ, какое производили слова митрополита на П. М. фонъ-Кауфмана-Туркестанскаго. Я видѣлъ, какъ слабѣли позиціи Петра Михайловича и какъ онъ, будучи человѣкомъ искреннимъ, чуждымъ особенностей, отличавшихъ предвзятыхъ людей, постепенно располагался къ митрополиту, готовый отказаться отъ своихъ прежнихъ мнѣній и предположеній. Я искренно раздѣлялъ основныя точки зрѣнія митрополита, и не только раздѣлялъ, но и исповѣдывалъ *принципъ неприкосновенности Монарха*, противъ чего особенно яростно возставали іерархи, находившіе, что и Царь, какъ таковой, отвѣтственъ за свои дѣйствія и поступки предъ „народомъ“, иначе предъ „церковью“, еще иначе предъ „патріархомъ“, какой снился каждому изъ нихъ. Отвѣтственъ, но отвѣтственъ только предъ Господомъ Богомъ, и самое невѣрное дѣйствіе

или неправильный шагъ Царя дастъ въ результатѣ меньшее зло, чѣмъ неповиновеніе Царю, какими бы побужденіями ни вызывалось. И митрополитъ Питиримъ это понималъ и былъ однимъ изъ тѣхъ, кто имѣлъ мужество не только такъ думать, но и исповѣдывать свои убѣжденія.

Измѣнилъ ли П. М. фонъ-Кауфманъ-Туркестанскій свой взглядъ на митрополита Питирима, я не знаю, но у меня получилось впечатлѣніе, что онъ простился съ митрополитомъ сердечнѣе, чѣмъ встрѣтился и ушелъ поколебленнымъ въ своихъ убѣжденіяхъ.

Болѣе всѣхъ скорбѣлъ объ участи митрополита Питирима нѣмецкій пасторъ, жившій въ Пятигорскѣ. И когда, движимый благодарностью за участіе къ митрополиту, я навѣстилъ его, то онъ сказалъ мнѣ буквально слѣдующее:

„Извините меня за откровенность, если я скажу, что только въ Россіи возможно такое отношеніе къ архипастырю. Вѣдь и преступникамъ въ тюрьмахъ даютъ два раза въ недѣлю смѣну бѣлья, а ваша гражданская и церковная власть допускаютъ, чтобы на митрополитѣ истлѣла рубаха отъ насѣкомыхъ и онъ голодаетъ, живя въ помѣщеніи, какое отапливается разъ въ недѣлю и, при томъ, въ томъ городѣ, гдѣ сосредоточены солдатскія казармы, имѣющія все въ изобиліи... Какой позоръ для вашихъ іерарховъ, какое преступленіе со стороны военной власти Пятигорска!.. Я имѣю паству въ 114 человѣкъ, но посмотрите, какъ я живу... Этотъ домикъ при церкви содержится прихожанами, не имѣющими никакой поддержки со стороны мѣстныхъ властей, и я не чувствую никакихъ лишеній даже въ настоящее трудное время, когда и моя паства терпитъ ихъ... Вашъ же митрополитъ живетъ въ такихъ ужасныхъ условіяхъ, что къ нему нельзя зайти безъ опасенія заразы... Вѣдь это не только пренебреженіе къ сану, но и жестокосердіе, пренебреженіе къ человѣку...“

Такъ говорилъ нѣмецкій пасторъ, не знавшій даже подробностей положенія въ какомъ находился митрополитъ...

Помощи ни откуда не было и ожидать ее было невозможно. И въ поискахъ выхода изъ положенія, я испросилъ у митрополита Питирима позволеніе стать у свѣчного ящика и вести денежную отчетность... Результаты сказались мгновенно. Недѣльная выручка, съ этого момента, оказалась почти въ десять разъ большей, чѣмъ въ предыдущее время. Владыка сталъ лично вести кассовую книгу, а я каждый вечеръ отдавалъ митрополиту ежедневную выручку и мы вмѣстѣ дѣлали подсчетъ. Чтобы не сдѣлать ошибки, я воздержусь отъ обозначенія цыфры, однако разница съ предыдущими цыфрами была до того велика, что митрополитъ даже заподозрилъ

меня въ томъ, что я добавляю выручку своими деньгами. Достаточно сказать, что недѣльная выручка превышала мѣсячную за предыдущее время... Нужно ли говорить, что отъ этого получилось... Подворье настолько возненавидѣло меня, что старалось всячески добиться моего отъѣзда изъ Пятигорска и пьяный „дѣлопроизводитель" особенно усиленно домогался этого, вооружая противъ меня митрополита... Мнѣ смѣшно вспомнить, что митрополитъ не только не имѣлъ силы отвергнуть съ негодованіемъ эти нашептыванія, но... временами, повидимому, даже проникался ими, оставаясь неисправимымъ и поддаваясь вліяніямъ. Были моменты, когда я готовъ былъ покинуть Владыку и только убѣжденіе, что его погубятъ окружающіе и горячія просьбы завѣдывающаго Подворьемъ не покидать его, заставляли меня терпѣливо переносить капризы этого большого ребенка, какимъ, въ моихъ глазахъ, всегда былъ митрополитъ Питиримъ.

„И какъ Вы можете, вообще, принимать и разговаривать съ этимъ типомъ, именующимъ себя Вашимъ дѣлопроизводителемъ", спорилъ я часто съ митрополитомъ, „онъ создаетъ Вамъ такую дурную славу своимъ поведеніемъ, пьянствомъ и разгульной жизнью, что только осложняетъ Ваше положеніе... Вы бы запретили ему, хотя бы, именоваться Вашимъ дѣлопроизводителемъ... Кто далъ ему такое право и что же онъ „производитъ", если у Васъ и канцеляріи нѣтъ и дѣлъ никакихъ нѣтъ, а отписку и переписку Вы сами ведете..."

„Не будьте строги къ нему, отвѣчалъ митрополитъ, это погибшій, спившійся человѣкъ, можетъ быть его разговоры со мною это его единственная радость и утѣшеніе, зачѣмъ же лишать его и этого?! А выслушать человѣка не значитъ еще исполнить то, чего онъ проситъ, или на что указываетъ..."

„Да, но послушайте, что онъ говоритъ обо мнѣ... Онъ распускаетъ слухи, что я сталъ за свѣчной ящикъ для того, чтобы брать выручку себѣ въ карманъ, онъ говоритъ, что я пріѣхалъ сюда, чтобы обобрать Васъ, онъ, наконецъ, въ пьяномъ видѣ грозилъ, что убьетъ меня... И я думаю, что онъ, дѣйствительно, на это способенъ, ибо я сталъ ему на дорогѣ и онъ не можетъ красть теперь церковныхъ денегъ..."

„Такова уже участь всѣхъ меня окружающихъ, отвѣтилъ митрополитъ, стоитъ только ближе подойти ко мнѣ, такъ того сейчасъ же и забросаютъ грязью... Мнѣ тоже уже передавали о его угрозахъ и я очень безпокоюсь за Васъ, можетъ быть и дѣйствительно было бы лучше Вамъ уѣхать, а я уже какъ нибудь доживу здѣсь до смерти..."

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на митрополита, и сказалъ:

„Для Васъ будетъ хуже, если я уѣду, лучше уволить „дѣлопроизводителя“, о чемъ Васъ молитъ и вся братія“.

Однако, посмотрѣвъ на Владыку, я прочиталъ на его лицѣ такое страданіе и безпомощность, такую готовность и впредь подвергаться эксплоатаціи со стороны дурныхъ людей, лишь бы не сдѣлать по отношеніи къ нимъ ни одного рѣзкаго шага, что уже не поднималъ больше этого вопроса...

Убѣдившись въ невозможности избавиться отъ моего контроля, хитрый „дѣлопроизводитель“ повелъ интригу съ другого конца и, ссылаясь на приближеніе большевиковъ, сталъ убѣждать митрополита какъ можно скорѣе уѣхать изъ Пятигорска и до того подчинилъ своему вліянію митрополита, что Владыка велъ съ нимъ переговоры объ отъѣздѣ въ полной тайнѣ отъ меня... Для меня было совершенно очевидно, что онъ имѣлъ въ виду разлучить меня съ митрополитомъ, чтобы эксплоатировать послѣдняго на новомъ мѣстѣ, однако мнѣ стоило большихъ трудовъ разубѣдить митрополита въ этомъ, и Владыка долго колебался прежде чѣмъ рѣшился, по моему настоянію, отвергнуть его услуги.

Тѣмъ не менѣе, атмосфера сгущалась и я видѣлъ, что дальнѣйшее мое пребываніе въ Подворьи становится все болѣе труднымъ. Удерживало меня въ Пятигорскѣ только сознаніе долга въ отношеніи митрополита и неотступныя просьбы и мольбы завѣдывающаго Подворьемъ іеромонаха, буквально ни на одинъ часъ не разлучавшаго меня съ митрополитомъ и не подпускавшаго къ нему „дѣлопроизводителя“. Личное же самочувствіе мое было тяжелымъ. Для меня было ясно, что даже независимо отъ угрозы, создававшейся приближеніемъ большевиковъ, митрополитъ не могъ бы оставаться въ Пятигорскѣ, а долженъ былъ бы уѣхать, пока было еще можно, куда либо въ другое мѣсто. Сознавалъ это и митрополитъ, мечтавшій объ Аѳонѣ, и мы долгими вечерами обсуждали на всѣ лады способы какъ туда добраться. Въ результатѣ, дѣлопроизводитель вызвался ѣхать въ Новороссійскъ для хлопотъ о заграничномъ паспортѣ, гдѣ и застрялъ и откуда уже болѣе не возвращался. Въ этотъ моментъ пріѣхалъ изъ Кисловодска настоятель одного изъ мѣстныхъ храмовъ, бывшій секретарь Курской Духовной Консисторіи, въ бытность митрополита Питирима Курскимъ архіепископомъ, и усиленно убѣждалъ Владыку переѣхать въ Кисловодскъ. Я ухватился за эту мысль и на другой день лично съѣздилъ въ Кисловодскъ, чтобы ознакомившись съ условіями, сообщить митрополиту свои впечатлѣнія и рѣшить этотъ вопросъ. Въ Кисловодскѣ въ то время проживала Великая Княгиня Марія Павловна, съ сыномъ Андреемъ Владиміровичемъ, княгиня З. Н. Юсупова,

встрѣтился я тамъ и съ Г-жею Раичъ, вдовою убитаго большевиками Члена Кіевской Судебной Палаты, жившей у своей дочери, съ графомъ Сергіемъ Константиновичемъ Ламздорфъ-Галаганомъ и мн. др. Но никому изъ нихъ не было дѣла до митрополита Питирима, никто не только не интересовался имъ, но почти всѣ обнаруживали къ Владыкѣ открытую непріязнь.

Я вернулся въ Пятигорскъ удрученный полученными впечатлѣніями и сознавалъ, что переѣздъ митрополита въ Кисловодскъ причинилъ бы Владыкѣ только лишнія страданія. Одинъ только генералъ А. Д. Нечволодовъ проявилъ участіе и сердечность къ митрополиту и ко мнѣ и оказался не зараженнымъ ядомъ царившей вокругъ нашихъ именъ злостной клеветы, и я съ признательностью вспоминаю эту свою встрѣчу съ нимъ, такъ горячо отзывавшемся объ Ихъ Величествахъ, такъ глубоко понимавшимъ Ихъ.

Между тѣмъ, большевики все ближе и ближе приближались къ намъ. Харьковъ былъ уже давно взятъ ими и создавалась угроза Ростову, гдѣ царила неимовѣрная паника. Каждый день я ходилъ на вокзалъ, гдѣ была вывѣшена карта военныхъ дѣйствій, и я видѣлъ какъ каждый день линія фронта опускалась все ниже и ниже и подходила уже къ Ростову. Въ связи съ этимъ росли и слухи одинъ ужаснѣе другого. Однако канцелярія Командующаго войсками Сѣвернаго Кавказа упорно ихъ опровергала и Пятигорскъ понемногу успокаивался. Не придавалъ и я лично особаго значенія распространяемымъ слухамъ, а затѣмъ и совершенно успокоился, когда получилъ изъ Ростова письмо, помѣченное 4-мъ Декабря, такого содержанія:

„... Желая использовать въ интересахъ Особой Комиссіи Вашъ опытъ и знанія въ вопросахъ Церкви, я спѣшу Васъ увѣдомить, что на дняхъ мною командирована въ Терско-Дагестанскій Край подкомиссія подъ предсѣдательствомъ члена Комиссіи Владиміра Степановича М. Принимая во вниманіе, что въ настоящее время, въ связи съ положеніемъ на фронтѣ, исключается возможность расширенія существующаго состава Особой Комиссіи, возникаетъ вопросъ, не пожелаете ли Вы присоединиться къ работамъ Особой Комиссіи въ качествѣ Временнаго ея Члена, съ оплатою Вашего труда примѣнительно къ содержанію, положенному по штатамъ постояннымъ членамъ Комиссіи согласно IV классу должности и съ возмѣщеніемъ путевыхъ расходовъ. Если Вы рѣшитесь принять это предложеніе, то Вамъ надлежитъ въ возможной скорости проѣхать въ Владикавказъ, гдѣ Вы отъ Прокурора Окружнаго Суда можете узнать о мѣстѣ пребыванія Терско-Дагестанской

Подкомиссіи и, въ частности, В. С. М., которому я написалъ о порученіи Вамъ разслѣдованія по вопросамъ гоненія большевиковъ на Православную Церковь въ Терско-Дагестанскомъ Краѣ. О Вашемъ рѣшеніи будьте любезны сообщить мнѣ въ Ростовъ, Никольская, 75".

Письмо Предсѣдателя Комиссіи г. М. явилось для меня полной неожиданностью и порадовало меня столько же перспективою принять участіе въ работахъ чрезвычайно важнаго значенія, сколько и перспективою заработка, однако радость была кратковременной. Я отвѣтилъ благодарностью за предложеніе, охотно его принялъ, тѣмъ болѣе, что мои отлучки на короткіе сроки не причиняли бы осложненій и въ положеніи митрополита Питирима, заботу о которомъ я считалъ своимъ долгомъ, и собирался уже выѣхать въ Владикавказъ, какъ вдругъ дверь въ мою келлію открылась и въ нее вошелъ В. С. М., сообщившій мнѣ, что надобность въ поѣздкѣ въ Владикавказъ отпадаетъ въ виду осложненій на фронтѣ. Я ограничился, посему, лишь разслѣдованіемъ преступленій большевиковъ въ отношеніи Церкви, совершенныхъ ими въ самомъ Пятигорскѣ и его окрестностяхъ. Не могу не вспомнить о проявленномъ мѣстой интеллигенціей малодушіи при производимыхъ мною допросахъ. Большинство откровенно заявляло, что знаетъ очень много, ибо было свидѣтелемъ всѣхъ злодѣяній большевиковъ, однако не рѣшается давать подробныхъ свѣдѣній, а тѣмъ болѣе подписывать протоколы разслѣдованія, изъ опасенія мести со стороны большевиковъ, которые могутъ снова овладѣть Пятигорскомъ. Доводы были резонные и я ограничился только собраніемъ матеріаловъ, скрѣпивъ протоколы своею личной подписью, съ тѣмъ, чтобы препроводить ихъ Предсѣдателю Комиссіи. Предстояла поѣздка въ Бургустанъ, но она уже не могла состояться въ виду крайне тревожнаго положенія въ Пятигорскѣ, не позволявшаго мнѣ покинуть митрополита Питирима. Однако слухи о паденіи Ростова оказались и на этотъ разъ невѣрными и жизнь снова вошла въ свою колею.

Въ глубокомъ одиночествѣ митрополитъ Питиримъ и я коротали долгіе зимніе вечера въ бесѣдахъ другъ съ другомъ. Я узналъ, что въ Пятигорскѣ, вмѣстѣ съ митрополитомъ Питиримомъ проживалъ нѣкоторое время и бывшій Оберъ-Прокуроръ Св. Синода Раевъ, уѣхавшій потомъ въ Армавиръ или въ Ставрополь, гдѣ онъ и скончался. Онъ старался помогать Владыкѣ, пѣлъ на клиросѣ, но все-же, не вынесъ условій окружавшей митрополита обстановки и уѣхалъ изъ Пятигорска. Я воспользовался горькой жалобою митрополита на то, что его всѣ покинули и что онъ никому болѣе не нуженъ, и

спросилъ Владыку о его бывшемъ секретарѣ Иванѣ Зиновьевичѣ Осипенкѣ, извѣстномъ подъ именемъ „Вани“, о которомъ въ свое время говорилось такъ много дурного и сочинялись легенды, порочащія даже имя митрополита.

Я хотѣлъ выяснить, кромѣ того, и личное отношеніе митрополита къ этимъ легендамъ, ибо зналъ о нихъ только по слухамъ, но никогда не разспрашивалъ о нихъ митрополита.

„Развѣ не грѣхъ, что онъ, котораго Вы такъ любили, бросилъ Васъ“, сказалъ я митрополиту.

„Нѣтъ, нѣтъ, встрепенулся Владыка, онъ не могъ со мною ѣхать, онъ не измѣнилъ мнѣ, онъ всегда былъ мнѣ преданъ...“

Хороша преданность, подумалъ я, вспоминая, съ какою нѣжною, отеческою любовію относился митрополитъ къ нему и какою черною неблагодарностью тотъ отплатилъ Владыкѣ за любовь...

„Разскажите мнѣ о немъ, сказалъ я митрополиту, объ Иванѣ Зиновьевичѣ ходило столько сплетенъ... Откуда онъ, давно ли Вы его знаете, правда ли, что онъ былъ Вашимъ келейникомъ, а потомъ сдѣлался секретаремъ...“

„Нѣтъ, отвѣтилъ митрополитъ, келейникомъ Ваня никогда не былъ, онъ былъ пѣвчимъ въ архіерейскомъ хорѣ. Это круглый сирота, безъ отца и матери, кто то изъ родныхъ, или знакомыхъ его опредѣлилъ Ваню въ хоръ, а потомъ и бросилъ его... Послѣ спѣвокъ, или церковныхъ службъ, его товарищи и разойдутся къ себѣ по домамъ, кто къ родителямъ, кто къ роднымъ, а Ванѣ некуда было дѣваться, я и пожалѣлъ сироту и пріютилъ его. У него былъ хорошій голосъ, мнѣ хотѣлось помочь ему выбиться на дорогу, я и заставилъ его брать уроки пѣнія и оплачивалъ эти уроки. Такъ, время шло, Ваня привязался ко мнѣ и не хотѣлъ отходить отъ меня. Куда шла иголка, туда тянулась за ней и нитка. Съ годами голосъ его пропалъ, нужно было подыскать ему другое занятіе, я и пристроилъ его къ своей канцеляріи.

О, какъ строги къ намъ, монахамъ, міряне!.. У нихъ семьи, у нихъ дѣти, которыхъ они любятъ, которыхъ ласкаютъ и утѣшаются ихъ любовью и никто ихъ не осуждаетъ за это... А за нами зорко слѣдятъ, мы точно въ одиночномъ заключеніи, можемъ имѣть общеніе съ людьми только на разстояніи... Но вѣдь и мы люди, и у насъ есть сердце, къ которому, иной разъ, хочется прижать ребенка, когда онъ тянется къ намъ, утѣшиться его лаской, залюбоваться его чистотою. За что же я долженъ былъ гнать отъ себя Ваню, когда онъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза и держался за меня обѣими руками, не имѣя никого кто былъ бы къ нему близокъ?..

За то, что его называли моимъ сыномъ и напрасно обижали, за то, что приписывали ему преступленія, которыхъ онъ не совершалъ?!.. Если бы Вы знали, какъ иногда тяжело было дышать этой атмосферой лжи и неправды, этого внѣшняго низкопоклонства и раболѣпства, гдѣ было такъ мало искренности, гдѣ отовсюду вѣяло такимъ холодомъ, какъ хотѣлось перемѣны, какъ стремилась душа къ общенію съ невинностью и чистотою, какъ бѣжала навстрѣчу дѣтской, неиспорченной душѣ...

Но тысячи глазъ слѣдятъ за нами, монахами, намъ отказываютъ даже въ проявленіяхъ этого природнаго, естественнаго чувства къ дѣтямъ, вездѣ усматриваютъ грязь, пошлость, преступленія... Отъ насъ всѣ требуютъ всего, но намъ ничего не даютъ, никто не удосужится заглянуть въ наши души, чтобы увидѣть, что и мы, монахи, страдаемъ, иногда отъ одиночества, что и мы дорожимъ близкимъ человѣкомъ, если находимъ его, что иногда наши келейники являются самыми близкими къ намъ людьми, нашей опорою, нашими единственными вѣрными друзьями..."

Глубоко вздохнувъ, митрополитъ всталъ со стула, подошелъ къ комоду и началъ рыться въ ящикахъ.

„Вотъ вещи Вани, пара золотыхъ часовъ, это все его богатство, прощаясь со мною, онъ отдалъ ихъ мнѣ, чтобы, въ случаѣ нужды, я бы могъ продать ихъ"...

Онъ все еще вѣрилъ Ивану Зиновьевичу, не хотѣлъ допускать, что сталъ ему больше не нуженъ, какъ и всѣмъ прочимъ, оставившимъ его, не хотѣлъ разувѣриться въ людяхъ...

„Какъ презрѣнно человѣчество, сказалъ я митрополиту... Сегодня мы въ славѣ и почетѣ и насъ окружаютъ, ищутъ нашего расположенія, счастливы нашимъ вниманіемъ, восхищаются нашими достоинствами, льстятъ, приписываютъ намъ то, чего и не было, въ каждомъ движеніи, въ каждомъ нашемъ жестѣ усматриваютъ поводъ возвеличить насъ, а завтра мы впали въ несчастіе и... всѣ наши друзья, какъ очумленные, разбѣгаются во всѣ стороны, отрекаются отъ насъ, забрасываютъ насъ грязью... А мы, наивные, вѣрили имъ"...

„Потому, что любили себя, отвѣтилъ митрополитъ, потому, что любили славу и почетъ... Нѣтъ, не будемъ ихъ осуждать, наша жизнь за гробомъ, а тамъ наши здѣшніе враги окажутся намъ полезнѣе, чѣмъ здѣшніе друзья... Не было бы враговъ, не было бы и смиренія, а смиреніе — и безъ дѣлъ спасеніе"...

Наступили праздники Рождества Христова.

Маленькая церковь наполнилась прихожанами.

Митрополитъ служилъ. Трудно передать то впечатлѣніе, какое охватывало меня всякій разъ, когда я переступалъ порогъ этой церкви, такъ напоминавшей ветхую часовеньку, затерявшуюся въ захолустьи, въ деревенской глуши. Та же бѣдная, громоздкая церковная утварь, тѣ же лубочнаго письма иконы въ неуклюжихъ кіотахъ, тѣ же поношенныя, полинявшія облаченія, тѣ же два пѣвчихъ на клиросѣ — понамарь и діаконъ... Вездѣ пыль, вездѣ отпечатокъ нерадѣнія, косности, неуваженія къ святынѣ... Я не сводилъ глазъ съ митрополита и слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ и сердце сжималось отъ боли при видѣ того несоотвѣтствія, какое рождалось между митрополитомъ и обстановкой его окружавшей. И какимъ суровымъ обвиненіемъ прозвучали въ моемъ сознаніи упреки тѣмъ, кто допустилъ такое несоотвѣтствіе. Этотъ убогій храмъ на 20 человѣкъ, эти изломанные, согнутые, кривые ставники и покрытые тряпками аналои, эти тяжелые канделябры, вмѣсто дикирія и трикирія, скуфейка вмѣсто митры, удушливый запахъ перегорѣлой бумаги, вмѣсто ладана, — все это производило удручающее впечатлѣніе.

Но тѣмъ бо́льшимъ контрастомъ на этомъ фонѣ явилось служеніе митрополита Питирима... Впрочемъ, едва ли можно говорить о впечатлѣніи отъ церковной службы тамъ, гдѣ эта служба преображаетъ молящихся, гдѣ окамененное нечувствіе сердца растворяется слезами умиленія, гдѣ встрѣчаются съ моментами такого душевнаго подъема, какіе, точно противъ воли, очищаютъ грѣховную скверну и дѣлаютъ человѣка лучше. Тогда некогда замѣчать впечатлѣніе, тогда исчезаетъ внѣшнее и живетъ только одна мысль о чрезвычайной виновности предъ Богомъ, о неисчислимости своихъ грѣховъ, о необходимости всемѣрно поспѣшить съ покаяніемъ, пока Господь еще не позвалъ на судъ Свой, пока еще далъ время очиститься...

Митрополитъ Питиримъ совершалъ Божественную литургію такъ дивно, такъ благоговѣйно, съ такимъ высокимъ подъемомъ религіознаго чувства, съ такимъ проникновеннымъ пониманіемъ сущности Евхаристической Жертвы, что уносилъ съ собою на небо всѣхъ молящихся вмѣстѣ съ нимъ...

Но вотъ кончилась литургія... Митрополитъ вышелъ на амвонъ и обратился къ молящимся съ проповѣдью. Онъ говорилъ о Рождествѣ Христовомъ, о Виѳлеемскихъ ясляхъ, о смиреніи, какъ основѣ всякаго подвига и величайшей движущей силѣ, и эта проповѣдь была такъ удивительна, явилась выраженіемъ такихъ страданій, лично пережитыхъ и переживаемыхъ, была соткана изъ такого живого матеріала, такъ болѣзненно обнажала незажитыя еще раны, что произвела

потрясающее впечатлѣніе и заглушалась громкими рыданіями молящихся въ храмѣ. Плакалъ и митрополитъ.

Эта проповѣдь явилась и лебединою пѣснью Владыки.

Ни раньше, ни послѣ я такихъ проповѣдей не слышалъ. Да и невозможно было услышать, ибо такъ говорить могъ только страдалецъ, сгибавшійся подъ тяжкимъ бременемъ выпавшихъ испытаній, могъ говорить только митрополитъ Питиримъ, ставшій жертвою человѣческой злобы, страдавшій и изнемогавшій и все же сохранившій свою пламенную вѣру и заражавшій ею другихъ.

Слухи о приближеніи большевиковъ, между тѣмъ, увеличивались и настроеніе Пятигорска становилось все болѣе нервнымъ. Я ежедневно ходилъ за справками въ канцелярію Главнокомандующаго, ходатайствуя за митрополита, но меня всякій разъ успокаивали, говоря, что слухи вздорны и умышленно распространяются злонамѣренными людьми, и что въ случаѣ дѣйствительной опасности, митрополиту Питириму будетъ предоставлена возможность выѣхать изъ Пятигорска, одновременно съ властями. А 30-го Декабря я получилъ отъ „Личнаго адъютанта Командующаго войсками Сѣвернаго Кавказа“ даже записку такого содержанія:

„По приказанію Командующаго войсками сообщаю Вамъ, что мѣры къ эвакуаціи Владыки будутъ приняты и Владыка о времени и способѣ эвакуаціи будетъ поставленъ въ извѣстность.“

Въ дѣйствительности же вздорными оказались всѣ эти обѣщанія.

Ростовъ палъ, большевики спускались на югъ, было несомнѣнно, что малѣйшее промедленіе рискованно, ибо, послѣ занятія большевиками любой узловой станціи, Пятигорскъ оказался бы отрѣзаннымъ и никакая эвакуація невозможна. Это сознавали и власти, и эвакуація Пятигорска была въ самомъ разгарѣ, длинные обозы, нагруженные всякаго рода имуществомъ, тянулись по улицамъ въ неизвѣстномъ направленіи, еще болѣе увеличивая панику населенія, а объ участи митрополита никто и не думалъ. Выѣхать изъ Пятигорска было возможно только экстреннымъ поѣздомъ, ибо желѣзнодорожное сообщеніе было прервано, поѣзда ходили нерегулярно, десятки тысячъ народа запрудили не только вокзалъ, но и предвокзальную площадь, и цѣлыми днями и недѣлями ожидали прибывающихъ изъ Кисловодска переполненныхъ поѣздовъ... Было невозможно добраться даже до зданія вокзала...

Посылаемые мною на развѣдки возвращались, говоря, что выѣхать невозможно, что сотни людей расположились

въ полѣ и при видѣ приближавшагося поѣзда, бросались навстрѣчу, цѣпляясь на ходу за подножки вагоновъ и пробираясь на крышу, что нѣтъ никакой возможности проникнуть въ переполненные вагоны и что митрополитъ ни въ коемъ случаѣ не перенесъ бы такого переѣзда, если бы чудомъ Божіимъ и проникъ въ вагонъ.

Однако оставаться въ Пятигорскѣ, въ атмосферѣ всеобщей паники и ужаса, оказалось тоже невозможнымъ.

31 Декабря 1919 г., въ 9-10 часовъ вечера, подъѣхали къ Подворью дроги, для перевозки кирпича... Съ трудомъ помѣстились на нихъ митрополитъ и я. Стояла кромѣшная тьма. Монахъ, съ фонаремъ шелъ впереди показывать дорогу, другой велъ подъ уздцы лошадь. За дрогами, и по сторонамъ шли прихожане Владыки, человѣкъ около 20-ти и громко плакали. Мы ѣхали къ вокзалу, не зная ни того, пришелъ ли поѣздъ, придетъ ли онъ вообще и, если придетъ, то когда, ни того, возможно ли намъ будетъ проникнуть въ вагонъ... Мы безраздѣльно отдавали себя водительству Промысла Божія, вручали себя Его святой волѣ... И чудо Господне совершилось...

При видѣ митрополита, толпа почтительно разступилась и Владыка прошелъ на перронъ... Въ этотъ моментъ подошелъ поѣздъ и на площадкѣ одного изъ вагоновъ Владыка увидѣлъ знакомаго кондуктора, усерднаго почитателя Владыки... При видѣ митрополита, кондукторъ мгновенно соскочилъ съ площадки, и, взявъ Владыку на руки, буквально внесъ митрополита въ вагонъ, предоставивъ возможность не только мнѣ, но и нѣкоторымъ провожавшимъ Владыку прихожанамъ, слѣдовать за нимъ. Какъ только мы вошли въ вагонъ и размѣстили свои вещи, кондукторъ далъ свистокъ и поѣздъ тронулся по пути къ Минеральнымъ Водамъ. Тамъ должна была произойти пересадка, чтобы слѣдовать по направленію въ Екатеринодаръ, а затѣмъ въ Новороссійскъ, откуда митрополитъ, вмѣстѣ со мною, собирался ѣхать на Аѳонъ.

Приближаясь къ станціи „Минеральныя Воды", мы шли навстрѣчу большевикамъ и настроеніе наше становилось тѣмъ болѣе нервнымъ, что мы не знали, застанемъ ли на станціи поѣздъ, или намъ придется цѣлыми днями выжидать его, расположившись, подобно прочимъ бѣженцамъ, на станціи... Эта перспектива тѣмъ болѣе пугала меня, что и у митрополита и у меня были ограниченныя средства и, кромѣ того, Владыка чувствовалъ себя очень плохо и съ трудомъ переносилъ путешествіе въ переполненномъ вагонѣ III-го класса, жалуясь на повышенную температуру и лихорадочное состояніе.

Но Милосердному Господу Богу было угодно и здѣсь явить намъ Свое разительное чудо, вызвавшее у провожавшихъ насъ даже слезы умиленія... На станціи „Минеральныя Воды“ не оказалось ни одного человѣка, а у перрона стоялъ поѣздъ направлявшійся въ Екатеринодаръ, точно ожидавшій митрополита...

И что всего удивительнѣе, вагоны были почти пустые и ѣдущихъ было мало. Однако, кондукторъ этого поѣзда оказался настолько грубымъ, что не пропустилъ митрополита ни въ І-й, ни во ІІ-й классъ, и мы вынуждены были помѣститься въ ІІІ-емъ классѣ, переполненномъ солдатами, и, при томъ въ вагонѣ, гдѣ всѣ окна были выбиты. Невыразимо тяжела была разлука съ провожавшими митрополита, ѣхавшими съ Владыкой до самой станціи „Минеральныя Воды“. Все это были мѣстные жители Пятигорска, горячо полюбившіе митрополита и любимые имъ, его канонархъ, ипподіаконъ, псаломщикъ... Тяжело было видѣть эту молодежь, какая плакала навзрыдъ, зная, что прощалась съ митрополитомъ навѣки и больше его не увидитъ. Тяжело было и намъ покидать этихъ на рѣдкость хорошихъ людей, природныхъ кавказцевъ, честныхъ, прямыхъ и благородныхъ, оставляя ихъ на произволъ судьбы, быть можетъ на растерзаніе большевикамъ.

Поѣздъ тронулся. Въ переполненномъ солдатами вагонѣ было душно и до того накурено, что митрополитъ не могъ оставаться и просилъ меня подыскать другое помѣщеніе. Я прошелъ въ сосѣднее отдѣленіе и удивился, что тамъ никого не было. Оказалось, что тамъ были разбиты окна и никто не рѣшался тамъ оставаться. Тѣмъ не менѣе митрополитъ предпочелъ перейти туда и, укрывшись рясою, скоро заснулъ на деревянной лавкѣ.

Я сидѣлъ подлѣ Владыки не сводя съ него глазъ, мысленно благодаря Бога, такъ чудесно вырвавшаго насъ изъ Пятигорска.

Такъ кончился 1919 годъ. Новый 1920 годъ засталъ насъ уже въ Екатеринодарѣ, куда мы благополучно прибыли 1-го Января.

1920 годъ.

ГЛАВА 24.

Екатеринодаръ. Кончина Митрополита Питирима.

Точно по неисповѣдимымъ путямъ Промысла Божія мнѣ пришлось обойти въ образѣ униженнаго и опозореннаго революціей почти всѣ тѣ мѣста, гдѣ до революціи, всего два года тому назадъ, меня встрѣчали со славою и почетомъ... Точно какая то глубокая мысль заключалась въ этомъ испытаніи, такъ ярко подчеркивавшемъ всю тщету и бренность человѣческой славы.

Еще бóльшій контрастъ между прошедшимъ и настоящимъ испытывалъ митрополитъ Питиримъ, и между тѣмъ никогда еще подлинное величіе его души не обнаруживалось болѣе ярко, чѣмъ на этомъ фонѣ позора и униженій, человѣческой злобы и предательства, никогда еще его истинное смиреніе, кротость и незлобивость не выливались въ болѣе трогательныхъ формахъ...

Утромъ 1-го Января мы прибыли въ Екатеринодаръ.

На предвокзальной площади толпился народъ, извозчиковъ, конечно, не было, они давно стали буржуазными предразсудками, пролетаріату они не были нужны, а оставшаяся въ живыхъ недорѣзанная интеллигенція обнищала и не могла ими пользоваться, и извозчики, какъ то сами по себѣ, исчезли вездѣ, гдѣ были раньше. Въ нѣкоторомъ отдаленіи стоялъ только ломовикъ... Сейчасъ профессія ломовика являлась наиболѣе выгодной и они выручали колоссальныя деньги, были грубы и нахальны. Я съ трудомъ сторговался съ нимъ за проѣздъ въ архіерейскій домъ, стоявшій почти по-сосѣдству съ вокзаломъ, на разстояніи нѣсколькихъ минутъ ѣзды, будучи вынужденъ уплатить ломовику 250 рублей. Сѣвъ на дроги спиною другъ къ другу и свѣсивъ ноги, мы кое-какъ доѣхали, усталые и измученные отъ безсонно проведенной ночи.

Кубанской епархіей управлялъ, какъ оказалось, митрополитъ Кіевскій Антоній и я былъ нѣсколько разочарованъ, не встрѣтивъ епископа Кубанскаго Преосвященнаго Іоанна. Зато вмѣсто него я встрѣтился съ цѣлымъ сонмомъ съѣхавшихся въ Екатеринодаръ изъ разныхъ мѣстъ іерарховъ, среди которыхъ были архіепископъ Евлогій Волынскій, архіепископъ Георгій Харьковскій, со своими викаріями, епископами Ѳеодо-

ромъ и Митрофаномъ, епископъ Гавріилъ Челябинскій, епископъ Аполлинарій Бѣлгородскій, архимандритъ Александръ (Иноземцевъ) и масса священниковъ изъ разныхъ епархій. По мѣрѣ наступленія большевиковъ, всѣ они переправлялись съ великими трудностями на югъ, двигались туда, куда ихъ бросала бѣженская волна, не имѣли предъ собою никакихъ опредѣленныхъ цѣлей и программъ, не знали, гдѣ будутъ завтра. Не скажу, чтобы мое появленіе вмѣстѣ съ митрополитомъ Питиримомъ, къ которому большинство іерарховъ находилось въ оппозиціи, было бы кстати. Я лично находился не въ лучшемъ положеніи, также имѣя въ средѣ этихъ іерарховъ и своихъ недоброжелателей. Но мы оба и не думали задерживаться въ Екатеринодарѣ и даже не разсчитывали на пріютъ въ архіерейскомъ домѣ, а мечтали объ Аѳонѣ, предполагая пробыть въ Екатеринодарѣ только время, потребное для полученія заграничнаго паспорта.

Митрополитъ Антоній встрѣтилъ насъ, все-же, любезно и даже уступилъ свою комнату митрополиту Питириму, а меня помѣстилъ въ смежной комнатѣ, на диванѣ. Изъ дальнѣйшаго выяснилось, что всѣ іерархи уже давно проживали въ Екатеринодарѣ и не только запаслись заграничными паспортами для проѣзда въ Сербію, но заручились даже отдѣльнымъ вагономъ, который долженъ былъ довезти ихъ до Новороссійска, гдѣ ихъ ожидалъ уже пароходъ „Иртышъ“, принадлежавшій какому то русско-сербскому обществу, и что ихъ отъѣздъ изъ Екатеринодара былъ назначенъ на сегодня, въ день нашего пріѣзда. 1-го же Января они и уѣхали. Остался только епископъ Ѳеодоръ Старобѣльскій, заболѣвшій сыпнымъ тифомъ и лежавшій безъ сознанія въ одной изъ больницъ. Вскорѣ онъ скончался... Его отпѣвали въ заколоченномъ гробу митрополитъ Антоній и епископъ Сергій и похоронили на погостѣ стоявшей по сосѣдству съ больницей церкви. Еще однимъ хорошимъ человѣкомъ стало меньше, еще тоскливѣе становилось на душѣ... Горячими слезами заливалась убитая горемъ сестра почившаго Владыки...

Горько мы пожалѣли, что пріѣхали съ опозданіемъ, еще обиднѣе было сознаніе, что никто не вспомнилъ о митрополитѣ Питиримѣ, но дѣлать было нечего и я немедленно принялся за хлопоты о заграничныхъ паспортахъ для митрополита и для себя. Между тѣмъ, митрополитъ Питиримъ сталъ понемногу оживать и поправляться и былъ безконечно счастливъ, что вырвался изъ кошмарныхъ условій жизни Пятигорскаго Подворья.

Появлялись въ архіерейскомъ домѣ и другія лица и, между ними неожиданно протопресвитеръ Шавельскій. Ми-

трополитъ Антоній точно растерялся и просилъ меня и митрополита Питирима не показываться ему на глаза, ссылаясь на крайнее недоброжелательство, какое питалъ о. Шавельскій къ митрополиту и ко мнѣ. Я не зналъ, чему удивляться, этому ли предупредительному жесту, или тѣмъ своеобразнымъ формамъ отношеній, какія существовали между митрополитомъ Антоніемъ и протопресвитеромъ Шавельскимъ и какія скрывали ихъ взаимную ненависть подъ покровомъ удвоенной любезности.

Г. И. Шавельскій часто заходилъ къ митрополиту Антонію и въ архіерейскомъ домѣ устраивались какія то засѣданія. Встрѣтился я и съ редакторомъ издаваемыхъ при Св. Синодѣ „Церковныхъ Вѣдомостей" проф. П. Остроумовымъ, однимъ изъ наиболѣе ярыхъ моихъ недоброжелателей въ мою бытность Товарищемъ Оберъ-Прокурора... Находясь у разбитаго корыта, и онъ, подобно многимъ другимъ, показался мнѣ инымъ, чѣмъ былъ раньше. То, чего не могли сдѣлать слова, то сдѣлала революція, переубѣдившая многихъ и переставившая прежнія точки зрѣнія...

Съ каждымъ днемъ пребываніе въ Екатеринодарѣ становилось все болѣе томительнымъ, между тѣмъ хлопоты о заграничномъ паспортѣ затягивались... Требовался не только паспортъ, но и соотвѣтствующія визы, не говоря уже о спеціальномъ разрѣшеніи со стороны Генеральнаго Штаба, создававшаго чрезвычайныя затрудненія къ выѣзду заграницу, въ виду постоянныхъ мобилизацій, связанныхъ съ призывомъ на военную службу лицъ всякаго возраста... Тутъ мнѣ пришелъ на помощь митрополитъ Антоній, выдавшій мнѣ удостовѣреніе о командировкѣ меня „Высшимъ Церковнымъ Управленіемъ на Юго-Востокѣ Россіи" въ Святую землю по дѣламъ Русской Палестинской Духовной Миссіи, въ помощь командированному туда же епископу Сумскому Преосвященному Митрофану, не владѣвшему иностранными языками.

Благодаря этому свидѣтельству, ближайшія препятствія были устранены и я получилъ какъ паспортъ, такъ и нужныя визы. Однако использовать свое право выѣзда заграницу я могъ только по спеціальному разрѣшенію генерала Лукомскаго, пребывавшаго въ Новороссійскѣ, и, потому, собираясь туда ѣхать, былъ вынужденъ запастись еще спеціальнымъ письмомъ митрополита Антонія. Желѣзнодорожное сообщеніе было уже повсюду разрушено, поѣзда ходили не регулярно, нужно было выжидать случая и ежедневно ходить на вокзалъ за справками. Въ эти дни томительнаго ожиданія выѣзда, къ митрополиту Антонію пріѣхали два мальчика, воспитанники какого то кадетскаго корпуса, прибывшіе съ фронта и напра-

влявшіеся въ Новороссійскъ съ тѣмъ, чтобы оттуда ѣхать въ Одессу. Они съ увлеченіемъ разсказывали о своихъ подвигахъ, величались георгіевскими медалями, говорили, что въ распоряженіи одного изъ нихъ имѣется даже отдѣльный вагонъ, и на предложеніе митрополита Антонія взять меня съ собою, согласились съ какой то особой охотой, радостью и поспѣшной готовностью окружить меня самымъ трогательнымъ вниманіемъ. Насталъ такимъ образомъ день, дававшій мнѣ возможность выѣхать изъ Екатеринодара, и я поспѣшилъ сказать объ этомъ митрополиту Питириму, вмѣстѣ съ которымъ собирался ѣхать на Аѳонъ. Каково же было мое удивленіе, когда митрополитъ Питиримъ заявилъ мнѣ, что измѣнилъ свои первоначальныя предположенія ѣхать на Аѳонъ и предпочитаетъ оставаться въ Екатеринодарѣ. Чувствовалъ ли себя Владыка окрѣпшимъ и не рѣшался подвергать себя риску, пускаясь въ неизвѣстное, предчувствовалъ ли свою близкую кончину, — не знаю, но только рѣшеніе остаться въ Екатеринодарѣ, было, повидимому, твердымъ и я не рѣшился настаивать на поѣздкѣ, тѣмъ болѣе, что и самъ не имѣлъ увѣренности въ томъ, насколько Аѳонъ оправдаетъ наши ожиданія и будетъ ли тамъ лучше, чѣмъ въ Екатеринодарѣ, гдѣ Владыка жилъ подъ покровомъ митрополита Антонія, окруженный его вниманіемъ и заботами.

Какъ ни ясно было сознаніе исполненнаго долга въ отношеніи къ митрополиту Питириму, какъ ни велико было убѣжденіе въ его безопасности и въ томъ, что окруженный вниманіемъ и заботами митрополита Антонія, Владыка Питиримъ не останется одинокимъ, а встрѣтитъ и помощь и поддержку, однако мнѣ было тяжело разставаться съ нимъ, тяжело было покидать этого немощнаго, робкаго, безгранично добраго и благороднаго друга.

Мы долго прощались и митрополитъ Питиримъ много разъ повторялъ свою горячую просьбу перевезти его тѣло, въ случаѣ смерти, въ Прибалтійскій Край и похоронить рядомъ съ могилой его матери.

Владыка точно предчувствовалъ свою близкую кончину...

Истощенный пережитыми испытаніями, нѣжный организмъ Владыки, быстро окрѣпшій въ первые дни пріѣзда въ Екатеринодаръ, сталъ медленно и постепенно чахнуть, и 21-го Февраля митрополитъ Питиримъ мирно почилъ о Господѣ. Предъ кончиною, Владыка трижды исповѣдался и причастился Св. Таинъ и былъ особорованъ митрополитомъ Антоніемъ съ причтомъ.

Выносъ тѣла въ Екатеринодарскій соборъ состоялся въ субботу, 22-го Февраля, ко всенощной. На другой день состоя-

лась заупокойная литургія, какую совершилъ митрополитъ Антоній, въ сослуженіи Преосвященнаго Сергія, епископа Новороссійскаго, и восьми іереевъ. На отпѣваніе вышли еще 15 іереевъ. Погребенъ митрополитъ Питиримъ въ томъ же Екатеринодарскомъ Соборѣ... Господу Богу было угодно призвать къ Себѣ смиреннаго и кроткаго Владыку и избавить его отъ новой встрѣчи съ большевиками, которые, чрезъ нѣсколько дней послѣ кончины митрополита Питирима, вновь осадили городъ и залили его потоками крови.

Господь да упокоитъ Твою душу, Пастырь добрый!

Придетъ время, когда историкъ, разворачивая страницы прошедшаго, дополнитъ мои свѣдѣнія о митрополитѣ Питиримѣ новыми данными, укажетъ на тѣ слѣды, какіе оставилъ почившій архипастырь тамъ, гдѣ онъ жилъ и работалъ, отмѣтитъ его церковно-государственныя заслуги въ епархіяхъ, коими онъ управлялъ. И какимъ укоромъ явится тогда голосъ исторіи для тѣхъ, кто такъ безжалостно терзалъ и поносилъ имя почившаго митрополита, кто, при жизни его, выносилъ ему такой суровый приговоръ! Я вспоминаю слова Владыки: „Я какъ цвѣтокъ, когда вижу вокругъ себя немирность, нестроенія, когда слышу, что мною недовольны, или бранятъ меня, то сейчасъ и завяну“...

Трудно сдѣлать болѣе точное уподобленіе. Это былъ дѣйствительно нѣжный цвѣтокъ, способный жить, подобно тепличному растенію, только въ оранжереѣ... Онъ не выносилъ грубыхъ прикосновеній лжи и неправды, его природа жаждала ласки, любви, мира и тишины... И только въ этой атмосферѣ онъ распускался какъ цвѣтокъ, раскрывая свои богатыя дарованія, согрѣвая окружающихъ. А эти моменты душевнаго мира были такъ рѣдки въ его жизни...

Онъ искалъ ихъ, страстно стремился къ нимъ, а, между тѣмъ вся его жизнь прошла въ непосильной для него борьбѣ съ ложью и обманомъ, съ предательствомъ и измѣною, и, чѣмъ болѣе онъ довѣрялъ окружавшимъ, тѣмъ больше злоупотребляли его довѣріемъ... И, безпомощно опуская руки, страдая отъ клеветы, изнемогая подъ бременемъ тяжелой ноши, робкій, всегда запуганный, Владыка только и могъ шептать молитву, повторяя: „Господи, да будетъ воля Твоя!“... Но тѣ немногіе, кто дѣйствительно зналъ почившаго митрополита Питирима, не тревожатся за его загробную участь. Мало онъ имѣлъ друзей на землѣ, но много пріобрѣтетъ ихъ на небѣ, тамъ, гдѣ живутъ иные законы, гдѣ царствуетъ вѣчная правда, гдѣ его будетъ окружать иная обстановка, такъ родственная его духу, такъ близкая его нѣжной душѣ, сотканной изъ небесныхъ созвучій, непонятныхъ землѣ...

ГЛАВА 25.

Отъѣздъ изъ Екатеринодара. Новороссійскъ.

Поздно вечеромъ 10 Января подъѣхали къ архіерейскому дому дроги и ломовикъ явился въ прихожую за вещами. Оба мальчика въ своихъ черкесскахъ, съ красовавшимися на нихъ медалями уже суетились подлѣ нихъ. Одинъ изъ нихъ былъ, кажется, Врасскій, фамилію другого не помню, но видно, что оба были дѣтьми благородныхъ родителей и тяжелыя испытанія, выпавшія и на ихъ долю, не испортили ихъ непорочныхъ и чистыхъ душъ.

Было темно и холодно. Шелъ мелкій дождь, но морозъ дѣлалъ свое дѣло и превращалъ окружающее въ обледенѣлую массу. Лошадь ежеминутно спотыкалась по скользкой мостовой и проваливалась въ глубокія рытвины и лужи, покрытыя тонкимъ ледянымъ слоемъ, и мы рисковали ежеминутно вывалиться.

Съ чрезвычайными усиліями мы добрались до вокзала... Еще труднѣе было пройти на перронъ... Весь полъ былъ заваленъ вещами, и вездѣ, гдѣ было можно, спали сотни людей, вѣрно жившихъ на вокзалѣ и ожидавшихъ случая куда либо уѣхать. Осторожно переступая чрезъ нихъ, мы очутились, наконецъ, на перронѣ.

„Гдѣ вашъ вагонъ", обратился я къ мальчикамъ.

„Сейчасъ, сейчасъ", сказалъ одинъ изъ нихъ и побѣжалъ въ противуположную сторону. Провожая его глазами, я видѣлъ, какъ бѣдный мальчикъ безуспѣшно добивался въ ту или другую теплушку, двери которыхъ на его стукъ открывались и послѣ непередаваемой брани и угрозъ, снова задвигались. Оказалось, что никакого вагона у мальчиковъ не было и что на перронѣ стоялъ поѣздъ, хотя и направлявшійся въ Новороссійскъ, но не имѣвшій ни одного класснаго вагона, а состоящій изъ теплушекъ и открытыхъ площадокъ. Теплушки были переполнены пассажирами, быть можетъ уже нѣсколько дней тому назадъ занявшими ихъ, и никого болѣе не впускавшими къ себѣ, а открытыя площадки были завалены колючею проволокою, лѣснымъ матеріаломъ, какими то бочками и пр. Совершенно обезкураженный, обошедшій всѣ теплушки и наслышавшійся отовсюду нецензурной брани, мальчикъ вернулся ко мнѣ и сказалъ, что остается только одинъ выходъ — примоститься на одной изъ открытыхъ площадокъ, иначе мы рискуемъ вовсе не добраться до Новороссійска.

Какъ ни страшила меня перспектива ѣхать ночью, подъ холоднымъ дождемъ, на одной изъ открытыхъ площадокъ,

изъ которыхъ наиболѣе удобной казалась площадка съ колючею проволокою, снятой съ какихъ то загражденій, и испещренной желѣзными иглами, но, обойдя лично всѣ теплушки и наслышавшись только отборной брани и ругательствъ, я убѣдился, что другого выхода дѣйствительно не было и что нужно пользоваться тѣмъ, какой былъ.

Съ большимъ трудомъ мы вскарабкались на площадку, съ величайшими усиліями расчистили мѣсто для ногъ, и такъ и простояли подъ дождемъ всю ночь, промокшіе и озябшіе, рискуя ежеминутно свалиться отъ страшнаго вѣтра, пронизывавшаго насъ до костей... Какъ мы проѣхали ночь, я сейчасъ не могу себѣ даже вообразить, но на слѣдующій день, при одной изъ остановокъ поѣзда, я случайно встрѣтился на платформѣ съ своимъ б. сослуживцемъ по Государственной Канцеляріи, Чебышевымъ или Чебыкинымъ, точно не помню, который ѣхалъ въ одной изъ теплушекъ и пріютилъ меня. Мальчики же примостились въ другой теплушкѣ и съ ними я уже больше не встрѣчался. Изъ Новороссійска они уѣхали, кажется, въ Одессу.

14-го Января я прибылъ въ Новороссійскъ и добрый Чебышевъ отвезъ меня въ гостиницу, гдѣ жилъ и гдѣ помѣстилъ меня въ своемъ номерѣ. Отъ него я узналъ, что пароходъ „Иртышъ" еще стоялъ на рейдѣ и собирался отойти въ Константинополь только 16 Января, что по этой причинѣ всѣ прибывшіе изъ Екатеринодара іерархи остаются еще въ Новороссійскѣ и что мнѣ не трудно будетъ найти ихъ.

Я мысленно возблагодарилъ Господа за Его милости ко мнѣ и немедленно же отправился съ письмомъ митрополита Антонія къ генералу Лукомскому отъ котораго сейчасъ же и получилъ требуемое разрѣшеніе на выѣздъ заграницу. Съ этимъ разрѣшеніемъ я отправился къ С. Смирнову, секретарю княгини Елены Петровны, королевны Сербской, вдовы Князя Іоанна Константиновича. С. Смирновъ завѣдывалъ отправкою пассажировъ, безплатно перевозимыхъ на пароходѣ „Иртышъ" въ Сербію. Съ нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ взымалъ почему то небольшую плату и съ меня взялъ одну или двѣ тысячи Деникинскихъ рублей. Весь слѣдующій день прошелъ въ бѣготнѣ и хлопотахъ не только за себя, но и за другихъ, съ коими я случайно встрѣтился въ Новороссійскѣ. Такъ, въ безвыходномъ положеніи оказались графъ С. К. и графиня Ю. М. Ламздорфъ-Галаганъ, чудомъ вырвавшіеся безъ всякихъ средствъ изъ Кисловодска и мой б. сослуживецъ по Государственной Канцеляріи Д. Л. Серебряковъ, съ женою, котораго мѣстныя власти не выпускали изъ Новороссійска въ виду призывного возраста. Отчаяніе его было безгранично. Нако-

нецъ, послѣ долгихъ и томительныхъ хлопотъ, ему удалось заручиться обѣщаніемъ пропуска заграницу подъ условіемъ предъявленія властямъ удостовѣренія кого либо изъ іерарховъ, о командировкѣ его заграницу по дѣламъ Церкви, и бѣдняга, не имѣвшій, кромѣ того, ни одного рубля въ карманѣ и, слѣдовательно, даже физической возможности оставаться въ Новороссійскѣ, бросился ко мнѣ, умоляя меня о помощи. Встрѣтившись случайно съ архіепископомъ Евлогіемъ, я повѣдалъ ему печальную исторію Д. Л. Серебрякова, обрекаемаго или на голодную смерть, или на растерзаніе большевиками, однако архіепископъ отказался выдать просимое удостовѣреніе, ссылаясь на то, что совершилъ бы подлогъ. Тогда я бросился къ архіепископу Георгію, который взглянулъ на вопросъ иначе и усмотрѣлъ тамъ не подлогъ, а спасеніе ближняго отъ смерти, и выдалъ просимое удостовѣреніе, послѣ чего Д. Л. Серебряковъ немедленно же получилъ пропускъ заграницу.

Слѣдующую ночь я долженъ былъ провести уже въ другомъ мѣстѣ, такъ какъ въ гостиницѣ, въ виду пріѣзда къ Чебышеву его брата, или кого то изъ знакомыхъ, не могъ оставаться. На этотъ разъ меня пріютилъ другой сослуживецъ М. В. Шахматовъ, также оказавшійся въ Новороссійскѣ. Встрѣтился я тамъ и съ В. П. Лазаревымъ, сослуживцемъ моего брата по Кіеву, но его не выпускали военныя власти и онъ остался въ Новороссійскѣ. Впослѣдствіи онъ очутился въ Парижѣ, гдѣ и сейчасъ пребываетъ. Столкнулся я на тротуарѣ и съ Василіемъ Васильевичемъ Тарновскимъ, одѣтымъ въ военную тужурку, старымъ своимъ знакомымъ по Кіеву, мужемъ Маріи Николаевны, прославившейся своимъ участіемъ въ убійствѣ графа Комаровскаго и сидѣвшей въ тюрьмѣ г. Трани, маленькомъ городкѣ на берегу Адріатическаго моря, по сосѣдству съ Бари.

Переполненіе Новороссійска было ужасное, благодаря чему дороговизна увеличивалась въ нѣсколько разъ даже въ теченіе одного и того же дня. Суета въ городѣ стояла невообразимая. Всѣ кто имѣлъ деньги, покупали на нихъ всякаго рода цѣнности, имѣя въ виду продать ихъ заграницей, ибо никто не былъ увѣренъ, что Деникинскія деньги можно будетъ обмѣнять на валюту. Въ большомъ количествѣ закупалась и провизія, такъ какъ неизвѣстно было сколько дней будетъ находиться пароходъ въ плаваніи и когда прибудетъ въ Константинополь.

Преодолѣвъ еще одно препятствіе и заручившись англійской визой, какая почему то потребовалась, я очутился, наконецъ, на пароходѣ „Иртышъ", возблагодаривъ Милосерднаго Господа за пройденныя благополучно мытарства.

„Гдѣ же Вы, мои дорогія, несчастныя, одинокія сестры, гдѣ ты, мой смиренный, безпомощный братъ", думалъ я, стоя на палубѣ и чувствуя, какъ эти мысли мучали и терзали меня, какъ не позволяли мнѣ ощущать всего значенія самаго факта моего спасенія, радоваться ему и благодарить за него Бога. Мысли о сестрахъ и братѣ, судьба коихъ была мнѣ не только неизвѣстна, но казалась ужасной, неотступно слѣдовали за мной и, сквозь призму тревогъ и безпокойства за своихъ близкихъ, я оцѣнивалъ все вокругъ меня происходящее и, казалось, не радовался даже своему спасенію...

Зачѣмъ оно, если близкимъ, быть можетъ, угрожаетъ гибель, если никакая радость не заглушитъ боли разлуки съ ними!..

А между тѣмъ Промыслительный Перстъ Божій точно подчеркивалъ въ моемъ сознаніи великія и богатыя милости Господни, явленныя надо мною, и я увидѣлъ ихъ тамъ, гдѣ прежде ихъ не замѣчалъ. И опозданіе въ Екатеринодаръ, и гибель моего багажа и многое прочее, что оцѣнивалось мною съ другихъ точекъ зрѣнія, пріобрѣло теперь тотъ смыслъ, какой оправдывалъ каждое изъ этихъ явленій и приводилъ ихъ къ благу. Люди, сохранившіе свой багажъ и довезшіе его до самаго Новороссійска, съ чрезвычайными хлопотами и расходами, не были впущены съ нимъ на пароходъ, прибывшіе въ Новороссійскъ задолго до отхода парохода „Иртышъ" и заручившіеся хорошими мѣстами, вынуждены были прожить въ Новороссійскѣ почти всѣ свои сбереженія и ѣхали заграницу нищими. Имѣя только 50 тысячъ Деникинскихъ денегъ, я не могъ бы продержаться въ Новороссійскѣ даже недѣли, ибо тамъ счетъ велся не на рубли и копѣйки, а на тысячи и десятки тысячъ, прибывъ же туда за три дня до отхода парохода, я, въ результатѣ, везъ съ собою больше денегъ, чѣмъ самые богатые изъ моихъ друзей и знакомыхъ и имѣлъ даже возможность помогать имъ. Слава Богу за все!

Переполненный пассажирами „Иртышъ" медленно отчалилъ отъ пристани, направляясь сначала въ Ѳеодосію и Ялту, а затѣмъ въ Константинополь.

Я стоялъ на палубѣ, не отрываясь отъ родныхъ береговъ, которые стали постепенно заволакиваться туманомъ, пока не скрылись отъ моего взора.

Рвалась послѣдняя видимая связь съ Россіей...

Что ожидаетъ меня впереди, что дастъ завтрашній день?! Объ этомъ я не думалъ. Я бросался въ омутъ неизвѣстнаго, вручая себя водительству Промысла Божія, отдаваясь теченію той бѣженской волны, какая бросала меня съ одного мѣста на другое, пока не выбросила меня окончательно изъ Россіи...

Можетъ быть не я одинъ почувствовалъ въ моментъ своего послѣдняго прощанія съ Россіей, какъ она была дорога, какъ безконечно горячо мы ее любили и какъ невыразимо тяжела была эта разлука съ нею...

16-го Января 1920 года былъ послѣднимъ днемъ моей жизни въ Россіи. Впереди была новая жизнь заграницей, новые люди, новое дѣло, наступалъ третій періодъ моихъ скитаній, описанію которыхъ посвященъ III-ій томъ моихъ „Воспоминаній".

Однако, прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему изложенію, я хотѣлъ бы спросить, чему же научила меня революція, что вывезъ я изъ Россіи и что привезъ съ собою въ Европу? Нищими оборванцами, внушавшими однимъ сожалѣніе, а другимъ — презрѣніе, явились русскіе бѣженцы въ Европу униженные и обезславленные, но то духовное богатство, какое они, получивъ отъ Бога, вывезли изъ Россіи, никакія дьявольскія силы, ни самъ сатана, не были въ силахъ отнять у нихъ.

„Даромъ получили, даромъ и давайте" — заповѣдалъ Спаситель. Ничего новаго не прочтутъ русскіе въ послѣдующихъ главахъ: революція отрезвила опьяненныхъ ею, смирила гордыхъ, сокрушила кумиры, разоблачила вѣковую ложь, и ни въ самой Россіи, ни за рубежомъ уже нѣтъ русскихъ, продолжавшихъ бы вѣрить той лжи, жертвою которой они стали. Но то, что стало извѣстнымъ, цѣною такихъ великихъ ужасовъ, русскимъ, то еще неизвѣстно Европѣ. И можетъ быть послѣдующія главы, диктуемыя долгомъ къ ближнему и опасеніемъ за его участь, откроютъ глаза самонадѣяннымъ европейцамъ и пригодятся имъ. Дай Богъ!

ГЛАВА 26.

Развалъ Россіи.

Выброшенный за бортъ государственной жизни, находясь не у дѣлъ, въ положеніи „старорежимнаго" чиновника, какіе, съ приходомъ „новой" власти не только перестали быть ей нужными, но и жестоко преслѣдовались и предавались казни, я могъ только украдкою, со стороны, наблюдать картину развала Россіи.

Что же происходило тамъ, „на верхахъ", чѣмъ былъ занятъ правительственный аппаратъ, куда вели Россію ея „новые" вожди?!

Происходило завоеваніе русскаго народа жидовствомъ, впереди стояли гоненія на Православную Церковь, расхищеніе несмѣтныхъ богатствъ Россіи, поголовное истребленіе христіанскаго населенія, мученія, пытки, казни, воскресали давно забытыя страницы исторіи, о коихъ помнили только особо отмѣченные Богомъ люди, выдѣлявшіеся своею мудростью даже среди глубокихъ ученыхъ... Предупреждали о наступленіи этого момента Преп. Серафимъ Саровскій, Иліодоръ Глинскій, Іоаннъ Кронштадтскій и мудрецы-міряне, одинъ перечень именъ которыхъ могъ бы составить цѣлую книгу, но имъ никто не вѣрилъ... Голоса ихъ заглушались жидовской печатью и тою „интеллигенціею“, какая сознательно и безсознательно служила жидамъ и безъ помощи которой были бы немыслимы никакія революціи, всегда имѣвшія одинаковую цѣль и одинаковыя задачи, сводившіяся къ уничтоженію христіанства, его цивилизаціи и культуры, и къ міровому господству жида.

И, когда наступилъ этотъ давно предвозвѣщенный моментъ, то его не только не узнали, а, наоборотъ, думали, что „новыми“ людьми строится „новая“ Россія, создаются „новые“ идеалы, указываются „новые“ пути къ достиженію „новыхъ“ цѣлей... Вездѣ и повсюду только и были слышны „новыя“ слова, люди стали говорить на „новомъ“, непонятномъ языкѣ, и съ тѣмъ бóльшимъ изувѣрствомъ и ожесточеніемъ уничтожали все „старое“, чѣмъ больше стремились къ этому „новому“, съ коимъ связывали представленіе о земномъ раѣ.

Въ дѣйствительности же происходило возвращеніе къ такому сѣдому, покрытому вѣковою пылью *старому*, о которомъ, какъ я уже сказалъ, помнили только „пророки“, происходила не „классовая“ борьба, или борьба „труда съ капиталомъ“, торжествовали не эти глупые, разсчитанные на невѣжество массъ лозунги, а была самая настоящая, цинично откровенная борьба жидовства съ христіанствомъ, одна изъ тѣхъ старыхъ попытокъ завоеванія міра жидами, какая черпала свои корни въ древне-языческой философіи халдейскихъ мудрецовъ и началась еще задолго до пришествія Христа Спасителя на землю, повторяясь въ исторіи безчисленное количество разъ одинаковыми средствами и пріемами.

Ни для вѣрующихъ христіанъ, привыкшихъ съ довѣріемъ и уваженіемъ относиться къ слову Божіему, ни для честныхъ ученыхъ, видѣвшихъ въ достиженіяхъ науки откровеніе Божіе, не было *ничего новаго* въ этихъ попыткахъ жида уничтожить христіанство и завоевать міръ, и только безвѣріе съ одной стороны и глубокое невѣжество съ другой, не поз-

воляли одураченнымъ людямъ видѣть въ происходящемъ отраженія давно забытыхъ страницъ исторіи.

Соединенными усиліями евреевъ всего міра, имѣвшихъ въ лицѣ новой русской власти, возглавляемой Ленинымъ и Троцкимъ, свой генеральный штабъ, слѣпо выполнявшій директивы „Незримаго Правительства“, снабжающаго его колоссальными средствами, осуществлялись велѣнія еврейскаго бога, извѣстныя каждому мало мальски знакомому съ требованіями религіи евреевъ, изложенными въ ихъ Талмудѣ.

Было бы невѣрно, если бы я сказалъ, что въ Россіи въ моментъ встрѣчи съ катастрофою было много людей, отдававшихъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, что происходило. Катастрофа обрушилась такъ внезапно, такъ стремительно, размѣры ея были такъ велики, а корни такъ глубоко запрятаны, что всѣ точно оцѣпенѣли, застывъ отъ ужаса, но никто ничего не понималъ.

Это не значитъ, что въ Россіи не было глубокихъ людей, или что всѣ въ равной мѣрѣ были одурачены вождями революціи и вѣрили той лжи, какая скрывалась за ихъ лозунгами. Наоборотъ, Россія была всегда богата своими пророками и мудрецами, прозрѣвавшими далекое будущее, была даже подготовлена къ встрѣчѣ съ тѣми ужасами, какіе на нее обрушились, и, если, при всемъ томъ, катастрофа застигла Россію врасплохъ, то столько же потому, что мудрецамъ мало кто вѣрилъ, сколько и потому, что даже эти послѣдніе не допускали тѣхъ звѣрскихъ формъ, въ какихъ революція стала выливаться.

И въ самомъ дѣлѣ, кто могъ повѣрить тѣмъ мудрецамъ, чьи откровенія производили впечатлѣніе сказокъ не только на русскихъ людей *до революціи*, но кажутся сказками всему міру и до сихъ поръ, спустя почти 10 лѣтъ, послѣ того, какъ эти „сказки“ превратились въ Россіи въ самую ужасную дѣйствительность, явившую, при томъ, всему человѣчеству величайшія откровенія, способныя, казалось бы, открыть глаза даже слѣпому?

Для того, чтобы повѣрить этимъ сказкамъ, нужны были или великія знанія или великая вѣра въ авторитетъ, но въ народной толщѣ ни того, ни другого обыкновенно не бываетъ. Толпѣ понятно лишь то, что не выходитъ за предѣлы ея уровня, но геній — всегда выше этого уровня и, потому, всегда непонятенъ*).

О чемъ же предостерегали русскіе мудрецы Россію, а вмѣстѣ съ нею и весь міръ, какія „сказки“ они разсказывали?

---

*) Здѣсь психологическія обоснованія абсолютизма власти.

Они говорили, что съ момента сотворенія міра, злые духи, воплощаясь въ людяхъ, стремились погубить вселенную, ибо въ этомъ заключалась задача пославшаго ихъ діавола, что еще въ доисторическія времена не просвѣщенные свѣтомъ знанія язычники, по присущей имъ потребности поклоняться Богу, имѣли своихъ національныхъ боговъ, отличавшихся своими особыми свойствами, враждовавшихъ между собою, конкурировавшихъ другъ съ другомъ изъ за обладанія народами, что между этими національными богами самымъ хищнымъ и звѣрскимъ былъ богъ еврейскій Яхве, богъ-ревнитель, не удовлетворявшійся скромною ролью бога евреевъ, а именовавшій себя богомъ боговъ и претендовавшій на міровое господство, что за этимъ еврейскимъ богомъ скрывался не одинъ изъ подчиненныхъ злыхъ духовъ, а самъ діаволъ, который и назвалъ евреевъ своимъ избраннымъ народомъ и надѣлилъ ихъ своими сатанинскими свойствами, повелѣвшій имъ истреблять всѣхъ не-евреевъ, чтобы овладѣть всѣмъ міромъ и передавшій жидамъ ту власть, какую онъ обѣщалъ передать каждому, кто ему поклонится (Лук. 4, 5-8).

Но Господь Богъ, по Своему неизреченному милосердію и любви къ людямъ, послалъ на землю самаго высшаго добраго духа, Единороднаго Сына Своего, Сущаго въ нѣдрѣ Отчемъ, Который воплотился въ Іисусѣ, чтобы возвѣстить людямъ Истину и „разрушить дѣло діавола" (I Іоан. 3, 8). Вотъ почему Слово Божіе и раздалось впервые среди евреевъ, этого закоренѣлаго въ богоотступничествѣ народа, служившаго источникомъ мірового зла и заразою для другихъ народовъ. Спаситель смѣло разоблачилъ еврейскаго бога, назвавъ его діаволомъ, а евреевъ — его дѣтьми: „Вашъ отецъ діаволъ и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Онъ былъ человѣкоубійца*) отъ начала и не устоялъ въ истинѣ, ибо нѣтъ въ немъ истины. Когда говоритъ онъ ложь, говоритъ свое, ибо онъ лжецъ и отецъ лжи" (Іоан. 8, 44). Все человѣчество послѣдовало за Іисусомъ, Спасителемъ міра отъ еврейской лжи, кромѣ евреевъ, оставшихся вѣрными своему богу-діаволу, съ упорствомъ и настойчивостью преслѣдующему свою предмірную цѣль — погубить родъ человѣческій съ помощью своего избраннаго народа-евреевъ. Здѣсь источникъ мірового зла, всѣхъ когда либо бывшихъ міровыхъ катастрофъ и потрясеній, всѣхъ революцій, являющихся лишь массовыми ритуальными убійствами христіанскихъ народовъ. Онѣ требовались столько же политическими, сколько и религіозными

---

*) Въ I-мъ Посланіи Іоанна Богослова поясняется: „Всякій, ненавидящій брата своего, есть человѣкоубійца" (3, 15).

цѣлями, ибо по ученію Талмуда пролитая христіанская кровь омываетъ душу еврея и очищаетъ ее отъ всякой скверны. Вся исторія человѣчества является исторіей вѣковой борьбы еврейства съ Господомъ Іисусомъ Христомъ и возвѣщеннымъ Имъ ученіемъ, на которомъ міръ строилъ свою цивилизацію и культуру и которую евреи разрушали, чтобы на ея развалинахъ возстановить свое іудейское царство, обнимавшее бы предѣлы всей вселенной.

„Большевичество" — это не революція даже въ еврейскомъ смыслѣ этого слова, это — вѣками дознанный, опытно провѣренный, наилучшій способъ физическаго и духовнаго обезкровленія человѣчества, массовое ритуальное убійство въ міровомъ масштабѣ, открытый международный натискъ жидовства на христіанство.

Вотъ какія „сказки" разсказывали русскіе мудрецы!

Но кто же имъ вѣрилъ? Кто вѣритъ имъ и теперь, и гдѣ тотъ христіанскій народъ, который увидѣлъ бы на примѣрѣ Россіи угрозу собственному бытію?

Совершенно понятно, что въ первые моменты происходящее оцѣнивалось даже не какъ революція, а какъ заурядный солдатскій бунтъ, другіе видѣли въ немъ повтореніе безпорядковъ 1905 года, быстро подавленныхъ, а тѣ, кто шелъ дальше и видѣлъ предъ собою подлинную революцію, тѣ вкладывали въ это понятіе совершенно иное содержаніе и менѣе всего допускали наличность какихъ либо религіозныхъ изувѣрныхъ цѣлей.

Самые сильные умы Россіи оцѣнивали ужасы происходящаго только съ точки зрѣнія крушенія стараго, обезпечивающаго благо народа, царскаго уклада государственной жизни, серьезно обсуждали тѣ или иные декреты и распоряженія узурпаторовъ власти, многоликіе и противорѣчивые, спаянные между собою глубоко сокрытою ложью, непонятные и безсмысленные, оцѣнивали ихъ съ государственной точки зрѣнія и предрекали катастрофы, дѣлились сомнѣніями и недоумѣніями, но никто изъ нихъ даже не догадывался о томъ, что здѣсь выполнялась вѣковая программа жидовъ, *сводившаяся частью къ поголовному истребленію, частью къ порабощенію христіанскаго населенія сначала въ Россіи, а затѣмъ во всемъ мірѣ, во исполненіе прямыхъ повелѣній еврейскаго бога, обѣщавшаго своему избранному народу міровое господство.*

Тѣмъ меньше можно было предъявлять какія либо требованія въ этой области къ народнымъ массамъ, кричавшимъ о „новой" Россіи и съ непостижимою яростью уничтожавшимъ все „старое", всѣ устои государственности и русскаго

быта, все то, на чемъ держались и благо народа и глубина и красота русской жизни.

Но могъ ли я осуждать эту толпу, завлеченную въ западню, обманутую и ослѣпленную, для которой все „старое“ стало казаться источникомъ всяческихъ бѣдъ и напастей, а „новое“ рисовалось какъ осуществленная мечта о земномъ раѣ, могъ ли я осуждать эту толпу, если такъ думали и тѣ глупые вожди ея, которые являлись безсознательными орудіями еврейскихъ главарей и выполняли ихъ заданія? Развѣ смѣхотворный балаганный клоунъ Керенскій желалъ зла Россіи? Нисколько! Всѣ его рѣчи пылали такою „любовью“ къ Россіи, какую, по его мнѣнію, никто, кромѣ него, не имѣлъ и имѣть не могъ. Развѣ онъ сознавалъ, что единственнымъ реальнымъ плодомъ его любви къ Россіи явится лишь иллюстрація собственной персоною мудрости народной поговорки: „услужливый дуракъ опаснѣе врага“ и что наученная примѣромъ Керенскаго будущая Россія станетъ держать подобныхъ маніаковъ взаперти, на привязи или въ домѣ умалишенныхъ? И развѣ только одинъ Керенскій или „Временное Правительство“ Россіи выполняли еврейскія заданія и, во имя „блага“ народа, распинали этотъ же народъ? А Милюковъ, Гучковъ и К°?!.. Развѣ они думали, что одержимы діаволомъ, развѣ знали, что являлись игрушкою въ его рукахъ, служили и служатъ ему, покрывъ позоромъ свои собственныя имена и стяжавъ себѣ не только безславіе, но и проклятіе потомства, вмѣсто той вожделѣнной славы, за которую такъ судорожно цѣплялись и къ которой такъ жадно стремились?! Развѣ не то же видимъ мы и въ Западной Европѣ, гдѣ передовыя правительства продолжаютъ, несмотря на опытъ Россіи, осуществлять вѣковыя жидовскія цѣли въ полномъ убѣжденіи, что служатъ благу своимъ народамъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ведутъ ихъ на висѣлицу, въ „чека“, во славу жидовскаго бога Яхве?!

На пути къ осуществленію этихъ цѣлей въ міровомъ масштабѣ Россія явилась только первымъ этапомъ, быть можетъ и въ этой области осуществляя свою великую духовную миссію въ отношеніи всѣхъ прочихъ христіанскихъ народовъ, для которыхъ она была всегда вѣрнымъ Другомъ и Защитникомъ...

Не виновата она, если ей не вѣрили, не будетъ виновата и теперь, если ея примѣръ ничему не научитъ Европу, если никто не послушается ея предостерегающаго Гласа, истину котораго она засвидѣтельствовала своею собственною кровью. И какъ ни велики страданія Россіи, но лучшимъ утѣшеніемъ для нея явится сознаніе, что эти страданія не только раскрыли

ей самой сущность причинъ ихъ вызвавшихъ, но и дали ей возможность предостеречь всѣ христіанскіе народы отъ той опасности, жертвою которыхъ она сдѣлалась.

Трудно описать эти страданія, еще труднѣе раскрыть ихъ источникъ, но движимый этой единственной цѣлью, я считаю полезнымъ и то немногое, что могу сказать, выполняя свой нравственный долгъ къ ближнему.

ГЛАВА 27.

Задачи Русской революціи.

Задача революціи 1917 года заключалась въ уничтоженіи Россіи и образованіи на ея территоріи жидовскаго царства, какъ опорнаго пункта для послѣдующаго завоеванія, путемъ міровой революціи, западно-европейскихъ христіанскихъ государствъ. Такъ какъ эту цѣль нужно было на первыхъ порахъ маскировать, впредь до закрѣпленія своихъ позицій, чтобы не вооружать противъ себя русскій народъ, то неудивительно, что не только народныя массы, но и образованный классъ не уяснялъ себѣ происходящаго и не догадывался, что каждый „правительственный“ шагъ, каждый декретъ и распоряженіе узурпаторовъ власти имѣли въ виду развалить Россію въ наикратчайшій срокъ. Но то, чего не могли открыть ни знаніе, ни воображеніе, то открыло само время, обнажившее не только сущность происходящаго, но и самый источникъ ея. Программа развала Россіи разыгрывалась какъ по нотамъ. Сначала мобилизація преступниковъ, съ ихъ штабомъ — Государственной Думой, какая должна была выдавать революціонныя вожделѣнія своихъ членовъ за подлинный голосъ народа и, дискредитируя Царя и министровъ, парализовать государственную дѣятельность правительства. Затѣмъ штурмъ правительства и сверженіе Царскаго Трона, образованіе изъ глупыхъ честолюбцевъ и сознательныхъ масоновъ новаго, такъ называемаго „Временнаго правительства“ и рядомъ съ нимъ спеціальнаго контрольнаго аппарата въ видѣ „Совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ“, съ Лейбою Бронштейномъ во главѣ, затѣмъ еще шагъ впередъ — отчаянная борьба между ними, побѣда Бронштейна, упраздненіе Думы и „Временнаго правительства“, сыгравшихъ свою роль и переставшихъ быть нужными жидамъ, и, въ заключеніе, предопредѣленное заранѣе къ разгону „Учредительное Собраніе“ въ Москвѣ, послѣ чего несчастная Россія уже окончательно попадаетъ въ руки жестоковыйнаго

жидовскаго племени на срокъ, уготованный Богомъ. Все это были этапы давно намѣченнаго пути, выполненіе давно задуманныхъ и тщательно разработанныхъ программъ, сводившихся къ одной цѣли — *истребленію русскаго народа.*

Къ концу 1917 года, всѣ эти программы были уже окончательно выполнены и по всей Россіи царилъ неописуемый терроръ, посредствомъ котораго новая власть закрѣпляла позиціи, завоеванныя глупостью, измѣною и предательствомъ вожаковъ русскаго народа.

Вся Россія буквально заливалась потоками христіанской крови, не было пощады ни женщинамъ, ни старцамъ, ни юношамъ, ни младенцамъ. Изумленіемъ были охвачены даже идейные творцы революціи, не ожидавшіе, что ихъ работа дастъ въ результатѣ такія моря крови. Не удивлялись только тѣ, кто помнилъ § 15 „Сіонскихъ Протоколовъ", гдѣ говорится: „Когда мы, наконецъ, окончательно воцаримся при помощи государственныхъ переворотовъ, всюду подготовленныхъ..., мы постараемся, чтобы противъ насъ уже не было заговоровъ. Для этого мы немилосердно казнимъ всѣхъ, кто встрѣтитъ наше воцареніе съ оружіемъ въ рукахъ..." (Лучъ Свѣта, № 3, стр. 255).

Однако и здѣсь жиды не могли обойтись безъ обмана и примѣняли казни не только къ вооруженнымъ, но и ко всѣмъ, даже къ младенцамъ, ибо терроръ являлся не способомъ ихъ самозащиты отъ враговъ, а единственнымъ основаніемъ ихъ власти, безъ котораго она не могла держаться, однимъ изъ главнѣйшихъ ея устоевъ, о которомъ говоритъ „Протоколъ" № 9, указывая на „терроризующій маневръ, отъ котораго дрогнутъ самыя храбрыя души", (тамъ-же, стр. 239), а этотъ маневръ примѣнялся, какъ извѣстно изъ Библіи и исторіи, не только къ врагамъ, но даже къ братьямъ, и вообще ко всякому *инакомыслящему.* (Исх. гл. 32, 27-28).

Развалъ Россіи явилъ такую грандіозную картину разрушенія во всѣхъ областяхъ государственной, общественной и личной жизни, что потребуются не только томы для описанія этой картины, но и великій талантъ, способный передать потомству весь ужасъ пережитаго и отчасти и до сихъ поръ переживаемаго времени.

Придетъ время, когда правдиво написанная „Исторія русской революціи" сдѣлается настольною книгою для каждаго честно мыслящаго христіанина, какъ грозное предостереженіе грядущимъ поколѣніямъ, какъ свидѣтельство попранныхъ гордымъ человѣкомъ законовъ Божіихъ, какъ страшный результатъ противленія волѣ Божіей. Наша же задача, современниковъ революціи, заключается въ собираніи матеріала для такой

исторіи, въ облегченіи труда будущимъ историкамъ. Пусть каждый изъ насъ оцѣнитъ значеніе такого труда и по мѣрѣ своихъ силъ и возможностей сохранитъ тѣ свѣдѣнія, коими располагаетъ, дабы впослѣдствіи использовать ихъ для указанной выше цѣли. Только при общей, дружной работѣ возможно будетъ передать потомству исчерпывающій матеріалъ для „Исторіи революціи", ибо, какъ бы важны ни были отрывочныя свѣдѣнія, коими располагаетъ каждый изъ насъ въ отдѣльности, они всегда будутъ неполными и недостаточными.

Повинуясь этому требованію, я хочу сдѣлать попытку внести и свою долю въ общую массу матеріала для будущей исторіи революціи 1917 года.

Съ великимъ смущеніемъ я приступаю къ этой задачѣ.

Какъ использовать этотъ матеріалъ, который принадлежитъ только моей памяти и лишь частично содержится въ отрывочныхъ свѣдѣніяхъ, почерпнутыхъ изъ частныхъ писемъ и газетныхъ вырѣзокъ за краткій періодъ времени?

Какъ систематизировать этотъ ужасный матеріалъ и внушить довѣріе къ нему, сдѣлать авторитетнымъ въ глазахъ не только не испытавшихъ этихъ ужасовъ, но и никогда не слыхавшихъ о нихъ и, потому, отвергающихъ самую возможность ихъ?

Гдѣ тотъ великій талантъ, который былъ бы способенъ изобразить ощущенія людей, спасающихся бѣгствомъ изъ опасенія быть съѣденными голодными, кто въ состояніи описать муки голода, заставляющія несчастныхъ не только убивать и съѣдать своихъ собственныхъ дѣтей и питаться трупами, вырываемыми изъ могилъ, но и жадно набрасываться на конскій пометъ?

Какое перо способно отразить ощущенія людей, вымаливающихъ у своихъ палачей смерть, избавившую бы ихъ отъ невыносимыхъ пытокъ и мученій, ищущихъ смерти и не находящихъ ее?

Задача дѣйствительно грандіозная, и между тѣмъ, даже учитывая свои слабыя силы, я приступаю къ ней, повинуясь голосу русской совѣсти, ибо нравственный долгъ не соразмѣряется съ силами. Русскій человѣкъ не найдетъ въ нижеприводимыхъ свѣдѣніяхъ ничего новаго, но то, что случилось въ Россіи должно быть извѣстно всему міру, ибо *предназначено для всего міра*, обреченнаго на гибель тѣми самыми людьми, которые погубили Россію.

О гибели Россіи знаютъ всѣ и этотъ фактъ не произвелъ никакого впечатлѣнія на Европу, объясняющую большевичество „натурою" русскихъ людей... О томъ же какими способами истреблялся русскій народъ, Европа еще не знаетъ. А

знать это нужно, чтобы не быть застигнутой врасплохъ, ибо Россія — только первый этапъ кроваваго шествія палачей, а вторымъ является западная Европа, въ порядкѣ очереди, установленной этими же палачами. Преступленія Европы предъ Россіей такъ неизмѣримы, до того велики, что только чудо милости Божіей можетъ ее спасти отъ участи Россіи.

Но, если такого чуда не будетъ, тогда каждое слово русскаго, надъ которымъ теперь смѣются, злорадствуютъ и проходятъ мимо безъ вниманія, станетъ откровеніемъ, сдѣлается словомъ Христа въ притчѣ о богатомъ и Лазарѣ...

Развалъ Россіи совершился не сразу, а продожается и до сихъ поръ. Процессъ разрушенія еще не законченъ и рускій народъ истребляется сейчасъ такъ же свирѣпо, какъ и 10 лѣтъ тому назадъ. Вотъ почему, рисуя общую картину развала Россіи, я по необходимости долженъ отступать отъ хронологіи и пользоваться также позднѣйшими свѣдѣніями.

Я уже неоднократно указывалъ на то, *что основной идеей поработителей Россіи было истребленіе русскаго народа и ликвидація христіанства для цѣлей всемірной революціи, обезпечившей бы евреямъ господство надъ всей вселенной, подъ владычествомъ іудейскаго царя.* Теперь мнѣ приходится только доказать это положеніе ссылками на факты. Провѣрить эти факты не трудно во 1) потому, что сами евреи не отрицаютъ ихъ, во 2) потому, что о нихъ свидѣтельствуетъ какъ русская, такъ и иностранная печать, начиная съ момента революціи въ Россіи и кончая сегодняшнимъ днемъ. Эти факты не только докажутъ сознательное истребленіе русскаго народа евреями, но откроютъ и цѣли, ради которыхъ евреямъ нужно было принести въ жертву русскій народъ... И тогда уже перестанетъ казаться наивнымъ утвержденіе, что „Обѣтованную" землю евреи видѣли не въ Палестинѣ, а въ Россіи и что столицею всемірнаго іудейскаго царя считали не Іерусалимъ, а Москву. И правильно!.. Ибо, конечно, владѣть Россіей значитъ владѣть всѣмъ міромъ, что доказываютъ намъ не только Московскіе правители, но и Европа, ими запуганная и предъ ними унижающаяся. И нужно было смиреніе и кротость русскаго народа и благородство русскихъ Царей, чтобы не претендовать на такое владычество и, вмѣсто того, чтобы покорять своихъ сосѣдей силою, — помогать имъ, выручать ихъ изъ бѣды и спасать ихъ.

Съ цѣлью систематизаціи матеріала, я буду группировать его по отдѣламъ, отступая отъ хронологіи тамъ, гдѣ это потребуется для болѣе яркаго освѣщеніи приводимыхъ мною иллюстрацій.

ГЛАВА 28.

Первые шаги.

Въ газетѣ „Старое Время“ за 1923-1924 годы печатались превосходныя статьи Г. Мглинскаго подъ общимъ заглавіемъ „Грѣхи русской интеллигенціи“, коими авторъ не только очертилъ общіе контуры революціонной стихіи, но и съ великимъ мастерствомъ развернулъ отдѣльныя ея картины. Я позволяю себѣ воспользоваться выдержками изъ этихъ статей, какъ введеніемъ къ дальнѣйшему изложенію. Г. Мглинскій говоритъ:

„Понимая отсутствіе реальной почвы подъ своими ногами за неимѣніемъ тѣхъ слоевъ населенія, на которые можно было бы опереться, новые правители попали сразу въ зависимость отъ образовавшагося еще до отреченія Государя Императора „Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ“, за которыми стояла распропагандированная той же русской интеллигенціей столичная рабочая масса. Эта его зависимость сказывалась съ первыхъ же шаговъ его дѣятельности. Не сочувствуя по существу содержанію приказа № 1, разрушившаго армію, и понимая всю его опасность, Временное Правительство, руками своего военнаго министра Гучкова, допустило однако осуществленіе этого преступнаго по отношеніи родины приказа*).

---

*) Приводимъ текстъ этого приказа, какъ онъ напечатанъ „Изв. Московск. Сов. раб. деп.“ отъ 4-го Марта 1917 г.:

„Исполнительный Комитетъ Совѣта рабочихъ депутатовъ предложилъ военному штабу издать слѣдующій приказъ по войскамъ: 1) Во всѣхъ ротахъ, полкахъ, батальонахъ, эскадронахъ, отдѣльныхъ службахъ и разнаго рода военныхъ управленіяхъ, немедленно выбрать комитеты изъ выборныхъ представителей отъ нижнихъ чиновъ; 2) Выбрать въ Совѣтъ рабочихъ депутатовъ по одному представителю отъ роты или соотвѣтствующей ей по величинѣ части; 3) Во всѣхъ своихъ политическихъ выступленіяхъ, воинскія части подчиняются Совѣту раб. и солд. депутатовъ и своимъ комитетамъ. Приказы военныхъ комиссаровъ Государственной Думы слѣдуетъ исполнять, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они противорѣчатъ приказамъ и постановленіямъ Совѣта раб. и солд. депутатовъ; 4) всякаго рода оружіе, какъ-то, винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и проч., должны находиться въ распоряженіи и подъ контролемъ ротныхъ и батальонныхъ комитетовъ и ни въ коемъ случаѣ невыдаваться офицерамъ, даже по ихъ требованію; 5) въ строю и при отправленіи служебныхъ обязанностей, солдаты должны соблюдать строжайшую дисциплину, но внѣ службы и строя въ своей политической, общественной, гражданской и частной жизни, ни въ чемъ не могутъ быть умалены въ тѣхъ правахъ, коими пользуются всѣ граждане; въ частности, вставаніе во фронтъ и обязательное отданіе чести, внѣ службы,

Боясь реакціи въ русскомъ народѣ, который, оно хорошо понимало, едва ли примирится съ захватомъ власти кучкою политикановъ, Временное Правительство съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности спѣшно старается разрушить государственно-административный аппаратъ. Взмахомъ пера уничтожается вся административная власть въ Россіи, губернаторы замѣняются земскими дѣятелями, градоначальники — городскими, а полиція — милиціей.

Но, какъ извѣстно, разрушить всегда бываетъ легко, а создать очень трудно, — такъ и здѣсь, разрушивъ старый государственный аппаратъ, Временное Правительство не удосужилось, или вѣрнѣе просто не сумѣло создать что-либо на его замѣну. Россія была сразу предоставлена самой себѣ и непотизмъ былъ введенъ въ качествѣ лозунга во все управленіе государствомъ — и это въ тотъ именно моментъ, когда сильная власть требовалась болѣе всего.

Когда къ главѣ Временнаго Правительства кн. Львову пріѣзжали представители старой и новой администраціи и требовали директивъ, они неизмѣнно получали тотъ же отказъ, который кн. Львовъ далъ представителямъ печати въ своемъ интервью 7 Марта, т. е. черезъ пять дней всего послѣ переворота: „Это — вопросъ старой психологіи. Временное Правительство смѣстило старыхъ губернаторовъ и назначать никого не будетъ. На мѣстахъ выберутъ. Такіе вопросы должны разрѣшаться не изъ центра, а самимъ населеніемъ... Мы всѣ безконечно счастливы, что намъ удалось дожить до этого великаго момента, что мы можемъ творить новую жизнь народа — не для народа, а вмѣстѣ съ народомъ... Будущее принадлежитъ народу, выявившему въ эти историческіе дни свой геній. Какое великое счастье жить въ эти великіе дни!..“

Слова эти, звучащіе сейчасъ чистой ироніей, не выдуманы, они текстуально приведены на 67 страницѣ перваго тома „Исторіи второй русской революціи“, написанной не какимъ-либо „зубромъ“ или „черносотенцемъ“, а „самимъ“ Павломъ Милюковымъ, дающимъ далѣе на страницахъ своей исторіи слѣдующую оцѣнку дѣятельности главы правительства, въ

отмѣняется; равнымъ образомъ отмѣняется титулованіе офицеровъ высокопревосходительствами и благородіями и замѣняется обращеніями: г. генералъ и т. д.; 6) грубое обращеніе съ солдатами всякихъ воинскихъ чиновъ, въ частности — обращеніе къ нимъ на „ты“, воспрещается. О всякомъ нарушеніи сего, равно какъ и о всѣхъ недоразумѣніяхъ между офицерами и солдатами, послѣдніе обязаны доводить до свѣдѣнія ротныхъ комитетовъ“. Приказъ заканчивается такъ: „настоящій приказъ прочесть во всѣхъ ротахъ, батальонахъ, полкахъ, батареяхъ и прочихъ строевыхъ и нестроевыхъ командахъ.“

которое онъ самъ вошелъ въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ.

„Такое міровоззрѣніе руководителя нашей внутренней политики, говоритъ Милюковъ, практически привело къ систематическому бездѣйствію его вѣдомства и къ самоограниченію центральной власти одной задачей — санкціонированія плодовъ того, что на языкѣ революціонной демократіи называлось революціоннымъ правотворчествомъ. Предоставленное самому себѣ и совершенно лишенное защиты со стороны представителей центральной власти, населеніе, по необходимости, должно было подчиниться управленію партійныхъ организацій, которыя пріобрѣли въ новыхъ мѣстныхъ комитетахъ могучее средство вліянія и пропаганды опредѣленныхъ идей, льстившихъ интересамъ и инстинктамъ массъ, а потому и наиболѣе для нихъ пріемлемыхъ“.

Если объ этомъ такъ говоритъ Милюковъ, самъ принимавшій ближайшее участіе въ сверженіи Царской Власти въ Россіи, то что же было въ дѣйствительности!.. „Не лучше обстояло дѣло и въ другихъ вѣдомствахъ. Всюду царила полная неразбериха, ибо ни у руководителей вѣдомствъ, ни у правительства въ цѣломъ не было никакого опредѣленнаго, систематически осуществляемаго плана. Ломали все старое, ломали изъ призрачнаго страха возврата къ старому, ломали не думая о завтрашнемъ днѣ, съ какой-то безумной поспѣшностью, все то, о чемъ сейчасъ начинаетъ сокрушаться весь русскій народъ“... („Старое Время“, 18/31 Декабря 1923 г., № 13).

„...Всего нѣсколько мѣсяцевъ, какъ извѣстно, продержалось Временное Правительство у власти — это правительство, составленное изъ красы и гордости русской прогрессивной общественности. Сдавая постепенно позицію за позиціей соціалистамъ, русская общественность довела страну до большевизма гораздо скорѣе, чѣмъ это ожидали самые заядлые пессимисты того времени. За кратковременное свое существованіе Временное Правительство все же успѣло:

Попрать всякую въ странѣ свободу, всякое право и всякую справедливость.

Разрушить воинскую дисциплину и тѣмъ уничтожить совершенно всякую боеспособность въ русской арміи.

Нанести ударъ важнѣйшему устою общественной жизни — праву собственности. Словомъ, рѣшительно все, ради чего прогрессивная общественность вовлекла довѣрившійся ей народъ въ революцію, все оказалось ложью и обманомъ.

Манили свободами и правовымъ порядкомъ, — привели къ худшей формѣ крѣпостного права, безсудію и террору.

Манили землею, — на дѣлѣ отняли хлѣбъ и довели до голодной смерти.

Обѣщали побѣду, — привели къ разрушенію арміи, неслыханному безчестію и позорному миру.

Восхваляли народовластіе, а учинили деспотію III интернаціонала.

Свергли Царя за то, что не хотѣлъ дать отвѣтственное министерство и прервалъ сессію Государственной Думы, а сами вовсе упразднили Государственную Думу и всю власть законодательную, исполнительную и даже судебную сдали на руки безотвѣтственныхъ людей"... (Тамъ же, № 17).

Къ этимъ словамъ г. Мглинскаго я могу сдѣлать только одно добавленіе. Разрушалась Россія *сознательно* и ея развалъ явился не результатомъ теоретическихъ ошибокъ и заблужденій идейныхъ борцовъ революціи, желавшихъ взамѣнъ дурного стараго создать что то лучшее новое, какъ думали и продолжаютъ даже теперь думать непрозрѣвшіе люди, а выполненіемъ давно задуманныхъ и геніально разработанныхъ программъ, обрекавшихъ Россію на *вымираніе*. Отсюда ужасныя „чрезвычайки", отсюда экономическая политика, приводившая къ голоду и людоѣдству, отсюда непомѣрные налоги, приводившіе къ возстаніямъ и подавленіе этихъ возстаній вооруженною силою, отсюда массовыя эпидеміи, моръ и болѣзни, уносившія милліоны жертвъ и пр. и пр., какъ прямой результатъ всѣхъ начинаній новыхъ правителей Россіи.

Все это создавалось умышленно съ единою цѣлью — уничтожить самую возможность сопротивленія и укрѣпить свою власть. И съ помощью ужасающаго террора, такая возможность была дѣйствительно вырвана съ корнемъ, тогда какъ „заграница" объясняла покорность вымирающаго отъ голода и истребляемаго казнями населенія — „натурою" русскаго народа и его сочувствіемъ „новому режиму"...

Но кто же догадывался, что въ основѣ всѣхъ этихъ ужасовъ лежали еврейскія религіозныя цѣли, и кто даже теперь повѣритъ тому, что „царизмъ" подлежалъ уничтоженію именно потому, что воплощалъ собою „христіанскія" цѣли, являясь самымъ опаснымъ врагомъ жидовства?

ГЛАВА 29.

Методы и способы истребленія русскаго народа.

Истреблялся русскій народъ тремя способами:

1) Убійствомъ,

2) Голодомъ и

3) Нравственными пытками.

Здѣсь былъ сознательный умыселъ и никакія оправданія и объясненія не опровергнутъ такого утвержденія. Бездарность же и абсолютная неграмотность какъ Временнаго Правительства, такъ и совѣтской власти въ сферѣ управленія правительственнымъ аппаратомъ сказывались въ разрушеніяхъ, причиненныхъ государству, а не въ гибели десятковъ милліоновъ христіанскаго населенія, сознательно допущенной столько же по обще-государственнымъ соображеніямъ новыхъ правителей Россіи, сколько и въ цѣляхъ закрѣпленія ихъ власти.

Всѣ три способа истребленія русскаго народа вели, конечно, къ одной цѣли, — къ смерти, но самымъ ужаснымъ изъ нихъ былъ третій способъ — нравственныя пытки, отъ которыхъ люди или сходили съ ума, или кончали жизнь самоубійствомъ. Никакое воображеніе не можетъ представить себѣ характера этихъ пытокъ: ихъ нужно было видѣть.

Съ молитвою за несчастныхъ, невинно замученныхъ жертвъ жидовскаго фанатизма подойдемъ ближе къ мѣстамъ ихъ мученій и страданій, войдемъ вглубь кровавыхъ застѣнковъ, гдѣ милліоны православныхъ христіанъ кончали свои счеты съ жизнью среди оргій обезумѣвшихъ сатанистовъ, войдемъ туда не для празднаго любопытства, а во имя долга предъ человѣчествомъ, чтобы повѣдать всему міру о томъ, что мы тамъ увидѣли... и чему до сихъ поръ еще такъ мало вѣрятъ. Не вѣрятъ потому, что никакое воображеніе не въ силахъ нарисовать картины тѣхъ ужасовъ, какія испытала великая христіанская Россія, очутившись въ когтяхъ вампира, высасывающаго ея кровь... Однако будемъ помнить, что всѣ эти ужасы, все то, что разсматривается Европою какъ „сказка“ или преувеличеніе, созданное якобы присущимъ русскому антисемитизмомъ, станетъ яснымъ и понятнымъ, если мы не забудемъ основную цѣль русской революціи — истребленіе христіанскаго населенія Россіи.

ГЛАВА 30.

I. Чека.

а) Задачи „чека“ заграницей.

Первою задачею совѣтской власти было закрѣпленіе завоеванныхъ ею позицій. Какъ ни одураченъ былъ русскій

народъ, по природѣ довѣрчивый и простодушный, однако совѣтская власть хорошо сознавала, что гипнозъ не будетъ продолжительнымъ и прозрѣвшій народъ неминуемо ее свергнетъ. Вотъ почему на ряду съ невообразимою, беззастѣнчивою и наглою ложью, маскировавшей цѣли и задачи власти, называвшейся „рабоче-крестьянскимъ" правительствомъ, жиды были озабочены созданіемъ условій, исключавшихъ бы самую мысль о возможности какого либо сопротивленія.

Съ чьей же стороны имъ угрожала наибольшая опасность?

Конечно, прежде всего со стороны арміи, со стороны всѣхъ прежнихъ представителей царской власти, наконецъ, со стороны образованнаго класса. Но къ моменту захвата власти большевиками, ни арміи, ни представителей прежней власти уже не было. Изданный „Временнымъ Правительствомъ" приказъ № 1 не только развалилъ армію, но и вызвалъ поголовное уничтоженіе командного состава, что привело къ массовому дезертирству и къ грабежамъ и убійствамъ мирнаго населенія озвѣрѣлыми солдатами. Государственный аппаратъ былъ также разрушенъ и на мѣстахъ не было никакой власти. Остался только столь опасный большевикамъ образованный классъ населенія, такъ называемые „буржуи", и поголовное уничтоженіе этихъ людей явилось ближайшею задачею большевиковъ.

Съ этою цѣлью и была создана „Чрезвычайная Исполнительная Комиссія по борьбѣ съ контръ-революціей, спекуляціей и саботажемъ", получившая названіе „чрезвычайки", или просто „*чека*". Однако, тотъ кто знаетъ еврейскій языкъ, знаетъ и то, что слово „чека" является не только сокращеніемъ словъ „чрезвычайная комиссія", но на еврейскомъ языкѣ выражаетъ „бойню для скота", т. е. какъ разъ отвѣчаетъ понятіямъ Талмуда, разсматривающимъ каждаго не-еврея, какъ животное и требующимъ его убійства.

Задача этого чудовищнаго учрежденія состояла въ томъ, чтобы вылавливать каждаго интеллигента, бросать его въ тюрьму и, послѣ ужасныхъ пытокъ и мученій, предавать смертной казни. Такъ какъ агенты чрезвычайки относили къ „буржуямъ" каждаго мало мальски опрятно одѣтаго человѣка, то скоро весь образованный классъ сбросилъ съ себя привычныя одежды и сталъ ходить въ лохмотьяхъ. Кто повѣритъ, что людей казнили только за то, что они имѣли накрахмаленную рубаху и носили галстухъ?!

Однако никакое переодѣваніе не спасало несчастныхъ отъ гибели, ибо чрезвычайки имѣли при себѣ давно заготовленные списки „буржуевъ" и если не вырѣзали въ первый

же день своего владычества всѣхъ поголовно, то лишь потому, что еще не были съорганизованы.

Такъ какъ задачи совѣтской власти сводились не только къ развалу Россіи, но и преслѣдовали болѣе широкія цѣли, связанныя съ идеей всемірной революціи, то Московская Чрезвычайная Комиссія имѣла многочисленныя отдѣленія не только въ Россіи, но и въ главнѣйшихъ центрахъ Западной Европы, — Лондонѣ, Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ и пр. и пр.

Дабы не быть голословнымъ, привожу выдержку изъ статьи „Двѣ замѣтки изъ газетъ", помѣщенной въ 5-мъ выпускѣ журнала „Двуглавый Орелъ", отъ 1/14 Апрѣля 1921 г., на стр. 44:

„Печатаемая ниже замѣтка, изъ газеты „Свобода" отъ 11 Марта с/г., въ комментаріяхъ не нуждается. Она — лишнее доказательство безграничной подлости большевиковъ и безпредѣльнаго цинизма тѣхъ европейскихъ правительствъ, которыя, возвѣщая на словахъ возвышенныя идеи права и человѣколюбія, на дѣлѣ, по низменнымъ своекорыстнымъ побужденіямъ, протягиваютъ руку помощи палачамъ и насильникамъ, утверждающимъ свою власть на истязаніяхъ ни въ чемъ неповинныхъ заложниковъ — женщинъ и дѣтей, близкихъ врагамъ большевическаго строя...

Красная маффія.

Подъ такимъ заголовкомъ въ украинскомъ еженедѣльникѣ „Воля" помѣщены слѣдующіе документы:

Весьма секретно.

1.

Интернаціональнымъ отдѣламъ В. Ч. К. и отвѣтственнымъ работникамъ особыхъ отдѣловъ.

Для полной ликвидаціи бунтовъ и заговоровъ, организуемыхъ заграничными агентами на территоріи Совѣтской Россіи къ немедленному исполненію предлагается:

1) Регистрація всего бѣлогвардейскаго элемента (отдѣльно по краямъ) для увеличенія числа заложниковъ изъ состава ихъ родныхъ и родственниковъ, оставшихся въ Совѣтской Россіи; на особомъ учетѣ держать тѣхъ, кто, занимая отвѣтственныя должности въ Совѣтской Россіи, измѣнилъ рабоче-крестьянскому дѣлу. Эта категорія должна быть уничтожена при первой возможности.

2) Устройство террористическихъ актовъ надъ наиболѣе активными работниками, а также надъ членами военныхъ миссій Антанты.

3) Организація боевыхъ дружинъ и отдѣловъ, могущихъ выступить по первому указанію.

4) Немедленное вліяніе на развѣдывательные и контръ-развѣдывательные отдѣлы и организація окраинъ съ цѣлью пересозданія ихъ въ свои.

5) Организація фиктивныхъ бѣлогвардейскихъ организацій съ цѣлью скорѣйшаго выясненія заграничной агентуры на нашей территоріи.

Предсѣдатель Всероссійской Чрезвычайной Комиссіи
Дзержинскій.

2.

Такъ какъ заграничная Ч. К. будетъ обслуживаться тѣмъ большевическимъ аппаратомъ, который у нихъ тамъ уже имѣется, то одновременно подаю Вамъ и списокъ большевической заграничной агентуры съ ея передаточными пунктами: сношенія производятся, главнымъ образомъ, чрезъ Нарву и Штетинъ. Главнымъ центромъ является *Берлинъ* съ Копомъ и помощникомъ Райхомъ во главѣ. Главные курьеры: Шнейдеръ, Чернякъ, Феерманъ, Канторовичъ, Беандровъ, Бардахъ, Курка и Изерскій.

Въ *Штетинѣ* сидятъ — Алексѣевъ и Зусъ;
Въ *Прагѣ* — Зонenштейнъ, Гутманъ, Леонъ, Богровъ, Штурцъ, Феодоровичъ, Тушешко и Нина Криворучка;
Въ *Вѣнѣ* — Александровскій, Н. Уманскій, С. Брандесъ, Марчукъ, Фаденюкъ и Левковъ;
Въ *Грацѣ* — Гольденфельдъ;
Въ *Кладно* — Ляндперъ;
Въ *Люблинѣ* — Юрчикъ;
Въ *Фіуме* — Жековъ и Баррерь;
Въ *Загребѣ* — Курскій (Шмемманъ);
Въ *Сараевѣ* — Раджиловичъ;
Въ *Тріестѣ* — Тороти, Водовозовъ, Триппенбахъ;
Въ *Бриндизи* — Минкичъ;
Въ *Венеціи* — Коганъ;
Въ *Миланѣ* — Янковскій;
Въ *Салоникахъ* — Ведринскій, Сирановъ, Скворогъ, Маликъ-Бей;
Въ *Генуѣ* — Мжованадзе;
Въ *Ниццѣ* — Бѣлорусовъ и фонъ-Лауреможенъ;
Въ *Марселѣ* — Тріанъ, Гуровскій и Камъ-Сараханъ (Али Эланъ);
Въ *Ліонѣ* — С. Северина;
Въ *Парижѣ* — Б. Суваранъ, Луша Баденъ, Торесъ, Ясинскій, Вайянъ Кутюрье;

Въ *Роттердамѣ* — Ридель и Гасевичъ;
Въ *Гамбургѣ* — Таудъ и Окунь;
Въ *Шербургѣ* — Лесчилье и Тиршинъ;
Въ *Бордо* — Садиковъ и Ст. Кордѐ;
Въ *Біаррицѣ* — Алянская и Гуревичъ;
Въ *Мадридѣ* — Рудакъ и Кастро-дю-Кабрера;
Въ *Дублинѣ* — О'Крейтъ;
Въ *Лондонѣ* — Мюннеръ, Парацельсъ, Гриневицкая, Мамонъ, Кирхнеръ и Трубачевъ;
Въ *Копенгагенѣ* — Соломонъ и Бенертъ;
Въ *Стокгольмѣ* — Воровскій;
Въ *Гельсингфорсѣ* — Кербергъ;
Въ *Ригѣ* — Герсонъ, Миносекъ и Заббе;
Въ *Ковно* — Гриневичъ и Робиновичъ."

Этотъ списокъ неполный. Въ него входятъ только главные „киты" организаціи. Возлѣ каждой группы имѣется масса отдѣловъ и подотдѣловъ, которые пополняются большею частью „мѣстными силами"...

Означенныя свѣдѣнія относятся къ 1921 году, и съ того времени произошло, навѣрное, много перемѣнъ. Но имена и не важны, тѣмъ болѣе, что и подъ вышеприведенными, навѣрное, скрываются подставныя лица.

Перемѣщенный изъ Стокгольма въ Римъ большевическій агентъ Воровскій, какъ извѣстно, былъ убитъ въ Швейцаріи, и хотя весь нежидовскій міръ преклонился предъ Швейцарскимъ судомъ, оправдавшимъ героевъ Конради и Полунина, однако правительство Италіи выразило семьѣ убитаго соболѣзнованіе, оставаясь равнодушнымъ къ милліонамъ жертвъ, замученныхъ Воровскимъ, чѣмъ вызвало не малое изумленіе не только со стороны русскихъ, но и со стороны итальянцевъ, связанныхъ съ русскими узами взаимной симпатіи и участіемъ къ страданіямъ Россіи.

ГЛАВА 31.

б) Работа „чека" въ Россіи.

Въ Россіи каждый городъ имѣлъ нѣсколько отдѣленій, задача которыхъ состояла, какъ я уже говорилъ, въ уничтоженіи образованнаго класса; въ деревняхъ и селахъ — эта задача сводилась къ истребленію духовенства, помѣщиковъ и

наиболѣе зажиточныхъ крестьянъ, а заграницею, какъ мы видѣли, къ шпіонажу и подготовкѣ коммунистическихъ выступленій, устройству забастовокъ, подготовкѣ выборовъ и къ подкупу прессы, на что расходовались сотни милліоновъ золота, награбленнаго большевиками въ Россіи.

„1-ю категорію“ обреченныхъ чрезвычайками на уничтоженіе составляли:

1) лица, занимавшія въ до-большевической Россіи хотя бы сколько нибудь замѣтное служебное положеніе — чиновники и военные, независимо отъ возраста, и ихъ вдовы,

2) семьи офицеровъ-добровольцевъ (были случаи разстрѣла 5-ти лѣтнихъ дѣтей, а въ Кіевѣ разъяренные большевики гонялись даже за младенцами, прокалывая ихъ насквозь штыками своихъ ружей),

3) священно-служители,

4) рабочіе и крестьяне съ заводовъ и деревень, подозрѣваемыхъ въ несочувствіи совѣтской власти,

5) всѣ лица, безъ различія пола и возраста, имущество коихъ, движимое или недвижимое, оцѣнивалось свыше 10.000 рублей.

По размѣрамъ и объему своей дѣятельности Московская Чрезвычайная Комиссія была не только министерствомъ, но какъ бы государствомъ въ государствѣ. Она охватывала собою буквально всю Россію и щупальцы ея проникали въ самые отдаленные уголки необъятной территоріи русскаго государства. Комиссія имѣла цѣлую армію служащихъ, военные отряды, жандармскія бригады, огромное количество батальоновъ пограничной стражи, стрѣлковыхъ дивизій и бригадъ башкирской кавалеріи, китайскихъ войскъ и пр. и пр., не говоря уже о спеціальныхъ, привилегированныхъ агентахъ, съ многочисленнымъ штатомъ служащихъ, задача которыхъ заключалась въ шпіонажѣ и доносахъ.

Во главѣ этого ужаснаго учрежденія, къ описываемому мною времени, стоялъ человѣкъ-звѣрь полякъ Феликсъ Дзержинскій, имѣвшій нѣсколькихъ помощниковъ и между ними Бѣлобородова, съ гордостью именовавшаго себя убійцей Царя. Во главѣ провинціальныхъ отдѣленій находились подобные же звѣри, люди отмѣченные печатью сатанинской злобы, несомнѣнно одержимые діаволомъ (увы, теперь этому не вѣрятъ, а между тѣмъ, какъ много такихъ одержимыхъ въ наше время, но мы духовно слѣпы и ихъ не замѣчаемъ!), а низшій служебный персоналъ, какъ въ центрѣ, такъ и въ провинціи, состоялъ, главнымъ образомъ, изъ жидовъ и подонковъ всякаго рода національностей — китайцевъ, венгровъ, латышей и эстонцевъ, армянъ, поляковъ, освобожденныхъ каторжни-

ковъ, выпущенныхъ изъ тюремъ уголовныхъ преступниковъ, злодѣевъ, убійцъ и разбойниковъ. Это были непосредственные выполнители директивъ, палачи, упивавшіеся кровью своихъ жертвъ и получавшіе плату по сдѣльно, за каждаго казненнаго. Въ ихъ интересахъ было казнить возможно большее количество людей, чтобы побольше заработать. Между ними видную роль играли и женщины, почти исключительно жидовки, и особенно молодыя дѣвицы, которыя поражали своимъ цинизмомъ и выносливостью даже закоренѣлыхъ убійцъ не только русскихъ, но даже китайцевъ. „Заработокъ" былъ великъ: всѣ были милліонерами.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что между этими людьми не было ни одного физически и психически нормальнаго человѣка: всѣ они были дегенератами, съ явно выраженными признаками вырожденія, и должны были бы находиться въ домахъ для умалишенныхъ, а не гулять на свободѣ, всѣ отличались неистовою развращенностью и садизмомъ, находились въ повышенно нервномъ состояніи и успокаивались только при видѣ крови... Нѣкоторые изъ нихъ запускали даже руку въ дымящуюся и горячую кровь и облизывали свои пальцы, при чемъ глаза ихъ горѣли отъ чрезвычайнаго возбужденія.

И въ рукахъ этихъ людей находилась Россія!..

И руки этихъ людей пожимала „культурная" Европа!

О стыдъ и позоръ!

Какъ ужасный вампиръ раскинула „чрезвычайка" свои сѣти на пространствѣ всей Россіи и приступила къ уничтоженію христіанскаго населенія, начиная съ богатыхъ и знатныхъ, выдающихся представителей культурнаго класса и кончая неграмотнымъ крестьяниномъ, которому вмѣнялась въ преступленіе только принадлежность къ христіанству.

Въ теченіе короткаго промежутка времени были убиты едва ли не всѣ представители науки, ученые, профессора, инженеры, доктора, писатели, художники, не говоря уже о сотняхъ тысячъ всякаго рода государственныхъ чиновниковъ, которые были уничтожены въ первую очередь. Такое массовое избіеніе и оказалось возможнымъ только потому, что никто не предполагалъ самой возможности его, всѣ оставались на мѣстахъ и не предпринимали никакихъ мѣръ къ спасенію, не допуская, конечно, и мысли о томъ, что задача новой власти сводится къ истребленію христіанъ.

Въ газетѣ „Послѣднія Новости" (№ 160) помѣщена замѣтка о гибели русскихъ ученыхъ, оставшихся въ совѣтской Россіи. Приводимъ выдержку:

„За $2^1/_2$ года существованія совѣтскаго строя умерло 40% профессуры и врачей. Въ моемъ распоряженіи списки умершихъ, полученные мною изъ Дома ученыхъ и Дома литераторовъ. Даю здѣсь списокъ именъ наиболѣе извѣстныхъ профессоровъ и ученыхъ: Армашевскій, Батюшковъ, Бороздинъ, Васильевъ, Вельяминовъ, Веселовскій, Быковъ, Дормидонтовъ, Дьяконовъ, Жуковскій, Исаевъ, Кауфманъ, Кобеко, Корсаковъ, Киковѣровъ, Кулаковскій, Кулишеръ, Лаппо-Данилевскій, Леммъ, Лопатинъ, Лучицкій, Морозовъ, Нагуевскій, Погенполь, Покровскій, Радловъ, Рихтеръ, Рыкачевъ, Смирновъ, Танѣевъ, кн. Е. Трубецкой, Туганъ-Барановскій, Тураевъ, Фамицынъ, Флоринскій, Хвостовъ, Федоровъ, Ходскій, Шаландъ, Шляпкинъ и др.“

По свѣдѣніямъ газеты „Время“ (№ 136) въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ 1920 г. умерли въ совѣтской Россіи отъ голода и нищеты еще слѣдующіе ученые: проф. Бернацкій, Біанки, проф. Венгеровъ, проф. Гезехусъ, Геккеръ, проф. Дубяго, Модзалевскій, проф. Покровскій, проф. Федоровъ, проф. Штернбергъ и академикъ Шахматовъ“.

Свѣдѣнія эти, конечно, неполныя, но, если столько ученыхъ погибло за $2^1/_2$ года, то сколько же ихъ погибло за 10 лѣтъ?! Да и возможно ли теперь установить точную цыфру, когда совѣтская власть не пропускаетъ заграницу никакихъ свѣдѣній, могущихъ ее компрометировать, а эмиграція пользуется лишь обрывками, случайно попадающими въ газеты?!

Съ каждымъ днемъ своего владычества жиды наглѣли все больше.

Сначала производились массовые обыски якобы скрытаго жителями оружія, затѣмъ аресты и заключеніе въ тюрьму и смертная казнь въ подвалахъ „чрезвычаекъ“. Терроръ былъ такъ великъ, что ни о какомъ сопротивленіи не могло быть и рѣчи, никакого общенія населенія не допускалось, никакія совѣщанія о способахъ самозащиты были невозможны, никакое бѣгство изъ городовъ, селъ и деревень, оцѣпленныхъ красноармейцами было немыслимо. Подъ угрозою смертной казни было запрещено выходить даже на улицу, но, если бы такого запрещенія и не было, то никто бы не отважился выйти изъ дома изъ опасенія быть убитымъ, ибо перестрѣлка на улицахъ стала обычнымъ явленіемъ.

Людей хватали на улицахъ, врывались въ дома днемъ и ночью, стаскивая обезумѣвшихъ отъ страха съ постели, и волокли въ подвалы чрезвычаекъ стариковъ и старухъ, женъ и матерей, юношей и дѣтей, связывая имъ руки, оглушая ихъ ударами, съ тѣмъ чтобы разстрѣлять ихъ, а трупы бросить въ ямы, гдѣ они дѣлались добычею голодныхъ собакъ.

Вполнѣ очевидно, что отсутствіе сопротивленія, покорность и запуганность населенія еще болѣе разжигала страсти палачей, и они скоро перестали обставлять убійства людей всякаго рода инсценировками, а начали разстрѣливать на улицахъ каждаго проходящаго.

И для несчастныхъ людей такая смерть была не только самымъ лучшимъ, но и самымъ желаннымъ исходомъ. Внезапно сраженные пулею, они умирали мгновенно, не извѣдавъ ни предсмертнаго страха, ни предварительныхъ пытокъ и мученій въ чрезвычайкахъ, ни унизительныхъ издѣвательствъ, сопровождающихъ каждый арестъ и заключеніе въ тюрьму.

Въ чемъ же заключались эти пытки, мученія и издѣвательства?

Нужно имѣть крѣпкіе нервы, чтобы только вдуматься въ ужасъ этихъ переживаній и хотя бы на очень отдаленномъ разстояніи представить ихъ въ своемъ воображеніи.

На первыхъ порахъ, какъ я уже сказалъ, практиковались обыски, якобы скрытаго оружія и въ каждый домъ, на каждой улицѣ, безпрерывно днемъ и ночью, являлись вооруженные до зубовъ солдаты въ сопровожденіи агентовъ чрезвычайки и открыто грабили все, что имъ попадалось подъ руку. Никакихъ обысковъ они не производили, а, имѣя списки намѣченныхъ жертвъ, уводили ихъ съ собою въ чрезвычайку, предварительно ограбивъ, какъ самихъ жертвъ, такъ и ихъ родныхъ и близкихъ. Всякаго рода возраженія были безполезны и приставленное ко лбу дуло револьвера было отвѣтомъ на попытку отстоять хотя бы самыя необходимыя вещи. Грабили все, что могли унести съ собою. И запуганные обыватели были счастливы, если такіе визиты злодѣевъ и разбойниковъ оканчивались только грабежомъ.

Позднѣе они сопровождались неслыханными глумленіями и издѣвательствами и превращались въ дикія оргіи. Подъ предлогомъ обысковъ, эти банды разбойниковъ являлись въ лучшіе дома города, приносили съ собою вино и устраивали вечеринки, барабаня по роялю и насильно заставляя хозяевъ танцовать... Кто отказывался, того убивали на мѣстѣ. Особенно тѣшились негодяи, когда имъ удавалось заставлять танцовать престарѣлыхъ и дряхлыхъ, или священниковъ и монаховъ. И нерѣдко были случаи, когда приносимое разбойниками шампанское смѣшивалось съ кровью застрѣленныхъ ими жертвъ, валявшихся тутъ же на полу, гдѣ они продолжали танцовать, справляя свои сатанинскія тризны. Кажется дальше уже идти некуда, а между тѣмъ изверги допускали еще бòльшія звѣрства: на глазахъ родителей они не только насиловали дочерей,

но даже растлѣвали малолѣтнихъ дѣтей, заражая ихъ неизлѣчимыми болѣзнями.

Вотъ почему, когда такія посѣщенія ограничивались только грабежомъ, или арестомъ, то обыватели считали себя счастливыми.

Поймавъ свою жертву, жиды уводили ее въ „чрезвычайку".

„Чрезвычайки" занимали обыкновенно самые лучшіе дома города и помѣщались въ наиболѣе роскошныхъ квартирахъ, состоящихъ изъ цѣлаго ряда комнатъ. Здѣсь засѣдали безчисленные „слѣдователи". Приведя свою жертву въ пріемную, жиды сдавали ее слѣдователю и тутъ начинался допросъ. Послѣ обычныхъ вопросовъ о личности, занятіи и мѣстожительствѣ, начинался допросъ о характерѣ политическихъ убѣжденій, о принадлежности къ партіи, объ отношеніи къ совѣтской власти, къ проводимой ею программѣ и пр. и пр., затѣмъ, подъ угрозою разстрѣла, требовались адреса близкихъ, родныхъ и знакомыхъ жертвы и предлагался цѣлый рядъ другихъ вопросовъ, совершенно безсмысленныхъ, разсчитанныхъ на то, что допрашиваемый собьется, запутается въ своихъ показаніяхъ и тѣмъ создастъ почву для предъявленія конкретныхъ обвиненій... Такихъ вопросовъ предлагалось сотни, и несчастная жертва была обязана отвѣчать на каждый изъ нихъ, при чемъ отвѣты тщательно записывались, послѣ чего допрашиваемый передавался другому слѣдователю.

Этотъ послѣдній начиналъ допросъ сначала и предлагалъ буквально тѣ же вопросы, только въ другомъ порядкѣ, послѣ чего передавалъ свою жертву третьему слѣдователю, затѣмъ четвертому и т. д. до тѣхъ поръ, пока, доведенный до полнаго изнеможенія, обвиняемый соглашался на какіе угодно отвѣты, приписывалъ себѣ несуществующія преступленія и отдавалъ себя въ полное распоряженіе палачей. Многіе не выдерживали пытки и теряли разсудокъ. Ихъ причисляли къ счастливцамъ, ибо впереди были еще болѣе страшныя испытанія, еще болѣе звѣрскія истязанія.

Никакое воображеніе не способно представить себѣ картину этихъ истязаній. Людей раздѣвали до гола, связывали кисти рукъ веревкою и подвѣшивали къ перекладинамъ съ такимъ расчетомъ, чтобы ноги едва касались земли, а затѣмъ медленно и постепенно разстрѣливали изъ пулеметовъ, ружей или револьверовъ. Пулеметчикъ раздроблялъ сначала ноги для того, чтобы они не могли поддерживать туловища, затѣмъ наводилъ прицѣлъ на руки и въ такомъ видѣ оставлялъ висѣть свою жертву, истекающую кровью... Насладившись мученіемъ страдальцевъ, онъ принимался снова разстрѣливать

ее въ разныхъ мѣстахъ до тѣхъ поръ, пока живой человѣкъ превращался въ безформенную кровавую массу и только послѣ этого добивалъ ее выстрѣломъ въ лобъ. Тутъ же сидѣли и любовались казнями приглашенные „гости" которые пили вино, курили и играли на піанино или балалайкахъ.

Ужаснѣе всего было то, что несчастныхъ не добивали на смерть, а сваливали въ фургоны и бросали въ яму, гдѣ многихъ заживо погребали. Ямы, наспѣхъ вырытыя, были неглубоки и оттуда не только доносились стоны изувѣченныхъ, но были случаи, когда страдальцы, съ помощью прохожихъ, выползали изъ этихъ ямъ, лишившись разсудка.

Часто практиковалось сдираніе кожи съ живыхъ людей, для чего ихъ бросали въ кипятокъ, дѣлали надрѣзы на шеѣ и вокругъ кисти рукъ и щипцами стаскивали кожу, а затѣмъ выбрасывали на морозъ... Этотъ способъ практиковался въ Харьковской чрезвычайкѣ, во главѣ которой стояли „товарищъ Эдуардъ" и каторжникъ Саенко. По игнаніи большевиковъ изъ Харькова Добровольческая армія обнаружила въ подвалахъ чрезвычайки много „перчатокъ". Такъ называлась содранная съ рукъ вмѣстѣ съ ногтями кожа. Раскопки ямъ, куда бросались трупы убитыхъ, обнаружили слѣды какой то чудовищной операціи надъ половыми органами, сущность которой не могли опредѣлить даже лучшіе харьковскіе хирурги. Они высказывали предположеніе, что это одна изъ примѣняемыхъ въ Китаѣ пытокъ, по своей болѣзненности превышающая все доступное человѣческому воображенію. На трупахъ бывшихъ офицеровъ, кромѣ того, были вырѣзаны ножомъ, или выжжены огнемъ погоны на плечахъ, на лбу — совѣтская звѣзда, а на груди — орденскіе знаки, были отрѣзанные носы, губы и уши... На женскихъ трупахъ — отрѣзанныя груди и сосцы и пр. Масса раздробленныхъ и скальпированныхъ череповъ, содранные ногти, съ продѣтыми подъ ними иглами и гвоздями, выколотые глаза, отрѣзанныя пятки и пр. и пр. Много людей было затоплено въ подвалахъ чрезвычаекъ, куда загоняли несчастныхъ и затѣмъ открывали водопроводные краны.

Въ *Петербургѣ* — во главѣ чрезвычайки стоялъ латышъ Петерсъ, переведенный затѣмъ въ Москву. По вступленіи своемъ въ должность „начальника внутренней обороны", онъ немедленно же разстрѣлялъ свыше 1.000 человѣкъ, а трупы приказалъ бросить въ Неву, куда сбрасывались и тѣла разстрѣлянныхъ имъ въ Петропавловской крѣпости офицеровъ. Къ концу 1917 года въ Петербургѣ оставалось еще нѣсколько десятковъ тысячъ офицеровъ, уцѣлѣвшихъ отъ войны и большая половина ихъ была разстрѣляна Петерсомъ, а затѣмъ

жидомъ Урицкимъ. Даже по совѣтскимъ даннымъ, явно ложнымъ, Урицкимъ было разстрѣляно свыше 5.000 офицеровъ.

Переведенный въ *Москву*, чекистъ Петерсъ, въ числѣ прочихъ помощниковъ имѣвшій латышку Краузе, залилъ кровью буквально весь городъ. Нѣтъ возможности передать все, что извѣстно объ этой женщинѣ-звѣрѣ и ея садизмѣ. Разсказывали, что она наводила ужасъ однимъ своимъ видомъ, что приводила въ трепетъ своимъ неестественнымъ возбужденіемъ... Она издѣвалась надъ своими жертвами, измышляла самые тонкіе виды мученій преимущественно въ области половой сферы и прекращала ихъ только послѣ полнаго изнеможенія и наступленія половой реакціи. Объектомъ ея мученій были, главнымъ образомъ, юноши и никакое перо не въ состояніи передать, что эта сатанистка производила съ своими жертвамм, какія операціи продѣлывала надъ ними... Достаточно сказать, что такія операціи длились часами и она прекрашала ихъ только послѣ того, какъ корчившіеся въ страданіяхъ молодые люди превращались въ окровавленные трупы съ застывшими отъ ужаса глазами... Ея достойнымъ сотрудникомъ былъ не менѣе извращенный садистъ Орловъ, спеціальностью котораго было разстрѣливать мальчиковъ, которыхъ онъ вытаскивалъ изъ домовъ, или ловилъ на улицахъ. Этихъ послѣднихъ имъ разстрѣляно въ Москвѣ нѣсколько тысячъ. Другой чекистъ Мага объѣзжалъ тюрьмы и разстрѣливалъ заключенныхъ, третій посѣщалъ съ этой цѣлью больницы... Если мои свѣдѣнія кажутся неправдоподобными, а это можетъ случиться до того они невѣроятны и съ точки зрѣнія нормальныхъ людей недопустимы, то я прошу провѣрить ихъ, ознакомившись хотя бы только съ иностранною прессою за годы, начиная съ 1918-го, и просмотрѣть газеты „Victoire", „Times", „Le Travail", „Journal de Génève", „Journal des Debats" и др.

Всѣ эти свѣдѣнія заимствованы или изъ разсказовъ чудомъ вырвавшихся изъ Россіи иностранцевъ, или же изъ офиціальныхъ сообщеній совѣтской власти, какая считаетъ себя настолько прочною, что не находитъ даже нужнымъ скрывать о своихъ злодѣйскихъ замыслахъ въ отношеніи русскаго народа, обреченнаго ею на истребленіе. Въ изданной Троцкимъ (Лейбой Бронштейномъ) брошюрѣ „Октябрьская революція", онъ даже хвастается этою силою, этимъ несокрушимымъ могуществомъ совѣтской власти.

„Мы такъ сильны, говоритъ онъ, что если мы заявимъ завтра въ декретѣ требованіе, чтобы все мужское населеніе Петрограда явилось въ такой то день и часъ на Марсово поле, чтобы каждый получилъ 25 ударовъ розогъ, то 75% тотчасъ

бы явилось и стало бы въ хвостъ и только 25% болѣе предусмотрительныхъ подумали запастись медицинскимъ свидѣтельствомъ, освобождающимъ ихъ отъ тѣлеснаго наказанія..."

Въ *Кіевѣ* чрезвычайка находилась во власти латыша Лациса.

Его помощниками были изверги Авдохинъ, жидовки „товарищъ Вѣра", Роза Шварцъ и другія дѣвицы. Здѣсь, было полъ-сотни чрезвычаекъ, но наиболѣе страшными были три, изъ коихъ одна помѣщалась на Екатерининской ул., № 16, другая на Институтской ул., № 40 и третья на Садовой ул., № 5. Каждая изъ нихъ имѣла свой собственный штатъ служащихъ, точнѣе палачей, но между ними наибольшею жестокостью отличались упомянутыя двѣ жидовки. Въ одномъ изъ подваловъ чрезвычайки, точно не помню какой, было устроено подобіе театра, гдѣ были разставлены кресла для любителей кровавыхъ зрѣлищъ, а на подмосткахъ, т. е. на эстрадѣ, какая должна была изображать собою сцену, производились казни.

Послѣ каждаго удачнаго выстрѣла раздавались крики „браво", „бисъ" и палачамъ подносились бокалы шампанскаго. Роза Шварцъ лично убила нѣсколько сотъ людей, предварительно втиснутыхъ въ ящикъ, на верхней площадкѣ котораго было продѣлано отверстіе для головы. Но стрѣльба въ цѣль являлась для этихъ дѣвицъ только шуточной забавой и не возбуждала уже ихъ притупившихся нервовъ. Онѣ требовали болѣе острыхъ ощущеній, и съ этой цѣлью Роза и „товарищъ Вѣра" выкалывали иглами глаза, или выжигали ихъ папиросою, или же забивали подъ ногти тонкіе гвозди.

Въ Кіевѣ шопотомъ передавали любимый приказъ Розы Шварцъ, такъ часто раздававшійся въ кровавыхъ застѣнкахъ чрезвычаекъ, когда ничѣмъ уже нельзя было заглушить душураздирающихъ криковъ истязуемыхъ: „залей ему глотку горячимъ оловомъ, чтобъ не визжалъ, какъ поросенокъ"... И этотъ приказъ выполнялся съ буквальною точностью. Особенную ярость вызывали у Розы и Вѣры тѣ изъ попавшихъ въ чрезвычайку, у кого онѣ находили натѣльный крестъ. Послѣ невѣроятныхъ глумленій надъ религіей, онѣ срывали эти кресты и выжигали огнемъ изображеніе креста на груди, или на лбу своихъ жертвъ. Съ приходомъ добровольческой арміи и изгнаніемъ большевиковъ изъ Кіева, Роза Шварцъ была арестована въ тотъ моментъ, когда подносила букетъ одному изъ офицеровъ, ѣхавшихъ верхомъ во главѣ своего отряда, вступавшаго въ городъ. Офицеръ узналъ въ ней свою мучительницу и арестовалъ ее. Такихъ случаевъ провокаціи было

много, и доведенный до совершенства шпіонажъ чрезвычайно затруднялъ борьбу съ большевиками.

Практиковались въ кіевскихъ чрезвычайкахъ и другіе способы истязаній. Такъ, напр., несчастныхъ втискивали въ узкіе деревянные ящики и забивали ихъ гвоздями, катая ящики по полу... Пользовались палачи и Днѣпромъ, куда сотнями загонялись въ воду связанные другъ съ другомъ люди и ихъ или топили, или пачками разстрѣливали изъ пулеметовъ.

Когда фантазія въ измышленіи способовъ казни истощилась, тогда несчастныхъ страдальцевъ бросали на полъ и ударами тяжелаго молота разбивали имъ голову пополамъ съ такою силою, что мозгъ вываливался на полъ. Это практиковалось въ кіевской чрезвычайкѣ, помѣщавшейся на Садовой, 5, гдѣ солдаты добровольческой арміи обнаружили сарай, асфальтовый полъ котораго былъ буквально заваленъ человѣческими мозгами. Неудивительно, что за 6 мѣсяцевъ владычества большевиковъ въ Кіевѣ погибло, по слухамъ, до 100.000 человѣкъ и между ними лучшіе люди города, гордость и краса Кіева.

Приказъ Лациса: „не ищите никакихъ доказательствъ какой либо оппозиціи Совѣтамъ въ словахъ или поступкахъ обвиняемаго. Первый вопросъ, который нужно выяснить, это къ какому классу и профессіи принадлежалъ подсудимый и какое у него образованіе“ — этотъ приказъ его сотрудники-чекисты выполнили буквально.

„По откровенно и цинично горделивымъ признаніямъ того же Лациса, въ 1918 г. и въ теченіе первыхъ 7 мѣсяцевъ 1919 г. было подавлено 344 возстанія и при этомъ убито 3057 чел., и за тотъ же періодъ было казнено, только по приговорамъ и постановленіямъ В. Ч. К. — 8389 чел. Петроградская „чрезвычайка“ за это же время „упразднила“ 1206 чел., кіевская — 825, спеціально московская — 234 чел... Въ Москвѣ за девять мѣсяцевъ 1920 г. было разстрѣляно, по приговорамъ чрезвычайки, — 131 чел... За мѣсяцъ отъ 23 Іюля по 21 Августа этого года московскій революціонный трибуналъ приговорилъ къ смертной казни — 1182“. („Общее Дѣло“, 7 Ноября 1920 г., № 115). Разумѣется, свѣдѣнія эти, какъ исходящія отъ Лациса, не точны.

Въ *Одессѣ* свирѣпствовали знаменитые палачи Дейчъ и Вихманъ, оба жиды, съ цѣлымъ штатомъ прислужниковъ, среди которыхъ, кромѣ жидовъ, были китайцы и одинъ негръ, спеціальностью котораго было вытягивать жилы у людей, глядя имъ въ лицо и улыбаясь своими бѣлыми зубами. Здѣсь же прославилась и Вѣра Гребенщикова, ставшая извѣстной подъ именемъ „Доры“. Она лично застрѣлила 700 человѣкъ.

Каждому жителю Одессы было извѣстно изреченіе Дейча и Вихмана, что они не имѣютъ аппетита къ обѣду прежде чѣмъ не перестрѣляютъ сотню „гоевъ". По газетнымъ свѣдѣніямъ, ими разстрѣляно свыше 8000 человѣкъ, изъ коихъ 400 офицеровъ, но въ дѣйствительности эту цыфру нужно увеличить по меньшей мѣрѣ въ десять разъ. Тотчасъ послѣ оставленія Одессы „союзниками", большевики, ворвавшись въ городъ и не успѣвъ еще съорганизовать чрезвычайку, использовали для своихъ цѣлей линейный корабль „Синопъ" и крейсеръ „Алмазъ", куда и уводили своихъ жертвъ. За людьми началась буквально охота, пойманныхъ не убивали на мѣстѣ только для того, чтобы сперва ихъ помучить. Хватали и днемъ и ночью, и молодыхъ и старыхъ, и женщинъ и дѣтей, хватали всѣхъ безъ разбора, ибо отъ количества пойманныхъ зависѣло количество награбленныхъ вещей и высота заработка. Приводимыхъ на бортъ „Синопа" и „Алмаза" прикрѣпляли желѣзными цѣпями къ толстымъ доскамъ и медленно постепенно продвигали, ногами впередъ, въ корабельную печь, гдѣ несчастные жарились заживо. Затѣмъ ихъ извлекали оттуда, опускали на веревкахъ въ море и снова бросали въ печь, вдыхая въ себя запахъ горѣлаго мяса... Кто могъ бы подумать, что человѣкъ способенъ дойти до такой жестокости, не имѣвшей еще примѣра въ исторіи?! И такою ужасною смертью умирали лучшіе люди Россіи, офицеры, ея доблестные защитники, и между ними герой Портъ-Артура генералъ Смирновъ! Другихъ четвертовали, привязывая къ колесамъ машиннаго отдѣленія, разрывавшихъ ихъ на куски, третьихъ бросали въ паровой котелъ, откуда вынимали, бережно выносили на палубу, якобы для того, чтобы облегчить ихъ страданія, а въ дѣйствительности для того, чтобы притокъ свѣжаго воздуха усилилъ страданія, и затѣмъ снова бросали въ котелъ, съ тѣмъ, чтобы сваренную безформенную массу выбросить въ море.

О томъ, какимъ истязаніямъ подвергались несчастные въ чрезвычайкахъ Одессы можно было судить по орудіямъ пытокъ, среди которыхъ были не только гири, молоты и ломы, коими разбивались головы, но и пинцеты, съ помощью которыхъ вытягивались жилы и такъ называемые „каменные мѣшки", съ небольшимъ отверстіемъ сверху, куда страдальцевъ втискивали, ломая кости, и гдѣ въ скорченномъ видѣ они обрекались спеціально на безсонницу. Нарочито приставленная стража должна была слѣдить за несчастнымъ, не позволяя ему заснуть. Его кормили гнилыми сельдями и мучили жаждою. Здѣсь главными помощницами Дейча и Вихмана были „Дора", убившая, какъ я уже упоминалъ 700 че-

ловѣкъ, и 17-ти лѣтняя проститутка „Саша", разстрѣлявшая свыше 200 человѣкъ. Обѣ онѣ подвергали своихъ жертвъ неслыханнымъ мученіямъ и буквально купались въ ихъ крови. Обѣ были садистками и по цинизму превосходили даже латышку Краузе, являясь подлинными исчадіями ада.

Въ *Вологдѣ* свирѣпствовали палачи Кедровъ (Цедербаумъ) и латышъ Эйдукъ, о жестокости которыхъ создались цѣлыя легенды. Они перестрѣляли несмѣтное количество людей и вырѣзали поголовно всю мѣстную интеллигенцію.

Въ *Воронежѣ* чрезвычайка практиковала чисто ритуальные способы казни. Людей бросали въ бочки со вбитыми кругомъ гвоздями и скатывали бочки съ горы. Этимъ способомъ добыванія христіанской крови, посредствомъ „уколовъ", жиды, какъ извѣстно по процессу Бейлиса въ Кіевѣ, пользовались тогда, когда не имѣли возможности спокойно продѣлать операцію ритуальнаго убійства христіанскихъ дѣтей, требующую спеціальныхъ инструментовъ. Здѣсь же, какъ и въ прочихъ городахъ, выкалывались глаза, вырѣзывались на лбу или на груди совѣтскія звѣзды, бросали живыхъ людей въ кипятокъ, ломали суставы, сдирали кожу, заливали въ горло раскаленное олово и пр. и пр.

Въ *Николаевѣ* чекистъ Богбендеръ (жидъ), имѣвшій своими помощниками двухъ китайцевъ и одного каторжника-матроса, замуровывалъ живыхъ людей въ каменныхъ стѣнахъ.

Въ *Псковѣ*, по газетнымъ свѣдѣніямъ, всѣ плѣнные офицеры, въ числѣ около 200 человѣкъ, были отданы на растерзаніе китайцамъ, которые распилили ихъ пилами на куски.

Въ *Полтавѣ* неистовствовалъ чекистъ Гришка, практиковавшій неслыханный по звѣрству способъ мученій. Онъ предалъ лютой казни 18 монаховъ, приказавъ посадить ихъ на заостренный колъ, вбитый въ землю. Этимъ же способомъ пользовались и чекисты *Ямбурга*, гдѣ на колъ были посажены всѣ захваченные на Нарвскомъ фронтѣ плѣнные офицеры и солдаты. Никакое перо неспособно описать мученія страдальцевъ, которые умирали не сразу, а спустя нѣсколько часовъ, извиваясь отъ нестерпимой боли. Нѣкоторые мучились даже болѣе сутокъ. Трупы этихъ великомучениковъ являли собою потрясающее зрѣлище: почти у всѣхъ глаза вышли изъ орбитъ...

Въ *Благовѣщенскѣ* у всѣхъ жертвъ чрезвычайки были вонзенныя подъ ногти пальцевъ на рукахъ и на ногахъ граммофонныя иголки.

Въ *Омскѣ* пытали даже беременныхъ женщинъ, вырѣзывали животы и вытаскивали кишки.

Въ *Казани*, на *Уралѣ* и *Екатеринбургѣ* несчастныхъ распинали на крестахъ, сожигали на кострахъ, или же бро-

сали въ раскаленныя печи. По газетнымъ свѣдѣніямъ, въ одномъ Екатеринбургѣ погибло свыше 2000 человѣкъ

Въ *Симферополѣ* чекистъ Ашикинъ заставлялъ своихъ жертвъ, какъ мужчинъ такъ и женщинъ, проходить мимо него совершенно голыми, оглядывалъ ихъ со всѣхъ сторонъ и затѣмъ ударомъ сабли отрубалъ уши, носы и руки... Истекая кровью несчастные просили его пристрѣлить ихъ, чтобы прекратились муки, но Ашикинъ хладнокровно подходилъ къ каждому отдѣльно, выкалывалъ имъ глаза, а затѣмъ приказывалъ отрубить имъ головы.

Въ *Севастополѣ* несчастныхъ связывали группами, наносили имъ ударами сабель и револьверами тяжкія раны и полуживыми бросали въ море. Въ Севастопольскомъ порту есть мѣста, куда водолазы отказываются опускаться: двое изъ нихъ, послѣ того какъ побывали на днѣ моря, сошли съ ума. Когда третій рѣшился нырнуть въ воду, то выйдя, заявилъ, что видѣлъ цѣлую толпу утопленниковъ, привязанныхъ ногами къ большимъ камнямъ. Теченіемъ воды ихъ руки приводились въ движеніе, волосы были растрепаны. Среди этихъ труповъ священникъ въ рясѣ съ широкими рукавами, подымая руки, какъ будто произносилъ ужасную рѣчь...

Въ *Алупкѣ* чрезвычайка разстрѣляла 272 больныхъ и раненыхъ, подвергая ихъ такого рода истязаніямъ: заживающія раны, полученныя на фронтѣ, вскрывались и засыпались солью, грязной землею или известью, а также заливались спиртомъ и керосиномъ, послѣ чего несчастные доставлялись въ чрезвычайку. Тѣхъ изъ нихъ, кто не могъ передвигаться — приносили на носилкахъ. Татарское населеніе, ошеломленное такой ужасной бойней, увидѣло въ ней наказаніе Божіе и наложило на себя добровольный трехдневный постъ.

Въ *Пятигорскѣ* чрезвычайка убила всѣхъ своихъ заложниковъ, вырѣзавъ почти весь городъ. Несчастные заложники были уведены за городъ, на кладбище, съ руками связанными за спиною проволокою. Ихъ заставили стать на колѣни въ двухъ шагахъ отъ вырытой ямы и начали рубить имъ руки, ноги, спины, выкалывать штыками глаза, вырывать зубы, распарывали животы и пр. Тогда же, въ 1919 году, здѣсь были зарублены измѣнникъ и предатель Царя генералъ Рузскій, генералъ Радко-Дмитріевъ, кн. Н. П. Урусовъ, кн. Шаховской и мн. др., въ томъ числѣ, если не ошибаюсь и б. министръ юстиціи Н. Добровольскій.

Въ *Тифлисѣ* наводилъ ужасъ чекистъ Панкратовъ, прославившійся своими звѣрствами даже заграницей. Онъ убивалъ ежедневно около тысячи человѣкъ не только въ подвалахъ чрезвычаекъ, но и открыто, на городской площади

Тифлиса, гдѣ стѣны почти каждаго дома были забрызганы кровью.

Въ *Крыму* чекисты, не ограничиваясь разстрѣломъ плѣнныхъ сестеръ милосердія, предварительно насиловали ихъ, и сестры запасались ядомъ, чтобы избѣжать безчестія. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, а мы знаемъ, насколько совѣтскія „офиціальныя“ свѣдѣнія точны, въ 1920/21 гг., послѣ эвакуаціи генерала Врангеля въ *Феодосіи* было разстрѣляно — 7500 человѣкъ, въ *Симферополѣ* — 12.000 чел., въ *Севастополѣ* — 9000 чел. и въ *Ялтѣ* — 5000, итого 33.500 человѣкъ. Эту цыфру нужно, конечно, удвоить, ибо однихъ офицеровъ, оставшихся въ Крыму, было разстрѣляно, какъ передавали газеты, свыше 12.000 человѣкъ, и эту задачу выполнилъ жидъ Бела-Кунъ, заявившій, что Крымъ на три года отсталъ отъ революціоннаго движенія и его нужно однимъ ударомъ поставить въ уровень со всею Россіей.

Послѣ занятія *Балтійскихъ городовъ* въ Январѣ 1919 года эстонскими войсками, были вскрыты могилы убитыхъ и тутъ же было установлено по виду истерзанныхъ труповъ, съ какой жестокостью большевики расправлялись со своими жертвами. У 33 убитыхъ черепа были разможжены такъ, что головы висѣли, какъ обрубки дерева на стволѣ. Большинство жертвъ до ихъ разстрѣла имѣли штыковыя раны, вывернутыя внутренности, переломанныя кости. Одинъ изъ убѣжавшихъ разсказывалъ, что его повели съ 56 арестованными и поставили надъ могилой. Сперва начали разстрѣливать женщинъ. Одна изъ нихъ старалась убѣжать и упала раненая, тогда убійцы потянули ее за ноги въ яму, пятеро изъ нихъ спрыгнули на нее и затоптали ее ногами до смерти.

Какъ ни ужасны способы мученій, практиковавшіеся въ чрезвычайкахъ Европейской Россіи, но всѣ они блѣднѣютъ предъ тѣмъ, что творилось озвѣрѣлыми чекистами въ *Сибири*. Тамъ, кромѣ уже описанныхъ пытокъ, примѣнялись еще слѣдующія: въ цвѣточный горшокъ сажали крысу и привязывали его или къ животу, или къ заднему проходу, а чрезъ небольшое круглое отверстіе на днѣ горшка пропускали раскаленный желѣзный прутъ, коимъ прижигали крысу. Спасаясь отъ мученій и не имѣя другого выхода, крыса впивалась зубами въ животъ и прогрызала отверстіе чрезъ которое и влѣзала въ желудокъ, разрывая кишки и поѣдая ихъ, а затѣмъ вылазила съ противоположнаго конца, прогрызая себѣ выходъ въ спинѣ или въ боку...

Поистинѣ были счастливы тѣ, кого *только* разстрѣливали изъ пулеметовъ, ружей, или револьверовъ и кто умиралъ, не извѣдавъ этихъ страшныхъ пытокъ...

Съ какихъ бы мы точекъ зрѣнія ни разсматривали всѣ эти жестокости, онѣ всегда будутъ казаться нелѣпыми... Объясняетъ ихъ только идея жертвоприношенія еврейскому богу, выполненіе требованій Яхве.

ГЛАВА 32.

в) Статьи г. Дивѣева „Жертвы долга" и Д-ра В. Марка „Садизмъ въ Совѣтской Россіи".

Не могу, въ заключеніе, не привести выдержекъ изъ превосходной статьи г. Дивѣева „Жертвы долга", напечатанной въ 31 вып. журнала „Двуглавый Орелъ", за 1/14 Іюня 1922 г., на стр. 27-31, гдѣ сообщаются свѣдѣнія о разстрѣлянныхъ большевиками русскихъ министрахъ и другихъ, лично мнѣ извѣстныхъ, лицахъ.

„... Съ полъ года тому назадъ привелось мнѣ встрѣтиться съ однимъ лицомъ, просидѣвшимъ весь 1918 годъ въ Московской Бутырской тюрьмѣ. Одною изъ самыхъ тяжелыхъ обязанностей заключенныхъ было закапываніе разстрѣлянныхъ и выкапываніе глубокихъ канавъ для погребенія жертвъ слѣдующаго разстрѣла. Работа эта производилась изо дня въ день. Заключенныхъ вывозили на грузовикѣ подъ надзоромъ вооруженной стражи къ Ходынскому полю, иногда на Ваганьковское кладбище, надзиратель отмѣрялъ широкую, въ ростъ человѣка, канаву, длина которой опредѣляла число намѣченныхъ жертвъ. Выкапывали могилы на 20-30 человѣкъ, готовили канавы и на много десятковъ больше. Подневольнымъ работникамъ не приходилось видѣть разстрѣлянныхъ, ибо таковые бывали ко времени ихъ прибытія уже „заприсыпаны землею" руками палачей. Арестантамъ оставалось только заполнять рвы землей и дѣлать насыпь вдоль рва, поглотившаго очередныя жертвы „чека".

Мой собесѣдникъ отбывалъ эту кладбищенскую страду въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Со своей стражей заключенные успѣли сжиться настолько, что она дѣлилась съ ними своими впечатлѣніями о производившихся „операціяхъ". Однажды, по окончаніи копанія очередной сплошной могилы-канавы, конвойцы объявили, что на завтрашнее утро предстоитъ „важный разстрѣлъ" поповъ и министровъ. На слѣдующій день дѣло объяснилось. Разстрѣлянными оказались: епископъ Ефремъ, протоіерей Восторговъ, ксендзъ Лютостанскій съ

братомъ, быв. министръ внутреннихъ дѣлъ Н. А. Маклаковъ, предсѣдатель Государственнаго Совѣта И. Г. Щегловитовъ, быв. министръ внутреннихъ дѣлъ А. Н. Хвостовъ и сенаторъ С. П. Бѣлецкій.. Прибывшихъ размѣстили вдоль могилы и лицомъ къ ней... По просьбѣ о. Іоанна Восторгова палачи разрѣшили всѣмъ осужденнымъ помолиться и попрощаться другъ съ другомъ. Всѣ стали на колѣни и полилась горячая молитва несчастныхъ „смертниковъ", послѣ чего всѣ подходили подъ благословеніе Преосвященнаго Ефрема и о. Іоанна, а затѣмъ всѣ простились другъ съ другомъ. Первымъ бодро подошелъ къ могилѣ о. протоіерей Восторговъ, сказавшій передъ тѣмъ нѣсколько словъ остальнымъ, приглашая всѣхъ, съ вѣрою въ милосердіе Божіе и скорое возрожденіе Родины, принести послѣднюю искупительную жертву. „Я готовъ", заключилъ онъ, обращаясь къ конвою. Всѣ стали на указанныя имъ мѣста. Палачъ подошелъ къ нему со спины вплотную, взялъ его лѣвую руку, вывернулъ ее за поясницу и, приставивъ къ затылку револьверъ, выстрѣлилъ, одновременно толкнувъ о. Іоанна въ могилу. Другіе палачи приступили къ остальнымъ своимъ жертвамъ. Бѣлецкій рванулся и быстро отбѣжалъ въ сторону кустовъ шаговъ 20-30, но настигнутый двумя пулями, упалъ и „его приволокли" къ могилѣ, пристрѣлили и сбросили.

Изъ словъ конвоя, переданныхъ намъ разсказчикомъ, выяснилось, что палачи, перекидываясь замѣчаніями, пока они „присыпали" землею несчастныя свои жертвы, высказывали глубокое удивленіе о. Іоанну Восторгову и Николаю Алексѣевичу Маклакову, видимо поразившихъ ихъ своимъ хладнокровіемъ предъ страшною, ожидавшею ихъ, участью. Иванъ Григорьевичъ Щегловитовъ, по словамъ разсказчика, съ трудомъ передвигался, но ни въ чемъ не проявилъ никакого страха..."

Чѣмъ же объяснить самую возможность такого неслыханнаго звѣрства, такой дикой, непонятной злобы, такой ярости, охватившей самый богобоязненный, самый кроткій и простодушный народъ въ мірѣ, какимъ всегда былъ русскій народъ, всепрощающій и смиренный?

На этотъ вопросъ пытается отвѣтить прекрасная статья доктора В. Марка*) „Садизмъ въ Совѣтской Россіи", напеча-

---

*) Авторъ этой статьи въ концѣ 1921 года покинулъ Совѣтскую Россію, гдѣ онъ, съ самаго начала большевической революціи, занималъ руководящее мѣсто въ качествѣ врача въ Красной арміи. По принужденію большевиковъ авторъ участвовалъ во многихъ большевическихъ военныхъ походахъ и неоднократно былъ свидѣтелемъ массовыхъ разстрѣловъ и пытокъ.

танная въ 30 выпускѣ журнала „Двуглавый Орелъ“ отъ 1/14 Мая 1922 г., на стр. 32-43.

„Бѣдный, несчастный русскій народъ, что большевики надъ тобою продѣлали!“ восклицаетъ докторъ-иностранецъ, подавленный ужасами, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ. Статья д-ра В. Марка такъ интересна, такъ дополняетъ предыдущія иллюстраціи, что я позволяю себѣ привести нѣсколько выдержекъ изъ нея, хотя и несогласенъ съ выводами автора.

I.

Грязное отвратительное зрѣлище невообразимыхъ пытокъ, разстрѣловъ, убійствъ, мучительства и шпіонства достигли въ Совѣтской Россіи невѣроятной степени напряженности и это наростаніе жестокости достигло такихъ громадныхъ размѣровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалось столь обыденнымъ явленіемъ, что все это можно объяснить только *психической заразою*, которая *сверху до низу охватила* всѣ слои населенія. Передъ нашими глазами по лицу восточной Европы проходитъ волна какой то напряженной жестокости, какого то возмутительнаго звѣрскаго садизма, которые, по числу жертвъ, далеко оставляютъ за собою и средневѣковье и французскую революцію. Россія положительно вернулась къ временамъ среднихъ вѣковъ, воскрешая изъ пепла до мельчайшихъ подробностей всѣ ихъ особенности, какъ бы нарочито для того, чтобы дать историкамъ среднихъ вѣковъ, живя въ XX столѣтіи, одновременно переживать и изслѣдовать *самодурство и мракъ среднихъ вѣковъ**). Изо всѣхъ революцій, которыя видѣлъ міръ, русская революція, безспорно, самая кровавая: безвинно и безцѣльно были загублены милліоны людей и все еще нѣтъ конца обреченнымъ жертвамъ. Припадки садизма въ столь громадныхъ размѣрахъ не излѣчиваются столь скоро, чтобы можно было, какъ надѣются многіе оптимисты, черезъ нѣсколько лѣтъ ввести этотъ ураганъ жестокости въ болѣе спокойное русло.

Готовность видѣть непремѣнно грубаго насильника въ каждомъ человѣкѣ, впервые встрѣчаемомъ въ Россіи, настолько глубоко укоренилась въ общемъ сознаніи, что всякая случайная встрѣча гдѣ либо съ любезнымъ и предупредительнымъ человѣкомъ вызываетъ въ душѣ глубочайшее удивле-

---

*) Курсивъ нашъ. Тамъ не было ни мрака, ни самодурства, а сознательное осуществленіе тѣхъ же вѣковыхъ еврейскихъ цѣлей, только болѣе замаскированныхъ и не столь цинично обнаженныхъ, какъ въ Россіи въ періодъ революціи 1917 г. длящейся и донынѣ.

Н. Ж.

ніе. Но и такая любезная предупредительность нерѣдко оказывается лишь обманнымъ средствомъ, чтобы незамѣтно вкрасться въ довѣріе сосѣда и, высмотрѣвъ условія его жизни, при первомъ случаѣ сдѣлать на него доносъ и предать его революціонному трибуналу. *Въ Россіи теперь нельзя имѣть друзей; всякій товарищъ, всякій сосѣдъ можетъ оказаться шпіономъ и теперь въ коммунистической Россіи всякій человѣкъ одиноко идетъ своимъ путемъ**). Это звучитъ парадоксально, но это такъ: въ коммунистическомъ раю каждый порядочный человѣкъ обреченъ на одиночество. И какъ же быть тому иначе, когда повсюду, куда ни взглянешь, находишь и видишь одно и то же: какое то сладострастное наслажденіе человѣческими муками и страданіями; какой то садизмъ, который достигъ предѣловъ безумія и ненаказуемости. И такая безнаказанность, помимо многихъ другихъ причинъ, главнымъ образомъ содѣйствуетъ постоянному наростанію садизма.

Слѣдующіе примѣры даютъ объ этомъ наглядное представленіе. Всякому, кто интересовался Совѣтской Россіей, памятно, конечно, имя Муравьева, бывшаго командующаго красной арміею на чехо-словацкой границѣ въ 1918 году, потомъ покорителя Одессы, которую должны были защищать греческіе солдаты и, наконецъ, разстрѣляннаго въ Симбирскѣ красноармейцами, заподозрившими его въ измѣнѣ. Я лично зналъ этого человѣка, о которомъ нѣсколько мѣсяцевъ трубили большевическія газеты. Высокій, стройный, съ красивыми чертами лица, всегда изящно одѣтый и съ пріятными манерами — когда онъ считалъ это нужнымъ — онъ съ перваго нашего знакомства произвелъ на меня впечатлѣніе типичнаго искателя приключеній. До нашего знакомства я много слышалъ о его „дѣяніяхъ“ въ Кіевѣ и въ Одессѣ, но всѣмъ этимъ слухамъ и разсказамъ я мало вѣрилъ, такъ много въ нихъ описывалось безсмысленной жестокости. Я долженъ добавить, что то, что я здѣсь разсказываю, относится еще къ началу 1918 г., т. е. ко времени, когда русскій народъ еще не привыкъ къ тѣмъ картинамъ ужаса, которыя впослѣдствіи ежедневно развертывались передъ его глазами и разсказы о которыхъ, въ особенности русской интеллигенціи, вначалѣ представлялись вымышленными и невозможными. Какъ часто приходилось мнѣ вначалѣ слышать отъ русской интеллигенціи, что взводимыя на большевиковъ обвиненія, „само собою

---

*) Курсивъ нашъ. Здѣсь отвѣтъ на вопросъ Европы, почему Россія не сбрасываетъ съ себя ига большевичества.

Н. Ж.

понятно", сильно преувеличены, при чемъ подчеркивалось, что подъ наименованіемъ „большевиковъ" интеллигенція отождествляла, какъ коммунистовъ, такъ и всѣхъ, состоявшихъ на совѣтской службѣ. Я молча улыбался. А немного спустя приходилъ ко мнѣ тотъ же „интеллигентъ", не довѣрявшій разсказамъ о большевической преступности, и утверждалъ, что всѣ большевики — скоты, такъ какъ, состоя на большевической службѣ, онъ ежедневно является свидѣтелемъ сценъ, доказывающихъ, какія они чудовища. Я не возражалъ и молча улыбался.

Но возвращаюсь къ Муравьеву. Какъ то послѣ продолжительной бесѣды съ нимъ я отправился къ его „адъютанту" и тутъ я увидѣлъ картину, которая поднесь запечатлѣлась въ моей памяти. Въ отдѣленіи I класса, на запасномъ пути Курскаго вокзала въ Москвѣ, сидѣлъ молодой человѣкъ лѣтъ 20, въ широкихъ рейтузахъ и тѣсно обтянутой тужуркѣ, который сразу предложилъ мнѣ курить и съ нимъ позавтракать. Мы пили чай. Всѣ пальцы адъютанта были унизаны драгоцѣнными бриллiантовыми кольцами, изъ верхняго кармана тужурки свѣшивалась дорогая, тяжелая золотая цѣпочка и изъ кармана рейтузъ выглядывало запиханное туда настоящее жемчужное ожерелье. Когда я заинтересовался этимъ и спросилъ „адъютанта", откуда у него всѣ эти вещи, онъ совершенно серьезно объяснилъ, что всѣ эти драгоцѣнности привезены имъ изъ Кіева, гдѣ „буржуазія и ея магазины были подробно осмотрѣны". „Что вы понимаете подъ словомъ „осмотръ"?" спросилъ я. „Разумѣется грабежъ", отвѣтилъ онъ совершенно спокойно и при этомъ подвинулъ мнѣ подъ носъ шкатулку, наполненную золотыми вещицами и драгоцѣнными камнями. „Видите ли, жалованья мы не получаемъ, т. е., не получаемъ его пока, такъ какъ штаты еще разрабатываются и законопроектъ еще не готовъ; вотъ, товарищъ Муравьевъ и сказалъ: товарищи забирайте, все, что можете, къ черту наше жалованье, бриллiанты и золото лучше бумажныхъ денегъ. Вотъ мы такъ и дѣйствовали". И дѣйствительно, Муравьевскіе красноармейцы поступали по этому рецепту вездѣ, куда они приходили.

Въ каждомъ занятомъ ими городѣ взламывались запертыя лавки и квартиры, жителей выгоняли, обыскивали, отнимали оружіе и драгоцѣнности и по собственному усмотрѣнію, если кто не понравится, того тутъ же и разстрѣливали. Въ этомъ большевическомъ скопищѣ царила полнѣйшая безнаказанность всѣхъ преступленій и, какъ я неоднократно могъ наблюдать лично, у солдатъ Муравьевской арміи всѣ карманы были набиты золотомъ и всѣ пальцы унизаны кольцами и

драгоцѣнными камнями. Такъ какъ я слушалъ „адъютанта" безъ возраженій, то онъ становясь все откровеннѣе, наконецъ предложилъ мнѣ поступить на службу къ Муравьеву. „Не пройдетъ двухъ-трехъ мѣсяцевъ, товарищъ, сказалъ онъ, какъ у васъ накопится отъ 10 до 15 фунтовъ золота... Это дѣло чистое". Я поблагодарилъ за такое предложеніе, но отъ такого „чистаго" дѣла отказался...

У Муравьева встрѣтился я, между прочимъ, съ лейтенантомъ Раскольниковымъ, тогдашнимъ народнымъ комиссаромъ по морской части, молодымъ человѣкомъ лѣтъ 25, довольно сумасброднымъ, но необыкновенно нахальнымъ и чрезвычайно элегантнымъ. Этотъ зеленый юноша долгое время управлялъ у большевиковъ морскимъ вѣдомствомъ, но ни въ чемъ не проявилъ своей дѣятельности, такъ какъ въ то время у Россіи уже не было военнаго флота. Впрочемъ Раскольниковъ разстрѣлялъ нѣсколько десятковъ матросовъ. Онъ отправлялъ на тотъ свѣтъ всякаго, кто ему не нравился. Со времени утвержденія владычества большевиковъ такой образъ дѣйствій сталъ обычнымъ въ Совѣтской Россіи. Каждый занятый красноармейцами городъ отдавался на два-три дня на расправу „побѣдителямъ". Красноармейцы являлись господами города, грабили все, что хотѣли, разстрѣливали всѣхъ, кто по ихъ усмотрѣнію представлялся достойнымъ разстрѣла, мучили и насиловали женщинъ и заставляли ихъ голыми бѣгать по улицамъ.

Въ паническомъ ужасѣ, терроризованные жители пытались укрываться въ прилегающихъ лѣсахъ, оставляя свои дома на разграбленіе красноармейцевъ.

II.

Неоднократно приходилось мнѣ видѣть собственными глазами разстрѣлы. Разстрѣливали по одиночкѣ или по нѣсколько человѣкъ заразъ — для большевиковъ число жертвъ не имѣло значенія. Дѣло шло о „подозрительныхъ" личностяхъ, а подозрительнымъ является всякій „свободный" гражданинъ „самаго свободнаго государства въ мірѣ", поскольку такой гражданинъ дозволилъ себѣ не одобрить распоряженій правительства... Большевическіе палачи могли бы, конечно, одновременно и сразу разстрѣлять всѣхъ осужденныхъ. Но это дѣлается совершенно иначе. Разстрѣливать ихъ послѣдовательно, одного за другимъ, съ болѣе или менѣе длительными промежутками, это, разумѣется, гораздо интереснѣе и „забавнѣе..."

„... Припоминается мнѣ, какъ въ качествѣ врача при красноармейскомъ отрядѣ, мнѣ довелось быть очевидцемъ ужасающаго зрѣлища. Мужики волочили за платье старую помѣщицу по всему дому и съ криками и хихиканьемъ толкали и били бѣдную старуху. Остановить безстыдное поведеніе озвѣрѣлой толпы не было никакой возможности. Всякаго, кто произнесъ бы хоть одно слово осужденія этому неистовству, растерзали бы тутъ же на мѣстѣ. Старая помѣщица была хромая и, какъ потомъ свидѣтельствовали сами крестьяне, была въ высшей степени благородной и сострадательной женщиной. Во время войны она потеряла двухъ сыновей, которые въ свое время пользовались любовію мѣстнаго населенія. Теперь же озвѣрѣлая толпа избивала палками несчастную хромую женщину, колола ее навозными вилами и, наконецъ, сбросила бездыханное тѣло съ балкона въ садъ и тутъ же продолжалась безстыдная потѣха, пока, наконецъ, эти скоты увидали, что ихъ жертва уже не дышетъ. Послѣ этого тѣло бросили въ навозную яму и начался грабежъ помѣщичьяго дома, на что изъ трусости не рѣшались на глазахъ хромой женщины! Тотчасъ же зарѣзали нѣсколько коровъ, гусямъ, уткамъ и курицамъ свернули головы и нѣсколько породистыхъ лошадей, въ безсмысленномъ порывѣ къ уничтоженію, просто застрѣлили. По окончаніи своей работы чернь разошлась по домамъ и уже на слѣдующій день слышно было на деревнѣ, какъ мужики между собою говорили, что по настоящему „напрасно" было убивать. Имѣніе, о которомъ идетъ рѣчь, было расположено въ Орловской губерніи и описываемое происшествіе относится къ 1919 году. Нѣсколько недѣль спустя, эта деревня была занята Деникинскими войсками. Тотчасъ же мужики произвольно намѣтили изъ своей среды трехъ односельчанъ, которые и были выданы ими „бѣлымъ", какъ убійцы помѣщицы, хотя несомнѣнно въ убійствѣ и грабежѣ участвовала вся деревня, вынесшая такой необычайный приговоръ, и послѣ убійства мужики заставляли своихъ дѣтей плевать въ лицо убитой помѣщицы... Подобныя происшествія показываютъ, какъ проникла въ душу народную зараза садизма. Толпа всегда остается толпой и безсовѣстнымъ демагогамъ не трудно доводить эту толпу до *самыхъ дикихъ проявленій безумной жажды истребленія и утонченнаго садизма.* Нравственный уровень толпы всегда безконечно ниже нравственнаго уровня составляющихъ ее отдѣльныхъ личностей, и поэтому толпа всегда является средою, наиболѣе подходящею для того, чтобы претворить въ дѣйствія *наносныя внушенія.* Большевики блестяще сумѣли *разнуздать всѣ тлетворныя и преступныя начала дремавшія въ душѣ русскаго народа.*

Большевическій терроръ, по моему мнѣнію, является ни чѣмъ инымъ, какъ широкимъ разлитіемъ той волны садизма, которымъ воодушевлено большинство комиссаровъ и ихъ подчиненныхъ. Навѣрно многіе читали романъ извѣстнаго французскаго писателя Октава Мирбо „Садъ мучительства", („Le jardin des supplices") въ которомъ, до мельчайшихъ подробностей, мастерски описаны ужасы китайскихъ тюремъ съ ихъ утонченными пытками. Я убѣжденъ, что ужасающія описанія заключающіяся въ этомъ романѣ, вполнѣ соотвѣтствуютъ тому, что въ наши дни стало *обыденнымъ* явленіемъ въ Совѣтской Россіи. Правда, въ Совѣтской Россіи нѣтъ садовъ мучительства, но есть зато дома мучительства и смерти...

До сихъ поръ имѣются наивные люди, которые полагаютъ, что разстрѣлы и казни прекратились съ Совѣтской Россіи уже потому, что молъ, всѣ „контръ-революціонеры" уже давно разстрѣляны. Такое воззрѣніе кореннымъ образомъ ошибочно: несмотря на двукратно объявленную отмѣну смертной казни, умерщвленіе непрерывно продолжается. Перемѣна заключается только въ томъ, что теперь совѣтское правительство не допускаетъ болѣе всенародныхъ казней.

Встаетъ предо мною, какъ сейчасъ, картина жизни, при которой мнѣ пришлось присутствовать по обязанности службы, лѣтомъ 1919 года, въ Латвіи, въ Виліонахъ. Осужденный шелъ посреди улицы, со связанными за спиною руками, съ какой то безсознательною улыбкою на лицѣ, окруженный толпою очень весело настроенныхъ латышскихъ стрѣлковъ, которые наряжены для его разстрѣла; за этимъ шествіемъ бѣжала толпа, состоящая главнымъ образомъ изъ женщинъ и дѣтей, такъ какъ мужчины были на работѣ въ полѣ. Тутъ толпа вела себя молчаливо и сдержанно. Осужденный, которому по прибытіи на мѣсто казни развязали руки, самъ снялъ сапоги. Дѣло происходило на старомъ военномъ стрѣльбищѣ, въ концѣ котораго была вырыта яма. Осужденному было приказано стать на краю этой ямы. Онъ молчалъ, глаза смотрѣли спокойно и на лицѣ его, окаймленномъ свѣтлорусою бородою, играла все та же мечтательная улыбка. Осужденный казался мнѣ чрезвычайно симпатичнымъ. За что же, спрашивается, подлежалъ онъ разстрѣлу? Оказывается, бывши при старомъ правительствѣ полевымъ жандармомъ, онъ, въ началѣ революціи, разразившейся цѣлымъ рядомъ преступленій, поджоговъ и грабежей, арестовалъ нѣсколькихъ негодяевъ. Окончательное торжество переворота не только вернуло этимъ людямъ свободу, но еще возвело ихъ на высоту власти. Такимъ образомъ эта казнь являлась самой низменной местью. Этого человѣка, обреченнаго на смерть, обвиняли въ томъ,

что онъ „возбуждалъ народъ противъ Совѣтовъ“ и, такъ какъ и въ Россіи и въ Латвіи найдется сколько угодно свидѣтелей, которые за нѣсколько фунтовъ хлѣба готовы подтвердить все, что отъ нихъ потребуется, то, понятно, виновность полевого жандарма была легко доказана. Осужденный стоялъ за ямой, у самаго края. „Послушайте-ка, товарищъ“, сказалъ громко, съ діавольской улыбкой латышскій окружный комиссаръ, „небось вы сами видите, что при такомъ положеніи вы послѣ выстрѣловъ не попадете въ яму; станьте впереди ямы, такъ то лучше будетъ, да и поскорѣе... а то намъ времени терять не приходится“. Осужденный повиновался, обошелъ вокругъ ямы и молча сталъ тамъ, гдѣ ему было приказано. Продолжая улыбаться, онъ скрестилъ руки на груди, повернулся лѣвою стороною навстрѣчу пулямъ и остался въ ожиданіи. Три латышскихъ стрѣлка приложились и цѣлились... Грянули выстрѣлы. Жертва покачнулась и упала впередъ, ноги скользнули въ яму, но туловище въ согнутомъ положеніи оставалось на поверхности земли, внѣ ямы. Глаза несчастнаго оставались полуоткрытыми и изъ устъ вырывались душу раздирающіе стоны и рыданія. Оказывается, латышскіе садисты, съ діавольскою преднамѣренностью, всадили своей несчастной жертвѣ всѣ три пули въ животъ. Окружный комиссаръ расхохотался: „Вотъ такъ фокусъ, это на рѣдкость: наполовину снаружи, наполовину въ ямѣ“, сказалъ онъ, обращаясь къ своимъ подчиненнымъ. Вынувъ затѣмъ изъ кармана револьверъ, онъ всадилъ жертвѣ пулю въ голову и пинкомъ ноги столкнулъ тѣло въ яму. Убитаго засыпали землею, но безъ могильной насыпи. Грядущія поколѣнія не должны знать о томъ, сколько тлѣетъ мертвыхъ костей по полямъ и лугамъ, по лѣсамъ и доламъ, и невѣдомы будутъ онѣ всѣмъ, когда исчезнутъ послѣдніе свидѣтели ихъ умерщвленія.

III.

Такихъ зрѣлищъ, какія описаны мною въ первыхъ двухъ главахъ, вы теперь болѣе въ Совѣтской Россіи не увидите. Всенародные разстрѣлы въ Совѣтской Россіи прекращены или стали столь рѣдки, что являются скорѣе исключеніями. Смертоубійства несомнѣнно продолжаются, но уже совершенно иными пріемами, чѣмъ въ началѣ большевическаго владычества. Совѣтскіе правители при своихъ кровавыхъ расправахъ рѣшили избѣгать гласности... Ночью подъѣзжаетъ къ дому грузовикъ. Раздается оглушительный звонокъ, обитатели дома поспѣшно одѣваются и осторожно отворяютъ дверь. Трое или четверо вооруженныхъ людей спрашиваютъ имя стоящаго

за дверью. Изнутри слѣдуетъ отвѣтъ. „Такъ и есть, говорятъ вооруженные, идемте съ нами". „Боже Милостивый, куда же это?" слышно изъ за двери. „Такъ, пустяки, васъ подозрѣваютъ въ занятіи спекуляціей, васъ требуютъ къ слѣдователю". „Слѣдуетъ мнѣ взять съ собою что нибудь, доказательства моей невиновности, или вообще еще что нибудь?" „Ничего не надо, только вы не ломайтесь, черезъ нѣсколько часовъ будете дома!" На улицѣ потревоженнаго отъ сна человѣка ожидаетъ грузовикъ, на которомъ изъ сколоченныхъ досокъ устроено закрытое помѣщеніе. Открываютъ дверку и арестованнаго вталкиваютъ въ темное помѣщеніе, откуда несутся ему навстрѣчу визги, стоны, рыданія и мольбы... Вновь пришедшаго окружаютъ дрожащія фигуры. Грузовикъ тотчасъ снимается съ мѣста. Спустя немного времени грузовикъ снова останавливается на какой то улицѣ и опять, на этотъ разъ, послѣ упорнаго сопротивленія, вталкиваютъ какого то несчастнаго. Такъ повторяется нѣсколько разъ. Затѣмъ послѣ продолжительнаго, безостановочнаго переѣзда, грузовикъ, наконецъ, останавливается. Сидящіе взаперти слышатъ извнѣ громкіе, повелительные голоса: ихъ вооруженные спутники уже не говорятъ болѣе шопотомъ, какъ въ городѣ. Дверь отворяется. „Товарищъ Петровъ, слѣзайте", — раздается грубый голосъ. Дрожащіе плачущіе люди, запертые въ грузовикѣ, всѣ сразу затихаютъ и, изъ рядовъ своихъ товарищей по несчастію, съ трудомъ, медленною, боязливою походкою протискивается маленькій, слабенькій человѣкъ, съ растеряннымъ выраженіемъ на лицѣ. Несчастный слѣзаетъ. Кругомъ глубокій снѣгъ и сосновый лѣсъ. Всякій хорошо знающій Москву сразу узналъ бы, что онъ находится въ Сокольникахъ, въ городскомъ сосновомъ лѣсу... Недалеко отсюда протекаетъ маленькая болотистая рѣчка Яуза и пролегаетъ дорога на Богородское. Маленькій, слабый человѣкъ дрожитъ на морозѣ. Но, не давая ему опомниться, товарища Петрова обхватываютъ нѣсколько сильныхъ рукъ и тащатъ его вглубь великолѣпнаго, блистающаго серебристымъ инеемъ лѣса. Въ воздухѣ кружатся легкія снѣжинки и порою изъ за тучъ выплываетъ полный мѣсяцъ, обливая мертвымъ блескомъ снѣгъ и деревья. Совершенно, какъ въ сказкѣ. Но для бѣднаго товарища Петрова красота природы уже не существуетъ. Онъ говоритъ тихимъ надорваннымъ голосомъ: „зачѣмъ же это, голубчики, что я вамъ сдѣлалъ, вѣдь я ни въ чемъ не виноватъ". Съ несчастнаго человѣка срываютъ его черное чиновничье пальто. „Оставьте, ради Бога", умоляетъ несчастный, „мнѣ такъ холодно". „Смирно! молчать!", кричитъ на него красноармеецъ... Вслѣдъ за этимъ немедленно раздается вы-

стрѣлъ. Товарищъ Петровъ лежитъ на снѣгу съ лицомъ залитымъ кровью и его холодѣющія руки сводитъ предсмертная судорога. „Сейчасъ кончится“, невозмутимо говоритъ красноармеецъ другому, стоящему рядомъ, собиравшемуся спустить на лежащаго второй зарядъ. Нѣсколько секундъ царитъ полная тишина. „Васильевъ!“ раздается внезапно у двери грузовика и опять изъ этой колесницы смерти вылѣзаетъ человѣкъ, который черезъ нѣсколько минутъ будетъ мертвъ. Такъ слѣдуютъ одинъ за другимъ, пока снѣгъ не окрасится кровью всѣхъ привезенныхъ въ грузовикѣ. Когда со всѣми покончено, убитыхъ раздѣваютъ до гола, платье и сапоги складываютъ въ грузовикъ, а трупы поспѣшно зарываютъ. Это работа не легкая, при мерзлой землѣ, которую трудно раскапывать. Но закапывать глубоко и не требуется, надо же и собакамъ дать поживиться, да къ тому же уже поздно, а въ эту ночь предстоитъ еще вторая, такая же работа...

Ночь. Заключенные въ Чека спятъ тревожнымъ, болѣзненнымъ сномъ, который не даетъ отдыха. Вдругъ отворяется дверь камеры и чекистъ, съ фонаремъ въ рукѣ, громкимъ, грубымъ голосомъ окрикиваетъ: „вставать, вещи собирать! Всѣхъ сейчасъ переводятъ въ другую тюрьму. Во дворѣ построиться!“ Всѣ поспѣшно укладываются и выходятъ во дворъ. Среди двора стоитъ грузовикъ и нѣсколько мотоциклетокъ. Арестованнымъ — ихъ счетомъ 15 — приказываютъ построиться! „Тутъ, вдоль стѣнки, я буду вызывать поименно“, говоритъ чекистъ. Изъ темноты двора выступаютъ 15 служащихъ въ Чека и каждый изъ нихъ занимаетъ мѣсто противъ одного изъ арестованныхъ. „Ходу“, громко командуетъ комиссаръ и немедленно поднимается оглушительный шумъ. Комиссаръ подаетъ знакъ, у каждаго изъ чекистовъ блеститъ въ рукѣ револьверъ, раздаются выстрѣлы, заглушаемые стукомъ машинъ. И затѣмъ сразу полная тишина...

Мертвыхъ и полумертвыхъ торопливо волочатъ по землѣ и сваливаютъ одинъ на другого на грузовикъ. Нагруженный автомобиль выѣзжаетъ съ тюремнаго двора и трупы зарываютъ гдѣ либо неподалеку за городомъ. Къ утру грузовикъ возвращается, весь обагренный кровью. Его тщательно моютъ и чистятъ для того, чтобы съ первыми лучами восходящаго солнца онъ, блестящій и чистый — какъ символъ коммунистической чистоты — могъ выѣхать и развозить по городскимъ улицамъ тюки прокламацій, предназначенныхъ для совѣтскихъ подданныхъ и вѣщающихъ о любви и взаимномъ уваженіи.

А вотъ другая картина. Въ главной тюрьмѣ города Николаева, въ нижнемъ этажѣ, устроенъ длинный, постоянно

ярко освѣщенный переходъ, въ боковыхъ стѣнахъ котораго нѣтъ ни одной двери, но продѣланы небольшія отверстія, достаточныя для того, чтобы вложить въ нихъ дуло револьвера. Въ одномъ концѣ перехода имѣются двери въ тюремный дворъ. Въ одинъ прекрасный день, одному изъ приговоренныхъ, такъ называемому „контръ-революціонеру", или такъ называемому „спекулянту", не знающему, что онъ приговоренъ къ смерти, говорятъ: „ступайте внизъ во дворъ, вамъ позволено погулять полчаса". Заключенный, которому до сихъ поръ еще ни разу не было дозволено выйти изъ камеры, радостно хватается за шапку и стремительно спускается въ проходъ чтобы выйти на тюремный дворъ. Никто его не сопровождаетъ. „Слава Богу, наконецъ то я одинъ и безъ надзора", думаетъ бѣднякъ, идя къ переходу. А въ это время, въ одно изъ стѣнныхъ отверстій внимательно слѣдятъ за каждымъ его шагомъ и когда онъ достигъ середины перехода, онъ падаетъ сраженный въ голову выстрѣломъ изъ револьвера. Его товарищи по заключенію не знаютъ, что съ нимъ сталось и даже при самыхъ мрачныхъ предположеніяхъ, никто изъ нихъ не подозрѣваетъ, что насильственная смерть постигла ихъ сотоварища вблизи отъ нихъ, въ ярко освѣщенномъ коридорѣ. Завтра наступитъ такой же чередъ другому. Это называютъ большевики гуманнымъ и заботливымъ отношеніемъ къ заключеннымъ.

Въ Маѣ 1919 года, когда большевицкія войска были выгнаны изъ Латвіи, въ городѣ Венденѣ, знаменитомъ древними развалинами замка, построеннаго Орденомъ нѣмецкихъ меченосцевъ въ 1224 году, разыгралась слѣдующая сцена въ городской тюрьмѣ. Врагъ былъ близко, красноармейцамъ было необходимо бѣжать и какимъ нибудь способомъ вывести арестантовъ. Поѣзда шли переполненные бѣгущими на востокъ красноармейцами. Помѣстить арестованныхъ въ вагонахъ было невозможно. Въ числѣ сотни арестованныхъ имѣлись и такіе, которые уже были по суду оправданы... „Товарищи", не долго думая, просто рѣшили разстрѣлять всѣхъ и для того, чтобы это шло скорѣе, разстрѣливать по три-четыре человѣка заразъ. Арестованныхъ разбили по группамъ, первую изъ нихъ вывели во дворъ и приставили къ садовой стѣнкѣ, имѣвшей около двухъ метровъ высоты. Когда осужденные, при видѣ револьверовъ у сопровождающихъ, поняли, что имъ угрожаетъ, они въ послѣднемъ отчаянномъ порывѣ энергіи бросились къ стѣнкѣ, пытаясь чрезъ нее перелѣзть. Тутъ началась бойня и одинъ за другимъ, обливаясь кровью, падали со стѣны несчастные на землю, гдѣ ихъ безпощадно приканчивали. Только одному изъ заключенныхъ удалось

перепрыгнуть стѣну и, несмотря на немедленное наряженное преслѣдованіе, его не смогли поймать. Послѣ этого, въ продолженіи всей ночи заключенныхъ по одиночкѣ выводили на дворъ и разстрѣляли всѣхъ до послѣдняго. Послѣ каждаго совершеннаго убійства латышскіе палачи кричали: „слѣдующему выходить, живо! къ утру домъ надо очистить, ремонтъ требуется“. Большинство жертвъ большевическихъ убійцъ были крестьяне и рабочіе... Не даромъ Совѣтское правительство именуется рабоче-крестьянскимъ правительствомъ.“

Вполнѣ соглашаясь съ авторомъ этой статьи, что „большевическій терроръ является широкимъ разлитіемъ той волны садизма, которая воодушевляетъ большинство комиссаровъ и ихъ подчиненныхъ“, я нахожу, однако, несправедливымъ отождествлять этихъ комиссаровъ съ русскимъ народомъ, во-первыхъ потому, что среди этихъ комиссаровъ были, почти исключительно жиды, а во-вторыхъ потому, что пріемы ими допускаемые способны были бы превратить въ звѣрей не только русскихъ крестьянъ, но и наикультурнѣйшихъ европейцевъ. Утвержденіе, что „большевики блестяще сумѣли разнуздать всѣ тлетворныя и преступныя начала, дремавшія въ душѣ русскаго народа“ правильно, но слѣдуетъ оговориться, что эти начала присущи не только душѣ *русскаго народа*, но и всякой душѣ и, при томъ, даже безотносительно къ уровню ея „образованія“, и, если не выходятъ наружу, то только потому, что ихъ *насильно не пускаетъ* магическое — *нельзя*. Только святость искореняетъ звѣря въ человѣкѣ, глубоко притаившагося въ нѣдрахъ души, и сколько чекистовъ скрывается и подъ смиренными рясами монаха, и подъ блестящими золотыми мундирами, и подъ изящными смокингами и фраками, бѣлыми галстухами и перчатками, сколько злобы и жестокосердія — подъ кроткими личиками миловидныхъ барышень, порхающихъ какъ бабочки въ своихъ газовыхъ платьицахъ, или кружащихся въ вихрѣ вальса въ великосвѣтскихъ салонахъ, говорящихъ о цвѣтахъ, а думающихъ о крови, о томъ, чего *нельзя*.

Традиціи поколѣній, свѣтское воспитаніе, обычаи, среда, образованіе — способны были только до нѣкоторой степени *запугивать* звѣря въ человѣкѣ, но не укрощать, тѣмъ меньше убивать его. Убивала этого звѣря только *святость*, а укрощала — *власть*, начначеніемъ которой являлась борьба со зломъ и служеніе добру. Тамъ же, гдѣ власть бездѣйствовала, или ея назначеніемъ являлась борьба съ добромъ и служеніе злу, тамъ звѣрскія начала, заложенныя въ природѣ человѣка, не только просыпались, но и культивировались.

Вотъ почему я думаю, что „садизмъ“ явился не причиною, а результатомъ большевическихъ пріемовъ власти. Причиною же описаннаго нами массоваго озвѣрѣнія была *безнаказанность* преступленій, возведеніе ихъ даже на высоту гражданскаго долга, отсутствіе юридической отвѣтственности, та именно свобода, о которой такъ громко кричали либералы, о которой „прогрессивная общественность“ такъ болѣзненно тосковала.

Замѣните слово „*нельзя*“ словомъ „*можно*“ и вы увидите, что всѣ ужасы, творимые чекистами въ Россіи поблѣднѣютъ предъ тѣми, какіе наступятъ въ самыхъ культурныхъ центрахъ Европы.. Этотъ моментъ приближается, но Европа его не замѣчаетъ.

„У насъ, гордо заявляетъ она, это *невозможно*“.

Посмотримъ!

Съ какой бы стороны не разсматривались описанные нами ужасы, они будутъ всегда казаться не только звѣрствомъ, но и звѣрствомъ безсмысленнымъ. И однако, они имѣли великій смыслъ для той таинственной организаціи, какая преслѣдовала только одну цѣль — уничтоженіе всего образованнаго и культурнаго класса людей Россіи, дабы исчезъ ея мозгъ, руководитель и выразитель ея идеаловъ и стремленій, дабы обезкровленная и обезсиленная Россія не служила бы помѣхою для дальнѣйшихъ завоеваній жидовства, обрекавшихъ на гибель всю христіанскую культуру и подготовлявшихъ наступленіе всемірнаго іудейскаго царства.

Къ этимъ цѣлямъ жидовство стремится повсемѣстно, на протяженіи вѣковъ, и большевичество въ Россіи является для всѣхъ знакомыхъ съ исторіей лишь коллективнымъ натискомъ жидовъ, сосредоточеннымъ на одномъ мѣстѣ и пріуроченнымъ къ одному моменту, и не составляетъ новаго явленія, ни по своему содержанію и сущности, ни даже по своимъ формамъ.

ГЛАВА 33.

г) ГПУ.

„Пусть вымретъ 90% русскаго народа, лишь бы осталось 10% къ моменту всемірной революціи“ — эти слова Ленина являлись основной задачей совѣтской власти въ какихъ бы формахъ она ни проявлялась, подъ какими бы видами она ни скрывалась. Эта же задача еще болѣе откровенно была подчеркнута Центральнымъ комитетомъ, гдѣ одинъ изъ

ораторовъ формулировалъ ее въ такихъ выраженіяхъ: „Смерть буржуямъ мы должны осуществить на дѣлѣ. Мы должны убивать не только нѣкоторыхъ представителей буржуазіи, но должны раздавить весь буржуазный классъ цѣликомъ во всей его массѣ.“

Пришелъ однако часъ, когда даже столь грубо нечувствительная и преступно безпечная Европа, въ лицѣ своихъ лучшихъ людей, встрепенулась отъ ужасовъ чрезвычайки, когда страшное слово „чека“ стало колебать престижъ совѣтской власти заграницей, и сквозь непроницаемые покровы совѣтской лжи стали просвѣчиваться истинные контуры совѣтскаго рая, смутившіе даже заграничныхъ коммунистовъ, и... тогда большевики торжественно оповѣстили не только объ упраздненіи „чека“, но даже объ отмѣнѣ смертной казни. „Чека“ превратилась въ Государственное Политическое Управленіе, иначе въ ГПУ, а смертная казнь была замѣнена „высшею мѣрою“ наказанія. Основаніемъ для такихъ превращеній выставлялись во-первыхъ, минованіе надобности въ примѣненіи репрессій въ виду того, что страсти уже улеглись и Россія вышла изъ состоянія гражданской войны, и во-вторыхъ, признаніе новаго режима населеніемъ, начинавшимъ якобы привыкать къ новымъ порядкамъ и постепенно освобождающимся изъ подъ гипноза прежнихъ предразсудковъ.

И въ Европѣ дѣйствительно находились люди, которые вѣрили этой наглой лжи, и не только сами вѣрили, но и другихъ убѣждали въ томъ, что, если русскій народъ не свергаетъ совѣтской власти, значитъ ею доволенъ, значитъ она вполнѣ соотвѣтствуетъ „природѣ“ и требованіямъ населенія.

Процессъ Конради и Полунина въ Лозаннѣ и безсмертная рѣчь адвоката Обэра, сорвавшіе маску съ совѣтской власти въ Россіи, показали всему свѣту діавольскій ликъ этой власти, возведя убійство Воровскаго на высоту геройскаго подвига людей, предъ которыми съ величайшимъ уваженіемъ преклонились всѣ честные люди, и однако Европа не только вѣритъ совѣтской лжи, но и пользуется этой ложью, извлекая изъ нея свои выгоды. А между тѣмъ достаточно только развернуть совѣтскія газеты для того, чтобы убѣдиться, что́ скрывали за собою всѣ эти замѣны и превращенія, всѣ эти переименованія.

Совѣтская „Правда“, отъ 18 Октября 1918 года, восклицаетъ: „Лозунгъ „вся власть Совѣтамъ“ долженъ быть замѣненъ другимъ: „вся власть Чека“. Въ той же газетѣ, отъ 17 Декабря 1922 г., Дзержинскій пишетъ: „Чека была вѣрнымъ часовымъ революціи. Ея бдительное око было повсюду. Явилась необходимость измѣнить нашу чрезвычайную организацію

и было создано Г.П.У. Былъ сохраненъ тотъ же механизмъ, но только усовершенствованный..."

„Чека, говорилось на IX съѣздѣ совѣтовъ 24 Декабря 1921 г., это основа большевической власти и, если мы вышли побѣдителями въ борьбѣ съ бѣлыми арміями, то исключительно потому, что чека сдѣлала невозможнымъ возстаніе внутри".

„Если мы уничтожимъ чека, то власть совѣтовъ сама подрубитъ сукъ, на которомъ она сидитъ", говорилось на томъ же съѣздѣ.

Какъ это вяжется съ „народными" ликованіями, привѣтствовавшими революцію, создавшую „по волѣ народа" столь долго жданное „рабоче-крестьянское правительство"!

Само собою разумѣется, что переименованная въ ГПУ, „чека" сохранила всѣ прежнія функціи, весь личный составъ своего управленія и измѣнила только свою вывѣску.

„Мечъ, которымъ вооружили Чека, оказался въ надежныхъ рукахъ, но буквы ГПУ настолько же страшны для нашихъ враговъ, какъ и буквы Ч. К.", сказалъ Зиновьевъ (Апфельбаумъ), и онъ сказалъ правду, ибо ужасающій терроръ ни на минуту не прекращался и господствуетъ въ Россіи теперь такъ же, какъ и въ 1917 году, цинично откровенно, съ тою только разницею, что о немъ не трубятъ въ газетахъ. Но казни совершаются не только въ ГПУ, въ ихъ подвалахъ, но и открыто, не только ночью, но и днемъ, а случаи безслѣдно исчезающихъ людей еще болѣе участились и судьба ихъ остается никому неизвѣстной. Вотъ газетныя вырѣзки за 1923 и за 1924 года, подверждающія наши утвержденія.

„Итальянскій соціалистическій представитель Александри, недавно возвратившійся изъ Россіи, опубликовалъ открытое письмо, въ которомъ заявляетъ о томъ, что итальянскіе соціалисты сильно грѣшатъ, когда проявляютъ свои симпатіи къ Совѣтамъ. По его даннымъ въ Россіи сейчасъ имѣется не менѣе 60.000 политическихъ осужденныхъ. Ошибаются тѣ, которые думаютъ, что между этими осужденными преимущественно люди изъ общественныхъ круговъ, поддерживающихъ старый режимъ. Напротивъ, изъ осужденныхъ 60 проц. рабочіе и только 25 проц. представители аристократіи и 15 проц. представители интеллигенціи.

Пытки въ тюрьмахъ обычное дѣло. Многіе заключенные помѣщены въ ужасныхъ подвалахъ безъ оконъ и безъ возможности провѣтриванья помѣщеній. Между осужденными находится много соціалистическихъ вождей. Если тюрьмы переполнены настолько, что въ нихъ не могутъ быть помѣщены новые заключенные, тогда старые заключенные просто уничтожаются для того, чтобы освободить мѣста для новыхъ.

Больницы для умалишенныхъ переполнены. Психическіе больные безъ всякой жалости предоставлены самимъ себѣ. Только отъ времени до времени туда заходитъ прислуга для того, чтобы выбросить трупы умершихъ отъ голода или убитыхъ другими несчастными больными.

Смертныя казни производятся съ невѣроятнымъ произволомъ. Недавно одна комиссія установила, что въ теченіе прошлаго года 22.518 политическихъ преслѣдуемыхъ были самовольно убиты безъ какого бы то ни было суда.

Многія тысячи лицъ, числящихся „на подозрѣніи" умерли въ страшныхъ лагеряхъ для интернируемыхъ.

Въ народныхъ массахъ господствуетъ всеобщее возмущеніе противъ совѣтскихъ властителей. Нѣсколько высокихъ совѣтскихъ лицъ открыто заявили, что въ Россіи ежедневно уничтожается по нѣсколько сотъ крестьянъ, вслѣдствіе бунтовъ и возстаній противъ совѣтской власти".

Итальянскаго соціалиста нельзя заподозрить въ излишнемъ пристрастіи къ Россіи и его отношеніе къ русскому народу можетъ и не быть такимъ, которое умѣстно для славянина. Вотъ почему это открытое заявленіе итальянскаго дѣятеля, продиктованное естественной человѣчностью и, конечно, не исчерпывающее всей ужасной картины современной русской жизни, пріобрѣтаетъ особое значеніе. Это заявленіе лишній разъ подтверждаетъ наше постоянное утвержденіе, что совѣтская власть есть лишь шайка международныхъ преступниковъ, а Россія въ ихъ рукахъ — великая тюрьма..." Н. Р. (Нов. Врем., 1 Августа 1923 г., № 677)

„... Сейчасъ говорятъ, что въ коммунистическихъ верхахъ неладно: единство партіи нарушено. Изъ Москвы передаютъ: „политическая атмосфера насыщена, раздоры въ партіи увеличиваются, въ то время какъ въ народныхъ и рабочихъ массахъ наростаютъ настроенія недовольства и открытаго возмущенія.

Центральный комитетъ компартіи выпустилъ симптоматическое воззваніе, въ которомъ заявляетъ: „Намъ придется пережить снова суровые дни. Мы должны серьезно подумать объ оборонѣ. Наша оборона это прежде всего дружность, дисциплинированность, стойкость рабочихъ рядовъ. Мы должны чрезвычайно внимательно слѣдить за всѣмъ... Мы должны очень чутко прислушиваться къ голосу рабочихъ массъ и исправлять искривленія и недостатки нашей политики."

Экономическій кризисъ давитъ на заработную плату. Но мы не должны допускать ея паденія. Больше чѣмъ когда бы то ни было, необходимо преслѣдовать: волокиту, чванство, бюрократизмъ, задираніе носа и прочія болѣзни, которыми,

къ несчастью, болѣетъ нашъ государственный аппаратъ. Необходима немедленная широко разъяснительная кампанія о нашемъ внѣшнемъ и внутреннемъ положеніи. Вниманіе къ массамъ — нашъ очередной партійный кличъ".

Вожди коминтерна, повидимому, не постѣсняются еще разъ отвлечь общественное вниманіе „опасностью извнѣ".

И эта неувѣренность не только въ завтрашнемъ, но и сегодняшнемъ днѣ менѣе чѣмъ когда бы то ни было, сейчасъ видна въ ихъ безумномъ террорѣ. Пытки, терроръ и разстрѣлы невинныхъ людей въ Россіи не прекращались ни на минуту и всѣ разговоры о томъ, что большевики теперь уже не тѣ, что ихъ методы управленія не такъ жестоки, какъ были раньше, всѣ такіе разговоры — безсовѣстная ложь, гнуснѣйшая провокація въ пользу большевиковъ.

Изъ числа многочисленныхъ случаевъ пытокъ и истязаній, относящихся къ послѣднему времени, укажу на хорошо извѣстное мнѣ дѣло проф. Таганцева. Его передъ разстрѣломъ пытали тѣмъ, что не давали пить. Подъ конецъ онъ пилъ собственную мочу и впалъ въ полубезсознательное состояніе, находясь въ которомъ, оговорилъ массу ни въ чемъ неповинныхъ лицъ. Такъ, по свѣдѣніямъ большевистской прессы, по его дѣлу было разстрѣляно 64 человѣка, между тѣмъ точно извѣстно, что въ дѣйствительности было разстрѣляно 365 чел.

Разстрѣлы заключенныхъ въ петербургскихъ тюрьмахъ производятся теперь подъ Петербургомъ на артиллерійскомъ полигонѣ. Всѣхъ обреченныхъ на смерть мужчинъ и женщинъ, въ какой бы тюрьмѣ они ни сидѣли, передъ разстрѣломъ переводятъ въ бывшую женскую тюрьму на Выборгской сторонѣ. Тамъ имѣется особый этажъ, такъ-называемая „галлерея смертниковъ". Время пребыванія таковыхъ въ этой галлереѣ различно: нѣкоторыхъ сейчасъ же разстрѣливаютъ, другіе сидятъ мѣсяцами и даже годами. Положеніе обреченныхъ ужасное: очень часто на тѣлѣ ничего, кромѣ вшивой шинели, нѣтъ; голодъ неописуемъ.

Когда говорятъ о томъ, что большевистскій строй ужасенъ и гнусенъ, то испытываешь какое то неловкое чувство, точно говоришь азбучныя истины, которыя всѣмъ извѣстны и въ доказательствахъ не нуждаются. Однако сколько есть на свѣтѣ людей, искренно вѣрящихъ совѣтскимъ завѣреніямъ, пышнымъ деклараціямъ, амнистіямъ и прочей бумажной „эволюціи!" (Тамъ же, 21 Дек. 1923 г. № 798).

„По словамъ иностранца, прибывшаго на дняхъ въ Варшаву, во всѣхъ большихъ городахъ (Москва, Петербургъ, Харьковъ, Ростовъ на Дону и др.), въ которыхъ ему пришлось побывать, царитъ чрезвычайно напряженная и тяжелая атмо-

сфера. Надъ всѣми проявленіями жизни, надъ всѣми ея областями царитъ невидимое, но вездѣсущее и грозное ГПУ. Это учрежденіе разрослось, распухло до невѣроятныхъ размѣровъ и нити его связей пронизываютъ толщу населенія по всѣмъ направленіямъ. Буквально нельзя никогда знать, разговариваешь съ человѣкомъ или имѣешь дѣло съ агентомъ ГПУ. Этой колоссальной организаціи нужно себя оправдать и обезпечить, а поэтому въ виду общей забитости и подавленности населенія, дѣлающей весьма рѣдкими всякіе случаи дѣйствительныхъ заговоровъ и злоумышленій, ГПУ приходится или провоцировать — создавать таковыя, или же вспоминать старые, давно забытые „грѣхи", въ родѣ взятки, данной 4-5 лѣтъ тому назадъ и т. п. Такъ какъ въ ненормальныхъ условіяхъ совѣтскаго существованія подобные „проступки" числятся рѣшительно за всѣми то, естественно всѣ опасаются за свою участь и ждутъ расправы. Въ особенности это угрожаетъ всѣмъ мало-мальски состоятельнымъ людямъ. Въ подобныхъ условіяхъ всякая общественная и даже коммерческая дѣятельность становится абсолютно немыслимой. Промышленная и коммерческая жизнь прозябаетъ. Всѣ толки большевиковъ о расцвѣтѣ промышленности — блефъ, разсчитанный на незнакомство иностранцевъ съ истиннымъ положеніемъ вещей. Отремонтировавъ одинъ станокъ какого-либо ими же въ конецъ разрушеннаго завода, большевики поднимаютъ вокругъ этого событія такой гвалтъ, какъ будто бы они построили заново цѣлый заводъ, умалчивая о цѣломъ кладбищѣ фабрикъ, какое представляютъ собою нынѣ промышленные центры Россіи. Надо замѣтить, что даже объ Эрмитажѣ и Исаакіевскомъ соборѣ, даже о Черномъ морѣ и Уральскихъ горахъ большевическая пресса пишетъ въ такомъ тонѣ, какъ будто они изобрѣтены, построены и сдѣланы большевиками и до нихъ и безъ нихъ не существовали. („Новое Время", 16 Марта 1924 г., № 867).

Послѣ всего описаннаго было бы даже страннымъ дѣлать попытку исчислять количество казненныхъ. Совершенно очевидно, что такое количество нужно исчислять не десятками или сотнями тысячъ, а милліонами. Если трупами казненныхъ кормили дикихъ звѣрей въ зоологическихъ садахъ, если, несмотря на это они валялись на улицахъ и площадяхъ въ такомъ количествѣ, что потребовалось даже спеціальное распоряженіе объ убійствѣ собакъ, которыя „попробовавъ человѣческаго мяса, становились опасными", если, наконецъ, это мясо стало продаваться на рынкахъ и развилось людоѣдство, то можно себѣ нарисовать цыфру жертвъ чудовищной „чрезвычайки"... А сколько людей кончило жизнь самоубійствомъ,

сколько милліоновъ погибло отъ голода и болѣзней этимъ голодомъ вызванныхъ, отъ нравственныхъ пытокъ и терзаній?!.. Сдѣлать такой подсчетъ очевидно невозможно.

Но я и не задаюсь этой цѣлью... Моя задача иная... Я желаю доказать, что „рабоче-крестьянское“ правительство Совѣтской Россіи стремилось уничтожить рабочихъ и крестьянъ такъ же, какъ и буржуазный классъ населенія, ибо его цѣлью было — *истребленіе русскаго народа*, какъ главнѣйшаго оплота христіанской культуры. И хотя моя задача еще не исчерпана, ибо въ дальнѣйшемъ будутъ приведены еще новыя доказательства этого положенія, но я надѣюсь, что и собраннаго матеріала достаточно для того, чтобы признать мои выводы обоснованными.

ГЛАВА 34.

II. Голодъ и его причины.

Другимъ способомъ истребленія христіанскаго населенія Россіи былъ искусственно вызываемый мѣрами Совѣтской власти голодъ, разросшійся до размѣровъ небывалаго стихійнаго бѣдствія, погубившаго десятки милліоновъ людей.

Ссылки большевиковъ на неурожаи столь же безсовѣстны, какъ и все прочее, исходящее отъ совѣтской власти. Голодъ былъ вызванъ *умышленно* и это видно изъ того, что населеніе вымирало отъ голода въ наиболѣе цвѣтущихъ и плодороднѣйшихъ губерніяхъ и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ выше были урожаи. И это потому, что чѣмъ выше были урожаи, тѣмъ сильнѣе совѣтская власть грабила населеніе, лишая его даже сѣмянъ на обсѣмененіе полей.

Вызванъ былъ голодъ слѣдующими причинами:

1) Истребленіемъ помѣщиковъ и уничтоженіемъ крупнаго землевладѣнія,

2) Соціализаціей земли и непомѣрными налогами, что сразу же сократило посѣвную площадь болѣе чѣмъ на половину,

3) Открытымъ грабежомъ хлѣба путемъ насильственнаго захвата его для нуждъ красной арміи, что вызвало повсемѣстно массовыя возстанія, подавляемыя самыми безпощадными мѣрами и сплошнымъ избіеніемъ беззащитнаго и голоднаго населенія,

4) Вывозомъ хлѣба заграницу въ количествѣ, обрекавшемъ населеніе на голодную смерть.

Въ числѣ способовъ, примѣнявшихся совѣтской властью для истребленія русскаго народа голодъ игралъ, такимъ образомъ, ту же роль, что и „чека“ и карательные отряды, тюрьмы и больницы, гдѣ подъ разными видами производилось все то же избіеніе населенія.

Въ дальнѣйшемъ я остановлюсь на каждой изъ указанныхъ мною причинъ голода подробнѣе, пока же хочу обратить вниманіе на ту исключительно огромную государственную роль, какую въ земледѣльческой Россіи играло крупное землевладѣніе и какую даже русское царское правительство, состоявшее большею частью изъ чиновниковъ, не учитывало въ должной мѣрѣ. Странно, что даже въ дореволюціонной Россіи сословіе помѣщиковъ, этой единственной опоры государственности на мѣстахъ, было гонимо и постепенно обрекалось на вымираніе, подъ вліяніемъ модныхъ теорій о предпочтительности общиннаго землевладѣнія и тенденцій къ развитію мелкаго землевладѣнія. Сотни тысячъ десятинъ земли переходили ежегодно въ крестьянскія руки параллельно съ разореніемъ помѣщиковъ и уходомъ ихъ въ города, гдѣ они превращались въ чиновниковъ, ослабляя земледѣльческую мощь Россіи. Между тѣмъ снабженіе городовъ и экспортъ производился не крестьянами, владѣвшими въ общей сложности тремя четвертями всей земельной площади Россіи, а помѣщиками, владѣвшими только одною четвертью. Не только благосостояніе Россіи, но и всей Европы находилось въ зависимости отъ культурнаго состоянія помѣщичьихъ хозяйствъ и съ уничтоженіемъ послѣднихъ голодъ являлся неизбѣжнымъ. Для возстановленія Россіи и экономическаго равновѣсія Европы нужно не закрѣпленіе за крестьянами захваченныхъ ими помѣщичьихъ земель, не узаконеніе грабежа, а возстановленіе крупнаго землевладѣнія. Таковое немыслимо безъ широкой государственной помощи земледѣлію, безъ образованія земледѣльческихъ союзовъ и обществъ, безъ меліораціи, словомъ безъ культурнаго элемента въ деревнѣ, способнаго войти въ связь съ Америкой и Западной Европой и пользоваться ихъ кредитами. Жиды прекрасно учитывали роль помѣщиковъ въ Россіи и, уничтожая ихъ, знали зачѣмъ это дѣлали.

Вотъ нѣсколько картинъ, ставшихъ возможными въ Россіи съ воцареніемъ жидовской власти:

„Въ связи съ наступившимъ голодомъ, населеніе въ наиболѣе неблагополучныхъ Приволжскихъ губерніяхъ цѣлыми толпами подымается и движется въ менѣе голодныя области. Для воспрепятствованія продвиженію голодающихъ высылаются совѣтскіе отряды, но зачастую они отказываются отъ выполненія возлагаемой на нихъ задачи... По свѣдѣніямъ

московской „Правды“ за № 137, — голодающихъ насчитываютъ до 25 милліоновъ... Безнадежное состояніе желѣзнодорожнаго и гужеваго путей въ Россіи, очень затрудняютъ задачу борьбы съ голодомъ“... (Еженедѣльникъ Высш. Монарх. Сов., № 1, отъ 14 Авг. 1921 г.).

„Самарскій Исполкомъ обратился къ крестьянамъ съ воззваніемъ. Указавъ, что голодъ является послѣдствіемъ присущихъ краю періодическихъ засухъ, воззваніе даетъ цѣлый рядъ совѣтовъ крестьянамъ. Интересно отмѣтить § 3: „пріостановить переселеніе коренныхъ жителей куда глаза глядятъ, *надо на мѣстѣ пережить трудное время*“. §4: „пріостановить поѣздки отдѣльныхъ лицъ за продовольствіемъ. Тысячами ѣдутъ, везутъ свое имущество на продажу, мытарствуютъ и распродаютъ свое имущество за безцѣнокъ, запружаютъ желѣзныя дороги“. § 5: „помочь власти уничтожить бандитовъ, коими съ марта мѣсяца разграблено до милліона пудовъ хлѣба“... (Тамъ же, № 2, отъ 21 Авг. 1921 г.).

„Lokal Anzeiger“ печатаетъ выдержки изъ письма нѣмца поволжскаго колониста, рисующія картину страшнаго голода: „Мы съѣли послѣднихъ своихъ собакъ, кошекъ и крысъ. Мы питаемся падалью убитой въ прошломъ году скотины. Въ нашей деревнѣ ежедневно умираетъ 5-6 человѣкъ. Если вы намъ не поможете, мы всѣ перемремъ“... (Тамъ же, № 3, отъ 28 Авг. 1921 г.).

„Въ раіонѣ Стараго Оскола произошло кровавое побоище между мѣстными крестьянами и крестьянами, прибывшими изъ голодныхъ губерній“... (Тамъ же, № 5, отъ 11 Сент. 1923 г.).

„Волна голодныхъ крестьянъ уже докатилась до Москвы... видъ у людей ужасный: впалыя щеки, темный цвѣтъ лица, ввалившіеся глаза и страшная худоба тѣла. Особенно ужасенъ видъ дѣтей: это живые мертвецы... по всѣмъ дорогамъ видны группы (семейства) еле плетущихся, какихъ то полу живыхъ людей. Одежда — лохмотья... Въ Совѣтской Россіи организуются спеціальные отряды для вооруженной борьбы съ толпами голодныхъ, двигающихся на Москву. Отряды эти достигаютъ 50.000 человѣкъ“. (Тамъ же).

„Письма изъ Россіи говорятъ о все растущемъ голодѣ въ Поволжьѣ. На улицѣ часто цѣлыми днями лежатъ распухшіе трупы умершихъ отъ голода людей, въ лучшемъ случаѣ они къ вечеру убираются. Очевидецъ описываетъ душераздирающую сцену, происходящую на одномъ изъ волжскихъ пароходовъ: сумасшедшая мать, утопивъ трехъ своихъ дѣтей, металась по пароходу, проклиная большевиковъ и угрожая имъ кулаками, пока не была арестована мѣстной „чека“.“ (Тамъ же, № 7, отъ 25 Сентября 1923 года).

„Совѣтскія изданія изрѣдка сообщаютъ о смертныхъ случаяхъ отъ голода. Въ Бугурусланѣ Самарской губ. „на почвѣ голода“ заболѣло 613 человѣкъ, изъ коихъ умерло 355 чел.; въ селѣ Старицкомъ „Красноармейскаго“ уѣзда Царицынской губ. умерло 31 чел. (Петр. Правда отъ 24 Сент.).

„Въ Балашовѣ 4500 маленькихъ дѣтей умираетъ въ три недѣли... У киргизовъ 2 милліона голодающихъ. Матери, доведенныя голодомъ до отчаянія убиваютъ своихъ дѣтей, пожирая ихъ трупы“...

Опозорившій свое имя дружбою съ совѣтскою властью Фритьофъ Нансенъ, свѣдѣнія котораго ужъ никакъ не могутъ быть преувеличенными, сообщаетъ въ своемъ докладѣ, что „голодъ захватилъ 19.000.000 человѣкъ, изъ которыхъ 15 милліоновъ приговорены къ голодной смерти. Въ Самарской губ. были арестованы двѣ женщины, которыя убили старыхъ бродягъ и съѣли ихъ мясо. Въ Пугачевскомъ уѣздѣ дошли до того, что жарили трупы, вырытые съ кладбища. Въ одной деревнѣ мать раздала своимъ тремъ дочерямъ трупъ своей старшей дочери, умершей отъ голода. Въ Минскѣ были случаи, что матери убивали собственныхъ дѣтей, чтобы избавить ихъ отъ мукъ голода. Въ Новороссійскѣ одна мать утопила своихъ дѣтей. Въ Башкирской республикѣ ѣдятъ конскій пометъ. Въ Симбирскѣ крестьяне собираютъ болотныя водоросли и ѣдятъ ихъ, перемѣшивая съ навозомъ.“

„Изъ Гельсингфорса сообщаютъ объ анархіи, царящей въ Поволжскомъ раіонѣ. Совѣтская власть не торопится съ эвакуаціей голодныхъ. Толпы голодныхъ продолжаютъ бродить изъ одной мѣстности въ другую, объединяясь иногда въ болѣе значительныя группы. Комиссаръ по эвакуаціи Сафроновъ ловко устроилъ вблизи Симбирска столкновеніе двухъ такихъ группъ, въ результатѣ чего было много убитыхъ и раненыхъ. Подъ конецъ появились красноармейцы и нагайками разогнали обезсиленныхъ и голодныхъ людей“.

„Въ Петроградѣ отмѣчаютъ наплывъ бѣженцевъ изъ голодныхъ губерній. Вотъ что по этому поводу говорится въ томъ же письмѣ: „Теперь въ нашъ домъ нагнали массу бѣженцевъ изъ голодныхъ губерній. Что это за ужасъ. Это скелеты, обтянутые кожей — до того они истощены и грязны. Карета и автомобиль скорой помощи пріѣзжаютъ къ намъ по пяти и больше разъ въ день, увозя больныхъ и мертвыхъ. Они мрутъ отъ дезинтеріи, холеры, а чаще отъ того, что набрасываются на хлѣбъ и съ голодухи объѣдаются. Паразитовъ снимаютъ съ себя чуть не горстями, тутъ-же, среди двора, снимая рубахи. Мы все боимся зимой сыпняка. Ужаснѣе всего, что въ нашемъ домѣ ихъ долго не оставляютъ, а

распредѣляютъ куда то, а къ намъ прибываютъ все новыя и новыя партіи съ новой грязью и новыми тучами паразитовъ"... (Тамъ же, № 11, отъ 23 Октября 1921 г.).

„Въ Прагѣ получены извѣстія изъ совѣтской Россіи о колоссальномъ ростѣ преступности на почвѣ голода. За послѣдніе два мѣсяца было арестовано и предано революціонному трибуналу 25.000 человѣкъ, изъ которыхъ 22% совершили преступленія въ погонѣ за продовольствіемъ, прочіе судились за пропаганду, участіе въ возстаніяхъ и прочія политическія преступленія". (Тамъ же, № 12, отъ 30 Октября 1921 г.).

„Населеніе Сибири отказывается принять къ себѣ голодающихъ изъ средней полосы Россіи и Поволжья. Въ Челябинскѣ сосредоточено до 50.000 голодающихъ дѣтей..." „По словамъ капитана шведскаго парохода, прибывшаго изъ Петрограда, въ городѣ находится 100.000 бѣженцевъ изъ голодныхъ мѣстностей." (Тамъ же, № 13, отъ 6 Ноября 1921 г.).

„Владивостокскія газеты сообщаютъ, что на Амурѣ обозначился голодъ. Богатѣйшій и хлѣбороднѣйшій край стоитъ передъ призракомъ подлиннаго голода. По большевическимъ подсчетамъ, краю, до новаго урожая, не хватитъ слишкомъ 1.850.000 пудовъ хлѣба". (Тамъ же, № 16, отъ 14 Ноября 1921 г.).

„Совѣтское Роста сообщаетъ, что въ Пермской губ., еще въ прошломъ году, давшей милліоны пудовъ хлѣба, теперь голодаетъ свыше 150.000 человѣкъ. Въ Новониколаевской губ. голодаетъ болѣе 55.000 дѣтей". (Тамъ же, № 17, отъ 21 Ноября 1921 года).

„Бѣжавшіе изъ Поволжья разсказываютъ, что въ голодныхъ мѣстностяхъ власти принуждены охранять кладбища, чтобы прекратить раскапываніе свѣжихъ могилъ, производимое голодающими въ поискахъ пропитанія"...

„Большевическій „Новый Міръ" сообщаетъ: „По послѣднимъ свѣдѣніямъ, голодныя бѣдствія въ Одесской губерніи не уступаютъ голоду въ Приволжьѣ. Зарегистрированы случаи самоубійства на почвѣ голода"... (Тамъ же, № 20, отъ 12 Декабря 1921 г.).

„По свѣдѣніямъ изъ Россіи, на почвѣ голода сильно развились эпидеміи сыпного и брюшного тифовъ... „Правда" и „Извѣстія" помѣщаютъ сообщенія объ ужасахъ голода, — многія деревни вымерли окончательно... Истощенные организмы не въ силахъ бороться съ болѣзнями, отчего % смертности увеличивается съ каждымъ днемъ... По совѣтскимъ источникамъ, дѣтская смертность въ „городкѣ Маркса" дошла до 35 человѣкъ ежедневно". (Тамъ же, № 25, отъ 9 Янв. 1922 г.).

„Голодъ на Украинѣ принимаетъ все болѣе угрожающіе размѣры. Онъ начинаетъ охватывать даже Полтавскую губ., гдѣ урожай былъ удовлетворительный. Въ Новороженской волости Константиноградскаго уѣзда насчитывается до 3.000 голодающихъ, 17 человѣкъ умерло съ голоду. Въ Гришинскомъ уѣздѣ Донской области на 1 Января записано 6.000 голодныхъ, большинство изъ нихъ дѣти. Въ трехъ волостяхъ этого уѣзда зарегистрировано 217 случаевъ смерти отъ голода. Отъ послѣдствій голода заболѣло 720 человѣкъ. Населеніе питается суррогатами, смѣшанными съ глиной.

Въ Одессѣ свирѣпствуетъ голодъ. Почти каждый день на улицахъ наблюдаются случаи смерти отъ истощенія. Въ Кляровской волости Днѣпровскаго уѣзда населеніе доведено до отчаянія, — жители питаются кошками, собаками, морскими отбросами, кожами. Въ Запорожской губ. наблюдается массовое бѣгство въ урожайныя губерніи". „Газета „Красный Николаевъ" сообщаетъ, что по всѣмъ станціямъ отъ Харькова до Николаева слышны душераздирающіе крики голодныхъ дѣтей. Обезображенные голодомъ, съ тонкими ручками и ножками, съ большими отвислыми животами, дѣти эти бродятъ по деревнямъ въ поискахъ за пропитаніемъ. Подбираютъ всякіе отбросы, дерутся и вырываютъ другъ отъ друга кусокъ хлѣба случайно найденный или данный имъ. Матери подбрасываютъ своихъ дѣтей; дѣтскіе дома не въ состояніи часто принять голоднаго ребенка вслѣдствіе отсутствія мѣста и возможности ихъ пропитать". „Правда" (№ 28) сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о положеніи крестьянъ въ раіонѣ Николаева. Голодающихъ зарегистрировано до 500.000, замѣчается повальный падежъ скота отъ безкормицы. По свѣдѣніямъ губземотдѣла къ веснѣ на каждые 100-120 десятинъ придется по одной лошади"... (Тамъ же, № 29, отъ 13 Февраля 1922 г.).

Извѣстія, получаемыя изъ голодающихъ раіоновъ Россіи, рисуютъ картины, полныя ужаса. Длительная голодовка, наравнѣ съ дикой непримиримой ненавистью къ виновникамъ этихъ несчастій, — соціалистамъ, доводитъ нѣкоторыхъ крестьянъ до полной апатіи, равнодушія и покорности предъ судьбою. Прибывшіе изъ Россіи вмѣстѣ съ Нансеномъ его сотрудники разсказываютъ, что ими наблюдались слѣдующіе случаи. Въ одной деревнѣ они видѣли какъ крестьяне, одѣвшись въ чистое бѣлье, забирались на печку и, укрывшись шубами, лежали въ полномъ безмолвіи. На вопросъ, что они дѣлаютъ, получался отвѣтъ: „ѣсть больше нечего, жить все равно осталось одинъ день, смерти ждемъ". Часты случаи, что цѣлыя семьи вымоются въ банѣ, пустятъ угаръ и съ молитвою къ Богу медленно умираютъ. Ужаснѣе всего то,

что на будущій годъ нужно ожидать еще худшаго голода, который охватитъ уже не мѣстность, населенную 30-ю милліонами, а полъ Россіи. Москва, „сердце Россіи“, — представляетъ изъ себя позорную и жалкую картину. Въ жизни города двѣ стороны, совершенно противоположныя одна другой. Въ то время, какъ одна часть населенія роскошествуетъ, пьянствуетъ и развратничаетъ, другая — постепенно вымираетъ, занятая лишь вопросомъ раздобыванія хлѣба насущнаго, не интересуясь окружающимъ, живя лишь изо дня въ день.“ (Тамъ же).

„Изъ одного изъ окраинныхъ государствъ нами получено письмо, выпукло рисующее измѣненіе въ настроеніи, происшедшее въ средѣ крестьянъ со времени революціи. „Недавно я встрѣтился съ старымъ другомъ, котораго не видѣлъ со времени злосчастной революціи. Помѣщикъ N-ской губерніи, онъ всю свою жизнь провелъ работая въ своемъ имѣніи и весною 1917 года, во время нашей послѣдней встрѣчи, уѣхалъ къ себѣ, убѣжденный, что крестьяне, памятуя его отличное къ нимъ отношеніе и постоянную помощь, дадутъ ему возможность заняться хозяйствомъ. Ему рисовались даже возможности, пользуясь своимъ вліяніемъ, продолжать руководить жизнью ближайшихъ деревень и этимъ оградить ихъ отъ тлетворнаго вліянія революціоннаго угара. Лѣто 1917 года прошло болѣе или менѣе благополучно; осенью вызванные преступными дѣйствіями и пропагандою Временнаго Правительства погромы докатились и до мѣстности, въ которой находилось имѣніе моего пріятеля. Однажды толпа пьяныхъ парней и дѣвокъ, изъ которыхъ большинство было ему многимъ обязано, наполнила дворъ усадьбы. Пожилыхъ крестьянъ среди нихъ почти не было. Начался безсмысленный разгромъ всего хозяйства, уничтожалось все безцѣльно и нелѣпо, — перебили куръ, перерѣзали мелкій скотъ, испортили машины, растащили мебель изъ дома. Моего друга въ перемѣшку съ пьяной, богохульной и омерзительной руганью называли „кровопійцей“, „извергомъ“, „буржуемъ“ и прочими словами, почерпнутыми изъ неизсякаемаго и смраднаго „демократическаго“ лексикона. Мой другъ бѣжалъ, но связь его съ имѣніемъ порвалась не сразу, онъ долго еще получалъ письма, рисующія шагъ за шагомъ гибель и разореніе культуры, съ такимъ трудомъ насажденной имъ. Сначала разобрали хозяйственныя строенія: „кирпичи, молъ, понадобились“, порубили опытную посадку сосенъ, наконецъ сожгли и самый домъ, сожгли такъ, „изъ озорства“, парни. Потомъ письма прекратились, — писаніе писемъ бывшему барину было разсмотрѣно „властью на мѣстахъ“ какъ контръ-революціонный поступокъ

писавшимъ стали угрожать арестомъ. Въ прошломъ году мой пріятель узналъ, что можно писать въ Россію и написалъ своему родственнику, проживающему въ городѣ вблизи его имѣнія. Отвѣты рисовали ужасъ жизни въ Россіи и вполнѣ подтвердили свѣдѣнія, доходившія до насъ, за послѣднее время. Даже за большія деньги въ городахъ нельзя ничего достать, приходится ѣздить по деревнямъ. И вотъ родственникъ моего друга рѣшилъ поѣхать къ священнику того села, близъ котораго находилось его имѣніе. По пріѣздѣ къ батюшкѣ онъ былъ принятъ какъ родной. Батюшка раньше былъ изъ передовыхъ, но революція и событія послѣдующаго времени сильно измѣнили его воззрѣнія. Крестьяне, узнавъ о пріѣздѣ городского гостя, повалили гурьбою побесѣдовать съ пріѣзжимъ. Начались подробные разспросы о томъ, какъ и гдѣ живетъ владѣлецъ усадьбы, вспоминали съ сожалѣніемъ, а многіе и со слезами, прежнее, хулили настоящее и робко и осторожно высказывали свои затаенныя надежды на лучшія времена. Просили написать моему другу или дать его адресъ, — „сами напишемъ", чтобы просить его вернуться, „корову дадимъ и лошадь", кое какую обстановку его до сихъ поръ сохраняемъ; устроимъ его какъ нельзя лучше. И какъ это нечистый насъ попуталъ, такой грѣхъ совершили, ограбили такого добраго человѣка!"

Пріѣзжему принесли деревенскихъ гостинцевъ. Хотя губернія считается урожайной, но и тамъ положеніе далеко неудовлетворительное. Хлѣбъ печется по такой раскладкѣ: на 1 пудъ молотой лебеды добавляютъ 6-8 фунтовъ ржаной муки. Понемногу привыкли къ такой пищѣ, только думаютъ о томъ, какъ бы такого хлѣба хватило до новаго урожая. Но будущій годъ не сулитъ ничего хорошаго; погода была теплая до Декабря, а на Рождество хватилъ морозъ безъ снѣга, поля запущены, не паханы, — некому и нечѣмъ пахать, плуги испорчены, а починить ихъ нельзя. Изъ Поволжья приходятъ еле живые, истощенные голодомъ люди, умираютъ отъ слабости, разнося, по еще не зараженнымъ мѣстамъ, эпидеміи тифовъ, приводя въ ужасъ своими разсказами крестьянскіе умы. А разсказы дѣйствительно ужасны: въ Самарской губ. ежедневно отъ голода умираютъ до 1.000 человѣкъ; крысъ, собакъ, кошекъ уже съѣли, падаль идетъ въ открытую продажу и цѣны на нее растутъ съ каждымъ днемъ; за послѣдніе два года развелось неимовѣрное количество волковъ, которые обнаглѣли до того, что бросаются на людей; недавно въ одномъ изъ уѣздовъ Средней Россіи ими было растерзано 5 человѣкъ крестьянъ съ лошадьми.

Большевики пытались образовать государственную охоту,

разыскивають борзыхъ собакъ, самъ Бронштейнъ выѣзжалъ на охоту (о, умилительное зрѣлище!), крестьяне сосѣднихъ деревень были согнаны какъ загонщики, но все это не помогаетъ.

Настроеніе крестьянъ нервное и въ то же время приниженное, они поняли многія свои заблужденія, но поздно и тяжко искупають все содѣянное ими.“

„Крымъ постигнулъ сильный неурожай. Согласно большевицкимъ подсчетамъ на полуостровѣ голодаетъ около 300.000 взрослыхъ и 130.000 дѣтей. Фунтъ хлѣба въ Алупкѣ стоитъ 160.000 рублей. На улицахъ Севастополя, Симферополя и Евпаторіи валяются трупы брошеныхъ матерями дѣтей.“ (Тамъ же, № 31, отъ 27 Февраля 1922 г.).

„Пріѣхавшій недавно изъ Петрограда докторъ Б. разсказываетъ слѣдующій эпизодъ. Однажды хозяйка квартиры, въ которой онъ жилъ, заявила ему, что сегодня она не сможетъ его накормить и вмѣсто отвѣта на его вопросъ, отчего онъ въ этотъ день долженъ остаться безъ обѣда, повела его на кухню и показала на столѣ часть человѣческой ноги. Возмущенный докторъ взялъ съ собою этотъ кусокъ „мяса“ и пошелъ въ лавку, изъ которой оно было получено. Въ лавкѣ онъ получилъ отвѣтъ, что въ этотъ день мясо получено изъ „чрезвычайки“ (чека) и все того же сорта. Въ комиссаріатѣ, куда онъ отправился, доктору выражали сочувствіе, возмущались, но сказали, что ничего сдѣлать не могутъ. Б. не успокоился и пошелъ въ чрезвычайку, тамъ его заявленіе было тоже встрѣчено „сочувственно“, но отговаривались тѣмъ, что ничего сдѣлать не могутъ. Когда же докторъ заявилъ, что онъ пойдетъ въ исполкомъ и опубликуетъ объ этомъ въ газетахъ, чекисты, выслушавъ его рѣчь, тоже „сочувственно“ сказали ему: въ исполкомъ вы, конечно, пойдите и вообще ваши заявленія можете дѣлать гдѣ хотите, но въ газетахъ объ этомъ печатать не совѣтуемъ. Имѣйте въ виду, что черезъ два дня послѣ появленія вашей замѣтки въ печати, ваша нога будетъ лежать на томъ же прилавкѣ...“ (Тамъ же, № 34, отъ 20 Марта 1922 г.),

„По полученнымъ свѣдѣніямъ голодъ медленно, но вѣрно распространяется по Россіи. Какъ нами уже сообщалось, Украина уже имъ охвачена. По только что полученнымъ сообщеніямъ, угроза голода докатилась до Омска. Недовольство на почвѣ голода растетъ, вспыхиваютъ повсемѣстно возстанія... ... Обыватель задавленъ налогами. Въ Тулѣ за ведро воды, почерпнутое изъ общественнаго колодца, платятъ городу 1000 рублей. Цѣны на освѣщеніе колоссальныя, за три лампочки въ мѣсяцъ платятъ 750.000 рублей. И такъ во всемъ. На Волгѣ

людоѣдство принимаетъ повальные размѣры, власти этого болѣе не скрываютъ. Организованы даже специальные отряды для закапыванія труповъ и охраны кладбищъ." (Тамъ же, № 37, отъ 17 Апрѣля 1922 г.).

„Въ виду крайняго интереса приводимъ ниже сообщеніе проф. Меридитъ Аткинсонъ, ѣздившаго вмѣстѣ съ сэромъ В. Робертсонъ въ Россію, какъ представитель Австралійскаго Комитета помощи дѣтямъ. Профессоръ посѣтилъ многія деревни и говоритъ, что положеніе въ голодающихъ раіонахъ настолько ужасно, что оцѣнка его не можетъ быть преувеличена. Разслѣдованіе положенія въ деревняхъ привело профессора къ убѣжденію, что главною причиною голода является *реквизиція хлѣба* въ деревняхъ, произведенная совѣтами въ 1920 году, результатомъ чего явился *преднамѣренный* недосѣвъ крестьянами своей земли въ 1921 году, который въ соединеніи съ сильной засухой прошлаго лѣта и далъ ужасный голодъ, нынѣ переживаемый Россіей. „Я убѣдился, говоритъ профессоръ, что свѣдѣнія о томъ, что нашествіе армій Деникина, Колчака и Врангеля опустошили крестьянскіе посѣвы — *невѣрны*." ... Далѣе профессоръ говоритъ, что онъ никогда не рѣшится назвать деревни, въ которыхъ ему удалось собрать эти свѣдѣнія, изъ страха, что его собесѣдники могутъ тамъ подвергнуться преслѣдованію, „одному Богу извѣстно, что бы могли сдѣлать съ этими невинными, вѣроятнѣе всего ихъ убьютъ" и добавилъ: „вѣдь люди убиваются тамъ за кражу пищи". Оцѣнивая работу властей по дѣлу помощи голодающимъ, проф. Аткинсонъ считаетъ необходимымъ отмѣтить, что въ связи съ полной разрухой „среди администраціи царитъ страшное бездѣйствіе и незнаніе, кажущіяся ужасающими передъ лицомъ всѣхъ ужасовъ момента". Обрисовывая царящую въ Россіи разруху, профессоръ говоритъ: „Мнѣ лично приходилось пять разъ ѣздить на станцію, чтобы поймать поѣздъ изъ Москвы въ Саратовъ, только для того, чтобы убѣдиться, что никакого поѣзда нѣтъ". „Совершенно нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что самыя простыя вещи будутъ сдѣланы, въ виду отсутствія связи между различными государственными учрежденіями и неисправимой привычки давать обѣщанія, которыя исполнены быть не могутъ". Подъ конецъ проф. Аткинсонъ даетъ картины ужасовъ голода: „Я видѣлъ горы труповъ на подоконникахъ ж.-д. станцій, на дорогахъ отъ одной деревни къ другой валяются трупы умершихъ въ пути". „Я видѣлъ неопровержимыя доказательства людоѣдства. Трупы, брошенные въ снѣгъ и не погребенные, ночью украдывались для пищи. Отцы и дѣти убивали другъ друга. Одинъ человѣкъ убилъ свою жену и замарино-

валъ ее въ бочкѣ. Я могу ручаться за правильность этихъ фактовъ." (Тамъ же, № 38, отъ 24 Апрѣля 1922 г.)

Бывшій верховный комиссаръ по голоду въ Индіи Робертсонъ, посѣтившій раіоны Волги въ 1922 году, пишетъ: „Страна была совершенно опустошена реквизиціями, хлѣбъ исчезъ окончательно. Въ одной деревнѣ возлѣ Саратова изъ 400 лошадей осталось всего 22 и изъ 300 коровъ — только 40. Три причины привели къ голоду: отсутствіе хлѣбныхъ запасовъ, разрушеніе торговли, плохое состояніе желѣзныхъ дорогъ, три причины ложащіяся всецѣло на отвѣтственность диктаторовъ."

Многіе проживающіе заграницей русскіе и поголовно всѣ иностранцы не имѣютъ никакого представленія о тѣхъ ужасахъ, которые творятся въ Россіи. Печатаемъ ниже письмо, приподнимающее хоть отчасти завѣсу надъ той трагедіей, которую переживаетъ русскій народъ, стиснутый въ цѣпкихъ лапахъ соціалистовъ. Письмо помѣчено 18—V, отправлено изъ Москвы:

„Вчера были (по случаю имянинъ Тани) всѣ родные. Жена Пети разсказывала, какъ въ семьѣ ихъ знакомыхъ Ш. отправили барышню лѣтъ 16-ти къ роднымъ въ Саратовскую губ. отвезти продукты и спустя двѣ недѣли пришла телеграмма: „Лелечку съѣли"."

Валя (дочь помощн. завѣд. однимъ дѣтскимъ домомъ) передавала разсказы дѣтей, прибывшихъ изъ Казани, о томъ, какъ татары ловили по дорогамъ проѣзжающихъ арканами и ѣли.

Прибывшіе изъ голодныхъ мѣстъ сообщаютъ, что людоѣдство настолько заразительно, что люди перестали даже искать другой пищи, предпочитаютъ „человѣчину". Съ мѣстъ запрашиваютъ Москву, что дѣлать съ пойманными людоѣдами, держать ли ихъ въ тюрьмахъ, разстрѣливать, или же выпускать на свободу; число такихъ преступниковъ огромно и увеличивается съ каждымъ днемъ. Со словъ знакомаго доктора знаю, что въ провинціи съѣли доктора, сидѣлку и санитара. Другой докторъ, бывшій довольно толстымъ, не выдержалъ и сбѣжалъ изъ Поволжья: „чувствую, говорилъ онъ, что меня хотятъ съѣсть, заманиваютъ, какъ то особенно ласково смотрятъ" и т. д. „Вотъ, дорогой мой, тема для психологическаго изслѣдованія, — ощущенія человѣка, котораго хотятъ съѣсть.

Вчера Катя очень сочно, какъ умѣютъ разсказывать только старые да бывалые люди, передавала намъ слѣдующее (это не басня, знаетъ она это отъ вѣрныхъ людей): „одинъ мелкій торговецъ собралъ мучицы, крупицы, сахарку да чаю и

поѣхалъ къ брату въ деревню въ Самарскую губернію. На станціи спрашиваетъ у знакомыхъ мужиковъ: „Какъ братъ?“ — „Да ничего, только ты туда не ѣзжай“. Онъ все же поѣхалъ. Встрѣчаетъ его братъ, равнодушно беретъ продукты и все его щупаетъ: „а ты братъ жирный“. „Ну а гдѣ дѣти твои?“ — „Да подъ поломъ!“ — „А жена?“ — „И жена тамъ“. Вылѣзла жена и первымъ дѣломъ пощупала пріѣзжаго: „а ты жирный“, говоритъ. Къ окну собралось человѣкъ 10 крестьянъ, смотрятъ на пріѣзжаго.

„Коли хочешь посмотрѣть дѣтей, полѣзай подъ полъ!“ — „Да ты ихъ сюда приведи!“ — „Нѣтъ они у насъ тамъ и живутъ. Полѣзай ты первымъ“. Пріѣзжій ни за что, — страшно вдругъ стало. Наконецъ уговорилъ онъ хозяина первымъ въ подвалъ спуститься, а лишь тотъ сошелъ, захлопнулъ за нимъ крышку погреба и въ дверь. Выскочилъ изъ избы, а тутъ его давай хватать, ловить — караулили значитъ. Къ счастью, всѣ они какъ мухи, пихнешь — съ ногъ валятся, отбился и скорѣй на вокзалъ“. Этотъ разсказъ произвелъ на насъ всѣхъ страшное и удручающее впечатлѣніе, есть съ чего испугаться. Собака собачины не ѣстъ, а тутъ брата, собственныхъ дѣтей, — ужасъ!“...

„По сообщенію изъ иностранныхъ источниковъ въ Крыму болѣе 60.000 человѣкъ умерли отъ голода, изъ нихъ 60% дѣтей. Трупы ихъ съѣдены голодающими. Тѣ же источники приносятъ извѣстіе, почерпнутое изъ „Красной газеты“, о разстрѣлѣ „изъ человѣколюбія и санитарныхъ цѣлей“ 100 дѣтей, заболѣвшихъ сапомъ отъ употребленія мяса, зараженныхъ этой болѣзнью лошадей...“ (Тамъ же, № 44, отъ 5 Іюня 1922 г.).

О томъ, каковы санитарныя условія въ Россіи, можно судить по нижеслѣдующему краткому отчету одного изъ провинціальныхъ санитарныхъ управленій за время только съ 15 по 31 Іюля 1922 года: „количество заболѣваній холерою — 1445, чумой — 19, сыпнымъ тифомъ — 7695, брюшнымъ тифомъ — 2358, менингитомъ — 237, сапомъ — 34. Особенно усиливается холера, такъ за 27 число заболѣло 976 человѣкъ“. (Тамъ же, № 53, отъ 21 Авг. 1922 г.).

„На почвѣ все разрастающагося голода наблюдаются ужасающія картины людоѣдства. На рынкахъ каждый день происходятъ кровавыя расправы съ голодными ворами. Вора, стащившаго съ лотка кусокъ хлѣба или сырого мяса, бьютъ палками, ножами, чѣмъ попало. Истекая кровью, задыхаясь, умирающій, до послѣдняго издыханія, продолжаетъ жевать, защищая стащенный кусокъ отъ толпы. Драки изъ за оброненной корки хлѣба, даже крошки, вещь вполнѣ обыденная.

На почвѣ голода совершаются невѣроятныя преступленія, забыты всѣ законы Божескіе и человѣческіе.

Сообщается, что въ крупныхъ городахъ юга Россіи власти принуждены были установить охрану базаровъ, которые часто подвергались разграбленію толпъ голодныхъ горожанъ. Мѣра эта отчасти предохранила торгующихъ отъ нападенія голодающихъ, но случаи нападенія на рынки остаются явленіемъ вполнѣ обыденнымъ.

Правительство не только безсильно бороться съ все разрастающимся бѣдствіемъ, но, наоборотъ, узаконивает многія уродливыя и преступныя проявленія дѣйствительности. Такъ, согласно послѣднему декрету на Поволжьѣ, людоѣдство перестало быть наказуемымъ. Заготовки солонины изъ человѣческаго мяса стали тамъ обыденнымъ явленіемъ..." (Тамъ же, № 46, отъ 19 Іюня 1922 г.).

„Въ Крыму положеніе ухудшается съ каждымъ днемъ... Особенно жалко существованіе мѣстнаго татарскаго населенія, которое буквально вымираетъ отъ болѣзней и длительнаго недоѣданія. Прибывшіе изъ Севастополя сообщаютъ о томъ, что случаи смерти отъ истощенія на улицѣ достигли чудовищнаго числа. Поля не засѣяны, запасы хлѣба и даже сѣмена всѣ съѣдены, съѣденъ весь скотъ, прибывающіе же изрѣдка продовольственные грузы разграбляются конвойными, грузчиками или же жителями." (Тамъ же, № 47, отъ 3 Іюля 1922 г.).

„Въ Крыму въ теченіе одного мѣсяца умерла отъ голода десятая часть населенія". (Тамъ же, № 51, отъ 31 Іюля 1922 г.).

„Въ Одессѣ сильно развиты эпидеміи холеры и тифа. Умираетъ человѣкъ по 500 въ день. Трупы умершихъ выносятся на улицы, гдѣ и лежатъ впредь до уборки. Иногда лежатъ по нѣсколько дней. Такъ, сообщающій самъ видѣлъ трупъ женщины, ноги которой объѣдались собаками. Мертвыхъ съ улицъ собираютъ крючьями за шею и сваливаютъ на подводы, которыя отвозятъ за городъ и затѣмъ трупы зарываются въ общія ямы"... (Тамъ же, № 59, отъ 2 Октября 1922 г.).

Съ Іюня 1922 года свѣдѣнія объ ужасахъ голода перестали поступать, ибо Совѣтское правительство, ссылаясь на блестящій урожай, оповѣстило, что голодъ окончательно ликвидированъ. Въ дѣйствительности же причины „ликвидаціи" были иныя. „Въ поискахъ за доходами совѣты рѣшили продать заграницу весь запасъ зерна, который имъ удается оружіемъ выколотить у крестьянина. Но заграница на просьбу объ авансахъ отвѣчала, что затруднительно дать деньги на закупку продовольствія въ Россіи, когда въ странѣ царитъ

голодъ и людоѣдство. Немедленно же, постановленіемъ Вцика (Всероссійской Центральной Исполнительной Комиссіи), голодъ былъ ликвидированъ"... (Тамъ же, № 57, отъ 18 Сентября 1922 г.).

„Совѣтскія деньги продолжаютъ падать, такъ что цѣны такія: фунтъ говядины — 7-8 милліоновъ, ф. масла — 16-20 милл., ф. творогу — 5-6 милл., бутылка молока — 4 милл., 10 яицъ — 7-8 милл. Какъ видите, расходъ одного дня достигаетъ цыфръ астрономическихъ. Помните, экономисты бывало пишутъ, что есть предѣлъ паденію денегъ, за которымъ государство рушится, а вотъ большевическіе жиды доказали, что ихъ организація можетъ существовать вопреки всѣмъ ученымъ выкладкамъ и соображеніямъ. Я всегда придавалъ мало значенія такъ называемой экономической наукѣ, а сейчасъ, на примѣрѣ большевиковъ, еще болѣе вскрылась ея несостоятельность. *Для воли Божіей не существуетъ экономическихъ законовъ, и прегрѣшенія человѣчества влекутъ за собою совершенно новыя комбинаціи естественныхъ и экономическихъ явленій. Богъ и нравственный законъ управляютъ судьбами людей, а не экономика. Большевическая жидовская организація явилась тѣмъ бичемъ, который Богъ послалъ покарать отступившій отъ вѣры русскій народъ.* Русская чернь въ послѣдніе годы передъ революціей съ какимъ то остервенѣніемъ потрясала воздухъ сыпавшимися изъ ея устъ кощунствами и матерной бранью, и эта хула на Духа ей не простилась. Смотрите, какой моръ прошелъ по русской землѣ, а будущее еще мрачнѣе. Въ газетахъ уже пишутъ: „На Украинѣ распространеніе сусликовъ принимаетъ грозные размѣры. Сусликами охвачена площадь въ 3.500.000 десятинъ. На каждую десятину приходится отъ 200 до 300 паръ сусликовъ. Нѣкоторымъ районамъ вслѣдствіе этого грозитъ опасность почти полной гибели урожая. Наиболѣе поражены Полтавская и Херсонская губерніи." Я знаю, что̀ это значитъ. Въ моемъ дѣтствѣ, болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ, я видѣлъ между селами Савинцами, Чевельгой и Богодуховкой, на границѣ Лубенскаго и Золотоношскаго уѣздовъ, степь, захваченную сусликами. На огромномъ пространствѣ у норъ стояли на заднихъ лапкахъ звѣрьки и громко посвистывали. Всѣ посѣвы кругомъ были съѣдены. Суслики человѣку не оставляютъ ничего; онъ — грозный признакъ полнаго паденія разумной дѣятельности земледѣльца и показатель наступленія пустыни. Вотъ *отмщеніе мужикамъ* за изгнаніе отъ себя всего культурнаго слоя землевладѣльцевъ. Далѣе газета пишетъ: „Кромѣ сусликовъ сильно распространена головня, которою особенно поражены Черниговская и

Харьковская губерніи. Всего ею поражено 35% всѣхъ хлѣбныхъ посѣвовъ на Украинѣ.“ Помните библейскія слова: „Пошлю на васъ звѣрей полевыхъ... поражу ржавчиной (головня)“... А въ польской газетѣ пишутъ о правобережной Украйнѣ, т. е. о Кіевской, Волынской и Подольской губерніяхъ: „Состояніе озимыхъ посѣвовъ — самое плачевное; бо́льшая часть ихъ уже погибла; чувствуется крайній недостатокъ сѣмянъ для яровыхъ посѣвовъ.“ Вотъ въ какое положеніе пришли 7 плодороднѣйшихъ губерній, когда въ нихъ остались глупый мужикъ и хищный жидъ. А наши „демократы“ въ эмиграціи, не обращаясь къ Богу и не разбираясь въ явленіяхъ дѣйствительности, все еще уповаютъ на мужика и строятъ всѣ планы на „волеизліяніи“ народа, — на всеобщемъ голосованіи.“ (Изъ письма А. Цариннаго, отъ 23 Мая-5 Іюня 1923 г.).

Приводимъ и позднѣйшія свѣдѣнія за 1923 годъ, изъ которыхъ видно, что голодъ не только не прекратился, а, наоборотъ, увеличился. Сообщая свѣдѣнія о 34 сербскихъ бѣженцахъ, прибывшихъ изъ Россіи, газета „Новое Время“ говоритъ:

„Впечатлѣніе, которое производятъ эти страдальцы, невѣроятно. Бѣдствія, которыя давили ихъ въ красномъ царствѣ цѣлыхъ 6 лѣтъ, повліяли на все ихъ существованіе, наложили печать мученичества на всякое движеніе, отняли силу, разбили сердце и сдѣлали неспособными къ жизни. Худые, какъ скелеты, оборванные, какъ нищіе, они производятъ впечатлѣніе потерпѣвшихъ кораблекрушеніе людей, выброшенныхъ волнами на необитаемый островъ, гдѣ живутъ въ вѣчномъ страхѣ и умираютъ отъ голода. — Въ Россіи не живутъ, тамъ только умираютъ — заявили они. — Вотъ что сдѣлалъ съ нами новый режимъ! Хотите знать какъ выглядитъ Россія?.. Посмотрите на насъ! Ничего больше вамъ не нужно. Вѣдь мы рабочіе. Существуетъ только группа комиссаровъ и ихъ приспѣшниковъ, которые живутъ богато, даже роскошно... Непрерывно работаетъ чека, это варварское средство для убійства людей...“

Одновременно въ теченіе трехъ недѣль „Новости“ напечатали подрядъ 18 статей о большевистской Россіи. Содержаніе ихъ легко понять хотя бы изъ слѣдующихъ заглавій: „Государственная тиранія“, „Хаосъ и неспособность“, „Дьявольская система“, „Гоненія на Церковь“ и т. п. (Нов. Вр., № 657 отъ 7 Іюля 1923 г.).

Полученное нами письмо изъ Крыма рисуетъ положеніе этой когда то благодатной русской окраины, превратившейся при большевикахъ въ кладбище.

„... Мы вымираемъ, все гибнетъ, нѣтъ никакого просвѣта.

Былое благосостояніе исчезло. Количество скота, отчасти вслѣдствіе эпизоотій, отчасти вслѣдствіе отчужденій, а также и вслѣдствіе голода, сильно уменьшилось. Люди, имѣющіе лошадь, или нѣсколько лошадей, считаются счастливцами, многіе ѣздятъ на быкахъ или коровахъ, чего прежде не бывало. Большинство населенія не имѣетъ однако никакого скота и ходитъ пѣшкомъ на разстояніе 50-100 верстъ. Всего больше пострадали въ послѣднее время деревни расположенныя вдоль желѣзной дороги. Особенно деревни на пути изъ Джанкоя въ Θеодосію. Въ приходскомъ селѣ Цюрихталь, въ нѣмецкой колоніи, въ прошломъ году вымерла значительная часть населенія отъ голода. Школа закрыта уже второй годъ, т. к. учителя голодаютъ и бѣгутъ. Урожай плохой, засѣяно мало, фруктовъ нѣтъ.

Всѣ нѣмецкія колоніи сильно пострадали. Въ Судакѣ очень много умерло отъ тифа.

Жители отапливаютъ печи колючкой, которая въ послѣдніе годы пышно разрослась. Мельницы тоже отапливаются колючкой, и многіе зарабатываютъ себѣ хлѣбъ тѣмъ, что подвозятъ курай на мельницу, за что получаютъ плату маисовой мукой. Въ Конгратѣ за послѣдніе два года не сѣяли. Таймасъ и Шайхъ Али въ лучшемъ положеніи, но въ Шайхъ Али снова свирѣпствуетъ тифъ, а медикаментовъ нѣтъ совсѣмъ.

Очень тяжело въ Θеодосійскомъ уѣздѣ, гдѣ сѣмена получались лишь на десятину.

Въ Евпаторійскомъ уѣздѣ населеніе голодаетъ, при чемъ половина его уже вымерла. Деревня совершенно разорена. Жители распродали за безцѣнокъ не только скотъ и движимое имущество, но также и дома.“ (Нов. Вр., № 674, отъ 28 Іюля 1923 г.).

„Изъ докладовъ на состоявшемся недавно въ Москвѣ съѣздѣ сельскихъ комитетовъ взаимопомощи выяснилось, что въ наступающемъ году можно ожидать новой вспышки голода, такъ какъ уже въ настоящее время въ приволжскихъ губерніяхъ процентъ голодающихъ огромный; такъ напримѣръ, въ нѣмецкой коммунѣ голодаетъ 40 проц. населенія, въ Самарской губерніи — 45 проц., въ Саратовской — 35 проц., въ Царицынской — 40 проц., въ Башкирской республикѣ — 55 проц., въ Татарской — 70 проц., на Уралѣ — 30 проц., и на Украинѣ вмѣстѣ съ Крымомъ — 33 проц.“ (Нов. Вр., 24 Авг. 1923 г., № 678).

„Въ „Кубанцѣ“ среди многихъ писемъ съ родины находимъ письмо станичника, которое приводимъ въ выдержкахъ, съ сохраненіемъ орѳографіи:

„... хотя у насъ и урожай хорошій, но мы имъ не особенно радуемся. А голодной смерти намъ не миновать, и намъ васъ, дорогой братецъ, навѣрно уже не ожидать, если только этотъ святой хлѣбъ отъ нашихъ рукъ уйдетъ. А намъ уже все видать по налогу, что у насъ оплатить больше нечемъ будетъ, то навѣрняка платить прійдется собственной душой въ гнилыхъ тюрмахъ а также въ глубокихъ ямахъ. На что это такъ у насъ есть, когда сейчасъ у насъ берутъ за прошлогодніе налоги послѣднюю калѣку, а также коровку или овечку ведутъ на базарную площадь и тамъ же продаютъ съ аукціоннаго торга. Это фактъ. А она бѣдная казачка стоитъ слезы втираетъ рукавомъ или стоитъ казакъ старикъ, тоже втираетъ слезы украдкой оборванной шапкой. Это тоже фактъ. Затѣмъ, мой дорогой, въ прошломъ году былъ налогъ только по 11 пудовъ, а у 1923 году постановили по 25 пудовъ и 10 фунтовъ съ десятины, засѣяна у тебя вся земля или нѣтъ, это имъ безразлично, уплачивать надо за всю, то мы это уже знаемъ, что намъ прідется помирать съ голоду...

... Я васъ, мой братецъ, прошу, скажите вы мнѣ, умирать мнѣ или еще обождать лучшей жизни... Я бы желалъ умереть хоть въ казачьей черкескѣ, а прійдется умереть въ порватой рубашкѣ или совсѣмъ голымъ. Отакая совѣтская слобода...

... Мы уже и вѣру христіанскую продали за милліоны. Въ церковь не пускаютъ и родятся диты казачьи не хрищены и умираютъ не печатаны...“ (Нов. Вр., 14 Авг. 1923 г., № 688).

Я не задавался спеціальною цѣлью подбирать соотвѣтствующій матеріалъ для своихъ иллюстрацій, а пользовался лишь тѣми свѣдѣніями, какія были подъ рукою. Свѣдѣнія эти, разумѣется, весьма кратки, неполны, разбросаны въ нѣсколькихъ брошюркахъ и газетахъ, но даже въ этомъ своемъ видѣ онѣ не опровергаютъ сдѣланнаго мною вывода о томъ, что большевики умышленно морили населеніе голодомъ для того, чтобы истребить его.

Какою наглою и безсовѣстною ложью являются ссылки большевиковъ на мужицкую косность и ихъ лѣность, благодаря которымъ они не сумѣли воспользоваться отобранной у помѣщиковъ землею, или умышленно не обрабатывали полученной земли изъ контръ-революціонныхъ побужденій, для того, чтобы заставить голодать красную армію, или же скрывали свои продукты ради спекулятивныхъ цѣлей! Нарисованныя нами картины опровергаютъ безъ словъ эту ложь, ибо тамъ, гдѣ населеніе вымираетъ отъ голода, тамъ очевидно уже нечего припрятывать на завтрашній день. Да, въ первые дни революціи, когда она еще рисовалась крестьянамъ въ образѣ грядущаго рая, были случаи, когда они спекулировали не

только на одномъ хлѣбѣ, но и на всѣхъ прочихъ продуктахъ земледѣлія, когда цѣны буквально на все росли по часамъ и то, что стоило утромъ тысячи, продавалось вечеромъ за милліоны... Но это время для крестьянъ и началось и кончилось въ первый же годъ революціи, а затѣмъ спекуляція стала монополіей однихъ только представителей совѣтской власти, какъ, впрочемъ, и всѣ другія блага совѣтскаго рая, какихъ крестьяне только попробовали съ тѣмъ, чтобы лишиться и того, что имѣли раньше. Нельзя обвинять крестьянъ и въ сокращеніи посѣвной площади, ибо мудрено обрабатывать землю не имѣя орудій и скота, мудрено имѣть желаніе обрабатывать ее тамъ, гдѣ земля соціализирована, а продукты облагаются налогами, превышающими ихъ стоимость. Сокращеніе посѣвной площади явилось прямымъ результатомъ большевическихъ декретовъ и распоряженій, и это подтверждаютъ нижеприводимыя нами данныя:

„Посѣвная площадь крестьянскаго двора до революціи составляла 4,6 десятины. Въ 1919 г. она упала по офиціальному сообщенію, до 2,5 дес., а въ 1921 г. вѣроятно не превышаетъ 2 дес... Вмѣсто прежняго потребленія на душу 22 пуда въ годъ, крестьянамъ оставлялось хлѣба по 12 пудовъ на душу. Остальное отбиралось совѣтскимъ правительствомъ безплатно, что составило, въ среднемъ, для 1919 и 1920 годовъ по 243.830.000 пудовъ хлѣба, крупъ и зерноваго фуража.“ (Еженедѣльникъ Высш. Мон. Сов., 4 Сент. 1921 г., № 4).

„Властью принимаются энергичныя мѣры по сбору продналога, укрывшіе свой хлѣбъ крестьяне разстрѣливаются. На этой почвѣ не прекращаются крестьянскія возстанія“... (Тамъ же, № 5, отъ 11 Сент. 1921 г.).

„Производство сахара со 105 милліоновъ пудовъ въ 1915 году уменьшилось до 5 милліоновъ пудовъ въ 1920 году“... (Тамъ же).

„Весною текущаго года въ Самарской губ. Новоузенскаго уѣзда, въ селѣ Черебаево вспыхнуло быстро охватившее весь Новоузенскій и часть Камышинскаго уѣздовъ возстаніе... Выведенные изъ терпѣнія постоянными поборами „продовольственниковъ“, несмотря на очевидный уже голодъ, а главное звѣрствами, которыми эти поборы сопровождались, крестьяне возстали и перебили представителей совѣтской власти“... (Тамъ же).

„На Волыни неспокойно, крестьяне не выдерживая притѣсненій, чинимыхъ большевиками при сборѣ продналога, возстаютъ. Для усмиренія вызываются карательные отряды. Особенное раздраженіе вызвало запрещеніе молоть зерно, пока вся деревня не внесетъ назначеннаго ей по разверсткѣ

продналога. Украина наводняется бѣженцами изъ Новороссіи. Голодныхъ никто не кормитъ, отчего развелось до невѣроятныхъ размѣровъ воровство; на этой почвѣ возникаютъ недоразумѣнія между мѣстнымъ населеніемъ и бѣженцами, оканчивающіяся часто кровавыми столкновеніями.“ (Тамъ же, № 9).

„На желѣзно-дорожныхъ станціяхъ Курской губерніи гніетъ сложенное зерно, собранное комиссіей продналога. Всего свезено и доставлено на станцію 1.380.000 пудовъ ржи и овса; за отсутствіемъ вагоновъ, весь собранный хлѣбъ обреченъ на гибель.“ (Тамъ же).

„Посѣвная площадь въ Туркестанѣ съ 3,5 милліоновъ десятинъ 1915 года сократилась до 1,6 милл. дес. въ 1920 году. Количество орошаемой земли съ 2,4 милл. десятинъ упало до 1,1 милліона“... (Тамъ же, № 10, отъ 16 Окт. 1921 г.).

„На будущій годъ голодъ также неминуемъ, хотя 50% осеннихъ посѣвовъ и взошли, но все же остается площадь въ нѣсколько сотъ тысячъ десятинъ на обсѣмененіе которой не хватаетъ зерна.“ (Тамъ же, № 24, отъ 9 Января 1922 г.)

„На второмъ всеукраинскомъ съѣздѣ комиссаръ Фрумзе сдѣлалъ докладъ о повстанческомъ движеніи въ Малороссіи. Съ Сентября 1921 года тамъ насчитывалось до 50 отрядовъ общей численностью до 40.000 человѣкъ. Во время борьбы съ этими отрядами, по совѣтской статистикѣ, было убито 182 атамана, разстрѣляно 9, арестовано 84, добровольно сдались 169, всего 444. Рядовыхъ повстанцевъ убито 9.544, разстрѣляно 510, арестовано 15.305, явилось добровольно 9.539, всего 29.612.“ (Тамъ же, № 40, отъ 8 Мая 1922 г.).

„Для прокормленія населенія въ теченіе 5 мѣсяцевъ потребуется 50 милліоновъ пудовъ, т. е. по 10 милліоновъ пуд. въ мѣсяцъ. Исчисляя народонаселеніе въ Россіи въ 120 милліоновъ*) получаемъ расчетъ одного пуда на 12 человѣкъ въ мѣсяцъ, т. е. менѣе 4 фунтовъ на человѣка въ мѣсяцъ, или менѣе одной восьмой фунта въ день... Сѣмена для обсѣмененія полей или опаздываютъ, или приходятъ въ слишкомъ незначительномъ количествѣ, въ большинствѣ же случаевъ запасы расхищаются на мѣстахъ, вслѣдствіе чего получается постоянное и неизбѣжное сокращеніе посѣвной площади“... (Тамъ же, № 41, отъ 15 Мая 1922 г.).

„Національизированныя предпріятія въ Россіи явили міру небывалый примѣръ *не производящей, а потребляющей* промышленности. Разительнымъ свидѣтельствомъ можетъ служить производство сахара въ Кіевскомъ округѣ въ 1920-

*) Въ дѣйствительности, 170 милліоновъ и даже по большевическимъ свѣдѣніямъ, свыше 140 милліоновъ.

21 гг. — При общемъ производствѣ въ 1.167.000 пудовъ сахара было затрачено на раздачу рабочимъ, въ уплату ихъ труда: — 2 милліарда рублей, 50.000 пуд. соли, 150.000 метровъ ткани, 500 пуд. табака, 7.000 стакановъ и, наконецъ, 1 милл. 500.000 пуд. сахара.

Другой примѣръ; казенное земледѣльческое предпріятіе, дающее 4,5 милл. пуд. зерна, потребляетъ 9,3 милл. пуд. зерна на оплату рабочимъ натурой.

Покрытіе такого чудовищнаго недохвата въ національзированныхъ предпріятіяхъ, а также удовлетвореніе потребностей красной арміи и огромной совѣтской бюрократіи побуждаютъ Совѣтское правительство не только расходовать остатки вѣками накопленныхъ богатствъ и запасовъ Россіи, но и облагать тяжелыми, непосильными поборами и реквизиціями оставшіяся не національзированными частныя хозяйства, преимущественно крестьянскія, земледѣльческія, т. к. крестьянство составляетъ 80% населенія.

Такіе постоянные поборы неминуемо привели къ полному крушенію крестьянскаго хозяйства, къ стремительному пониженію посѣвной площади и урожайности, къ вымиранію скота и къ окончательному паденію покупной силы страны.“ (Тамъ же, № 46, отъ 19 Іюня 1922 г.).

„„Красное Знамя“ № 135 пишетъ: для недоимщиковъ наступило время примѣненія къ нимъ суровыхъ карательныхъ мѣръ. Ни одинъ недоимщикъ не ускользнетъ отъ карающей руки. Безполезны какія бы то ни было просьбы, хадатайства и жалобы на непосильность или на затруднительность платежа“... (Тамъ же, № 51, отъ 31 Іюля 1922 г.).

„Бѣднота“ (№ 1263) сообщаетъ о циркулярѣ, разосланномъ центр. ком. Р.П.К. въ связи съ сборомъ продналога... Циркуляръ возлагаетъ на членовъ партіи заботу о скорѣйшемъ выполненіи разверстки, причемъ учитывая „возможность административныхъ мѣръ воздѣйствія на нежелающихъ платить“ продналогъ, совѣтуетъ обратить вниманіе, какъ на „качественный, такъ и на количественный“ составъ исполнительныхъ органовъ. Отъ этихъ исполнителей требуется „способность быстро и рѣшительно выполнять распоряженія прод. органовъ“. Итакъ, этимъ циркуляромъ возобновляется прошлогодній терроръ, сопровождавшій и тогда сборъ продналога. Снова, какъ результатъ „административныхъ мѣръ, польются рѣки крови русскихъ людей, единственная вина которыхъ заключается въ томъ, что они не даютъ грабить своего дома“... (Тамъ же, № 55, отъ 4 Сентября 1922 г.)

„Кража послѣдняго куска хлѣба“, — такъ назвалъ на послѣднемъ засѣданіи съѣзда совѣтовъ товарищъ Романчукъ

распоряженіе „Внѣшторга“ о вывозѣ заграницу русскаго зерна. Несмотря на все продолжающійся голодъ совѣтское правительство рѣшило вывезти въ Западную Европу до 500 милліоновъ пудовъ зерна“... (Тамъ же, № 76, отъ 29 Января 1923 г.).

„Изъ Кубани сообщаютъ: урожай осени 1922 года былъ очень хорошъ, но все же въ краѣ царитъ голодъ, причина тому — сборъ продналога, который собирали по слѣдующей раскладкѣ: 75% урожая съ десятины, кромѣ того съ десятины 6 фунтовъ масла, 1/4 кожи, 20 штукъ яицъ и т. д., такимъ образомъ разошлись на покрытіе продналога и оставленные 25%, такъ какъ налоги верстаются внѣ зависимости отъ дѣйствительной наличности“... (Тамъ же, № 84, отъ 2 Апрѣля 1923 г.).

„Въ Забайкальѣ жизнь населенія становится все тяжелѣе. Урожай ожидается скверный. Обложеніе сорока семью (47) налогами окончательно надломило жизнь. Въ восточномъ Забайкальѣ изъ за усиленнаго выколачиванія налоговъ вспыхнули мѣстные безпорядки, при томъ въ раіонахъ гдѣ населеніе особенно сочувствовало коммунистамъ“... (Тамъ же, № 104, отъ 3 Сент. 1923 г.).

„Наша жизнь съ каждымъ днемъ все ухудшается и въ матеріальномъ и въ моральномъ отношеніяхъ. Налоги буквально давятъ насъ. У насъ налогъ теперь на все: на кошку, на собаку, на курицу и даже въ большихъ городахъ на могилы. Никто не знаетъ даже за одинъ день, какіе нужно платить налоги, потому что почти каждый день вводятся новые налоги — сегодня на желѣзную печку, завтра на зеркала, грядки, диваны и т. д.

Много налоговъ такихъ, о которыхъ мы прямо не знаемъ, за что они взимаются. Вотъ сейчасъ у насъ лежитъ повѣстка на 60 милліоновъ и неизвѣстно за что, а вѣдь кромѣ того ожидаемъ еще повѣстку за домъ, придется платить около милліарда, если не больше.

Жалованье же большею частью намъ „прощается“. Вамъ вѣроятно не понятенъ этотъ терминъ въ такомъ приложеніи, но здѣсь онъ означаетъ, что въ „финотдѣлѣ“ (нѣчто въ родѣ министерства финансовъ) нѣтъ денежныхъ знаковъ и въ такихъ случаяхъ объявляется, что жалованье выдано не будетъ. Вотъ и за этотъ мѣсяцъ тоже, вѣроятно, простятъ. Широко практикуется здѣсь для обиранія населенія еще и „аннулированіе“. Сущность „аннулированія“ сводится къ тому, что, напримѣръ, всѣ дома были націонализированы, но потомъ былъ изданъ декретъ, разрѣшающій выкупать дома у правительства. Публика отправила свои пожитки на толкучку, и

дома выкупила. Однако вскорѣ первый декретъ былъ аннулированъ и все имущество снова было объявлено собственностью СССР. Вслѣдъ за этимъ опять объявляютъ декретъ о выкупѣ, а за выкупомъ слѣдуетъ снова „аннулированіе".

Такимъ способомъ СССР выкачиваетъ деньги у населенія.

Кромѣ этихъ налоговъ и выкуповъ, пищевые продукты обложены акцизомъ, который, какъ и налоги, взимается по дневному курсу торговаго рубля, средняя дневная разница котораго обычно выражается въ нѣсколькихъ милліонахъ, почему и акцизъ взимается на мѣстѣ розничной продажи продуктовъ.

Быть можетъ покажется труднымъ учесть сахаръ, находящійся въ какой-нибудь лавочкѣ. Однако, въ чемъ-въ чемъ, а въ собиранiи различныхъ податей здѣсь, подъ руководствомъ еврейскихъ учителей, пошли очень далеко и съ россійскаго обывателя дерутъ не семь, а безконечное количество шкуръ. И вотъ, при всемъ этомъ говорятъ старыя фразы о райскомъ блаженствѣ человѣчества подъ совѣтской властью, о безплатномъ образованiи и больницахъ, безплатныхъ путяхъ сообщенія, квартирахъ, столовыхъ и т. д. Однако каждый ребенокъ въ совѣтской Россiи знаетъ, что здѣсь даромъ никто не станетъ ни лѣчить, ни учить. И если не располагаешь сотней милліардовъ, то даромъ можно только умереть, но и это не такъ удобно. Если случится умереть въ совѣтской больницѣ, то васъ безъ всякой одежды бросятъ въ большой красный ящикъ — „общій гробъ", въ которомъ трупы валяются до тѣхъ поръ, пока не наберется полный комплектъ попутчиковъ до мѣста вѣчнаго успокоенія, тамъ тѣло сбросятъ въ общую яму, а „общій гробъ" отвезутъ на прежнее мѣсто насыпать новыхъ покойниковъ, яму же тоже засыпаютъ землей только по наполненiи ея полнымъ комплектомъ покойниковъ, который составляется изъ нѣсколькихъ партій изъ „общаго гроба". Если умираетъ человѣкъ дома, то его отвозятъ въ ту же общую яму на тачкѣ. Мнѣ часто приходилось видѣть, какъ мальчишка тачечникъ толкаетъ свою тачку, на которой лежитъ голый скорченный трупъ женщины, одна нога сползла и скребетъ по землѣ, ноги раскинуты, на колесѣ болтается пукъ волосъ, трупъ еле прикрытъ рогожей, на которой лежитъ пріобрѣтенный по дорогѣ хозяйственнымъ тачечникомъ уголь. Мальчишка толкаетъ тачку и напѣваетъ: „Ахъ шарабанъ мой, дутыя шины, быстрѣе катитъ онъ машины". Или вотъ еще — на большихъ дрогахъ везутъ „общій гробъ", лошаденка бѣжитъ мелкой рысцой, крышка съ гроба сползла и въ гробу виднѣется человѣкъ, корчащійся въ агонiи. Это значитъ, что „общій гробъ" не могъ больше

дожидаться послѣдняго для комплекта покойника и этого несчастнаго бросили въ „общій гробъ“, надѣясь, что по дорогѣ онъ долженъ умереть. Такова наша жизнь. А вѣдь это тысячная доля того, что мы видимъ, чувствуемъ и переживаемъ.“ (Новое Время, 5 Сент. 1923 г., № 707).

„До чего упалъ нравственный уровень народа, до чего народъ терроризованъ! Не только въ городахъ, но и въ деревняхъ шпіонство развито до-нельзя и въ этомъ, надо отдать справедливость совѣтской власти, она достигла небывалыхъ результатовъ. Двое, трое остановятся на улицѣ и будьте увѣрены, что мальчишка или товарищъ уже подслушиваютъ. Упаси васъ Богъ что-либо про мѣстныя учрежденія сказать. Слово и дѣло готово и васъ черезъ день, два уже непремѣнно въ чека потащутъ, и въ ожиданіи допроса недѣли просидите подъ арестомъ. Напримѣръ, на почтѣ: въ деревенскомъ почтовомъ отдѣленіи отъ мужика потребовали за недостающую марку, какъ теперь практикуется, вчетверо. Мужикъ выругался по адресу совѣтской власти. И черезъ день его засадили и онъ нѣсколько мѣсяцевъ просидѣлъ. И такъ во всемъ, въ самыхъ малыхъ проявленіяхъ какого-либо протеста или порицанія, или простой критики совѣтскихъ служащихъ, не говоря уже о высшихъ — слѣдуетъ жестокая кара...

Не стѣсняются бить добрыхъ мужичковъ палками, какъ и не снилось имъ при крѣпостномъ правѣ. На митингахъ или сходкахъ иногда мужички и высказываются. Когда имъ указываютъ, что ихъ снабдили землею, отобранною у помѣщиковъ, они, почесывая затылокъ, говорятъ: „земля то наша, да хлѣбъ то съ нея не нашъ, а вашъ!“ И на этой почвѣ растетъ въ населеніи сильное озлобленіе...

Коммунаровъ ненавидятъ; коммунаръ сталъ ругательнымъ словомъ: „ахъ ты коммунаръ, такой сякой“. Но все же въ каждой деревнѣ или селѣ есть 2-3 негодяя, принадлежащіе къ какой-либо фракціи. И они то доносчики, шпіоны. Всѣ ихъ ненавидятъ, но боятся. При выборахъ въ разные безконечные совѣты или комиссарства крестьяне стали выбирать вновь людей изъ прежнихъ служащихъ, коихъ преслѣдовали всячески въ 1918-20-хъ годахъ, а теперь вновь стали уважать; — такъ уѣздные совѣты и комиссары ни за что не утвердятъ такихъ выборовъ. Назначаютъ отъ себя своихъ типовъ, и населеніе, скрѣпя сердце, подчиняется. А назначаются по большей части все люди съ уголовнымъ прошлымъ и самой низкой нравственности. Такіе люди на все способны, на всякую идутъ уголовщину, начиная съ убійства. И сколько погибло отъ нихъ несчастныхъ — нѣтъ числа!.

Въ уѣздныхъ совѣтахъ сидятъ все типы изъ городской

голытьбы, тоже по назначенію изъ губернскаго города, т. е. отъ всякихъ коммунистическихъ учрежденій, а главнымъ образомъ отъ чека, нынѣ переименованной въ политическое отдѣленіе или управленіе...

Много незасѣянныхъ полей. Совѣтскія хозяйства или совхозы, образовавшіяся изъ бывшихъ помѣщичьихъ хозяйствъ, закрылись, такъ какъ давали огромный убытокъ и пришли въ полный упадокъ. Изъ совхозовъ образовали тресты...

Эти тресты ничего не имѣютъ общаго съ трестами, какъ мы знали и понимали въ Америкѣ и Европѣ, а это сбродъ отдѣльныхъ небольшихъ группъ коммунаровъ (скорѣе quasi-коммунаровъ), которые взяли въ свое завѣдываніе совхозы, а въ сущности дограбляютъ несчастныя хозяйства наши. Во главѣ этихъ соединенныхъ подъ управленіемъ коммунаровъ хозяйствъ — люди совершенно некультурные...

Набравшись якобы экономическихъ знаній, а въ сущности круглые невѣжды, они неспособны улучшить хозяйство и ограничиваются неполною, съ сосѣдними крестьянами, обработкой земли, а взятыя въ долгъ земледѣльческія машины, тракторы — заброшены или стоятъ поломанныя безъ дѣйствія. Во главѣ, напр., Тульскаго треста стоитъ бѣглый матросъ съ „Потемкина", побывавшій на каторгѣ, а затѣмъ былъ швейцаромъ въ одномъ изъ московскихъ кабаковъ. Еще года два тому назадъ въ земельныя комиссіи, совѣты и пр., по указанію центра, назначали въ совхозы людей знающихъ, изъ бывшихъ помѣщиковъ, агрономовъ и т. п., а теперь сплошное гоненіе на такихъ людей. Ихъ замѣнили товарищи изъ коммунаровъ, которые главный доходъ извлекаютъ изъ продажи строеній, желѣзныхъ крышъ, разныхъ построекъ, чѣмъ доводятъ усадьбы до полнаго уничтоженія, несмотря на строгіе приказы изъ центра сохранять и улучшать хозяйственныя постройки. Мѣстныя власти, а особенно именующіе себя коммунарами, не считаются съ центромъ, не обращаютъ на него вниманія и ведутъ свою линію. Хоть день, да нашъ! Бывшему помѣщику строго воспрещено возвращаться въ свое бывшее имѣніе, усадьбу. Кое-гдѣ крестьяне приглашали бывшихъ землевладѣльцевъ вернуться; но коммунарскіе комитеты зорко слѣдятъ за этимъ, и имѣвшимъ неосторожность пріѣхать или посѣтить свое бывшее помѣстье пришлось очень скоро убраться по-добру по-здорову. Во всемъ такой хаосъ, въ коемъ трудно разобраться. Населеніе, добрые мужички недовольны; они не имѣютъ опредѣленнаго заработка, ихъ душатъ огромные налоги, на все наложенные, даже на курицу и яйца; невыносимая дороговизна всего того, что необходимо для жизни: мануфактура и. пр. По высотѣ цѣнъ все это не

соотвѣтствуетъ тому, что выручаетъ мужичекъ продажею продуктовъ земли. Многіе поэтому бросаютъ землю и идутъ въ городъ, надѣясь тамъ на всякое благополучіе; и вотъ такимъ образомъ увеличивается число безработныхъ. Хорошо лишь разнымъ милиціонерамъ, безчисленнымъ комиссарамъ, завѣдывающимъ разными отдѣлами и коммунарамъ, кои, кромѣ крупныхъ пайковъ, получаютъ крупныя взятки со всего, а болѣе всего съ самогонщиковъ водки. Водка въ изобиліи во всѣхъ деревняхъ, и много она ѣстъ хлѣба за счетъ голодающихъ." (Нов. Вр., 30 Сент. 1923 г., № 729).

„Въ „Кубанцѣ" помѣщено слѣдующее письмо изъ совѣтской Россіи, полученное однимъ изъ казаковъ Кубанской дивизіи:

„10 октября 1923 г.

Получилъ твое письмо, очень тоскливое и нерадостное. Изъ содержанія его видно, что „вы" уже выдохлись совершенно, потеряли всякую надежду и въ будущемъ „васъ" не ожидать такими, какими „вы" ушли отъ насъ. Я просто себѣ не могу уяснить, что вы тамъ дѣлаете. Какого чорта вы тамъ сидите — не идете къ намъ выручать насъ изъ жидовской неволи-рабства. Мы давно уже кричимъ караулъ.

Я себѣ не могу уяснить, чего вы ждете. Почему вы не идете спасать Родину-Россію, которой сейчасъ не существуетъ; ту бывшую великую и сильную Россію и славный русскій народъ, предки котораго въ свое время неоднократно спасали братьевъ-славянъ.

Я удивляюсь всевозможнымъ запросамъ: „какія общества, категоріи его и т. д.". Въ жидовско-хамской Россіи существуетъ: 1) привилегированное красное дворянство (сюда входятъ: евреи, босовня, бѣднота, разбойники и русскіе христопродавцы); 2) крестьянство, служащіе и элементъ торговли (кулачество, буржуазное и контръ-революц.).

Всѣ отвѣтственныя должности занимаютъ граждане жидовскаго происхожденія (обрѣзаны). Ихъ сотрудниками вся бывшая босовня, воры, мошенники, уголовные преступники, бѣднота и русскіе христопродавцы. Остальные слои въ составъ общества не входятъ и считаются неблагонадежнымъ элементомъ и даже вреднымъ; на него, главнымъ образомъ, легло все бремя налоговъ, существующихъ въ совдепіи.

Ты, вѣроятно, себѣ не представляешь налоговыхъ ужасовъ, проводимыхъ въ Совроссіи. Я до осени не имѣлъ даже стола, кровати, скамеекъ и т. д... Словомъ, спали на полу, кушали изъ кастрюли по очереди, за неимѣніемъ ложекъ и тарелокъ: обѣдъ состоялъ изъ кукурузной муки (мамалыга и лепешки изъ муки пополамъ съ ячменемъ); и въ то же время

подлежалъ налогамъ... зимою уплатилъ „труд-гуж-налог“ по 30 милліоновъ за душу; лѣтомъ душевой — 270 милліоновъ рублей; въ сентябрѣ — 5.700.000 р. подоходно-преимущественный и т. д. Крестьянство, вообще, облагается во-всю, и все это идетъ на поддержаніе агитаціи заграницей и обогащеніе „краснаго дворянства“.

Въ Совроссіи есть два общества: привилегированное и крѣпостное-рабское. Второе по численности преобладающее, между собою враждующее, особенно второе, за которымъ перевѣсъ и сила въ будущемъ, которое съ нетерпѣніемъ ждетъ случая (войны) для уничтоженія жидовско-хамскаго царства.

Армія (красная) состоитъ изъ призывниковъ, которыхъ до призыва обучаютъ и они отбываютъ лагерные сборы; всѣ командныя должности и отвѣтственные посты занимаютъ красные дворяне изъ жидовъ.

Общество нравственно пало до неузнаваемости, его нечеловѣческая, скотообразная жизнь превратила въ полудикое, слѣпо повинующееся животное, оно нравственно убито навсегда. Правда, въ городѣ можно видѣть общество разодѣтое, разукрашенное золотомъ, это жены и мамаши главныхъ заправилъ государства. Бываютъ и вечера и балы, тоже въ названномъ обществѣ. Остальное полуголое, оборванное, исхудалое, босое, униженное до неузнаваемости, запуганное, еле таскающее ноги, добываетъ непосильнымъ трудомъ хлѣбъ...

Религія свое отстояла: массы ее поддержали и сейчасъ идетъ по старому...

Словомъ, я затрудняюсь тебѣ все написать... одно скажу, что главная масса кричитъ караулъ, призываетъ помощь, но ее нѣтъ. Малѣйшія новости о сверженіи кабалы коммунизма страшно интересуютъ общество, оно ждетъ начала этого. Общество проклинаетъ Англію и Францію за то, что онѣ оттягиваютъ и не приступаютъ къ ликвидаціи хамской Россіи...

Сіе письмо пошли въ Парижъ, въ русскую газету, или въ штабъ Врангеля: пусть весь міръ знаетъ, что мы кричимъ о помощи“... (Нов. Вр., 14 Дек. 1923 г., № 792).

„Въ „Кубанцѣ“ находимъ выдержки изъ ряда писемъ, полученныхъ съ Родины казаками Кубанской дивизіи, работающими въ районѣ Вранье.

Приводимъ нѣкоторыя изъ нихъ, какъ наиболѣе характеризующія бытъ и настроеніе нашей южной деревни.

„24 октября 1923 г.

... Новостей особыхъ нѣту. Грабежи идутъ во всю. Порядки, порядки. Живемо, якъ горохъ при дорози. Хто ны схоче, той и не щипне. Да, живемо такъ, якъ Богъ велитъ,

чисто по граждански. У насъ сейчасъ землю дѣлятъ. Думаемъ ихать орать, а хочь боронить... Спряглось 6 гражданъ. Вотъ яка наша типерь работа. Передъ Покровомъ забралысь ночни гости до насъ у хату — пишлы не въ дверь, а прямо въ викно, — та въ сундукъ, тай забралы мою одежу и жены моей, та типерь и живемъ на прочихъ правахъ..."

„4 сентября 1923 г.

... Трудно жить на свѣтѣ — такой камень, что нельзя съ души скинуть. Ну ничего, може онъ оторвеця... Такое воровство, что нельзя жить. Всѣ воры вооружены. Намъ нельзя и ложи держать во дворѣ... Стоятъ пара воловъ 200 милліардовъ, одна коняка 20 милліардовъ, 1 пудъ пшеницы 130 милліоновъ, сапоги 7 милліардовъ. Нельзя жить. Сарпинки аршинъ... 180 милліоновъ. Такая жизнь, что волосы дыбомъ становятся. Голые и босые... Я жалѣю, что не тамъ, ну вертаться нельзя, а ждемъ васъ... Я посылаю письма доплатни, потому въ насъ хоть и милліоны, но не за что торгувать. Скота нѣтъ, хлѣба хватило на насинья. Такъ живемъ, тай только робымъ кому то..."

„16 сентября 1923 г.

... Фунтъ хлѣба 10 милліоновъ, а паршивая селедка 100 милліоновъ, а о кожевенномъ товарѣ и мануфактурѣ я и писать не буду... Всѣ голы, всѣ босы. Одинъ исходъ — пріобрѣтаемъ мануфактуру и кожи своими руками, свое издѣліе, — тѣмъ и одѣваемся и обуваемся. Увы темна страна, увы бѣдна она, увы несчастна она, увы въ слезахъ жалкихъ она, увы несчастной нѣтъ покрова, забито кругомъ темной мглой. Припѣвъ — взойди о ясное солнце, о ясное солнце, вечерняя заря... Заря не взошла..."

„18 сентября 1923 г.

... Теперь, на это лѣто, на 24-й годъ всѣ отказываются отъ земли — невозможно пользоваться землею, дюже сильный продналогъ. Теперь то мужики говорятъ: „Кабы откуда нибудь перевернулась власть, такъ мы кольями били жидовъ, это они насъ мутятъ..." (Нов. Вр., 3 Января 1924 г., № 809).

Если бы голодъ явился дѣйствительно только стихійнымъ бѣдствіемъ, какъ утверждаютъ большевики и тѣ кто имъ вѣритъ, а не однимъ изъ способовъ истребленія русскаго народа, то совѣтская власть, не проявляя личной иниціативы, не мѣшала бы, по крайней мѣрѣ, частнымъ лицамъ бороться съ этимъ бѣдствіемъ. Мы видимъ, однако, обратное. Голодъ содѣйствовалъ не только истребленію русскаго народа, но и помогалъ выкачивать подъ предлогомъ „помощи голодающимъ" деньги изъ заграницы, идущія столько же на усиленіе совѣтской власти въ Россіи, сколько и на пропаганду ком-

мунизма въ Европѣ. Помогая „голодающимъ въ Россіи“, Европа, въ сущности, помогала своимъ собственнымъ коммунистамъ и укрѣпляла ихъ позиціи.

Но оставляю безъ доказательствъ и этихъ утвержденій.

Вотъ что мы читаемъ въ русской и иностранной прессѣ:

„Московскій общественный Комитетъ помощи голодающимъ распоряженіемъ совѣтской власти закрытъ, большинство членовъ его арестовано. Еще разъ большевики доказали міру необоснованность мнѣнія, будто они идутъ на уступки и эволюціонируютъ“. (Еженедѣльникъ Высш. Мон. Сов. № 4, отъ 4 Сентября 1921 г.).

„По свѣдѣніямъ изъ Москвы, 3 члена комитета помощи голодающимъ — Кишкинъ, Кусковъ и Анархасовъ приговорены къ смертной казни. На запросъ Нансена по этому вопросу, изъ Москвы данъ уклончивый отвѣтъ“. (Тамъ же, № 10, отъ 16 Октября 1921 г.).

„Въ Нью-Іоркской газетѣ „N. Y. Times“ отъ 23 Августа 1921 года приводятся свѣдѣнія о количествѣ заграничнаго золота, привезеннаго въ Америку за послѣднее время или ожидаемаго къ поступленію въ мѣстные банки. Между прочимъ сообщается, что банкъ Кунъ, Лейба и К⁰, главою котораго состоялъ умершій еврей Яковъ Шифъ, субсидировавшій русскія революціи въ 1905 и 1917 гг., за время съ 1 Января текущаго года, получилъ золота изъ заграницы на сумму 102.290.000 долларовъ. Несомнѣнно, что значительная часть этого золота не можетъ быть иного происхожденія, какъ большевическаго“... (Тамъ же, № 8).

„Хуверъ опубликовалъ сообщеніе, разоблачающее мошенническую продѣлку большевическихъ агентовъ въ С. Штатахъ, пытавшихся подъ флагомъ помощи голодающимъ собирать деньги для цѣлей коммунистической пропаганды.

Въ Чикаго нѣсколько времени назадъ основанъ былъ т. н. „Американскій Комитетъ Помощи Голодающимъ въ Россіи“. Комитетъ разсылаетъ письма различнымъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ съ просьбой жертвовать въ пользу голодающихъ. Такимъ путемъ Комитету удалось собрать не менѣе 500.000 долларовъ.

Одно изъ воззваній Комитета попало въ руки губернатора штата Idaho, Девиса. Губернатору показалось подозрительнымъ письмо и онъ снесся съ Вашингтономъ. По разслѣдованіи оказалось, что „Американскій Комитетъ“ въ Чикаго ни въ какихъ отношеніяхъ съ американскими организаціями помощи Россіи не состоитъ и что собранныя имъ средства идутъ на цѣли пропаганды.

Во главѣ самозваннаго Комитета стояли Дубровскій и Гартманъ. Послѣдній, какъ обнаружилось, поддерживалъ самыя тѣсныя отношенія съ бывшимъ совѣтскимъ посломъ въ Америкѣ Мартенсомъ.“ (Тамъ же, № 29, отъ 13 Февр. 1922 г.).

Этихъ и подобныхъ свѣдѣній такъ много, что нѣтъ никакой возможности собрать ихъ, ибо, повторяю, что одинъ перечень ихъ составилъ бы содержаніе нѣсколькихъ томовъ. Въ полной мѣрѣ, посему, справедлива передовая статья „Еженедѣльника Высш. Монарх. Совѣта“ отъ 6 Марта 1922 года, № 32, подъ заглавіемъ „Итоги революціи“, гдѣ, между прочимъ говорится:

„... Результаты освобожденія Императоромъ Александромъ II крестьянъ отъ крѣпостной зависимости полностью уничтожены. Большевиками установлено для крестьянскаго населенія нѣчто во много кратъ худшее, чѣмъ крѣпостное право, что то граничащее съ самымъ первобытнымъ рабствомъ. Благодаря невиданнымъ насиліямъ и грабежамъ, крестьянское населеніе, обнищавшее и лишенное лошадей, скота и сѣмянъ, обречено во многихъ мѣстахъ на лютую голодную смерть. Большевическія газеты нынѣ уже не скрываютъ, что десять милліоновъ крестьянъ обречены на голодную смерть и что во многихъ мѣстностяхъ обезумѣвшее отъ лишеній населеніе утоляетъ муки голода трупами умершихъ. Россія — житница Европы при Царяхъ, благодаря революціи стала страною, вымирающей отъ голода. Всякая духовная жизнь въ Россіи уничтожена. Терроризованное безсудными и чудовищными казнями, населеніе боится вслухъ, даже въ присутствіи близкихъ, выражать свои мнѣнія и чувства. Молодежь и дѣти искусственно развращаются врагами Христа, которые всѣми способами и не стѣсняясь въ средствахъ стремятся уничтожить христіанство въ православной Россіи...“

ГЛАВА 35.

III. Нравственныя пытки.

Я указалъ на то, что однимъ изъ способовъ истребленія русскаго народа жидами были также нравственныя пытки.

Въ чемъ же онѣ заключались и какія причины заставляли даже глубоко вѣрующихъ людей подавлять въ себѣ страхъ предъ загробною участью самоубійцъ и лишать себя жизни?

Этихъ причинъ было много, и я укажу только на нѣкоторыя изъ нихъ.

Я уже упоминалъ, что въ Крыму, служащія въ больницахъ сестры милосердія лишали себя жизни, чтобы избѣжать безчестія со стороны озвѣрѣвшихъ большевиковъ. Но такого рода случаи были не только въ Крыму и не только въ больницахъ, а являлись прямымъ результатомъ декретовъ совѣтской власти о такъ называемой „соціализаціи женщинъ", и наблюдались повсемѣстно въ Россіи.

Въ условіяхъ бѣженской жизни трудно пользоваться первоисточниками, и приходится довольствоваться только матеріалами, имѣющимися подъ рукой. Я ограничиваюсь, посему, лишь свѣдѣніями по этому вопросу, заключающимися въ защитительной рѣчи адвоката Обера по дѣлу Конради и Полунина, обвинявшихся въ убійствѣ одного изъ агентовъ совѣтской власти Воровскаго. Матеріалъ, приведенный въ этой рѣчи, основанъ на документальныхъ данныхъ и, конечно, не вызываетъ ни малѣйшихъ сомнѣній въ своей достовѣрности. Вотъ что мы читаемъ на страницѣ 73-й, изданной газетою „Новое Время" книжки: „Рѣчь Обера":

„Декретъ отъ 1918 года былъ примѣненъ въ нѣкоторыхъ городахъ. Съ 18-ти лѣтъ дѣвушка обязана вступить во временную связь, которую ей предпишутъ народные комиссары. Во Владимірѣ молодыя дѣвушки 18-ти лѣтняго возраста были принуждены записаться въ спеціальномъ бюро для того, чтобы вступить въ связь по принужденію. Какіе то два человѣка, совершенно неизвѣстные, появились въ городѣ, захватили двухъ молодыхъ дѣвушекъ и получили разрѣшеніе на ихъ увозъ. Ихъ больше никогда не видѣли. Генералъ Пуль пишетъ 11 Января 1919 года англійскому военному министерству, что во многихъ городахъ были организованы комиссаріаты свободной любви и что почтенныя женщины подверглись публичному сѣченію въ силу отказа повиноваться. Въ Екатеринодарѣ большевическое начальство выдаетъ мандаты съ правомъ соціализировать молодыхъ дѣвушекъ по своему выбору. Болѣе 60 молодыхъ дѣвушекъ были реквизированы, нѣкоторыя изъ нихъ послѣ изнасилованія были брошены въ рѣку. Вотъ текстъ этого мандата: „Товарищъ Карасевъ имѣетъ право соціализировать въ городѣ Екатеринодарѣ 10 молодыхъ дѣвушекъ отъ 16 до 20 лѣтъ, по своему выбору." Генералъ Ноксъ посылаетъ военному министерству документъ, найденный на одномъ захваченномъ красномъ комиссарѣ: „Симъ удостовѣряется, что товарищъ Едіониковъ уполномоченъ взять для себя молодую дѣвушку. Никто не долженъ оказывать ему никакого сопротивленія. Онъ снабженъ неогра-

ниченными полномочіями, что и удостовѣряется подписью." Адвокатъ Оберъ предъявилъ Лозанскому суду даже фотографическій снимокъ одного изъ такихъ документовъ.

Приводя эти факты г. Оберъ не упомянулъ о подробностяхъ.

Декретъ о соціализаціи женщинъ былъ изданъ Троцкимъ (Бронштейномъ) и реквизиція 60-ти молодыхъ дѣвушекъ, о которой г. Оберъ упоминаетъ въ своей рѣчи, была вызвана непосредственнымъ распоряженіемъ Троцкаго, находившагося въ то время въ Екатеринодарѣ. Часть красноармейцевъ ворвалась въ женскія гимназіи, другая устроила облавы въ городскомъ саду и тутъ же изнасиловала четырехъ учениць въ возрастѣ отъ 14-18 лѣтъ. Около 30 учениць были уведены во дворецъ Войскового Атамана, къ Троцкому, другія въ „Старокоммерческую гостиницу", къ начальнику большевическаго коннаго отряда Кобзыреву, третьи — въ гостиницу „Бристоль", къ матросамъ и всѣ были изнасилованы, послѣ чего часть была отведена отрядомъ красноармейцевъ въ неизвѣстномъ направленіи и участь ихъ осталась неизвѣстной, а другая, болѣе значительная часть, была подвергнута истязаніямъ и, наконецъ, брошена въ рѣки Кубань и Карасунь. Одна изъ несчастныхъ жертвъ, ученица 5-го класса гимназіи, подвергалась насилованію въ теченіе 12 сутокъ цѣлою группою красноармейцевъ, послѣ чеге ее привязали къ дереву, прижигали раскаленнымъ желѣзомъ и разстрѣляли.

По занятіи большевиками Одессы — банды красноармейцевъ хватали женщинъ и дѣвочекъ, тащили ихъ въ портъ, Александровскій паркъ и дровяные склады и безпощадно глумились надъ ними. Послѣ такихъ насилій — жертвы или умирали, или сходили съ ума. Прохожіе съ ужасомъ слышали раздававшіеся изъ парка душураздирающіе крики насилуемыхъ до смерти, послѣ чего мгновенно наступала тишина и до ихъ слуха доносился лишь предсмертный хрипъ и стонъ замученныхъ жертвъ.

„Соціализація женщинъ" не составляла ни самостоятельнаго орудія казни, ни явленія, стоявшаго особнякомъ, или наблюдавшагося лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи. Нѣтъ, этотъ декретъ проникъ въ толщу буквально каждаго шага совѣтской жизни и цинично осуществлялся какъ на верхахъ представителями власти, такъ и въ подвалахъ чрезвычаекъ или въ казармахъ красноармейцевъ. И, если я упомянулъ объ этомъ декретѣ, то не для того, чтобы выдѣлить его изъ общаго числа способовъ истребленія русскаго народа, а для того, чтобы подчеркнуть тотъ страхъ предъ безчестіемъ, какой заставлялъ несчастныхъ женщинъ и подростковъ лишать себя

жизни только бы избѣжать позора и поруганія, или медленной смерти отъ нанесенной заразы.

Нарисуйте въ своемъ воображеніи самую невѣроятную по ужасу картину и она явится лишь блѣднымъ отраженіемъ того, что творится въ Россіи.

Чрезвычайки съ ея пытками, ужасы голода, людоѣдство, страхъ быть ежеминутно схваченнымъ, убитымъ и съѣденнымъ, безумный развратъ и насилованіе дѣтей, безпрестанные обыски и реквизиціи, безконечное количество декретовъ и распоряженій, коихъ невозможно не только исполнить, но и удержать въ памяти, безсмысленныхъ и противорѣчивыхъ, разсчитанныхъ на то, чтобы довести населеніе до полнаго изнеможенія, безпощадныя кары за неисполненіе этихъ декретовъ, мелочная регламентація повседневной жизни, уплотненіе и выселеніе изъ квартиръ, принудительный трудъ, маскирующій глумленіе и издѣвательства, въ родѣ очистки нечистотъ, копанія могилъ для жертвъ чрезвычайки и пр., многоженство и обязательные аборты, разсчитанные на прекращеніе рождаемости, наконецъ дикія, кощунственныя гоненія на церковь и пр. и пр.

Куда же бѣжать изъ этого ада, гдѣ укрыться отъ такой страшной дѣйствительности? И несчастные люди тѣснѣе прижимались другъ къ другу и искали если не спасенія, то хотя бы временнаго отдохновенія въ тѣсномъ кругу своихъ семей. Но совѣтская власть и здѣсь ихъ настигла.

Семья перестала существовать для нихъ... Несчастные стали бояться ея. Почему? Потому, что большевики отравили семью ядомъ шпіонажа.

Вотъ что мы читаемъ въ цитированной нами книжкѣ: „Рѣчь Обера", стр. 86-87:

„... Совѣты умѣютъ пользоваться этимъ методомъ: раздѣлять, чтобы властвовать. Они достигли того, что между всѣми русскими развилась до такой степени подозрительность, что даже въ семейномъ кругу люди не смѣютъ открыто говорить. Чека, захвативъ кого нибудь и продержавъ его въ тюрьмѣ нѣсколько дней, предъявляетъ ему требованіе шпіонить и доносить на своихъ друзей, угрожая въ случаѣ отказа, что жена, дочь, мать или отецъ поплатятся за это. Корреспондентъ „Journal des Debats" Итонъ приводитъ случаи такого насильственнаго принужденія къ шпіонству самаго послѣдняго времени. *Шпіонство дѣлаетъ невозможнымъ никакое возстаніе, потому что тамъ никто не можетъ довѣрять другому.* Всякій новый заключенный въ ГПУ приглашается сдѣлаться шпіономъ. Человѣкъ долженъ сдѣлать выборъ между своей семьею и своими друзьями. Шпіоны вездѣ, въ тюрьмахъ, въ

магазинахъ, на улицахъ, даже въ семьѣ. О, какое діавольское дѣло сдѣлали эти люди! Нельзя довѣрять ни друзьямъ, ни близкимъ, ни роднымъ...

Въ совѣтахъ людей доводятъ пріемами медленной пытки до состоянія безумія. Вотъ гдѣ постигается весь ужасъ предательства своихъ родныхъ и друзей. Да будутъ прокляты люди сдѣлавшіе такое злое дѣло! „Нѣтъ достаточно сильныхъ выраженій“, пишетъ въ Іюнѣ 1923 года корреспондентъ „Таймса“, „чтобы описать мерзости этой діавольской системы. Жертвами по большей части являются женщины, служащія переводчицами у иностранныхъ корреспондентовъ, учительницы русскаго языка, гувернантки у иностранцевъ, горничныя и другая прислуга. Точно также и мужчины попадаются въ ту же ловушку; они внезапно исчезаютъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, потомъ возвращаются съ блѣдными лицами и большей частью говорятъ, что они больны. Иногда ужасная правда прорывается изъ ихъ устъ съ мольбою, чтобы все осталось тайной. *Вотъ что приводитъ въ Россіи къ полному разобщенію между людьми!*“ „О, если бы даже Ленинъ принесъ для своей страны, восклицаетъ благородный Оберъ, вмѣсто нищеты, вмѣсто голода, вмѣсто полной разрухи — благоденствіе, то одного факта, что онъ отравилъ русскую душу такимъ смертельнымъ ядомъ, было бы достаточно, чтобы оправдать выстрѣлъ Конради. Они не виновны, эти два русскихъ офицера, вы не можете ихъ осудить; если бы вы сказали, что они виновны, *возмутилась бы совѣсть всего міра*... Большевизмъ это величайшее преступленіе въ исторіи человѣчества... Большевизмъ уничтожилъ трудъ человѣка, онъ убилъ его тѣло, онъ умертвилъ его душу. Теперь онъ набросился на Бога“...

Такой приговоръ большевичеству сдѣлалъ иностранецъ, который только *слышалъ* объ ужасахъ, нарисованныхъ нами въ настоящей главѣ... Что же должны сказать тѣ, которые *видѣли* эти ужасы или на себѣ пережили ихъ? Швейцарія не только оправдала Конради и Полунина, но и возвела содѣянное ими „преступленіе“ на высоту великаго подвига, явивъ своимъ приговоромъ подлинный голосъ міровой совѣсти... Что же должны испытывать другіе два офицера П. Шабельскій и С. Таборицкій, приговоренные за такое же „преступленіе“ Берлинскимъ судомъ къ тюремному заключенію? Знали ли нѣмецкіе обвинители, какъ содрогнулась міровая совѣсть, услышавъ ихъ приговоръ надъ тѣми, предъ которыми съ благоговѣніемъ склонились всѣ честные люди? А Воровскій былъ только однимъ изъ винтиковъ той адской машины, какую строилъ и приводилъ въ движеніе Милюковъ и подоб-

ныя ему исчадія ада. Много нужно сдѣлать Германіи, чтобы искупить свою вину предъ Россіей, многое уже и дѣлается цѣною собственныхъ страданій, но приговоръ надъ С. Таборицкимъ и П. Шабельскимъ еще ждетъ искупленія...

Послѣ всего описаннаго, не трудно представить себѣ характеръ совѣтскаго быта въ Россіи, вообразить себѣ результаты сатанинскихъ пріемовъ власти, превратившихъ Россію въ кладбище и развалины. Однако я приведу нѣсколько иллюстрацій этого проклятаго быта.

„Демобилизованный красноармеецъ разсказываетъ, какъ онъ пріѣхалъ домой и его тамъ чуть самосудомъ не встрѣтили. „Извѣстно публика темная, да притомъ кулацкій элементъ. Спрашиваю, довольны ли своей крестьянской властью. Они галдѣть. Папаша у меня старикъ стараго завѣта. Зажиточный человѣкъ. Что съ нимъ было!.. Каждый день грыземся. Разъ заспорили на политическую тему. Я слово, онъ мнѣ десять. Разъярились оба. Сталъ онъ ругать и меня и власть, грабители говоритъ всѣ вы и съ Ленинымъ вашимъ. Не унимается старикъ. Помутилось у меня. Схватилъ винтовку, наповалъ убилъ. Сбѣжались мужики, чуть насъ на мѣстѣ не разорвали. Еле Совѣтъ спасъ.“ Еженедѣльникъ Высш. Мон. Сов. № 62, отъ 23 Октября 1922 г.).

„Мой собесѣдникъ выѣхалъ изъ Москвы 8 мая нов. стиля...
Онъ разсказываетъ:

Почти всѣ магазины въ рукахъ евреевъ. Получается вообще впечатлѣніе, будто русскій человѣкъ попалъ въ дореволюціонное время въ черту еврейской оѳсѣдлости. Свыше половины современнаго населенія Москвы — евреи.

Въ совѣтскихъ учрежденіяхъ поражаетъ обиліе служащихъ евреевъ. И вотъ что чрезвычайно характерно. Во всѣхъ совѣтскихъ учрежденіяхъ отношеніе къ просителямъ русскаго происхожденія чрезвычайно пренебрежительное, даже грубое. Совсѣмъ иначе обходятся съ евреями. Для нихъ широко раскрыты всѣ двери.

Кромѣ евреевъ въ Москвѣ встрѣчается довольно много китайцевъ и латышей.

Много въ Москвѣ извозчиковъ. Они по старому называютъ своихъ кліентовъ „бариномъ“ и предлагаютъ провезти за „двугривенный“ (20 милліоновъ р.) или за „пятиалтынный“ (15 мил.).

Улицы въ Москвѣ, какъ и въ первые медовые мѣсяцы великой и безкровной, засорены шелухой отъ подсолнуховъ.

Москва — это городъ совѣтскихъ нуво-ришей, гдѣ еврейская наглость и безвкусіе конкурируютъ съ нравами лакейскихъ и кухонь.

Для вновь прибывающаго жизнь въ Москвѣ, разумѣется, покажется весьма тяжелой. Цѣны въ гостиницахъ совершенно недоступны для простыхъ смертныхъ. Достать же комнату, даже уголъ, въ частной квартирѣ крайне затруднительно. Москва до-нельзя переполнена и квартиры уплотнены.

Гарнизонъ Москвы содержится въ исправности. Солдаты одѣты и обуты хорошо, даже щегольски; получаютъ достаточный паекъ.

Совсѣмъ иначе внѣ Москвы, гдѣ солдаты ходятъ въ деревянныхъ колодкахъ, иногда босы, въ рваномъ обмундированіи, часто голодаютъ.

— Что сказать объ отношеніи населенія къ сов. власти?

Интеллигенція забита, пикнуть не смѣетъ. Боится высказывать свое мнѣніе, ибо даже хорошіе знакомые не довѣряютъ другъ другу. Вездѣ сыскъ и провокація.

Простой народъ, особенно крестьяне, не стѣсняются высказывать свою ненависть къ совѣт. власти; но населеніе обезоружено и потому бороться не въ состояніи.

Общее мнѣніе, что сов. власть не можетъ долго просуществовать. Но никто не знаетъ, какъ именно произойдетъ ея сверженіе.

Красная армія?

Въ провинціи — она безусловно враждебна къ сов. власти. Но вездѣ существуетъ такой идеальный сыскъ, что малѣйшій намекъ на заговоръ моментально раскрывается и всякій безпорядокъ безпощадно подавляется.

Народъ настолько усталъ отъ войны, что никакая мобилизація безусловно не пройдетъ.

Совѣтская власть отлично учитываетъ это народное настроеніе. Вотъ почему сов. власть безумно боится всякихъ внѣшнихъ осложненій; боится возможности войны и готова поэтому на всѣ жертвы, лишь бы ея избѣжать.

Когда этой весной распространился слухъ о возможности войны съ Польшей, Москва была въ паникѣ.

Сов. власть сознавала, что объявленіе о мобилизаціи можетъ явиться началомъ контръ-революціи... Б. Ю." (Нов. Вр. отъ 10 Іюля 1923 г., № 659).

Еще одинъ видъ ограбленія, разрушенія и уничтоженія особенно присущъ гг. коммунарамъ-товарищамъ: это уничтоженіе надгробныхъ памятниковъ и разрытіе могилъ, гдѣ все надѣются найти разныя драгоцѣнности, чего на дѣлѣ не оказывается. Ограничиваются поэтому стаскиваніемъ сапогъ съ покойниковъ, не особенно давно похороненныхъ.

Раскапывая могилы, выбрасывали тѣла покойниковъ и, не находя ожидаемыхъ богатствъ, не давали себѣ труда за-

капывать ихъ вновь. И тѣла эти валялись на кладбищахъ, пока не находилась сострадательная душа или возмущенная такимъ кощунствомъ, которая бы похоронила бренные останки людей, преданныхъ вѣчному покою...

Въ началѣ войны въ 1914 году мы съ внукомъ поѣхали въ Москвѣ въ Симоновъ монастырь отслужить панихиду по моему дѣду и бабушкѣ. Поводомъ тому было полученіе внукомъ дворянской медали за Отечественную войну 1812, 13, 14 и 15 гг., пожалованной моему дѣду и сдѣланной Высочайшимъ указомъ Императора Николая II потомственною для старшихъ въ родѣ, въ силу чего внукъ мой, 17-лѣтній юноша, и получилъ ее.

Симоновъ монастырь славился тѣмъ, что въ немъ въ особенномъ порядкѣ содержались надгробные памятники. Каково было наше удивленіе, когда мы не могли найти памятника нашихъ предковъ. И вообще, всегда образцово содержимое въ оградѣ монастыря, кладбище представляло собой кучи сора, извести, камней, кирпича, мрамора, земли. На мой вопросъ, что это значитъ — дежурившій монахъ съ грустью мнѣ отвѣтилъ: это работа рабочихъ въ 1905 г. Они ворвались сюда во время безпорядковъ и усмиренія ихъ Дубасовымъ и Миномъ и поломали и исковеркали памятники и часовни, особенно титулованныхъ, а средствъ возобновить все это у монастыря нѣтъ, да и трудно разобраться...

Пришлось служить панихиду приблизительно на томъ мѣстѣ, гдѣ находился родной нашъ фамильный памятникъ... А что же теперь, когда подобная мерзость поощряется. Всюду, гдѣ были усыпальницы, все разрушено, тѣла повыкиданы.

Недавно мой знакомый ѣздилъ въ Колычево, близъ Москвы (25 верстъ), имѣніе бывшее барона Мих. Львовича Боде Колычева, который считается прямымъ потомкомъ митрополита Филиппа, умерщвленнаго при Іоаннѣ Грозномъ Малютой Скуратовымъ. Баронъ Боде особенно дорожилъ своею Колычевской роднею, предками и въ своемъ имѣніи собиралъ и хоронилъ всѣхъ похороненныхъ въ разныхъ мѣстахъ почившихъ предковъ и родственниковъ. Такимъ образомъ около церкви было похоронено изрядное количество бояръ Колычевыхъ. При этомъ на надгробныхъ плитахъ описывались доблести предка тутъ похороненнаго. Такъ напримѣръ, такой-то Колычевъ служилъ тамъ-то, былъ тѣмъ-то, получилъ золотое оружіе за храбрость; такой-то получилъ золотой камергерскій ключъ и мундиръ и т. д. Это подало поводъ мѣстнымъ коммунарамъ предположить, не похоронено ли золотое оружіе съ получившими его. Соблазнительны также камергерскіе мундиры и ключи...

И вотъ всѣ могилы Колычевыхъ раскопали, тѣла выкинули и кромѣ истлѣвшихъ лоскутовъ отъ мундировъ и костей ничего, конечно, не нашли. Кости и бренные останки валялись около раскопанныхъ могилъ. И вотъ въ одинъ не прекрасный день случайно заѣхалъ проѣздомъ мой знакомый въ Колычево и видитъ онъ, что молодежь деревенская играетъ въ какую-то игру, въ родѣ мяча, перекидываясь чѣмъ-то страннымъ. Оказалось, что перекидываются не мячикомъ, а черепами, оставшимися не похороненными отъ костяковъ Колычевыхъ. Иллюстрація современныхъ нравовъ.

Да и культура понимается своеобразно. Когда меня изъ моего дома, въ которомъ я полъ вѣка жилъ, изъ родного гнѣзда заставили уѣхать навсегда и гг. коммунары стали занимать его — одинъ изъ этихъ мнѣ извѣстныхъ мѣстныхъ негодяевъ нашелъ нужнымъ многозначительно сказать: „вы должны быть довольны, что въ нашемъ домѣ мы устраиваемъ культурно-просвѣтительный пунктъ". И въ это время его бабы уже располагались въ моей прекрасной столовой съ своимъ скарбомъ и поросятами, которые хрюкали и бѣгали по столовой. Я не утерпѣлъ ему отвѣтить: „я, дѣйствительно, вижу разительный прогрессъ. Даже въ Англіи, гдѣ отличный уходъ за скотомъ, я не видѣлъ, чтобы свиньи содержались и жили на паркетныхъ полахъ". Не знаю, поняли ли меня гг. коммунары. Они всякую возводили потомъ на меня небылицу и клевету и кончили тѣмъ, что и домъ мой сожгли, чудесный въ 22 комнаты, хорошо меблированный. Но, признаюсь, не жалѣлъ, ибо снявши голову, по волосамъ не плачутъ, а огонь очищаетъ. Доктора мнѣ говорили, что домъ до того былъ загаженъ коммунистами, что сдѣлался очагомъ заразы, а мнѣ пріятно было знать, что дву- и четвероногія свиньи не живутъ уже въ хоромахъ, гдѣ я когда-то жилъ съ дорогою мнѣ семьей. Вообще уничтоженіе усадебъ, какъ и памятниковъ, систематично продолжается и посейчасъ, а гдѣ еще кое-гдѣ уцѣлѣли дома — ихъ разбираютъ до основанія.

Казалось бы, реформы Александра II не даромъ заслужили ему званіе „Освободителя", и предшествующія нынѣшнему два поколѣнія, отцы и дѣды, особенно чтили память Императора Александра II и во многихъ не только городахъ, но и селахъ были поставлены ему памятники. Теперь ихъ всюду ломаютъ, а гдѣ не осилятъ сломать, то забиваютъ досками.

Вообще, какъ я сказалъ, уничтоженіе памятниковъ входитъ въ программу дѣйствій гг. коммунаровъ. На Тульскомъ оружейномъ заводѣ былъ поставленъ очень хорошій памятникъ Петру I, основателю завода. Петръ изображенъ рабочимъ,

кующимъ желѣзнымъ молотомъ оружіе. Такъ и этотъ памятникъ Царскому Работнику сломали до основанія — уничтожили слѣдъ. Гдѣ, молъ, ему равняться съ теперешними работниками... Куда они выше... Петра. Гдѣ ему за ними?... Д.“ (Тамъ же, 13 Октября 1923 г., № 740).

ГЛАВА 36.

Положеніе дѣтей въ Совѣтской Россіи.

„Въ сентябрѣ въ Москвѣ слушалось въ уголовномъ народномъ трибуналѣ характерное для времени дѣло по обвиненію въ разбоѣ трехъ гимназистовъ.

Воспитанники Борисоглѣбской гимназіи (Тамбовской губ.) Карелинъ, Игумновъ и Величко явились на квартиру своего товарища Варежкина и предложили ему сыграть партію въ шахматы съ тѣмъ, что проигравшій застрѣлится. Партія началась и Варежкинъ проигралъ, но стрѣляться не пожелалъ. Товарищи попробовали его задушить, но не смогли и тогда 16-лѣтній Карелинъ застрѣлилъ Варежкина изъ револьвера. На выстрѣлы прибѣжала въ комнату г-жа Варежкина; застрѣлили и ее, наконецъ въ кухнѣ нашли перепуганнаго младшаго Варежкина, гимназистика 11 лѣтъ, застрѣлили и его. Квартиру ограбили; уходя, замѣтили, что старшій Варежкинъ и мать его живы; за отсутствіемъ патроновъ раненыхъ начали добивать штыкомъ, нанеся каждому около 20 ранъ. Преступленіе болѣе мѣсяца не было раскрыто и обнаружилось случайно. Карелинъ, вздумавъ реализовать цѣнности, вошелъ въ соглашеніе съ кондукторомъ желѣзной дороги, который отвезъ ихъ въ Тифлисъ и тамъ обмѣнялъ на рисъ и спиртъ. При распредѣленіи прибылей была обижена любовница кондуктора и она то и донесла о преступленіи.

По приговору суда Величко и Игумновъ были присуждены къ разстрѣлу, прочіе къ десятилѣтнему тюремному заключенію.

Таковы нравы совѣтской молодежи!“ (Нов. Вр., 30 Ноября 1923 г., № 781).

А вотъ положеніе малолѣтнихъ дѣтей, сознательно обрекаемыхъ совѣтскою властью на вымираніе:

„Совѣтскія Извѣстія“ не дѣлаютъ особой разницы между нашествіемъ саранчи и сусликовъ и... дѣтей. И то и другое цинично оцѣнивается съ точки зрѣнія стихійнаго бѣдствія, съ которымъ нужно бороться едва ли не одинаковыми средствами.

„У насъ новое неслыханное бѣдствіе, — пишетъ московская большевистская газета, — нашествіе дѣтей". Это не описка: не мышей, не сусликовъ, а именно дѣтей. Представьте себѣ такую картину. За тысячу верстъ изъ разныхъ мѣстъ, группами и въ одиночку бредутъ по дорогамъ дѣти. Они идутъ пѣшкомъ, пристраиваются на поѣздахъ подъ вагонами и на буферахъ, бродяжатъ по много мѣсяцевъ и являются въ полномъ смыслѣ безпріютными. Бродяжничая по Руси въ поискахъ хорошаго жилья, они слышатъ разговоры о томъ, что есть большой городъ Москва, гдѣ берутъ дѣтей на прокормъ. И вотъ всѣ они двинулись въ Москву стихійно, самотекомъ".

Конечно, въ совѣтской Москвѣ дѣти голодаютъ, никто ихъ не беретъ на „прокормъ", т. к. „прокормъ" самъ нуженъ коммунистамъ и прочимъ содержанцамъ III интернаціонала.

Среди дѣтей-бродяжекъ, какъ удостовѣряютъ „Извѣстія", много случаевъ самоубійствъ." (Нов. Вр., 1 Авг. 1923 г., № 677).

Нельзя не отмѣтить и статьи Е. Глуховцовой, напечатанной въ „Русской Газетѣ" 31 Декабря 1923 г., № 8; приводимъ ее цѣликомъ.

„Дѣти — наше будущее". „При царизмѣ тысячами гибли отъ голода пролетарскія дѣти, только рабоче-крестьянское правительство пришло имъ на помощь". „Дѣти пролетаріата, великіе вожди революціи Ленинъ и Троцкій сдѣлаютъ васъ хозяевами вашей жизни".

Этими нагло лживыми лозунгами-рекламами пестрятъ стѣны всѣхъ учрежденій и ни въ чемъ такъ ярко не проявляется истинная сущность бандитскаго правительства, какъ въ этихъ широковѣщаніяхъ о безпризорныхъ дѣтяхъ. Возьмите оффиціозъ „Вѣстникъ Соціальнаго Воспитанія", прочитайте отчеты: какъ прекрасно, широко разработанъ планъ, и какъ много приведено въ осуществленіе. Какія „достиженія"! А вотъ что показываетъ неприкрашенная дѣйствительность.

„Дворецъ ребенка" — кричитъ аршинными буквами вывѣска. Это первая ячейка плана соціальнаго воспитанія. Прекрасное зданіе; свѣтлыя, чистыя комнаты; масса служащихъ женщинъ „своихъ", бросающихся въ глаза костюмами и упитаннымъ видомъ и нѣсколько десятковъ восково-желтыхъ скелетиковъ, неподвижно сидящихъ въ высокихъ креслицахъ, безъ улыбокъ, безъ обычнаго птичьяго щебета. Нѣкоторые лежатъ въ кроваткахъ и тихо пищатъ. Жуткое впечатлѣніе. Здѣсь воспитываются ребята отъ 2-хъ мѣсячныхъ и могутъ оставаться до 3-хъ лѣтъ. Но трехлѣтнихъ и даже годовалыхъ нѣтъ. Это оффиціальная фабрика „ангеловъ". По отчетамъ

вымираетъ 85% дѣтей; по увѣреніямъ врачей — умираютъ всѣ 100%, при чемъ большинство погибаетъ черезъ двѣ-три недѣли. А между прочимъ ассигнованія на „Дворецъ“ огромныя: какао, молоко, яйца и прочіе деликатессы намъ, смертнымъ, недоступные — выдаются въ неограниченномъ количествѣ и разговоры о пирахъ во „Дворцѣ“ нерѣдко облетаютъ городъ. Въ чемъ же дѣло? Завѣдуетъ „Дворцомъ“ супруга помощника губпрокурора Лондонъ. У нея своя большая семья, выработались привычки къ хорошей жизни и живя сама, она даетъ жить и набранному ею штату, а у штата мамаши и папаши, которые не прочь выпить стаканъ какао и любятъ молочное. Открыто растаскивается по домамъ предназначенное младенцамъ; изъ большого штата служащихъ на-лицо — особенно по вечерамъ — двѣ, три. И ребятъ поятъ прокисшимъ, разбавленнымъ молокомъ, часто и вовсе забываютъ накормить и съ шести часовъ вечера они предоставлены самимъ себѣ.

Затѣяла было исторію одна коммунистка, командированная партіей на три недѣли въ Харьковъ и оставившая девятимѣсячную, прекрасно упитанную дочку во „Дворцѣ“, которую она не нашла въ живыхъ вернувшись, но исторію быстро потушили. Дѣвочка, оказывается, умерла отъ тоски по матери. Слишкомъ ужъ сильны товарищи Лондона.

2-я ячейка — „коллекторъ“. Учрежденіе, куда собираютъ „счастливцевъ“, добившихся права быть зачисленными кандидатами въ дѣтскіе дома. Вотъ куда слѣдовало бы направлять знатныхъ иностранцевъ, пропагандирующихъ строительство Совдепіи. Это воплощенная картина Дантова ада. Въ городѣ, гдѣ я жила, „коллекторъ“ помѣщается въ психіатрической больницѣ, въ бывшемъ отдѣленіи „для привилегированныхъ“. Такъ какъ классовая вражда распространяется и на психически больныхъ „буржуевъ“, то при первыхъ аккордахъ „великаго октября“ послѣдніе были выгнаны и, по словамъ служащихъ, ограблены, помѣщеніе реквизировано.

Въ большой залѣ съ колоннами, полутемной отъ рѣшетокъ въ окнахъ, кишитъ полтораста дѣтей обоего пола, отъ 5 до 17 лѣтъ. Старшій возрастъ преобладаетъ. Необутые, въ ужасающихъ лохмотьяхъ, усыпанныхъ паразитами, съ обритыми головами; лица испитыя, изможденныя, явно порочныя. Язвы и нарывы на головѣ, на ногахъ, у многихъ на лицѣ. Два реквизированныхъ рояля по угламъ. На одномъ — „беспризорный ребенокъ лѣтъ 16“ разыгрывалъ въ моментъ моего посѣщенія какой то ноктюрнъ ногами; на другомъ, младшій подбиралъ мотивы „интернаціонала“ въ десять рукъ. Кого то душили и онъ визжалъ, какъ поросенокъ подъ но-

жемъ. Часть бѣгала, кувыркалась, давала „подъ ножку“, образовывая малую кучу, и всѣ вмѣстѣ кричали такъ дружно и неистово, точно зарабатывали этимъ хорошія деньги. Три замученныхъ дѣвушки изъ народныхъ учительницъ, — оплата здѣсь жалкая, а потому служатъ только „наши“, — тщетно пытались водворить порядокъ, но вслѣдъ имъ неслась особая, многоэтажная, кощунственная брань — одно изъ завоеваній октября. Обѣдаютъ въ три очереди традиціоннымъ крупникомъ съ простымъ масломъ. Порціи маленькія; голодныя дѣти языками вылизываютъ миски и въ нее тутъ же наливается слѣдующему. Спятъ вповалку на полу, кроватей немного, на грязныхъ соломенныхъ тюфякахъ подъ ужасающими одѣялами. Изнасилованіе девятилѣтнихъ дѣвочекъ, беременность пятнадцатилѣтнихъ — рядовое явленіе. Было нѣсколько случаевъ избіенія другъ друга до смерти. Мелкія кражи получили право гражданственности, за нихъ и не наказываютъ. Налеты на сосѣдніе чердаки, дома и огороды, отъ которыхъ стонутъ обыватели, никого не озабочиваютъ. Занятіе не производится и производиться не можетъ: на 150 человѣкъ три воспитательницы, но это и не важно. Важно, чтобы будилось революціонное сознаніе и велось политическое воспитаніе. И оно ведется. Два раза въ недѣлю въ этотъ бедламъ являются „прикрѣпленные“ къ нему три комсомольца и собирая каждый свою группу, знакомитъ съ біографіей вождей, съ ужасами режима „кроваваго Николая“, выясняютъ прелести и свободы настоящаго. Главное вниманіе направляется на разжиганіе классовой вражды. Мнѣ пришлось слышать слова комсомольца, обращенныя къ дѣтямъ: „Красть стыдно у своего брата, у пролетарія; красть у буржуя совсѣмъ не стыдно, потому что все что у него есть, онъ награбилъ у народа, и беря у буржуя силой — ты берешь свое и можешь ему сказать: взялъ у народа и отдай народу, не отдаешь добровольно, я беру самъ“.

А на стѣнѣ виситъ огромный, многоцвѣтный лозунгъ съ аршинными буквами: „Только рабоче-крестьянское правительство несетъ свѣтъ и счастье дѣтямъ пролетаріата“.

Во главѣ комиссаріата народнаго просвѣщенія стоитъ, какъ извѣстно, Луначарскій (Мандельштамъ), который говорилъ (цитируемъ по „рѣчи Обера“, стр. 70-72), что „учебныя заведенія у насъ для совмѣстнаго обученія, съ новымъ порядкомъ школьной дисциплины. Мы хотимъ, чтобы дѣти воспитывались въ атмосферѣ любви“. Это тотъ самый Луначарскій, который въ другомъ мѣстѣ и другимъ людямъ говорилъ: „мы ненавидимъ христіанъ. Даже лучшіе изъ нихъ должны быть признаны нашими врагами. Они проповѣдуютъ любовь

къ ближнему и состраданіе, то, что противорѣчитъ нашимъ принципамъ. Христіанская любовь преграждаетъ развитіе революціи. Долой любовь къ ближнему! То, что намъ нужно — это ненависть. Мы должны умѣть ненавидѣть; только тогда мы можемъ побѣдить вселенную". (Тамъ же, стр. 89).

И въ рукахъ этого негодяя судьба милліоновъ русскихъ дѣтей, погубленныхъ имъ не только физически, но и морально. Вотъ данныя, приведенныя г. Оберомъ въ его рѣчи: „Въ теченіе перваго семестра (1923 г.) было зарегистрировано 29.317 преступленій, совершенныхъ малолѣтними сиротами менѣе 17 лѣтъ". А развратъ? Одинъ изъ свидѣтелей г. Карню заявилъ здѣсь на судѣ, что онъ знаетъ отъ одной, заслуживающей полнаго довѣрія, дамы, что курсанты были впущены въ спальныя комнаты молодыхъ дѣвушекъ. Въ Петроградѣ комиссія установила, что 90% дѣвочекъ моложе 16 лѣтъ были лишены невинности. Другой рапортъ комиссіи по венерическимъ болѣзнямъ сообщаетъ, что изъ 5300 молоденькихъ дѣвочекъ, осмотрѣнныхъ комиссіей, 4100, т. е. 88% были проститутками. Въ докладѣ, составленномъ педагогами, можно видѣть такой возгласъ отчаянія: „Мы безсильны бороться съ явленіемъ небывалымъ въ Россіи, съ громаднымъ ростомъ преступности и проституціи среди дѣтей". Большевики заявили, что берутъ на свое попеченіе всѣхъ русскихъ дѣтей. И нигдѣ нѣтъ столько заброшенныхъ дѣтей, какъ въ Россіи. Въ Волжскихъ областяхъ, согласно „Извѣстіямъ" отъ 5 Декабря 1922 года — 2 милліона. На Украйнѣ, по рапорту большевическихъ комиссаровъ — 1. 656.000. Въ Петроградѣ — тысячи бродячихъ дѣтей. „Эти дѣти, говоритъ „Таймсъ" отъ 23-28 Августа 1923 г., напоминаютъ уличныхъ собакъ въ Константинополѣ. Они мрутъ отъ голода и болѣзней, но число ихъ не уменьшается, въ силу все новыхъ и новыхъ пополненій"...

„Перейдемъ теперь къ большевическимъ пріютамъ, продолжаетъ Оберъ. Мнѣ достаточно будетъ прочесть вамъ одинъ докладъ, представленный въ комиссаріатъ народнаго просвѣщенія. Женщина, написавшая этотъ докладъ, была посажена въ тюрьму. Луначарскій, филантропъ новой формаціи, призналъ ее контръ-революціонеркою. Вотъ этотъ докладъ: „Число сиротъ и безпріютныхъ дѣтей растетъ съ страшной быстротою. Дѣти нищенствуютъ, толкаемыя голодомъ и холодомъ занимаются воровствомъ, ихъ часто можно видѣть пьяными. Цѣлыми толпами безпризорныя дѣти направляются на югъ. Вдоль желѣзныхъ дорогъ можно видѣть толпы дѣтей, прячущихся въ помѣщеніяхъ, которыя они сами себѣ устроили. Ребенокъ сдѣлался дикъ и всѣми средствами ищетъ, куда бы ему скрыться. Въ убѣжищахъ для безпріютныхъ

дѣтей на одной постели помѣщается отъ 6-8, остальныя спятъ на полу, они ѣдятъ изъ старыхъ консервныхъ банокъ, у многихъ отморожены руки и ноги, ихъ тѣло покрыто лишаями и ранами, ихъ съѣдаютъ вши, дѣти издаютъ какіе то крики отъ страданія и страха.“ Въ Саратовской губерніи власти открыто заявили, что лучше перестрѣлять всѣхъ тѣхъ, которые находятся въ пріютахъ, чѣмъ оставить ихъ жить при такихъ условіяхъ.“ (стр. 70-72).

ГЛАВА 37.

„Свобода“ печати въ Совѣтской Россіи.

Въ газетѣ „Новое Время“, отъ 10 Іюля 1927 г., № 1854 приведено замѣчательное письмо русскихъ писателей изъ Россіи, полученное „Союзомъ русскихъ писателей и журналистовъ“ въ Бѣлградѣ. Этотъ документъ долженъ быть увѣковѣченъ, какъ подлинный голосъ русскихъ великомучениковъ, томящихся въ жидовской кабалѣ. Я воспроизвожу письмо дословно, хотя выпады авторовъ противъ „политики дореволюціонной власти“ и нѣкоторыя другія мѣста, отмѣченныя мною курсивомъ, и свидѣтельствуютъ о томъ, что даже тамъ, въ Россіи, послѣ 10 лѣтнихъ кровавыхъ экспериментовъ жидовластія, далеко еще не всѣ прозрѣли по настоящему, если допускаютъ даже отдаленную связь между „политикою дореволюціонной власти“ и революціей, или думаютъ, что „писатели“, особенно тѣ, кто откликался на дореволюціонныя событія въ Россіи, клеймилъ царскую власть и „заступался“ за „народъ“ — являлись дѣйствительно „ухомъ, глазомъ и совѣстью міра“. Большинство ихъ помогало революціи и, потому, и откликалось, разжигая страсти и вводя въ заблужденіе довѣрчивыхъ и легкомысленныхъ людей, ставшихъ жертвою своей довѣрчивости.

ПИСАТЕЛЯМЪ МІРА.

Къ Вамъ, писатели міра, обращены наши слова.

Чѣмъ объяснить, что Вы, прозорливцы, проникающіе въ глубины души человѣческой, въ душу эпохъ и народовъ, проходите мимо насъ, русскихъ, обреченныхъ грызть цѣпи страшной тюрьмы, воздвигнутой слову? Почему Вы, воспитанные на твореніяхъ также и нашихъ геніевъ слова, молчите, когда въ великой странѣ идетъ удушеніе великой литературы въ ея зрѣлыхъ плодахъ и ея зародышахъ?

Или Вы не знаете о нашей тюрьмѣ для слова — о коммунистической цензурѣ во вторую четверть XX вѣка, о цензурѣ „соціалистическаго“ государства? Боимся, что это такъ. Но почему же писатели, посѣтившіе Россію — господа Дюгамель, Дюртенъ и другіе — почему они, вернувшись домой, ничего не сообщили о ней? Или ихъ не интересовало положеніе печати въ Россіи. Или они смотрѣли и не видѣли, видѣли и не поняли? Намъ больно отъ мысли, что звонъ казенныхъ бокаловъ съ казеннымъ шампанскимъ, которымъ угощали въ Россіи иностранныхъ писателей, заглушилъ лязгъ цѣпей, надѣтыхъ на нашу литературу и весь русскій народъ?

Послушайте, узнайте!

Идеализмъ, огромное теченіе русской художественной литературы, считается государственнымъ преступленіемъ. Наши классики этого направленія изъемлются изъ всѣхъ общедоступныхъ библіотекъ. Ихъ участь раздѣляютъ работы историковъ и философовъ, отвергавшихъ матеріалистическіе взгляды. Набѣгами особыхъ инструкторовъ изъ общихъ библіотекъ и книжныхъ магазиновъ конфискуется вся дореволюціонная дѣтская литература и всѣ произведенія народнаго эпоса. Современные писатели, заподозрѣнные въ идеализмѣ, лишены не только возможности, но и всякой надежды на возможность издать свои произведенія. Сами они, какъ враги и разрушители современнаго общественнаго строя, изгоняются со всѣхъ службъ и лишаются всякаго заработка.

Это первая стѣна тюрьмы, за которую засажено свободное слово. За ней идетъ вторая.

Всякая рукопись, идущая въ типографію, должна быть предварительно представлена въ двухъ экземплярахъ въ цензуру. Окончательно отпечатанная, она идетъ туда снова — для второго чтенія и провѣрки. Бывали случаи, когда отдѣльныя фразы, одно слово и даже одна буква въ словѣ (заглавная буква въ словѣ „Богъ“), пропущенныя цензоромъ, авторомъ, издателемъ и корректоромъ, вели при второй цензурѣ къ безжалостной конфискаціи всего изданія.

Аппробаціи цензора подлежатъ всѣ произведенія — даже работы по химіи, астрономіи, математикѣ. Послѣдующая авторская корректура въ нихъ можетъ производиться лишь по особому, каждый разъ, согласію цензора. Безъ него типографія не смѣетъ внести въ наборъ ни одной поправки.

Безъ предварительнаго разрѣшенія цензора, безъ спеціальнаго прошенія съ гербовыми марками, безъ долгаго ожиданія, пока заваленный работой цензоръ дойдетъ до клочка бумаги съ вашимъ именемъ и фамиліей, при коммунистической власти нельзя отпечатать даже визитной карточки. Го-

спода Дюгамель, Дюртенъ могли легко замѣтить, что даже театральные плакаты съ надписью „не курить“, „запасный выходъ“ помѣчены внизу все той же сакраментальной визой цензуры, разрѣшающей плакаты къ печати.

Есть еще и третья тюремная стѣна, третья линія проволочныхъ загражденій и волчьихъ ямъ.

Для появленія частнаго или общественнаго издательства требуется специальное разрѣшеніе власти. Никому, даже научнымъ издательствамъ оно не дается на срокъ большій 2 лѣтъ. Разрѣшенія даются съ трудомъ и неказенныя издательства рѣдки. Дѣятельность каждаго изъ нихъ можетъ протекать только въ рамкахъ программы, одобренной цензурой. На полгода впередъ издательства обязаны поэтому представлять въ цензуру полный списокъ всѣхъ произведеній, подготовляемыхъ къ печати, съ подробными біографіями авторовъ. Внѣ этого списка, поскольку онъ утвержденъ цензурой, издательство не смѣетъ ничего выпускать.

При такихъ условіяхъ принимается къ печати лишь то, что навѣрняка придется по душѣ коммунистической цензурѣ. Печатается лишь то, что не расходится съ обязательнымъ для всѣхъ коммунистическимъ міровоззрѣніемъ. Все остальное, даже крупное и талантливое, не только не можетъ быть издано, но должно прятаться въ тайникахъ; найденное при обыскѣ, оно грозитъ арестомъ, ссылкой и даже разстрѣломъ.

Одинъ изъ лучшихъ государствовѣдовъ Россіи — проф. Лазаревскій былъ разстрѣлянъ единственно за свой проектъ россійской конституціи, найденный у него при обыскѣ.

Знаете ли вы все это? Чувствуете ли весь ужасъ положенія, на которое осуждены нашъ языкъ, наше слово, наша литература?

Если знаете, если чувствуете, почему молчите Вы? Вашъ громкій протестъ противъ казни Сакко, Ванцетти и другихъ дѣятелей слова мы слышали, а преслѣдованія вплоть до казни лучшихъ русскихъ людей, повинныхъ только въ инакомысліи съ властью, преслѣдованія и казни русскихъ писателей, даже не пропагандирующихъ своихъ идей, за полной невозможностью пропаганды, проходятъ, повидимому, мимо Васъ. Въ нашемъ застѣнкѣ мы, во всякомъ случаѣ, не слышали Вашихъ голосовъ возмущенія и Вашего обращенія къ нравственному чувству народовъ. Почему?

Писатели! Ухо, глазъ и совѣсть міра — откликнитесь! Не Вамъ утверждать: „нѣсть власти, аще не отъ Бога“. Вы знаете: свойства народа и свойства власти въ деспотіяхъ приходятъ въ соотвѣтствіе лишь на протяженіи эпохъ; въ короткіе періоды народной жизни онѣ могутъ находиться въ

трагическомъ несходствѣ. Вспомните годы передъ нашей революцiей, когда наши общественныя организацiи, органы мѣстнаго самоуправленiя, Государственная Дума и даже отдѣльные министры звали, просили, умоляли власть свернуть съ дороги, ведшей въ пропасть. Власть осталась слѣпа и глуха. Вспомните: *кому Вы сочувствовали тогда — кучкѣ вокругъ Распутина или народу. Кого Вы тогда осуждали и кого нравственно поддерживали? Гдѣ же Вы теперь?*

Мы знаемъ: кромѣ сочувствiя, кромѣ моральной поддержки принципамъ и дѣятелямъ свободы, кромѣ моральнаго осужденiя жесточайшей изъ деспотiй, Вы ничѣмъ не можете помочь ни намъ, ни нашему народу. Большаго, однако, мы и не ждемъ. Съ тѣмъ большимъ напряженiемъ мы хотимъ отъ Васъ возможнаго: съ энергiей, всюду, всегда срывайте передъ общественнымъ сознанiемъ мiра искусную лицемѣрную маску съ того страшнаго лика, который являетъ коммунистическая власть въ Россiи. Мы сами безсильны сдѣлать это: единственное наше оружiе — перо — выбито изъ нашихъ рукъ, воздухъ, которымъ мы дышемъ — литература — отнятъ отъ насъ, мы сами — въ тюрьмѣ.

Вашъ голосъ нуженъ не только намъ и Россiи. Подумайте и о самихъ себѣ: съ дьявольской энергiей, во всей своей величинѣ, видимой только нами, Ваши народы толкаются на тотъ же путь ужасовъ и крови, на который въ роковую минуту своей исторiи 10 лѣтъ тому назадъ былъ столкнутъ нашъ народъ, надорванный войной *и политикой дореволюцiонной власти.* Мы познали этотъ путь на Голгоѳу народовъ и предупреждаемъ Васъ о немъ.

Мы лично гибнемъ. Близкiй свѣтъ освобожденiя еще не брезжитъ передъ нами. Многiе изъ насъ уже не въ состоянiи передать пережитый страшный опытъ потомкамъ. Познайте его, изучите, опишите Вы, свободные, чтобы глаза поколѣнiй, живущихъ и грядущихъ были открыты передъ нимъ. Сдѣлайте это — намъ легче будетъ умирать.

Какъ изъ тюремнаго подполья отправляемъ мы это письмо. Съ великимъ рискомъ мы пишемъ его, съ рискомъ для жизни его переправятъ заграницу. Не знаемъ — достигнетъ ли оно страницъ свободной печати. Но если достигнетъ, если нашъ замогильный голосъ зазвучитъ среди Васъ, заклинаемъ Васъ: *вслушайтесь, вчитайтесь, вдумайтесь. Норма поведенiя нашего великаго покойника — Л. Н. Толстого, крикнувшаго въ свое время на весь мiръ „не могу молчать“*, станетъ тогда и Вашей нормой.

Группа русскихъ писателей.

Май 1927 г. Россiя.

ГЛАВА 38.

Земля Обѣтованная.

Приведенныя мною свѣдѣнія очень кратки, отрывочны, собраны только изъ нѣсколькихъ газетъ, касаются преимущественно крестьянъ, не затрагиваютъ ни положенія рабочихъ и интеллигенціи, не говорятъ ни о развалѣ транспорта и промышленности и, разумѣется, недостаточны для того, чтобы составить себѣ представленіе о тѣхъ грандіозныхъ разрушеніяхъ, какія превратили всю Россію въ развалины. Но они достаточны для того, чтобы сказать, *кто* это сдѣлалъ, *кто* скрывался за такъ называемымъ „рабоче-крестьянскимъ правительствомъ", достаточны, надѣюсь, и для того, чтобы понять съ какою цѣлью были допущены эти разрушенія.

Истребленіе христіанскаго населенія, ликвидація самаго христіанства, превращеніе Россіи въ „обѣтованную землю", въ Израильское царство съ царемъ іудейскимъ, завоеваніе, путемъ міровой революціи, всего міра и расширеніе власти іудейскаго царя до предѣловъ владычества надъ всей вселенной, — эти цѣли, какъ онѣ ни безумны и фантастичны, лежали въ основаніи вѣковыхъ іудейскихъ программъ, и революція въ Россіи была лишь однимъ изъ этаповъ къ достиженію ихъ.

Это не мое личное предположеніе, не только выводъ изъ предыдущаго, но, кромѣ того, и откровенное признаніе самихъ евреевъ, поработившихъ Россію и считающихъ свое положеніе въ Россіи достаточно крѣпкимъ для того, чтобы не имѣть нужды скрывать свои замыслы.

Вотъ что мы читаемъ въ превосходной статьѣ „Чека", напечатанной Г-жею Е. Глуховцовой въ Новомъ Времени отъ 3 Апрѣля 1924 года, въ № 882. Комментаріи къ этой статьѣ излишни. Мы приводимъ эту статью цѣликомъ. Это не слухъ и не разсказъ съ чужихъ словъ, это — личное переживаніе.

Чека.

Это было на шестой недѣлѣ Великаго поста. Мы сидѣли у стола: двѣ воспитательницы, я — завѣдующая педагогической частью — и коммунистка К., назначенная губпартіей для контролированія моихъ дѣйствій, какъ безпартійной, и оживленно высчитывали, во сколько обойдутся куличи, спеченные въ складчину.

— Тов. Глуховцова, постановленіемъ губчека вы арестованы, — неожиданно, какъ выстрѣлъ, раздался чеканящій

голосъ одного изъ ялтинскихъ палачей — Топорѣльскаго. Мы вскочили ошеломленныя. Въ дверяхъ стояли два солдата съ ружьями. К. взволнованно подошла къ Топорѣльскому.

— Въ чемъ дѣло? Я здѣсь наблюдающая и могу удостовѣрить...

Онъ перебилъ ее.

— Къ товарищу предъявлено тягчайшее обвиненіе. Въ Ялтѣ ее бы разстрѣляли въ 24 часа безъ суда. Въ Одессѣ власти гуманнѣе; но допросъ порученъ Гальперину; это бывшій присяжный повѣренный, опытный человѣкъ. Его красивыми словами не обойдешь.

— Приговоръ предрѣшенъ, — мелькнуло у меня въ головѣ и я стала настаивать, чтобы взяли и мою дочь. Всѣ горячо запротестовали, а К., которую я за два мѣсяца успѣла настолько перекрасить, что благодаря ей завязала знакомство съ рабочими, шепнула мнѣ, укладывая вещи:

— Не бойтесь. Завтра иду въ партію и устрою скандалъ. Не поможетъ — натравлю рабочихъ. Черезъ три дня вы будете свободны.

Тяжелое, точно въ полуснѣ, прощанье съ дочерью и со всѣми плакавшими, точно я уже была покойникъ, и мы вышли. Прозрачно синѣло весеннее небо, пушились клейкими листочками деревья. Женщины и дѣти продавали первые цвѣты. Жуткій холодокъ вставалъ внутри при мысли, что, быть можетъ, видишь все это въ послѣдній разъ.

Узкая, длинная, полутемная камера была переполнена сидѣвшими почти вплотную на каменномъ полу женщинами. Кто то потѣснился и мнѣ дали мѣсто въ углу. Какъ только захлопнулась дверь камеры, всѣ устремились съ вопросами ко мнѣ: „За деникинцевъ?" Оказывается, всѣ арестованныя, — ихъ было 14, — сидѣли за мужей, сыновей, братьевъ, всѣ обвинялись, что прятали родныхъ и помогали бѣжать. Бросались въ глаза: сестра милосердія съ узкимъ, монашескаго типа лицомъ, обвинявшаяся въ выдачѣ поддѣльныхъ пропусковъ „бѣлымъ". Шестидесятилѣтняя старушка, прятавшая сына, непрерывно молившаяся по четкамъ изъ нанизанной фасоли, и помѣщица Кл..., жена полковника, бѣжать которому помогла какая-то организація. Ее арестовали вмѣстѣ съ дочерью, 15-лѣтней худосочной дѣвочкой, надѣясь, что ребенокъ скорѣе выдастъ фамиліи нужныхъ лицъ. Первые два дня прошли спокойно; нашу камеру не трогали, и въ моральномъ оцѣпенѣніи мы томились ожиданіемъ. Въ 12 ч. приносили „передачу съ воли" и казенный чанъ съ неопрятной темной бурдой и ломтемъ чернаго хлѣба. Бурду уносили обратно, хлѣбъ съѣдался. Въ 7 часовъ повторялось то же. Съ десяти —

чека стихала и входилъ ужасъ. Смолкали разговоры. Неподвижно сидѣли мы, боясь шевельнуться и затаивъ дыханіе, напряженно вслушивались, не раздадутся ли роковые шаги. Вотъ хлопнула гдѣ то дверь... Всѣ вытягиваются, кое-кто привстаетъ... Шаги... „Смерть идетъ"... Къ кому?... Кто крестится, кто судорожно впивается въ руку сосѣдки и всѣ пятнадцать паръ глазъ прикованы къ двери. Шаги сворачиваютъ въ сторону и затихаютъ. Животный вздохъ облегченія... Стыдно его, но онъ невольно вырывается изъ груди. Опять шаги... Но ихъ больше... Иногда какъ будто возня... „Ведутъ"... Спустя мгновеніе — шумъ заведеннаго мотора. Бьется въ истерическихъ рыданіяхъ измученная дѣвочка. Старушка, быстро перебирая дрожащими руками четки, громко читаетъ напутственныя молитвы. Схватившись за голову, сидитъ сестра. Кто то надрывно выкрикиваетъ: „не могу!.. не могу! Господи, гдѣ же Ты?" И во всѣхъ камерахъ огромнаго зданія каждую полночь бились въ судорогахъ страданій сотни запертыхъ на человѣческой бойнѣ людей. Страшенъ былъ третій день. Какъ мы пережили его, когда теперь, три года спустя описываю его, я задыхаюсь отъ жгучей боли. Въ десять утра пришли на допросъ за Кл. съ дочерью — это былъ уже второй, — а часа черезъ полтора дѣвочку внесли въ безсознательномъ состояніи и трупомъ положили на полъ. Изъ подъ короткаго платьица багровыми опухолями синѣли икры. Ее стегали ремнемъ по ногамъ, требуя, чтобы назвала фамиліи лицъ, помогавшихъ бѣжать отцу. Черезъ минуту ввели мать. Она шла шатаясь, съ распущенными волосами; опустилась на полъ около дочери, приникнувъ головой къ ея лицу, и общій стонъ ужаса вырвался у насъ. Ея голова пестрѣла широкими бѣлыми плѣшами. Половина волосъ была вырвана. Около 11 ч. вечера зловѣщіе шаги раздались близко, близко.

Неожиданно щелкнулъ замокъ, порывисто отворилась дверь. — Сестра! — Сидѣвшая съ низко опущенной головой сестра встала такъ быстро, точно только и ждала этого. Странно выпрямленная, сдѣлала нѣсколько твердыхъ шаговъ и у двери повернулась къ намъ. На мѣловомъ, разомъ состарившемся лицѣ выдѣлялись уже потусторонніе глаза. Она отвѣсила широкій поясной поклонъ и вышла... Заводъ мотора и... Нѣтъ... развѣ можно описать! Блѣдно и безсильно человѣческое слово. Помню только взлетѣвшій къ потолку кощунственно-злобный выкрикъ „Милосердный!.. Такъ это милосердіе?.."

Ко мнѣ отнеслись „гуманно". К. не ошиблась: протекцію въ чека мнѣ составила извѣстная въ Одессѣ Сара одноглазая, служившая у насъ кастеляншей. Я обнаружила у нея крупную

пропажу бѣлья, и она стала просить, чтобы я написала, что бѣлье раскрадено дѣтьми. На мой категорическій отказъ, она стала отвѣчать угрозами и замѣтила мнѣ, что я „угнетаю“ ее и остальныхъ служащихъ — изъ 13 человѣкъ 9 были еврейки — ненавидя евреевъ. Возражая, я бросила неосторожную фразу: „Говорить объ угнетеніи евреевъ, когда вся власть въ ихъ рукахъ, какъ будто странно“. Въ тотъ же вечеръ былъ отправленъ доносъ за всѣми подписями. Допрашивали меня двое: Гальперинъ, корректный еврей буржуазнаго типа и маленькій лохматый жиденокъ, все время злобно кипѣвшій. На вопросъ, сказала-ли я такую фразу, я отвѣтила утвердительно, объяснивъ обстоятельства и весь допросъ вертѣлся на этомъ. — Значитъ, ваше убѣжденіе, что власть въ Россіи въ рукахъ евреевъ? — Это мое впечатлѣніе. — На чемъ оно основано? Я называю фамиліи одесскихъ властей. — Значитъ, вы продолжаете настаивать? — Я не комментирую, я констатирую. Еще нѣсколько вопросовъ по глупымъ обвиненіямъ, что я перетягивала Сару изъ партіи, превратила К. въ „редиску“, и я была отведена въ камеру, гдѣ въ присланныхъ папиросахъ нашла записку, что рабочіе отстояли меня, ссылаясь на болѣзнь дочери, и я буду освобождена. Черезъ два дня меня снова повели на допросъ и послѣ вопросовъ о томъ же, Гальперинъ торжественно объявилъ: „Вы свободны, товарищъ, но запомните разъ навсегда: желѣзный законъ революціи... власть попадаетъ въ руки умнѣйшихъ и сильнѣйшихъ. Русскій народъ — темное быдло. Русская интеллигенція — св..., ни къ чему не способная; лучшими оказались мы. И потому вся власть не въ рукахъ евреевъ, а сильнѣйшихъ и умнѣйшихъ. Антисемитизмъ — тягчайшее преступленіе въ нашей республикѣ, и вы, несомнѣнно, антисемитка и если вы еще разъ попадетесь, васъ не спасетъ ничье заступничество“.

Онъ всталъ. Поднялся и жиденокъ, все время игравшій какимъ-то желтымъ предметомъ.

— Да, сильнѣйшіе и умнѣйшіе! — какъ-то визгливо выкрикнулъ жиденокъ, — такъ и говорите вашимъ! И они не скоро простятъ погромы и дѣло Бейлиса: пять поколѣній будутъ помнить! — Желтый предметъ взмахнулся въ воздухѣ. Я инстинктивно закрыла лицо. Ошеломляющій ударъ въ лѣвую часть головы, и я потеряла сознаніе. Очнулась я въ камерѣ. Лѣвое ухо и кожа на головѣ были разсѣчены, блузка намокла отъ крови. Въ тотъ же день я на извозчикѣ была доставлена въ дѣтдомъ. Былъ Страстной четвергъ. Куличей въ складчину мнѣ не пришлось ѣсть: около двухъ недѣль я пролежала съ затемненнымъ сознаніемъ. *Глуховцова.*

Еще болѣе характерное признаніе жидовъ мы находимъ на страницахъ „Еженедѣльника Высш. Мон. Сов“., въ № 74, отъ 15 Января 1923 года:

„Грозныя времена переживаетъ человѣчество. На землѣ происходитъ страшная борьба Дьявола съ Духомъ Свѣта. Кто останется побѣдителемъ въ этой борьбѣ вѣрующимъ угадать не трудно, но пока „приспѣшники сатаны не спятъ и борьбу свою распространяютъ все шире и наглѣе. Къ счастью, одновременно съ этимъ все больше раскрываютъ они свои карты; и лишь слѣпые не видятъ того, что въ нихъ значится, лишь предвзято настроенные могутъ отрицать дѣйствительную подкладку того, что совершается.

Пріѣзжій изъ Россіи разсказываетъ, со словъ своего друга, обстановку одного еврейскаго концерта, когда послѣ музыкально-вокальныхъ исполненій на кафедру вышелъ раввинъ и провозгласилъ: „Радуйся народъ Израилевъ“ и далѣе сказалъ, что, наконецъ, избранное племя нашло свою обѣтованную землю: земля эта, по опредѣленію ея же „населенія“, (*не народа,* а именно населенія, подчеркнулъ раввинъ), велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ. Еврейскій народъ призванъ дать ей порядокъ. Теперь въ этой странѣ отданной во владѣніе Израилю, исполняется предсказаніе, о дарованіи избранному племени „земли обѣтованной“. Это было въ Москвѣ.

Но тѣ же нотки, ничѣмъ не прикрытаго торжества, сквозятъ и за границей Россіи, въ рѣчахъ приспѣшниковъ всемірнаго еврейства. Въ Европѣ подъ видомъ лекторовъ отъ всевозможныхъ общественныхъ и человѣколюбивыхъ учрежденій, открыто выступаютъ проповѣдники антихристіанскихъ ученій. Такъ 8 января с. г. въ лагерѣ Целла въ Германіи, лекторомъ общества „Свѣтъ Востоку“ г. Ассуръ была прочитана лекція на тему „Христосъ и русская эмиграція“, 14-го же, другомъ Ассура, Шларбомъ докладывалось о томъ „Что ожидаетъ насъ въ будущемъ?“.

Ассуръ утѣшалъ русскую эмиграцію тѣмъ, что по всѣмъ признакамъ Священнаго писанія долженъ явиться пророкъ, который и облегчитъ страданія народовъ. Мысль, недосказанную Ассуромъ, развилъ, дополнилъ и уточнилъ Шларбъ, указавъ, что изъ всѣхъ древнихъ народовъ евреи единственное племя, не погибшее и сохранившее, несмотря на всѣ притѣсненія и гоненія, всѣ свои особенности. Изъ этого народа, по мнѣнію Шларба долженъ появиться человѣкъ, который удовлетворитъ всѣхъ въ политическомъ и религіозномъ отношеніяхъ. Дальше идти некуда. Невольно мысль сопоставляетъ слова Шларба со столь ненавистными іудеямъ Протоколами Сіонскихъ Мудрецовъ: ужъ очень часто происходящее за по-

слѣднее время на бѣломъ свѣтѣ напоминаетъ предложенную еврейству Ахадъ-Хамомъ программу.

Послѣ перечисленія ряда мѣръ: войнъ, искусственнаго голода, правительственныхъ кризисовъ, развитія преступности и т. д., долженствующихъ разрушить христіанскія государства въ протоколѣ № 10 („Протоколы Сіонскихъ Мудрецовъ". Берлинъ 1922 г.) мы читаемъ подъ заголовкомъ „Моментъ провозглашенія всемірнаго царя" слѣдующее: „Признаніе нашего самодержца можетъ наступить не ранѣе уничтоженія конституціи (момента не явнаго захвата власти въ государствѣ еврействомъ. Ред.): моментъ этого признанія наступитъ, когда народы, измученные неурядицами и несостоятельностью правителей, нами подстроенной, воскликнутъ: уберите ихъ и дайте намъ одного всемірнаго царя, который объединилъ бы насъ и уничтожилъ причины раздоровъ, границы, національности, религіи, государственные разсчеты, который далъ бы намъ миръ и покой, которыхъ не можемъ найти съ нашими правителями и представителями".

Вотъ онъ человѣкъ, способный по словамъ Шларба „удовлетворить всѣхъ въ политическомъ, экономическомъ и религіозномъ отношеніяхъ". Въ этой выдержкѣ изъ „Протоколовъ" надо, повидимому, искать и разгадку событій происходящихъ нынѣ и кажущихся часто столь непонятными."

Послѣ всего сказаннаго, странно говорить о какомъ то „правительствѣ", хотя бы и называющемся „совѣтскимъ".

Въ Россіи *нѣтъ правительства*, а есть международная шайка изувѣровъ, осуществляющая директивы того „Незримаго правительства", какое управляетъ всѣмъ міромъ не только помимо, но и противъ воли народовъ, и о которомъ народы не знаютъ потому, что не знаютъ исторіи и, въ частности, библейской исторіи ветхаго завѣта.

Развѣ можно при этихъ условіяхъ говорить объ „ошибкахъ" или „заблужденіяхъ" власти, или даже о „массовомъ психозѣ", когда всѣ эти причины сводятся къ одной — порабощенію народовъ жидами и исчезнутъ съ момента ихъ изгнанія этими же народами, развѣ можно говорить о несовершенствѣ какихъ то политическихъ программъ или государственнаго аппарата въ примѣненіи къ этой власти, единственной задачей которой является истребленіе христіанскихъ народностей, уничтоженіе христіанской культуры и завоеваніе міра?!

Всѣ эти ссылки на русскій деспотизмъ, на устарѣлыя формы правленія и русскую отсталость, *параллельно* съ указаніемъ на русскую „природу", требующую соотвѣтствующаго режима власти — все это или невѣжество или замаскирован-

ный обманъ. Европа знаетъ, что русскій народъ неизмѣримо культурнѣе духовно, чѣмъ европейцы, что *русское самодержавіе было единственною въ мірѣ властью, пользовавшейся христіанскими пріемами управленія,* и ставило мораль выше политики. Въ этомъ была безсмертная, неувядаемая красота русской власти и ея духовная моць, но въ этомъ была и ея слабость, какую Европа, никогда не брезгавшая никакими средствами для достиженія своихъ цѣлей и забывшая о морали, использовала для своихъ выгодъ. Русскіе Цари были не только героями долга и чести, но и Помазанниками Божіими и ни одинъ изъ нихъ не приносилъ морали въ жертву политикѣ. Императоръ Николай II, имя Котораго перейдетъ въ исторію святыхъ Православной Церкви, оставался настолько вѣрнымъ союзнымъ обязательствамъ, что отвергнулъ руку помощи со стороны нѣмцевъ даже въ тотъ моментъ, когда вражеская рука хотѣла спасти *Его* и *Его* Семью, сказавъ при этомъ, что предпочелъ бы скорѣе отрубить руку, чѣмъ измѣнить данному слову, а правители Европы протягиваютъ руку убійцамъ и угощаютъ ихъ обѣдами, срывая аплодисменты у толпы, забывшей Бога. Въ этомъ разница между Россіей и Европой, и эта разница такъ велика, что нужно быть очень наивнымъ для того, чтобы ожидать отъ Европы не только помощи, но хотя бы сочувствія страданіямъ Россіи.

И, если придетъ часъ, когда Россія отступитъ отъ своихъ прежнихъ политическихъ программъ и перестанетъ видѣть свое призваніе въ помощи своимъ сосѣдямъ, то на страницахъ „Исторіи *Русской* революціи“ Европа найдетъ объясненіе такому рѣшенію.

ГЛАВА 39.

Церковь послѣ революціи.

Когда государственность была окончательно сломлена и несмѣтныя сокровища и богатства необъятной Россіи попали въ руки жидовъ, когда скованное терроромъ, доведенное до людоѣдства, несчастное населеніе, вынужденное въ поискахъ пропитанія вырывать трупы изъ могилъ, убивать и ѣсть даже собственныхъ дѣтей, потеряло уже всякую способность сопротивленія, тогда жидовская власть набросилась на самое дорогое достояніе русскаго народа и приступила къ своей конечной задачѣ — гоненію на Православную Церковь.

Хотя къ этой конечной цѣли и сводились всѣ начинанія коммунистовъ, хотя каждая революція знаменуетъ собою

лишь борьбу жидовства съ христіанствомъ, пятиконечной звѣзды съ крестомъ, однако, въ области религіозныхъ преслѣдованій, жиды соблюдали не только послѣдовательность и постепенность, но и величайшую осторожность. Ихъ первыя начинанія были глубоко замаскированы, и не только не вызывали противодѣйствія со стороны одураченнаго населенія, но встрѣчали даже сочувствіе и поддержку. Впрочемъ, подъ маскою лжи и обмана протекали и всѣ прочія „реформы", однако же, въ первые годы своего владычества жиды еще не рѣшались трогать Церковь и приступили къ открытому преслѣдованію религіи уже послѣ того, когда Временное Правительство подготовило достаточную для этого почву и „рабоче-крестьянское правительство" достаточно окрѣпло.

Останавливаясь на положеніи Церкви послѣ революціи, необходимо выдѣлить два момента: первый — до созыва Всероссійскаго Собора и избранія патріарха, второй — послѣ возстановленія патріаршества.

Первый моментъ былъ краткимъ и закончился въ Ноябрѣ 1917 года, второй продолжается и донынѣ.

Остановимся сначала на первомъ моментѣ.

Какъ извѣстно, Временное Правительство, уничтоживъ мѣстные органы правительственнаго аппарата, оставило въ неприкосновенности центральные, и проходимцы, выдвинутые революціей и пришедшіе на смѣну прежней власти, гордо величали себя „министрами". Продолжалъ дѣйствовать и Св. Синодъ въ лицѣ своихъ прежнихъ членовъ, съ тою лишь разницею, что вмѣсто Н. П. Раева Оберъ-Прокуроромъ былъ назначенъ дегенератъ Вл. Н. Львовъ. Свидѣтелемъ его первыхъ шаговъ въ той роли, къ которой онъ такъ лихорадочно стремился, я не былъ, но слышалъ, что онъ ознаменовалъ свое вступленіе въ должность тѣмъ, что выбросилъ изъ залы засѣданія Св. Синода царское кресло и что ему помогалъ въ этомъ злодѣяніи и одинъ изъ замученныхъ впослѣдствіи большевиками почтенныхъ іерарховъ, членъ Св. Синода...

Утверждать этого послѣдняго факта я не берусь, однако хорошо помню то страшное негодованіе, съ которымъ объ этомъ фактѣ разсказывалось, и не имѣю данныхъ для того, чтобы его опровергнуть. Слѣдующимъ шагомъ В. Н. Львова было изгнаніе неугодныхъ ему іерарховъ съ занимаемыхъ ими каѳедръ и въ первую очередь имъ были удалены митрополиты С.-Петербургскій Питиримъ и Московскій Макарій, причемъ первый былъ тотчасъ же арестованъ и препровожденъ въ Государственную Думу, откуда былъ выпущенъ съ обязательствомъ покинуть столицу, а второй былъ вынужденъ уѣхать изъ Москвы и скрыться въ Троицко-Сергіевскую Ла-

вру. Однако Львовъ и здѣсь настигъ праведника-митрополита и, полагая, что митрополитъ можетъ использовать типографію Лавры для контръ-революціонныхъ цѣлей, сослалъ старца въ Николо-Угрѣшскій монастырь.

Подобно тому, какъ повсемѣстно въ Россіи губернаторы смѣнялись съ своихъ должностей и замѣнялись либеральными предсѣдателями земскихъ управъ, углублявшими революцію, подобно этому изгонялись, безъ суда и слѣдствія, правящіе архіереи, и на ихъ мѣсто, вопреки канонамъ, „избирались" викарные епископы... Синодъ, однако, былъ безгласенъ и не только не предъявлялъ возраженій и не выражалъ протестовъ, а, уступая силѣ, безропотно подчинялся такимъ „избраніямъ" и даже возводилъ викарныхъ епископовъ въ санъ, соотвѣтствующій ихъ новой должности. Не возражали противъ своего избранія и викарные епископы, находившіеся нерѣдко въ оппозиціи къ правящимъ архіереямъ и усматривающіе въ такомъ избраніи свою побѣду надъ ними. Такъ, тотчасъ послѣ удаленія митрополита С.-Петербургскаго Высокопреосвященнаго Питирима, на его мѣсто былъ избранъ викарный епископъ Веніаминъ, и Синодъ не только не заступился за митрополита, не только не оказалъ сопротивленія явному насилію со стороны Львова, не только не выразилъ протеста, что такъ часто дѣлалъ въ отношеніи законнаго представителя Царской власти въ Синодѣ, но даже утвердилъ „избраніе", возведя викарнаго епископа Веніамина въ санъ митрополита... Случай въ лѣтописяхъ церковной исторіи небывалый.

Лично я мало зналъ Преосвященнаго Веніамина, но слышалъ о немъ добрые отзывы, какіе, вѣрно, и были справедливы, ибо впослѣдствіи онъ былъ звѣрски замученъ и разстрѣлянъ большевиками и сподобился мученической кончины.

Еще болѣе тягостное впечатлѣніе произвело отношеніе Синода къ гонимому тѣмъ же Львовымъ престарѣлому митрополиту Московскому Макарію, одному изъ величайшихъ іерарховъ въ Россіи, обезсмертившему свое имя миссіонерскими подвигами на Алтаѣ. Великій подвижникъ, стяжавшій славу святого, митрополитъ Макарій настолько рѣзко выдѣлялся на общемъ фонѣ іерарховъ, стоялъ уже на такой духовной высотѣ, что къ нему стекался народъ такъ же, какъ въ былое время къ Преподобному Серафиму или Амвросію Оптинскому, и высокій санъ митрополита уже не отпугивалъ простецовъ, не заслонялъ собою Бога... И глядя на святого Владыку Макарія, окруженнаго небесной славою и такъ разительно напоминавшаго другого Великаго Молитвенника Земли Русской, О. Іоанна Кронштадтскаго, я дивился милосердію Божьему, явившему въ наши дни беззаконія такихъ правед-

никовъ, и понималъ, почему одержимый діаволомъ Львовъ не выносилъ святого.

Однако Синодъ, хотя и видѣлъ самодурство Львова, не только не заступился за праведнаго старца-митрополита, но, уступая настояніямъ Львова, уволилъ митрополита на покой и утвердилъ „избраніе“ на Московскую каѳедру Виленскаго архіепископа Тихона, сумѣвшаго сохранить и послѣ поѣздки своей въ Тобольскъ для канонизаціи Святителя Іоанна, увѣнчавшей его бриллiантовымъ крестомъ на клобукѣ, расположеніе къ себѣ со стороны Синода, несмотря на враждебное отношеніе послѣдняго къ архіепископу Варнавѣ, возбудившему означенное ходатайство.

Вслѣдъ за лишеніемъ Московской каѳедры, праведный старецъ, какъ я уже упоминалъ, былъ сосланъ въ Троицко-Сергіевскую Лавру, затѣмъ переведенъ въ Николо-Угрѣшскій монастырь, гдѣ и оставался до упраздненія обители, и, наконецъ, вынужденъ былъ переѣхать въ село Котельники, Московскаго уѣзда, гдѣ 16 Февраля 1926 года мирно почилъ о Господѣ, на 92-мъ году жизни. Много книгъ нужно было бы написать, чтобы хотя вкратцѣ очертить обликъ почившаго праведника, являвшаго примѣромъ своей жизни, особенно въ послѣдніе годы борьбы съ большевиками, такую изумительную вѣру въ всемогущество Божіе, какая обезоруживала сатанистовъ, совершавшихъ неоднократныя нападенія на монастырь, съ цѣлью убить митрополита, и всякій разъ отгоняемыхъ невидимою силою Божіей. Кто знаетъ, что нѣсколько разбойниковъ, коимъ удалось проникнуть въ монастырь и даже приблизиться къ дверямъ келліи праведнаго старца, мгновенно ослѣпли и затѣмъ на колѣняхъ и со слезами вымаливали прощеніе, ссылаясь на то, что дѣйствовали по принужденію, а не по доброй волѣ, что въ другой разъ густое облако окутало цѣлую роту красноармейцевъ, приближавшихся къ Николо-Угрѣшскому монастырю съ цѣлью убить митрополита, и они сбились съ пути и, проблуждавъ до поздней ночи, вернулись обратно въ Москву, не выполнивъ заданнаго порученія...

И точно, почившій митрополитъ Макарій былъ однимъ изъ немногихъ іерарховъ, знавшихъ, что Господь сильнѣе большевиковъ и оставшихся вѣрными Господу и своей вѣрѣ въ *силу Божію*. И эта вѣра творила чудеса, предъ которыми смирялись и не могли не смиряться слуги діавола. 9-ти лѣтняя борьба немощнаго 90-лѣтняго старца съ большевиками неизмѣнно заканчивалась побѣдою старца и славословіемъ Господа, точно предуказывая на опытѣ самаго немощнаго тѣломъ и самаго старшаго годами іерарха Церкви тѣ орудія, съ помощью которыхъ нужно было вести борьбу съ сатани-

нистами и побѣждать ихъ... Но этотъ великій примѣръ проходилъ какъ бы внѣ поля зрѣнія и духовенства и мірянъ...

Церковь трепетала отъ страха, была загнана въ тупикъ, и іерархи очутились въ плѣну у безбожнаго „Временнаго Правительства", велѣніямъ котораго были обязаны подчиняться. По приказу этого правительства, Синодъ вынужденъ былъ издавать постановленія, глубоко оскорблявшія честныхъ сыновъ Церкви, оставшихся вѣрными Царю и данной Государю Императору присягѣ.

Такъ, тотчасъ послѣ того злодѣянія, какое было названо „отреченіемъ Государя Императора отъ прародительскаго Престола", а на самомъ дѣлѣ было не „отреченіемъ", т. е. актомъ свободнаго волеизъявленія Монарха, а злодѣйскою узурпаціею священныхъ правъ Его Величества горстью разбойниковъ, Синодъ запретилъ поминать на Божественной Литургіи священное Имя Помазанника Божія, „Благочестивѣйшаго, Самодержавнѣйшаго Государя Императора всея Россіи" и предписалъ молиться за „Благовѣрное Временное Правительство". Никогда еще Церковь не подвергалась такимъ глумленіямъ и издѣвательствамъ, какъ въ этотъ періодъ владычества сатанистовъ и въ то же время никогда еще не была такъ запугана, какъ въ это страшное время... Въ Кіевѣ, напр., при нашествіяхъ изувѣрныхъ бандъ Петлюры, іерархи, страха ради іудейска, даже братались и цѣловались съ разбойникомъ Петлюрой, разрѣшали совершать богослуженіе на „украинской мовѣ", предписывали духовенству поминать на литургіи всѣхъ членовъ „украинскаго правительства" поименно, говорили проповѣди на ломанномъ малорусскомъ языкѣ, извиняясь предъ слушателями, что не знаютъ „украинской мовы"... Казалось, что „все и вся" сгибалось предъ *силою* и дѣйствовало подъ давленіемъ этой силы, даже не человѣческой, а сатанинской, и что будто бы не существовало и не существуетъ той силы Божіей, какая бы могла во мгновеніе ока сокрушить эту силу діавола и укрѣпить вѣру людей, если бы только эта вѣра въ чемъ либо проявилась, если бы запуганные и трепещущіе люди вспомнили о ней въ эти жуткіе моменты ея испытанія.

Обратимся теперь ко второму моменту.

ГЛАВА 40.

Всероссійскій Церковный Соборъ. Возстановленіе патріаршества. Избраніе Патріарха Тихона.

Однимъ изъ самыхъ непостижимыхъ завоеваній революціи явился, такъ называемый, „Всероссійскій“ церковный Соборъ, созванный въ Ноябрѣ 1917 года, въ Москвѣ, не только съ любезнаго „разрѣшенія“ Временнаго Правительства, узурпировавшаго власть Помазанника Божія, но и подъ условіемъ предъявленія этому правительству рѣшеній Собора „на уваженіе“.

Ни унизительная форма „разрѣшенія“ безбожнаго „правительства“, очевидно не имѣвшаго права ни разрѣшать, ни запрещать созыва Собора, каковое право принадлежало по Основнымъ законамъ Имперіи только Самодержавному, Богомъ помазанному на царство Царю, ни тотъ фактъ, что такое разрѣшеніе явилось лишь новымъ издѣвательствомъ надъ Государемъ Императоромъ, неоднократно признававшимъ созывъ Собора несвоевременнымъ и нарушало волю Монарха, томившагося въ заточеніи въ Сибири, ни фактическая невозможность обезпечить соблюденіе обязательныхъ каноническихъ требованій, — не удержало іерарховъ отъ созыва Собора, съ которымъ связывалось такъ много разнообразныхъ вожделѣній, столько радостныхъ надеждъ...

Двѣсти лѣтъ боролась де Церковь, въ лицѣ своихъ іерарховъ, съ ненавистнымъ наслѣдіемъ Петра Великаго — Синодальною системою церковнаго управленія, два столѣтія пребывала Церковь, угнетаемая, якобы, Синодальными Оберъ-Прокурорами, въ оковахъ рабства, позора и униженій, и стремленіе вырваться на „свободу“ оправдывало, казалось, всѣ средства къ достиженію этой цѣли. Да и какъ было не стремиться къ такой свободѣ, если все вѣковое зло въ сферѣ церковной жизни, вся вѣковая рутина въ области церковной мысли, объяснялись Синодальною системою управленія, если Церковь не имѣла возможности ни возвышать своего голоса въ защиту поруганной правды, ни бороться съ государственнымъ зломъ?! Какъ могла Церковь проявлять свою самодѣятельность, если она была на службѣ у государства и являлась лишь одною изъ отраслей государственнаго управленія и далеко, притомъ, не главною, если была обязана сочетать свою дѣятельность съ общими программами и видами правительства, если на протяженіи двухъ столѣтій не созывалось ни одного церковнаго собора, если первенствующій членъ Синода

не имѣлъ личнаго доклада у Государя Императора, а Оберъ-Прокуроръ могъ наложить свое veto на любое постановленіе Синода!..

Гдѣ же эта свобода духа Церкви и кто осмѣлился бы возражать противъ созыва Всероссійскаго собора, или признавать его опять несвоевременнымъ?! Именно теперь, когда Царь въ заточеніи и государство гибнетъ, именно теперь, болѣе чѣмъ когда либо, нужно было спасать самое дорогое достояніе Россіи — Православную Церковь и вырвать ее изъ оковъ вѣкового рабства... Разорвать эту связь съ государствомъ, сбросить съ себя „вѣковыя оковы рабства", вырваться на волю, имѣвшую обезпечить и *свободу духа* Церкви, — стало стихійнымъ порывомъ тѣхъ, кто въ возстановленіи патріаршества и созывѣ Всероссійскаго церковнаго собора усматривалъ единственное средство къ достиженію этихъ цѣлей.

И соборъ былъ созванъ и Церковь, якобы, вырвалась на „свободу".

Въ этомъ стихійномъ движеніи къ патріаршеству было предусмотрѣно *все*, кромѣ одного условія... личной готовности и способности патріарха *принести себя самого въ жертву* Православной Церкви. Но именно это условіе было не только предусмотрѣно большевиками, но на немъ они и строили свою программу разрушенія Церкви, зная, что времена Гермогеновъ прошли и что борьба съ однимъ патріархомъ гораздо легче, чѣмъ съ соборомъ епископовъ...

Революція между тѣмъ все болѣе разгоралась. Временное Правительство, разрѣшившее созывъ Собора, было уже разогнано и государственная власть очутилась въ рукахъ женатаго на жидовкѣ Ленина и настоящаго жида Лейбы Бронштейна (Троцкаго). Большевики, оцѣнивающіе событія съ точки зрѣнія реальныхъ фактовъ и побѣждающіе въ борьбѣ съ утопистами, не только не препятствовали Собору, но даже привѣтствовали идею возстановленія патріаршества, хорошо сознавая, что, за исключеніемъ митрополитовъ Питирима и Макарія, этихъ немощныхъ тѣломъ, но сильныхъ духомъ іерарховъ, устраненныхъ отъ участія въ Соборѣ, да одного и донынѣ здравствующаго архіепископа, кандидатура котораго на патріаршій престолъ не была бы допущена самими іерархами, въ Россіи не было ни одного іерарха, который бы могъ являться для нихъ угрозою. Наоборотъ, они были увѣрены, что возстановленіе патріаршаго чина только облегчитъ имъ ихъ задачу, ибо знали, какого рода испытанія готовили Православной Церкви и то, что предъ этими испытаніями не устоитъ ни одинъ изъ намѣченныхъ Соборомъ кандидатовъ въ патріархи.

Разобщенные другъ отъ друга далекими разстояніями, отрѣзанные революціонными событіями отъ Москвы, не всѣ іерархи могли съѣхаться на Соборъ и принять въ немъ участіе... Изъ общаго числа епархіальныхъ архіереевъ только незначительная часть прибыла въ Москву. Но зато много было мірянъ и, между ними, не только бывшій предсѣдатель Думы М. В. Родзянко, но даже выгнанный большевиками, бывшій членъ Временнаго правительства, незадачливый „оберъ-прокуроръ“ Св. Синода Владиміръ Львовъ.

Не буду я останавливаться на работахъ Собора, не буду касаться и вопроса о томъ, насколько участіе въ Соборѣ мірянъ оправдывалось каноническими основаніями... Не таково было время, чтобы считаться съ формальными соображеніями... Патріархъ долженъ быть избранъ, только онъ одинъ способенъ протянуть руку помощи погибающей Церкви, спасти Православіе, возродить церковную жизнь, закрѣпить ея устои и сдѣлать способной выдержать ужасный натискъ со стороны озвѣрѣлыхъ сатанистовъ-большевиковъ — таковъ былъ единодушный крикъ участниковъ Собора и некогда было думать о формальностяхъ. На патріаршій престолъ былъ избранъ замѣстившій каѳедру Московскаго митрополита Макарія бывшій архіепископъ Виленскій Тихонъ, ознаменовавшій свое избраніе возведеніемъ старѣйшихъ архіепископовъ въ санъ митрополита, и церковная жизнь, разорвавъ цѣпи „рабства“, возглавляемая давно жданнымъ и желаннымъ патріархомъ, вырвалась на „свободу“... Отдавалъ ли себѣ отчетъ смиреннѣйшій и любвеобильный патріархъ Тихонъ въ томъ, на чтó онъ шелъ, чего ждали отъ него большевики и чего ждала отъ него Русская Православная Церковь?.. Зналъ ли онъ, что обѣ стороны ждали отъ него жертвеннаго подвига, ждали смерти, большевики потому, что связывали съ его смертью и гибель Православной Церкви, вѣрующіе христіане потому, что въ личной жертвѣ патріарха видѣли единственный, при созданныхъ большевиками условіяхъ, путь къ ея спасенію?..

Событія, между тѣмъ, мчались съ ураганною быстротою. Гоненіе на Церковь и духовенство становилось все болѣе открытымъ, наглымъ и циничнымъ. Освободившаяся изъ оковъ вѣкового рабства, получившая давно жданную свободу, Церковь, въ лицѣ своихъ іерарховъ, была не только безсильна противостоять сатанинской вакханаліи, но, запуганная, трепетала отъ страха, покорно ожидая своей участи, ожидая своей гибели. Менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца послѣ возстановленія патріаршества на Руси, начались казни іерарховъ, превзошедшія по своей жестокости всѣ, донынѣ бывшія злодѣянія... Патріархъ пользовался только своимъ званіемъ, но

фактически находился въ плѣну у жидовъ, не имѣя возможности ни въ чемъ проявлять своей дѣятельности, тѣмъ меньше вліять на характеръ разворачивавшихся событій. Наконецъ, онъ былъ арестованъ и лишенъ свободы. Доведенный въ заточеніи до крайняго изнеможенія, страдая за участь Православной Церкви, раздираемой какъ большевиками, такъ и внутренними междоусобіями, и расколовшейся на массу отдѣльныхъ „церквей“, возглавляемыхъ самозванными пастырями и архипастырями, патріархъ оказался вынужденнымъ подписать составленное большевиками покаянное письмо, коимъ не только обязался подчиниться совѣтской власти, но и отрекался отъ своихъ прежнихъ убѣжденій. Не въ осужденіе патріарха я упоминаю объ этомъ прискорбномъ фактѣ, а въ свидѣтельство того ужаснаго, нестерпимаго положенія, въ какомъ очутилась Церковь, вырвавшаяся изъ прежнихъ „оковъ“ на „свободу“ и въ опроверженіе тѣхъ нареканій, какія сводились къ обвиненіямъ меня въ отрицательномъ отношеніи къ идеѣ патріаршества какъ таковой. *Въ предѣлахъ требованій 34-го правила Св. Апостоловъ* эта идея конечно, не могла вызывать ничьихъ возраженій, однако же я въ полной мѣрѣ былъ убѣжденъ въ невозможности попытокъ ея осуществленія въ предреволюціонное время, а тѣмъ болѣе въ разгаръ революціи, при наличности условій, которыя бы могли ее скомпрометировать.

Въ этомъ отношеніи я вполнѣ раздѣлялъ точки зрѣнія моего друга А. С., который писалъ мнѣ 8 Ноября 1922:

„Не будучи сторонникомъ идеи патріаршества по принципу, я думаю, что патріархъ былъ бы полезенъ, какъ постоянный совѣтникъ Царя, по древнему взгляду: „nullum regnum sine patriarcha staret“.

Разъ нѣтъ монарха, не нужно и патріарха. Управленіе Церковью, какъ намѣчалось передъ революціей*), имѣетъ наиболѣе основаній въ словѣ Божіемъ. Церковь, будучи учрежденіемъ божественнымъ, объединеніемъ людей во имя вѣры въ Святую, Единосущную и Нераздѣльную Троицу, живетъ и движется въ предѣлахъ земныхъ. На землѣ Церковь организовалась не сразу, а постепенно. Сначала во главѣ Церкви стоялъ ея основатель — Господь Іисусъ Христосъ. Онъ сказалъ апостоламъ: „Не вы Меня избрали, а Я васъ избралъ

---

*) Образованіе митрополичьихъ округовъ, помѣстные соборы, *безъ участія міранъ*, два раза въ годъ, въ сроки указанные Книгою Правилъ, и всероссійскіе соборы митрополитовъ. Синодъ, какъ Соборъ іерарховъ, Оберъ-Прокуратура, какъ министерство по дѣламъ Православной Церкви, вѣдающее ея государственныя функціи.

Н. Ж.

и поставилъ васъ“ (Іоан. 15, 16). Такимъ образомъ, *никакой соборности въ Церкви не было*, а была надъ Церковью единоличная власть Христа.

Послѣ Вознесенія Христова не сразу опредѣлилось, какъ будетъ управляться Церковь впредь.

Апостолы ожидали, что имъ недолго придется оставаться на землѣ, что скоро вновь явится Христосъ и вознесетъ ихъ съ собою на небо. Поэтому они жили съ минуты на минуту, въ постоянномъ страхѣ передъ жидами и въ напряженномъ ожиданіи вторичнаго явленія Христа. Только постепенно, мало по малу, эта напряженность ослабѣла, и жизнь предъявила свои будничныя требованія. Появились недоумѣнія среди вѣрующихъ, которыя нужно было разрѣшать. Естественно, управленіе Церковью *вылилось первоначально въ форму собора*. По вопросу объ обрѣзаніи язычниковъ — „апостолы и пресвитеры собрались для разсмотрѣнія сего дѣла“ (Дѣян. 15, 6).

Составъ собора, такимъ образомъ, былъ ограниченный: апостолы и пресвитеры. Изъ предшествующаго стиха 4-го какъ будто можно вывести заключеніе, что евангелистъ Лука, авторъ „Дѣяній“, называетъ церковью только апостоловъ и пресвитеровъ: „они (Павелъ, Варнава и пр.) были приняты церковью“, и въ объясненіе послѣдняго слова добавлено: „апостолами и пресвитерами“. Хотя, съ другой стороны, посланіе къ язычникамъ написано отъ имени апостоловъ, пресвитеровъ и *братій* (Дѣян. 15, 23), и послать Іуду и Силу делегатами къ язычникамъ, рѣшили апостолы и пресвитеры *со всею церковью*. (Дѣян. 15, 22). Тутъ есть нѣчто недостаточно отчетливое въ разсказѣ евангелиста Луки. Во всякомъ случаѣ, видно, что въ первоначальномъ христіанскомъ обществѣ придавалось значеніе не безсмысленной толпѣ, а людямъ почтеннымъ, апостоламъ, старикамъ, начальствующимъ между братьями, каковыми были Іуда и Сила (Дѣян. 15, 22).

Это самое важное указаніе слова Божія: *Церковь не можетъ управляться на началахъ демократическихъ; церковный соборъ долженъ складываться изъ людей, стоящихъ выше толпы...*“

Даже между апостолами наблюдается нѣкоторое первенство. Христосъ несомнѣнно выдѣлялъ Петра, отмѣчая его пламенную, хотя и неустойчивую вѣру.

Христосъ выдѣлялъ также апостола Іоанна Заведеева. Во время Тайной Вечери Іоаннъ „возлежалъ у груди Іисуса“ (Іоан. 13, 23). Іоанну поручилъ Іисусъ заботу о Матери, „и съ этого времени ученикъ сей взялъ Ее къ себѣ“ (Іоан. 19, 27).

Въ Іерусалимѣ, послѣ того, какъ апостолы разошлись для проповѣди, особенное значеніе получилъ апостолъ Іаковъ,

братъ Господень, къ которому собирались на совѣщанія: „На другой день Павелъ пришелъ съ нами (очевидно, тутъ былъ и разсказчикъ — ев. Лука) къ Іакову; пришли и всѣ пресвитеры“ (Дѣян. 21, 18).

Объ этихъ трехъ апостолахъ въ посланіи къ Галатамъ ап. Павелъ говоритъ, что они почитаются *столпами*: „Узнавъ о благодати, данной мнѣ, Іаковъ и Кифа (Петръ) и Іоаннъ, *почитаемые столпами*, подали мнѣ и Варнавѣ руку общенія“ (Галат. 2, 9).

Изъ сказаннаго мы видимъ, что въ древней Церкви были столпы, т. е. апостолы, стоявшіе выше другихъ.

Естественно, что потомъ и среди епископовъ, появились также *столпы*.

Ими стали епископы важнѣйшихъ городовъ, — митрополій. Значеніе города придавало свой особенный вѣсъ и его епископу. Натуральная потребность людей во власти привела къ тому, что епископы меньшихъ городовъ стали въ зависимость отъ епископовъ областныхъ — митрополитовъ.

Митрополиты стали на мѣсто столповъ временъ апостольскихъ. Собираніе къ нимъ на совѣщаніе епископовъ и пресвитеровъ являлось бы повтореніемъ собраній у ап. Іакова (Дѣян. 21, 18). Такимъ образомъ, намѣченныя въ 1916 г. церковныя реформы, дѣйствительно *стоятъ на почвѣ слова Божія* и Апостольскихъ правилъ.

Далѣе лежитъ для меня камень преткновенія. Какимъ образомъ помѣстные соборы пополнять свѣтскимъ элементомъ, мірянами? При нынѣшнемъ упадкѣ вѣры у меня постоянно является опасеніе, что на соборы будутъ попадать люди равнодушные, если не враждебные къ религіи, и соборы превратятся въ земскія собранія, гдѣ рѣшенія будутъ постановляться бездушнымъ большинствомъ хотя бы одного голоса, что мнѣ болѣе всего ненавистно въ вопросахъ религіозной совѣсти. Вѣроятно, тутъ долженъ быть примѣненъ какой-нибудь другой способъ рѣшеній; напр. послѣдовательныя голосованія до наступленія такого единомыслія, когда уже меньшинства не останется, а всѣ будутъ за одно — „едиными устами и единымъ сердцемъ“. Я не помню сейчасъ всѣхъ подробностей папскихъ выборовъ въ Римѣ, о которыхъ какой-то ученый сказалъ, что они — „самые совершенные въ мірѣ, но, кажется, въ основу ихъ положено единомысліе, что только и соотвѣтствуетъ духу христіанства...“

Съ VIII вѣка стало уже всѣми чувствоваться, что въ христіанствѣ нѣтъ единомыслія, что послѣдователей Христа нельзя уже узнавать по любви ихъ между собою (Іоан. 13, 35),

что на вселенскомъ соборѣ, если-бы онъ состоялся, повѣетъ духъ вражды, недовѣрія, даже ненависти.

Послѣ 7-го собора (787 г.) болѣе соборовъ не созывали.

Хомяковъ винитъ Римъ за то, что онъ откололся отъ общехристіанской любви, не захотѣлъ во имя единомыслія, общаго согласія, во имя любви, сообща рѣшать вопросы вѣры, а сталъ ихъ рѣшать самолично, proprio motu, ex sese.

Я думаю иначе. Въ Римѣ просто поняли, что при извѣстномъ настроеніи человѣческихъ душъ единомысліе невозможно, и что созывать соборъ во имя любви, когда ея явно нѣтъ, будетъ кощунствомъ, а потому папы приняли на себя рѣшеніе текущихъ вопросовъ вѣры по необходимости, но оперлись, на всякій случай, и на особыя прерогативы, якобы врученныя ап. Петру Христомъ.

Соборность опирается на одну фазу первобытной христіанской Церкви, а папизмъ на другую.

Дальнѣйшее развитіе обѣихъ тезъ лежитъ въ условіяхъ историческаго существованія христіанства. Если на Западѣ папизмъ привелъ къ реформаціи, кальвинизму, англиканству и пр., то и соборность на Востокѣ не привела къ единству, потому, что согласіе всѣхъ на добро, какъ было у древнихъ христіанъ, *замѣнилось согласіемъ большинства на зло...*"

... Положеніе русской Церкви отчаянное, особенно въ виду раздирающихъ ее несогласій, и я *прямо страдаю, не умѣя уяснить себѣ путей ея спасенія.*

Мнѣ писали также, что въ Сербіи православія нѣтъ. Недавно мнѣ прислали статью болгарскаго редактора Цанко Добруджаніева, въ которой онъ предлагаетъ болгарамъ спокойно вести *турко-фильскую* политику, единственно спасительную для болгарскаго народа. Въ статьѣ есть такіе выпады: „Ассимиляціи обѣихъ націй (т. е. болгаръ и турокъ) *помѣшало только христіанство — эта греческая дрянь,* распространенная греками и введенная въ Болгаріи царемъ Борисомъ I... Вся тогдашняя аристократія... была противъ введенія этой глупой религіи, отрицающей земную жизнь, парализующей развитіе культуры своимъ монашествомъ, и своими епитиміями мѣшающей размноженію (!) населенія." Мы, вѣрно, недалеко отъ того времени, о которомъ сказано: „Но Сынъ человѣческій, пришедши, найдетъ ли вѣру на землѣ?" (Лук. 18, 8).

Въ письмѣ отъ 1/14 Ноября 1925 г. А. С. еще опредѣленнѣе высказывается по данному вопросу, раскрывая шаткость основъ, на коихъ зиждется папство, утверждающееся между прочимъ и на 34-мъ Правилѣ Св. Апостолъ, изъ котораго и православные іерархи черпаютъ идею патріаршества, превратно толкуя это Правило, отождествляя старшаго въ

области епископа (окружнаго митрополита въ современномъ пониманіи) съ патріархомъ и присваивая ему права канонами не предусмотрѣнныя.

Вотъ что пишетъ А. С.:

„... Ежедневно наблюдая страшный и неуклонный натискъ польскаго католичества на слабое беззащитное православіе, отданныхъ большевиками Польшѣ русскихъ областей, я въ послѣднее время сосредоточилъ свою мысль на *апостолѣ Петрѣ*, преемниками котораго считаютъ себя римскіе папы, и хочу подѣлиться съ Вами своими наблюденіями.

Андрей, братъ Симона, былъ однимъ изъ двоихъ учениковъ Іоанна Крестителя, услышавшихъ отъ него слова объ Іисусѣ: „Вотъ Агнецъ Божій", послѣдовавшихъ за Іисусомъ въ его жилище и пробесѣдовавшихъ съ нимъ съ утра до вечера. Андрей нашелъ брата своего Симона и говоритъ ему: „Мы нашли Мессію", что въ переводѣ на греческій языкъ значитъ „Христосъ", т. е. Помазанникъ. Онъ провелъ его къ Іисусу. Іисусъ взглянулъ на него и сказалъ: „Ты — Симонъ, сынъ Іоны; ты долженъ называться Кифа", что въ переводѣ на греческій языкъ значитъ „Петръ", т. е. камень.

Вотъ какъ описываетъ Іоаннъ Богословъ[1]) первое знакомство Іисуса съ Симономъ. Важно отмѣтить, что Іисусъ прозвалъ Симона „Камнемъ" не послѣ продолжительнаго съ нимъ общенія, а подъ мгновеннымъ впечатлѣніемъ первой встрѣчи. Какой смыслъ могло имѣть это прозвище въ устахъ Іисуса: *похвальный* для Симона или *порицательный*? По моему мнѣнію *порицательный.*

Какъ знатокъ человѣческой души, безошибочно угадующій ея сокровеннѣйшія движенія и настроенія, Іисусъ по первому взгляду опредѣлилъ Симона, какъ человѣка увлекающагося, но непостояннаго. О людяхъ этого типа въ притчѣ о сѣятелѣ Іисусъ говорилъ: „слово, посѣянное на каменистомъ мѣстѣ (у Луки: упадшее *на камень*) означаетъ тѣхъ, которые, когда услышатъ слово, тотчасъ съ радостью принимаютъ его; но *не имѣютъ въ себѣ корня и непостоянны*: потомъ, когда настанетъ скорбь или гоненіе за слово, тотчасъ отрекаются (соблазняются)"[2]). Таковъ былъ Симонъ, и въ этомъ смыслѣ Іисусъ прозвалъ его „Камнемъ" и былъ въ опредѣленіи его душевныхъ качествъ вполнѣ правъ и точенъ, потому что, дѣйствительно, Симонъ быстро вспыхивалъ, легко увлекался, но въ немъ не было постоянства, и при первомъ же гоненіи за слово онъ трижды отрекся отъ Іисуса.

---

[1]) Іоан. 1, 35-42.

[2]) Марк. 4, 16-17.

Симонъ былъ женатъ. При немъ жила его теща, которую Іисусъ однажды исцѣлилъ отъ лихорадки[1]). Родомъ Симонъ и Андрей были изъ Виѳсаиды[2]), но проживали въ Капернаумѣ, повидимому, въ собственномъ домѣ. По роду занятій оба брата были рыбаки[3]). Они имѣли лодки и сѣти и промышляли рыбной ловлей на Генисаретскомъ озерѣ. Весьма возможно, что по ихъ настоянію Іисусъ поселился въ г. Капернаумѣ, когда ему пришлось покинуть Назаретъ вслѣдствіе непріязни къ нему тамошнихъ жителей[4]).

Пылкость Симона, склонность его къ увлеченіямъ — *не разъ отмѣчены въ Евангеліяхъ.* Послѣ чудесно-обильнаго улова рыбъ, по слову Іисуса, Симонъ такъ испугался и растерялся, что припалъ къ колѣнамъ Іисуса, говоря: „Выйди отъ меня, потому что я человѣкъ грѣшный". Іисусъ долженъ былъ его успокоить[5]).

Когда Іисусъ шелъ по водѣ къ лодкѣ, въ которой плыли по озеру его ученики, то послѣдніе приняли его за призракъ и испугались. Іисусъ ободрилъ ихъ, сказавъ: „это Я, не бойтесь". Съ обычною пылкостью Симонъ обратился къ нему: „Господи! если это Ты, повели мнѣ придти къ Тебѣ по водѣ". Онъ же сказалъ: „Иди". И, вышедши изъ лодки, Симонъ пошелъ по водѣ, чтобы подойти къ Іисусу. Но, видя сильный вѣтеръ, испугался и, начавъ утопать, закричалъ: „Господи! спаси меня". Іисусъ тотчасъ простеръ руку, поддержалъ его и говоритъ ему: „Маловѣрный! зачѣмъ ты усумнился"[6]).

На вопросъ Іисуса, за кого почитаютъ Его — ученики, Симонъ первый вырвался съ отвѣтомъ. „Ты — Мессія" (по гречески: Христосъ). Іисусъ запретилъ имъ, чтобы никому не говорили о Немъ. И началъ учить ихъ, что Сыну человѣческому много должно пострадать, быть отвержену старѣйшинами, первосвященниками и книжниками, и быть убиту, и въ третій день воскреснуть.

И говорилъ объ этомъ открыто. Пылкій Симонъ, которому не понравилось, что Іисусъ не признаетъ себя Мессіей, отозвалъ Его въ сторону и началъ прекословить. Іисусъ, отвернувшись отъ Симона и взглянувъ на учениковъ Своихъ, воспретилъ Симону продолжать этотъ разговоръ и сказалъ: „Отойди отъ меня, *сатана,* потому что ты думаешь не о томъ, что Божіе, но что человѣческое"[7]).

Во время Преображенія Іисуса склонный къ увлеченіямъ Симонъ, не зная, что сказать по поводу величественнаго ви-

---

[1]) Марк. 1, 29-31.
[2]) Іоан. 1, 44.
[3]) Марк. 1, 16.
[4]) Матѳ. 4, 13.
[5]) Лук. 5, 8-9.
[6]) Матѳ. 14, 28-31.
[7]) Марк. 8, 29-33.

дѣнія, вырвался со словами: „Равви! хорошо намъ здѣсь быть; сдѣлаемъ три кущи Тебѣ одну, Моисею одну, и одну Иліи". Увлеченіе Симона не было одобрено Іисусомъ, и когда они сходили съ горы, Іисусъ не велѣлъ никому разсказывать о томъ, что видѣли, доколѣ Сынъ человѣческій не воскреснетъ изъ мертвыхъ[1]).

При омовеніи ногъ опять проявились пылкость и несдержанность Симона. Іисусъ подошелъ къ Симону, и тотъ говоритъ Ему: „Господи! Тебѣ ли умывать мои ноги?" Іисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: „Что Я дѣлаю, теперь ты не знаешь, а уразумѣешь послѣ". Симонъ возражаетъ Ему: „Не умоешь ногъ моихъ вовѣкъ". Іисусъ отвѣчалъ ему: „Если не умою тебя, не имѣешь части со Мною". Симонъ впадаетъ въ преувеличеніе: „Господи! не только ноги мои, но и руки и голову". Іисусъ говоритъ ему: „Омытому нужно только ноги умыть, потому что чистъ весь[2]).

Когда въ прощальной бесѣдѣ Іисусъ объяснялъ ученикамъ, что они не могутъ слѣдовать за нимъ туда, куда Онъ идетъ, Симонъ не удержался, чтобы не спросить: „Господи! почему я не могу идти за Тобою теперь?" Не соразмѣряя своихъ душевныхъ силъ, онъ добавилъ еще: „Я душу свою положу за Тебя". Зная пылкость, но и *непостоянство* Симона, Іисусъ отвѣчалъ ему: „Душу твою за Меня положишь? Истинно, истинно говорю тебѣ: не пропоетъ пѣтухъ, какъ отречешься отъ Меня трижды". Такъ это, дѣйствительно, и случилось во дворѣ при домѣ первосвященника[3]).

Хотя ап. Павелъ былъ личнымъ врагомъ и соперникомъ ап. Петра, и можно было бы заподозрить, что его отзывы объ ап. Петрѣ — пристрастны, однако они вполнѣ совпадаютъ съ оцѣнкою Симона Іисусомъ Христомъ. Въ посланіи къ Галатамъ ап. Павелъ упрекаетъ ап. Петра за то же непостоянство и неимѣніе „корня", какія отмѣчены Іисусомъ Христомъ въ прозваніи Симона „Камнемъ", невоспріимчивымъ къ твердому и устойчивому усвоенію „слова".

Въ Антіохіи ап. Петръ жилъ по-язычески и ѣлъ вмѣстѣ съ язычниками до тѣхъ поръ, пока не пришли изъ Іерусалима іудействующіе христіане, приверженцы Іакова, брата Господня; а когда тѣ пришли, сталъ таиться и устраняться, опасаясь обрѣзанныхъ. Ап. Павелъ сказалъ Симону при всѣхъ: „Если ты, будучи іудеемъ (по религіи), живешь по-язычески, а не по-іудейски, то для чего язычниковъ принуждаешь жить по-іудейски"[4]).

---

[1]) Марк. 9, 5-9.
[2]) Іоан. 13, 6-10.
[3]) Іоан. 13, 36-38.
[4]) Галат. 1, 11-14.

Приведенные факты изъ евангельской исторіи заставляютъ насъ прійти къ убѣжденію, что Іисусъ Христосъ при жизни невысоко оцѣнивалъ шаткаго Симона, котораго однажды въ раздраженіи назвалъ „сатаной", и что *психологически* невозможно, чтобы онъ назначилъ его своимъ „намѣстникомъ" на землѣ, какъ думаютъ католики. Только позднѣе, когда Римскіе епископы стали притязать на вселенскую власть надъ христіанами и искали историческихъ подкрѣпленій для своихъ притязаній, не только былъ извращенъ смыслъ даннаго Іисусомъ Симону прозвища „Камень", изъ порицательнаго оно было истолковано въ похвальное, т. е. Симону приписана была мнимая каменная твердость въ исповѣданіи ученія Христова вмѣсто тѣхъ непостоянствъ и шаткости, какія прозрѣвалъ въ немъ Іисусъ, но и *присочинены были* соотвѣтствующія римскимъ притязаніямъ якобы слова Христовы, вставленныя въ позднѣйшія по времени написанія евангелія отъ Матѳея (написано между 75 и 100 г. по Р. Хр.) и отъ Іоанна (написано послѣ 110 г. по Р. Хр.). Я имѣю въ виду Матѳ. 16, 17-19 и Іоанна 21, 15-17. Эти словеса настолько противорѣчатъ общему духу и тону рѣчей Іисуса, что ихъ *нельзя не признать поддѣльными.* Особенно грубой поддѣлкой представляются мнѣ стихи 18 и 19 главы 16-ой Евангелія отъ Матѳея.

Въ стихѣ 18-мъ все чуждо Іисусу.

Во-первыхъ, Симона, сына Іонина, Іисусъ прозвалъ „Камнемъ" въ смыслѣ плохой воспріимчивости къ преподаваемому ему ученію, въ смыслѣ его непостоянства, пылкости и шаткости, а въ стихѣ 18-мъ у Симона подразумѣваются обратныя душевныя свойства: постоянство, уравновѣшенность и твердость исповѣдуемыхъ убѣжденій.

Во-вторыхъ, Іисусъ не задавался цѣлью создать Церковь, какъ государственное учрежденіе съ монархомъ — Римскимъ папою во главѣ, а, напротивъ, проповѣдывалъ внутреннее перерожденіе человѣческой души („царствіе Божіе внутри васъ") и обѣщалъ своимъ послѣдователямъ, что если гдѣ двое или трое объединятся во имя Его для общей молитвы Отцу небесному, то тамъ и Онъ будетъ посреди ихъ[1]).

Въ-третьихъ, заимствованное изъ древне-греческой миѳологіи представленіе о жилищѣ мертвыхъ *Аидѣ* или *Адѣ* (ἅδης)[2]), окруженномъ стѣнами съ пропускающими вовнутрь воротами, не могло принадлежать Іисусу. По существу Іисусъ ошибался бы, если бы полагалъ, что Церковь, какъ земная

[1]) Матѳ. 18, 19-20.

[2]) Въ „Иліадѣ" Гомера уже говорится, что души павшихъ подъ Троей ахайцевъ идутъ въ *Аидъ (Адъ),* а тѣла поѣдаются собаками и расклевываются птицами.

организація, неразрушима. Примѣръ Русской Церкви показываетъ, что разрушить Церковь, какъ всякую иную земную организацію, вполнѣ возможно. Можно уничтожить и папство. Вѣчно только божественное ученіе Спасителя, и эту вѣчность своего ученія Онъ утверждалъ гораздо сильнѣе, чѣмъ въ стихѣ 18-мъ, но только въ другихъ выраженіяхъ: „Небо и земля прейдутъ; но слова Мои не прейдутъ“ (Марк. 13, 31.).

Стихъ 19-ый: „И дамъ тебѣ ключи царства небеснаго; и что свяжешь на землѣ, то будетъ связано на небесахъ; и что разрѣшишь на землѣ, то будетъ разрѣшено на небесахъ“ — это ничто иное, какъ кощунственно возведенный къ Іисусу Христу ложный догматъ папской непогрѣшимости.

Все это я написалъ Вамъ для того, чтобы еще разъ показать, на какихъ слабыхъ основаніяхъ стоятъ притязанія Римскихъ папъ быть едиными пастырями стада Христова. Вы вполнѣ правы, говоря, „что *папство не имѣетъ каноническихъ обоснованій, какъ не имѣетъ его и патріаршество*“. Какъ ни бунтовали наши іерархи, но всего нормальнѣе могла бы быть устроена земная христіанская Церковь въ „покойной“ Россіи, если бы не запоздали съ преобразованіями: соборъ епископовъ, ктиторъ — Государь, областные митрополиты и оберъ-прокуратура, освобождающая іерарховъ отъ возни съ житейской пошлостью и грязью.

Не думайте, что допускать позднѣйшія умышленныя вставки въ текстъ евангелія — есть нѣчто еретическое. Мы не только не имѣемъ автографовъ евангелистовъ, но не имѣемъ даже копій съ копій, которыя были бы болѣе или менѣе близки ко времени написанія евангелій (между 70 и 110 г.г. по Р. Хр.). Древнѣйшая рукопись греческаго текста евангелій относится къ IV-V вѣку по Р. Хр... Въ продолженіе какихъ-нибудь 350-400 лѣтъ изъ поколѣнія въ поколѣніе безъ всякаго контроля переписывались священные тексты, и переписчики безпрепятственно вносили въ нихъ дополненія и измѣненія въ связи съ своими вѣрованіями и понятіями.

Только послѣ 4-го Вселенскаго Собора (451) былъ установленъ сколько нибудь единообразный текстъ книгъ Новаго Завѣта и былъ ограниченъ произволъ переписчиковъ. Полное единообразіе достигнуто было только послѣ введенія книгопечатанія. Критическая работа надъ разноязычными древнѣйшими новозавѣтными рукописями и выясненіе всѣхъ интерполяцій (вставокъ), разночтеній, ошибокъ и описокъ — это уже заслуга новѣйшей богословской, преимущественно — нѣмецкой, науки XIX и XX вѣка. Когда „Духъ Истины“, о которомъ говорилъ Іисусъ Христосъ „не могущимъ вмѣстить“ ученикамъ (Іоан. 14, 16-17 и 16, 13), проникаетъ въ головы

служителей офиціальныхъ церквей, то выводы науки войдутъ и въ церковный обиходъ. Этотъ „Духъ Истины“ не только не умалитъ Іисуса Христа, но прославитъ Его, потому что представитъ Его ученіе во всей его чистотѣ и во всемъ его неземномъ величіи...“

Совершенно очевидно, что ни папство, ни патріаршество не имѣютъ каноническихъ обоснованій и что самая идея рождена вѣрою не въ силу Божію, а въ силу человѣческую... Въ дальнѣйшемъ читатель увидитъ во что превратило папство католическую церковь, какъ параллельно съ ростомъ внѣшняго могущества католическаго церковнаго аппарата и его совершенствомъ понижалось религіозное чувство и ослабѣвала вѣра... Мистическій центръ религіознаго сознанія былъ перенесенъ въ другое мѣсто. Дѣтское довѣріе къ Богу, чистота, кротость и смиреніе, — эта сила творящая чудеса, уступила свое мѣсто гордости и власти, и многовѣтвистое древо католической церкви, покрывшее своими вѣтвями почти весь міръ, перестало давать плоды...

Не ждалъ я ничего и отъ русскаго патріаршества... Наоборотъ, я опасался, что въ условіяхъ русской дѣйствительности, безъ Царя, патріаршество только скомпрометируетъ себя...

Дѣйствительность оказалась безжалостнѣе самыхъ мрачныхъ, сокровенныхъ предположеній... И что́ бы ни говорилось и ни писалось по поводу того, что, несмотря на гоненія и преслѣдованія, Православная Церковь въ Россіи не только не разрушилась, а, наоборотъ, духовно возродилась и окрѣпла, но такія утвержденія не соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

Не разрушилось лишь то, что и не могло разрушиться, что не подлежитъ никакимъ человѣческимъ вліяніямъ, что не поддается и натиску сатанинскихъ силъ, предъ чѣмъ безсиленъ и самъ діаволъ, — не разрушилась Церковь, *какъ Божественное установленіе*, но Православная Церковь, *какъ земная организація* — уничтожена, и въ этомъ мы убѣдимся изъ послѣдующаго изложенія“.

ГЛАВА 41.

Гоненія на Церковь.

Правда сильнѣе лжи и нѣтъ ничего, что бы могло укрыть ее, тѣмъ болѣе побѣдить. Какъ ни изощряется совѣтская цензура, не только не пропускающая правды за предѣлы Россіи,

но и подмѣнивающая правду сознательною ложью, однако всѣ эти попытки не достигаютъ цѣли. Правда находитъ пути чрезъ которые пробивается наружу и громко говоритъ о себѣ... И не ея вина, если ей не вѣрятъ...

Вотъ нѣсколько свидѣтельствъ гоненія на Церковь, заимствованныхъ изъ частныхъ писемъ и офиціальныхъ сообщеній прессы:

„... въ Совдепіи теперь страшное гоненіе на Церковь... Возвратились времена Юліана отступника или иконоборчества. Въ руку гонителямъ играютъ расколы. Въ Кіевѣ образовалась новая раскольническая церковь — украинская. Украинцы (свѣтскіе) въ прошломъ октябрѣ (1921 г.) собрались толпою и „рукоположили“ митрополитомъ священника съ Соломенки*) Василія Липковскаго, а онъ сталъ рукополагать епископовъ „безъ монашескаго стажа“.

Появилось, такимъ образомъ, двѣ іерархіи: православная и украинская. Епископовъ украинскихъ набрали очень много изъ свѣтскихъ, женатыхъ; они ходятъ въ штатскомъ платьѣ, стригутся. Епископы рукополагаютъ священниковъ, себѣ подобныхъ. Послѣдніе ведутъ отчаянную борьбу за приходы съ прежними священниками. Смута невѣроятная, и все ширится. Украинцы захватили Софійскій соборъ, Андреевскую церковь, Военный соборъ на Печерскѣ, Ильинскую церковь на Безаковской улицѣ, Петропавловскую на Подолѣ. Предержащая еврейская власть имъ покровительствуетъ по понятнымъ причинамъ... Епископъ Алексѣй — въ тюрьмѣ. Въ будущемъ трудно ожидать скораго успокоенія... Церковное служеніе на украинской мовѣ производитъ крайне непріятное впечатлѣніе... У украинцевъ славянскій языкъ изгнанъ совсѣмъ, вся служба въ „перекладѣ“. Поэтому нелѣпыя слова и обороты на каждомъ шагу рѣжутъ ухо... Въ Москвѣ смута еще острѣе, чѣмъ въ Кіевѣ. Во главѣ раскола стоитъ растриженный епископъ Антонинъ (Грановскій)“... (19 Іюля 1922 г.)

„... Вы, конечно, знаете, что, напр., мощи святыхъ свезены со всей Россіи въ Москву, въ видѣ анатомическаго матеріала и помѣщены въ Музеѣ Комиссаріата народнаго здравія (здравкома, по большевически) на Петровкѣ № 15. Туда попали и мощи Святителя Іоасафа. Кіевскихъ мощей еще не трогали въ виду заигрыванія съ украинцами, образовавшими особую коммунистическую церковь. Съ весны сего года, когда понадобились церковныя цѣнности, гоненіе на православіе приняло усиленные размѣры...“ (10 Сент. 1922 г.)

---

*) Предмѣстье г. Кіева.

„... На православную Церковь обрушился сатанизмъ въ лицѣ большевиковъ... Мы слабы и разбиты... И. д. Митрополита Кіевскаго, патріаршій экзархъ, безвластенъ и безгласенъ. Жиды — правители Кіева. Гамарникъ, Лившицъ и Михайликъ — играютъ имъ, какъ пѣшкой, помыкаютъ, какъ помеломъ, и онъ обязанъ являться къ нимъ по первому вызову. Громадную, но весьма вредную роль въ епархіальномъ совѣтѣ играетъ протоіерей Гроссу, оппортунистъ, приспособляющійся къ большевичеству. Экзархъ дѣйствуетъ всецѣло по его указаніямъ. Юрисконсультомъ епархіальнаго совѣта состоитъ жидъ, который сносится съ большевической властью и даетъ кому нужно взятки. Съ помощью взятокъ епархіальный совѣтъ получилъ обратно въ свое вѣдѣніе соціализированный свѣчной заводъ. Митрополитъ прошлой осенью далъ подписку, что священники не будутъ ни крестить, ни вѣнчать, ни хоронить безъ предварительнаго разрѣшенія большевической власти. Своей системой гражданскихъ браковъ и разводовъ большевики совершенно разрушили христіанскую семью. Преподаваніе Закона Божія лицамъ моложе 18 лѣтъ воспрещено подъ строжайшей отвѣтственностью. *Такимъ образомъ, весь школьный возрастъ изъятъ изъ подъ вліянія религіи.* Церковныя цѣнности заграблены, при чемъ не остановились даже предъ разбитіемъ окованнаго серебромъ престола Владимірскаго собора. Храмъ пришлось переосвящать... Я былъ членомъ помѣстнаго собора въ Кіевѣ въ 1918 г. и вынесъ крайне тяжелое впечатлѣніе. На соборѣ вѣяло злымъ духомъ ненависти и вражды. Украинцы прямо бѣшенствовали. А мы, вѣдь собрались во Имя Христа, Который сказалъ: „Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ, такъ и вы да любите другъ друга“ (Іоан. 13,34).

Я до сихъ поръ *прихожу въ ужасъ, когда вспомню этотъ соборъ.* Я опасаюсь, что *безъ православнаго монарха*, при соборномъ строѣ, *наша Церковь разсыпется* и появится столько церквей, сколько будетъ помѣстныхъ соборовъ. Отчасти это наблюдается и теперь. На развалинахъ русской Церкви, кромѣ безчисленныхъ сектъ, до жидовствующихъ включительно, мы имѣемъ: старообрядческую, единовѣрческую, никоніанскую, живую, красную якобы „древне-апостольскую“ и украинскую церковь. Итого уже шесть! Что же будетъ дальше?!...“ (8 Ноября 1922 г.).

„...*Политика губитъ Церковь съ тѣхъ поръ, какъ она лишилась опоры въ самодержавіи православнаго царя.* Надъ могилою убитаго митрополита Варшавскаго идетъ уже отчаянная грызня партій изъ за того, быть ли одному православному митрополиту въ Польшѣ для всѣхъ, или тремъ: рус-

скому, украинскому и бѣлорусскому; если одному, то кто долженъ занять каѳедру: русскій, украинецъ или бѣлоруссъ. Вы поймите, до чего помутилось русское народное самосознаніе: украинцы и бѣлоруссы уже не считаютъ себя русскими"... (26 Февраля 1923 г.).

„... Посылаю Вамъ вырѣзку изъ газеты „Волынское Слово", отъ 13 Марта н. ст., относительно религіозной жизни въ Москвѣ. Въ ней интересенъ штрихъ, рисующій отсутствіе *собирательной воли* у русскаго народа, какъ и вообще у всякаго народа... Гоненія на Церковь продолжаются. Подверглись преслѣдованіямъ и католики. Преданы трибуналу и вывезены въ Москву всѣ петербургскіе ксендзы съ бискупомъ Цеплякомъ во главѣ. Среди ксендзовъ — *Ивановъ и Федоровъ.* Католицизмъ захватываетъ и чисто русскихъ людей. Это знаменательно!.." (2/15 Марта 1923 г.).

Упоминаемая въ письмѣ газетная вырѣзка до того кощунственна, полна такими ужасными глумленіями и издѣвательствами надъ святынею, что я не рѣшаюсь ее приводить въ своей книгѣ.

Перехожу къ дальнѣйшему изложенію писемъ:

„... Получилъ изъ Кіева нѣкоторыя свѣдѣнія о тамошнихъ церковныхъ дѣлахъ. Экзархъ „Украины", и. д. кіевскаго митрополита былъ арестованъ за противодѣйствіе „Живой Церкви" и высланъ на жительство въ Архангельскую губернію. Его мѣсто занялъ сторонникъ „Живой Церкви" Тихонъ изъ Воронежа. Въ рукахъ „живоцерковниковъ" — все епархіальное управленіе. Изъ кіевскихъ викарныхъ епископовъ три (Василій, Дмитрій и Назарій) сидятъ пока на своихъ мѣстахъ, а четвертый, Никодимъ, жившій въ Михайловскомъ монастырѣ, — заключенъ въ тюрьму на восемь лѣтъ. Екатеринославскій епископъ Агапитъ сначала примкнулъ было къ „Живой Церкви" и возстановленъ былъ на каѳедрѣ, но потомъ чѣмъ то провинился противъ „власти" и былъ заключенъ въ тюрьму. Освобожденный, въ виду тяжелой болѣзни, онъ скоро умеръ, покаявшись въ томъ, что поддался соблазну „Живой Церкви". (26 Марта 1923 г.).

„... Часто попадаются газетныя свѣдѣнія о необычайномъ распространеніи сектантства въ Россіи, въ связи съ разгромомъ православной Церкви. Энергичную работу по совращенію ведутъ молокане, баптисты, ново- и старо-израилевцы, хлысты и пр. Большевическая печать признаетъ, что борьба съ религіозными сектами еще труднѣе, чѣмъ съ офиціальною церковью"... (23 Мая 1923 г.).

„... Я уже упоминалъ о католическомъ еженедѣльникѣ „Lud Boży", издающемся въ Луцкѣ при епископской каѳедрѣ.

Почти въ каждомъ номерѣ его помѣщаются отрывки изъ писемъ, посылаемыхъ изъ Большевіи. Изъ страха мести со стороны жидовской власти не называются ни лица, обращающіяся съ письмами, ни мѣстности, откуда поступаютъ письма. Сообщаются только факты и мысли. Свѣдѣнія очень интересныя, которыя не попадаются въ обыкновенныхъ газетахъ. Одинъ ксендзъ пишетъ: „О Боже, Боже Великій, что же это дѣлается, наконецъ, въ православной Церкви, *когда не стало царя и синода!* О „живой церкви“ столько можно было бы разсказать, но боюсь писать... „Украинская церковь“ — священники и міряне рукоположили архіереевъ и вотъ готова цѣлая духовная іерархія. Но изъ этой невѣроятной бѣды вытечетъ, кажется, благое дѣло Божіе — соединеніе церквей. Ахъ, какъ льнутъ къ намъ! Лучшіе представители православнаго духовенства публично выражаютъ свое восхищеніе и преклоненіе предъ католическою церковью“... (№ 4, отъ 22 Апрѣля). Другой ксендзъ пишетъ: „Я уже въ преклонномъ возрастѣ, болѣе десяти лѣтъ исполняю обязанности настоятеля въ приходѣ. До заключенія мира у меня было 3000 прихожанъ. Теперь въ приходѣ не наберется и 800 душъ. Вслѣдствіе обремененія всяческими повинностями и налогами, прихожане мои совершенно обнищали. Я самъ остался безъ всякихъ средствъ къ жизни, не имѣю куска хлѣба и не въ состояніи уплачивать государственныхъ податей, которыя валятся на меня со всѣхъ сторонъ. Хотя я не имѣю ни ступня пахотной земли, тѣмъ не менѣе, угрожаемый арестомъ, я долженъ былъ купить 10 пуд. и 25 фунт. ржи, чтобы внести „продналогъ“. Но этимъ не кончилось несчастіе. Мѣстный „Исполкомъ“ задумалъ въ 24 часа выбросить меня изъ квартиры, и мнѣ стоило много здоровья и расходовъ, чтобы хотя на время отсрочить эту затѣю. Потомъ опять сорвали съ меня и всего католическаго комитета 150 милліоновъ „штрафа“ за регистрацію костела, угрожая арестомъ. Подъ терроромъ я долженъ былъ заплатить за приходскую усадьбу — 85 милліоновъ и за регистрацію меня лично — 40 милліоновъ. За обязательную страховку костела, колокольни, приходскаго дома и всего костельнаго имущества мы заплатили 3.262.000.000 совѣтскихъ рублей. Потомъ является финансовый агентъ съ газетою въ рукахъ и показываетъ мнѣ распоряженіе, по которому я, какъ священникъ, обязанъ взнести 200 милліоновъ налога за патентъ на право совершать богослуженіе въ костелѣ, онъ требуетъ немедленной уплаты этого налога подъ угрозою ареста и другихъ наказаній. Сегодня опять новая пытка: пришли брать на учетъ и описывать мою мебель, изъ которой нѣсколько предметовъ уцѣлѣло послѣ разгрома

плебаніи (приходскаго дома). Самоволіе мелкихъ агентовъ власти доходитъ до того, что въ то время, когда я сидѣлъ за столомъ и обѣдалъ, изъ подъ меня вырвали стулъ и забрали въ „сельсовѣтъ". Не хватаетъ силъ выносить всѣ эти вымогательства и преслѣдованія"... (№ 7, отъ 13 Мая). Третій ксендзъ говоритъ слѣдующее: „Православіе начинаетъ терять почву подъ ногами. Украинская церковь отдѣлилась отъ московской. Въ Кіевѣ „громада" изъ міорянъ и священниковъ выбрала митрополита Липковскаго. Они нарушаютъ каноны, уставы, служатъ на украинской мовѣ — однимъ словомъ *не стало царя, не стало и единства*: они должны будутъ погибнуть... „Совѣты" пользуются раздѣленіемъ и, угнетая церковь, все болѣе усиливаются. Что касается православнаго народа, то почти вся молодежь совершенно утратила всякую религію. Богослуженіе въ церквахъ посѣщаютъ только старики. Ихъ храмы свѣтятъ пустками, а нашъ костелъ переполненъ тысячами людей, изъ которыхъ половина православныхъ. Большевики бѣшенствуютъ, не умѣя объяснить себѣ такого необыкновеннаго явленія. Они убѣдились, что съ нашимъ костеломъ труднѣе имъ воевать, чѣмъ съ церковью. Великая жатва открывается теперь для Католической церкви. Дайте только сюда самоотверженныхъ, благочестивыхъ священниковъ и миссіонеровъ, и Христова овчарня умножится. Наши передовые посты въ страшной опасности. Если мы уступимъ, тогда все погибнетъ. Нужно бороться хотя бы до послѣдняго издыханія"... (№ 10, отъ 3 Іюня).

Всѣ вообще ксендзы жалуются на невѣроятныя преслѣдованія христіанства со стороны большевиковъ. „Кажется, и самъ сатана не могъ бы измыслить такой утонченной жестокости, такихъ подвоховъ и издѣвательствъ, какіе примѣняютъ большевики по отношенію къ духовенству, какъ западнаго, такъ и восточнаго исповѣданія. Нѣтъ минуты спокойной — постоянно виситъ надъ головой священника опасность то ареста, то подвоха, то, наконецъ, изгнанія изъ квартиры на улицу"... (№ 12, отъ 17 Іюня).

Однако ксендзы бодры духомъ, считаютъ себя воинами Христа, не думаютъ сдаваться и ждутъ мученическихъ вѣнцовъ. На меня эти письма произвели большое впечатлѣніе, и я рѣшилъ привести для Васъ извлеченія изъ нихъ. Это не Антонины и Владиміры Путяты! Что Вы скажете на это?!.." (№ 15, отъ 8 Іюля 1923 г.).

Таковы данныя, заимствованныя изъ частныхъ писемъ. Добавляю къ нимъ въ хронологическомъ порядкѣ еще нѣсколько журнальныхъ и газетныхъ выписокъ.

Въ „Еженедѣльникѣ Высшаго Монархическаго Совѣта“ читаемъ:

„Въ Петроградѣ, какъ и во всей Россіи, закрыты синодальныя и монастырскія типографіи, при чемъ уничтоженъ церковно-славянскій шрифтъ, вслѣдствіе чего церковь лишена возможности печатать церковныя книги“. (9 Октяб. 1921 г., № 9).

„Въ Петроградѣ снова запрещены крестные ходы и видные пастыри арестованы. Для охраны церковнаго имущества всюду организованы такъ называемые коллективы вѣрующихъ. Всѣ храмы, подворья и часовни, гдѣ такихъ коллективовъ нѣтъ, закрываются“. (Тамъ же).

„Въ Москвѣ со стороны властей идетъ сильное гоненіе на Церковь. Имя Божіе хулится, мощи святыхъ угодниковъ выбрасываются, и предъ ними совершаютъ кощунства. Въ Троицко-Сергіевской лаврѣ настоятель и вся братія разогнаны“. (Тамъ-же).

„Петербургская Правда“ сообщаетъ, что къ началу 1921 года совѣтами было разграблено 673 монастыря, отнято у нихъ 827 тысячъ десятинъ земли, изъято 4 милліарда рублей. Кромѣ всего перечисленнаго, было національзировано 84 завода, 436 фермъ, 602 скотныхъ двора, 1112 доходныхъ домовъ, 704 подворья, 304 пасѣкъ, 277 больницъ и пріютовъ“. (12 Декабря, 1921 г., № 20).

„Большевики уже не скрываютъ, что на почвѣ отобранія драгоцѣнностей изъ церквей въ Россіи разгорается упорная борьба... Русская Православная Церковь входитъ въ новую полосу гоненій со стороны палачей Россіи. Нападки большевиковъ, по началу осторожные, прямо направляются на патріарха... На мѣстахъ назначены спеціальные комиссары, вѣдающіе отобраніемъ цѣнностей; въ своемъ донесеніи изъ Кіева комиссаръ Серафимовъ, поставленный во главѣ этого дѣла, доноситъ, что при осмотрѣ ризницы Кіево-Печерской Лавры имъ обнаружены среди прочихъ сокровищъ двѣ митры, оцѣненныя въ 70-мъ году въ 50 милліоновъ рублей... Безпорядки на почвѣ отобранія изъ церквей утвари и драгоцѣнностей продолжаются. Учащаются случаи столкновеній безоружной толпы съ вооруженными отрядами Чека. Въ Петроградѣ прихожанами устроено дежурство около Александро-Невской Лавры и нѣкоторыхъ церквей, дабы предупреждать набатнымъ звономъ прихожанъ о приближеніи красныхъ грабителей. Особенно напряженнымъ стало положеніе послѣ устроеннаго ночью ограбленія Казанскаго собора“. (10 Апрѣля 1922 г., № 36).

„Въ одномъ изъ магазиновъ еврейскихъ улицъ Перы, русскіе евреи братья Меримскіе откупили оконную выставку

и выставили на продажу скупленную ими у внѣшторга большевиковъ церковную утварь: чаши, дарохранительницы, потири, лжицы, ризы и пр... Итальянскій офицеръ контрольнаго пункта, осматривающій прибывающіе изъ Россіи пароходы, сообщаетъ, что онъ лично видѣлъ ящики набитые серебряной и золотой церковной утварью: чашами, дискосами, углами евангелій, крестами и пр., наложенными въ спѣшкѣ кое какъ, причемъ по оставшимся слѣдамъ можно съ увѣренностью сказать, что для большей вмѣстимости они *уминались ногами*. Въ Нарвѣ арестованъ эстонскій дипломатическій курьеръ, пытавшійся провезти черезъ границу скупленное имъ у спекулянтовъ серебро „изъятое" изъ церквей". (24 Апрѣля 1922 г., № 38).

„Печатаемъ ниже свѣдѣнія почерпнутыя въ письмахъ изъ Россіи и относящіяся ко времени Пасхальной недѣли. Нашъ корреспондентъ пишетъ:

„Терроръ свирѣпствуетъ во всю и главнымъ образомъ направленъ противъ священнослужителей и всѣхъ близко стоящихъ къ Церкви. Священниковъ арестовано огромное число въ связи съ обобраніемъ церквей. Всѣ они томятся въ чрезвычайкахъ и тюрьмахъ и судьба ихъ неизвѣстна, или скорѣе сказать слишкомъ извѣстна. Гоненіе на Церковь производится открыто. Большевики стараются подорвать послѣднюю основу русскаго народа и его силу — Церковь. Изъ церквей забрали все, что можетъ такъ или иначе представить цѣнность на международномъ рынкѣ: всѣ ризы съ иконъ, всѣ священные сосуды, паникадила, подсвѣчники, лампады, иконы — цѣнныя какъ историческія или художественныя произведенія и т. д. По выраженію авторовъ писемъ, больно смотрѣть на наши церкви, гдѣ нѣкогда все блистало, сверкало и горѣло, теперь онѣ погружены во мракъ, съ кое-гдѣ только-только сохранившимися ликами святыхъ, съ болью и упрекомъ смотрящими на то, что творятъ руки человѣческія.

Весь міръ и прежде всего весь христіанскій міръ долженъ былъ бы протестовать противъ такого поруганія святынь.

Мало было большевикамъ убивать матеріально русскій народъ, довести его до ужасовъ голода, болѣзней, погромовъ, побоищъ, чрезвычаекъ — они взялись теперь за его душу, за его вѣру — за Церковь. Мало имъ было убить нѣсколько десятковъ епископовъ и нѣсколько сотенъ священниковъ — они хотятъ ихъ *всѣхъ* уничтожить.

Въ письмахъ пишутъ: „Священниковъ арестовано множество" — такъ значитъ ужъ дѣйствительно тысячи, вѣдь въ Совдепіи никого не удивишь арестами или убійствами. Повторяемъ, недопустимо, чтобы на Западѣ весь христіанскій

міръ не заявилъ громко своего протеста противъ такого кощунства и поруганія Христіанской Вѣры, не говоря уже о гибели столькихъ невинныхъ жертвъ — пастырей церкви, стойко принимающихъ свой мученическій вѣнецъ". (1 Мая 1922 г., № 39).

„Какъ образчикъ наглыхъ выходокъ, которыя себѣ позволяютъ коммунисты по отношенію Церкви, приводимъ выдержку изъ газеты „Власть Совѣтовъ", въ слѣдующихъ злобныхъ выраженіяхъ шипящей на то, что рабочіе не пожелали работать въ одинъ изъ двунадесятыхъ праздниковъ:

„Сегодняшній номеръ газеты выходитъ въ уменьшенномъ размѣрѣ, такъ какъ часть рабочихъ вчера праздновала. Какой позоръ! Рабочіе праздновали этотъ поповскій праздникъ, праздникъ обманщиковъ монаховъ, купцовъ, лабазниковъ и прочихъ тунеядцевъ... Позоръ тѣмъ, кто вчера, вмѣсто того, чтобы упорнымъ трудомъ продолжать постройку великаго зданія пролетарскаго государства, отвѣшивалъ поклоны деревяннымъ, мѣднымъ и серебрянымъ идоламъ, позоръ тѣмъ, кто вчера, вмѣсто стука и гула станковъ и машинъ, слушали протяжный вой лицемѣрныхъ поповъ." (15 Мая 1922 г., № 41).

„Вѣсти одна ужаснѣе другой приходятъ о положеніи Православной Церкви въ Россіи. Гоненіе на Православную Церковь открылось съ самаго начала побѣдоноснаго водворенія въ Древнемъ Священномъ Кремлѣ правительства Ленина, Бронштейна-Троцкаго и всѣхъ его соплеменниковъ, нажимая какъ винтомъ все крѣпче и крѣпче: закрытіе Московскаго Кремля для доступа богомольцевъ, закрытіе всѣхъ домовыхъ церквей и многихъ монастырей, запрещеніе преподаванія Закона Божьяго въ школахъ, отобраніе церковныхъ имуществъ и грубое, полное жестокой ненависти отношеніе къ представителямъ православнаго духовенства, изъ которыхъ многіе запечатлѣли мученической смертью свое исповѣданіе вѣры. Звѣрски убиты и разстрѣляны 28 православныхъ епископовъ и нѣсколько тысячъ священниковъ, клириковъ и монашествующихъ. Въ текущемъ году (1922) гоненіе усиливается и пріобрѣтаетъ новыя формы. Подъ предлогомъ найти средства будто бы, на помощь голодающему населенію, три мѣсяца тому назадъ послѣдовалъ декретъ объ отобраніи изо всѣхъ церквей и монастырей всѣхъ драгоцѣнныхъ украшеній и цѣнностей. По свѣдѣніямъ, помѣщеннымъ въ совѣтскихъ изданіяхъ, *по 15 Мая*, въ финансовые отдѣлы 48 губерній поступили слѣдующія изъятыя изъ церквей цѣнности: золота — 700 пудовъ, серебра — 9.500 пудовъ, брилліантовъ — 8.000 штукъ, жемчуга — 48 фунтовъ, драгоцѣнныхъ камней — 80.000 штукъ. Но и этого оказалось недостаточнымъ. Въ изданномъ имъ

всенародномъ посланіи Святѣйшій Патріархъ объявилъ, что Церковь готова пожертвовать всѣми своими цѣнностями, за исключеніемъ только священныхъ сосудовъ, назначенныхъ для совершенія Таинства Евхаристіи, и ставилъ единственнымъ условіемъ, чтобы направленіе церковныхъ цѣнностей шло подъ контролемъ Церкви. Это справедливое требованіе было отвергнуто и повсемѣстно производится насильственное отобраніе не только церковныхъ цѣнностей, но и священныхъ сосудовъ. Вызванныя подобнымъ насиліемъ народныя волненія — по сообщенію самихъ большевиковъ онѣ имѣли мѣсто въ 1500 случаяхъ — безпощадно подавлялись массовыми разстрѣлами; приходскіе священники, обвиняемые въ подстрекательствѣ своихъ прихожанъ, приговариваются къ смертной казни и, наконецъ, самъ Святѣйшій Тихонъ, патріархъ Московскій и всея Россіи, подвергся оскорбительному допросу революціоннаго трибунала и, по послѣднимъ извѣстіямъ, идущимъ изъ большевическихъ источниковъ, подвергнутъ аресту и объявленъ лишеннымъ власти.

Послѣднее сообщеніе окутано тайной и даетъ поводъ къ самымъ разнообразнымъ толкованіямъ. Несомнѣнно одно, что Святѣйшій патріархъ лишенъ возможности управлять Церковью, что онъ, по однимъ извѣстіямъ, подвергнутъ домашнему аресту, по другимъ — переведенъ на жительство въ Московскій Донской монастырь и что Церковью правитъ кучка революціонныхъ священниковъ, возглавляемыхъ епископомъ Антониномъ, извѣстнымъ еще съ 1905 года своею явно революціонною дѣятельностью. Передаютъ о предстоящемъ будто бы въ августѣ сего года созывѣ церковнаго собора для выбора новаго патріарха. Епископъ Антонинъ началъ свою дѣятельность съ торжественнаго признанія Именемъ Божіимъ „рабоче-крестьянскаго“ правительства и требуетъ суда надъ патріархомъ Тихономъ.

Цѣль совѣтскаго правительства ясна: нанести послѣдній ударъ Церкви, разрушивъ ея священноначаліе, и внести смуту и разложеніе въ церковный строй чрезъ посредство невѣрующихъ революціонныхъ отбросовъ самаго духовенства. Высокій личный и духовный авторитетъ патріарха, являлся до сихъ поръ оплотомъ церковнаго единства и помѣхою ихъ богоборческихъ стремленій. Теперь, когда патріархъ отстраненъ, за Антонинами пойдутъ отлученные отъ Церкви Владиміры Путяты, Иліодоры и отсюда уже недалеко до приписываемаго Троцкому намѣренія упразднить православную церковную іерархію и устроитъ самоуправляющуюся прихожанами церковь“. (22 Мая 1922 г., № 42).

„Офиціальныя данныя совѣтской статистики говорятъ, что стоимость „изъятыхъ“ изъ церквей драгоцѣнностей къ Маю достигла 200 милліоновъ золотыхъ рублей. Сумма эта почти удвоилась къ 1 Іюля. Въ то же время изъ всей этой суммы истрачено на помощь голодающему населенію Россіи *одинъ (!) милліонъ рублей золотомъ*“. (31 Іюля 1922 г., № 51).

Невольно, скажемъ мы отъ себя, напрашивается вопросъ, куда же пошли остальные награбленные жидами милліоны? Совершенно ясно и безусловно несомнѣнно, что пошли въ ихъ собственные карманы, что изъятіе церковныхъ драгоцѣнностей и систематическое ограбленіе православныхъ церквей, якобы для помощи голодающему населенію, явилось лишь способомъ обогащенія жидовъ, и въ этомъ мы убѣждаемся не только по вывозу и распродажѣ этихъ цѣнностей заграницею, но и по банковымъ счетамъ совѣтскихъ комиссаровъ... Такъ, совсѣмъ еще недавно сообщалось въ газетахъ, что Апфельбаумъ (Зиновьевъ) является обладателемъ „собственнаго“ капитала въ 11 милліоновъ швейцарскихъ франковъ, спрятанныхъ въ заграничныхъ банкахъ, а Лейба Бронштейнъ имѣетъ будто бы въ Америкѣ капиталъ въ 800 милліоновъ золотыхъ рублей.

Нужно думать, что такіе слухи вѣроятно на чемъ нибудь да основаны.

„И. Горный, въ статьѣ по вопросу о „живой церкви“, сообщаетъ, что въ Россіи нѣтъ ни одной губерніи, въ которой бы церковный расколъ въ центрѣ не вызвалъ бы аналогичнаго раскола среди мѣстнаго духовенства: „Гомель, Царицынъ, Харьковъ, Вологда, Тюмень, Тула, Воронежъ и Сѣверо-Двинскъ — все это центры тѣхъ губерній, гдѣ въ противовѣсъ большинству реакціонно настроеннаго духовенства, образовались сплошныя группы поборниковъ идей епископа Антонина“. Въ четырехъ перечисленныхъ выше губерніяхъ во главѣ „прогрессивныхъ группъ“ духовенства стоятъ епископы: въ Воронежской губ. — епископъ Іоаннъ, въ Минской — епископъ Мелхиседекъ, въ Тульской — епископъ Виталій и въ Царицынской — епископъ Модестъ“... (25 Сентября 1922 г., № 58).

„Съ грустью приходится отмѣтить, говоритъ въ своей статьѣ „Церковный соблазнъ“, А. П. Роговичъ, что далеко не всѣ архипастыри оказались стойкими и преданными служителями Церкви. Архіепископъ Нижегородскій Евдокимъ открыто примкнулъ къ живой церкви и пишетъ воззваніе, подъ которымъ даютъ свои подписи Костромской архіепископъ Серафимъ и даже митрополитъ Сергій, б. Финляндскій... Протоіерей Красницкій, являющійся, почти единоличнымъ распорядителемъ въ В.Ц.У. (Высшее церковное управленіе)... наса-

ждаетъ красныхъ архіереевъ и іереевъ и усердно выполняетъ всѣ велѣнія власти. Но временные властители земли Русской не хотятъ ни Красницкаго, ни Антонина; для нихъ эти люди лишь этапъ, который нужно пройти; главнѣйшая, конечная цѣль партійной программы — полное уничтоженіе религіи. Откровеннымъ исповѣданіемъ ихъ стремленій является статья, помѣщенная въ одномъ изъ номеровъ „Извѣстій": „Либерализмъ въ церкви намъ такъ же мало нуженъ, какъ и старая церковь. Мы будемъ спокойны лишь тогда, когда священники станутъ не либералами живой церкви, а просто людьми, совершенно невѣрующими въ Бога". Такова основная мысль статьи и таковы задачи коммунистовъ въ церковномъ вопросѣ, которыя они и не скрываютъ"... (Еженедѣльникъ В.М.С., 13 Ноября 1922 г., № 65).

„Въ цѣляхъ расширенія городскихъ улицъ, совѣтское правительство рѣшило приступить въ Москвѣ къ сносу церквей, построенныхъ на площадяхъ. Къ разрушенію предназначена церковь Свв. Благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба на Арбатской площади и уже снесена часовня Св. Благовѣрнаго князя Александра Невскаго противъ Національной гостиницы въ Охотномъ ряду. На этомъ мѣстѣ предстоитъ сооруженіе „краснаго" памятника." (Тамъ-же).

„Недавно была лекція Луначарскаго о религіи будущаго, въ которой онъ заявилъ, что всякій человѣкъ, вѣрующій въ Бога, является для большевиковъ контръ-революціонеромъ, ибо мѣшаетъ имъ устроить царство на землѣ". (Тамъ-же, 5 Марта 1923 г., № 81).

„Во многихъ мѣстахъ Россіи большевиками возбужденъ вопросъ о конфискаціи въ церквахъ всѣхъ колоколовъ для перелива ихъ на пушки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это уже осуществлено.

„Русспрессъ" сообщаетъ, что Симферопольскій соборъ реквизированъ большевиками, которые устраиваютъ въ немъ музей предметовъ религіознаго культа, а военная церковь при Сокольническихъ казармахъ передѣлана въ клубъ для красноармейцевъ.

Въ Грузіи арестованъ Католикосъ — Патріархъ Амвросій со всѣмъ состоящимъ при немъ Совѣтомъ.

Изъ 13 лицъ католическаго духовенства, преданныхъ большевическому суду, Архіепископъ Цѣплякъ и прелатъ Буткевичъ приговорены большевиками къ смертной казни, а остальные — къ тюремному заключенію на 3 и 10 лѣтъ". (Церк. Вѣд., 1/14 — 15/28 Марта 1923 г., № 5 и 6).

„Изъ Россіи сообщаютъ: „переживаемъ церковную бурю, сродную аріанству и лютеранству, эта буря много еще при-

несетъ намъ крушеній, но никто, какъ Богъ. Въ нашей губерніи одинъ уѣздъ чуть не весь примкнулъ къ живой церкви, а остальные уѣзды объединились около пастырскихъ совѣтовъ и не признаютъ „обновленческаго“ высшаго церковнаго управленія въ Москвѣ и не страшатся живой церкви, устроенной на пескѣ, если еще не хуже — на честолюбіи и на очень плохой нравственной репутаціи ея вдохновителей. Всѣ они щеголяютъ въ званіяхъ высокихъ и украшеніяхъ: провинціальные протоіереи, какъ благочинные, изъявившіе согласіе быть членами живой церкви, получаютъ митры; надъ чѣмъ раньше смѣялись, теперь то лобызаютъ... Много есть и исповѣдниковъ, съ любовію и самоотверженіемъ идущихъ въ темницы и въ изгнанія за истину и правду Божію. Обновленцы поставили въ своей программѣ разсмотрѣніе на будущемъ соборѣ догматовъ: о грѣхопаденіи, объ искупленіи, о вѣчной жизни, о допущеніи женщинъ до священнослуженія, о дозволеніи вдовымъ священникамъ и діаконамъ вступать во второй бракъ, о снятіи монашескихъ обѣтовъ, въ то же время оставляя въ сущемъ санѣ епископскій и прочіе саны, до іеромонашества включительно и пр. Были уже случаи, когда епископы слагали съ себя монашескіе обѣты“... („Еженедѣльникъ“, 9 Апрѣля 1923 г.)

„Тифлисская газета „Заря Востока“ сообщаетъ: „Сегодня состоялась торжественная передача военнаго собора — комсомолу. Въ присутствіи множества рабочихъ, красноармейцевъ, коммунистовъ и безпартійныхъ, предсѣдатель Горсовѣта тов. Пѣвцовъ вручилъ ключи отъ собора предсѣдателю комсомола. На колокольнѣ прогремѣлъ „Интернаціоналъ“, исполненный духовыми оркестрами. Взвивались красныя знамена. Вечеромъ бывшій военный соборъ, а нынѣ — комсомольскій клубъ, ярко освѣтился электричествомъ. Надъ моремъ огней царила электрическая совѣтская звѣзда“.

Церковь св. Пимена въ Пименовскомъ переулкѣ въ Москвѣ реквизирована большевиками и превращена въ „комсомольскій храмъ“.

Въ тифлисскомъ „Коммунистѣ“ напечатанъ списокъ 103 церквей, отобранныхъ отъ вѣрующихъ въ Грузіи и переданныхъ „комсомолу“ подъ клубы.

Въ Одессѣ большевики собрали въ помѣщеніи депо Одесса-Главная церковную утварь, облаченія, хоругви и образа изъ желѣзнодорожныхъ церквей и, обливъ ихъ мазутомъ и керосиномъ, сожгли. Во время этого „торжества“ изступленные коммунисты кричали: „Долой боговъ и религіозную тьму“.

Въ Одринскомъ монастырѣ, близъ Карачаева, большевиками произведено вскрытіе мощей св. Великомученицы

Анастасіи. Совершено дикое кощунство надъ мощами свв. мучениковъ Давида и Константина, покоющимися въ Моцамедскомъ монастырѣ близъ г. Кутаиса. Подобное же кощунство совершено и въ Бодбійскомъ монастырѣ, гдѣ покоятся мощи просвѣтительницы Грузіи св. Нины". (Церк. Вѣд., 1/14 — 15/28 Іюня 1923 г., № 11 и 12).

Въ статьѣ „Патріархъ Тихонъ", газета „Новое Время" отъ 7 Іюля 1923 г., № 657, приводитъ нижеслѣдующее сообщеніе рижскаго корреспондента „Таймса":

„Сюда давно уже приходятъ свѣдѣнія о непрестанныхъ усиліяхъ большевиковъ сломить волю патріарха Тихона. Всѣмъ дѣломъ руководитъ Крыленко — товарищъ Абрамъ. Свѣдѣнія эти исходятъ не только изъ безпартійныхъ источниковъ, но и отъ самихъ большевиковъ. Патріархъ подвергается изысканнымъ мучительствамъ. Ему предлагаютъ пищу, которую онъ не можетъ ѣсть. Ему не даютъ ни минуты покоя. Его будятъ среди ночи подъ предлогомъ спѣшнаго допроса. Его допрашиваютъ и передопрашиваютъ и днемъ и ночью. Онъ почти совсѣмъ ослѣпъ, ослабѣлъ и еле живъ. Въ точности неизвѣстно, находится ли онъ до сихъ поръ въ Бутырской тюрьмѣ, куда его перевели изъ Донского монастыря, или его выпустили на свободу въ качествѣ „гражданина Бѣлавина". Возможно, что этотъ послѣдній слухъ вѣренъ. Коммунисты довели патріарха до состоянія безсознательности и заставили его подписать сочиненный ими документъ, въ которомъ онъ, якобы, признаетъ свою вину предъ совѣтскимъ правительствомъ, выражаетъ раскаяніе, обѣщаетъ прекратить вражду къ совѣтской власти и проситъ объ освобожденіи изъ подъ стражи. Документъ этотъ обнародованъ совѣтскимъ правительствомъ. Онъ состряпанъ такъ грубо и неумѣло, что никому не придетъ въ голову приписать его самому Патріарху. Такъ называемый верховный трибуналъ постановилъ снять съ „гражданина Бѣлавина" вооруженную стражу, что, само собою, не обозначаетъ дѣйствительнаго освобожденія. Доходящіе въ Ригу слухи допускаютъ возможность, что патріархъ, изнеможденный мучительствомъ до потери сознанія и почти совсѣмъ слѣпой, могъ дать свою подпись подъ документомъ, сочиненнымъ тов. Крыленкомъ, не зная его подлиннаго содержанія. Здѣсь полагаютъ, что патріарху будетъ предоставлено умереть „собственною смертью".

Та же газета, въ № 659, отъ 10 Іюля 1923 г., въ статьѣ „Совѣщаніе о живой церкви" говоритъ:

„Въ Москвѣ подъ предсѣдательствомъ коммуниста Преображенскаго, довѣреннаго и ближайшаго сотрудника Ленина, ѣздившаго въ Геную въ качествѣ „очей и ушей" политбюро

для наблюденія за Чичеринымъ и К°, созвано совѣщаніе, которому поручено обсудить вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи „живой церкви“. Какъ и слѣдовало ожидать, созданіе „живой церкви“ — это былъ лишь тактическій пріемъ для внесенія раскола и разлада, а также для инсценировки „разжалованія“ патріарха Тихона. Теперь большевики больше не нуждаются въ продажныхъ Антонинахъ, а потому на очередь поставленъ вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи „живцовъ“. Совѣщаніе созвано въ виду того, что въ политбюро поступила записка группы видныхъ коммунистовъ во главѣ съ Бронштейномъ, въ которой указывается, что „живцы“ являются распространителями „суевѣрій“, которыя должны быть изжиты въ коммунистическомъ государствѣ. Эта группа коммунистовъ является противникомъ существованія въ совѣтской республикѣ такъ называемыхъ „служителей культовъ“, требуя упраздненія и полнѣйшей ликвидаціи „культовъ“. Въ запискѣ указывается, что наличіе „культовъ“ является посмѣшищемъ и оскорбленіемъ для революціонеровъ, которые „смогли смести буржуазный строй и безсильны бороться съ человѣческою косностью и темнотою“. Коммунисты ссылаются въ видѣ примѣра на „великую французскую революцію“, которая якобы уничтожила „культы“, создавъ взамѣнъ ихъ „религію разума“. Въ настоящее время по вопросу о „культахъ“ среди коммунистовъ происходитъ острая борьба. Лѣвые коммунисты настаиваютъ на томъ, чтобы „снять маски“ и показать всему міру „настоящее коммунистическое лицо“. Болѣе умѣренные считаютъ, что полное упраздненіе „культовъ“ будетъ невыгодно совѣтскому правительству, которое старается внушить Западу и Америкѣ, что оно разрѣшаетъ исполненіе религіозныхъ обрядовъ и что „гоненія на религію“, о которыхъ сообщается въ печати — это лишь „выдумки эмигрантскихъ газетъ“. Совѣщаніе по вопросу о „культахъ“ является секретнымъ и о его работахъ запрещено что либо сообщать въ совѣтской печати“.

„Въ связи съ освобожденіемъ патріарха Тихона изъ-подъ ареста и его заявленіемъ, что онъ не признаетъ помѣстнаго церковнаго собора о лишеніи его сана, и послѣднихъ совершенныхъ имъ богослуженій, собравшихъ огромныя массы народа, — усилился расколъ среди русскаго духовенства. Поэтому въ главномъ церковномъ управленіи поднятъ снова вопросъ о созывѣ всероссійскаго церковнаго собора съ обязательнымъ участіемъ двухъ восточныхъ патріарховъ. Бывшій противникъ патріарха — Сибирскій митрополитъ Петръ отошелъ отъ группы епископа Антонина, настаивавшей отстранить патріарха отъ управленія дѣлами Церкви, и въ настоящее

время является главнымъ инициаторомъ по созыву собора. По его словамъ, епископъ Антонинъ въ вопросѣ лишенія сана патріарха былъ весьма пристрастенъ къ послѣднему ввиду старыхъ личныхъ счетовъ, имѣвшихъ мѣсто въ 1905 г., въ бытность епископа Антонина старшимъ викаріемъ Петроградской епархіи. Епископъ Антонинъ постановленіемъ Синода, гдѣ участвовалъ въ качествѣ члена архіепископъ Тихонъ, былъ тогда отстраненъ отъ должности викарія и сосланъ на постоянное жительство въ Сергіевскую Пустынь за подписанный имъ циркуляръ петроградскому духовенству, въ которомъ, на основаніи манифеста 17 Октября, предлагалось при поминовеніяхъ Императора не называть Его „Самодержавнѣйшимъ". (Новое Время, 14 Іюля 1923 г., № 662).

„Въ Слободскомъ уѣздѣ, Вятской губ. на спичечной фабрикѣ „Якорь" большевики устроили торжественное сожженіе иконъ". (Тамъ-же).

„На Кавказѣ вспыхнули серьезныя религіозныя волненія, въ виду непрекращающихся гоненій большевиковъ на вѣру. Арестованъ цѣлый рядъ епископовъ". (Тамъ-же, 26 Іюля, № 672).

„Иваново-Вознесенскій корреспондентъ „Правды" съ грустью констатируетъ, что, если, рабочій освобождается отъ религіозныхъ предразсудковъ необычайно быстро, если городскіе храмы уже начинаютъ обрекаться на запустѣніе, то совсѣмъ не то среди крестьянства, гдѣ „боги умираютъ медленно". Религія виситъ тяжелымъ ярмомъ на шеѣ мужика, и въ двунадесятые праздники вглуби любого уѣзда не рѣдкость встрѣтить большія процессіи съ иконами и хоругвями и съ пѣніемъ молитвъ объ избавленіи отъ засухи и о „благораствореніи воздуховъ". „Отцы наши жили съ религіей и намъ не переиначивать стать" — обычно говорятъ пожилые крестьяне. Хотя молодежь и настроена революціоннѣе, однако же и она далеко не вся антирелигіозна: „Оно бы, конечно, религію можно бы и посократить, да вотъ бабы уже очень на этотъ предметъ крѣпки... Чуть что, заѣдятъ"... (Тамъ же, 29 Іюля, № 673).

„Донской областной комитетъ РКП обратился въ областной совѣтъ съ требованіемъ принять мѣры для передачи и переустройства церквей и молитвенныхъ домовъ подъ общественные клубы и школы, согласно имѣющимся въ комитетѣ постановленіямъ обывателей и гражданъ. Областной совѣтъ Дона извѣстилъ комитетъ РКП, что онъ не можетъ приступить къ этимъ переустроеніямъ, такъ какъ перечисленные въ спискѣ церкви и молитвенные дома находятся въ вѣдѣніи религіозныхъ общинъ, представившихъ уполномоченнымъ строительнаго отдѣла протоколъ засѣданія рели-

гіозныхъ общинъ, гдѣ ходатайство части гражданъ объ обращеніи церквей и молитвенныхъ домовъ въ общественныя зданія были отклонены большинствомъ голосовъ. Меньшинство же отъ своего имени подало соотвѣтственное ходатайство въ РКП. Пріѣзжающіе изъ совѣтской Россіи разсказываютъ, что это за „меньшинство". Дѣло въ томъ, что Чека, выполняя предначертанія политбюро, посылаетъ въ церковныя общины своихъ агентовъ, которые и „выдвигаютъ" вопросъ объ упраздненіи церквей. Большинство такихъ чекистовъ вскорѣ же разоблачаются вѣрующими прихожанами". (Тамъ-же, 28 Іюля, № 674).

„На объединенномъ засѣданіи центральныхъ комитетовъ обновленческихъ группъ „живая церковь" и „союзъ общинъ древне-апостольской церкви" заслушанъ докладъ Красницкаго о событіяхъ въ связи съ выпускомъ изъ тюрьмы патріарха Тихона и о мѣрахъ борьбы съ „тихоновщиной". Вынесено постановленіе признать необходимымъ для пользы церковнаго дѣла создать единый тактическій обновленческій фронтъ. Принята резолюція: предложить всѣмъ обновленческимъ организаціямъ сосредоточить все свое вниманіе на ликвидаціи „тихоновщины", какъ организаціи политически-церковно-контръ-революціонной. Прекратить всякіе взаимные публичные споры и обязать всѣхъ къ взаимной и всемѣрной поддержкѣ. Въ цѣляхъ объединенной работы на мѣстахъ организовать объединенныя собранія комитетовъ для предварительнаго обсужденія и рѣшенія спорныхъ вопросовъ. На епархіальныхъ и всѣхъ публичныхъ собраніяхъ представители обновленческихъ группъ выступаютъ соединеннымъ спискомъ по одной программѣ". (Тамъ-же, 3 Августа, № 679).

„Церковная борьба между сторонниками патріарха Тихона и живой церковью принимаетъ все болѣе ожесточенныя формы. Въ храмѣ Христа Спасителя живоцерковцами было созвано собраніе, закончившееся избіеніемъ „протопресвитера всея Россіи" В. Д. Красницкаго. Избіеніе было прекращено вмѣшательствомъ милиціи. Красницкій былъ увезенъ изъ храма въ безсознательномъ состояніи. Въ связи съ борьбою между патріархомъ и его противниками, въ Москвѣ создалась оригинальная подпольная литература: сторонники патріарха выпускаютъ листки, объясняющіе и оправдывающіе отношеніе патріарха къ совѣтамъ; противники патріарха изъ православнаго лагеря рѣзко осуждаютъ поступокъ патріарха и считаютъ его потерявшимъ право на руководство православною Церковью.

Въ Москвѣ говорятъ, что патріархъ Тихонъ занятъ въ настоящее время проектомъ созыва Помѣстнаго Собора для

возглавленія православной русской Церкви и осужденія живоцерковниковъ. По слухамъ, патріархъ на этомъ соборѣ сложитъ съ себя свой санъ и предложитъ собору избрать себѣ преемника. Преемникомъ этимъ называютъ пріобрѣтающаго все бо́льшую популярность епископа Ѳеодора, извѣстнаго своимъ прямолинейнымъ отношеніемъ къ живой церкви и безстрашіемъ по отношенію къ большевикамъ". (Тамъ-же, 12 Августа, № 687).

„Въ Кустанайскомъ раіонѣ въ с. Пешковскомъ комсомольцы произвели вскрытіе мощей въ мѣстной церкви. Затѣмъ они постановили продать всю церковную утварь, чтобы купить трактиръ". (Тамъ-же).

„Церковь при Ляпинскомъ общежитіи въ Москвѣ на Б. Серпуховской улицѣ передана подъ рабочій клубъ. Церковь при Бахрушинской больницѣ и часовня при Ольгинской больницѣ ликвидируются. Храмы Рождественскаго монастыря въ Москвѣ переданы „главмузею"." (Тамъ-же, 14 Августа, № 688).

„Газета „Дни" передаетъ такой случай: въ одномъ изъ западныхъ городовъ Совдепіи комсомольцы устроили безобразіе на крестномъ ходу во время пасхальной заутрени, — нарядились чертями, ринулись въ толпу богомольцевъ... И все бы по ихнему вышло хорошо. Но богомольцы-то со свѣчами. А „черти" — для пущей реальности — насмолили свои бумажныя одѣянія. Одинъ „чертъ" загорѣлся. „Товарищи" бросились тушить, — отъ него и другой загорѣлся. Первый „чертъ" сгорѣлъ — на виду у всѣхъ до смерти. Второго понадобилось отправить немедленно въ больницу". (Тамъ-же, 1 Сентября, № 704).

„Частыя свѣдѣнія, идущія изъ Россіи, указываютъ на все растущую популярность патріарха среди вѣрующихъ „староцерковниковъ". Живая церковь терпитъ все большее и большее пораженіе. Насколько растетъ успѣхъ старой церкви, можно видѣть изъ слѣдующаго: передъ выходомъ патріарха изъ заточенія въ Москвѣ оставалось церквей, не перешедшихъ въ „живую церковь" — 35-40 (всего въ Москвѣ считается 400 церквей). Въ настоящее время, за исключеніемъ 4-5 церквей, всѣ перешли вновь подъ главенство патріарха. Церковная интеллигенція продолжаетъ относиться сдержанно ко всѣмъ послѣднимъ выступленіямъ патріарха. Отмѣчаютъ появленіе посланій патріарха къ паствѣ, расклеенныхъ по Москвѣ, съ крестомъ наверху и съ надписью внизу: „типографія Г.П.У.". Разсказываютъ пріѣзжающіе о приглашеніи патріарха на служеніе „красной Прѣсней" — цитаделью большевизма рабочихъ. Путь патріарха былъ усыпанъ цвѣтами.

Благословеніе вѣрующихъ, несмотря на крайнюю усталость патріарха, продолжалось до 6 часовъ вечера.

Слѣдуетъ отмѣтить разсказы пріѣзжихъ объ имѣвшихъ большое общественное значеніе похоронахъ извѣстнаго протодіакона Розова. Нужно сказать, что Розовъ, несмотря на массу выгоднѣйшихъ въ матеріальномъ отношеніи предложеній „живоцерковниковъ", твердо оставался вѣренъ патріарху Тихону, дошелъ до нужды, долженъ былъ даже продать для жизни драгоцѣнный для него реликвій, часы — подарокъ Государя, но убѣжденій не измѣнилъ и завѣщалъ, чтобы ни одинъ „живоцерковный" священникъ не былъ на его отпѣваніи. Въ день похоронъ его большевиками были приняты значительныя мѣры противъ скопленія народныхъ массъ, было приказано закрыть кладбище съ 4-хъ часовъ, но ничего не помогло. Массами народа, пришедшими почтить память Розова, было кладбище открыто, церковь кладбищенская переполнена. Нашелся и живоцерковникъ, извѣстный протоіерей Красницкій, который, несмотря на завѣтъ Розова, явился на его отпѣваніе въ облаченіи. Произошло смятеніе, бывшій во главѣ протоіерей Любимовъ нѣсколько растерялся. Рѣшено было Красницкаго оставить, но „возгласовъ" ему не давать. Такимъ образомъ, онъ безсловно простоялъ въ концѣ многочисленнаго духовенства во все время отпѣванія. Послѣ окончанія отпѣванія, при выходѣ Красницкаго, по храму пошелъ гулъ недовольныхъ голосовъ. На паперти Красницкаго уже просто стали ругать, а когда онъ садился въ трамвай, толпа начала его бить, красная милиція защищала его, но когда милиціонеры узнали, что онъ „красный попъ", то пожалѣли, что защитили его — „такъ его и надо было", говорили они.

Заслуживаетъ большого вниманія слѣдующее явленіе, происшедшее съ митрополитомъ Агафангеломъ, оставшимся, какъ извѣстно, замѣстителемъ патріарха Тихона при заточеніи послѣдняго. Вскорѣ послѣ ареста патріарха Тихона началось преслѣдованіе большевиками и всего духовенства, оставшагося ему вѣрнымъ. Въ первую очередь гоненіе началось на епископовъ. Въ томъ числѣ и митрополитъ Агафангелъ былъ назначенъ къ ссылкѣ въ Тюмень. Распоряженіе объ этомъ пришло совершенно внезапно. Митрополитъ Агафангелъ былъ схваченъ въ чемъ былъ — въ одномъ подрясникѣ. Въ такомъ видѣ онъ долженъ былъ ѣхать и со станціи желѣзной дороги до окрестностей Тюмени — мѣста его ссылки — 150-200 верстъ при 20 градусахъ мороза. Было ясно, что Агафангела отправляютъ въ такой обстановкѣ для того, чтобы онъ погибъ въ дорогѣ, замерзнувъ

или простудившись на смерть. Такъ смотрѣлъ на это и самъ митрополитъ и, подчиняясь испытанію воли Божіей, помолившись, отправился въ путь въ чемъ былъ (въ одномъ подрясникѣ). И вотъ, здѣсь произошло нѣчто удивительное, совершенно неожиданное, какъ по разсказамъ самого митрополита Агафангела, такъ и по разсказамъ сопровождавшихъ его красноармейцевъ. Когда повезли митрополита со станціи въ саняхъ на лошадяхъ, то въ продолженіе длиннаго пути, при морозѣ въ 20 градусовъ, митрополитъ чувствовалъ себя все теплѣе и теплѣе, точно развивалась въ немъ какая то теплота, и прибылъ въ Тюмень ничего себѣ не отморозивъ и нисколько не застывши. Всю дорогу съ удивленіемъ на него смотрѣли ѣхавшіе съ нимъ красноармейцы, такъ какъ были увѣрены, что старикъ замерзнетъ въ дорогѣ. Надо представить, какое впечатлѣніе производятъ разсказы на массы, и безъ того приподнятыя въ религіозномъ отношеніи. Все изложенное въ настоящей замѣткѣ сообщено лицами, вполнѣ заслуживающими довѣрія". (Тамъ-же, 5 Сентября, № 707).

„Совѣтскія власти объявили, что открытое признаніе вѣрующими патріарха Тихона своимъ духовнымъ отцомъ и поминаніе его за богослуженіемъ повлекутъ привлеченіе „виновныхъ" къ отвѣтственности за контръ-революцію". (Тамъ-же).

„Митрополитомъ Антоніемъ получено изъ вѣрнаго источника письмо слѣдующаго содержанія: „... Нашъ патріархъ на свободѣ. Его очевидно пригласили въ Чеку на самое короткое время. Теперь онъ почти каждый день служитъ и расписаніе служеній составлено у него до Декабря. Въ Москвѣ у живцовъ осталось только 3 церкви! въ Петроградѣ за патріархомъ — 40, а 123 — за живцами; это объясняется тѣмъ, что въ Петроградѣ нѣтъ законнаго архіерея. Артемій — живецъ колеблется. Говорятъ, что въ Петроградъ будетъ назначенъ либо митрополитъ Серафимъ (Чичаговъ), либо епископъ Ѳеодоръ. Въ Ярославской епархіи живцовъ сплошь вычистили очень быстро. Во Владимірѣ за православіе всталъ одинъ монахъ. За нимъ идетъ весь городъ. Святѣйшій Тихонъ вполнѣ здоровъ. Слухи о его болѣзни ложны. Онъ пока еще въ Донскомъ монастырѣ, но проситъ дать лучшее помѣщеніе. Антонинъ исчезъ. „Высшее церковное управленіе" въ Москвѣ упразднилось. Боярскаго недавно оскандалили на собраніи въ Александро-Невской лаврѣ, Введенскаго оскандалили въ Московской консерваторіи, Красницкаго — въ храмѣ Христа Спасителя. Это три главныхъ живца. Москвой управляетъ теперь епископъ Илларіонъ, принимающій и всѣхъ раскаявшихся. Онъ весьма любимъ и почитаемъ за проповѣди, вѣр-

ность патріарху и энергію. Я отправилъ Святѣйшему свое посланіе по поводу осужденія его и сообщилъ о томъ, какъ заграницей всѣ молились и хлопотали за него, упоминая, конечно, прежде всего о Вашей дѣятельности. Епископъ Ѳеодоръ освобожденъ въ началѣ Іюля, пробывъ въ Бутырской тюрьмѣ 3 мѣсяца (а раньше 22 мѣсяца). Съ нимъ были Германъ Волоколамскій, Ѳеофилъ Новоторжскій, Варѳоломей. Всѣ они здоровы и бодры. Ихъ вѣрующіе хорошо питали. Епископъ Ѳеодоръ попрежнему въ Даниловомъ. Въ тюрьмахъ еще находится 80 епископовъ. Епископъ Ѳеодоръ пріобрѣлъ въ Москвѣ большую любовь за свою стойкость, но онъ уклоняется отъ назначеній. Митрополитъ Сергій на Лубянкѣ въ тюрьмѣ. Странно что къ нему такъ строго относятся. Несомнѣнно, что онъ не будетъ голоденъ и его питаютъ жители Москвы какъ слѣдуетъ. Митрополитъ Кириллъ еще въ тюрьмѣ. Макарій Владикавказскій объявилъ себя коммунистомъ, имѣетъ гаремъ, кутитъ и безобразничаетъ открыто и цинично." (Тамъ-же, 8 Сентября, № 710).

„Выдержка изъ письма, полученнаго изъ Москвы: „... Сейчасъ „раскаяніе" патріарха Тихона — событіе, которое волнуетъ всѣхъ, и каждый по своему старается его объяснить. Конечно, всѣмъ ясно, что это письмо неискреннее, я лично вѣрю, что оно продиктовано не чувствомъ малодушія, а желаніемъ принести въ жертву все, даже собственную честь, чтобы быть на свободѣ и тѣмъ объединить Церковь и не дать ей окончательно расколоться. Правда, въ этомъ отношеніи результатъ имъ достигнутъ — множество священниковъ живой церкви, увидавъ патріарха на свободѣ и снова патріархомъ, раскаялись въ своемъ отступничествѣ. Они являлись къ Тихону, прося его простить ихъ, на что онъ заставлялъ ихъ при всемъ приходѣ раскаиваться въ своемъ заблужденіи. Имъ приходилось становиться на колѣни въ церкви передъ всѣмъ приходомъ и каяться всенародно. Послѣ этого церковь освящалась кѣмъ нибудь изъ архіереевъ и считалась отторгнутой отъ живой церкви. Каждый день патріархъ, при огромныхъ толпахъ народа, служитъ въ разныхъ церквахъ Москвы. Вчера я была на всенощной въ одной маленькой церкви на Арбатѣ, гдѣ служили патріархъ, митрополитъ Серафимъ и нѣсколько другихъ архіереевъ. Настроеніе было очень повышенное, послѣ службы Тихону пришлось благословлять до изнеможенія, такъ что его подъ руки держали, и такъ, говорятъ, каждый день. Простой народъ встрѣчаетъ его съ энтузіазмомъ и не задумывается о томъ, правильно ли сдѣлалъ Тихонъ, подписавъ свое „раскаяніе", имъ важно видѣть „нашего батюшку", чувствовать его между собою. Я была ня дняхъ на диспутѣ

живоцерковниковъ съ тихоновцами на тему о „раскаяніи“ Тихона. Введенскій (главный представитель живой церкви и глава церковнаго совѣта) производитъ отталкивающее впечатлѣніе — совершенный сатана на видъ, и голосъ у него какой то отвратительный, козлиный. Вся аудиторія, конечно, на сторонѣ тихоновцевъ и вообще видно, что живая церковь провалилась совсѣмъ.“ (Тамъ-же, 11 Сентября, № 712).

„Рига. (Руспр.) Совѣтскія власти воспретили патріарху Тихону совершеніе публичныхъ богослуженій безъ особаго въ каждомъ случаѣ разрѣшенія со стороны властей. Этотъ запретъ вызванъ тѣмъ обстоятельствомъ, что службы съ участіемъ патріарха неизмѣнно привлекали громадныя толпы народа, причемъ почти никогда не обходилось безъ столкновенія со сторонниками „живой церкви“ и другихъ толковъ, преданныхъ совѣтской власти. Совѣтскія власти конфисковали воззваніе патріарха Тихона, осуждавшее автокефалію украинской церкви“ (Тамъ-же).

„Съ цѣлью парализовать усилившееся послѣднее время въ народныхъ массахъ религіозное движеніе, весьма безпокоящее совѣтскіе круги, большевиками ведется самая усиленная антирелигіозная пропаганда, причемъ особенное вниманіе удѣлено пропагандѣ въ красной арміи. Въ Украинскомъ военномъ округѣ издается особый органъ „Красная Армія“, посвященный преимущественно борьбѣ со всякими вѣрованіями, со всѣми религіями, со всѣми „богами“. Приводимъ на выдержку нѣсколько примѣровъ, иллюстрирующихъ эту пропаганду, приводимую систематически при каждой возможности, и съ этой цѣлью заимствуемъ изъ одного изъ послѣднихъ номеровъ слѣдующія статьи: „Атака на боговъ и дьявола“. Заголовокъ отбитъ съ клише и потому, очевидно, употребляется въ каждомъ номерѣ; онъ разукрашенъ характерными, броскими кощунственными виньетками. Подъ этимъ заголовкомъ — слѣдующая замѣтка: „Въ концѣ Іюля къ намъ пришли пополненія. Большинство — деревенщина изъ самыхъ глухихъ угловъ. Ровесники тѣхъ, которые уже служатъ съ осени прошлаго года и достаточно попривыкли къ нашимъ военнымъ обычаямъ; большинство уже записалось въ „безбожники“. Привели ихъ всѣхъ въ библіотеку. Имъ показали разныя изданія и въ числѣ ихъ журналъ „Безбожникъ“.

— Смотри, какъ хорошо нарисовано, говоритъ одинъ изъ нихъ, атака на „боговъ“ и дьяволовъ.

— Ну какъ вамъ нравится, — спрашиваетъ командиръ взвода.

— Хорошо, — говорятъ новобранцы, покраснѣвъ.

— Чего же вы краснѣете? Вы, вѣрно, носите все еще попрежнему крестики?

— Да! Но мы можемъ ихъ снять!

Въ тотъ же день представлено было четыре крестика, которые и прилагаются при семъ въ музей „божковъ“ красной арміи.

Статейка подписана комиссаромъ 19 кавалерійскаго полка Гайдуковымъ.

Образчикъ второй.

„Ильинъ день въ лагерѣ“.

Въ день св. Иліи вся Казанская дивизіи пошла въ атаку противъ „боговъ“ и дьяволовъ. День былъ посвященъ работѣ, а вечеромъ изъ всѣхъ уголковъ лагеря красноармейцы двинулись въ лагерный клубъ, гдѣ предстояла процессія съ „попами и божками“. На интендантской повозкѣ возсѣдаютъ манекены „попа“, раввина и ксендза; по бокамъ повозки — почетная стража, — взводъ красноармейцевъ и нѣсколько конныхъ, всѣ въ траурныхъ одеждахъ. Процессія медленно двигается. Слышно пѣніе „Святый Боже“. За повозкой идетъ ряженый „попъ“ и напѣваетъ похоронные мотивы за „упокой всѣхъ служителей Божіихъ всѣхъ вѣроисповѣданій“. Ему вторятъ изъ конвоя тѣмъ же похороннымъ мотивомъ въ слѣдующихъ словахъ: „На кого же вы насъ, святые отцы, покидаете, какъ же мы безъ васъ „сволочей“ жить будемъ“. Процессія входитъ на учебный плацъ, гдѣ утверждены два столба съ перекладиной, съ бочкой подъ ними и съ надписью на перекладинѣ: „входъ въ рай“. Всѣхъ „божковъ“ вводятъ въ ворота, гдѣ повозка и останавливается. Выступаетъ на сцену ораторъ и произноситъ слѣдующую рѣчь:

— Товарищи, во времена оны „попы“ жгли ученыхъ, сегодня же мы, воспитанные въ красной арміи, сжигаемъ поповъ и провозглашаемъ кличъ въ честь всемогущей науки. Въ это время поджигаются соломенные манекены всѣхъ трехъ „поповъ“, а съ другой стороны подъѣзжаетъ къ мѣсту сборища другая повозка съ манекеномъ, изображающимъ „науку“ въ образѣ красивой женщины, опирающейся на плечи рабочаго и крестьянина. Повозка эта сопровождается отрядомъ красноармейцевъ въ красныхъ накидкахъ съ вѣнками на головахъ. Церемонія заканчивается погребеніемъ „божковъ“ подъ взрывы всеобщаго смѣха, а „науку“ всѣ собравшіеся красноармейцы торжественно провожаютъ обратно въ лагерь. До большей мерзости трудно додуматься“. (Тамъ-же, 25 Сентября, № 724).

„Прибывшій недавно изъ Москвы писатель М. П. Арцыбашевъ, въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ одной польской газеты,

нарисовалъ такую картину положенія религіи подъ властью большевиковъ:

„Большевики объявили отдѣленіе Церкви отъ государства. Въ свое время они прокламировали и свободу совѣсти. Какъ все другое, такъ и эта „свобода совѣсти“, декретированная большевиками, является наглой ложью и лицемѣріемъ. Религія свободна въ Россіи только постолько, посколько имѣется въ виду внутренняя духовная жизнь человѣка. Человѣческую мысль, къ счастью, нельзя заковать въ кандалы.

Большевики подкапываются подъ религію какъ только могутъ. До сихъ поръ однако не хватало у нихъ смѣлости чтобы совершить открытое покушеніе на самыя святыя вѣрованія человѣка. Во всякомъ случаѣ нигдѣ, пожалуй, не проявляютъ они такой нервности, такой фанатической ненависти, какъ именно въ этой области. Не останавливаясь передъ провокаціей, подъ разными предлогами закрываютъ храмы по всей Россіи. Въ церквахъ и костелахъ устраиваютъ танцовальные вечера, оскверняютъ алтари, выпускаютъ безчисленные журналы, плакаты, летучки, цѣль которыхъ осмѣять вѣру въ Бога и вызвать къ ней отвращеніе. Грубо, цинично и по-хамски оскорбляется въ нихъ все, что есть въ человѣкѣ наиболѣе возвышеннаго и чистаго.

Ограбленіе храмовъ продолжается по-прежнему. Совѣтскія власти организуютъ спеціальныя атеистическія процессіи. Священнослужители всѣхъ вѣроисповѣданій являются настоящими паріями подъ гнетомъ большевиковъ. Вообще отдѣленіе Церкви отъ государства свелось къ тому, что Церковь утратила всѣ права, государство же узурпировало себѣ „право“ дѣлать съ Церковью все, что ему вздумается.

Я долженъ открыто и искренно сказать, хотя знаю, что касаюсь вопроса очень щекотливаго: можетъ быть потому, что во главѣ большевическаго правительства стоятъ преимущественно иновѣрцы, а можетъ быть и потому, что въ православной Церкви, въ христіанствѣ они видятъ наибольшую опасность для своей власти, — преслѣдованіямъ и террору подвергается преимущественно христіанство и православная Церковь“. (Тамъ-же, 27 Сентября, № 726).

Совѣтская печать сообщаетъ, что въ Москвѣ за первые 7 мѣсяцевъ текущаго года были ликвидированы: въ январѣ — 5 церквей, въ февралѣ — 6 церквей, и 3 религіозныхъ общины, въ мартѣ — 10 церквей и 1 община, въ апрѣлѣ — 11 церквей и 1 монастырь, въ маѣ — 12 церквей и 1 монастырь, въ іюнѣ — 9 церквей, въ іюлѣ — 8 церквей.“ (Тамъ-же, 29 Сентября, № 728).

„Совѣтскій синодъ прислалъ Восточнымъ патріархамъ увѣдомленіе о командировкѣ делегаціи въ Константинополь для ознакомленія патріарховъ съ „истиннымъ положеніемъ православной Церкви въ Россіи“ и приглашенія патріарховъ прибыть въ Москву и внести умиротвореніе въ русскую церковь. „Истинное положеніе церкви“ подъ большевиками лучше всего характеризуется тѣмъ, что въ составъ делегаціи входитъ управляющій дѣлами совѣтскаго синода Новиковъ-*Айзенштадтъ*“. (Тамъ-же, 2 Октября, № 730).

Одинъ изъ русскихъ православныхъ священниковъ, въ отвѣтъ на заявленіе совѣтскаго „митрополита“ Евдокима о томъ, что совѣтская власть борется не съ Церковью, а съ контръ-революціей, прислалъ въ редакцію газеты „Новое Время“ нижеслѣдующую статью, достойную быть отмѣченной:

Двадцать двѣ „свободы“, дарованныя совѣтской властью въ Россіи Православной Церкви.

1). Допущеніе и поощреніе гнусныхъ издѣвательствъ надъ религіозными вѣрованіями, особенно христіанскими, въ публичныхъ собраніяхъ и въ печати.

2). Устройство кощунственныхъ процессій-маскарадовъ и всенародныхъ издѣвательствъ надъ религіями.

3). Недопущеніе свободы церковной и религіозной печати.

4). Отобраніе храмовъ у вѣрующаго народа и передача ихъ въ вѣдѣніе „исполкомовъ“.

5). Разрѣшеніе „исполкомамъ“ пользоваться храмами для своихъ „культурно-просвѣтительныхъ“ и „общественно-политическихъ“ цѣлей.

6). Закрытіе домовыхъ церквей.

7). Допущеніе возмутительнаго кощунства въ храмахъ и алтаряхъ, надъ св. престолами, иконами, священными сосудами и другими священными предметами.

8). Запрещеніе обученія дѣтей Закону Божію не только въ школахъ, но и внѣ школъ.

9).‚Удаленіе изъ учебныхъ заведеній иконъ и книгъ религіознаго содержанія.

10). Закрытіе духовно-учебныхъ заведеній, подготовлявшихъ пастырей церкви, и конфискація ихъ зданій и имущества.

11). Конфискація церковнаго имущества, пожертвованнаго церкви вѣрующимъ народомъ.

12). Ликвидація церковныхъ управленій, церковнаго суда, хозяйственныхъ и благотворительныхъ учрежденій.

13). Кощунственное освидѣтельствованіе и отобраніе св. мощей и передача ихъ въ музеи.

14). Отмѣна праздниковъ и при томъ, даже такихъ великихъ и чтимыхъ, какъ праздникъ Воздвиженіе Честнаго и Животворящаго Креста.

15). Отобраніе изъ храмовъ священной утвари.

16). Закрытіе монастырей.

17). Запрещеніе служащимъ въ государственныхъ учрежденіяхъ исполнять свои религіозныя христіанскія обязанности.

18). Запрещеніе учащимся въ народныхъ школахъ говѣть, исповѣдываться и причащаться.

19). Запрещеніе учителямъ народныхъ школъ имѣть иконы въ своихъ частныхъ квартирахъ.

20). Обложеніе церковныхъ приходовъ непосильными налогами за право совершенія богослуженія въ храмахъ.

21). Преслѣдованіе, заключеніе въ тюрьмы и разстрѣлы священниковъ и епископовъ за протестъ противъ насилій надъ Церковью.

22). Заключеніе въ тюрьму и лишеніе возможности управлять паствою Святѣйшаго Тихона Патріарха Московскаго и всея Россіи". (Тамъ-же, 16 Октября № 742).

„Въ послѣднемъ засѣданіи синодъ живой церкви, по сообщеніямъ совѣтскихъ газетъ, заслушалъ докладъ о дѣятельности митрополита Антонина. Было указано, что за послѣднее время онъ самовольно присвоилъ себѣ титулъ „митрополита всея Россіи", ввелъ рядъ новшествъ въ богослуженіе.

Синодъ постановилъ запретить митрополиту Антонину богослуженіе и пригласилъ его въ синодъ для дачи объясненій.

Узнавъ о постановленіи синода, митрополитъ Антонинъ заявилъ:

„Компетенціи синода надъ собой я не признаю и подчиняться синоду не буду. Еще 29 Іюля я заявилъ, что считаю дѣятельность синода крайне вредной для церкви и провозгласилъ свою автокефальную (и слѣдовательно независимую отъ синода) церковь, назвавъ ее „церковью возрожденія". Въ общемъ у меня коренное расхожденіе съ другими церковными группировками. Съ Тихономъ у меня нѣтъ ничего общаго, ибо я опираюсь совершенно на иные соціальные слои. Синодальную церковь я считаю чисто поповской, кастовой организаціей.

Я отвергаю церковную іерархію, будетъ ли она монархической, какъ у Тихона, или олигархической, какъ у синода, и на ея мѣсто ставлю общину" .(Нов. Вр., 27 Октября 1923 г., N 752).

„Въ финляндской газетѣ „Русскія Вѣсти" напечатаны нижеслѣдующія письма Святѣйшаго Патріарха Тихона на имя

финляндскаго архіепископа Серафима и игумена Валаамскаго монастыря по поводу перехода финляндской Православной Церкви на новый стиль.

I.

„Высокопреосвященнѣйшій Владыко. Приношу Вашему Высокопреосвященству искреннюю благодарность за Ваши слова братскаго участія и правды по поводу происходящихъ у насъ церковныхъ событій. Господь да направитъ все ко благу Святой Своей Церкви.

Благодарю и за сообщеніе „Всеправославнаго Собранія“ о введеніи при богослуженіи новаго стиля и благословляю Финляндскую Церковь ввести у себя новый стиль съ октября мѣс. съ нѣкоторыми измѣненіями григоріанской пасхаліи. Прошу Васъ прислать мнѣ въ переводѣ постановленіе Собранія.

Испрашивая Вашихъ св. молитвъ, съ братской любовью остаюсь Вашего Высокопреосвященства покорный послушникъ Тихонъ, Патріархъ Московскій и всея Россіи.

16 Августа 1923. Москва, Донской монастырь.“

II.

„Ваше Высокопреподобіе. Всечестнѣйшій о. Игуменъ Павлинъ.

На дняхъ выйдетъ посланіе наше о переходѣ со 2-го Октября на новый стиль.

Прошу Васъ и братію св. обители Вашей не смущаться симъ переходомъ, такъ какъ этимъ не вносится измѣненія въ вѣру нашу, и Пасхалія остается православная.

Прошу Вашихъ св. молитвъ и призываю на обитель Вашу Божіе благословеніе.

Вашъ богомолецъ Тихонъ, Патріархъ Московскій и всея Россіи.

23 Сентября/6 Окт. 1923 г. Москва, Донской монастырь“. (Тамъ-же).

„Въ Москвѣ гоненія на Церковь продолжаются. Рядъ церквей вновь отобранъ и обращенъ подъ клубы. Населеніе по этому поводу негодуетъ. Характерно и знаменательно, что протесты становятся уже активными; такъ, когда во вновь отобранной церкви Св. Пимена была устроена первая вечеринка, въ ней ночью были побиты всѣ окна“. (Стар. Вр., 29 Окт. 1923 г., № 4.).

„Наркомвнудѣломъ“ на основаніи представленія коллегіи наркомпроса, разосланъ губисполкомамъ циркуляръ, въ ко-

торомъ указывается, что во многихъ мѣстностяхъ республики существуютъ національныя школы, гдѣ, вопреки постановленію государственной комиссіи по образованію, введено преподаваніе религіи.

Принимая во вниманіе „вредъ, который приноситъ юношеству изученіе религіи“, циркуляръ предлагаетъ усилить надзоръ за дѣятельностью преподавателей національныхъ школъ. Одновременно циркуляръ указываетъ, что мѣстные правительственные органы по незнанію поддерживаютъ духовныхъ лицъ преподавателей, допуская ихъ состоять членами профессіональныхъ союзовъ“. (Нов. Вр., 11 Нояб. 1923 г., №765).

„Совнаркомъ разрѣшилъ распродать имущество закрываемыхъ церквей съ аукціона. „Правда“ требуетъ реквизиціи всѣхъ церковныхъ колоколовъ на красный воздушный флотъ.

„Извѣстія“ (№ 232) сообщаютъ о расколѣ въ украинской автокефальной церкви въ Николаевѣ, гдѣ образовались двѣ партіи: одна во главѣ съ епископомъ Буцило, другая — съ протоіереемъ Гуличемъ. Обѣ стороны начали разоблачать другъ друга въ совѣтской печати, при чемъ выяснилось, что Буцило присвоилъ церковныя суммы и посвятилъ въ священники своего пріятеля Голованя, извѣстнаго рецидивиста, совершившаго кражу церковныхъ цѣнностей и отбывавшаго наказаніе въ домѣ принудительныхъ работъ“. (Старое Время, 12 Ноября 1923 г., № 6).

„Таймсъ“ печатаетъ слѣдующія впечатлѣнія епископа Берри, только вернувшагося изъ Москвы: „Патріархъ Тихонъ — человѣкъ еще не старый, ему сейчасъ 58 лѣтъ, производитъ впечатлѣніе глубокаго старика. Онъ живетъ въ двухъ маленькихъ келліяхъ Донского монастыря подъ строжайшимъ надзоромъ, такъ что не можетъ имѣть никакого общенія съ епископами православной Церкви“.

„Епископъ Берри, съ разрѣшенія совѣтскихъ властей, участвовалъ въ богослуженіи патріарха 1-го Ноября въ Успенскомъ Соборѣ, переполненномъ молящимися, въ противоположность пустымъ церквамъ, захваченнымъ представителями „живой церкви“. Патріархъ, давая епископу Берри объясненія по поводу своего извѣстнаго „обращенія“ и приведя слова Апостола Павла: „быть предъ очами Господа Бога и покинуть бренное тѣло — наивысшая радость“, сказалъ, что лично онъ съ радостью бы принялъ мученическую кончину, но судьба православной Церкви ввѣрена ему, и оставить ее онъ не можетъ. Передъ своимъ отъѣздомъ епископъ Берри посѣтилъ патріарха съ намѣреніемъ предложить ему, въ виду того, что въ данное время невозможно созвать церковный соборъ, на-

значить себѣ преемника на случай смерти, въ цѣляхъ сохраненія цѣлости православной Церкви. Но ему не удалось осуществить свое намѣреніе, такъ какъ патріархъ не могъ принять его въ виду полной потери силъ отъ болѣзни. Епископъ Берри приписываетъ тотъ фактъ, что ему была дана полная свобода во все время его пребыванія въ Москвѣ, точному исполненію всѣхъ предписаній совѣтскаго правительства англійской миссіей. Тѣмъ не менѣе, онъ подтвердилъ, что всѣ безъ исключенія иностранцы испытываютъ въ Россіи тяжелое чувство стѣсненія свободы благодаря тому, что щупальцы совѣтовъ всюду проникаютъ, и что всѣ иностранцы постоянно испытываютъ страхъ совершить, даже по невѣдѣнію, что либо запрещенное. Епископъ Берри вынесъ впечатлѣніе, будто *православная Церковь доживаетъ свои послѣдніе дни въ Россіи.* По его мнѣнію, она сможетъ продолжить свое существованіе, пока живъ патріархъ, но распадется, какъ только онъ умретъ. Патріархъ совсѣмъ разбитый человѣкъ, и совѣты видимо ждутъ его смерти, чтобы нанести послѣдній ударъ православной Церкви въ Россіи". (Новое Время, 30 Ноября, № 781).

„Въ Воронежской губ. большевиками убито 160 священниковъ. Въ Херсонской губ. 3 священника были распяты. Духовникъ монастыря св. Магдалины о. Никольскій, 60-лѣтній старецъ былъ схваченъ въ церкви во время богослуженія, его мучители заставили раскрыть ротъ и съ крикомъ „вотъ святое причастіе", выстрѣлили въ ротъ. Священника Дмитріевскаго силою поставили на колѣни, отрѣзали ему уши и носъ, а потомъ отрубили голову. Отца Золотовскаго, 80-лѣтняго старца, одѣли въ женское платье и потомъ убили его когда онъ отказался плясать. Священника Калиновскаго засѣкли до смерти". (Церк. Вѣд., 1/14 — 15/28 Декабря 1923 г., № 23-24).

„Епископъ Павелъ, викарій Владивостокской епархіи, вернувшійся изъ Японіи во Владивостокъ, высланъ въ Самару. Епископъ Охотскій Даніилъ, викарій Камчатской епархіи, хиротонисанный во епископы по опредѣленію Архіерейскаго Синода Русской Православной Церкви заграницей, болѣе 8 мѣсяцевъ сидитъ въ тюрьмѣ на Камчаткѣ въ г. Петропавловскѣ за отказъ признать какъ живоцерковниковъ, такъ и большевицкую власть. Владыка извѣстенъ крѣпостью вѣры и твердостью взглядовъ. И теперь онъ на представленныхъ ему отъ живцовъ въ тюрьму обращеніяхъ пишетъ резолюціи „еретики", „богоотступники". Продолжаетъ сидѣть любимый паствой Епископъ Благовѣщенскій Евгеній. Арестованъ онъ

за совершеніе въ соборѣ въ день рожденія Государя Императора Николая II заупокойной литургіи". (Тамъ-же).

„Газета „Le Journal" сообщаетъ: „Датскій писатель Галлингъ Келлеръ, возвратившійся изъ путешествія по Россіи, разсказываетъ, что онъ присутствовалъ въ Свіяжскѣ при открытіи памятника Іудѣ Искаріотскому. Мѣстный совдепъ долго обсуждалъ, кому поставить статую. Люциферъ былъ признанъ не вполнѣ раздѣляющимъ идеи коммунизма, Каинъ слишкомъ легендарной личностью, поэтому и остановились на Іудѣ Искаріотскомъ, какъ вполнѣ исторической личности, представивъ его во весь ростъ съ поднятымъ кулакомъ къ небу". (Тамъ-же).

„Изъ Москвы сообщаютъ: въ виду приближающихся праздниковъ Рождества Христова, центральный комитетъ РКП разослалъ во всѣ культурныя организаціи циркуляръ съ требованіемъ немедленно приступить къ планомѣрной и систематической антирелигіозной пропагандѣ. Главное вниманіе слѣдуетъ обратить, гласитъ циркуляръ, на изслѣдованіе и собираніе соотвѣтственныхъ матеріаловъ для пропаганды. Основнымъ лозунгомъ и цѣлью этой пропаганды должно быть изгнаніе религіозныхъ началъ изъ домашней жизни и замѣна ихъ „пролетарской революціонно-свѣтской культурой". Пропаганда должна носить „эстетическій характеръ". Антирелигіозная пропаганда будетъ происходить въ закрытыхъ помѣщеніяхъ". (Нов. Вр., 19 Декабря, № 796).

„Приводимъ выдержки изъ частнаго письма отъ 15 Ноября с/г.: „Вѣроятно и до васъ дошли слухи, какія кошмарныя событія пережила и продолжаетъ переживать св. Церковь, и центромъ этихъ переживаній служитъ Петербургъ. Божіимъ попущеніемъ церковное управленіе временно оказалось въ рукахъ захватчиковъ; путемъ обмана и насилія, потерявшая и честь и страхъ Божій группа священниковъ съ весьма громкими именами (Боярскій, Введенскій) взяла въ свои руки церковную жизнь, при этомъ искусно прикрывая свои честолюбивые и сатанинскіе замыслы обѣщаніемъ создать для Церкви въ государствѣ легальное положеніе и обновить самую жизнь и строй Церкви реформами въ строго каноническомъ духѣ. Много нашлось довѣрчивыхъ и еще больше легкомысленныхъ. Но все это оказалось шантажемъ. Большую твердость проявилъ народъ и, не взирая на агитацію и запугиванія, въ массѣ остался вѣренъ православію. Создался ужасный расколъ. Церкви стали пустѣть. Духовенство потеряло довѣріе, а нѣкоторые, особенно ревностные послѣдователи новаго движенія, стали предметомъ презрѣнія. Какъ ни

странно, и здѣсь начались ссылки и тюрьмы. И много слезъ было пролито, много, много пережито скорби. Въ настоящее же время совершился полный переворотъ. Всѣ и все постепенно объединились вокругъ своего главы патріарха Тихона; каялась Лавра, а на слѣдующій день Воскресенскій монастырь, при огромномъ стеченіи народа. Есть и протестующіе, но народъ опредѣленно обрекъ ихъ на вымираніе. Благодаря Бога меня эта волна не коснулась, но пережить пришлось очень и очень много горькаго и обиднаго. Недавно въ одномъ храмѣ служилъ представитель патріарха Тихона епископъ Мануилъ при громадномъ стеченіи народа. Служба — какой не запомнимъ. Такой подъемъ и настроеніе, словно переживали Пасхальную ночь. И чувствуется, что словно все ожило и духовно окрѣпло и я счастливъ былъ за всѣхъ участниковъ и, конечно, за себя. Порадуйтесь и вы за насъ и помолитесь, дабы Господь продлилъ Свою милость..." (Нов. Вр., 23 Декабря, № 800).

„Полное пораженіе „живой церкви" на Украинѣ (глава ея митрополитъ Тихонъ, бывшій архіепископъ Воронежскій, вынужденъ былъ покинуть Покровскій монастырь въ Кіевѣ и уѣхалъ въ Москву) вновь обострило, по словамъ „Рускульта", борьбу между „черной" (тихоновской) и „жовтоблакитной" (національной) церквами. Первая попрежнему имѣетъ силу въ городахъ, вторая — въ селахъ, гдѣ низшее духовенство является вмѣстѣ съ учителями и другой сельской интеллигенціей надежнѣйшей опорою украинскаго національзма. „Націонализація", проводимая теперь большевиками, значительно укрѣпила „жовто-блакитну" церковь, и на поверхность начинаютъ выплывать внутренніе споры о степени украинизаціи богослуженія, о формѣ взаимоотношенія съ Московскимъ синодомъ и выплывшій въ послѣднее время, выдвинутый выходцами изъ Галиціи, вопросъ объ украинскомъ патріархѣ. Московскій синодъ, съ которымъ на бывшемъ весной въ Москвѣ соборѣ связала себя живая „жовта" церковь, пользуется въ національно церковныхъ украинскихъ кругахъ очень печальной репутаціей, а такъ какъ связь съ патріархомъ Тихономъ порвана уже давно (и въ этомъ главнѣйшій пунктъ расхожденія съ „черной" церковью), то является необходимость рѣшить вопросъ объ „оріентаціи".

Константинопольскій патріархъ, въ связи съ послѣдними въ немъ настроеніями, не пользуется авторитетомъ, и сторонники оріентаціи не чувствуютъ подъ собой твердой почвы. Это одно время дало перевѣсъ сторонникамъ новой идеи о созданіи украинскаго патріарха, но, помимо прочихъ затрудненій и отрицательныхъ соображеній, есть одно, которое дѣ-

лаетъ невозможнымъ осуществленіе этой идеи: отрицательное отношеніе къ ней большевиковъ". (Тамъ-же, 26 Декабря 1923 г., № 802).

„Рига (Русспр.) „Правда" сообщаетъ, что въ 51-й красной дивизіи красноармейцамъ при прибытіи въ часть приказывается снимать съ шеи кресты". (Тамъ-же, 27 Декабря 1923 г., № 803).

„Въ связи съ борьбой противъ религіи и церковныхъ обрядовъ совѣтскимъ правительствомъ опубликованы инструкціи о праздникованіи „краснаго Рождества" въ школахъ, рабочихъ организаціяхъ и т. д... Празднованіе Рождества должно быть постепенно сведено къ соблюденію древнихъ языческихъ обычаевъ и обрядовъ". (Тамъ-же, 28 Дек. 1923 г., № 804).

„Въ Бѣлоруссіи комиссаріатъ просвѣщенія постановилъ отмѣнить въ учебныхъ заведеніяхъ рождественскія и пасхальныя каникулы". (Тамъ-же).

„Въ Кіевѣ закрытъ цѣлый рядъ церквей: религіознопросвѣтительнаго общества, Братства Воскресенія Христова, на Сѣнной площади, Александровской и Кирилловской больницъ и др. Введенъ новый уставъ о перерегистраціи религіозныхъ общинъ, въ силу котораго приходскіе совѣты упраздняются, а на ихъ мѣсто избираются уполномоченные. Дѣла должны рѣшаться на общихъ собраніяхъ, созываемыхъ съ разрѣшенія совѣтскихъ властей въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Закрытъ также рядъ монастырей, а именно: Пустыни Китаевская и Преображенская, монастыри Михайловскій и Фроловскій; двѣ церкви этого послѣдняго переданы живой церкви, а зданія монастыря отданы въ аренду союзу металлистовъ. Сестры должны платить арендную плату за помѣщеніе. Въ Печерской Лаврѣ зданія заарендованы для инвалиднаго городка и отдѣломъ народнаго образованія. Закрыты также Покровскій женскій монастырь и церковь на Шулявскомъ и Лукьяновскомъ кладбищахъ.

Совершеніе ночныхъ службъ воспрещено". (Церк. Вѣд., 1/14 — 15/28 Января 1924 г., № 1 и 2).

„Вотъ что пишетъ прибывшій въ Ригу корреспондентъ лондонской газеты „Дэли Мель" Ричардъ Итонъ своей газетѣ:

„Меня арестовали большевики за то, что я прибылъ въ Москву безъ разрѣшенія. Едва удалось избавиться изъ тюрьмы. Въ тюрьмѣ я познакомился съ религіозной политикой большевиковъ.

Послѣ освобожденія патріарха Тихона, терроръ противъ духовенствоечнэь усилился. Коммунисты боятся все возро-

стающаго вліянія патріарха и хватаютъ его сторонниковъ. 400 священниковъ выслано безъ денегъ и одежды въ Архангельскъ на вѣрную смерть отъ голода. 300 священниковъ и всѣ архіепископы и епископы, кромѣ восьми, ввергнуты въ тюрьму. Ихъ обвиняютъ въ контръ-революціонной дѣятельности.

Въ тюрьмѣ я видѣлъ престарѣлыхъ священниковъ въ ужасающей обстановкѣ. Они спятъ на каменномъ полу и получаютъ въ день четверть фунта хлѣба и отвратительную похлебку. Большинство ихъ старше 60 лѣтъ. Одного, совершенно больного старца перевели въ больницу только послѣ того, какъ у него отъ голода случился обморокъ и онъ больше часа пролежалъ безъ сознанія. На прогулкахъ чекисты бьютъ старцевъ палками и хлыстами, чтобы они гуляли быстрѣе. Я видѣлъ архіепископа, который 9 мѣс. заключенъ въ одиночной темной камерѣ на хлѣбѣ и водѣ.

Религіозныя преслѣдованія относятся не только къ священникамъ. Одинъ мой знакомый, видный совѣтскій чиновникъ, былъ ввергнутъ въ тюрьму за то, что посѣщалъ церковь.

Въ больницахъ и тюрьмахъ запрещено исповѣдывать умирающихъ". (Тамъ-же).

„По оффиціальнымъ совѣтскимъ даннымъ только до сентября 1920 года чрезвычайками было разстрѣляно:

Епископовъ — 28, священниковъ — 1215, а всѣхъ вообще за указанное время разстрѣляно — 1.755.810 чел.". (Тамъ-же).

„По сообщеніямъ „Русспресса" на улицахъ Москвы было расклеено слѣдующее воззваніе:

„Православные люди! Около храмовъ, гдѣ служитъ Святѣйшій Патріархъ Тихонъ, часто происходятъ ожесточенные споры и столкновенія. Бывали даже случаи насилія. А что всего хуже, такъ это то, что ведутся рѣчи контръ-революціоннаго содержанія. Все это совершенно недопустимо. *Врагамъ нашего государственнаго строя, разнаго рода черносотенцамъ, нѣтъ мѣста около Святѣйшаго Патріарха*, который ясно самъ сказалъ, что онъ *ничего общаго съ контръ-революціей. не имѣетъ.* Богослуженіе совершается только для молитвы. Злые и ненужные политическіе разговоры, а тѣмъ болѣе всякое насиліе, совершаемое около храма, оскорбляютъ храмъ и набрасываютъ тѣнь подозрѣнія на святую Церковь и ея служителей.

Прошу и умоляю православныхъ людей никогда не безчинствовать, особенно около храмовъ. Въ комъ горятъ политическія страсти, тотъ лучше оставайся дома. *Упорные же нарушители мира и порядка да знаютъ, что таковыхъ мы*

будемъ отлучать отъ св. Причащенія, какъ не щадящихъ святую Церковь и позорящихъ ее.

Управляющій Московской православной епархіей

Епископъ Илларіонъ".

(Церк. Вѣд., 1/14 — 15/28 Фев. 1924 г., № 3 - 4).

„Освобожденные изъ тюрьмы на праздникъ Рождества Христова, Митрополитъ Арсеній и Архіепископъ Никандръ вновь арестованы черезъ четыре дня по освобожденіи.

Алексѣевскій монастырь въ Москвѣ превращенъ въ клубъ комсомольцевъ.

На Преображенскомъ старообрядческомъ кладбищѣ въ первой молельнѣ вмѣсто образа, повѣшенъ портретъ Ленина.

Въ Псковѣ закрыты Георгіевская и Пантелеймоновская церкви. Имущество церквей описано и увезено. Зданія церквей приспособляются подъ клубы.

Іоанновскій монастырь въ Петроградѣ разоренъ большевиками. Покоющееся въ монастырѣ тѣло протоіерея о. Іоанна Кронштадтскаго предположено было перенести на Смоленское кладбище, гдѣ былъ приготовленъ для него склепъ. Но это большевикамъ не удалось. По сообщенію изъ Петрограда, при вскрытіи гроба большевики страшно испугались о. Іоанна, грозно посмотрѣвшаго на нихъ, и они отступились, закрывъ гробъ и задѣлавъ досками церковь. Такъ гробъ о. Іоанна Кронштадтскаго и остался на прежнемъ мѣстѣ, но свѣдѣнія эти не провѣрены. При разореніи монастыря большевики совершили дикія непередаваемыя кощунства. Главная вина этого разоренія — сами сестры. Онѣ раздѣлились на партіи. Этимъ воспользовался большевическій агентъ — протоіерей Жураевскій. Онъ и довелъ монастырь до закрытія. Монастырь обращенъ въ увеселительное заведеніе.

Троицкое подворье въ Петроградѣ закрыто и обращено въ театръ.

Въ подворьи Валаамскаго монастыря въ Москвѣ рѣшено поселить безпризорныхъ женщинъ, а монаховъ предполагаютъ выселить оттуда, размѣстивъ ихъ въ свободныхъ торговыхъ помѣщеніяхъ; при чемъ сроку на выселеніе дали имъ нѣсколько дней.

Зданіе Московскаго Всѣхсвятскаго единовѣрческаго монастыря передано подъ рабочій клубъ завода „Серпъ и Молотъ".

„Русспресс" сообщаетъ, что коммунисты — служащіе комиссаріата юстиціи вынесли резолюцію съ требованіемъ

закрыть всѣ церкви на Красной площади въ Москвѣ, для обращенія ихъ въ музей имени Ленина. Это предложеніе будетъ обсуждаться на ближайшемъ засѣданіи совнаркома.

Только что получены нами свѣдѣнія о томъ, что арестованы: Епископъ Мануилъ — управляющій Петроградской епархіей, Епископъ Серафимъ и около 70 священниковъ". (Церк. Вѣд., 1/14 — 15/28 Марта 1924 г., № 5 и 6).

ГЛАВА 42.

Офиціальныя свѣдѣнія Архіерейскаго Синода Русской Церкви заграницей.

Заканчиваю свой обзоръ офиціальными данными, помѣщенными въ издаваемыхъ при Архіерейскомъ Синодѣ Русской Православной Церкви заграницей „Церковныхъ Вѣдомостяхъ", отъ 1/14 — 15/28 Іюля 1923 г., въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Свѣдѣнія объ убитыхъ, замученныхъ и заключенныхъ въ тюрьмахъ большевиками Русскихъ Православныхъ епископахъ за время съ 1918-го года и о другихъ актахъ насилія надъ Русской Православной Церковью":

„Смертныя казни архіереевъ начались съ 1918 г. Первымъ былъ убитъ *Макарій*, Епископъ Орловскій. Затѣмъ въ томъ же году и въ слѣдующемъ были разстрѣляны: Первенствующій Іерархъ Россіи Митрополитъ Кіевскій, а раньше — Петербургскій, *Владиміръ*. Медленно были замучены Архіепископъ Астраханскій *Митрофанъ* и викарій Епископъ *Леонтій*. Тѣла ихъ были брошены въ яму и христіане не допускались погребсти ихъ. Въ Перми достойнѣйшему Архіепископу *Андронику* отрѣзали щеки, выкололи глаза, долго водили его по улицамъ и, наконецъ, утопили въ рѣкѣ. Тамъ же разстрѣляли присланныхъ Священнымъ Синодомъ для разслѣдованія этого событія Архіепископа Черниговскаго *Василія* и Пермскаго викарія Епископа *Ѳеофана*. Въ Тобольскѣ замучили Архіепископа *Гермогена*, а въ Свіяжскѣ умертвили, привязавъ къ хвосту бѣшеной лошади, Епископа *Амвросія*. Епископа *Исидора* въ Самарской губерніи посадили на колъ и такъ предали медленной мучительной смерти. Такъ же долго мучили въ Бѣлгородѣ Епископа *Никодима*, ударяя по головѣ желѣзнымъ прутомъ и затѣмъ бросивъ его тѣло въ сорную яму и не дозволили его хоронить, пока черезъ полгода не пришли Добровольцы и не погребли его

останки, узнавъ ихъ среди прочихъ труповъ только по монашескому параману. Епископа Ревельскаго *Платона*, обливая водой на морозѣ, обратили въ ледяной столбъ. Менѣе извѣстны подробности о разстрѣлахъ Преосвященныхъ *Лаврентія*, Епископа Балахнинскаго, *Пимена*. Епископа Вѣрненскаго, *Меѳодія*, Епископа Павлодарскаго, *Германа*, Епископа Камышинскаго, *Варсонофія*, Епископа Кирилловскаго, *Ефрема*, Епископа Селенгинскаго. Затѣмъ умерщвлены въ собственныхъ домахъ Архіепископъ *Іоакимъ* въ Крыму, Епископъ *Симонъ* въ Уфѣ. Послѣдній убитъ въ ночь на 6-е Іюля 1921 г. Весной 1921 г. убитъ Епископъ Акмолинскій *Меѳодій*. Наконецъ, разстрѣляли въ Петроградѣ, любимаго избранника паствы Митрополита *Веніамина*. Называютъ еще 6-7 именъ архіереевъ, замученныхъ въ тюрьмахъ, но вполнѣ точно о ихъ смерти ничего не извѣстно. Но сверхъ того умерли въ тюрьмахъ отъ голода и жестокаго обращенія Архіепископъ Крутицкій *Іоасафъ*, Архіепископъ Екатеринославскій *Агапитъ*, Архіепископъ Симферопольскій *Никодимъ*, Епископъ *Василій*, Ректоръ Кіевской Духовной Академіи. А большинство прочихъ, не пожелавшихъ признать „живую церковь“, томится въ тюрьмахъ.

По свѣдѣніямъ 1920 года священниковъ было убито — 1215, а съ тѣхъ поръ число ихъ, вѣроятно, удвоилось. Не щадили большевики и монаховъ и монахинь. Такъ, напримѣръ, въ г. Богодуховѣ всѣхъ монахинь, не пожелавшихъ уйти изъ монастыря, привели на кладбище къ раскрытой могилѣ, отрѣзали имъ сосцы и живыхъ побросали въ эту глубокую яму, а сверху бросили еще дышавшаго стараго монаха, и засыпая всѣхъ землею, кричали, что справляется монашеская свадьба.

Кромѣ сего имѣются у насъ документальныя свѣдѣнія объ арестахъ архіереевъ къ 1/14 Сентября 1921 года. Архіепископъ Вятскій, впослѣдствіи Крутицкій, *Никандръ* съ осени 1918 года до Пасхи 1920 года сидѣлъ въ тюрьмѣ, затѣмъ съ осени 1920 года до Іюля 1921 года вновь былъ посаженъ въ Бутырки (тюрьма). Въ настоящее время онъ вновь содержится въ тюрьмѣ. Съ 1921 года находился въ тюрьмѣ Пинежскій Епископъ *Павелъ*. Въ концѣ 1920 года арестованъ былъ Епископъ Брянскій *Амвросій*, котораго продержали въ тюрьмѣ болѣе года.

Въ Сентябрѣ 1921 года посаженъ въ тюрьму быв. Варшавскій Архіепископъ *Серафимъ*. Долгое время держали въ чека и тюрьмѣ Митрополита Владимірскаго *Сергія*, арестованнаго въ Январѣ 1921 года, который затѣмъ былъ освобожденъ, а теперь вновь заключенъ въ тюрьму. Въ Муромѣ

долгое время держали въ тюрьмѣ Епископа Муромскаго *Серафима*. Также долго томили въ тюрьмѣ Епископа Уржумскаго *Виктора*. Томился въ тюрьмѣ и былъ приговоренъ къ разстрѣлу Архіепископъ Иркутскій *Анатолій*. Правда, приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе, т. к. онъ призналъ „живую церковь" и для окончательнаго рѣшенія его дѣла увезенъ въ Новониколаевскъ.

До сихъ поръ томится въ Таганской тюрьмѣ, въ Москвѣ, арестованный въ Казани въ іюнѣ 1920 года Митрополитъ *Кириллъ*. Въ Москву же вывезенъ и его викарный Епископъ Чистопольскій *Анатолій*, котораго долгое время держали въ тюрьмѣ. Въ концентраціонномъ лагерѣ держали долго Архіепископа быв. Иркутскаго *Серафима*. Долго держали въ тюрьмѣ въ Ростовѣ на Дону и затѣмъ сослали въ Нижній-Новгородъ Епископа Ейскаго *Филиппа*. Очень долгое время держали въ тюрьмѣ и престарѣлаго Архіепископа Могилевскаго *Константина*. Нѣсколько разъ арестовывали Епископа Подольскаго (Москов. губ.) *Петра*, котораго въ послѣдній разъ арестовали 12 Августа 1921 года; свѣдѣній объ освобожденіи его не имѣется. Епископъ Волоколамскій *Германъ* нѣкоторое время былъ въ тюрьмѣ, затѣмъ освободили, но безъ права выѣзда изъ Москвы. Въ тюрьму же заключены *Иринархъ*, Епископъ Тюменскій, и *Викторъ*, Епископъ Барнаульскій. Былъ подъ арестомъ, судимъ революціоннымъ трибуналомъ и присужденъ къ высылкѣ въ Архангельскъ, Митрополитъ Новгородскій *Арсеній*. Очень долго томили въ тюрьмѣ Епископа Пензенскаго *Іоанна*, съ 5 Апрѣля 1921 г. состоящаго Архіепископомъ Рижскимъ и Митавскимъ. Томились долго въ тюрьмѣ и Епископы Лужскій *Артемій* и Псковскій *Геннадій*, нынѣ умершій отъ пережитыхъ волненій. Держатъ подъ арестомъ и Епископа Смоленскаго *Филиппа*. Въ заточеніи въ Велик.-Устюгѣ находится управляющій Черноморской епархіей Епископъ *Сергій*. Въ Таганской тюрьмѣ содержатся Епископы: Волоколамскій *Ѳеодоръ* и Алатырскій *Гурій*. Архіепископъ Черниговскій *Пахомій* сосланъ въ Реснянскій монастырь. По слухамъ Нижегородскій Архіепископъ *Никодимъ* умеръ въ концентраціонномъ лагерѣ отъ сыпного тифа. *Назарій*, Епископъ Енисейскій, отстраненъ отъ должности.

Независимо отъ активнаго гоненія большевиками представителей Русской Православной Церкви, выразившагося въ убійствѣ 28 епископовъ и арестахъ епископовъ, число коихъ не поддается учету, въ особенности въ настоящее время, когда большевики вызвали въ Церкви смуту и стали поддерживать ничтожную группу церковныхъ мятежниковъ, арестовывая и отправляя въ ссылку положительно всѣхъ епископовъ, остав-

шихся вѣрными Св. Патріарху Всероссійскому Тихону, — (изъ этихъ 215 православныхъ каноническихъ епископовъ почти никто не участвовалъ на московскомъ лже-соборѣ; въ созванномъ большевиками лже-соборѣ принимали участіе только 46 епископовъ, изъ коихъ только 2-3 епископа каноническаго поставленія, но съ возстаніемъ противъ Св. Патріарха, потерявшіе свою каноничность, а остальные 43-44 епископа — лжеепископы, какъ поставленные церковными мятежниками — „живоцерковниками" и такимъ образомъ болѣе 200 епископовъ правомочныхъ насиліемъ большевиковъ устранены отъ участія въ церковныхъ дѣлахъ) — и самые законодательные акты совѣтской власти носятъ характеръ явнаго насилія и гоненія Православной Церкви. А именно: всѣ декреты и постановленія совѣтской власти сводятся къ тому, что Православная Церковь, отдѣленная отъ государства, считается какъ частное общество и при этомъ совершенно лишенное правъ юридическаго лица и не пользующееся никакими преимуществами и субсидіями. Права собственности Церковь не имѣетъ и „все ея бывшее имущество объявляется народнымъ достояніемъ", при чемъ подъ понятіе имущества подходитъ не только недвижимое имущество (земли, заводы, церковныя лавки, дома), но и движимое, а въ томъ числѣ и всякаго рода капиталы и церковные сборы, примѣрный перечень которыхъ помѣщенъ въ приложеніи II къ ст. 685 Собр. Узак. и распоряженій совѣтскаго правительства. Зданія же и предметы, предназначенные для богослужебныхъ цѣлей, являясь собственностью государства и находясь въ завѣдываніи мѣстныхъ совѣтовъ, отдаются послѣдними въ пользованіе религіозныхъ обществъ. Подъ религіознымъ обществомъ (коллективомъ) понимается опредѣленное, *по усмотрѣнію мѣстнаго совѣта*, число мѣстныхъ жителей, заявившихъ о желаніи взять въ свое пользованіе указанное выше имущество.

Образовашейся такой группѣ передаются зданія и предметы спеціально предназначенные для религіозныхъ и обрядовыхъ цѣлей, на основаніи особаго договора, налагающаго на лицъ, его подписавшихъ, рядъ обязанностей по отношенію къ власти и принятому имуществу.

Храмы и часовни обращаются для другихъ цѣлей если мѣстный совѣтъ, нуждаясь въ помѣщеніяхъ для общеполезныхъ цѣлей, постановитъ объ обращеніи храма для этихъ цѣлей. Этимъ правомъ большевики страшно злоупотребляютъ, обращая храмы въ клубы, театры и др. увеселительныя учрежденія.

„По инициативѣ трудящихся массъ", съ особаго постановленія Съѣзда совѣтовъ или губисполкомовъ, могутъ подвер-

гаться изслѣдованію и передаваться въ мѣстные музеи св. мощи. Это право привело къ кощунству и издѣвательству большевиковъ надъ святынями православнаго народа.

Предоставленные вѣрующимъ храмы могутъ быть одновременно использованы властью и для культурно-просвѣтительныхъ и общественно-политическихъ цѣлей.

Монастыри, какъ особыя религіозныя общины, закрываются.

Всѣ церкви домовыя, при учебныхъ заведеніяхъ правительственныхъ, общественныхъ и военныхъ учрежденіяхъ, властью объявлены закрытыми.

Святыя Таинства и церковные обряды для государства никакого значенія не имѣютъ. Властью прекращена выработка церковной парчи. Отобраны церковно-свѣчные заводы.

Распоряженіемъ совѣтской власти закрыты Епархіальные Совѣты.

Духовныя лица лишены активнаго и пассивнаго избирательнаго права и права преподаванія и службы въ учебныхъ заведеніяхъ. Это по декрету, фактически же они лишены всѣхъ правъ. Имъ отказывали даже въ выдачѣ продуктовъ и хлѣба, а обязанностямъ, возлагаемымъ на всѣхъ гражданъ, въ одинаковой и даже большей мѣрѣ и степени подлежатъ и священнослужители. Руководствуясь этимъ положеніемъ, большевики отправляли нѣкоторыхъ священнослужителей, коимъ св. Церковь запрещаетъ употребленіе оружія, на фронтъ.

Преподаваніе Закона Божія совершенно изъято изъ учебныхъ заведеній.

Духовно-учебныя заведенія властью закрыты. До сихъ поръ священнослужителямъ разрѣшали обучать дѣтей Закону Божію частнымъ образомъ въ храмѣ. А впослѣдствіи и это право отнято и теперь имъ совершенно воспрещено подъ угрозой смерти преподаваніе дѣтямъ Закона Божія и вѣроученія, равно какъ воспрещено имъ и крестить малолѣтнихъ дѣтей.

Общее положеніе Православной Церкви въ Совѣтской Россіи опредѣляется:

1) „Конституціей (основнымъ закономъ) Р.С.Ф.С.Р.“, принятой Всероссійскимъ съѣздомъ совѣтовъ 10 Іюля 1918 г. (ст. 582 Собр. Узак. и Расп. Прав. № 51),

2) „Декретомъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ объ отдѣленіи Церкви отъ государства“ (распубликовано 1 Января 1918 г.),

3) „Постановленіемъ (инструкціей) Народнаго Комиссара Юстиціи о порядкѣ проведенія указанныхъ декретовъ и постановленій центральной власти (помѣщающихся въ Собр.

Узак. и Расп. Прав.), какъ изданныхъ въ дополненіе и развитіе общихъ началъ, заключающихся въ перечисленныхъ выше постановленіяхъ, такъ и касающихся другихъ сторонъ государственной жизни, но имѣющихъ отношеніе и къ Церкви. Къ послѣднимъ относятся „Кодексъ законовъ объ актахъ гражданскаго состоянія, брачномъ, семейномъ и опекунскомъ правѣ", „Декретъ о соціализаціи земли" (Собр. Узак. и Расп. Прав., № 89), „Кодексъ законовъ о трудѣ" и нѣкоторые другіе декреты.

Среди постановленій перваго рода особенное значеніе имѣютъ:

1) „Декретъ о кладбищахъ и похоронахъ", (распубликованъ въ № 271 „Извѣстій Всероссійской Центральной Исполнительной Комиссіи (В.Ц.И.К.) 11 Декабря 1918 г.).

2) „Инструкція о порядкѣ осуществленія этого декрета" (распубл. въ № 15 „Изв. В.Ц.И.К." 22 Января 1919 г.),

3) „Постановленіе государственной комиссіи по просвѣщенію о духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ" (расп. въ № 191 „Изв. В.Ц.И.К." 5 Сентября 1918 г.),

4) „Инструкція Коллегіи по дѣлалъ музеевъ и охранѣ памятниковъ искусства и старины",

5) „Циркуляръ по вопросу объ отдѣленіи Церкви отъ государства Комиссаріата Юстиціи", отъ 3 Января 1919 г.,

6) „Циркуляръ того же Комиссаріата по поводу ст. 12 декрета объ отдѣленіи Церкви отъ государства" отъ 18 Мая 1920 г.,

7) „Циркулярное письмо объ отношеніи къ религіознымъ обществамъ Народнаго Комиссара Внутреннихъ дѣлъ Петровскаго, отъ 28 Февраля 1919 г.

Кромѣ этихъ общихъ декретовъ и распоряженій центральной власти положеніе Православной Церкви регулируется и декретами мѣстныхъ совѣтовъ, которые зачастую ограничивали и безъ того ограниченныя права Церкви и вызывали явное гоненіе на Церковь, запрещая крестные ходы, ремонтъ церквей, звонъ церковный. Всѣ вышеприведенные декреты и распоряженія совѣтской власти, содержащіе въ себѣ безусловное преслѣдованіе Православной Церкви, относятся ко времени до 1921 года.

Съ 1921 года положеніе Церкви въ Совѣтской Россіи стало еще болѣе тяжелымъ. Она превратилась въ явно гонимую и преслѣдуемую большевиками. Такъ, они не позволили Св. Патріарху Всероссійскому созывать Церковный Соборъ, совершенно закрыли органы Церковнаго Управленія: Св. Синодъ, Высшій Церковный Совѣтъ, Епархіальные Совѣты, а въ послѣднее время, съ Мая 1922 года, лишили права власти и личной свободы и Св. Патріарха, его замѣстителя, епархі-

альныхъ архіереевъ и священнослужителей, оставшихся ему вѣрными, а также распустили Церковные Приходскіе Совѣты. Запрещали выдавать въ церкви муку для просфоръ и вино для Св. Евхаристіи, такъ что священнослужители вынуждались совершать величайшее Таинство Евхаристіи на суррогатахъ вина (настойка клюквы, черемухи, черники и т. п.). Кромѣ того, въ теченіе 1922 года совершенно ограбили всѣ церкви путемъ изъятія цѣнностей, якобы на помощь голодающимъ, несмотря на сильное сопротивленіе сему со стороны вѣрующаго народа. И въ довершеніе всего этого большевики судятъ Св. Патріарха Тихона съ явнымъ намѣреніемъ лишить его жизни".

Авторъ этой статьи Управляющій канцеляріей Архіерейскаго Синода Русской Прав. Церкви заграницей Е. И. Махароблидзе оговаривается, что свѣдѣнія эти собраны для печати къ *1 Мая 1923 года.*

Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что съ того времени положеніе Церкви еще болѣе ухудшилось. Объ этомъ свидѣтельствуетъ каждая страница, какъ офиціальнаго органа русской Церкви заграницей, такъ и любой русской или иностранной газеты. Гоненія на Церковь не только не уменьшаются, а, наоборотъ, увеличиваются и терроръ растетъ въ соотвѣтствіи съ тѣми мѣрами, какія совѣтская власть примѣняетъ въ цѣляхъ закрѣпленія своего положенія, сознавая, что послѣднее становится все болѣе шаткимъ.

Таковы свѣдѣнія, пробившіяся сквозь толщу совѣтской цензуры, сообщенныя случайно вырвавшимися изъ Россіи людьми и тѣмъ или инымъ путемъ дошедшія къ намъ. Какъ ни отрывочны эти свѣдѣнія, какъ ни разнообразно ихъ содержаніе, однако допустить въ нихъ какія либо преувеличенія — совершенно невозможно. Напротивъ, несомнѣнно, что многое смягчено, многое недоговорено, еще бо̀льшее умышленно сокрыто. Однако, ужасная картина гибели православной Церкви, какъ земного организма, регулирующаго церковную жизнь Россіи, предстаетъ предъ нами во всей своей наготѣ. Мы видимъ натискъ сатанизма на Церковь и ожесточенную борьбу съ нимъ со стороны вѣрующихъ, смѣло и безбоязненно защищающихъ святыню, видимъ и сознательныхъ предателей, измѣняющихъ своему долгу, видимъ и попытки приспособляться къ требованіямъ сатанистовъ, и всякаго рода компромиссы съ долгомъ и совѣстью, какіе всегда останутся нравственно преступными, какими бы мотивами ни вызывались и чѣмъ бы ни объяснялись, но мы не видимъ... вѣры въ чудо Божіе, вѣры въ всемогущество Бога, и мы неминуемо приходимъ къ заключенію, очень тяжкому для нашего сознанія, что право-

славная Церковь, какъ земная организація, лишившись опоры въ православной государственности, предъ натискомъ сатанизма — *не устояла.*

Объ этомъ свидѣтельствуютъ и приведенныя нами письма патріарха Тихона къ Финляндскому архіепископу Серафиму и Валаамскому игумену Павлину, и „раскаяніе“ патріарха, и вызвавшій столько соблазна циркуляръ архіепископа Илларіона, и нижепомѣщаемая „бесѣда“ патріарха Тихона съ сотрудниками „Роста“, напечатанная въ газетѣ „За Свободу“ отъ 3-го Апрѣля 1924 г., и вся русская дѣйствительность.

Однако же было бы въ высокой степени несправедливо обвинять въ такой катастрофѣ личный составъ православныхъ іерарховъ и духовенства, или обусловливать катастрофу органической связью православной Церкви съ государствомъ, какъ это дѣлаютъ католики. Наоборотъ, Церковь потому и пала, что лишилась опоры со стороны православной государственности, и ей не на чемъ было держаться. Въ случаѣ торжества большевичества въ Италіи, т. е. паденія Квиринала, Ватиканъ оказался бы въ такомъ же плѣну у сатанистовъ, какъ и православная Церковь въ Россіи, и католическая Церковь явила бы еще болѣе яркія картины разложенія, чѣмъ православная.

ГЛАВА 43.

Бесѣда съ Патріархомъ Тихономъ.

Разумѣется, къ совѣтскимъ „Извѣстіямъ“ нужно относиться съ величайшей осторожностью, и я не берусь утверждать, что бесѣда съ патріархомъ воспроизводитъ подлинныя мысли и слова патріарха, однако же общее содержаніе бесѣды, повидимому, передано правильно, ибо подтверждается и дѣйствіями патріарха, несомнѣнно вызывавшими соблазнъ среди вѣрующихъ.

Упраздненіе Высшаго Церковнаго Управленія заграницей, распоряженіе о переходѣ на новый стиль, впослѣдствіи взятое назадъ, неоднократныя заявленія объ аполитичности Церкви, и пр. и пр. — всѣ эти дѣйствія допущены несомнѣнно подъ давленіемъ большевиковъ. Въ этомъ ихъ объясненіе, но не оправданіе. Если такія дѣйствія были мыслимы въ отношеніи русской Церкви заграницей, находящейся внѣ предѣловъ досягаемости совѣтской власти, то тѣмъ болѣе были возможны уступки большевикамъ въ самой Россіи, и, съ этой стороны,

допустимо предположеніе о томъ, что и приводимая нами бесѣда патріарха Тихона дѣйствительно имѣла мѣсто, хотя и могла быть, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, искажена.

„Москва, (Русспресс) „Извѣстія„ (№ 68) помѣщаютъ бесѣду сотрудника Роста съ патріархомъ Тихономъ. Журналистъ сообщилъ патріарху о рѣшеніи президіума ЦИК'а прекратить его судебное дѣло. Прочтя это постановленіе, патріархъ, по словамъ „Извѣстій“, сказалъ: „Передайте совѣтскому правительству и президіуму ЦИК'а СССР глубокую благодарность, какъ отъ меня, такъ и отъ моей паствы за такое милосердное отношеніе къ моей прошлой дѣятельности. Правительство можетъ быть вполнѣ увѣрено, что оно найдетъ во мнѣ *лойяльнѣйшаго гражданина совѣтскаго союза*, добросовѣстно выполняющаго всѣ декреты и постановленія гражданской власти“. По словамъ газеты, въ дальнѣйшей бесѣдѣ патріархъ „опровергъ“ сообщеніе газеты „Наканунѣ“, что съ нимъ былъ ударъ. Врачи, лѣчившіе его, нашли у него нефритъ (болѣзнь почекъ) и предписали избѣгать переутомленія. Касаясь плановъ своей дальнѣйшей дѣятельности, патріархъ сказалъ, что онъ займется теперь организаціонной стороной своей Церкви, считая, что *рамки совѣтскаго законодательства даютъ для этого широкій просторъ*. Что касается замѣшаннаго въ контръ-революціонной дѣятельности американскаго митрополита Платона, то Тихонъ заявилъ, что онъ уже намѣтилъ ему замѣстителя, который въ скоромъ времени будетъ посланъ въ Америку для врученія Платону указа о вызовѣ въ Москву и для принятія отъ Платона дѣлъ. Тихонъ отрицаетъ газетныя сообщенія, исходящія изъ круговъ синода о своихъ сношеніяхъ съ католической церковью. Ни у меня, *ни у моихъ епископовъ* — говоритъ Тихонъ, — не только не было разговора о какомъ бы то ни было примиреніи съ католичествомъ, но и не возникало этого и въ мысляхъ. *Примиренія съ Ватиканомъ нѣтъ и быть не можетъ.* Этотъ планъ противорѣчилъ бы всему міровоззрѣнію православной Церкви. Относительно примиренія съ синодомъ и той частью духовенства, которая стоитъ за нимъ, Тихонъ говоритъ, что его точка зрѣнія на этотъ вопросъ не измѣнилась: онъ по прежнему ждетъ покаянія отъ синода и молится о томъ, чтобы Богъ вразумилъ и смягчилъ сердца его членовъ“.

Ниже „Извѣстія“ приводятъ бесѣду сотрудниковъ Роста съ управляющимъ „тихоновской“ московской епархіей архіепископомъ Крутицкимъ Петромъ, который сказалъ, что на-дняхъ въ московскихъ церквахъ будутъ отслужены благодарственные молебны *по поводу милосерднаго отношенія совѣтской власти къ патріарху Тихону*“. („За Свободу“, 3 Апр. 1924 г.)

По поводу этой бесѣды я получилъ нижеслѣдующее письмо А. С., отражающее, какъ мнѣ кажется, общее отношеніе вѣрующей интеллигенціи къ ней.

„...Посылаю Вамъ газетную вырѣзку о патріархѣ Тихонѣ. Одно изъ двухъ — или приписанныя патріарху слова вымышлены большевиками, или „страха ради большевическа" онъ не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, чтó онъ говоритъ. Напр., изъ Кіева мнѣ пишутъ: „Бѣдные церковники наши страдаютъ страшно. Скорпіоны и бичи каждый день имъ преподносятся *безконечными декретами.* Все же вѣра не ослабѣваетъ, и съ истинно христіанскимъ терпѣніемъ несутъ они свой крестъ". Въ это время глава русской Церкви заявляетъ, что „правительство" (кто же это? три мерзавца: Апфельбаумъ, Розенфельдъ и Джугашвили — пресловутая „тройка") найдетъ въ немъ „лойяльнѣйшаго гражданина совѣтскаго союза, добросовѣстно выполняющаго *всѣ декреты и постановленія* гражданской власти". Чувствуете ли Вы всю нелѣпость этихъ словъ? Патріархъ обѣщаетъ *добросовѣстно* выполнять *всѣ* декреты, которыми и Церковь и религія — совершенно упраздняются, уничтожаются, какъ вредный для народа „опіумъ". Развѣ такъ поступали древне-христіанскіе исповѣдники вѣры Христовой, когда ихъ вынуждали исполнять непріемлемый для ихъ совѣсти римскій законъ, — какой нибудь Севастіанъ или Евстафій? Патріархъ заявляетъ, что *„рамки совѣтскаго законодательства даютъ широкій просторъ"* для организаціи Церкви. Вся русская дѣйствительность прямо кричитъ противъ подобнаго утвержденія. Какъ можетъ *организоваться* Церковь, когда каждый день читаешь въ газетахъ о разстрѣлахъ священниковъ, о превращеніи церквей въ клубы, объ упраздненіи монастырей и т. д. Я, кажется, писалъ уже Вамъ, что церковь Религіозно-Просвѣтительнаго Общества въ Кіевѣ на Б. Житомирской ул. обращена въ клубъ, гдѣ пляшутъ танго, говорятъ митинговыя, противохристіанскія рѣчи и поютъ интернаціоналъ, а бывшій настоятель ея о. Анатолій Жураковскій висланъ въ Архангельскую губернію. Зачѣмъ подъ давленіемъ большевиковъ вмѣшивается патріархъ въ американскія дѣла и отставляетъ митрополита Платона? Зачѣмъ ему понадобилось задѣвать Ватиканъ, хозяинъ котораго Пій XI не только молится за Россію, но и тратитъ громадныя суммы на „обѣды для голодныхъ дѣтей" внутри Россіи и на помощь эмигрантамъ внѣ ея? Вопреки утвержденію патріарха Тихона, тяготѣніе къ соединенію съ Римомъ, повидимому, довольно сильно въ Россіи не только среди мірянъ, измученныхъ церковной борьбою между „тихоновцами" и „живоцерковниками", но даже среди архіереевъ. На дняхъ въ

польской газетѣ я читалъ, будто бы недавно два архіерея въ Большевіи А. и П. (не догадываюсь, кто) выразились такъ: поѣдемъ на Ватиканскій соборъ, припадемъ къ ногамъ Намѣстника Апостольскаго и всецѣло ему отдадимся".

Нижеприводимая статья г. П. В-ева, напечатанная въ „Новомъ Времени" 7 мая 1924 г., № 908 не нуждается въ комментаріяхъ. Я могу добавить къ ней только свои впечатлѣнія отъ личныхъ бесѣдъ съ проф. М. д'Эрбиньи, (нынѣ епископомъ D'Ilion), съ которымъ неоднократно встрѣчался въ Римѣ и нахожусь въ перепискѣ. Глубоко образованный и превосходно владѣющій русскимъ языкомъ, епископъ М. д'Эрбиньи, извѣстный каждому, лично его знающему, за искренняго друга Россіи, напечатавшій нѣсколько книгъ о положеніи Россіи подъ гнетомъ совѣтской власти, горько жаловался мнѣ, что тѣ самые русскіе люди, о которыхъ онъ такъ болѣетъ, а особенно русскіе іерархи, отказываютъ Папѣ въ простомъ милосердіи къ горю ближняго и во всѣхъ начинаніяхъ Ватикана, направленныхъ къ облегченію этого горя, видятъ заднія мысли и корыстные расчеты. Между тѣмъ отъ однихъ только русскихъ бѣженцевъ, разсѣянныхъ по всему міру, Папа ежедневно получаетъ свыше 200 писемъ и старается удовлетворять каждую обращаемую къ нему просьбу въ предѣлахъ своихъ возможностей. Епископъ М. д'Эрбиньи является однимъ изъ тѣхъ немногихъ людей, которые въ полной мѣрѣ учитываютъ большевичество, какъ міровое зло, и громко взываютъ о борьбѣ съ нимъ.

Приводимъ въ подлинникѣ статью г. П. В-ева:

Помощь Ватикана русскимъ дѣтямъ.

„Читатели помнятъ, что два года тому назадъ отправившаяся въ Россію папская миссія, посланная съ цѣлью оказанія помощи голодающимъ и, главнымъ образомъ, дѣтямъ, вызвала въ русскомъ обществѣ толки и опасенія возможной пропаганды католицизма среди изголодавшагося и во всемъ нуждающагося населенія.

— Когда домъ горитъ, не приходится думать, какіе пожарные спасаютъ его обитателей, — говорилъ мнѣ тогда одинъ французъ, далеко не сторонникъ Ватикана, — важно только то, чтобы они спасли, что можно спасти. Да къ тому же, повѣрьте, большевики, принужденные впустить миссію, сами позаботятся о томъ, чтобы не позволить членамъ ея заниматься прозелитизмомъ. Не въ ихъ интересахъ подчиненіе русскаго населенія первосвященнику, находящемуся внѣ ихъ досягаемости.

Миссія эта теперь возвратилась въ Римъ, и о. Михаилъ д'Эрбиньи, президентъ папскаго Восточнаго Института въ Римѣ, началъ совершать поѣздку по Европѣ съ цѣлью ознакомленія европейскаго общественнаго мнѣнія съ тѣмъ, что сдѣлала папская миссія въ Россіи. Свой докладъ онъ сдѣлалъ въ Парижѣ и говорилъ не столько о работахъ миссіи, сколько о разрушительной дѣятельности совѣтскаго правительства. Дѣлаемые имъ доклады являются наилучшею пропагандою антибольшевизма, и я присутствуя на его сообщеніи, пожалѣлъ, что не видалъ тамъ ни г. Эрріо, ни де-Монзи, ни другихъ сторонниковъ сношенія съ большевиками.

Начиная свой докладъ, о. д'Эрбиньи заявилъ, что Папа, посылая свою миссію въ Россію, руководствовался исключительно чувствомъ помощи христіанскому народу; дальнѣйшій же его разсказъ указывалъ на то, что если бы миссія и пожелала заниматься католической пропагандою, то не имѣла бы къ тому возможности: миссія состояла изъ 9 священниковъ и трехъ послушниковъ; при такомъ малочисленномъ составѣ ей пришлось работать съ помощью русскихъ, которыхъ на службѣ миссіи было свыше 2.500 человѣкъ. Отъ членовъ же миссіи совѣтское правительство потребовало, чтобы они замѣнили духовное платье свѣтскимъ и воспретило имъ служить мессы.

Сами члены миссіи могли совершать свои мессы лишь въ собственной средѣ, и то въ секретѣ. Папа Римскій, посылая миссію, отдалъ категорическій приказъ, чтобы все посылаемое было раздаваемо притѣсняемымъ и не попадало бы въ руки притѣснителей. Эта задача была не изъ легкихъ, но выполнена. Миссія распространила свою дѣятельность на весь югъ Россіи, Востокъ и на нѣкоторыя центральныя губерніи. Ею было устроено болѣе тысячи столовыхъ и кухонь; нѣсколько госпиталей и мастерскихъ для починки обуви, при которыхъ обучались сапожному мастерству дѣти-сироты.

Въ столовыхъ обѣдали дѣти, взрослымъ раздавалась провизія. Одежды роздано на 250.000 американскихъ долларовъ, медикаментовъ — на 50.000 долл., провизіи на 170 тыс. долл., въ столовыхъ ежедневно раздавалось 160.000 обѣдовъ. Всего израсходовано свыше 31 милліона итальянскихъ лиръ.

Занимаясь благотворительной дѣятельностью и закрѣпляя свои отчеты фотографическими снимками, они въ то же время фотографировали все то, что можетъ быть характеристикою современнаго положенія въ Россіи, положенія, созданнаго совѣтскимъ режимомъ. Фотографіи эти появились на экранѣ волшебнаго фонаря и буквально терзали нервы слушателей. Только послѣдствія катаклизмовъ, вызываемыхъ

либо явленіями природы, либо людскимъ озвѣрѣніемъ, могутъ создавать то, что въ Россіи создала гуманитарная теорія Маркса и заботы о благѣ пролетаріата. Толпа въ нѣсколько сотъ голодныхъ, оборванныхъ и безпризорныхъ дѣтей брела въ поискахъ хлѣба... Обезсиленная холодомъ и голодомъ, она упала въ полѣ на снѣгъ и больше не встала... Эта фотографія производитъ потрясающее впечатлѣніе... Эти сотни дѣтскихъ труповъ оставлены на добычу воронъ, собакъ и волковъ: ихъ никто не подбираетъ. Въ городахъ больше порядка: за нимъ слѣдитъ милиція, и вотъ, вы видите грузовикъ, на которомъ навалено до 40 труповъ, десятки носилокъ тянутся къ нему съ новыми трупами, а еще десятки въ различныхъ позахъ валяются на улицѣ въ ожиданіи уборки. Это все умершіе за ночь, которыхъ утромъ подбираетъ милиція... Новая картинка: полуразваленная изба... Въ ней выбившись изъ силъ жена ухаживаетъ за умирающимъ отъ истощенія мужемъ, оборванные дѣтскіе скелетики, обтянутые кожею, плачутъ и виснутъ на юбкѣ матери.

А вотъ женщина съ дико блуждающими глазами: она убила мужа, чтобы его тѣломъ накормить голодныхъ дѣтей.

При видѣ этой фотографіи въ залѣ вздохи и стоны...

Вотъ видъ открытой миссіей столовой... У входа сотни оборванныхъ дѣтей, худобы невѣроятной, у всѣхъ вздутые животы и чувство животной радости при видѣ накрытыхъ столовъ... А вотъ кухня: у невѣроятныхъ размѣровъ котла суетятся стряпухи; форма котла необыкновенная... — Это морская мина, служащая для загражденія входа въ портъ, — поясняетъ о. д'Эрбиньи. — Раздобыть котелъ въ Россіи очень трудно, а потому миссія пользовалась разряженными минами.

Въ то время, когда благотворительная дѣятельность миссіи достигла своего апогея, совѣтскій трибуналъ судилъ прелата Буткевича и Цѣпляка, а совѣтская печать утверждала, что это, какъ и православные епископы, лишь второстепенные преступники, главные же преступники Патріархъ Тихонъ и Папа Римскій, которые морятъ русскій народъ голодомъ, препятствуя черезъ подчиненное имъ духовенство изъятію церковныхъ имуществъ.

Миссія уже возвратилась въ Римъ, и въ Ватиканъ поступаютъ тысячи благодарственныхъ писемъ изъ Россіи: и отъ интеллигенціи, и отъ православныхъ священниковъ, и отъ дѣтей. Нѣкоторыя изъ писемъ онъ процитировалъ, одно изъ нихъ было написано по русски: „Милый святой Папа, — пишетъ маленькая дѣвочка, — благодарю, очень васъ благодарю за бѣлый хлѣбъ и за молоко". Подписано: Таня. Другая бла-

годаритъ по-французски за молоко, шоколадъ и проситъ прислать ей башмачки.

Дама изъ общества прислала длинное посланіе на латинскомъ языкѣ, которое докладчикъ огласилъ.

Изъ Парижа о. д'Эрбиньи отправился въ Бельгію, затѣмъ поѣдетъ въ Голландію и дальше, повѣствуя о разрушеніи великой страны представителями III интернаціонала и иллюстрируя свое повѣствованіе фотографіями, этими нелицепріятными свидѣтелями."

Къ приведенному выше письму А. С. я могу добавить только мою глубокую увѣренность въ умышленномъ искаженіи словъ Св. Патріарха большевиками, что явствуетъ изъ каждой строки приведенной статьи совѣтскихъ „Извѣстій" и особенно изъ приписываемой патріарху Тихону непримиримости съ Ватиканомъ. Разумѣется жиды ничего такъ не боятся, какъ примиренія православной Церкви съ католической и образованія единаго христіанскаго противожидовскаго фронта. Углублять разстояніе между христіанскими Церквами и ссорить ихъ другъ съ другомъ, всегда составляло ихъ первѣйшую задачу, о чемъ главы христіанскихъ Церквей должны помнить, дабы своими раздорами не укрѣплять позиціи своихъ враговъ...

И невольно вспоминаются слова А. С., писавшаго мнѣ 2/15 Августа 1919 года: „Я полагаю, что именно теперь пришло время христіанству забыть богословскія распри и поставить на очередь, какъ злободневный, вопросъ о соединеніи Церквей. Силы ада, мощь сатаны, діавольскія поспѣшенія вылились въ попыткахъ „совѣтскихъ республикъ"; нужно и христіанамъ объединиться въ христіанскую монархію, которая была бы достаточно могущественна, чтобы повести за собою народы подъ знаменемъ Христа для попранія „совѣтскихъ" организацій мірового замысла".

Указаніе митрополита Антонія на то, что „соединеніе Церквей есть выраженіе на русскомъ языкѣ безсмысленное, потому-что Церковь никогда не раздѣлялась и раздѣлиться не можетъ, по обѣтованію Христа: врата адова не одолѣютъ ея" — свидѣтельствуетъ о слабомъ пониманіи евангельскаго текста и отсутствіи логики.

Что значатъ слова: „врата адова не одолѣютъ ея?"

Слово „адъ" здѣсь не имѣетъ смысла, усвоеннаго ему позднѣе, т. е. — мѣсто мученія грѣшниковъ (inferno), а употреблено въ старомъ смыслѣ, какъ оно понималось въ дохристіанской греческой литературѣ, начиная съ Гомера, т. е. — жилище мертвыхъ вообще.

Итакъ, въ словахъ евангелія, дѣло идетъ о безсмертіи Церкви.

Причемъ же тутъ раздѣленіе?!

Я полагаю, что въ приведенныхъ словахъ, не содержится обѣтованія, что Церковь не раздѣлится, потому что въ Откровеніи Іоанна Богослова мы видимъ, что отдѣльнымъ церквамъ присвоены отдѣльные ангелы: Ангелъ Ефесской церкви, Ангелъ Смирнской церкви и т. д., Ангелы семи церквей...

Можно считать западныхъ христіанъ — еретиками, но отъ этого не измѣнится тотъ фактъ, что втрое болѣе людей исповѣдуютъ католицизмъ, чѣмъ православіе, что они принадлежатъ къ наиболѣе образованнымъ націямъ, и что католическая Церковь организована прочнѣе православной. Теперь на православную Церковь обрушился сатанизмъ въ лицѣ большевиковъ. Мы слабы и разбиты. Католикамъ также грозитъ сатанизмъ. У Спиридовича приведено сознаніе еврея Монда, что „Римъ — величайшій врагъ большевизма". Что же можетъ быть естественнѣе, какъ не союзъ двухъ Церквей, хотя и несогласныхъ въ догматахъ, но всетаки христіанскихъ, противъ общаго врага — сатанизма. Митрополитъ Антоній написалъ цѣлую книгу о невозможности примиренія съ Римомъ до тѣхъ поръ, пока католики не признаютъ, что они — еретики, и не перейдутъ въ православіе. Но пока мы этого дождемся, можетъ быть, и православной Церкви, какъ земной организаціи, не останется..." (Изъ частной переписки).

Какъ ни издѣвалась „совѣтская" власть надъ несчастнымъ патріархомъ Тихономъ, какъ ни глумились жиды надъ вѣрою русскаго народа, подвергая ее жестокимъ, безжалостнымъ испытаніямъ, какъ ни терзали православную Церковь, но добиться того, чтобы самъ патріархъ разрушилъ возглавляемую имъ Церковь, иначе, чтобы открыто призналъ жидовскую власть и повелѣлъ русскому народу подчиниться ей, — этого жиды не могли... Патріархъ Тихонъ былъ ихъ плѣнникомъ и заложникомъ, онъ изнемогалъ въ борьбѣ съ жидами, вынуждался на уступки, вызывавшія соблазнъ и причинявшія ему самому величайшія нравственныя страданія, но далѣе компромиссовъ патріархъ не шелъ и безстыдныхъ требованій безбожниковъ никогда бы не исполнилъ... Большевики это знали, имъ надоѣли не дававшіе реальныхъ результатовъ переговоры съ патріархомъ и... опасаясь открытаго убійства Главы Русской Православной Церкви, жиды тайно отравили патріарха, въ надеждѣ достигнуть свою цѣль съ помощью Замѣстителя патріарха или его кандидатовъ, списокъ которыхъ былъ утвержденъ Святѣйшимъ еше при жизни... Патріархъ Тихонъ скончался въ ночь на 26 Марта 1925 года,

фактъ отравленія былъ тщательно скрытъ, и не только въ Европѣ, но вѣрно и въ Россіи живетъ убѣжденіе въ естественной смерти патріарха... Намѣченные патріархомъ Замѣститель и его ближайшіе кандидаты не могли вступить въ исполненіе своихъ обязанностей, ибо жиды еще до смерти патріарха Тихона позаботились объ ихъ арестѣ и высылкѣ изъ Москвы, на ихъ мѣсто выдвигались новые кандидаты, которыхъ ожидала та же участь и предъ которыми стояла та же альтернатива: или подчиниться требованіямъ сатанинской власти, отречься отъ Христа и сдѣлаться гонителемъ Христовой вѣры, или же подвергнуться мученіямъ, пыткамъ и казни.

Неугодные жидамъ Замѣстители подвергались аресту, заключенію въ тюрьмѣ, быть можетъ даже пыткамъ и мученіямъ, жидовская власть вступала съ ними въ переговоры, склоняя къ разнаго рода компромиссамъ съ совѣстью и угрожая разстрѣломъ, однако же цѣли не достигала и, не рѣшаясь приводить свои угрозы въ исполненіе открыто, изгоняла такихъ неподатливыхъ и стойкихъ іерарховъ не только изъ столицы, но и за предѣлы Европейской Россіи, ссылая ихъ въ Сибирь, гдѣ страстотерпцы-іерархи обрекались на завѣдомую смерть...

Вакансіи Замѣстителя и его кандидатовъ замѣщались послѣдовательно новыми лицами и такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока номинальная церковная власть очутилась въ рукахъ Нижегородскаго митрополита Сергія, б. архіепископа Финляндскаго и Выборгскаго, раньше арестованнаго, заключеннаго въ тюрьму, а затѣмъ выпущеннаго на свободу подъ условіемъ выполненія предъявленныхъ къ нему жидами требованій...

Въ чемъ эти требованія заключались видно изъ нижепомѣщаемаго нами „Посланія Патріаршаго Синода", коимъ митрополитъ Сергій, признавая „совѣтскую" власть „нормальною" и обязываясь повиновеніемъ этой власти, объясняетъ самый фактъ „Посланія" сознаніемъ необходимости довершить дѣло начатое патріархомъ Тихономъ, стремившагося изыскать пути и способы соглашенія съ большевиками и не успѣвшаго, за смертью, выполнить эту задачу.

Это „Посланіе Патріаршаго Синода" явилось естественнымъ апоѳеозомъ борьбы официальной Церкви съ безбожниками и меня не удивило.

Удивительнымъ было не содержаніе „Посланія" и даже не самый фактъ его возможности, а то, что печальный опытъ использованія патріаршаго авторитета въ борьбѣ съ безбожниками оказался недостаточно убѣдительнымъ для того, чтобы

не повторить его... Удивительнымъ было то, что іерархи продолжали сосредоточивать свое вниманіе на церковномъ аппаратѣ и стремились возсоздать его, что было невозможно и не нужно, вмѣсто того, чтобы изыскивать иные пути и способы борьбы съ гонителями Христа и ограждать вѣру отъ соблазновъ, опасаясь собственнымъ примѣромъ вызывать такіе соблазны, удивительнымъ было это непониманіе *природы* совѣтской власти, какъ власти діавола, съ которымъ невозможны никакія соглашенія, наконецъ наиболѣе удивительнымъ было то, что іерархи точно забыли о всемогуществѣ Божіемъ и выпустили изъ своихъ рукъ сильнѣйшее орудіе въ борьбѣ съ діаволомъ, — обращеніе къ Богу, свою вѣру въ чудо, свое убѣжденіе въ томъ, что невозможное для человѣка — возможно Богу...

ГЛАВА 44.

Посланіе Патріаршаго Синода.

„Божіею милостію смиренный Сергій, митрополитъ Нижегородскій, замѣститель патріаршаго мѣстоблюстителя, и временный патріаршій священный синодъ, — преосвященнымъ архипастырямъ, Боголюбивымъ пастырямъ, честному иночеству и всѣмъ вѣрнымъ чадамъ святой всероссійской православной Церкви о Господѣ радоваться.

Одною изъ заботъ почившаго святѣйшаго отца нашего патріарха Тихона предъ его кончиной было поставить нашу православную русскую Церковь въ правильныя отношенія къ совѣтскому правительству и тѣмъ дать Церкви возможность вполнѣ законнаго и мирнаго существованія. Умирая, святѣйшій говорилъ: „Нужно бы пожить еще годика три". И, конечно, если бы неожиданная кончина не прекратила его святительскихъ трудовъ, онъ довелъ бы дѣло до конца. Къ сожалѣнію, разныя обстоятельства, а главнымъ образомъ, выступленія зарубежныхъ враговъ совѣтскаго государства, среди которыхъ были не только рядовые вѣрующіе нашей Церкви, но и водители ихъ, возбуждая естественное и справедливое недовѣріе правительства къ церковнымъ дѣятелямъ вообще, мѣшали усиліямъ святѣйшаго, и ему не суждено было при жизни видѣть своихъ усилій, увѣнчанными успѣхомъ.

Нынѣ жребій быть временнымъ замѣстителемъ первосвятителя нашей Церкви опять палъ на меня, недостойнаго митрополита Сергія, а вмѣстѣ со жребіемъ палъ на меня и

долгъ продолжать дѣло почившаго и всемѣрно стремиться къ мирному устроенію нашихъ церковныхъ дѣлъ.

Усилія мои въ этомъ направленіи, раздѣляемыя со мною и православными архипастырями, какъ будто не остаются безплодными: съ учрежденіемъ при мнѣ временнаго патріаршаго священнаго синода укрѣпляется надежда на приведеніе всего нашего церковнаго управленія въ должный строй и порядокъ, возрастаетъ и увѣренность въ возможность мирной жизни и дѣятельности нашей въ предѣлахъ закона.

Теперь, когда мы почти у цѣли нашихъ стремленій, выступленія зарубежныхъ враговъ не прекращаются: убійства, поджоги, налеты, взрывы и имъ подобныя явленія подпольной борьбы у насъ у всѣхъ на глазахъ. Все это нарушаетъ мирное теченіе жизни, созидая атмосферу взаимнаго недовѣрія и всяческихъ подозрѣній. Тѣмъ нужнѣе для нашей Церкви и тѣмъ обязательнѣе для насъ всѣхъ, кому дороги ея интересы, кто желаетъ вывести ее на путь легальнаго и мирнаго существованія, тѣмъ обязательнѣе для насъ теперь показать, что мы, церковные дѣятели, не съ врагами нашего совѣтскаго государства и не съ безумными орудіями ихъ интригъ, а съ нашимъ народомъ и съ нашимъ правительствомъ.

Засвидѣтельствовать это и является цѣлью настоящаго нашего (моего и синодальнаго) посланія. Затѣмъ извѣщаемъ васъ, что въ маѣ текущаго года по моему приглашенію и съ разрѣшенія власти организовался временный при замѣстителѣ патріаршій священный синодъ въ составѣ нижеподписавшихся. Отсутствуютъ преосвященные Новгородскій митрополитъ Арсеній, еще не прибывшій, и Костромской архіепископъ Севастіанъ по болѣзни. Ходатайство наше о разрѣшеніи синоду начать дѣятельность по управленію православной всероссійской Церковью увѣнчалось успѣхомъ. Теперь наша православная Церковь въ Союзѣ имѣетъ не только каноническое, но и по гражданскимъ законамъ вполнѣ легальное центральное управленіе; а мы надѣемся, что легализація постепенно распространится и на низшее наше церковное управленіе: епархіальное, уѣздное и т. д. Едва ли нужно объяснять значеніе и всѣ послѣдствія перемѣны, совершающейся, такимъ образомъ, въ положеніи нашей православной Церкви, ея духовенства, всѣхъ церковныхъ дѣятелей и учрежденій...

Вознесемъ же наши благодарственныя молитвы къ Господу, тако благоволившему о святой нашей Церкви! Выразимъ всенародно нашу благодарность и совѣтскому правительству за такое вниманіе къ духовнымъ нуждамъ православнаго населенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ завѣримъ правительство, что мы не употребимъ во зло оказаннаго намъ довѣрія.

Приступивъ съ благословенія Божія къ нашей синодальной работѣ, мы ясно сознаемъ всю величину задачи, предстоящей какъ намъ, такъ и всѣмъ вообще представителямъ Церкви. Намъ нужно не на словахъ, а на дѣлѣ показать, что вѣрными гражданами совѣтскаго Союза, лойяльными къ совѣтской власти, могутъ быть не только равнодушные къ православію люди, не только измѣнники ему, но и самые ревностные приверженцы его, для которыхъ оно дорого, какъ истина и жизнь, со всѣми его догматами и преданіями, со всѣмъ его каноническимъ и богослужебнымъ укладомъ. Мы хотимъ быть православными и въ то же время сознавать совѣтскій Союзъ нашей гражданской родиной, радости и успѣхи которой — наши радости и успѣхи, а неудачи — наши неудачи. Всякій ударъ, направленный въ Союзъ, будь то война, бойкотъ, какое-нибудь общественное бѣдствіе или просто убійство изъ-за угла, подобное варшавскому, сознается нами, какъ ударъ, направленный въ насъ. Оставаясь православными, мы помнимъ свой долгъ быть гражданами Союза „не только изъ страха, но и по совѣсти", какъ училъ насъ апостолъ (Рим. XIII, 5). И мы надѣемся, что съ помощью Божіею, при вашемъ общемъ содѣйствіи и поддержкѣ, эта задача будетъ нами разрѣшена. Мѣшать намъ можетъ лишь то, что мѣшало и въ первые годы совѣтской власти устроенію церковной жизни на началахъ лойяльности. Это — недостаточное сознаніе всей серьезности совершившагося въ нашей странѣ. Утвержденіе совѣтской власти многимъ представлялось какимъ-то недоразумѣніемъ, случайнымъ и потому недолговѣчнымъ. Забывали люди, что случайностей для христіанина нѣтъ и что въ совершающемся у насъ, какъ вездѣ и всегда, дѣйствуетъ также десница Божія, неуклонно ведущая каждый народъ къ предназначенной ему цѣли.

Такимъ людямъ, не желающимъ понять „знаменія времени", и можетъ казаться, что нельзя порвать съ прежнимъ режимомъ и даже съ монархіей, не порывая съ православіемъ. Такое настроеніе извѣстныхъ церковныхъ круговъ, выражавшееся конечно, и въ словахъ, и въ дѣлахъ и навлекавшее подозрѣнія совѣтской власти, тормозило и усилія святѣйшаго патріарха установить мирныя отношенія Церкви съ совѣтскимъ правительствомъ. Недаромъ вѣдь апостолъ внушаетъ намъ, что „тихо и безмятежно жить" по своему благочестію мы можемъ, лишь повинуясь законной власти (I Тим. II, 2), или должны уйти изъ общества. Только кабинетные мечтатели могутъ думать, что такое огромное общество, какъ наша православная Церковь со всею ея организаціей, можетъ существовать въ государствѣ спокойно, закрывшись отъ власти.

Теперь, когда наша патріархія, исполняя волю почившаго патріарха, рѣшительно и безповоротно становится на путь лойяльности, людямъ указаннаго настроенія придется или переломить себя и, оставивъ свои политическія симпатіи дома, приносить въ церковь только вѣру и работать съ нами только во имя вѣры; или, если переломить себя они сразу не смогутъ, по крайней мѣрѣ не мѣшать намъ, устранившись временно отъ дѣла. Мы увѣрены, что они опять и очень скоро возвратятся работать съ нами, убѣдившись, что измѣнилось лишь отношеніе къ власти, а вѣра и православно-христіанская жизнь остаются незыблемы.

Особенную остроту при данной обстановкѣ получаетъ вопросъ о духовенствѣ, ушедшемъ съ эмигрантами за границу. Ярко противосовѣтскія выступленія нѣкоторыхъ нашихъ архипастырей и пастырей, какъ извѣстно, заставили почившаго патріарха упразднить заграничный синодъ (5 Мая — 22 Апрѣля 1922 г.). Но синодъ и до сихъ поръ продолжаетъ существовать, политически не мѣняясь, а въ послѣднее время своими притязаніями на власть даже раскололъ заграничное церковное общество на два лагеря. Чтобы положить этому конецъ, мы потребовали отъ заграничнаго духовенства дать письменное обязательство въ полной лойяльности къ совѣтскому правительству во всей своей общественной дѣятельности. Не давшіе такого обязательства или нарушившіе его будутъ исключены изъ состава клира, подвѣдомственнаго московской патріархіи. Думаемъ, что, размежевавшись такъ, мы будемъ обезпечены отъ всякихъ неожиданностей изъ за границы. Съ другой стороны, наше постановленіе, можетъ быть, заставитъ многихъ задуматься, не пора ли и имъ пересмотрѣть вопросъ о своихъ отношеніяхъ къ совѣтской власти, чтобы не порывать со своей родной Церковью и родиной.

Не менѣе важной своей задачей мы считаемъ и приготовленіе къ созыву и самый созывъ нашего второго помѣстнаго собора, который изберетъ намъ уже не временное, а постоянное центральное церковное управленіе, а также вынесетъ рѣшеніе и о всѣхъ „похитителяхъ власти" церковной, раздирающихъ хитонъ Христовъ. Порядокъ и время созыва, предметы занятій собора и пр. подробности будутъ выработаны потомъ. Теперь же мы выразимъ лишь наше твердое убѣжденіе, что нашъ будущій соборъ, разрѣшивъ многіе наболѣвшіе вопросы нашей внутренней церковной жизни, въ то же время своимъ соборнымъ разумомъ и голосомъ дастъ окончательное одобреніе и предпринятому нами дѣлу установленія правильныхъ отношеній нашей Церкви къ совѣтскому правительству.

Въ заключеніе усердно просимъ всѣхъ васъ, преосвященные архипастыри, пастыри, братіе и сестры: помогите намъ каждый въ своемъ чину вашимъ сочувствіемъ и содѣйствіемъ нашему труду, вашимъ усердіемъ къ дѣлу Божію, вашей преданностью и послушаніемъ святой Церкви, въ особенности же вашими за насъ молитвами ко Господу, да дастъ Онъ намъ успѣшно и богоугодно совершить возложенное на насъ дѣло къ славѣ Его святого имени, къ пользѣ святой православной Церкви и къ нашему общему спасенію.

Благодать Господа нашего Іисуса Христа и любы Бога и Отца и причастіе святаго Духа буди со всѣми вами. Аминь. 16/29 іюля 1927 г. Москва.

За патріаршаго мѣстоблюстителя Сергій, митрополитъ Нижегородскій.

Члены временнаго Патріаршаго Священнаго Синода: Серафимъ, митрополитъ Тверской, Сильвестръ, архіепископъ Вологодскій, Алексій, архіепископъ Хутынскій, управляющій Новгородской епархіей, Анатолій, архіепископъ Самарскій, Павелъ, архіепископъ Вятскій, Филиппъ, архіепископъ Звенигородскій, управляющій Московской епархіей, Константинъ, епископъ Сумскій, управляющій Харьковской епархіей."

Рижскій корреспондентъ „Таймс'а" сообщаетъ:

Сов. правительство освободило изъ заключенія митрополита Сергія, замѣстителя мѣстоблюстителя патріаршаго престола и еще нѣсколькихъ іерарховъ, долго содержавшихся въ тюрьмѣ.

Освобожденіе іерарховъ послѣдовало въ результатѣ переговоровъ, начавшихся еще весной.

На какихъ условіяхъ состоялось соглашеніе между сов. правительствомъ и іерархами „временнаго синода", видно изъ напечатаннаго выше посланія." („Новое Время" 15/28 августа 1927 г., № 1896).

Какъ ни тягостно впечатлѣніе, вызываемое этимъ безпримѣрнымъ въ исторіи Церкви „посланіемъ", этимъ приказомъ служить сатанѣ, а не Богу, однако же было бы несправедливо возлагать единоличную отвѣтственность за такой приказъ на подписавшихъ его іерарховъ Церкви. Они отвѣтственны не за содержаніе „посланія", несомнѣнно исторгнутаго у нихъ силою и угрозами разстрѣла, а за маловѣріе и малодушіе, заставившее ихъ уступить этой силѣ и этимъ угрозамъ.

„Спаситель училъ, пишетъ мнѣ одинъ изъ моихъ друзей, что „никакой слуга не можетъ служить двумъ господамъ,

ибо одного будетъ ненавидѣть, а другого любить; или одному станетъ усердствовать, а о другомъ нерадѣть. Не можете служить Богу и маммонѣ."*) (Лук. 16, 13).

Митрополитъ Сергій, очевидно, совершенно не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, что большевичество или правильнѣе, ленинизмъ — это религія, но только безъ Бога и нравственнаго идеала, какимъ для христіанъ является личность Іисуса Христа, мрачная и подлая религія сатаны, укрытаго отъ глазъ людскихъ, ибо въ ленинизмѣ нѣтъ культа сатаны, какъ и вообще нѣтъ никакого культа. Подчиняясь распоряженіямъ ленинской власти, митрополитъ Сергій тѣмъ самымъ порываетъ связь съ Христомъ и приглашаетъ къ тому свою паству.

Большаго издѣвательства надъ душами христіанскими я не могу себѣ представить. Одно изъ двухъ: или нужно любить Христа съ Его дивнымъ Божественнымъ ученіемъ и всѣмъ существомъ ненавидѣть ленинизмъ, добиваясь возможно скораго и полнаго искорененія этой духовной чумы, или, наоборотъ, нужно сдѣлаться ленинцемъ, поклоняться его муміи въ мавзолеѣ на Красной площади и преслѣдовать христіанскую религію, считая ее опіумомъ для народа; или нужно распластываться передъ совѣтской властью, ничкомъ лежать подъ ея пятою, а о Христѣ не радѣть, или, наоборотъ, нужно служить Христу, проводить въ жизнь Его ученіе, призывая всѣхъ и каждаго къ сверженію сатанинской власти. Христосъ говоритъ: „не можете служить Богу и маммонѣ", а митрополитъ Сергій, мнящій себя христіанскимъ пастыремъ, утверждаетъ: „можемъ служить и Богу и сатанѣ". Въ моемъ сознаніи такая мерзость не вмѣщается. Неужели въ самомъ дѣлѣ митрополитъ Сергій не понимаетъ, что признаніе совѣтской власти „нормальною" есть прямое и безповоротное отреченіе отъ Христа. Вѣроятно въ нынѣшней Россіи, подъ гнетомъ безпрерывнаго террора, всѣ понятія у людей поставлены вверхъ ногами. Иначе нельзя себѣ объяснить выступленія митрополита Сергія. Или, можетъ быть, это мистификація со стороны совѣтской власти, выпустившей нужное посланіе ей, только вынудивъ силою принужденія у митрополита Сергія и 5-ти епископовъ ихъ подписи?!

Я убѣжденъ, что обращеніе написано кѣмъ либо изъ членовъ совѣтскаго правительства, и если подписано митрополитомъ Сергіемъ и другими 5-ью епископами, то только

*) Маммона — богатство, имущество, вообще всякій земной корыстный интересъ, который всецѣло поглощаетъ вниманіе человѣка, захватываетъ его душу и отвлекаетъ его отъ богомыслія.

развѣ подъ дулами револьверовъ. Не можетъ быть, чтобы православные епископы рѣшили произнести такія слова:

„Мы хотимъ быть православными и въ то же время сознавать Совѣтскій Союзъ нашей гражданской родиной, радости и успѣхи которой — наши радости и успѣхи, а неудачи — наши неудачи. Всякій ударъ, направленный въ Союзъ, будь то война, бойкотъ, какое нибудь общественное бѣдствіе или просто убійство изъ-за угла, подобное варшавскому, сознается нами, какъ ударъ направленный въ насъ".

Въ отвлеченіи это выходило бы такъ, что *всякій успѣхъ сатаны милъ и пріятенъ служителямъ истиннаго Бога.* Обращеніе лягаетъ и монархію будто бы за то, что она подъ видомъ покровительства Церкви использовала ее въ своихъ цѣляхъ. Не вѣрю, чтобы такъ думалъ митрополитъ Сергій.

Прямо кощунственна ссылка на І-е посланіе ап. Павла къ Тимоѳею (І Тим. 11, 2), словами которой митрополитъ Сергій приглашаетъ православныхъ „совершать молитвы, прошенія, моленія и благодаренія" за сатанинскую жидовскую власть. Неужели подтвердится подлинность обращенія?!" (Изъ частнаго письма отъ 26 Августа 1927 г.).

Не скрываю, что лично я переживаю менѣе остро впечатлѣнія, рожденныя посланіемъ Патріаршаго Синода. Несомнѣнно, что и митрополитъ Сергій, и подписавшіе посланіе іерархи такъ же гнушаются общенія съ сатанинской властью какъ и всѣ прочіе христіане, что содержаніе посланія ни въ малѣйшей степени не отражаетъ убѣжденій подписавшихъ его, а знаменуетъ собою лишь самое заурядное свидѣтельство того малодушія и маловѣрія, которыя обычно утверждаются на вѣрѣ въ человѣческую силу, когда не хватаетъ вѣры въ силу Божескую. Съ точки зрѣнія земныхъ расчетовъ и соображеній патріаршее посланіе можетъ быть если и не оправдано, то найти свое объясненіе. Оно было продиктовано надеждою на облегченіе положенія Соловецкихъ узниковъ, надеждою на возможность полученія хотя бы минимальныхъ льготъ, обезпечившихъ бы возрожденіе церковной жизни и пр. Однако же всѣ эти надежды, разумѣется, были необоснованы и могли явиться слѣдствіемъ того же маловѣрія. Съ діаволомъ немыслимы никакія соглашенія, и тамъ гдѣ недостаточны для борьбы съ нимъ силы человѣческія, тамъ нужна только помощь Божія и прежде всего вѣра въ силу этой помощи... Этой то вѣры и не оказалось... Отсутствіе ея тонко подчеркнуто и „Отповѣдью" митрополита Антонія, составляющей содержаніе слѣдующей главы.

ГЛАВА 45.

Отповѣдь Митрополита Антонія на посланіе Московскаго Синода.

„Въ посланіи моего бывшаго ученика и исконнаго друга митрополита Сергія есть одна безспорная мысль: „только кабинетные мечтатели могутъ думать, будто такое огромное общество, какъ наша Православная Церковь со всею ея организаціей, можетъ существовать спокойно, закрывшись отъ власти“.

Однако, и къ этой безспорной мысли надо сдѣлать дополненіе: „мечтатели или обманщики ни во что не вѣрующіе, а желающіе свести церковную жизнь на полное уничтоженіе и подъ предлогомъ аполитичности, ведущіе республиканскую еврейскую политику“; такъ было въ 1905 году въ Россіи, а теперь по всей Европѣ, особенно же въ Парижѣ.

Тамъ были мечтатели или обманщики, но къ числу послѣднихъ, конечно, нельзя отнести благороднаго мечтателя митрополита Сергія, который еще въ 1917 году задался мечтой совмѣстить православную церковную жизнь съ подчиненіемъ Русской земли совѣтской власти, — хотя послѣдняя продолжаетъ срывать кресты съ наиболѣе дорогихъ православному сердцу храмовъ, умерщвлять десятками ни въ чемъ не повинныхъ архіереевъ, а священниковъ и монаховъ — тысячами; хотя она убила отравой Патріарха Тихона два года тому назадъ, а теперь держитъ въ тюрьмахъ и въ ссылкѣ сто пятьдесятъ архіереевъ только за то, что они архіереи.

Не довольствуясь этимъ, она учредила изъ подонковъ духовенства и всякихъ проходимцевъ два обновленческихъ Синода: одинъ — въ Москвѣ, а другой — въ Харьковѣ; она закрыла и запечатала величайшую народную и церковную святыню — Московскій Успенскій соборъ, Соловецкій монастырь, Оптину и Саровскую пустыни и многія другія, а святыя Лавры Московскую и Кіево-Печерскую отдала въ руки обновленцевъ и большинство храмовъ въ нихъ обратила въ музеи. Она разрушила всѣ наши духовныя школы, начиная съ Академій, и сожгла склады духовныхъ книгъ въ магазинахъ.

Такое то, съ позволенія сказать, правительство насъ приглашаютъ признать, какъ законную власть и въ добавокъ ссылаются на слова Апостола Павла о подчиненіи власти не токмо за страхъ, но и за совѣсть, какъ будто не зная, что тѣ слова относятся къ почитанію власти царской и начальниковъ отъ нея посылаемыхъ (Рим. 13, 1-7; I Пет. 2, 13-14),

а не къ разбойникамъ, открыто глумящимся надъ всякой вѣрой въ Бога и поработившимъ русскій народъ евреямъ.

Неронъ, Декій, Діоклитіанъ и Юліанъ Отступникъ были менѣе враждебны Христовой Церкви, чѣмъ эти звѣри, эти діаволы во образѣ человѣческомъ.

Въ посланіи Синода, неизвѣстно откуда появившагося, говорится: „Мы не съ врагами нашего совѣтскаго государства и не съ безумными орудіями ихъ интригъ, а съ нашимъ народомъ и съ нашимъ правительствомъ".

Русскій народъ съ этимъ „правительствомъ" ничего общаго не имѣетъ: народъ — христіанинъ, а правительство — враги Христовы; народъ умираетъ за святую вѣру, а правительство — убиваетъ вѣрующихъ; „безумныя интриги" затѣваютъ не враги правительства, а руководители послѣдняго — евреи, которые кромѣ интригъ и уголовныхъ преступленій ничѣмъ не занимаются. И вотъ къ послушанію такому правительству насъ призываетъ Московскій Синодъ.

А какъ относились къ врагамъ Христовымъ Святые отцы?

Укажемъ на одного изъ послѣднихъ между ними, на святителя Патріарха Ермогена. Онъ изъ темницы, умирая съ голоду, ободрялъ своими грамотами возставшій противъ засѣвшаго въ Кремлѣ правительства русскій народъ, а правителямъ-насильникамъ посылалъ проклятія.

Обратимся-ли къ глубокой древности и тамъ увидимъ св. Василія Великаго, пламенно молящагося предъ иконой Божіей Матери и св. Великомученика Меркурія о погубленіи Юліана Отступника; на мгновеніе съ иконы исчезло изображеніе св. Меркурія, а затѣмъ оно появилось вновь, но уже съ окровавленнымъ копіемъ.

Въ это время въ далекой Персіи на полѣ брани противъ Юліана появился таинственный всадникъ и бросилъ въ него копіе; умирая Юліанъ воскликнулъ: „Ты побѣдилъ меня Галилеянинъ".

Не только храбрые мужи, но и преданныя Богу женщины и словомъ и дѣломъ боролись противъ безбожныхъ носителей власти.

Такъ поступила праведная Соломонія, убѣдивъ своихъ семерыхъ сыновей не отступать отъ вѣры, но поругаться мучителю язычнику, а великомученица Параскева плюнула въ лицо императору, похулившему Христа.

Такъ поступалъ и цѣлый сонмъ мучениковъ и преподобныхъ, а нашъ русскій угодникъ Божій Св. Іосифъ Волоколамскій въ своей книгѣ „Просвѣтитель" пишетъ приблизительно такъ: „Повиноваться подобаетъ Царемъ вѣрнымъ, а не врагамъ Христовымъ ихъ же Господь не нарицаетъ Цари,

глаголя сице: „идите и рцыте лису тому (Ироду). Убо нѣсть той беззаконникъ Царь, но лисъ“.

Еще худшаго отношенія заслуживаетъ отъ Церкви и отъ христіанъ совѣтское правительство, ибо прежніе гонители вѣры хоть въ своихъ-то боговъ вѣрили, а эти открыто объявляютъ себя врагами небесъ; поэтому приходится краснѣть за Московскій Синодъ, читая его призывъ „выразить всенародно нашу благодарность совѣтскому правительству за такое вниманіе къ нуждамъ православнаго населенія“.

Какое вниманіе? Легализація Синода? Но вѣдь въ этомъ оно отказало Преосвященному Сергію по его ходатайству въ прошломъ году и до послѣдняго времени, пока Братья Русской Правды, не стали систематически истреблять его представителей какъ бѣшеныхъ собакъ и пока, увы Преосвященный Сергій не началъ подкрѣплять своего прежняго ходатайства призывами паствы къ вѣрности этимъ разбойникамъ.

Мы не теряемъ увѣренности въ томъ, что Владыка Сергій находится въ добросовѣстномъ заблужденіи, какъ въ этомъ общемъ, такъ и въ другомъ, частномъ, своемъ заявленіи, которое онъ теперь повторилъ снова. Разумѣемъ его вторичное неправильное заявленіе о томъ, будто „Святѣйшій Патріархъ Тихонъ 22 апрѣля 1922 года упразднилъ заграничный Синодъ, но Синодъ и до сихъ поръ продолжаетъ существовать“ и т. д.

Отвѣтимъ. 22 апрѣля 1922 года Заграничнаго Синода вовсе не было, а было Высшее Церковное Управленіе, которое и было немедленно закрыто нами, согласно распоряженію Патріарха: оно состояло изъ выборныхъ епископовъ, клириковъ и мірянъ.

По своемъ упраздненіи оно было замѣнено постановленіемъ Всезаграничнаго Архіерейскаго Собора — Архіерейскимъ Синодомъ, состоявшимъ только изъ 4-6 архіереевъ, подчиненныхъ Собору, подъ покровительствомъ Сербскаго Патріарха, которому представляются протоколы Соборныхъ засѣданій, открываемыхъ каждый разъ съ его же Святительскаго разрѣшенія.

Кратко говоря, тутъ была проявлена высшая степень послушанія двумъ Патріархамъ, хотя упомянутый указъ Патріарха Тихона обнаруживалъ полную неосвѣдомленность своихъ составителей въ положеніи дѣла, если не намѣренное затуманиваніе послѣдняго. Именно тамъ значится, что съ назначеніемъ Митрополита Евлогія (согласно представленію того же Высшаго Управленія) Управляющимъ Западно-Европейскими церквами „самому Высшему Заграничному Церковному Управленію не остается никакой сферы дѣятельности“,— тогда какъ оно получило отъ Собора Архіереевъ въ свое

управленіе церкви не только Западной, но и Восточной Европы, а также на Дальнемъ Востокѣ, Китаѣ, Японіи, въ обѣихъ Америкахъ, въ Африкѣ и въ Палестинѣ.

Посланіе говоритъ, что русскіе клирики, которые не дадутъ письменнаго обязательства повиноваться совѣтскому правительству, будутъ исключены изъ состава Московскаго Патріаршаго клира (а досужіе Ракитины въ Западной Европѣ подмѣнили это выраженіе такъ: будутъ отлучены отъ церкви).

Тщетная угроза! Мы сами постановили еще въ засѣданіи Собора 1924 года не исполнять распоряженій Московскаго Синода, идущихъ во вредъ Церкви, каковое постановленіе подписано и Митрополитами Платономъ и Евлогіемъ. А въ прошломъ году, по полученіи посланія Митрополита Сергія, отъ 28 мая — 10 іюня, каковымъ посланіемъ онъ отгораживается отъ управленія Заграничной Церковью, Архіерейскій Синодъ твердо рѣшилъ держаться на позиціи этого посланія не принимая могущихъ быть измѣненій.

Мы желаемъ подражать великому учителю Церкви Максиму Исповѣднику, который на приглашеніе возстановить общеніе съ моноѳелитами, какъ это сдѣлали тогда три Патріарха, причастившіеся съ послѣдними, отвѣтилъ: „аще и вся вселенная съ ними причастится, азъ единъ не причащуся".

Да сподобитъ Господь и насъ всѣхъ такого мужества и да откроетъ глаза нашимъ поколебавшимся московскимъ собратіямъ ихъ заблужденіе." („Новое Время", 4 Сентября 1927 г., № 1902).

Самымъ цѣннымъ мѣстомъ въ этой отповѣди маститаго іерарха является указаніе на молитву св. Василія Великаго къ Матери Божіей, повелѣвшей св. великомученику Меркурію исполнить просьбу св. Василія.

Свв. отцы Церкви учатъ, что молитва является самымъ главнымъ дѣломъ жизни, а исторія христіанской Церкви на землѣ свидѣтельствуетъ цѣлымъ рядомъ доказательствъ, что молитва къ Богу является ничѣмъ не побѣдимымъ орудіемъ въ борьбѣ человѣка съ діаволомъ и его кознями. Безчисленные сонмы немощныхъ тѣломъ, но сильныхъ духомъ подвижниковъ Церкви вели борьбу не только съ сатанинскими кознями, но и съ самимъ діаволомъ и побѣждали его своею вѣрою въ всемогущество Божіе, вѣрою въ чудо. Внѣ этой вѣры нѣтъ жизни, нѣтъ духовныхъ опоръ, которыя бы осмысливали земное существованіе человѣка. Вѣра въ чудо есть синтезъ всего христіанскаго вѣроученія, она является той лѣстницей, какая соединяетъ небо и землю и по которой человѣкъ можетъ восходить до наивысшихъ горнихъ высотъ,

до Самого Бога, претворяя свои мистическія ощущенія въ нѣчто реальное, осязаемое, дающее реальные плоды. Объемомъ вѣры измѣряется и объемъ чуда. Тамъ, гдѣ нѣтъ вѣры, тамъ нѣтъ и чуда. Сначала вѣра, потомъ чудо. Чудо неотдѣлимо отъ вѣры и является самымъ нормальнымъ явленіемъ, самымъ реальнымъ фактомъ жизни духа, и пріобщенные еще здѣсь, на землѣ къ духовной жизни являются не только свидѣтелями чуда, но и живутъ въ сферѣ чудесъ, точнѣе въ той сферѣ, какая только кажется „чудесной" духовно слѣпымъ людямъ, а на самомъ дѣлѣ является реальнѣе видимаго преходящаго міра.

Но гдѣ и какъ найти вѣру, если ея нѣтъ, если она утрачена, если исчезла?!

„Просите, и дано будетъ вамъ" (Матѳ. 7, 7), отвѣчаетъ Спаситель.

„Имѣйте *вѣру* Божію. Ибо истинно говорю вамъ: если кто скажетъ горѣ сей: „поднимись и ввергнись въ море", и *не усомнится въ сердцѣ своемъ, но повѣритъ*, что сбудется по словамъ его, — будетъ ему, что ни скажетъ. Потому говорю вамъ: *все, чего ни будете просить въ молитвѣ, вѣрьте*, что получите и будетъ вамъ" (Марк. 11, 23-24).

„Истинно, истинно говорю вамъ: *вѣрующій въ Меня*, дѣла, которыя творю Я, и онъ сотворитъ, и больше сихъ сотворитъ..." (Іоанн. 14, 12).

Неужели эти прописныя истины, ставшія уже азбучными, были неизвѣстны митрополиту Сергію или іерархамъ, подписавшимъ „посланіе", и кто изъ насъ можетъ сказать, что эти истины были забыты и что іерархи, томящіеся въ ужасныхъ оковахъ сатанинской власти, не взывали къ Милосердному Господу о помощи и спасеніи, просили и молили?!.

Кто можетъ бросить подобный упрекъ и Зарубежной Церкви, какую никто не гонитъ и не преслѣдуетъ, надъ которой никто не глумится, которая имѣетъ въ своемъ составѣ выдающихся іерарховъ и пастырей Церкви, и непрерывно возноситъ свои молитвы къ Богу о спасеніи погибающей Россіи, порабощенной жидами?! А между тѣмъ 10 лѣтъ возносятся эти молитвы и здѣсь, и за рубежомъ, а Богъ точно не слышитъ ихъ и не отзывается на нихъ...

А на ряду съ этимъ, чудеса Божіи не прекращаются, и въ Россіи ихъ еще больше, чѣмъ въ иныхъ мѣстахъ: то обновленіе древнихъ иконъ въ храмахъ, сопровождаемое рядомъ чудесныхъ, мгновенныхъ исцѣленій страждущихъ, то обновленіе куполовъ на глазахъ сатанистовъ, не имѣвшихъ возможности отрицать чуда, то исцѣленіе слѣпыхъ (Нов. Вр., 27 Іюля 1927 г., № 1868), то цѣлый рядъ чудесъ, явленныхъ

среди красноармейцевъ и обратившихъ на себя вниманіе, дававшее и дающее поводъ говорить о наростаніи религіознаго чувства и пробужденіи вѣры даже у большевиковъ. И въ иностранныхъ газетахъ стали попадаться сообщенія о необычныхъ явленіяхъ чудеснаго порядка, особенно въ мѣстахъ, пострадавшихъ отъ землетрясеній и наводненій и небывалыхъ раньше стихійныхъ бѣдствій. Конечно, этими чудесами принято лишь восторгаться, но мало кто думаетъ о томъ, чтобы собрать ихъ и запечатлѣть въ памяти изданіемъ спеціально посвященной имъ книги... Ихъ въ лучшемъ случаѣ отмѣчаютъ на страницахъ газетъ, какъ интересный матеріалъ для чтенія, съ тѣмъ, чтобы выбросить потомъ газету и забыть о нихъ...

Привожу одно изъ разительныхъ чудесъ, случайно попавшее на страницы „Новаго Времени" (1 Сент. 1923 г., № 704):

„Шестого іюля въ четвергъ мы всѣ — жители Кіева были свидѣтелями величайшаго чуда, записаннаго когда-либо въ лѣтописяхъ Россіи. Съ быстротой молніи по городу распространилась вѣсть о томъ, что въ церкви Всѣхъ Скорбящихъ Радости, что на Сѣнномъ базарѣ, чудесно обновился куполъ надъ колокольней, а также икона Казанской Божіей Матери при входѣ въ церковь. Я объ этомъ узналъ передъ вечеромъ, и конечно мгновенно отправился туда. Вся площадь передъ церковью и всѣ прилегающія къ ней улицы были усыпаны многотысячной толпой. Солнце заходило, наступалъ вечеръ, и обновленный куполъ сіялъ бѣлымъ золотистымъ свѣтомъ. Этотъ куполъ я зналъ прекрасно. Онъ всегда поражалъ меня своей потускнѣлой позолотой, мѣстами совсѣмъ сошедшей. Весь онъ былъ какой то мутно-песочнаго неопредѣленнаго цвѣта. Блеску не было на немъ никакого. И вдругъ онъ теперь не только покрылся совершенно новой, блестящей позолотой, но даже свѣтился какимъ-то таинственнымъ свѣтомъ. Съ самаго утра 6-го іюля, какъ только стало извѣстнымъ дивное обновленіе купола и Казанской иконы Божіей Матери, десятки тысячъ народа хлынули туда, чтобы созерцать дивное проявленіе Божественной силы. На глазахъ всѣхъ собравшихся происходило чудесное знаменіе Божіе: одна за другой постепенно таинственно обновлялись иконы Св. Серафима, Елены, Константина и Ѳеодосія Черниговскаго, писанныя на купольномъ барабанѣ колокольни. Всѣ съ замираніемъ сердца слѣдили за тѣмъ, какъ съ минуты на минуту появлялась позолота, свѣтлѣли лики и выступали краски на потускнѣлыхъ и обветшалыхъ иконахъ. Теперь онѣ стоятъ какъ новыя, какъ только что написанныя.

Послѣ долгихъ усилій къ вечеру мнѣ удалось протиснуться въ церковь. Въ самой церкви обновились трехсотлѣт-

няя плащаница, распятіе и двѣ хоругви. Плащаница была совсѣмъ старая и потускнѣвшая. Теперь плащаница вся сіяетъ въ золотѣ и серебрѣ и поражаетъ всѣхъ своей красотой и художественностью. То же самое и хоругви. Матерія какъ была, такъ и осталась — порванная, мѣстами зачиненная, а краски и золото блестятъ и производятъ впечатлѣніе совершенно новыхъ. Но никогда въ жизни я не забуду чудеснаго обновленія образа Св. Николая Чудотворца, которое происходило на моихъ глазахъ. Надо замѣтить, что съ перваго же момента, когда выяснилось обновленіе, „наши власти" поспѣшили послать въ церковь комиссію для выясненія обстоятельствъ дѣла. Комиссія прибыла въ церковь часа въ 2 дня и приступила къ осмотру плащаницы. Было конечно рѣшено, что все это обманъ, что попросту вмѣсто старой плащаницы повѣсили новую. Но въ это время одна женщина воскликнула: — „смотрите, на этой иконѣ появилось свѣтлое пятно". И дѣйствительно, всѣ находившіеся тогда въ храмѣ обратили свой взоръ на совершенно темную икону, висѣвшую на стѣнѣ. На ней было свѣтлое сіяніе, въ видѣ пятна, которое начало разростаться все болѣе и болѣе. Не прошло и получаса, какъ передъ потрясеннымъ народомъ, просіялъ ликъ Святителя и Чудотворца Николая. Послѣ этого комиссія моментально ушла изъ храма и больше туда не показывалась. Когда я пришелъ въ церковь, обновилась уже вся средняя часть образа Св. Николая, но кругомъ была совершенная чернота. И вотъ на моихъ глазахъ и на глазахъ всѣхъ бывшихъ тогда (6-го іюля 1923 г.) въ церкви свѣтъ, исходящій отъ лика Святителя Николая, проникалъ все дальше и дальше, поглощая и растворяя темноту и черноту, которая покрывала еще необновившуюся часть иконы и, наконецъ, выступило во всей своей красѣ все изображеніе Святителя Николая.

Наступилъ уже вечеръ. Въ храмѣ было темно. Электричество не горѣло. Но ликъ Святителя сіялъ какимъ-то особеннымъ сверхъестественнымъ внутреннимъ свѣтомъ. Это была потрясающая картина. Въ первый разъ въ жизни я увидѣлъ всю силу и все очарованіе религіознаго порыва толпы. Святитель Николай сіялъ среди насъ, какъ живой, и всѣ чувствовали его присутствіе.

Обновленный образъ изображаетъ Св. Николая въ его историческомъ видѣ: — въ древней фэлони съ омофоромъ, правой рукой онъ благословляетъ, а лѣвой держитъ Евангеліе. Всѣ, кто видѣлъ теперь эту икону, въ одинъ голосъ говорятъ, что подобнаго изображенія Св. Николая по красотѣ и по величію никто изъ насъ въ жизни не встрѣчалъ. Я, потрясенный, вышелъ изъ храма. Спустилась ночь. Толпа

стояла и не расходилась. Всѣ потрясены. Нѣкоторые изъ евреевъ пытаются доказывать, что это „вліяніе атмосферы". Ихъ никто не слушаетъ. У большинства одна лишь мысль — молитва къ Богу.

На слѣдующій день, 7 іюля началось обновленіе второго купола той же церкви и иконъ, расположенныхъ надъ куполомъ. Надо сказать, что нашлись какіе то эксперты, которые взяли два куска — отъ обновленнаго купола и отъ второго купола для обслѣдованія. Но результатовъ обслѣдованія не опубликовали. Второй куполъ началъ понемногу обновляться. Въ теченіе трехъ дней совершенно обновились всѣ иконы, находящіяся надъ куполами — св. Владиміра, Ольги, Николая, Александра Невскаго, Алексія, Петра и другихъ. Но самый куполъ совершенно не обновился. Въ тотъ же день началось обновленіе Георгіевской церкви. Особенно замѣчательно обновленіе въ ней иконы, изображающей „моленіе о чашѣ", а также обновленіе иконы Покрова и изображенія Христа Спасителя съ крестомъ, идущимъ на Голгоѳу. Кромѣ того обновился еще куполъ на церкви Рождества на Подолѣ. Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ обновленій произошло надъ колокольней Софійскаго собора. Тамъ съ давнихъ поръ, чуть ли не со времени Петра Могилы, виситъ изображеніе чуда св. Николая (Мокраго) съ ребенкомъ, утонувшимъ въ Днѣпрѣ въ 1072 г. На ней кромѣ двухъ трехъ темныхъ фигуръ ничего нельзя было разобрать. Теперь древняя икона представляетъ собою картину дивной красоты. Передъ сіяющимъ въ золотѣ образомъ св. Николая лежитъ ребенокъ, вытащенный изъ воды и стоятъ родители, священникъ и монахи-старики, а вдали виднѣется Днѣпръ, нарисованный съ величайшимъ искусствомъ. Всѣ художники поражены этимъ дивнымъ образомъ.

Въ духовныхъ кругахъ Кіева придаютъ огромное значеніе тому обстоятельству, что обновилась икона Казанской Божіей Матери при входѣ въ церковь Всѣхъ Скорбящихъ Радости. Казанская икона считается величайшей святыней Россіи и покровительницей русской государственности. Отмѣчаютъ также, что обновленіе началось съ колокольни (благая вѣсть) для всѣхъ скорбящихъ и произошло въ четвергъ, т.-е. въ день, посвященный Православной Церковью памяти величайшаго изъ всѣхъ святыхъ Святителя и Чудотворца Николая Мирликійскаго, особенно чтимаго у насъ въ Россіи."

Н. Р.

И каждый по своему объяснялъ эти чудеса, толкуя ихъ то какъ предзнаменованіе близкой побѣды христіанства надъ

безбожіемъ (Нов. Вр., 5 Сентября 1923 г., № 707), то какъ знаменіе, что русскіе люди на пути къ обновленію (Тамъ-же, № 709), то какъ уступку Бога нашей нечувствительности къ мистикѣ міра (Тамъ-же, № 727) и т. д., тогда какъ достаточно было осмыслить совершающееся и увидѣть, *гдѣ, когда и при какихъ условіяхъ* происходили эти чудеса, чтобы сказать, что они являли собою только грозное свидѣтельство бытія Бога, отрицаемаго людскимъ безуміемъ, потерявшимъ вѣру въ Бога, и распинавшимъ Бога, глумящимся надъ Нимъ и Его закономъ, но не содержали никакихъ обѣтованій Божіихъ, никакихъ обѣщаній или указаній на скорое паденіе жидовской власти въ Россіи и спасеніе нашей измученной, истерзанной Россіи... Наоборотъ, эти чудеса еще болѣе ярко подчеркивали, что Богъ не только существуетъ, но и видитъ все, и слышитъ возносимыя къ Нему мольбы о спасеніи, но не желаетъ внимать имъ и отвергаетъ ихъ...

И, изнывая отъ тоски по Родинѣ, всѣми помыслами своими сливаясь съ ея жестокими страданіями, я мучительно искалъ отвѣта на вопросъ, почему Милосердный Господь не принимаетъ возносимыхъ къ Нему молитвъ, и не спѣшитъ съ помощью, почему даже Матерь Божія не могла въ теченіе 10 лѣтъ замолить людскихъ грѣховъ и умилостивить Своего Сына и Бога... и спасти Россію?!

Почему, вопреки обѣтованіямъ Спасителя, мы просимъ и ничего не получаемъ, ищемъ и не находимъ, стучимъ и никто не отворяетъ намъ?!.

Почему Господь милуетъ Европу, гораздо болѣе грѣшную и далекую отъ Него, и губитъ самую христіанскую страну въ мірѣ, смиренную и кроткую Россію, почему попускаетъ такое неслыханное въ исторіи глумленіе надъ православною Церковью и даже надъ Своими Угодниками, почему являетъ Себя красноармейцамъ и не внимаетъ мольбамъ пастырей Церкви?!. И Самъ Господь словами Своего Апостола Іоанна отвѣтилъ мнѣ на мои недоумѣнные вопросы.

Да, говоритъ Апостолъ Іоаннъ, Господь и точно сказалъ, что исполнитъ *все* чего мы попросимъ у Него и даже подтвердилъ Свое обѣщаніе словами: „Небо и земля прейдутъ, но слова Мои не прейдутъ" (Лук. 21, 33), но при какихъ условіяхъ дано такое обѣщаніе?..

„... *Если сердце наше не осуждаетъ насъ, то мы имѣемъ дерзновеніе къ Богу* и чего не попросимъ, получимъ отъ Него... Ибо если сердце наше осуждаетъ насъ, то кольми паче Богъ, потому что Богъ больше сердца нашего и *знаетъ все*" (I Посл. Іоанн. 3, 20-22).

„... изъ сердца человѣческаго исходятъ злые помыслы, прелюбодѣянія, любодѣянія, убійства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство...“ (Марк. 7, 21-22).

Вотъ при какихъ условіяхъ, вотъ почему ваши молитвы безплодны, говоритъ какъ бы Апостолъ Іоаннъ, вотъ почему вы уже 10 лѣтъ топчетесь на одномъ мѣстѣ и вѣрно еще долго будете топтаться и никогда не увидите вашей Родины... Только чудо Божіе можетъ побѣдить большевиковъ, а даруетъ вамъ Господь это чудо тогда, когда ваши молитвы получатъ дерзновеніе къ Богу, а получатъ онѣ такое дерзновеніе тогда, когда ваше сердце перестанетъ осуждать васъ...

И у меня опустились руки... Соглашательство и компромиссы съ большевиками въ самой Россіи, церковныя и политическія распри за рубежомъ ея, зависимость отъ „общественнаго“ мнѣнія и страхъ іудейскій и тамъ и здѣсь, нежеланіе считаться съ единымъ непогрѣшимымъ мнѣніемъ сердца, которое рѣзко осуждаетъ и мысли и дѣйствія наши и на осужденія котораго не обращается ни малѣйшаго вниманія потому, что они никому не видны и не слышны, развѣ это не отвѣтъ на вопросъ о томъ, почему Господъ отвергаетъ наши молитвы и не внимаетъ имъ?!.

„Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей“ (Псал. 50).

ГЛАВА 46.

Причины.

Почему же Русская Православная Церковь попала въ такое ужасающее положеніе? Причинъ много и на нихъ я остановлюсь ниже, а пока укажу только на ближайшія: общую и частную.

Первая причина заключалась въ общемъ сдвигѣ христіанскаго сознанія въ сторону раціонализма, что понизило качество вѣры, ослабило ея интенсивность и разорвало мистическую связь съ небомъ. Человѣкъ не только сталъ больше бояться человѣка, чѣмъ Бога, но и вѣрить въ человѣческую силу больше, чѣмъ въ всемогущество Божіе. Отсюда и все совершающееся вокругъ него стало оцѣниваться съ земныхъ, а не съ духовныхъ точекъ зрѣнія, и самое явленіе большевичества объяснялось не выраженіемъ Новозавѣтныхъ пророчествъ Господа Іисуса Христа, а бытовымъ явленіемъ, съ

которымъ и надлежало бороться обычными человѣческими способами. Ни Церковь въ лицѣ своихъ представителей, ни рядовые міряне не угадали *природы большевичества*, а потому и не знали, какъ бороться съ нимъ. Большевичество явилось выраженіемъ той суммы зла, какая перевѣсила чашу Добра на вѣсахъ Божескаго Правосудія.

Слѣдовательно, всѣ усилія человѣка должны были бы направляться къ увеличенію суммы Добра и уменьшенію суммы зла, именно къ тому на что указывалъ Апостолъ Іоаннъ, когда говорилъ объ условіяхъ, низводящихъ благодать Божію и требовалъ предварительнаго очищенія сердца нашего отъ всего, что преграждало путь къ Богу, при чемъ съ нашей стороны нужны были бы только усилія, только сознательное желаніе стремиться къ такому очищенію сердца, только воля къ Добру, а остальное уже сдѣлалъ бы Самъ Господь, увѣнчивая наши усилія побѣдою... Но такихъ усилій не наблюдалось... Наоборотъ, наблюдалось упорное и настойчивое стремленіе къ еще большему увеличенію суммы зла и... что же удивительнаго, если сроки спасенія Россіи отдаляются и не видны даже въ перспективѣ?! И совершенно правъ митрополитъ Антоній, когда касаясь чуда обновленія иконъ, говоритъ: „... если покаетесь и будете съ вѣрою призывать Божію помощь, то близко твое избавленіе, русскій народъ! А, если не обратитесь къ Богу, явленіе чудесное окончится ничѣмъ, или чѣмъ либо еще худшимъ...“ (Нов. Вр., № 707).

Очень интересную статью по этому поводу написалъ покойный А. Столыпинъ, развивающій ту мысль, что всякое вольное или невольное накопленіе зла не проходитъ безслѣдно, а наоборотъ, удлиняетъ сроки возрожденія Россіи. Мнѣ хотѣлось бы привести нѣкоторыя выдержки изъ этой статьи, не сказавшей ничего новаго, но характерной и показательной, какъ выраженіе точекъ зрѣнія образованнаго мірянина на событія нашего времени.

Усматривая въ явленіи большевичества выраженіе мессіаническихъ пророчествъ, А. Столыпинъ говоритъ:

„Многіе изъ насъ въ изгнаніи и еще большее количество страдальцевъ въ Россіи это знаютъ и чувствуютъ, но всетаки поражаетъ количество непостижимо слѣпыхъ людей, которые продолжаютъ приписывать всѣ бѣдствія ничтожнымъ причинамъ и ничтожнымъ дѣйствіямъ людей, партій и правительствъ. Какъ будто тѣ или иные поступки отдѣльныхъ карликовъ соизмѣримы съ кипѣніемъ чаши Господняго гнѣва!

Наступленіе ясно предсказанныхъ и съ малыхъ лѣтъ извѣстныхъ намъ изъ Писанія исключительныхъ событій

должно бы, кажется вызвать въ совѣсти людей тревожный вопросъ, какими исключительными и всенародными грѣхами, какою непостижимою измѣной высшимъ и духовнымъ задачамъ человѣчества вызваны эти кары?

Вѣдь и съ точки зрѣнія не христіанской и даже совсѣмъ нерелигіозной понятно, что такое явленіе природы, какъ бѣшеный волкъ, подлежитъ уничтоженію, а такое историческое явленіе, какъ народъ, угрожающій совершенствованію человѣчества, обреченъ на историческую неудачу. Но съ такой, чисто практической точки зрѣнія, русскій народъ не угрожалъ никому: миролюбіе его было внѣ сомнѣнія, экономически и научно онъ быстрыми шагами стремился къ тѣмъ цѣлямъ, которыя принято называть „цѣлями прогресса". Наоборотъ, роль „бѣшенаго волка" приписывалась, — и не безъ основанія, милитаристической Германіи. Но сейчасъ народы Европы стоятъ лицомъ къ лицу съ бѣшенымъ волкомъ по преимуществу, съ большевистскимъ волкомъ, и онъ ихъ менѣе тревожитъ, чѣмъ даже намекъ на возрожденіе былой Россіи.

Въ силу большевистскаго волка не вѣрятъ, потому что онъ голоденъ и бѣденъ, въ силу Германіи вѣрили, потому что она располагала невиданной военной мощью, въ силу бывшей Россіи тоже вѣрили, потому что она могла поднять и вооружить несмѣтное количество людей. Мы познали цѣну этимъ силамъ на горькомъ опытѣ, но весь міръ продолжаетъ вѣрить подобнымъ силамъ, а силы безусловнаго зла не боятся, только потому, что безусловное зло вооружено такими мало-осязаемыми средствами, какъ способность разлагать и растлѣвать слабую человѣческую природу.

Большевизмъ, — это отвратительная религія зла, обладаетъ такою же притягательной силой, какъ и добро притягательно для ревнителей добра; считать большевизмъ мѣстнымъ русскимъ явленіемъ было бы такъ же ошибочно, какъ считать католицизмъ итальянской религіей, потому что глава католической церкви пребываетъ въ Ватиканѣ. Большевизмъ— это религія всемірная и воинствующая, пытающаяся выдѣлить злое начало въ человѣчествѣ и доставить ему торжество. Такого явнаго, такого безстыднаго утвержденія зла человѣчество еще никогда не видѣло. Злое начало уживалось съ добрымъ, какъ плевелы съ пшеницей, и потому всѣ страстныя обвиненія, направленныя противъ сословій, противъ народовъ, противъ того или другого политическаго строя, всегда грѣшили несправедливостью. Зло переплеталось съ добромъ и у аристократовъ, и у пролетаріевъ, и у эллиновъ, въ самодержавныхъ государствахъ, и въ свободныхъ республикахъ. Отдѣлить рѣзко эти два начала представлялось нашему мы-

шленію дѣйствіемъ невозможнымъ и противнымъ человѣческой природѣ. Для этого требовалось бы вмѣшательство чуда. И чудо это проявилось со всѣми признаками чудесности для тѣхъ, кто желаетъ его осмыслить, и со всѣми признаками безсмысленной катастрофы для упорствующихъ въ слѣпотѣ.

Когда Ленинъ заявлялъ, что „чудомъ" онъ достигъ власти, что „чудомъ" побѣдилъ враговъ и „чудомъ" продержался несмотря на страшное разореніе Россіи, онъ не подозрѣвалъ, какой вѣрный и глубокій смыслъ онъ вкладывалъ въ это слово. Являясь тѣмъ роковымъ человѣкомъ, черезъ котораго должны придти соблазны, онъ одновременно явился и тѣмъ орудіемъ, которое отдѣляетъ плевелы отъ пшеницы. Онъ создалъ тѣ условія, при которыхъ нельзя служить злу, лицемѣрно прикрываясь добромъ, потому что, принимая большевизмъ, нельзя не принять и отвѣтственности за ненасытное человѣкоубійство, за бездну предательства и зла. Но *стать при этихъ условіяхъ на сторону добра, значитъ сознательно выбрать тѣсный путь и узкія врата подвига, значитъ быть готовымъ на крестную муку*).* Здѣсь нѣтъ мѣста ни для равнодушнаго зрителя, ни для высокомѣрнаго Пилата, умывающаго руки. Поэтому не можетъ и не должно быть, чтобы большевизмъ ограничился географическими предѣлами Россіи. Та сила злой мистики и одушевленія, которая въ немъ заложена, достаточна, чтобы распознать ея духовный первоисточникъ. Рѣшительный и безпощадный бой противъ религіозной связи человѣка съ Творцомъ, одной изъ степеней которой является христіанство. Большевистскіе плакаты, на которыхъ начертано: „Религія это — ядъ", являются съ ихъ стороны обычнымъ пріемомъ лжи. Потому что своя, очень крѣпкая и ужасная религія у нихъ есть, во имя ея они борются, и, если еще не провозглашаютъ ее явно, то потому, что не пришло время открыть ея тайны непосвященнымъ. Впрочемъ, они выдаютъ себя нѣкоторыми внѣшними знаками, вродѣ магическихъ начертаній и эмблемъ, украшающихъ ихъ обмундировку. Отъ людей, посвятившихъ себя изученію и борьбѣ съ этими мерзостями, я слышалъ о невѣроятномъ распространеніи всякихъ „черныхъ" культовъ, вродѣ люциферіанъ и сатанистовъ, съ главными центрами ихъ распространенія въ очень неожиданныхъ государствахъ: въ Испаніи и въ Китаѣ. Къ большевизму это не имѣетъ отношенія, это только характерно, какъ явленіе времени. Большевикамъ не до забавы нелѣпыми ритуалами; жертвенная кровь людей проливается ими на обширномъ алтарѣ нашей оскверненной родины, пока

*) Курсивъ нашъ. Н. Ж.

не откроется для нихъ новое, еще болѣе широкое поприще. Намъ неизвѣстно, куда ведетъ ихъ таинственная власть третьяго интернаціонала, но и для нихъ загадка, насколько ихъ возвыситъ и когда ихъ сокрушитъ всесильная рука Провидѣнія.

Поэтому праздны споры о томъ, какой способъ борьбы противъ нихъ необходимъ, что лучше: вооруженное вмѣшательство или революція на мѣстѣ; бороться ли съ ними во имя демократіи, или монархіи? *Всякая борьба со зломъ является святымъ начинаніемъ,*)* всякое противодѣйствіе зачтется, но большевизмъ будетъ побѣжденъ не паденіемъ Ленина и Троцкаго, но объединеніемъ той части человѣчества, которая не согласится даже за цѣну жизни осквернить свою безсмертную душу. *Распри между противниками большевизма это — такое же „порожденіе діавола“, какъ и самъ большевизмъ.* Это — одно изъ невѣсомыхъ и невидимыхъ оружій злого начала, котораго люди не страшатся, потому что оно не олицетворяется, ни въ видѣ стрѣляющихъ орудій, ни въ видѣ наступающихъ войскъ. Но оно сильнѣй армій всего свѣта и оно завоюетъ еще много странъ и народовъ. Когда не останется больше прибѣжища для колеблющихся, когда передъ всякимъ предстанетъ грозная необходимость выбора: *быть злодѣемъ или праведникомъ, тогда наступитъ конецъ. Потому что передъ оружіемъ праведниковъ, которое называется: миръ въ единеніи духа, не устоитъ зло.*)* Я вѣрю именно въ такой конецъ большевизма: неожиданный, мирный и нравственно для него постыдный.“ (Нов. Вр. 22 Апрѣля 1921 г., № 1).

Тотъ же А. Столыпинъ, останавливаясь на знаменіяхъ Божіихъ, явленныхъ обновленіемъ иконъ и куполовъ храмовъ въ Россіи, писалъ:

„Еще недавно противники вѣры объединились подъ знаменемъ точной науки, но эти времена прошли. Съ одной стороны, столько научныхъ незыблемыхъ утвержденій потерпѣли крушеніе, что наука уподобилась царству, раздѣлившемуся на ся и погибающему, а съ другой стороны, многія свѣтила точной науки, пораженныя обиліемъ сверхъестественныхъ фактовъ, прежде просто отрицавшихся, теперь увлечены ихъ изслѣдованіемъ. Назовемъ хотя бы метапсихическій институтъ Шарля Рише, существующій на французскія правительственныя средства.

Многіе изслѣдователи утверждаютъ и доказываютъ, что т. н. оккультныя науки даютъ возможность воспитать человѣческую волю и довести ее до сверхъестественнаго могуще-

---

*) Курсивъ нашъ. Н. Ж.

ства, и представляется почти несомнѣннымъ, что возглавители древнихъ теократій — первосвященники и жрецы, — были одновременно и хранителями древней тайной науки, недаромъ они заслужили упрекъ Господень въ томъ, что, владѣя ключами Царствія Божія, они сами не входятъ и другихъ не пускаютъ. И великимъ откровеніемъ Новаго Завѣта было то, что все, доступное раньше только рѣдкимъ избраннымъ, стало достояніемъ всѣхъ простыхъ, немудрыхъ и дѣтей, при одномъ условіи — вѣры. Потому что одно состояніе человѣческой души — вѣра, соединенное съ однимъ дѣйствіемъ человѣческой воли — молитвой, даетъ безгранично больше, чѣмъ даже достиженія тайной науки, дѣлающей человѣка повелителемъ стихій, вводящей его въ общеніе съ существами потустороннго міра и іерархіей духовъ...“ (Нов. Вр., 1923 г., № 710).

Итакъ, и Церковь въ лицѣ своихъ представителей и міряне, короче сказать вся Россія, просмотрѣла и Новозавѣтныя пророчества Спасителя о наступленіи событій, разыгрывающихся предъ нашими глазами, просмотрѣла и истинную природу большевичества, какъ религіи діавола, не нашла и не находитъ даже до сихъ поръ, спустя 10 лѣтъ, того единственнаго орудія въ борьбѣ съ сатанинской властью, которое бы побѣдило и сокрушило эту власть, если бы держалось чистыми руками и чистымъ сердцемъ. „Мира въ единеніи духа“ — нѣтъ, а безъ него нѣтъ и не будетъ угодной и пріемлемой Богомъ молитвы, а безъ молитвы не будетъ и чуда, не будетъ и Россіи.

Вторая, частная, причина развала Православной Церкви вытекала изъ вышеуказанной общей причины и выяснена на страницахъ предыдущаго изложенія устами не только православныхъ, но и католиковъ.

„*Безъ православнаго монарха наша Церковь разсыпется*“, читаемъ мы въ одномъ письмѣ.

„*Политика губитъ Церковь съ тѣхъ поръ, какъ она лишилась опоры въ самодержавіи православнаго Царя*“, значится въ другомъ письмѣ.

„*О Боже, Боже Великій, что же это дѣлается, наконецъ, въ православной Церкви, когда не стало Царя и синода*“, говорится въ донесеніяхъ одного изъ ксендзовъ.

„*Не стало Царя, не стало и единства*“, восклицаетъ другой.

Правда, со стороны офиціальной Церкви мы такого признанія еще не услышали, но это нисколько не ослабляетъ того вывода, который мы дѣлаемъ, говоря, что какъ государство не можетъ существовать безъ Церкви, ибо погибнетъ духовно, такъ и Церковь не можетъ существовать безъ го-

сударства, ибо ей не на чемъ будетъ держаться. Ссылки на сравнительно бóльшую устойчивость римской Церкви, существующей *якобы* внѣ какой либо связи съ государствомъ, доказываютъ лишь наивность тѣхъ, кто такъ думаетъ. Русская офиціальная Церковь очень любитъ эту ссылку, но дѣлаетъ ее только потому, что наши іерархи, никогда раньше не бывшіе заграницею, даже не представляютъ себѣ природы отношенія западной Церкви къ государству. Римская Церковь, какъ я уже указывалъ, держится не на своей обособленности отъ государства, не на папствѣ, какъ таковомъ, а на государственномъ правопорядкѣ, какъ реальной силѣ, и на тѣхъ внѣшнихъ устояхъ, которые очень глубоко скрыты въ самомъ механизмѣ католическаго церковнаго аппарата и превращаютъ Ватиканъ въ могущественную государственную организацію. Событія послѣдняго времени особенно рѣзко подчеркнули фактъ тѣснѣйшаго единенія между католическою Церковью и государствомъ. Такъ, въ цѣляхъ поддержать правительство Муссолини на происходившихъ въ 1924 году выборахъ, въ нихъ впервые послѣ 1870 года участвовали прелаты, голосуя всѣ безъ исключенія за правительственный „фашистскій" списокъ. Монахи тоже отдали свои голоса Муссолини.

Таково отношеніе между Церковью и государствомъ тамъ, гдѣ торжествуетъ парламентаризмъ, гдѣ они не связаны ни мистическими связями, ни взаимными обязательствами, гдѣ на обѣихъ сторонахъ стоятъ только практики, учитывающіе значеніе связи между Церковью и государствомъ и опасающіеся нарушить эту связь!

Въ Россіи же, гдѣ природа отношенія между Церковью и государствомъ совершенно иная, гдѣ въ лицѣ Самодержавнаго Царя православные русскіе люди видятъ прежде всего Помазанника Божія, *Ктитора Церкви*, коему Самъ Господь вручилъ охрану и защиту Церкви, офиціальные представители ея, іерархи, находились, за немногими исключеніями, въ оппозиціи къ престолу Царя, создавая иллюзію того „гнета", который, въ дѣйствительности, былъ ихъ опорой.

„Какъ наши міряне были ослѣплены свободами гражданскими, и вслѣдствіе этого попали въ революціонное рабство интернаціональной тираніи, пишетъ „Еженедѣльникъ", 16/29 Іюля 1923 г., № 99, такъ и многіе изъ русскаго духовенства и церковниковъ, увлекаемые фантастическимъ зрѣлищемъ христіанской Церкви, свободной отъ христіанскаго государства, по сей день не замѣчаютъ, что нынѣ христіанская Церковь попала въ порабощеніе антихристіанской власти. Вся русская православная Церковь — въ ея земномъ естествѣ

находится не только въ гоненіи и плѣненіи, но и въ послушаніи у враговъ Христовыхъ.

Да, въ послушаніи! Это — страшно, но это такъ!

Всѣ іерархи, которые не хотѣли слушаться слугъ антихристовыхъ, либо мученически погибли, либо томятся въ тюрьмахъ, ожидая мученической гибели. Томился въ тюрьмѣ и ожидалъ мученической гибели и патріархъ Тихонъ, пока не заявилъ своего послушанія вражеской власти".

Словомъ, имѣется и патріархъ, имѣются и десятки митрополитовъ, но *Церкви — нѣтъ, и безъ Царя ея не будетъ.*

ГЛАВА 47.

Церковь и Государство.

Въ чемъ же причина, что Церковь, въ лицѣ своихъ іерарховъ, не дала организованнаго отпора революціи и оказалась неспособной устоять подъ натискомъ большевиковъ и, при томъ, въ тотъ именно моментъ, когда, освобожденная отъ прежнихъ „оковъ рабства", получила, наконецъ, столь долго жданную всепобѣждающую свободу духа?

Забыли ли іерархи о той мистической силѣ, какая заключается въ Церкви, какъ Божественномъ установленіи и какая пребываетъ съ нею вѣчно, являясь тою безсмертною твердынею, какую не одолѣютъ, т. е. не пропустятъ пройти сквозь себя и ворота жилища мертвыхъ — „врата адовы"?

Какимъ образомъ могло случиться, что Церковь, отличаясь отъ государства и своимъ происхожденіемъ и своими основами, очутилась послѣ революціи въ положеніи еще худшемъ, чѣмъ государство?

Подобно тому, какъ государство, вступившее на путь „самоопредѣленія народовъ", разсыпалось на массу отдѣльныхъ государственныхъ образованій и мелкихъ единицъ, не связанныхъ между собою единствомъ политическихъ программъ, цѣлей и задачъ, подобно этому и Церковь стала постепенно раскалываться на безчисленное количество „церквей"; появились національныя церкви, взаимно отрицающія другъ друга и враждующія между собою.

Отчего, пребывая раньше въ „оковахъ", изнемогая, якобы, подъ гнетомъ всесильной оберъ-прокуратуры, угнетаемая государствомъ, Церковь не только успѣшно и планомѣрно осуществляла свои земныя задачи, но и выдвинула за сино-

дальный періодъ своего существованія цѣлый сонмъ величайшихъ подвижниковъ, причтенныхъ даже къ лику святыхъ?

На эти вопросы можетъ дать отвѣтъ только исторія, которую мы и спросимъ. Однако, прежде чѣмъ перелистать ея страницы, я хотѣлъ бы сдѣлать оговорку и сказать, что́ именно я понимаю подъ словомъ „Церковь“.

Тогда не будетъ ни недоумѣній, ни недоразумѣній.

Подъ этимъ словомъ я разумѣю не *мистическую Церковь*, какъ Божественное учрежденіе, какую дѣйствительно не одолѣютъ никакія силы смерти, какая вѣчна и несокрушима такъ же, какъ вѣчно и несокрушимо святѣйшее слово Божіе, а Церковь, какъ земную организацію, живущую въ условіяхъ пространства и времени, и призванную осуществлять на землѣ свои спеціальныя задачи, или, какъ удачно выразился митрополитъ Антоній, „какъ лѣстницу Іакова, вершиною своею уходящую въ небеса, а основаніемъ своимъ утверждающуюся все-таки на землѣ, низводя благодатное благословеніе на всѣ стороны человѣческаго бытія“. Только въ этомъ смыслѣ и можно разсматривать Церковь при сопоставленіи ея съ государствомъ и оцѣнкѣ ея дѣятельности на землѣ.

Въ глубокихъ нѣдрахъ исторіи кроются причины, то сближавшія Церковь и государство на почвѣ общихъ задачъ и стремленій, то раздѣлявшія ихъ другъ отъ друга. До пришествія Христа Спасителя на землю, Церкви, въ нашемъ пониманіи, не существовало вовсе. Былъ только языческій культъ, который поощрялся языческою властью, какъ одинъ изъ устоевъ, на которыхъ она держалась, и между этимъ культомъ и государствомъ царило не только единеніе, но и полное единомысліе, несмотря даже на крайнее многообразіе особенностей этого культа. Вполнѣ понятно, что въ моментъ своего основанія Господомъ Іисусомъ Христомъ, Церковь не могла находиться въ союзѣ съ языческимъ государствомъ. Противоположность задачъ и цѣлей, преслѣдуемыхъ Церковью и государствомъ, не могла родить церковно-государственнаго единенія. Однако, создавая Свою Церковь на землѣ, Спаситель не только не отрицалъ возможности такого единенія, а, наоборотъ, старался его вызвать. И какъ бы краснорѣчивы ни были указанія на то, что въ Евангеліи нѣтъ политики, что изъ евангельскаго ученія нельзя выкроить никакихъ политическихъ программъ, ибо Христосъ имѣлъ въ виду царство „не отъ міра сего“, все же они будутъ безсильны доказать, что, возвѣщая Свое ученіе, Господь Іисусъ Христосъ ограничивался лишь передачею отвлеченныхъ истинъ, безъ мысли воплотить ихъ въ толщу жизни.

Наоборотъ, въ низведеніи небесныхъ истинъ на землю,

въ внѣдреніи ихъ въ сознаніе человѣчества, съ цѣлью его духовнаго перерожденія, въ переустройствѣ законовъ общежитія на новыхъ, возвѣщенныхъ Христомъ началахъ, въ пересозданіи самыхъ формъ такого общежитія и, слѣдовательно, въ коренномъ измѣненіи языческой государственности, и заключалась одна изъ земныхъ задачъ Іисуса Христа.

Такія задачи предопредѣляли и то мѣсто, какое должна была занять Церковь въ отношеніи къ государству. Это — не мѣсто противника изъ враждебнаго лагеря, не мѣсто враждующей, хотя, можетъ быть, и справедливо враждующей стороны, а мѣсто Пастыря въ отношеніи къ паствѣ, мѣсто любящаго Отца въ отношеніи къ заблуждающимся дѣтямъ. Даже въ тѣ моменты, когда между Церковью и государствомъ не было и не могло быть ни единомыслія, ни единенія, Христосъ Спаситель запрещалъ Церкви стоять въ сторонѣ отъ государства, а тѣмъ болѣе рвать связь съ нимъ, сказавъ: „отдавайте кесарево кесарю, а Божіе Богу“ (Лук. 20, 25), Хотя эти слова и не рѣшали общаго вопроса объ отношеніи Церкви къ государству во всѣ времена, а относились къ римской власти надъ іудеями, предупреждали противъ возстанія, имѣли цѣлью отвлечь умы отъ революціи къ Богу, были произнесены „къ случаю“ и имѣли временный характеръ, однако же въ нихъ нельзя видѣть компромисса между Церковью и государствомъ, какъ таковымъ, а совершенно опредѣленное *признаніе* государственной власти, поскольку она направлена на *благо* людямъ, указаніе на возможность единенія даже съ языческимъ государствомъ въ области чисто государственной, уваженіе принципа государственности. Не забудемъ, что эти слова были сказаны Христомъ въ отвѣтъ на запросъ книжниковъ и фарисеевъ по поводу того, насколько вообще допустимо, съ точки зрѣнія ученія Христова, вносить подати кесарю и тѣмъ поддерживать одинъ изъ главнѣйшихъ устоевъ языческаго государства, и при томъ государства, подъ игомъ котораго якобы томились іудеи, мечтавшіе о сверженіи римскаго владычества. Христосъ, такимъ образомъ, не только не отрицалъ государства, а, наоборотъ, оберегалъ государственность, являя Собою примѣръ уваженія къ государственнымъ законамъ, повиновенія и послушанія.

Такого же отношенія къ государству требовалъ Господь Іисусъ Христосъ и отъ Своихъ учениковъ. Свв. Апостолы впервые создали христіанскія основы государственнаго права, а Апостолъ Павелъ, въ своемъ посланіи къ Римлянамъ (13, 1-8), указалъ даже на конкретныя обязанности, вытекающія изъ этихъ основъ. Насколько глубоко уважалъ Ап. Павелъ римскую государственность, несмотря даже на то, что она

была языческой, свидѣтельствуютъ Дѣянія Апостоловъ, гл. 25, 10-12. Апостолъ Павелъ гордился своимъ званіемъ римскаго гражданина и до того вѣрилъ въ справедливость власти римскаго императора, что, будучи арестованъ іудеями, не пожелалъ идти на судъ въ Іерусалимъ, а, сославшись на свое званіе, потребовалъ надъ собою суда кесаря, чѣмъ подчеркнулъ самодовлѣющее значеніе государственности, которая сама по себѣ, даже не будучи связана союзомъ съ Церковью, а, являясь лишь наиболѣе совершенною формою общежитія, способна обезпечить правопорядокъ и законность.

Съ основаніемъ Христовой Церкви на землѣ началась дѣятельная христіанизація сначала нравовъ и обычаевъ населенія, а затѣмъ законовъ страны. Христіанское ученіе стало постепенно вливаться въ толщу государственной жизни и, озаренныя свѣтомъ ученія Христова, языческія государства — превращаться въ христіанскія.

Въ какихъ же формахъ протекалъ процессъ христіанизаціи?

Въ какія отношенія ставила себя Церковь къ государству, и что такое представляла собою Церковь въ моментъ своего возникновенія?

На эти вопросы отвѣчаетъ Апостолъ Лука, авторъ „Дѣяній Свв. Апостоловъ" самимъ заглавіемъ своей книги.

„Дѣянія" святыхъ Апостоловъ — это не „дѣянія" Соборовъ или Св. Синода, не журнальныя постановленія іерарховъ, написанныя высокимъ стилемъ и въ торжественной формѣ, а *личные* подвиги и страданія Апостоловъ, ихъ личная, активная, непосредственная борьба не съ государствомъ, какъ таковымъ, а съ государственнымъ зломъ, разъѣдавшимъ государственность и подрывавшимъ ея устои, смѣлое и самоотверженное исповѣданіе Христовыхъ истинъ личнымъ примѣромъ, проповѣдь Евангелія личною жизнью.

Гоненія и преслѣдованія, аресты, заключеніе въ тюрьму, избіеніе камнями, мученія, пытки и казни — вотъ путь, которымъ шли Апостолы и ихъ послѣдователи, христіанизируя жизнь. И это тогда, когда Апостолы находились не только въ положеніи измѣнниковъ ветхозавѣтной вѣры, но и въ положеніи контръ-революціонеровъ, преслѣдуемыхъ жидовскимъ фанатизмомъ и шовинизмомъ, когда еще не существовало христіанской государственности и проповѣдь Евангелія встрѣчала всеобщее противодѣйствіе, когда Церковь еще не была съорганизована и въ распоряженіи Апостоловъ, кромѣ личной вѣры и горѣнія духа, не было иныхъ способовъ вліять на окружающихъ. Свв. Апостолами были не нынѣшніе папы, патріархи, митрополиты и епископы, а нынѣшніе босоногіе

странники и юродивые, нынѣшніе „старцы“ и Божіи люди, эти истинные строители духа жизни, какихъ всегда гналъ міръ, какъ гонитъ и до сихъ поръ. Однако у нихъ и только у нихъ — полнота откровенія Духа Святаго, они — держатели Вѣчной Истины, и внѣ ихъ и безъ нихъ немыслимо ни религіозное пробужденіе человѣчества, ни творческій процессъ религіозной мысли.

Не измѣнились методы и пріемы христіанизаціи и послѣ того, какъ Церковь получила свою внѣшнюю организацію и вылилась въ форму церковнаго организма. Они и не могли измѣниться, ибо перестраивается духъ жизни не словами, а дѣлами, личнымъ примѣромъ, подвигами и страданіями, опытомъ, а не теоріей. Процессъ организаціи Церкви совершился не сразу, а постепенно.

Единовластіе Христа Спасителя замѣнилось *Единодушіемъ* Апостоловъ.

Но какъ въ первомъ, такъ и въ послѣднемъ случаѣ идея личнаго подвига, освященная Голгоѳскою Жертвою, лежала въ основаніи программъ Апостольской дѣятельности, и христіанство побѣждало не натискомъ и силою, а смиреніемъ и любовью. Какъ прежде, такъ и теперь позиція Церкви въ отношеніи государства оставалась неизмѣнною. Ограничивая свою задачу духовнымъ просвѣщеніемъ народа, внѣдряя въ понятія народа высокія начала христіанскаго долга, пробуждая его религіозное сознаніе, Церковь не только не стремилась къ власти и могуществу, а, наоборотъ, сосредоточивала свое исключительное вниманіе на культурѣ духа, требуя не только отреченія отъ земныхъ благъ, но даже бѣгства изъ міра.

Проникая въ самую толщу мірской жизни, Церковь потому и не заражалась мірскими настроеніями, что не соблазнялась никакими мірскими приманками, а бережно хранила свою чистоту, источникъ своей силы и вліянія. Но такъ продолжалось не всегда и, по мѣрѣ проникновенія христіанскихъ началъ въ языческій міръ, и превращенія языческихъ государствъ въ христіанскія, грань между Церковью и государствомъ постепенно сглаживалась, становилась менѣе рѣзкою, и въ ограду церковную стали просачиваться мірскіе элементы и настроенія. Въ результатѣ измѣнились и отношенія между Церковью и государствомъ. Церковь перестала казаться въ глазахъ государства Пастыремъ Добрымъ, государство перестало казаться Церкви паствою. Линіи церковной и государственной жизни стали все болѣе рѣзко расходиться въ разныя стороны, возникли нестроенія въ самой Церкви, какія продолжались до полнаго раздѣленія Церквей, вызваннаго

расхожденіемъ ихъ представителей даже въ области догматической, и какія продолжаются и донынѣ. Церковь и государство заняли положеніе враждующихъ сторонъ и возникъ вопросъ даже объ отдѣленіи Церкви отъ государства, иначе о сложеніи съ себя Церковью той миссіи, какая была возложена на нее ея Основателемъ, Господомъ Іисусомъ Христомъ.

Западная Европа уже давно провела, если не вездѣ юридически, то повсюду фактически, этотъ принципъ, и *только въ одной Россіи* связь между Церковью и государствомъ зиждилась на христіанской основѣ.

Эпоха Царя Алексѣя Михайловича являла собою наиболѣе яркое отраженіе взаимодѣйствія между Церковью и государствомъ, однако, съ теченіемъ времени эта связь постепенно ослабѣвала, и идея совершеннаго отдѣленія Церкви отъ государства стала встрѣчать сочувствіе даже въ средѣ нѣкоторыхъ іерарховъ, мечтавшихъ о возстановленіи патріаршества въ цѣляхъ освобожденія Церкви отъ воображаемаго гнета со стороны государства и ссылавшихся на эпоху Царя Алексѣя Михайловича, какъ на время наибольшаго расцвѣта церковно-государственной жизни Россіи. Царствованіе „тишайшаго“ Царя было дѣйствительно историческимъ феноменомъ, опрокинувшимъ всѣ доводы о различіи земныхъ задачъ Церкви и государства и, слѣдовательно, о невозможности единенія между ними, однако же наличность такого единенія вовсе не зависѣла отъ самого факта патріаршества, какъ таковаго, а объяснялась тѣмъ, что между Царемъ и патріархомъ существовало полное *единомысліе* въ церковной и государственной области, что офиціальная Церковь, учитывая религіозную сущность Самодержавія, исповѣдывала въ лицѣ Царя — *Помазанника Божія*, *Ктитора Церкви*, коему Самъ Господь вручилъ охрану и защиту Церкви, что, наконецъ, былъ строго выдержанъ принципъ „nullum regnum sine patriarcha staret“, отводившій патріарху роль совѣтника Царя, а не самодовлѣющее мѣсто въ сферѣ церковно-государственнаго управленія. И въ царствованіе Царя Алексѣя Михайловича этотъ принципъ нашелъ свое наилучшее выраженіе. Власть патріарха не противупоставлялась и даже не сливалась съ властью Царя, а была властью любящаго Отца, бережно охранявшаго прерогативы Помазанника Божія для блага Церкви и государства.

Когда, въ царствованіе Императора Петра Великаго этотъ принципъ былъ нарушенъ, тогда исчезло и патріаршество, ибо послѣднее, само по себѣ, не составляло русскаго явленія, и идея патріаршества была не только чужда, но и враждебна русскому церковному правосознанію. Русскому православному народу чуждо понятіе ἀρχή, съ коимъ связано представленіе

о власти восточныхъ деспотовъ, и идея патріаршества, особенно въ пониманіи современныхъ іерарховъ, будетъ всегда встрѣчать противниковъ со стороны тѣхъ, кто полагаетъ силу Православія въ его смиреніи и чистотѣ, а ктиторство надъ Церковью признаетъ неотъемлемымъ правомъ Помазанниковъ Божіихъ, русскихъ православныхъ Царей.

Западная Церковь, которой непонятна природа отношеній между Церковью и государствомъ въ Россіи, отождествляетъ *Ктиторство* съ *главенствомъ* Русскаго Царя надъ Церковью. Католики, напримѣръ, говорятъ, что Государю Императору принадлежитъ высшая правительственная власть въ православной Церкви, т. е. право издавать обязательные церковные законы, замѣщать епископскія каѳедры, увольнять епископовъ и производить судъ по всѣмъ отраслямъ церковнаго управленія, что Царь является церковнымъ законодателемъ и источникомъ церковнаго права и церковныхъ полномочій, управляетъ Церковью въ силу Своего Божественнаго назначенія, какъ Помазанникъ Божій, о чемъ свидѣтельствуютъ и Основные Законы, указывающіе, что „въ управленіи церковномъ Самодержавная Власть дѣйствуетъ посредствомъ Св. Прав. Синода, Ею учрежденнаго“, а постановленія послѣдняго составляются „по Указу Его Императорскаго Величества“.

Изъ этого католики выводятъ, что въ Россіи видимымъ Главою Церкви былъ Самодержавный Монархъ, что государственная власть узурпировала права православной Церкви, лишила ее свободы и держала два столѣтія въ плѣну. Такое предположеніе позволяетъ католикамъ бытъ вполнѣ искренними въ своихъ убѣжденіяхъ, по силѣ которыхъ они доказываютъ, что русская православная Церковь не была истинною Церковью, коль скоро попала въ такое унизительное, зависимое отъ государства, положеніе, что въ Россіи, кромѣ Арсенія Мацѣевича, не было іерарховъ, способныхъ предпочесть лишеніе епархіи, ссылку и заточеніе въ тюрьму признанію правъ государства надъ Церковью, что, наконецъ, и нынѣшній развалъ Церкви, вызванный революціей, былъ возможенъ только потому, что въ самой конструкціи православной Церкви были элементы разложенія

Такія убѣжденія понятны и неудивительны со стороны Запада, вообще незнакомаго съ Россіей. Но они являлись странными и малопонятными со стороны тѣхъ русскихъ іерарховъ, которые не только раздѣляли ихъ, но даже основывались на нихъ, когда говорили объ отдѣленіи Церкви отъ государства, или о возстановленіи патріаршества въ Россіи.

Русскіе Цари никогда не именовали Себя Главою Церкви и таковыми никогда не были. Связь же Русскихъ Самодерж-

цевъ съ Церковью обусловливалась не узурпаціей государствомъ правъ Церкви, а вытекала изъ природы Русскаго Государства, какъ единственнаго въ мірѣ государства ѳеократическаго.

ГЛАВА 48.

Природа Русскаго Самодержавія.

Русское Самодержавіе есть не политическая, а религіозная идея.

Въ то время, какъ въ Западной Европѣ восторжествовалъ принципъ парламентаризма, и республиканская власть, какъ результатъ бездушнаго ариѳметическаго большинства, по природѣ своей не имѣющая совѣсти и, потому, не могущая подлежать воздѣйствію Церкви, постепенно вытѣсняла христіанскія начала изъ государственной жизни, — *только въ одной Россіи* христіанская государственность сохранялась свято и ненарушимо.

Христіанскій Монархъ — это не только самая совершенная, но и единственная форма Божеской Власти на землѣ. Это — *Боговластіе*, не имѣющее никакихъ точекъ соприкосновенія ни съ народовластіемъ, ни съ иными формами и видами многоразличной земной власти и существовавшее, до революціи, *только въ Россіи.*

Вотъ что мы читаемъ въ превосходной статьѣ г. Н. Дивѣева „Помазанникъ Божій", напечатанной въ „Еженедѣльникѣ" отъ 13/26 Августа 1923 года, № 102:

„... Только на Руси, какъ въ древней Византіи, Царское вѣнчаніе сопровождается таинствомъ Миропомазанія; на западѣ лишь въ Англіи совершается миропомазаніе королей, но англійская Церковь не признаетъ за миропомазаніемъ таинства Богоустановленнаго, — тамъ это только обрядъ. Миропомазаніе нашихъ Государей не есть восьмое или какое либо новое таинство, но высшая степень Миропомазанія. Совершается Царское вѣнчаніе и Миропомазаніе такъ: При вступленіи Ихъ Величествъ въ Успенскій Соборъ, пѣвчіе поютъ умилительный псаломъ: „Милость и судъ воспою Тебѣ Господи..." Государь и Государыня прикладываются къ мѣстнымъ иконамъ, а потомъ, взойдя на тронъ садятся. Тогда первоприсутствующій митрополитъ, по древнему обычаю, приглашаетъ Его Величество вслухъ всѣхъ подданныхъ исповѣдать православно-каѳолическую вѣру: „како вѣруеши?" Госу-

дарь встаетъ и громко произноситъ символъ вѣры. — „Благодать Пресвятаго Духа да будетъ съ Тобой“, говоритъ ему митрополитъ. Слѣдуетъ великая ектенія, въ которой св. Церковь отъ лица всѣхъ вѣрноподданныхъ испрашиваетъ у Царя царствующихъ благословенія небеснаго на главу Царя земного, и всѣхъ даровъ Духа Божія, необходимыхъ Ему въ предстоящемъ великомъ служеніи; св. Церковь проситъ Царю премудрости и силы, благопоспѣшенія во всемъ и долгоденствія, чтобы услышалъ Его Господь въ день печали, и защитилъ Его, чтобъ ниспослалъ Ему помощь Свою, и заступилъ Его, чтобы не подкупны были суды Его, чтобы грозно было оружіе Его врагамъ отечества и пали подъ ноги Его всѣ враги и супостаты... Послѣ ектеніи поется тропарь: „Спаси, Господи, люди Твоя...“ и читается паремія изъ книги пророка Исаіи. Послѣ пареміи возглашается прокименъ: „Господи, силою Твоею возвеселится Царь...“ и читается Апостолъ, въ которомъ св. Павелъ учитъ о повиновеніи властямъ предержащимъ, о томъ, что царская власть происходитъ отъ Бога, и потому всякій противляющійся царской власти сопротивляется повелѣнію Самого Бога. За Апостоломъ слѣдуетъ чтеніе Евангелія, въ которомъ изъ устъ Самого Господа Іисуса слышится заповѣдь: „воздадите кесарево Кесареви...“ Послѣ Евангелія митрополиты подносятъ Государю Императору царскую порфиру, и Государь возлагаетъ ее на себя при ихъ содѣйствіи, причемъ первенствующій митрополитъ произноситъ: „Во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь“. Его Величество преклоняетъ главу, а первенствующій митрополитъ, осѣнивъ ее крестнымъ знаменіемъ, возлагаетъ на нее крестообразно руки и читаетъ молитву, въ которой проситъ Господа, чтобы удостоилъ Своего вѣрнаго раба, Государя, священнаго миропомазанія подобно Давиду, который пріялъ помазаніе отъ Самуила Пророка, чтобы облекъ Его Своею силою Божественною для великаго подвига царствованія, чтобы явился Онъ твердымъ хранителемъ догматовъ вѣры православной и, совершивъ свое царское служеніе на землѣ, удостоился быть наслѣдникомъ небеснаго царства. Вслѣдъ за тѣмъ митрополитъ подаетъ Государю Императору корону и Онъ возлагаетъ ее на Свою главу, а митрополитъ произноситъ: во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь... Потомъ Первосвятитель говоритъ Его Величеству: „Благочестивѣйшій, Самодержавнѣйшій, Великій Государь Императоръ Всероссійскій, видимое сіе и вещественное главы Твоея украшеніе явный образъ есть, яко Тебѣ, Главу Всероссійскаго народа, вѣнчаетъ невидимо Царь славы Христосъ благословеніемъ Своимъ благостнымъ, утверждая Тебѣ владычественную и верховную власть надъ людьми Своими“.

Подобнымъ же образомъ митрополитъ подаетъ Его Величеству — въ десницу скипетръ, а въ шуйцу державу, говоря, что они служатъ видимымъ знакомъ данной Ему отъ Бога власти самодержавной. Облеченный во всѣ знаки царскаго достоинства Государь садится на своемъ Царскомъ престолѣ. Вскорѣ потомъ Онъ приглашаетъ къ Себѣ Свою Августѣшую Супругу; Она подходитъ и становится предъ Нимъ на колѣна; Государь снимаетъ съ Себя Корону, касается ею главы Государыни и снова возлагаетъ ее на Свою главу. Въ это время подносятъ меньшую корону, которую Государь и возлагаетъ на главу Императрицы; подаютъ Ему порфиру и брилліантовую цѣпь; Онъ ту и другую возлагаетъ на Свою Августѣйшую Супругу, послѣ чего Императрица встаетъ и отходитъ на свой престолъ. Слѣдуетъ провозглашеніе многолѣтія. Богомъ вѣнчанный Государь отдаетъ скипетръ и державу ближайшимъ сановникамъ и одинъ за всѣхъ преклоняетъ колѣна предъ Господомъ и вслухъ всѣхъ читаетъ молитву... Какъ трогательна эта молитва Царская, въ которой Онъ смиренно благодаритъ Господа за Его неизрѣченныя къ Нему милости, и подобно древнему Царю Соломону взываетъ: „Да будетъ со мною присѣдящая престолу Твоему премудрость, Посли ю съ небесъ святыхъ Твоихъ, да разумѣю, что есть угодно предъ очима Твоима, и что есть право въ заповѣдяхъ Твоихъ!.. Буди сердце мое въ руку Твоею, еже вся устроити къ пользѣ врученныхъ мнѣ людей и къ славѣ Твоей, яко да и въ день суда Твоего непостыдно воздамъ Тебѣ слово“... По окончаніи молитвы Государь встаетъ, а вся церковь, всѣ вѣрные его подданные въ свою очередь становятся на колѣна и Первосвятитель отъ лица всѣхъ произноситъ молитву — ту самую, которая ежегодно потомъ повторяется на молебномъ пѣніи въ день восшествія на престолъ и въ день воспоминанія коронаціи Государя. Такъ утверждается союзъ Царя съ Его вѣрными подданными, утверждается молитвою Царя за подданныхъ и подданныхъ за Царя. Такъ еще болѣе скрѣпляются узы любви предъ лицомъ Божіимъ обѣтомъ царскаго служенія благу народа и послушанія подданныхъ своему Богомъ данному Государю... Остается Богомъ избранному Самодержцу облечься силою Духа Божія въ священномъ Миропомазаніи, и соединиться съ Самимъ Господомъ въ таинствѣ св. Причащенія, и это совершается на Божественной литургіи. Во время причастнаго стиха два архіепископа идутъ къ трону Государя и приглашаютъ Его приблизиться къ Царскимъ вратамъ; Государь идетъ въ порфирѣ; тогда первенствующій митрополитъ беретъ сосудъ, помазываетъ Его Величество св. Миромъ на челѣ, очахъ, ноздряхъ, устахъ, ушахъ, персяхъ и рукахъ,

произнося: *печать дара Духа Святаго*; а второй митрополитъ отираетъ мѣста помазанія. Въ это время происходитъ звонъ и 101 выстрѣлъ. Государь отходитъ къ иконѣ Спасителя. Приближается Государыня и митрополитъ помазуетъ Ее только на челѣ. Она отходитъ къ иконѣ Богоматери. *Тогда Первосвятитель вводитъ Помазанника Божія чрезъ Царскія врата во св. алтарь: здѣсь Государь дѣлаетъ поклоненіе св. Престолу и пріемлетъ отъ руки митрополита св. причащеніе особо Тѣло, и особо Кровь Христову, какъ пріобщаются священнослужители.* Государыня Императрица причащается въ Царскихъ вратахъ по обычаю...

Въ этомъ таинственномъ обрядѣ сказывалась вся особливость Православной Монархіи. Восточные деспоты правили во имя собственнаго произвола: государи запада — во имя мнимой народной воли; нашъ Самодержецъ — во имя Христа, *какъ послушный рабъ Его и исполнитель Его Божественныхъ велѣній, какъ руководимый Духомъ Божіимъ въ силу благодатнаго таинства Миропомазанія при вѣнчаніи на царство.*

Вотъ основа и опора нашего государственнаго бытія. Забыли мы о значеніи великаго таинства Помазанія на Царство, стали увлекаться примѣрами впавшаго въ матеріализмъ запада, утратили отечественную самобытность и оказались въ безднѣ..."

Что можно прибавить къ этимъ прекраснымъ словамъ?

Развѣ лишь указать на то, что забыли объ этомъ не только „мы", подъ каковымъ словомъ авторъ, вѣроятно, разумѣетъ русскую интеллигенцію, но и вожди ея, пастыри и архипастыри Церкви. Еще совсѣмъ недавно одинъ изъ іерарховъ писалъ мнѣ, что „Господь покаралъ Государя и Государыню какъ нѣкогда праведнѣйшаго Моисея, и отнялъ у нихъ царство, что они противились Его волѣ ясно выраженной Вселенскими Соборами касательно Церкви", причемъ такой упрекъ былъ брошенъ Монарху въ связи съ отношеніемъ Государя къ вопросу о возстановленіи патріаршества.

Нѣтъ, не Царя покаралъ Господь, а покаралъ Россію, отнявъ у нея Своего Помазанника, покаралъ и офиціальную Церковь въ лицѣ ея іерарховъ, дождавшихся патріарха и очутившихся предъ дилеммою, — подчиняться ли его указамъ и велѣніямъ, какъ выраженіямъ воли Божіей, или не подчиняться, усматривая въ нихъ выраженіе воли сатанинской.

Нѣтъ нужды доказывать насколько брошенный упрекъ несправедливъ въ отношеніи Праведнаго Царя Николая Александровича, Который не только ни въ чемъ не обнаруживалъ склонности къ цезаропапизму, но даже тяготился короной и мечталъ о принятіи монашества. Однако упрекъ характеренъ

въ томъ отношеніи, что говоритъ о томъ, какъ въ дѣйствительности относились къ таинству Миропомазанія Царя даже тѣ іерархи, которые принимали участіе въ священномъ короновании Государя. Не только іерархи, но даже священники говорили мнѣ, правда, только *послѣ* революціи, что они *всѣ* помазанники Божіи, а на мои возраженія отвѣчали оскорбительными ссылками на подхалимство и заискиваніе предъ „мірской“ властью, какую дружно высмѣивали, съ тѣмъ, чтобы теперь плакать и каяться въ собственной гордости и неразуміи.

ГЛАВА 49.

Происхожденіе власти.

На чемъ же основана вѣра русскаго народа въ ктиторство Царя?

На этотъ вопросъ даетъ отвѣтъ одинъ изъ русскихъ ученыхъ въ своемъ письмѣ ко мнѣ отъ 3/16 Августа 1923 года.

„Въ душахъ человѣческихъ“, пишетъ онъ, „искони было заложено сознаніе, что править людьми *на благо имъ* можетъ только Богъ, чрезъ избранныхъ Имъ мудрыхъ и вдохновенныхъ мужей. Это сознаніе мы находимъ у всѣхъ языческихъ народовъ, какъ бы различны ни были ихъ вѣрованія, и какія бы имена ни носили ихъ божества. Отсюда произошла та форма земной власти, которая называется боговластіемъ или ѳеократіей. Носителемъ верховной власти является Богъ, а на землѣ Его власть осуществляютъ слуги Божіи — жрецы или священники. Такая форма власти существовала и у древнихъ евреевъ до призванія на царство Саула. Но параллельно, съ древнѣйшихъ временъ, появлялись многія другія формы власти, какъ бы независимыя отъ Бога и Его служителей. Аристотель перечисляетъ и характеризуетъ съ необыкновенною обстоятельностью и точностью различные типы государственной власти. Его опредѣленія такъ хороши, что и теперь ихъ нельзя замѣнить какими нибудь лучшими. До появленія христіанскаго ученія различіе между боговластіемъ и иными типами власти *въ точкѣ ихъ происхожденія* — было смутно и неясно. Евангеліе принесло ключъ разумѣнія. Основнымъ евангельскимъ текстомъ по этому вопросу является разсказъ евангелиста Луки о второмъ искушеніи Христа Спасителя сатаною: „И, возведши Его на высокую гору, діаволъ показалъ Ему всѣ царства вселенной во мгновеніе времени. И

сказалъ Ему діаволъ: Тебѣ дамъ *власть* надъ всѣми сими царствами и славу ихъ; *ибо она предана мнѣ, и я, кому хочу, даю ее.* Итакъ, если Ты поклонишься мнѣ, то все будетъ Твое. Іисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: отойди отъ Меня, сатана; написано: „Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи“ (Второзак. 6, 13). Лук. 4, 5-8.

Передъ лицомъ Господа нашего Іисуса Христа діаволъ смѣло и открыто утверждаетъ, что власть надъ земными царствами отдана въ его распоряженіе, и что онъ, по своему усмотрѣнію, передаетъ ее тому, кто ему поклоняется. Христосъ не отрицаетъ утвержденія діавола и этимъ какъ бы признаетъ права діавола на распоряженіе земною властью, однако, будучи въ этотъ моментъ только человѣкомъ, тѣмъ не менѣе не соблазняется блескомъ и славою царскаго величія, отказывается поклониться діаволу и, очевидно, въ поученіе самому діаволу повторяетъ ветхозавѣтную заповѣдь о нераздѣльномъ служеніи Богу, исключающемъ всякое иное поклоненіе. Христосъ какъ будто хочетъ напомнить діаволу, что онъ, діаволъ, — тварь, что предмірное происхожденіе его извѣстно Христу. („Я видѣлъ сатану, спадшаго съ неба, какъ молнія“, Лук. 10, 18), и что онъ по временамъ обязанъ представать предъ Господа („Былъ день, когда пришли сыны Божіи предстать предъ Господа; между ними *пришелъ и сатана* предстать предъ Господа“, кн. Іова, 2, 1). Христосъ могъ бы еще пространнѣе сказать діаволу: „Вѣдь ты знаешь, что Я — Сынъ Божій; на Моихъ глазахъ ты былъ низвергнутъ съ неба за гордость и противленіе Богу; какъ же ты осмѣливаешься только потому, что видишь Меня въ человѣческомъ образѣ, предлагать Мнѣ поклониться тебѣ, соблазняя Меня привлекательностью земной власти“. Христу не нужно было тратить столько словъ, потому что Онъ однимъ взоромъ могъ дать понять діаволу всю Свою мысль.

Съ другой стороны, въ евангеліяхъ не мало имѣемъ указаній на властность Іисуса Христа: „Онъ училъ ихъ, какъ *власть имѣющій*, а не какъ книжники и фарисеи“ (Матѳ. 7, 29). „Слово Его было *со властью*“ (Лук. 4, 32). „Кто это, что и вѣтры и море *повинуются Ему?*“ (Матѳ. 8, 27). „Сынъ человѣческій имѣетъ *власть* на землѣ прощать грѣхи“ (Матѳ. 9, 6). „Созвавъ же двѣнадцать, далъ имъ силу и *власть* надъ всѣми бѣсами и врачевать отъ болѣзней“ (Лук. 9, 1). Можно было бы продолжать цитаты, но и приведенныхъ достаточно. Христу принадлежала власть надъ людьми, направленная всецѣло *къ ихъ благу.* Сатанѣ предоставлено было облекать властью отдѣльныхъ лицъ *на гибель ихъ самихъ и на горе управляемыхъ ими народовъ.* Вотъ точка происхожденія власти, освѣ-

щенная свѣтомъ Христовымъ, по словамъ Христа: „Я свѣтъ міру; кто послѣдуетъ за Мною, тотъ не будетъ во тьмѣ, но будетъ имѣть свѣтъ жизни" (Іоан. 8, 12). Послѣ крестной смерти Христосъ передалъ Свою власть Церкви (Матѳ. 10, 1; 16, 18-19; 18, 18; Лук. 22, 31-32; Іоан. 21, 15-17).

Изъ различнаго пониманія указанныхъ евангельскихъ текстовъ возникли двѣ формы христіанской ѳеократіи: западное папство и восточная соборность. Вся древняя и средневѣковая исторія Европы и прилегающихъ къ Средиземному морю частей Азіи и Африки, со времени появленія христіанства прошла въ томъ, что послѣдователи Христа стремились христіанизировать лицъ, облеченныхъ отъ діавола земною властью. Вотъ въ чемъ смыслъ крещенія Константина и разныхъ средневѣковыхъ варварскихъ королей. Помните слова Іоанна Богослова: „Для сего то и явился Сынъ Божій, *чтобы разрушить дѣла діавола*" (І Іоан. 3, 8).

Папы трудились надъ торжествомъ западной ѳеократіи, пока она не дошла до зенита въ лицѣ Иннокентія III, а соборы устраивали по христіанскому идеалу власть византійскихъ императоровъ... Сижу я теперь безъ библіотеки, а то я выбралъ бы Вамъ факты изъ великолѣпной книги В. Герье: „Расцвѣтъ западной ѳеократіи", изъ книгъ Ю. Кулаковскаго о Византіи и другихъ.

Со времени Владиміра Святого русская Церковь стремилась охристіанить власть сначала русскихъ князей, а потомъ московскихъ царей. Сатанинское начало власти обезвреживается и уничтожается, если надъ носителемъ власти совершается священное миропомазаніе. Тогда власть обращается на служеніе Богу, и должна подчиняться велѣніямъ Церкви. Поэтому въ христіанскомъ государствѣ главою его можетъ быть только человѣкъ, исповѣдывающій Христа и отъ полноты сердца исполняющій заповѣди Христовы. Какъ живой членъ Церкви, онъ долженъ жить ея жизнью, слѣдовать ея завѣтамъ, чтить служителей Божіихъ и заботиться о земномъ благополучіи Церкви. Такимъ образомъ, наилучшее опредѣленіе задачъ христіанской власти въ названіи ея *ктиторствомъ*. *Носитель власти* (князь, король, царь, императоръ, вообще монархъ, а не безвластный президентъ республики— une machine à souscrire) — *ктиторъ Церкви*. Поведеніе его направляется уставами Церкви, а попеченіе о земныхъ нуждахъ Церкви лежитъ на его обязанности. Государство, не вѣрующее во Христа, безъ помазаннаго носителя власти, внецерковное, — *непремѣнно, по самой природѣ своей, явится сатанинскимъ*. Оно будетъ бороться съ Церковью (какъ бо-

ролись со временъ французской революціи всѣ западныя демократіи) и вообще будетъ руководиться не началами любви, а началами злобы, ненависти, зависти, лжи. По своей сатанинской природѣ оно и не можетъ поступать иначе. Вся дѣятельность его будетъ проникнута сатанизмомъ. „Дѣти Божіи и дѣти діавола узнаются такъ: всякій, не дѣлающій правды, не есть отъ Бога, равно и не любящій брата своего“ (I Іоан. 3, 10). Царь Алексѣй Михайловичъ „тишайшій“ являлся законченнымъ типомъ восточнаго православнаго царя (въ Малороссіи, въ 1654 г., говорили: „Волимъ подъ царя восточнаго православнаго“). Власть русскаго императора, въ ея теоретическомъ построеніи, какъ доказалъ одесскій профессоръ Казанскій въ своей огромной книгѣ: „Власть русскаго императора“ — идеальное внѣшнее выраженіе христіанской власти.

Но сатана *сохранялъ свои права* и работалъ въ своемъ направленіи. Орудіемъ его работы были его дѣти — жиды, о которыхъ Христосъ сказалъ: „Вашъ отецъ діаволъ; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Онъ былъ человѣкоубійца*) отъ начала, и не устоялъ въ истинѣ; ибо нѣтъ въ немъ истины. Когда говоритъ онъ ложь, говоритъ свое; ибо онъ лжецъ и отецъ лжи“ (Іоан. 8, 44). Сатана, окочивъ искушеніе Христа, отошелъ отъ Него до благопріятнаго времени (во франц. переводѣ: jusqu'à un moment favorable; въ нѣмецкомъ: bis zu einer günstiger Gelegenheit). Въ скорости черезъ жидовъ онъ началъ отвоевывать завоеванія христіанъ. Въ борьбѣ германскихъ императоровъ съ папами, несмотря на Каноссу, уже рисуются перспективы будущаго. Потомъ пришли: протестантство, дѣятельность Кромвеля, развитіе масонства, французская революція. И на Западѣ, и на Востокѣ — боговластіе (ѳеократія) рушится, сатанинскія начала берутъ верхъ, изъ всѣхъ щелей лѣзутъ революціонно-настроенные жиды. Явно духъ Христа слабѣетъ, а духъ сатаны — усиливается; опять пришло его время. Наконецъ мы переживаемъ полный расцвѣтъ сатанинской государственности, свергшей государственность христіанскую. Въ Россіи устроилось настоящее жидовско-сатанинское государство и полная осязаемость и непреложность этого факта все болѣе и болѣе входитъ въ общее сознаніе.

Кажется, только сами русскіе недостаточно еще прозрѣли и продолжаютъ довѣрять тѣмъ разнообразнымъ вывѣскамъ, которыми прикрыли себя жиды: „большевики“, „третій интер-

---

*) Въ І-мъ посланіи Іоанна Богослова поясняется: „Всякій, ненавидящій брата своего, есть человѣкоубійца“ (3, 15).

націоналъ", „россійская коммунистическая партія", „рабоче-крестьянская власть", „совѣты", „эресефесеръ" и т. д. Находятся даже русскіе, которые учреждаютъ въ Парижѣ „Лигу борьбы съ антисемитизмомъ въ Россіи". Лучше другихъ поняли сущность дѣла наши ближайшіе сосѣди на западѣ — поляки.

Недавно польскій публицистъ Антоній Холоневскій напечаталъ въ газетѣ „Rzecz Pospolita" (№ 159 отъ 13 Іюня с. г.) отличную статью о *жидовскомъ государствѣ*, построенномъ на развалинахъ Россіи. Охарактеризовавъ нынѣшній фазисъ жизни русскаго народа, какъ колоссальный процессъ *гніенія*, авторъ подчеркиваетъ, что начало этому процессу положили не какія-нибудь ходящія на двухъ ногахъ безтѣлесныя доктрины, а люди съ костями и кровью, — жиды. Надъ достиженіемъ этого гніенія работали жидовскіе мозги, одни изъ самыхъ старыхъ мозговъ на свѣтѣ. „Изъ выдающихся дѣятелей большевизма" — привожу слова Холоневскаго, — „только Ульяновъ (Ленинъ) да еще два или три человѣка — по происхожденію *какъ-будто* арійцы. Въ составѣ совѣтскаго правительства засѣдаютъ преимущественно жиды. Все это вещи общеизвѣстныя. Европейскія газеты неоднократно перечисляли Бронштейновъ, Нахамкесовъ, Собельзоновъ и иныхъ имъ подобныхъ жидовъ, надѣвшихъ русскія маски. Совѣтскими комиссарами, тучи которыхъ шныряли и свирѣпствовали въ Польшѣ во время нашествія 1920 г., были въ огромномъ большинствѣ случаевъ жиды. Однимъ словомъ, мозгъ большевизма это мозгъ жидовскій". Антоній Холоневскій не упомянулъ еще о преобладаніи жидовъ въ „совѣтской" дипломатіи. За спиной стараго, больного неврастеника Чичерина, руководятъ въ комиссаріатѣ иностранныхъ дѣлъ Финкельштейнъ (Литвиновъ) и Вайнштейнъ. Послѣдній, между прочимъ, написалъ дерзкую ноту Англіи, впечатлѣніе которой сглаживалъ недавно передъ лордомъ Керзономъ вездѣсущій Красинъ. Жидъ Іоффе (Крымскій) подвизается въ Азіи. Онъ подготовилъ раскрытый въ началѣ Іюня с. г. грандіозный коммунистическій заговоръ въ Японіи, а сейчасъ суетится и старается разводить смуту въ Китаѣ.

Далѣе Холоневскій перечисляетъ, чѣмъ обязана Россія жидамъ: своими нелѣпыми декретами о землепользованіи и продуктовомъ налогѣ они подорвали производительность русскаго сельскаго хозяйства и довели населеніе до людоѣдства и голодной смерти; запрещеніемъ работать свыше дозволенной нормы они уничтожили русскую промышленность; для ста милліоновъ людей они устроили публичный домъ вмѣсто семьи; преслѣдуя христіанство, они искореняютъ въ населеніи

всякое нравственное чувство и приводятъ его въ скотское состоянiе. Всѣ эти преступленiя обязательно должны быть записаны *на счетъ жидовства.* Все человѣчество должно знать, что жиды, захватившiе власть надъ одной его частью, заразили ее гангреной и грозятъ остальнымъ его частямъ такимъ же зараженiемъ и если не физическою смертью, то задержанiемъ роста, вырожденiемъ и моральнымъ упадкомъ. Позорные лавры жидовства не должны быть скрыты въ туманѣ лживыхъ словъ. Каждый грамотный человѣкъ на свѣтѣ долженъ знать и понимать, до чего *безгранично преступна* жидовская власть въ Россiи.

Какъ же могло образоваться въ наши демократическiя времена *жидовское государство,* не имѣя подъ собою широкихъ нижнихъ слоевъ жидовскаго населенiя? — спрашиваетъ А. Холоневскiй. Для творчества жидовскаго духа въ этомъ *нѣтъ ничего новаго.*

Четыре тысячи лѣтъ тому назадъ приблизительно такимъ же образомъ, какъ теперь въ Россiи, устроили себѣ жиды государство въ „землѣ обѣтованной", — въ Палестинѣ, подчинивъ своей власти иноплеменныхъ туземцевъ. Въ древне-еврейскомъ государствѣ, о которомъ обыкновенно мы получаемъ въ школѣ совершенно ложное представленiе, жиды были только *правящимъ сословiемъ,* работали же на нихъ аморреи, хеттеи, фарезеи, хананеи, евеи, iевусеи и гергесеи, бывшiе до появленiя жидовъ исконными обладателями своихъ странъ и управлявшiеся своими нацiональными царями и своей народной аристократiей. Библейскiе тексты рисуютъ намъ ходъ событiй, почти совпадающiй съ русскою дѣйствительностью.

1) Изъ повѣствованiя книги Iисуса Навина видно, что, овладѣвая постепенно Палестиной не столько открытою военною силою, сколько обманными способами (напр., съ помощью блудницы Раавъ и трубъ Iерихонскихъ, и, навѣрное, не безъ лозунговъ коммуны), *жиды истребляли* мѣстныхъ царей и тѣ группы людей среди жившихъ тамъ племенъ, которыя могли давать имъ отпоръ, т. е., главнымъ образомъ, правящую и военную интеллигенцiю, „людей сильныхъ" — умственно и имущественно (Iис. Нав. 6, 1), „буржуевъ", „мозгъ народа". Жестокой изступленной кровожадностью звучатъ слова упомянутой книги: „И убилъ ихъ (пять царей), и *повѣсилъ ихъ на пяти деревахъ*; и висѣли они на деревахъ до вечера" (Iис. Нав. 10, 26); — „И поразилъ ихъ мечемъ, и предали заклятiю ихъ и *все дышащее,* что находилось въ немъ (въ г. Давирѣ); *никого не осталось, кто уцѣлѣлъ бы*" (Iис. Нав. 10, 39); — и побили *все дышащее,* что было въ немъ

(въ г. Асорѣ), мечемъ, все предавъ заклятію; *не осталось ни одной души*" (Іис. Нав. 11, 11); — „Людей же всѣхъ перебили (въ городахъ) мечемъ, такъ что *истребили всѣхъ ихъ*; не оставили изъ нихъ *ни одной души* (Іис. Нав. 11, 14).

2) Имущество истребляемыхъ „сильныхъ людей" жиды присваивали себѣ: „а всю добычу городовъ ихъ и весь скотъ *разграбили сыны Израилевы себѣ*" (Іис. Нав. 11, 14). Іисусъ Навинъ говорилъ жидамъ отъ имени Бога Израилева: „Далъ я вамъ землю, надъ которою ты *не трудился*, и города, которыхъ вы *не строили*, и вы живете въ нихъ; изъ виноградныхъ и масличныхъ садовъ, которыхъ вы *не насаждали*, вы ѣдите плоды" (Іис. Нав. 24, 13).

3) Людей, обнищавшихъ послѣ ограбленія, и людей ремесленнаго и земледѣльческаго труда жиды не истребляли, а обратили ихъ въ своихъ данниковъ и оброчныхъ работниковъ. Объ этомъ говорится такъ въ книгѣ Судей Израилевыхъ: „Когда Израиль пришелъ въ силу, тогда *сдѣлалъ онъ Хананеевъ* данниками, но изгнать не изгналъ ихъ. И Ефремъ не изгналъ Хананеевъ... и они *платили имъ дань*. И Завулонъ не изгналъ жителей Китрона... и они *платили имъ дань*. И Ассиръ не изгналъ жителей Акко, которые *платили ему дань*. И Нефѳалимъ не изгналъ жителей... земли той; жители же Веѳсамиса и Беѳанаѳа были его *данниками*... Рука сыновъ Іосифовыхъ одолѣла Амореевъ, и сдѣлались они *данниками имъ*" (Суд. Изр. 1, 28-35).

О Соломонѣ повѣствуется: „Весь народъ, оставшійся отъ Амореевъ, Хеттеевъ, Ферезеевъ, Хананеевъ, Евсеевъ, Іевусеевъ и Гергесеевъ, которые были не изъ сыновъ израилевыхъ, дѣтей ихъ, оставшихся послѣ нихъ на землѣ, которыхъ сыны Израилевы *не могли истребить*, Соломонъ сдѣлалъ *оброчными работниками* до сего дня. Сыновъ же Израилевыхъ Соломонъ *не дѣлалъ* работниками; но они были его воинами, его слугами, его вельможами, его военачальниками и вождями его колесницъ и его всадниковъ" (3 Цар. 9, 20-22).

Вотъ картина древности, которая получаетъ особенную яркость и жизненность при сравненіи ея съ тѣмъ, что наблюдается сейчасъ въ Россіи: тутъ жиды истребили не менѣе двухъ милліоновъ служилой интеллигенціи, офицерства, земельнаго дворянства и зажиточнаго крестьянства подлинно русской крови („людей сильныхъ" — умственно и имущественно) съ Императорской семьей во главѣ. Десятки тысячъ жидовъ *живутъ не только въ домахъ, но даже во дворцахъ*, которыхъ *не строили*, и если не ѣдятъ поголовно плодовъ изъ виноградныхъ и масличныхъ садовъ, то только потому,

что климатъ Россіи не позволяетъ такимъ садамъ произрастать; зато они по горло сыты тѣмъ, что даетъ русская земля, въ то время, какъ не менѣе сорока милліоновъ русскихъ погибло отъ голода; весь русскій народъ жиды обратили въ крѣпостное состояніе, гоняя всѣхъ обывателей на принудительныя работы („всеобщая трудовая повинность") и облагая ихъ данью въ видѣ непомѣрныхъ и безконтрольныхъ налоговъ.

Исторія не знаетъ подробностей сожительства жидовъ съ туземцами Палестины: аморреями, хеттеями и пр., но по аналогіи съ Россіей, можно о нихъ догадываться. Навѣрное, были чрезвычайки, исполкомы, совнархозы и иныя измышленія жидовскаго ума, но только подъ другими названіями. Въ результатѣ историческаго процесса оказалось, что всѣ палестинскія туземныя племена исчезли, а жиды живутъ и нашли себѣ новую „землю обѣтованную" — Россію. За сорокъ вѣковъ не измѣнились ни стильныя жидовскія физіономіи, ни способы ихъ политическихъ дѣйствій. Русскому народу, если онъ не рѣшится быстро сбросить съ себя жидовское иго, грозитъ судьба палестинскихъ племенъ, т. е. полное исчезновеніе.

„Народныхъ Комиссаровъ" можно сравнить съ „судіями Израилевыми", но жиды подумываютъ уже о новомъ Соломонѣ. Въ Совдепіи усиленно распространяется легенда, будто Лейба Давидовичъ Бронштейнъ самимъ Богомъ предназначенъ въ русскіе цари.

Таково жидовско-сатанинское государство, создавшееся на мѣстѣ бывшей Россіи. Въ Германіи, во Франціи, въ Англіи, въ Сѣверной Америкѣ — къ тому идетъ. Я только что закончилъ чтеніе американской книжки, переведенной съ англійскаго на польскій языкъ: „Международный Жидъ" (2 тома). Ужасъ охватываетъ при ознакомленіи съ тѣми фактами антихристіанской дѣятельности жидовъ въ Америкѣ и Европѣ, которые тамъ изображаются. Книга написана очень спокойно „холоднымъ" христіаниномъ, но факты говорятъ сами за себя. Между прочимъ въ ней есть *нѣсколько главъ*, посвященныхъ провѣркѣ „Протоколовъ" совершившимися фактами. Впечатлѣніе получается неотразимое. Это прямо чудо, что С. А. Нилусу удалось опубликовать документы столь міровой важности.

Какимъ же образомъ, ссылаясь на сатанинское происхожденіе власти и указывая на господство сатанизма въ наше время, сочетать слова Апостола Павла: „Всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ, ибо нѣтъ власти не отъ Бога; существующія же власти отъ Бога установлены" (Римл. 13, 1).

Еще Апостолъ Петръ замѣтилъ, что въ посланіяхъ Ап. Павла, несмотря на всю его премудрость, „есть нѣчто неудобовразумительное“, или, какъ лучше сказано во французскомъ переводѣ: „il y a des points difficiles à comprendre“ (2 Петр. 3, 16). Такимъ мѣстомъ, труднымъ для пониманія, является вышеприведенное наставленіе относительно власти, столь любимое лѣнивыми умами нашихъ іерарховъ, начиная съ Филарета Московскаго. Патріархъ Тихонъ тоже имѣлъ его въ виду, примиряясь съ московскими жидами. Христіанская совѣсть никакъ не можетъ согласиться съ мнѣніемъ Ап. Павла, ибо въ Евангеліи отъ Луки, въ разсказѣ объ искушеніи Христа сатаною, о происхожденіи власти говорится совершенно иное. Изъ заявленія діавола совершенно ясно, что власть надъ людьми есть собственно *прерогатива діавола* (ему передана, вручена, съ соизволенія Бога-Творца... видимымъ же всѣмъ и невидимымъ). Ап. Павелъ очень ошибался, когда писалъ: „начальствующіе страшны не для добрыхъ дѣлъ, но для злыхъ. Хочешь ли не бояться власти? Дѣлай добро, и получишь похвалу отъ нея“ (Римл. 13, 3). Такимъ образомъ, Ап. Павелъ смотрѣлъ односторонне, предполагая, что власть стоитъ всегда на сторонѣ добра, охраняетъ благо. Ап. Павелъ въ эту минуту упустилъ изъ виду, что всеобщее человѣческое согласіе на зло такъ же возможно, какъ и согласіе всѣхъ на добро. По замыслу сатаны, который даетъ власть кому онъ хочетъ (Лук. 4, 6), власть можетъ быть организована на зло. Начальствующіе, какъ сейчасъ жиды въ Россіи, могутъ быть страшны не для злыхъ дѣлъ, а для добрыхъ. Власть, какъ жидовско-большевическая, можетъ требовать: дѣлай зло и получишь похвалу отъ меня: нарушай Божескія заповѣди, — убивай, крадь, прелюбодѣйствуй (отверженіе церковнаго брака), лжесвидѣтельствуй (въ отношеніи контръ-революціонеровъ), желай чужаго („въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое“, „миръ хижинамъ, война дворцамъ“) — этимъ ты заслужишь благоволеніе власти. Буквально такая власть теперь въ Россіи. Очевидно, въ сознаніи Ап. Павла въ то время, когда онъ писалъ свое посланіе къ Римлянамъ, не явилось представленія о возможности такой власти. Ап. Павелъ, какъ большинство его современниковъ, высоко цѣнилъ римскую власть и совѣтовалъ новымъ христіанамъ безпрекословно ей подчиняться, благодаря за нее Бога. Самъ Ап. Павелъ въ другихъ посланіяхъ выражаетъ иныя мнѣнія: „Не преклоняйтесь *подъ чужое ярмо* съ невѣрными, ибо какое общеніе праведности съ беззаконіемъ?“ (2 Кор., 6, 14). „Ихъ богъ — чрево, и слава ихъ — въ срамѣ, они мыслятъ о земномъ“ (соціалисты всѣхъ толковъ). На-

чальники такой власти — не Божіи слуги, а, напротивъ, слуги сатаны. Такая власть, будучи воплощеніемъ сатанинскихъ началъ, „ходитъ, какъ рыкающій левъ, ища, кого поглотить“ (I Петр. 5, 8). Живя въ Одессѣ подъ большевиками, я именно испытывалъ такое чувство, какъ будто по улицамъ города мечется „рыкающій левъ“, глотающій кого попало. Рычаніе автомобилей, усаженныхъ вооруженными чекистами, наводило паническій страхъ, какъ ревъ льва гдѣ нибудь въ пустынѣ. Подчиняться такой власти не довлѣетъ христіанину, и онъ *долженъ* стремиться устранить ее. Въ этомъ смыслѣ и величіе средневѣковыхъ „крестовыхъ“ походовъ.

Какъ половое сожитіе только послѣ благословенія Церковью становится бракомъ, такъ и власть дѣлается пріемлемой для христіанина только послѣ помазанія ея носителя. *Вѣнчаніе монарха съ обязательствомъ его слѣдовать велѣніямъ Церкви, снимаетъ съ власти ея сатанинское происхожденіе, освящаетъ ее и даетъ вѣрующимъ увѣренность, что власть будетъ дѣйствовать на добро.* О такомъ носителѣ власти можно сказать словами Ап. Павла: „Начальникъ — Божій слуга, тебѣ на добро“ (Римл. 13, 4).

Отчего же у Ап. Павла могъ вылиться изъ подъ пера такой неправильный взглядъ на власть, тѣмъ болѣе, что христіанской правительственной власти въ то время еще нигдѣ не было. Я объясняю себѣ это такъ:

Ап. Павелъ писалъ къ Римлянамъ, т. е. къ немногимъ жителямъ г. Рима, обращеннымъ уже въ христіанство. Подъ „властью“ онъ подразумѣвалъ римскую власть, власть римскаго императора, о которой, какъ увидимъ, былъ самаго высокаго мнѣнія. Дѣйствительно, римская власть, хотя и языческая, была организована вопреки намѣреніямъ сатаны, на добро и привѣтствуема всѣми странами тогдашняго культурнаго міра (pax romana), какъ высшее благо. Отраженіе всеобщей радости по поводу установленія императорской власти Августа мы находимъ даже въ рождественскихъ пѣснопѣніяхъ.

Счастье римскихъ гражданъ было въ томъ, что императорская власть Августа и Тиберія, хотя и не помазанная Богомъ, все таки служила добру, водворяла вездѣ законность и справедливость. Римское право — это величайшее созданіе арійскаго генія, какъ и христіанская религія, съ которой оно впослѣдствіи сочеталось. Самъ Ап. Павелъ гордился своимъ званіемъ римскаго гражданина и такъ вѣрилъ въ справедливость власти римскаго императора, что для себя потребовалъ отъ Феста суда Кесарева: „Требую суда Кесарева!“ И Фестъ долженъ былъ отвѣтить: „Ты потребовалъ суда Кесарева, къ Кесарю и отправишься“ (Дѣян. 25, 11-12). Поэтому христіа-

нинъ долженъ понять слова Апостола Павла къ Римлянамъ не какъ вѣчный его завѣтъ на всѣ времена, а какъ *временное наставленіе* именно Римлянамъ, т. е. жителямъ того великаго города, гдѣ тогдашняя мірская языческая власть была направлена на добро. Навѣрное Ап. Павелъ иначе выразился бы о власти Ирода, который поднялъ руки на нѣкоторыхъ изъ принадлежащихъ къ Церкви, *чтобы сдѣлать имъ зло* (Дѣян. 12, 1). Власть Ирода была злая, и начальники, ею поставленные, были, конечно, слугами сатанинскими, а отнюдь не Божьими. Самъ Иродъ былъ заживо съѣденъ червями (Дѣян. 12, 23).

Тѣмъ болѣе большевики являются исчадіями сатаны, съ которыми у христіанъ не можетъ быть никакого общенія. Вотъ почему меня такъ возмущаютъ такіе архіереи, какъ Антонинъ, Евдокимъ, Владиміръ Путята, Тихонъ (кажется, Курскій), которые или не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, что они дѣлаютъ, или умышленно идутъ на компромиссы съ большевиками изъ-за личныхъ интересовъ".

„Россію", заканчиваетъ авторъ этого интереснаго письма, „исцѣлила бы только христіанская государственность, но дождемся ли мы ея когда нибудь при той страшной силѣ, какою обладаетъ въ настоящее время „международный жидъ"?!"

ГЛАВА 50.

Православная Церковь въ Россіи до революціи.

Въ Россіи православная Церковь занимала не только совершенно отличное отъ Западной Европы, но и единственно соотвѣтствующее ей, какъ Божественному Установленію, положеніе, вытекавшее изъ христіанскихъ основъ русской государственности. Нареканія на узурпацію правъ Церкви государствомъ, на плѣненіе и гнетъ, на оковы рабства и пр. и пр., — все это отражало или невѣжество и незнакомство съ государственными основами Православія въ Россіи, или сознательные революціонные пріемы со стороны тѣхъ, кто стремился къ развалу, какъ государства, такъ и Церкви. Доказывать это положеніе, послѣ приведенныхъ мною въ предъидущихъ главахъ иллюстрацій, едва ли нужно.

Однако и до сихъ поръ, несмотря на ужасъ положенія православной Церкви въ Россіи въ настоящее время, точнѣе, несмотря на окончательное уничтоженіе Церкви, какъ государственнаго организма, не всѣ въ равной мѣрѣ убѣждены

въ благодѣтельности церковныхъ реформъ Петра Великаго, не всѣ въ равной мѣрѣ оцѣниваютъ ихъ съ вѣрныхъ точекъ зрѣнія. И до сихъ поръ нѣкоторые іерархи называютъ Великаго Петра — „Первымъ Большевикомъ“ и проклинаютъ Синодальную систему управленія.

„Общепризнанныя“ истины имѣютъ привилегію не оспариваться, ихъ попросту повторяютъ, не стараясь даже разсмотрѣть ихъ сущность и содержаніе. Къ числу такихъ истинъ относится и та, какая связываетъ всѣ бѣды и несчастія обрушившіяся на православную Церковь съ Оберъ-Прокуратурою, какъ средоточіемъ того зла, какое угнетало Церковь, держало ее въ оковахъ и лишало свободы.

Но такія утвержденія въ корнѣ невѣрны и опровергаются не только исторіей, но и, что гораздо важнѣе, самой сущностью Православія, какъ Божественной истины, какая вѣчна и незыблема и не можетъ зависѣть отъ человѣческихъ вліяній. Реальная сила каждой истины заключается не въ ея признаваніи, а въ ея исповѣданіи, безъ котораго немыслимо ея дѣйствіе. И нѣтъ той человѣческой силы, какая бы могла не только сокрушить Божественную истину, или уменьшить ея значеніе и вліяніе, но и не склониться предъ нею. Въ этомъ смыслѣ Церковь, даже съ точки зрѣнія своей внѣшней организаціи, могущественнѣе государства, *если является носительницей чистоты Божественной истины и воплощаетъ ее собою.* И это доказали тѣ подвижники Церкви, которые вели за собою вѣрующихъ и *были могущественнѣе всѣхъ царей, патріарховъ и земныхъ владыкъ.*

Іерархи Церкви, не исключая и наиболѣе искреннихъ противниковъ Синодальной системы, конечно, отлично знали, что ссылки на оковы и рабство, въ коихъ Церковь находилась 200 лѣтъ, на отсутствіе свободы духа и пр. и пр. — все это только ходячія фразы, выдуманныя честолюбцами и повторяемыя прогрессивною общественностью, что въ дѣйствительности никакого гнета со стороны Оберъ-Прокуратуры не было и не могло быть, какъ потому, что ея представители были часто не только болѣе образованными, но и болѣе вѣрующими сынами Церкви, чѣмъ сами іерархи, такъ и потому, что участіе Оберъ-Прокуратуры въ области чисто церковнаго управленія было фикціей и ни въ чемъ не выражалось, а вся дѣятельность Оберъ-Прокуроровъ Синода сводилась лишь къ контролю синодальныхъ чиновниковъ, кадетствующихъ семинаристовъ, къ добыванію средствъ на содержаніе вѣдомства, да къ скучной канцелярщинѣ. Вся же церковная работа велась іерархами и даже о соглашеніи съ Оберъ-Прокуроромъ, имѣвшимъ право возражать по существу

тѣхъ или иныхъ Синодальныхъ постановленій, но никогда не осуществлявшимъ такого права, не могло быть и рѣчи... Вносимыя іерархами предложенія принимались столь же дружно и единогласно, какъ дружно и единогласно пресѣкались попытки Оберъ-Прокурора вносить тѣ или иныя поправки и замѣчанія. Синодальныя постановленія скрѣплялись трафареточнымъ „читалъ", даже безъ подписи Оберъ-Прокурора или его Товарища и подносились послѣднимъ уже послѣ того, какъ были подписаны всѣми членами Синода, и Синодальная Оберъ-Прокуратура давно перестала быть тѣмъ, чѣмъ должна была быть по мысли законодателя.

Нѣтъ, дѣло не въ Оберъ-Прокурорахъ, боровшихся съ рутиной и бывшихъ почти единственными вдохновителями и проводниками въ толщу жизни всякаго рода церковныхъ начинаній, любившихъ и оберегавшихъ Церковь и пребывавшихъ въ тѣснѣйшемъ духовномъ общеніи съ лучшими изъ іерарховъ, а въ самомъ *принципѣ преобладанія (?) государственной власти въ Христовой Церкви.*

Въ чемъ же выражалось „преобладаніе" этого принципа въ Россіи?

Дѣйствительно-ли церковная жизнь Россіи тяготилась такимъ „преобладаніемъ" и возможно ли вообще указывать на преобладаніе этого принципа въ Россіи, государствѣ, основанномъ на совершенно особыхъ началахъ и осуществлявшемъ принципы боговластія, а не народовластія?

Казалось бы, что одно указаніе на природу русскаго Самодержавія, въ отличіе отъ парламентарнаго строя, было бы достаточнымъ для того, чтобы усматривать въ самомъ понятіи „государственной власти" различное содержаніе въ зависимости отъ существа и характера того или иного государственнаго строя. Содержаніе „государственной" власти въ Россіи было инымъ чѣмъ на западѣ, и по отношенію къ Россіи такое „преобладаніе" выражалось не въ подавленіи церковности государственностью, а въ преимущественныхъ заботахъ и попеченіяхъ государства о матеріальномъ благоденствіи и духовномъ процвѣтаніи Церкви.

И лучшимъ свидѣтельствомъ этого положенія являются именно церковныя реформы Петра I.

Чѣмъ были вызваны эти реформы, какая идея лежала въ основаніи Синодальной системы церковнаго управленія?

Только ли капризъ самовластнаго восточнаго деспота, или сведеніе личныхъ счетовъ съ неугодившимъ ему патріархомъ, или замаскированное безвѣріе, посягнувшее на свободу Церкви и отдавшее ее подъ опеку государства?

Нѣтъ, строились Петромъ Великимъ церковныя реформы на гораздо болѣе глубокомъ основанiи. Въ царствованiе Царя Алексѣя Михайловича линiи церковной и государственной жизни сливались, жизнь являла собою трогательное единенiе между Церковью и государствомъ, церковность объединялась съ государственностью, проникая въ толщу государственной жизни и христiанизируя ее. Но такое явленiе было случайнымъ и обусловливалось только *личностью Царя и патрiарха.*

Такое основанiе было шаткимъ. Благоденствiе Церкви и государства не можетъ покоиться только на личности Царя и патрiарха, и вотъ почему Императоръ Петръ Великiй провозгласилъ и провелъ въ жизнь принципъ не только моральнаго, но и юридическаго единенiя между ними. По мысли Императора интересы Церкви и государства не только могли, но и *должны* были слиться другъ съ другомъ, ибо у государства ѳеократическаго *должны были* быть общiя съ Церковью программы, общiя задачи и цѣли. Здѣсь было не посягательство на права Церкви, а убѣжденiе, что только христiанская государственная власть въ состоянiи сохранить и обезпечить эти права.

И совершенно правъ г. Дивѣевъ въ своей статьѣ „Блюдите Церковь Христову" (Еженедѣльникъ, 16/29 Iюля 1923 г., № 99), когда, останавливаясь на церковныхъ реформахъ Петра и подчеркивая Его мысль о нераздѣлимости въ христiанскомъ государствѣ церковныхъ и государственныхъ задачъ и необходимости имѣть единый церковно-государственный планъ, говоритъ:

„Въ этомъ своемъ убѣжденiи Петръ былъ вмѣстѣ со Вселенскими Соборами, вмѣстѣ со всей традицiей Византiи. Если православный Императоръ Византiйскiй предсѣдательствовалъ на Вселенскомъ Соборѣ, утверждалъ его постановленiя, даже самый Символъ Вѣры, назначалъ и удалялъ патрiарховъ, имѣлъ входъ въ Царскiя Врата, если Византiйскiй патрiархъ для церковнаго богослуженiя облачался въ одежды Императоровъ и принималъ дѣйственное и непремѣнное участiе въ дѣлахъ государственныхъ, то какъ можно утверждать, что богопомазанный Императоръ Всероссiйскiй не имѣетъ права заниматься дѣлами Церкви?

Лютеранствующая и англиканствующая школа нашихъ современныхъ церковниковъ затмила великiй смыслъ богопомазанiя православныхъ царей. Недавно на одномъ изъ религiозныхъ собранiй пришлось услышать изъ устъ православнаго iерарха, что помазанiе на царство есть лишь пережитокъ библейскаго обряда и, что богопомазанiе не имѣетъ

бо́льшаго значенія, чѣмъ миропомазаніе, совершаемое надъ вѣрующими въ извѣстные праздники. Не удивительно, что слѣдующіе по стопамъ подобныхъ архипастырей церковники съ настойчивостью твердятъ о свободной отъ монархіи Церкви и восхваляютъ блага церковной „аполитичности“...

Но и независимо отъ историческихъ обоснованій, Петръ Великій руководствовался и чисто практическими соображеніями, желая дать Церкви ту государственную *опору*, безъ которой она, какъ земное учрежденіе, разумѣется, существовать не могла. Въ этомъ заключалась идея церковныхъ реформъ Петра Великаго, въ этомъ былъ и залогъ процвѣтанія Церкви въ Россіи. И что бы ни говорилось и ни писалось по поводу означенныхъ реформъ, какъ бы тяжки ни были обвиненія Петра въ произволѣ и насиліи, но факты безъ словъ опровергаютъ ихъ. *Синодальный періодъ церковной жизни былъ эпохою наибольшаго расцвѣта Церкви въ Россіи.*

Объ этомъ безмолвно свидѣтельствуютъ прежде всего причтенные къ лику святыхъ величайшіе подвижники Церкви этого періода: Митрофаній Воронежскій и Иннокентій Иркутскій, Іоасафъ Бѣлгородскій и Димитрій Ростовскій, Ѳеодосій Углицкій и Питиримъ Тамбовскій, Серафимъ Саровскій и ожидающіе прославленія Филаретъ и Макарій Московскіе, Филаретъ Кіевскій и незабвенный молитвенникъ Земли Русской Іоаннъ Кронштадтскій, не говоря уже о безчисленномъ сонмѣ праведниковъ, коими такъ богаты были наши монастыри и вся наша родная Русь, имѣвшая даже въ своихъ деревняхъ и селахъ священниковъ, подобныхъ Алексѣю Колоколову, Алексѣю Гнѣвушеву, коему я отвелъ нѣсколько страницъ въ своемъ І-мъ томѣ „Воспоминаній“ и мн. др.

Однако, ни отъ митрополита Макарія и Іоанна Кронштадтскаго, ни отъ великихъ праведниковъ, старцевъ Саровскихъ, Оптинскихъ, Валаамскихъ и пр. и пр., я не слышалъ нареканій на Синодальную систему, а, наоборотъ, слышалъ, что благоденствіе Церкви связано съ государственнымъ правопорядкомъ, что нужно беречь и любить Государя, охранять прерогативы Царской власти, ибо воля Царя выражаетъ на землѣ волю Божію.

Не порабощеніе Церкви государствомъ, не лишеніе свободы и гнетъ, не одинъ только контроль государства надъ Церковью лежали въ основѣ реформъ Петра, а защита и охрана Церкви, составлявшая прямую обязанность Монарха, какъ Божьяго Помазанника и Ктитора Церкви.

При этихъ условіяхъ принципъ преобладанія государственной власти въ Христовой Церкви, абсолютно недопустимый въ государствахъ парламентарныхъ, гдѣ онъ сталъ бы

выливаться неизбѣжно въ формахъ, враждебныхъ Церкви, пріобрѣталъ въ Россіи и другой характеръ и другія выраженія, и не только оправдывался историческими причинами, но и являлся необходимымъ, какъ условіе, обезпечивающее благо Церкви.

ГЛАВА 51.

Отношеніе Русскихъ Царей къ Церкви.

Остановимся теперь на личномъ отношеніи Русскихъ Царей къ Церкви.

Нужно замѣтить, что въ Россіи очень часто смѣшиваютъ понятіе „церковь" съ церковной іерархіей, благодаря чему отрицательное отношеніе къ личности іерарховъ часто разсматривается какъ неуваженіе къ самой Церкви. Здѣсь недоразумѣніе, ибо русскій народъ самый религіозный народъ въ мірѣ, что не мѣшало ему, подчасъ, относиться критически къ тѣмъ или инымъ представителямъ Церкви.

Какъ относились къ Церкви Русскіе Цари?

Я уже указывалъ, что Русскіе Государи были преданнѣйшими сынами Церкви и не только связывали, но и обусловливали благо государства благомъ Церкви. Въ этомъ отношеніи Русскіе Монархи стояли на такой высотѣ, что даже злѣйшіе враги Россіи не могли имъ бросить упрека и, потому, отыгрывались лишь на „секуляризаціи церковныхъ имуществъ", допущенной Императрицею Екатериною II. Но въ этомъ актѣ выразилось отношеніе Императрицы не къ „Церкви", а къ монашеской братіи, личное же отношеніе Екатерины къ Церкви нашло свое выраженіе въ томъ актѣ, который уже былъ отмѣченъ мною на страницѣ 245-ой моего I-го тома „Воспоминаній".

Отношеніе Императора Павла I къ Церкви было таково, что только революція 1917 года прервала работы по Его канонизаціи, однако сознаніемъ русскаго народа Императоръ Павелъ давно уже причисленъ къ лику святыхъ. Дивныя знаменія благоволенія Божія, къ Праведнику, творимыя Промысломъ Господнимъ у Его гробницы, въ послѣдніе годы предъ революціей, не только привлекали толпы вѣрующихъ въ Петропавловскій Соборъ, но и побудили причтъ издать цѣлую книгу знаменій и чудесъ Божіихъ, изливаемыхъ на вѣрующихъ молитвами Благовѣрнаго Императора Павла I.

Императоръ Александръ I отошелъ въ исторію съ именемъ „Благословеннаго“ и народная молва упорно отождествляетъ Его съ старцемъ Ѳеодоромъ Кузьмичемъ, отшельникомъ Сибирскимъ, и видитъ въ Немъ святого. Исторія не имѣетъ достаточныхъ основаній опровергать такую легенду, а, наоборотъ, склоняется къ тому, чтобы признать въ ней несомнѣнный историческій фактъ, вытекающій изъ міросозерцанія и настроенія Благословеннаго Царя.

Премудрый Императоръ Николай I провозгласилъ принципъ: „Церковность — основа государственности“ и проводилъ этотъ принципъ неуклонно, съ твердостью Ему свойственной.

Императоръ Александръ II, являвшійся воплощеніемъ трогательной любви Монарха къ своему народу, Самъ палъ жертвою христіанскаго долга къ ближнему, Своему подданному.

Императоръ Александръ III отошелъ въ исторію съ именемъ „Миротворца“, являя своимъ царствованіемъ примѣръ и Христіанскаго Монарха и великаго христіанина въ частной жизни.

Царствованіе Императора Николая II дастъ православной Церкви новаго святого и въ будущемъ будетъ оцѣниваться, какъ „Житіе Святаго Благовѣрнаго Царя-Мученика Императора Николая Александровича“.

Но можетъ быть, несмотря на Свои высокія личныя качества, Русскіе Цари вмѣшивались въ область церковнаго управленія и выходили за предѣлы правъ, отведенныхъ Ктитору Церкви, можетъ быть, если не сами Цари, то Ихъ слуги, въ лицѣ Оберъ-Прокуратуры, злоупотребляли этими правами?

Нѣтъ, недовольство вызывалъ самый принципъ Синодальнаго управленія, представители же Оберъ-Прокуратуры были въ подавляющемъ большинствѣ выдающимися церковными и государственными дѣятелями, съ которыми лучшіе изъ іерарховъ находились въ тѣснѣйшемъ единеніи.

К. П. Побѣдоносцевъ, знаменитый цивилистъ, авторъ пріобрѣвшаго міровую извѣстность „Курса Гражданскаго права“, ближайшій сподвижникъ Императора Александра III и воспитатель Императора Николая II, былъ одинъ изъ столповъ русскаго самодержавія въ эпоху его наибольшаго расцвѣта.

В. К. Саблеръ, б. профессоръ Московскаго университета, былъ гораздо популярнѣе среди іерарховъ, чѣмъ среди мірянъ.

Князь А. А. Ширинскій-Шихматовъ, также сподвижникъ Императора Александра III, принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ выдающихся церковныхъ и государственныхъ дѣятелей, которые, учитывая все чрезвычайное значеніе церковно-государственнаго единства въ эпоху Царя Алексѣя Михайло-

вича, старались вернуть церковно-государственную жизнь въ ея прежнее *русско?* русло. Глубокій знатокъ церковной исторіи, князь властною рукою срывалъ съ церковной жизни всѣ пристававшія къ ней на протяженіи вѣковъ чуждыя ей наслоенія, возстановляя подлинный обликъ ея въ эпоху Св. Руси и встрѣчая съ этой стороны полную поддержку у благостнаго Государя Императора Николая Александровича, прямого продолжателя дѣла Царя Алексѣя Михайловича.

С. М. Лукьяновъ находился въ тѣснѣйшемъ единеніи съ іерархами, и его дѣятельность, въ качествѣ Оберъ-Прокурора Св. Синода, привѣтствовалась даже ярыми противниками Синодальной системы. Одни только синодальные чиновники, отъ которыхъ Сергѣй Михайловичъ, будучи неутомимымъ труженикомъ и просиживая въ Синодѣ до поздняго вечера, требовалъ усиленной работы, относились къ нему враждебно и, читая „Отче нашъ", заканчивали молитву Господню такимъ прошеніемъ: ...„не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ Лукьянова".

П. П. Извольскій, одинъ изъ великолѣпныхъ представителей большого свѣта, придворный кавалеръ, бывшій товарищъ министра народнаго просвѣщенія, съ опредѣленнымъ уклономъ влѣво, назначеніе котораго Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода трактовалось, какъ случайное недоразумѣніе, оказался на самомъ дѣлѣ типичнымъ представителемъ той среды, какая была и глубже и чище тѣхъ, кто, за покровомъ внѣшности, не угадывалъ ея подлинной сущности и осуждалъ ее. Петръ Петровичъ былъ не только церковнымъ, но и истинно религіознымъ человѣкомъ, и ни изумительно быстрая служебная карьера, ни придворныя связи, ни исключительное положеніе, какое онъ занималъ въ обществѣ, — не заглушили въ немъ той религіозной настроенности, какая въ результатѣ привела къ принятію имъ священнаго сана. Свой жизненный путь онъ, бывшій членъ Государственнаго Совѣта и гофмейстеръ Высочайшаго Двора, заканчиваетъ въ скромной должности настоятеля православнаго храма въ Брюсселѣ и въ санѣ протоіерея.

Н. П. Раевъ былъ сыномъ бывшаго Петербургскаго митрополита Палладія, родился и воспитывался въ духовной средѣ и былъ насквозь проникнутъ церковностью, и, можетъ быть, именно по этой причинѣ вызывалъ къ себѣ оппозицію, ибо духовенство вообще не долюбливаетъ выходцевъ изъ ихъ среды.

Остается сказать еще о А. Н. Волжинѣ и А. Ф. Самаринѣ, которые дѣйствительно были случайными людьми въ вѣдомствѣ. Однако же, во всякаго рода столкновеніяхъ ихъ съ го-

сударственною властью или іерархами, Синодъ являлся ихъ союзникомъ и стоялъ на сторонѣ этихъ Оберъ-Прокуроровъ.

Такимъ образомъ, и личность Оберъ-Прокуроровъ не давала іерархамъ повода для недовольства, и таковое вызывалъ самый принципъ Синодальнаго управленія.

Какъ же въ дѣйствительности осуществлялся этотъ принципъ?

Издавалъ обязательные церковные законы, замѣщалъ епископскія каѳедры, увольнялъ епископовъ и производилъ судъ по всѣмъ отраслямъ церковнаго управленія не Царь, а Синодъ, Царь же только санкціонировалъ Синодальныя рѣшенія и постановленія, проявляя чисто сыновнее послушаніе собору епископовъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда такія рѣшенія не совпадали съ Его личной волей. Цѣлый сонмъ „живоцерковныхъ“ епископовъ, возглавляемыхъ Антонинами и Евдокимами, свидѣтельствуютъ о томъ, что не только Царь, но даже Оберъ-Прокуратура была безсильна бороться съ Синодомъ въ этой области и что Синодъ дѣйствовалъ какъ учрежденіе не только независимое, но нерѣдко даже, какъ враждебное государству. Въ глазахъ Синода всякій епископъ, какъ таковой, являлся неприкосновеннымъ, ни перемѣщеніе, ни тѣмъ болѣе увольненіе считалось недопустимымъ и разсматривалось, какъ посягательство на самую Церковь, ревизіи признавались оскорбленіемъ священнаго сана, и такая презумпція давала поводъ къ величайшимъ злоупотребленіямъ и соблазну, какія разъѣдали церковный организмъ и вносили въ него именно тѣ элементы разложенія, какія оппозиція приписывала „преобладанію“ государственной власти въ Христовой Церкви.

Въ теченіе всего Своего царствованія, Государь Императоръ только *три* раза проявилъ Свою Самодержавную волю въ отношеніи Синода.

Первый разъ въ 1910 году, когда Синодъ, подъ разными предлогами, затягивалъ длившееся 5 лѣтъ дѣло канонизаціи Св. *Іоасафа* Бѣлгородскаго, и Государь былъ вынужденъ Лично назначить срокъ торжества прославленія Святителя, идя навстрѣчу обращаемымъ къ Его Величеству просьбамъ населенія, да и то лишь послѣ того, когда Синодъ, оставаясь глухимъ къ этимъ просьбамъ, не внималъ имъ. Я помню свою личную бесѣду съ Государемъ Императоромъ по этому вопросу, когда отъ имени кружка почитателей Св. Іоасафа, являвшагося средоточіемъ подготовительныхъ работъ по прославленію Угодника Божія и буквально забрасываемаго ходатайствами со всѣхъ концовъ Россіи объ ускореніи торжества, ѣздилъ къ Его Величеству.

Внимательно выслушавъ меня, Государь отвѣтилъ, что не только лично глубоко почитаетъ Св. Іоасафа, но, въ свою очередь, съ нетерпѣніемъ ожидаетъ указа Синода о прославленіи Угодника, однако торопить Синодъ не считаетъ для Себя возможнымъ. И здѣсь, какъ и во всѣхъ прочихъ случаяхъ, сказалась столь свойственная Государю деликатность. И только тогда, когда Оберъ-Прокуроръ Св. Синода С. М. Лукьяновъ явился съ докладомъ по этому дѣлу, причемъ, основываясь на мнѣніи Синода, высказалъ мысль, о желательности отложить по какимъ то причинамъ торжество прославленія, Государь Императоръ не согласился съ доводами Оберъ-Прокурора и Синода и Лично назначилъ срокъ торжества, въ чемъ былъ со всею вѣрующею Россіей.

Въ другой разъ Самодержавная воля Царя сказалась въ отношеніи Его Величества къ столь нашумѣвшему въ свое время дѣлу о прославленіи Святителя Іоанна Тобольскаго, связанному съ именемъ епископа Варнавы и Оберъ-Прокурора Самарина. На этомъ дѣлѣ я уже останавливался на страницахъ І-го тома своихъ „Воспоминаній". И здѣсь вся вѣрующая Россія была на сторонѣ Государя Императора, а не на сторонѣ Синода, находившаго, по условіямъ политическаго момента, канонизацію Св. Іоанна „неблаговременной".

Наконецъ, въ третій разъ Государь Императоръ проявилъ свою волю въ перемѣщеніи первенствующаго члена Св. Синода митрополита Владиміра съ Петербургской каѳедры на Кіевскую. Хотя такое перемѣщеніе вызывалось одновременно и необходимостью замѣстить пустующую, за смертью Кіевскаго митрополита Флавіана, каѳедру и желаніемъ Государя приблизить къ Себѣ экзарха Грузіи, архіепископа Карталинскаго Питирима, назначеннаго митрополитомъ Петербургскимъ, и архіепископа Макарія Тобольскаго, назначеннаго митрополитомъ Московскимъ, изъ коихъ первый былъ умнымъ церковно-государственнымъ дѣятелемъ, чрезвычайно любимымъ и цѣнимымъ Кавказомъ, а второй — великимъ подвижникомъ и праведникомъ, хотя, перемѣщая митрополита Владиміра въ Кіевъ, Государь и сохранилъ за нимъ первенствующее мѣсто и руководящую роль въ Синодѣ, однако этотъ актъ Самодержавной Воли Помазанника Божія іерархи разсматривали и до сихъ поръ разсматриваютъ, какъ незаконное вторженіе Царя въ „дѣла Церкви". Митрополитъ, да еще первенствующій, являлся, по мнѣнію Синода, неприкосновеннымъ и Царская Власть на него не распространялась...

Этимъ актомъ Монаршей Воли нарушался принципъ неприкосновенности іерарховъ и этого было достаточно для того, чтобы Синодъ очутился чуть ли не въ авангардѣ той

оппозиціи къ Престолу, какая использовала означенный актъ для общихъ революціонныхъ цѣлей, въ результатѣ чего оба іерарха, митрополиты Питиримъ и Макарій, были объявлены „распутинцами".

Во всѣхъ описанныхъ случаяхъ сказалось не вмѣшательство Государя въ „дѣла Церкви", а та любовь Царя къ русскому народу, то участіе къ религіознымъ нуждамъ послѣдняго, та великая вѣра, словомъ все то, что окружаетъ имя Государя ореоломъ святости.

О какомъ же „преобладаніи" государственной власти въ Церкви Христовой можно говорить въ примѣненіи къ Россіи?

Какимъ глубокимъ слоемъ грѣха, какимъ непостижимымъ затменіемъ были окутаны тѣ русскіе люди, не исключая и іерарховъ Церкви, которые не прозрѣвали, за внѣшнимъ покровомъ кротости и смиренія, величаваго облика святого Царя, Его ума облагодатствованнаго, прозрачной чистоты Его души, Его пламенной вѣры, Его горячей любви къ русскому народу!..

Нашъ Царь былъ однимъ изъ величайшихъ подвижниковъ Церкви послѣдняго времени, подвиги Котораго заслонялись лишь Его высокимъ званіемъ Монарха. Стоя на послѣдней ступени лѣстницы человѣческой славы, Государь видѣлъ надъ Собою только небо, къ которому неудержимо стремилась Его святая душа, тяготившаяся этой славой, желавшая сбросить съ себя и корону и царскую порфиру и уйти отъ міра, чтобы всецѣло отдаться служенію одному только Богу.

Въ 4-й книгѣ „Луча Свѣта", періодическаго изданія Ѳ. В. Винберга, на страницахъ 393-394 помѣщена коротенькая статья г. Б. Потоцкаго, подъ заглавіемъ: „Къ матеріаламъ новѣйшей исторіи".

Статья эта до того знаменательна, что мы приводимъ ее цѣликомъ.

„Въ зиму 1904-1905 года, пишетъ Б. Потоцкій, въ покояхъ Петербургскаго митрополита Антонія (Вадковскаго) имѣлъ мѣсто слѣдующій случай, достойный занесенія его въ анналы исторіи.

Сообщившій мнѣ его свидѣтель состоялъ въ то время студентомъ Петербургской Академіи и, по рекомендаціи академическаго начальства, былъ привлеченъ къ работамъ по приведенію въ порядокъ библіотеки митрополичьяго дома. Въ концѣ каждаго рабочаго дня, студентъ долженъ былъ являться къ митрополиту съ докладомъ о результатахъ своей дневной работы по разборкѣ книгъ. Такъ было и въ тотъ

памятный для него день, когда онъ вошелъ въ комнату, гдѣ ежедневно докладывалъ о своихъ изысканіяхъ въ богатомъ книгохранилищѣ. Увлеченный успѣхомъ своихъ занятій въ тотъ день, онъ не обратилъ вниманія на то, что митрополитъ находился не одинъ и съ жаромъ приступилъ къ докладу, хотя и замѣтилъ, что митрополитъ былъ не въ скуфейкѣ, какъ обыкновенно, а въ бѣломъ клобукѣ, который онъ надѣвалъ лишь въ официіальныхъ случаяхъ. Студентъ былъ очень удивленъ тѣмъ, что митрополитъ, обыкновенно съ интересомъ слушавшій его доклады, на этотъ разъ сразу прервалъ его словами: „потомъ разскажете, развѣ не видите, что у меня гости?"

Тутъ только студентъ замѣтилъ сидѣвшихъ противъ митрополита офицера и даму. Однако, считая свой дневной трудъ въ книгохранилищѣ особо выдающимся по результатамъ изысканія, онъ рискнулъ еще разъ привлечь вниманіе митрополита на свой докладъ, но на этотъ разъ былъ строго остановленъ: „Вы не узнаете, кто у меня?"

На лицѣ студента ясно выразилось недоумѣніе; тогда митрополитъ добавилъ: „неужели не узнаете? Это Ихъ Величества — Государь и Государыня".

Молодой человѣкъ крайне смутился и, раскланиваясь, растерянно произнесъ: „очень пріятно". Радостное лицо юноши выдало однако волновавшее его чувство умиленія при видѣ Царственной Четы въ такой обстановкѣ.

Государь и Государыня переглянулись и, улыбнувшись, отвѣтили на привѣтствіе. Вслѣдъ за тѣмъ, митрополитъ всталъ, повернулъ студента за плечи кругомъ и, направляя его къ двери, сказалъ: „идите, послѣ разскажете"...

Конечно, этотъ пріѣздъ Государя къ митрополиту вызвалъ большой интересъ среди постоянныхъ обитателей митрополичьяго дома и, разумѣется, всѣ стали пытливо доискиваться причинъ этого посѣщенія.

Оказалось, что Государь пріѣзжалъ просить благословенія на отреченіе отъ Прародительскаго Престола, въ пользу недавно передъ тѣмъ родившагося Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича, съ тѣмъ, чтобы по отреченіи постричься въ монахи въ одномъ изъ монастырей.

Митрополитъ отказалъ Государю въ благословеніи на это рѣшеніе, указавъ на недопустимость строить свое личное спасеніе на оставленіи безъ крайней необходимости Своего Царственнаго долга, Богомъ Ему указаннаго, иначе Его народъ подвергнется опасностямъ и различнымъ случайностямъ, кои могутъ быть связаны съ эпохою регентства во время малолѣтства Наслѣдника. По мнѣнію митрополита, лишь по

достиженіи Цесаревичемъ совершеннолѣтія, Государь могъ бы оставить Свой многотрудный постъ.

Этотъ случай ясно показываетъ, какъ чутко и проникновенно сознавалъ Государь Императоръ Николай Александровичъ всѣ непомѣрно трудныя условія Своего Царствованія, при которыхъ Вѣнецъ Мономаховъ становился терновымъ вѣнцомъ."

Вскорѣ послѣ описаннаго случая, Государь Императоръ сдѣлалъ и другой разъ попытку принять иноческій санъ, но тоже неудачно. Объ этомъ послѣднемъ фактѣ, какой передаю по разсказамъ іерарховъ и другихъ лицъ, у меня сохранились такія воспоминанія:

Принимая депутацію духовенства, въ лицѣ его высшихъ представителей, ходатайствующихъ о созывѣ Всероссійскаго Собора для избранія патріарха, Государь Императоръ спросилъ, имѣется ли у іерарховъ намѣченный кандидатъ на патріаршій престолъ. Этотъ вопросъ озадачилъ депутацію, какая не была къ нему подготовлена... Послѣ нѣкотораго замѣшательства послѣдовалъ отрицательный отвѣтъ. Тогда Его Величество освѣдомился у депутаціи, согласились ли бы іерархи, чтобы на патріаршій престолъ Государь Императоръ выставилъ бы Свою собственную кандидатуру? Произошло еще бблышее замѣшательство, а на вопросъ Государя послѣдовало гробовое молчаніе.

Государь духовнымъ окомъ Своимъ прозрѣвалъ ту политическую подоплеку, какую скрывала за собою идея возстановленія патріаршаго чина въ Россіи, особенно въ предреволюціонное время, когда среди ея апологетовъ были и іерархи неустойчивые въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ и враги Церкви, домогавшіеся разорвать и ту ниточку, на которой въ послѣднее время держались отношенія между Церковью и государствомъ. Теперь объ этомъ времени уже забыли, а между тѣмъ нужно только вспомнить, какъ ратовали за возстановленіе патріаршества тѣ самые люди, какіе уже тогда видѣли въ лицѣ Антониновъ и Евдокимовъ своихъ кандидатовъ на патріаршій престолъ.

Если бы іерархи, защищавшіе интересы Церкви, не связывали возстановленія патріаршества съ созывомъ Собора, который, по условіямъ политическаго момента, легко могъ превратиться въ земское собраніе, гдѣ общее согласіе на добро обычно смѣняется согласіемъ большинства на зло, а предоставили бы Самодержавной Власти Помазанника Божія возвести на патріаршій престолъ достойнѣйшаго, то возможно, что Россія имѣла бы давно своего Русскаго Православнаго

Патріарха и давно бы осуществила принципъ „nullum regnum sine patriarcha staret“. Такой патріархъ, будучи совѣтникомъ Царя, явился бы для всѣхъ православныхъ сыновъ Церкви дорогимъ и желаннымъ. Когда же въ идею возстановленія патріаршества враги Церкви вкладывали мысль о разрывѣ Церкви съ государствомъ, когда мечтали создать въ лицѣ патріарха оппозицію Самодержавной Власти и опору своимъ революціоннымъ вожделѣніямъ, тогда противъ возстановленія патріаршества возражали не только тѣ, кто видѣлъ въ немъ путь къ восточному папизму, но и прежде всего самые наи-церковные люди. Въ предреволюціонное время натискъ на Царскую Россію вели не только пиджаки и мундиры, но и смиренныя рясы, а этимъ послѣднимъ патріархъ былъ нуженъ лишь для опоры ихъ революціонныхъ замысловъ и вожделѣній.

ГЛАВА 52.

Церковно-государственное значеніе Синодальной Оберъ-Прокуратуры.

Отрицательное отношеніе къ принципу Синодальнаго управленія Церковью сказывалось въ Россіи не только со стороны іерарховъ, но и со стороны вѣрующей интеллигенціи. Одинъ изъ моихъ друзей пишетъ мнѣ 2/15 Августа 1919 года:

„Если качественный составъ духовенства низокъ, то слѣдуетъ напрячь всѣ усилія, развить всю энергію, возвысить голосъ елико возможно громче, чтобы поднять умственный, нравственный, образовательный и даже родословный уровень духовенства и сдѣлать его представителей достойными править Церковью, ибо при всѣхъ случаяхъ свѣтскимъ людямъ, какъ бы велики ни были ихъ преимущества, не годится заступать мѣсто духовенства и осуществлять государственный контроль надъ Церковью. Нужно стремиться къ возстановленію въ европейскихъ умахъ идеаловъ папы Иннокентія III, который правильно понималъ, что безъ контроля Церкви надъ дѣйствіями свѣтской государственной власти не можетъ быть ни мира на землѣ, ни въ человѣцѣхъ благоволенія. Мы на опытѣ видимъ, до чего довели Европу либеральные парламенты, освободившіеся отъ обязательства считаться съ велѣніями Церкви. Буквально ужасъ объемлетъ, когда перебираешь въ умѣ, что дѣлается сейчасъ въ Россіи, да и во всей Европѣ, когда отвергшіе Бога и покорившіеся сатанѣ

вожди звѣрской черни пляшутъ свой діавольскій танецъ на развалинахъ церковной и свѣтской гражданственности.“

И однако здѣсь великое недоразумѣніе, основанное или на смѣшеніи понятій „церковь“ и „церковная іерархія“ или на незнакомствѣ съ функціями Синода, какъ церковно-государственнаго учрежденія. Синодальная система управленія Церковью нуждалась въ нѣкоторыхъ преобразованіяхъ, однако же конструкція ея была такова, что совершенно не затрагивала церковной области, а сводилась къ контролю въ отношеніи *государственной* дѣятельности іерарховъ, да къ контролю въ отношеніи синодальныхъ и епархіальныхъ чиновниковъ вѣдомства, что однако вовсе не составляло ея единственной задачи, ибо первѣйшей задачей Оберъ-Прокуратуры являлась правовая защита и охрана Церкви, какъ церковно-государственнаго организма и созданіе условій, обезпечивавшихъ бы выполненіе Церковью ея церковныхъ задачъ.

Но и государственный контроль существовалъ больше на бумагѣ, въ теоріи, а не на практикѣ, ибо малѣйшія попытки Оберъ-Прокуратуры въ этой области пресѣкались дружной оппозиціей іерарховъ. Въ томъ же, что такой контроль былъ *нуженъ* и вызывался столько же церковными, сколько и государственными интересами, въ этомъ я убѣждался съ каждымъ днемъ и часомъ все больше.

Печальные результаты недостаточности такого контроля были уже частично отмѣчены мною въ предѣлахъ, диктуемыхъ уваженіемъ къ священному сану, на страницахъ моего І-го тома „Воспоминаній“, и я не имѣю въ виду дополнять эти страницы новыми иллюстраціями, или посягать на неприкосновенность Синодальнаго архива. Въ этомъ и нѣтъ нужды, ибо это сдѣлала революція, явившая всему міру портретную галлерею революціонеровъ, облеченныхъ высокимъ саномъ пастырей и архипастырей Церкви, борьба съ которыми, встрѣчавшая противодѣйствіе со стороны Синода, оказывалась не по силамъ и Оберъ-Прокуратурѣ.

Что касается *канонической* дѣятельности Синода, то съ этой стороной Оберъ-Прокуратура не только не соприкасалась, но и не могла соприкасаться хотя бы потому, что Синодъ такой дѣятельности *вовсе не проявлялъ*, а занимался разсмотрѣніемъ бракоразводныхъ дѣлъ, мелочными дѣлами провинціальныхъ епархій, только по недоразумѣнію восходившими на разсмотрѣніе Синода, вмѣсто того, чтобы разрѣшаться на мѣстахъ властью мѣстныхъ епархіальныхъ архіереевъ, замѣщеніями вакансій, перемѣщеніями и увольненіями служащихъ вѣдомства, разнаго рода финансовыми вопросами и пр. и пр. Синодъ былъ въ буквальномъ смыслѣ генеральнымъ штабомъ

духовныхъ консисторій, отъ которыхъ отличался только своимъ названіемъ, и являлся типичнымъ учрежденіемъ дореформенной Россіи, не измѣнивъ на протяженіи 200 лѣтъ ни своего внѣшняго облика, ни содержанія, не имѣя даже писаннаго церковнаго законодательства; ни съ которой стороны не былъ онъ похожъ на *Соборъ епископовъ*, предназначенный осуществлять свою непосредственную задачу — блюсти Церковь Христову, стоять на стражѣ Православія и христіанизировать жизнь государства.

Вернуть Синоду то значеніе, какое онъ долженъ былъ бы имѣть, какъ *Соборъ епископовъ*, разгрузить его отъ мірскихъ дѣлъ, принявъ этотъ грузъ на свои плечи, разграничить сферу чисто церковную отъ государственной и создать наилучшія условія для оживленія церковной жизни Россіи — и составляло задачу Оберъ-Прокуратуры. И однако, іерархи или не понимали этой задачи, или сознательно противились ей, стремясь, наоборотъ, расширять свои государственныя функціи въ ущербъ церковнымъ, благодаря чему Синодъ постепенно утрачивалъ свой первоначальный обликъ и превратился въ чисто бюрократическое учрежденіе, вліяніе котораго на церковную жизнь Россіи ни въ чемъ не сказывалось.

Въ результатѣ Православная Церковь въ Россіи распалась какъ бы на двѣ церкви: официіальную и неофиціальную.

Офиціальную церковь составлялъ Св. Синодъ, какъ высшее средоточіе *церковной власти*, въ составъ котораго, въ качествѣ его непремѣнныхъ членовъ, входили три митрополита, — Петербургскій, Московскій и Кіевскій, а также экзархъ Грузіи, и въ послѣднее время: — два протопресвитера отъ придворнаго и военнаго и морского духовенства. Къ нимъ добавлялись и поочередно вызываемые епархіальные архіереи, въ числѣ 5-6 епископовъ, такъ что личный составъ Синода обычно состоялъ изъ 12-14 членовъ, во главѣ съ первенствующимъ членомъ, каковымъ являлся митрополитъ Петербургскій. Государственная власть была представлена въ Синодѣ въ лицѣ Оберъ-Прокурора и его Товарища.

Неофиціальную церковь составляли монастыри, съ ихъ старцами и подвижниками, какъ высшее средоточіе *церковной правды*. Между офиціальной и неофиціальной церковью съ одной стороны, и между Синодомъ и Оберъ-Прокуратурой съ другой, шла глухая борьба, какая сдерживалась только опасеніемъ соблазна среди мірянъ, хотя нерѣдко и выходила наружу.

Разсматривая обѣ церкви съ точки зрѣнія нравственнаго вліянія ихъ на массы, нужно признать, что дѣятельность офиціальной церкви ни въ чемъ не выражалась, и вѣра на-

родная, религіозное развитіе и настроеніе держались или на традиціяхъ поколѣній наслѣдственными вліяніями семьи, или же поддерживались вліяніемъ единичныхъ людей высокой религіозной настроенности, главнымъ образомъ простецами-монахами, живущими внѣ міра, въ оградѣ монастырской. Эти послѣдніе пользовались чрезвычайною любовію со стороны русскаго народа и были одинаково близки, какъ простолюдину, такъ и высшему классу, являясь подлинными и, притомъ, единственными вождями, премудрыми учителями и наставниками своихъ духовныхъ чадъ. Въ противоположность представителямъ официальной церкви, они совершенно не интересовались внѣшностью мірянъ, не дѣлали различія между бѣднымъ и богатымъ, простецомъ и ученымъ, простолюдиномъ и знатнымъ, а всѣхъ, притекавшихъ къ нимъ, дарили одинаковою любовью, со всѣми говорили одинаково опредѣленно, открыто и правдиво, ибо видѣли предъ собою не носителей званій и положеній, а въ каждомъ — его *душу*, тоскующую и страдающую, обремененную немощами и грѣхами; знали зачѣмъ эти души пришли къ нимъ и щедро надѣляли ихъ своимъ духовнымъ врачевствомъ. Такъ какъ значеніе врача можетъ учитываться лишь съ точки зрѣнія его знаній и приносимой имъ пользы, то столько же естественно, сколько и правильно вѣрующіе оцѣнивали значеніе представителей официальной церкви лишь постолько, посколько они приближались своими личными качествами къ этимъ духовнымъ врачамъ. Внутренняя религіозность, уровень духовной высоты, подвижническая жизнь, личный примѣръ — были единственнымъ мѣриломъ отношенія народныхъ массъ къ духовенству и единственной связью между ними. Такая связь была весьма незначительной, точнѣе ея вовсе не было. Однако же было бы несправедливо объяснять отсутствіе означенной связи только качественнымъ составомъ іерарховъ, между которыми было и много выдающихся подвижниковъ Церкви. Нѣтъ, объяснялось это явленіе, главнымъ образомъ, удаленностью архипастыря не только отъ мірянъ, но и отъ подчиненнаго ему епархіальнаго духовенства, и перегруженностью епархіальными дѣлами, отвлекавшими архипастыря отъ его непосредственныхъ задачъ.

Всегда, и во всѣ времена христіанизація въ самомъ широкомъ смыслѣ достигалась не наказомъ, а показомъ, не проповѣдью, а личнымъ примѣромъ, и самыми великими общественными и государственными дѣятелями были не министры и архіереи, а тѣ невидные никому затворники и отшельники, которые укрывались въ укромныхъ келліяхъ монастырей, съ мыслію о спасеніи собственной души. Но, спасая свои собственныя души, они спасали весь міръ и были тѣми *строи-*

телями духа жизни, на которыхъ и держался міръ. Съ точки зрѣнія государственной даже, значеніе молитвъ Аѳонскаго или Валаамскаго подвижника было неизмѣримо больше, чѣмъ значеніе самыхъ краснорѣчивыхъ проповѣдей архіерейскихъ съ высоты каѳедры Государственнаго Совѣта или Государственной Думы. Великій архіерей православной Церкви Ѳеофанъ Вышенскій, или знаменитый епископъ Игнатій Брянчаниновъ, оба оставившіе свои епархіи и добровольно ушедшіе на покой, сдѣлали больше для Церкви и Россіи въ своемъ добровольномъ затворѣ, чѣмъ на поприщѣ своей официіальной дѣятельности, ибо оба признали абсолютную невыполнимость пастырскаго долга въ положеніи официіальныхъ представителей Церкви, правящихъ архіереевъ.

Приблизить представителей официіальной церкви къ типу этихъ людей, — это и значитъ улучшить качественный составъ духовенства, о чемъ говоритъ приведенный мною отрывокъ частнаго письма. А сдѣлать это было бы возможно только намѣченными Оберъ-Прокуратурою въ 1916 году реформами, сводившимися къ сокращенію территоріальныхъ размѣровъ епархій, что приблизило бы архипастыря къ паствѣ, и къ разгрузкѣ епископа и подчиненнаго ему духовенства отъ мірскихъ епархіальныхъ дѣлъ, выходившихъ за предѣлы ихъ непосредственныхъ задачъ и превращавшихъ ихъ въ чиновниковъ государства въ рясахъ...

Это не внѣдреніе государства въ область Церкви, не посягательства на ея права, а заботливое попеченіе о благѣ Церкви, вытекающее изъ убѣжденія, что Церковь не можетъ и не должна быть орудіемъ въ рукахъ государства ни для какихъ цѣлей, какъ бы возвышенны онѣ ни были, ибо Церковь имѣетъ свою цѣль — указывать людямъ пути и способы спасенія души, и государство обязано обезпечить Церкви всѣми доступными ему средствами достиженіе этой высокой цѣли.

Такъ и понимала Синодальная Оберъ-Прокуратура свою задачу въ отношеніи Церкви. Какіе бы мотивы ни лежали въ основаніи ея учрежденія, но фактически она осуществляла собою не идею контроля государства надъ Церковью, а, наоборотъ, содѣйствовала и облегчала Церкви задачу контроля надъ государствомъ, снимая съ ея плечъ не только тяжелый грузъ мірскихъ заботъ, неизбѣжно связанныхъ съ нею, какъ съ земною организаціей, но и давая правовую государственную защиту и обезпечивая, въ предѣлахъ доступныхъ государственной власти, условія ея духовнаго процвѣтанія. Тамъ, словомъ, былъ не контроль государства надъ Церковью, а та *опора* со стороны государства, *безъ которой никакая церковь, какъ*

земное учрежденіе, не можетъ существовать и безъ которой должна неминуемо рушиться. И лучшіе изъ представителей Церкви это знали и понимали и, потому, не только не тяготились Оберъ-Прокуратурою, а, наоборотъ, тяготились своими внѣшними епархіальными дѣлами, своими консисторіями, своимъ вынужденнымъ образомъ жизни міряиъ въ рясахъ, жалуясь на то, какъ невыразимо трудно монаху быть архіереемъ, какъ часты коллизіи между долгомъ совѣсти и долгомъ службы, какъ несовмѣстимы обѣты монашескіе съ требованіями, предъявляемыми къ епископу, какъ „правящему" архіерею. И эти жалобы не были фразами, а были крикомъ души, скрывали великую драму, каковую наиболѣе чуткіе изъ епископовъ, не считая возможнымъ измѣнять служебному долгу, разрѣшали добровольнымъ уходомъ на покой.

Но такъ думали далеко не всѣ... Общій же голосъ офиціальной Церкви усматривалъ въ государственномъ попеченіи о благѣ Церкви только посягательства государства на пререгативы Церкви, государственный контроль осуществляемый свѣтскими людьми, гнетъ и оковы, и пр. и пр., забывая, что, только освободившись отъ мірского груза, Церковь могла бы получить возможность осуществлять свою миссію на землѣ, и что этотъ грузъ неизбѣжно долженъ былъ быть возложенъ на государство.

И если миссія Церкви заключалась въ спасеніи душъ пасомыхъ, если для достиженія этой цѣли пастыри и архипастыри должны были быть окружены условіями, какія позволяли бы имъ самимъ возноситься къ Богу и вести за собою паству, то, разумѣется, въ первую очередь ихъ надлежало освободить отъ всего того, что вольно и невольно пригибало ихъ къ землѣ, что отягощало ихъ бременемъ повседневныхъ житейскихъ заботъ, что отнимало у нихъ время на занятія, превращавшія ихъ въ чиновниковъ.

Въ какой мѣрѣ Оберъ-Прокуратура или консисторіи мѣшали или содѣйствовали спасенію душъ и, слѣдовательно, въ какой мѣрѣ имѣлись основанія видѣть въ означенныхъ бюрократическихъ учрежденіяхъ и въ стремленіи государства расширить ихъ функціи посягательства на прерогативы Церкви?!

Между Церковью и государствомъ можетъ быть только нравственная связь, и какими бы званіями не облекались представители Церкви, какою бы ни обладали „властью", но *покорять будетъ только званіе подвижника, побѣждать будетъ только власть праведника.* Поведетъ за собою народъ не патріархъ, а Василій Блаженный или Серафимъ Саровскій, а значеніе патріарха выразится лишь постолько, посколько

онъ приблизится къ нимъ. Это положенiе до того очевидно, что едва ли его нужно доказывать.

Гораздо важнѣе указанiе на то, что, ограничивая земныя задачи Церкви лишь духовнымъ врачевствомъ душъ, высказанное положенiе тѣмъ самымъ еще болѣе якобы усиливаетъ принципъ преобладанiя государственной власти въ Христовой Церкви, еще болѣе якобы расширяетъ сферу влiянiя чиновъ Оберъ-Прокурорскаго надзора, передавая ихъ вѣдѣнiю всю церковную жизнь государства поскольку она выходитъ за предѣлы этихъ задачъ. Да, такъ можетъ казаться, но въ дѣйствительности это не такъ.

Въ результатѣ получится не порабощенiе Церкви, не отдѣленiе Церкви отъ государства, какъ думаютъ легкомысленные люди, а отдѣленiе государства отъ Церкви, а это не все равно. Ибо одно дѣло изгнать Церковь изъ государства, и иное дѣло очистить обмiрщившуюся Церковь, иное дѣло не пустить подвижника-монаха въ гостиную, и иное дѣло изгнать мiрской соръ изъ его келлiи. И только тогда Церковь получитъ истинную свободу, только тогда взойдетъ на подобающую ей высоту, когда епископъ захочетъ и получитъ возможность быть только епископомъ, а священникъ — только священникомъ, т. е. тогда, когда они перестанутъ быть чиновниками, безразлично государственными ли, или церковными. Такъ сказалъ Господь, повелѣвъ отдавать Божiе — Богови, а кесарево — кесарю, но и въ области церковной есть много кесарева, и его тоже нужно отдать кесарю, а оставить Церкви только Божiе.

Эта мысль превосходно выражена авторомъ „Аскетическихъ Опытовъ", епископомъ Игнатiемъ Брянчаниновымъ, сказавшимъ, что оставаться въ мiру и спастись такъ же невозможно, какъ горѣть въ огнѣ и не сгорѣть. И чѣмъ бо́льшими „правами" будутъ облечены представители Церкви, чѣмъ шире будутъ ихъ государственныя функцiи, тѣмъ слабѣе будетъ ихъ влiянiе въ области церковной жизни.

Остается неизмѣннымъ и непоколебимымъ этотъ принципъ и въ сферѣ даже частной жизни духовенства. „Чѣмъ шире станутъ раскрываться предъ духовенствомъ двери мiра, съ его суетою и грѣхомъ, тѣмъ меньше будетъ пользы и для пастыря и для его паствы, тѣмъ скорѣе растратитъ духовенство свое духовное богатство, тѣмъ безуспѣшнѣе будутъ его попытки выполнитъ свою задачу христiанизацiи мiра. И, наоборотъ, чѣмъ замкнутѣе и удаленнѣе отъ мiра будетъ пастырь, чѣмъ больше будетъ крѣпнуть духовно, тѣмъ сильнѣе будетъ мiръ стучаться въ его двери, тѣмъ неотразимѣе будетъ его влiянiе. Это доказываетъ намъ сама жизнь, являю-

щая собою примѣры пастырей и архипастырей, высоко цѣнимыхъ общественностью, дипломированныхъ ученыхъ, съ громкими именами, но съ ничтожнымъ нравственнымъ авторитетомъ, не знакомыхъ съ азбукою „науки изъ наукъ“, но глубоко внѣдрившихся въ самую толщу мірской жизни и, наоборотъ, примѣры пастырей и архипастырей едва соприкасавшихся съ міромъ, но за которыми толпами ходилъ народъ, чутьемъ угадывая въ нихъ подлинныхъ вождей духовныхъ.

Не могу, въ заключеніе, не вспомнить впечатлѣній далекаго прошлаго, наглядно иллюстрирующаго высказанныя мною положенія.

Въ бытность мою земскимъ начальникомъ въ одной изъ южныхъ губерній Россіи, я, по долгу службы, весьма близко соприкасался съ мѣстнымъ сельскимъ духовенствомъ, среди представителей котораго встрѣчалъ достойнѣйшихъ пастырей Церкви, что не мѣшало, однако, крестьянству приносить на нихъ всякаго рода жалобы. И вотъ одинъ изъ такихъ смиреннѣйшихъ пастырей чрезвычайно просто и мудро разрѣшилъ церковно-государственную проблему, когда, оправдываясь въ взведенныхъ на него обвиненіяхъ, сказалъ мнѣ:

„Вотъ Вы сами изволили не разъ говорить мнѣ, что министры законодательствуютъ, губернаторы передаютъ законы, а проводятъ ихъ въ толщу жизни только земскіе начальники, да полиція; что нѣтъ вѣдомства, которое не заваливало бы Васъ грузомъ дѣлъ, коихъ не только исполнить невозможно, но въ коихъ нѣтъ времени даже разобраться... А тутъ еще судебныя дѣла, ревизія волостей, разъѣзды по участку въ 50-70 верстъ въ конецъ и пр. и пр. И точно, Ваши слова справедливы. Но то же самое испытываемъ и мы, пастыри. И насъ со всѣхъ сторонъ заваливаютъ предписаніями и отношеніями, и не только благочинный, но и губернія, и земство, и полиція... И насъ рвутъ на всѣ части; и бываетъ, что не только не хватаетъ времени для исполненія требъ, иногда срочныхъ, но, прости Господи, иной разъ и въ праздничный день обѣдни не отслужишь изъ за того, что сразу не поспѣешь во всѣ стороны... А вѣдь намъ приходится не только службою заниматься, но, часто, и хозяйствомъ... И скотину нужно напоить, и лошадкѣ дать корму, да, что грѣха таить, и землю, иной разъ вспахать, и за плугомъ походить... Снимите съ насъ хотя бы бремя заботъ о хлѣбѣ насущномъ, да канцелярщину, избавьте насъ отъ метрикъ, да отчетовъ, да отъ разныхъ тамъ статистикъ и вѣдомостей, дайте намъ возможность быть только пастырями Церкви, да хранителями ввѣренныхъ намъ душъ нашихъ пасомыхъ, а тогда и взыски-

вайте съ насъ строго... А теперь, что же я могу сказать въ отвѣтъ на взводимыя на меня обвиненія въ „нерадивости“?.. Факты справедливы, но „нерадивости“ не было, а былъ лишь недостатокъ времени, неуправка...“

И вотъ эту страницу далекаго прошлаго я и вспомнилъ, когда, вскорѣ послѣ назначенія своего Товарищемъ Оберъ-Прокурора Св. Синода, услышалъ изъ устъ одного изъ высокихъ чиновъ вѣдомства пожеланіе видѣть въ каждой епархіи представителя Оберъ-Прокуратуры, задача котораго сводилась бы къ урегулированію всѣхъ недочетовъ церковной жизни на мѣстахъ и, въ частности, къ оказанію помощи сельскому духовенству въ его безмѣрно трудномъ дѣлѣ...

Вотъ какъ понимали Оберъ-Прокуратуру не только лица близко стоявшія къ ней, но и православное духовенство въ массѣ!

ГЛАВА 53.

Государственныя задачи Церкви.

Въ чемъ заключаются „государственныя“ задачи Церкви?

У Церкви — только одна государственная задача и эта задача заключается въ христіанизаціи мысли и жизни.

Офиціальная Церковь въ Россіи этихъ задачъ не выполняла, между епископомъ и народомъ не существовало ни единенія, ни общенія столько же по причинамъ территоріальной удаленности его отъ паствы, сколько и вслѣдствіе переобремененности его епархіальными дѣлами.

Идея намѣченныхъ Оберъ-Прокуратурою въ 1916 году реформъ и заключалась въ децентрализаціи церковнаго аппарата, въ разграниченіи церковной и государственной сферы управленія, въ сближеніи архипастыря съ паствой, въ созданіи условій, имѣвшихъ обезпечить архипастырю возможность выполнять его непосредственныя задачи, что, въ совокупности, возродило бы и оживило церковную жизнь на мѣстахъ.

Только при этихъ условіяхъ епископы могли бы отдаваться своему прямому дѣлу, какое заключалось первѣе всего въ оживленіи источника христіанской мысли и жизни, иначе въ реорганизаціи угасавшихъ монастырей и перестройкѣ современнаго уклада ихъ жизни въ соотвѣтствіи съ требованіями уставовъ, создавшихъ институтъ „старчества“. Въ этой области царилъ наибольшій хаосъ, и между епископами и монастырями существовало не только великое средостѣніе, но и великая вражда.

Въ поднятіи уровня монашеской жизни и въ соотвѣтственной перестройкѣ личныхъ отношеній къ монастырямъ заключалась, по моему мнѣнію, первѣйшая *государственная* задача епископовъ *внѣ* міра.

Понимаемая въ широкомъ смыслѣ слова, государственная задача каждаго епископа только и могла заключаться въ укрѣпленіи фундамента государственности, а такимъ фундаментомъ является религіозная основа государства, иначе монастырь, какъ источникъ религіозной мысли и чувства.

Въ міру же задача епископа заключалась въ христіанизаціи жизни, въ привлеченіи своей паствы къ повседневному практическому Христову дѣлу созданіемъ связи между Церковью и прихожанами ея. Такая задача могла быть выполненной чрезъ достойныхъ пастырей, настоятелей церквей *при всякихъ условіяхъ*, и въ томъ, что между пастырями и паствой не существовало никакой связи, — виноваты, какъ пастыри, такъ и пасомые.

Достаточно указать на существующую у католиковъ организацію прихода для того, чтобы въ этомъ убѣдиться.

Въ то время, когда при Синодѣ созывались всякаго рода комиссіи по выработкѣ законоположеній о приходѣ подъ предсѣдательствомъ архіепископовъ Сергія Финляндскаго и Стефана Курскаго, въ то время, когда Государственная Дума, въ свою очередь, изощрялась въ тонкостяхъ юридическихъ нормъ, способныхъ ввести въ надлежащее русло приходскую жизнь, — въ это время настоятель Екатерининскаго костела въ Петербургѣ, прелатъ Буткевичъ, разстрѣлянный большевиками въ 1923 году, личнымъ примѣромъ своимъ свидѣтельствовалъ, что дѣло Христово на землѣ не требуетъ никакихъ юридическихъ нормировокъ и писанныхъ уставовъ, что нравственный долгъ немыслимо превращать въ юридическое обязательство, что единственною базою этого дѣла является — добрая воля человѣка, пробужденіе которой и составляетъ задачу пастыря. Прелатъ Буткевичъ осуществилъ въ Петербургѣ идеальную форму приходской жизни въ своемъ приходѣ, и для меня казалось непостижимымъ, какимъ образомъ Синодъ, имѣя готовый, практически осуществленный планъ такой организаціи, не только проходилъ мимо него безъ вниманія, но, повидимому, даже не зналъ о его существованіи.

Исходя изъ мысли, что задача Церкви заключается въ христіанизаціи жизни *на пространствѣ отведеннаго ей прихода,* прелатъ Буткевичъ, не задаваясь общецерковными и общегосударственными задачами широкаго масштаба, ограничилъ свою дѣятельность только территоріей своего Екатерининскаго прихода и началъ ее прежде всего съ переписи

своихъ прихожанъ, подраздѣливъ ихъ соотвѣтственно полу, возрасту и соціальному положенію. Закончивъ эту предварительную работу, о. Буткевичъ созвалъ общее собраніе своихъ прихожанъ и объявилъ имъ, что служеніе Христу является долгомъ каждаго христіанина и должно выражаться не только въ посѣщеніяхъ богослуженія, ибо молитва призываетъ лишь благословеніе Божіе на дѣло *Христово*, низводитъ благодатную помощь Божію на это дѣло, но непремѣнно въ самомъ *дѣлѣ*, въ *работѣ*, въ *трудѣ*, предпринимаемомъ спеціально въ силу прямого повелѣнія Христа дѣлать это дѣло. Объяснивъ, далѣе, въ чемъ должно заключаться *дѣло Христово* на землѣ, прелатъ Буткевичъ разъяснилъ, что оно обнимается общимъ понятіемъ любви къ ближнему и выражается въ мелкихъ, повседневныхъ услугахъ, какія каждый можетъ оказывать другъ другу, безотносительно къ средствамъ, занятіямъ и соціальному положенію.

„*Дѣло Христово*" есть основа и нашего *личнаго блага* и *блага государства*, въ которомъ мы живемъ. Его нужно дѣлать столько же по идейнымъ, сколько и по практическимъ соображеніямъ, ибо то, что мы сегодня сдѣлаемъ нашему ближнему, то завтра нашъ ближній сдѣлаетъ намъ, а если онъ не сдѣлаетъ, то Богъ сторицею вернетъ намъ награду за наше послушаніе Богу, приказавшему намъ любить ближняго. То, чего мы не дадимъ своему ближнему сегодня, того не получимъ отъ него завтра, когда сами будемъ нуждаться въ его помощи.

Въ чемъ же заключается „*дѣло Христово*"?

Накорми голоднаго, посѣти страждущаго или заключеннаго въ тюрьмѣ, пригрѣй несчастнаго, вразуми заблудшаго, войди въ положеніе нуждающагося и обремененнаго и облегчи его тяготы, не задавайся широкими цѣлями, не связывай себя никакими программами, а твори каждый день маленькія дѣла любви и милосердія, съ кротостью и смиреніемъ, и веди борьбу со зломъ и неправдою тамъ, гдѣ будешь встрѣчаться съ ними.

Вся человѣческая жизнь на землѣ состоитъ изъ такихъ крошечныхъ дѣлъ, а между тѣмъ люди проходятъ мимо нихъ и, вырабатывая программы для борьбы съ міровымъ зломъ, не замѣчаютъ, что это міровое зло давно было бы уже изгнано изъ міра, если бы не питалось маленькими ничтожными проявленіями, борьба съ которыми подъ силу каждому человѣку при всякихъ условіяхъ. Церковь не призвана перестраивать государстенныя и соціальныя формы жизни и ломиться въ двери государства, хотя бы и была одушевлена самыми высокими побужденіями. Территорія дѣятельности Церкви

очень ограничена и ея сферою является только душа человѣка. И однако нѣтъ бóльшаго государственнаго дѣла, какъ увеличеніе контингента подлинныхъ христіанъ, не только слушающихъ Слово Божіе, но и выполняющихъ его, честныхъ и добросовѣстныхъ работниковъ „дѣла Христова".

Такимъ, приблизительно, было содержаніе первой бесѣды прелата Буткевича съ его прихожанами въ первое Воскресенье послѣ произведенной имъ переписи ихъ. И когда о. Буткевичъ спросилъ, кто изъ нихъ желаетъ записаться въ число „работниковъ Христовыхъ", то записались всѣ единогласно и тутъ же рѣшено было обложить себя ежемѣсячнымъ денежнымъ взносомъ, начиная отъ 50 копѣекъ для простого люда и кончая 10 рублями для интеллигенціи. Территорія Екатерининскаго прихода была разбита на участки, участки на улицы, улицы на дома, и каждый „работникъ Христовъ" получилъ опредѣленное заданіе, сводившееся къ обходу прихожанъ, выясненію ихъ духовныхъ и матеріальныхъ нуждъ и пр. и пр. Спустя недѣлю, въ Понедѣльникъ было созвано, *по именнымъ повѣсткамъ*, первое засѣданіе простого люда, мужескаго пола, куда явились чернорабочіе, прислуга и др. Во Вторникъ такія же повѣстки получили женщины, въ Среду состоялось соединенное засѣданіе тѣхъ и другихъ, въ Четвергъ былъ созванъ образованный классъ прихожанъ мужескаго пола, въ Пятницу — женскаго пола, въ Субботу — оба вмѣстѣ, а въ Воскресенье состоялось объединенное собраніе интеллигенціи и простого класса. Засѣданія продолжались не болѣе одного часа и имѣли въ виду связь простыхъ людей съ интеллигенціей на почвѣ совмѣстнаго служенія „дѣлу Христову", непрерывность такого служенія и знакомство пастыря съ пасомыми и этихъ послѣднихъ между собою. На этихъ засѣданіяхъ разсматривались, какъ вновь поступающія къ прелату Буткевичу ходатайства, прошенія и обращенія самаго разнообразнаго содержанія, такъ и отзывы „работниковъ Христовыхъ", коимъ на предыдущихъ засѣданіяхъ было поручено произвести провѣрку, поступившихъ раньше прошеній и удостовѣриться въ ихъ справедливости. По разслѣдованіи ходатайствъ, послѣднія удовлетворялись полностью или частично изъ собранныхъ суммъ прихода, причемъ достойно вниманія, что ходатайства о матеріальной помощи были рѣдкими и составляли исключенія въ той массѣ обращеній, какія имѣли въ виду преимущественно духовную помощь и моральную поддержку. Спустя мѣсяцъ созывалось генеральное засѣданіе подъ предсѣдательствомъ епископа и давалась оцѣнка труда каждаго отдѣльнаго работника или работницы, при чемъ наиболѣе отличившіеся получали награды. Эти награды заключались или въ правѣ

участія въ религіозныхъ процессіяхъ, чѣмъ особенно дорожили „работницы Христовы“, облачавшіяся въ бѣлыя платья и получавшія вѣнки и гирлянды зелени, или же въ правѣ прислуживать епископу при торжественныхъ богослуженіяхъ, каковой чести особенно добивалась молодежь... Все было продумано до мелочей, преслѣдуя не только задачу развитія и усиленія религіознаго чувства и сознанія долга къ ближнему, но и удовлетворенія самолюбія прихожанъ, гордившихся званіемъ членовъ прихода и ревностно выполнявшихъ свои обязанности.

Нужно ли говорить о томъ величайшемъ значеніи, какое имѣла подобная организація приходской жизни! Ея результаты сказывались не столько въ облегченіи матеріальныхъ нуждъ прихода, сколько въ *единеніи прихожанъ*, въ знакомствѣ ихъ другъ съ другомъ, въ установленіи тѣснѣйшей связи между собою, въ духовномъ единствѣ. Когда прислуга, приносившая больному или тюремному сидѣльцу чай и сахаръ встрѣчалась тамъ съ своими „господами“, приносившими имъ Евангелія и читавшими его, когда сливалась съ господами на почвѣ общаго служенія ближнему, тогда, быть можетъ впервые, стала давать имъ иную оцѣнку и видѣть ихъ подлинный обликъ часто заслоняемый блескомъ салоновъ и гостиныхъ. Тогда и господа приближались ближе къ своимъ слугамъ и распознавали ихъ души, какихъ на далекомъ разстояніи, раньше не видѣли. Но не только въ этомъ сказывалось значеніе организаціи прелата Буткевича, но и въ томъ, что онъ самъ получалъ возможность поименно знать своихъ прихожанъ, ихъ духовную жизнь, содержаніе и образъ ихъ жизни, и даже высоту духовнаго развитія. Это былъ въ полномъ смыслѣ пастырь добрый, ведущій свою паству къ Богу въ сознаніи, что обязанъ дать за нее отвѣтъ предъ Богомъ.

И такъ ясно и просто было, что все сложное дѣло урегулированія началъ приходской жизни сводилось не къ правамъ и преимуществамъ прихожанъ, а только къ ихъ обязанностямъ, къ этому маленькому дѣлу Христовой любви къ ближнему, къ тому, чтобы облегчить каждому въ отдѣльности выполненіе его христіанскихъ обязанностей, связать каждаго съ опредѣленнымъ повседневнымъ дѣломъ, составлявшимъ частицу общаго дѣла прихода.

Не было бы тогда и того томленія духа у прихожанъ, не знавшихъ, что дѣлать съ избыткомъ своего времени и искавшихъ удовлетворенія запросовъ своего духа тамъ, гдѣ ихъ нельзя было найти, бродившихъ, какъ овцы безъ пастыря, не было бы и того средостѣнія между бѣдными и богатыми, которымъ такъ преступно пользовались тѣ, кто еще болѣе

увеличивалъ разстояніе между ними, не было бы и того разительнаго отчужденія отъ дѣйствительной жизни, съ ея ужасами, горемъ и страданіями, о которыхъ знали лишь тѣ, кто испыталъ ихъ.

И, глядя на нѣкоторыхъ извѣстныхъ мнѣ „работниковъ Христовыхъ", я не зналъ чему удивляться, мудрости ли ксендза Буткевича, продуманности ли дѣйствій и пріемовъ католической Церкви, или героизму и самоотверженію, съ какимъ эти „работники" несли такъ радостно и легко свою тяжелую работу служенія ближнему, не встрѣчаясь на своемъ пути ни съ Распутиными и Митями Косноязычими, Василіями Босыми, Иванушками и прочими аномаліями, выроставшими, какъ бурьянъ, на заброшенномъ, невоздѣланномъ полѣ.

И какое то острое ощущеніе боли, щемящее чувство досады охватывало меня при встрѣчѣ съ тѣми представителями нашего духовенства, особенно іерархами, которые громко и краснорѣчиво осуждали Распутина, а, вмѣстѣ съ нимъ и своихъ, якобы, измѣнившихъ православію, пасомыхъ... Въ увлеченіи Распутинымъ и подобными ему „старцами", сказывалось, наоборотъ, органическое тяготѣніе православной души къ Богу, а не измѣна православію, и не вина пасомыхъ, если такое тяготѣніе выражалось въ уродливыхъ формахъ...

И когда разразилась революція, то эти „работники Христовы" не растерялись, не примкнули къ толпамъ хулигановъ, а бросались въ самую толщу толпы, громко обличая безбожниковъ и лелѣя, быть можетъ, тайную мысль пострадать за „дѣло Христово", въ чемъ видѣли завершеніе своего земного подвига.

Организація церковно-приходской жизни у католиковъ идеальна и именно эту организацію я и имѣлъ въ виду, когда, ознакомившись съ дѣятельностью прелата Буткевича, буквально кричалъ о ней, указывая нашимъ епископамъ на необходимость забросить всѣ эти комиссіи о приходѣ, а использовать готовый примѣръ о. Буткевича.

И однако, одинъ изъ архіепископовъ, которому я разсказалъ о прелатѣ Буткевичѣ и его дѣятельности, коротко отвѣтилъ мнѣ: „У насъ это не привьется". Подобное же отношеніе проявили и прочіе епископы, несмотря на то, что дѣятельность о. Буткевича явится на всѣ времена показателемъ того, въ какихъ формахъ можетъ и должна проявляться государственная дѣятельность Церкви и въ чемъ вообще заключаются ея государственныя задачи.

ГЛАВА 54.

Трагедія дѣтской души.

Огромному большинству людей некогда быть христіанами, некогда не только выполнять христіанскихъ обязанностей, но даже задумываться надъ ихъ значеніемъ... Многіе даже не знаютъ въ чемъ эти обязанности заключаются и, въ лучшемъ случаѣ, ограничиваютъ ихъ областью внѣшняго дѣла, да и то только тогда, когда находятъ время его дѣлать...

Обязанности службы, общественныя, семейныя отвлекаютъ отъ богомыслія, медленно и постепенно удаляютъ отъ Бога и, наконецъ, разрываютъ даже связь съ Богомъ, ту невидимую связь съ Небомъ, какая является источникомъ поэзіи и красоты жизни, ея идейнаго содержанія, возвышенныхъ порывовъ и свѣтлыхъ духовныхъ радостей...

И человѣкъ настолько свыкается съ своимъ дѣломъ и своимъ *земнымъ настроеніемъ*, что совершенно искренно не знаетъ того, что дѣлаетъ не то, чтó нужно дѣлать и не дѣлаетъ того, чтó нужно...

И пастырь Церкви, совершающій богослуженіе въ храмѣ по долгу своей службы, и министръ, погруженный съ ранняго утра до поздней ночи въ кабинетную работу, и писатель, пишущій о томъ, что нужно дѣлать, но не дѣлающій того, что совѣтуетъ своимъ читателямъ, и всѣ прочіе люди, связанные съ тѣмъ или инымъ „дѣломъ“, — всѣ они сознаютъ себя христіанами и не спрашиваютъ себя, почему же это „дѣло“ не удовлетворяетъ ихъ, почему они тяготятся имъ, почему оно радуетъ только тѣхъ, кто несетъ его *во имя свое*, движимый личными, корыстными цѣлями честолюбія и славолюбія, и является ярмомъ для всѣхъ прочихъ, проникнутыхъ стремленіями идейными, мыслями о неосуществимомъ „народномъ благѣ“, почему это дѣло не только не приближаетъ ихъ къ Богу, а какъ будто даже удаляетъ отъ Него, не согрѣваетъ ихъ сердца, не растворяетъ его небесными ощущеніями, а нервируетъ и раздражаетъ, почему такъ тяжело живется и дышется въ этой жизни, такой сѣрой и угрюмой, такой неинтересной и скучной?!.

И хорошо, что не спрашиваютъ, ибо отвѣтъ былъ бы ужасенъ и убилъ бы ихъ.

Но есть люди, которые еще не успѣли обзавестись своею семьей, которые нигдѣ еще не служатъ, никакихъ общественныхъ обязанностей не несутъ и никакого „дѣла“ еще не имѣютъ, у которыхъ есть время осмыслить свое отношеніе къ окружающему и отношеніе окружающаго къ себѣ...

Эти люди — наша молодежь, одинокая и безпомощная, ищущая и порывистая...

Всѣ мы были когда то въ ея положеніи и намъ стоитъ только вспомнить наши собственныя переживанія и ощущенія... Къ нимъ нужно отнести и тѣхъ людей, которые и въ годы зрѣлости и старости сохранили идеалы молодости и являются, поэтому еще бòльшими мучениками и страдальцами, къ нимъ нужно отнести и все наше идейное монашество, порвавшее всѣ связи съ внѣшнимъ міромъ и разрѣшившее свою душевную драму бѣгствомъ изъ міра, какого не могли передѣлать, но съ которымъ и не могли ужиться...

Было время, когда, въ годы нашей юности, нетронутая грѣхомъ душа наша была связана крѣпкими нитями съ Небомъ, чувствовала Бога и не только согрѣвалась, но и свѣтилась Его свѣтомъ... И этотъ свѣтъ, точно сильный рефлекторъ, освѣщалъ всю грязь, всю нечисть, всѣ пороки и преступленія, какъ бы глубоко они ни прятались, въ какую бы нарядную внѣшность ни наряжались, въ какихъ бы невидимыхъ щеляхъ жизни ни укрывались...

И вездѣ господствовала ложь... Говорилось одно, а дѣлалось другое, учили вѣрѣ, а сами ни во что не вѣрили, учили добру, а дѣлали зло, воспитывали и ростили высокія понятія объ Истинѣ, Добрѣ и Красотѣ, а сами точно умышленно убѣгали отъ правды и добра и красоты, какой не понимали и стремиться къ которой не чувствовали потребности...

А юная, неиспорченная душа, съ обостреннымъ духовнымъ зрѣніемъ, ея природнымъ свойствомъ, все это подмѣчала и авторитетъ ея руководителей и воспитателей, какими бы искусственными мѣрами ни поддерживался, все болѣе падалъ. Она недоумѣвала, почему взрослые люди не вѣрятъ тому, что она *видитъ правду*, что еще можно обмануть взрослаго человѣка, привыкшаго къ лжи, но обмануть дѣтскую душу *невозможно*, ибо она, если и не увидитъ правды, то почувствуетъ ее... Она не понимала, зачѣмъ и почему взрослые люди насилуютъ живущую въ ней правду, умышленно толкаютъ ее на ложь, на все, съ чемъ она борется и чему противится и заставляютъ ее подражать не тому хорошему, чѣмъ она жила и питалась, а тому дурному, чѣмъ они сами жили и отъ чего предостерегали словами, какія опровергали собственными дѣлами и поступками...

И не растерявшая своихъ Божественныхъ свойствъ, неспособная къ компромиссамъ, съ негодованіемъ отвергающая соглашательство съ неправдою, чуткая душа все болѣе и болѣе отдалялась отъ своихъ руководителей, переставала имъ вѣрить,

углубляясь въ самое себя и... ограждала свою правду, свою чистоту... ложью, скрывая отъ окружающихъ свою внутреннюю жизнь, свое настроеніе... О, какъ ужасно было для нея это первое соприкосновеніе съ ложью, какъ нестерпимо было скрывать свои наблюденія и ощущенія... Точно воръ, она скрывала свои сокровища, отъ Бога полученныя, боясь, чтобы ихъ не расхитили; точно одинокій странникъ, безъ роду и племени, блуждала она въ мірѣ, не зная куда идти и гдѣ найти того, кто бы не высмѣялъ ее, кто бы не надругался надъ ея сокровищами, имѣвшими высокую небесную цѣнность, но никакой стоимости на землѣ, гдѣ побѣждали натискъ и злоба, ложь и пороки, но гдѣ никому не были нужны ни кротость и смиреніе, ни правда и любовь, ни все то, съ чѣмъ она родилась и что такъ берегла...

И бѣдная душа, зная, что обладаетъ жемчужиною, какая дороже всего міра, не знала, что дѣлать съ своимъ сокровищемъ, не знала и того, почему это величайшее духовное богатство не дѣлаетъ ее радостной и счастливой, а, наоборотъ, причиняетъ такъ много боли и страданій, почему вокругъ нея всѣ были радостны и довольны, веселы и беззаботны, а только она одна тосковала въ мірѣ и не находила себѣ мѣста... И чѣмъ больше людей ее окружало, тѣмъ болѣе одинокой она себя чувствовала...

Она чувствовала *свою* правду, но не знала того, что грѣхъ настолько далеко удалилъ людей отъ этой правды, что ее перестали уже узнавать.

Къ кому же идти, кого спрашивать, съ кѣмъ совѣтоваться?!

Самые близкіе изъ людей, родители, сберегшіе душу своихъ дѣтей въ чистотѣ, отъ соблазновъ и соприкосновенія съ грѣхомъ міра, проникнутые благочестіемъ, но ограничивавшіе его предѣлами внѣшняго добра, не понимали духовныхъ запросовъ своихъ дѣтей и видѣли въ ихъ душевныхъ тревогахъ выраженіе естественной дани молодости, выраженіе того, что „съ годами пройдетъ“, уляжется и... забудется. Они не понимали того, что дѣтская душа искала не внѣшнихъ проявленій того добра, коимъ была полна, которое рвалось наружу и которое распространяла вокругъ себя, а искала отвѣта на вопросъ о томъ, почему это добро нужно дѣлать украдкой, почему его нужно скрывать отъ окружающихъ, почему нельзя быть искреннимъ и простосердечнымъ, а нужно хитрить и лукавить, приспособляться къ злу и неправдѣ, вмѣсто того, чтобы вытѣснять ихъ изъ жизни и бороться съ ними, почему нельзя дѣлать всего того, чему ее учили въ дѣтствѣ и родители и учители и воспитатели, почему такъ много зла въ

жизни и почему это зло такъ сильно, что съ нимъ не только никто не борется, а всѣ точно боятся его, служатъ ему и задабриваютъ его...

И не находя отвѣтовъ на свои вопросы, душа нашей юности не разъ задумывалась о томъ, что можетъ быть и правы тѣ, кто осмѣиваетъ ея порывы, считая ихъ обычными проявленіями молодости куда то стремящейся и ничѣмъ неудовлетворяющейся, или же выраженіями нездороваго мистицизма, какого нужно опасаться, можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ лучше заглушать въ себѣ эти высокіе порывы и стремленія и махнуть на все рукой, послѣдовать примѣру старшихъ, окунуться въ толщу земныхъ наслажденій и не пытаться болѣе разрѣшать неразрѣшимое, обнимать необъятное...

„Нѣтъ, отвѣчала себѣ душа, не можетъ того быть, чтобы мои ощущенія меня обманывали и чтобы правда была *тамъ*"...

И кто изъ насъ, въ годы юности своей, перебирая всѣ земныя сокровища, все то, что такъ дорого цѣнилось людьми и къ чему они такъ настойчиво и упорно стремились, не спрашивалъ себя: „ну, а дальше что?"

Дальше шла смерть, опрокидывавшая самые причудливые воздушные замки, сокрушавшая самые смѣлые полеты фантазіи и превращавшая въ ничто весь міръ, всю вселенную, съ ея сокровищами...

„Нѣтъ, нѣтъ", говорила намъ наша юность, правда не *тамъ*, а вотъ здѣсь, въ нашемъ сердцѣ, которое насъ не обманываетъ, и не нужно слушаться того, что говорятъ старшіе, а нужно..."

Что же нужно?.. И душа не знала, что отвѣтить...

Она чувствовала только, что потерялась въ лабиринтѣ перекрестныхъ вопросовъ, искала выхода, страдала, изнемогала, но не могла найти его.

Самая ужасная потеря — потерять себя.

Когда человѣкъ чувствуетъ, что потерялъ себя, когда ищетъ и не находитъ себя и не можетъ разобраться въ своихъ противорѣчіяхъ, падаетъ и изнемогаетъ, то часто ищетъ единенія съ другими людьми въ надеждѣ, что они помогутъ ему разобраться въ себѣ и дадутъ ему то, чего онъ самъ не могъ дать себѣ.

Ему дороги тѣ люди, которые сохранили чистоту своей души и донесли ее непорочную къ Тому, отъ Кого получили ее. Онъ ищетъ этихъ людей не безъ тайной надежды, что они скажутъ ему, какимъ образомъ они сохранили свою чистоту и научатъ его. Ему дороги и тѣ люди, которые умѣютъ говорить ангельскимъ языкомъ, помогаютъ ему найти себя... И онъ ищетъ этихъ людей постоянно, и къ нимъ бѣжитъ

навстрѣчу, и разыскиваетъ ихъ, и слушаетъ, что они говорятъ ему... И опять возвращается къ себѣ домой утомленный поисками этихъ людей, а между тѣмъ ищетъ все новыхъ и новыхъ, бросается изъ одного мѣста въ другое въ надеждѣ отыскать новаго человѣка и услышать новое слово, въ сущности же отвѣтъ на все тотъ же старый, роковой вопросъ: „что же нужно дѣлать?“...

Если въ зрѣлые годы такое душевное состояніе характеризуетъ тѣхъ, кто слыветъ подъ именемъ „неуравновѣшенныхъ“ натуръ, то для юности, съ ея безоблачными мечтами и высокими порывами, жаждой подвига и желаніемъ жертвы, — такое состояніе душевной тревоги и безпокойства является общимъ. Кто не переживалъ его?..

Кто не знаетъ этихъ мученій непередаваемыхъ и ужасныхъ, этой страшной борьбы, съ неумолимостью рока, съ безпощадной жестокостью сокрушающей молодыя жизни, выбрасывающей лучшихъ людей, съ наиболѣе чуткой душой, изъ общей колеи жизни только потому, что они не желали входить въ компромиссы съ неправдою, или съ тѣмъ, что считали неправдою, еще не умѣя разбираться въ правдѣ?!

Кто не знаетъ, какъ часто душа, сталкиваясь съ мучительными противорѣчіями жизни, раздираемая ужаснымъ дуализмомъ, не знала куда идти и что дѣлать съ собою?!

Допустимъ, что въ такой борьбѣ силы были неравны, допустимъ, что на одной сторонѣ была безграничная высота порывовъ и недосягаемыя цѣли, а съ другой стороны — полное невѣдѣніе дѣтства, совершенная неприспособленность къ борьбѣ и отсутствіе надлежащихъ средствъ и орудій для борьбы...

Но развѣ это несоотвѣтствіе силъ рождало страданіе, развѣ сознаніе личной слабости и собственнаго безсилія губило юныя души?..

Нѣтъ, губилъ ихъ вопросъ — должны ли они оставаться тѣми, чѣмъ они родились, или должны передѣлывать себя согласно требованіямъ окружавшей ихъ обстановки, должны ли беречь свою жемчужину, то сокровище, какое получили отъ Бога и какое дороже всего міра, или должны промѣнивать его на земныя блага, на все то, чего отъ нихъ требовалъ міръ? И этотъ вопросъ причинялъ имъ тѣмъ бо́льшія страданія, что у нихъ былъ только одинъ отвѣтъ на него и этотъ отвѣтъ требовалъ отъ нихъ идти противъ теченія, бороться съ окружающей обстановкою, отстаивать свои идеалы, хотя бы для этого нужно было передѣлывать и весь міръ...

Задача оказывалась непосильною, наступали потрясающія душевныя драмы, какія заканчивались или самоубійствомъ,

или... измѣною всѣмъ прежнимъ идеаламъ, крушеніемъ кумировъ и тѣмъ ожесточеніемъ, какое заставляло молодыя души бросаться въ самый омутъ грѣха и съ какимъ то азартомъ наслаждаться сознаніемъ своей гибели...

Страданіе духа было сильнѣе физическихъ страданій и даже страха смерти...

Несчастные, погибшіе молодые люди! Они не знали еще роли страданія на землѣ и того, что человѣкъ одинаково страдаетъ и тогда, когда плыветъ по теченію жизни и тогда, когда идетъ противъ теченія, что область причинъ, вызывающихъ страданія, только одной стороною соприкасается съ внѣшнимъ міромъ, что источникъ страданія зарытъ въ глубокихъ нѣдрахъ сознанія, распинаемой на землѣ правды Божіей и что страдаютъ только тѣ, кто чувствуетъ эту правду и любитъ ее, земные люди съ небеснымъ настроеніемъ... Они не знали, что не должны были бояться своего одиночества, что только потерявшій себя ищетъ единенія съ другими людьми и ждетъ отъ нихъ помощи, а человѣкъ нашедшій себя — все болѣе уединяется, углубляется, затворяется, ибо то, чего онъ искалъ отъ общенія съ другими людьми, онъ находитъ въ общеніи съ самимъ собою, съ своей душой, въ безмолвіи и тишинѣ говорящей съ Богомъ... Они не знали, что келлія, пещера и затворъ являются конечными земными этапами на пути къ Богу и что *духовно сильные люди всегда одиноки, всегда отшельники, независимо отъ того, гдѣ они живутъ и что дѣлаютъ*... Они многаго еще не знали, они знали только то, что гибнутъ и нѣтъ никого, кто бы могъ спасти ихъ...

И такую потрясающую душевную драму, вдвойнѣ мучительную потому, что ее обыкновенно скрываютъ, испытываетъ едва ли не все юношество, хотя несомнѣнно, что русское юношество особенно остро переживаетъ ее, ибо его духовные запросы шире и глубже. То огромное количество писемъ, съ которыми обращались ко мнѣ совершенно неизвѣстные мнѣ молодые люди, преимущественно студенты Московскаго Униреруситета, неудовлетворявшіеся существовавшими въ Москвѣ въ началѣ 1900-хъ годовъ религіозно-философскими кружками и искавшими отвѣтовъ на свои духовные запросы, обнажали такую потрясающую драму ихъ души, что, опасаясь худшаго, я мысленно желалъ, чтобы они пріобщились къ соблазнамъ міра и перестали себя мучить... Нѣкоторые изъ нихъ и дѣйствительно кончили жизнь самоубійствомъ, другіе, послѣ безплодной борьбы съ собою, пошли на уступки грѣху и только немногіе выдержали борьбу до конца, перебороли себя и... укрылись въ подмосковныхъ обителяхъ...

Увидѣлъ я отраженіе такой душевной борьбы и въ Италіи, въ которой живу съ 1920 года, хотя здѣсь такая борьба выражена болѣе блѣдно и не проявлется столь ярко какъ въ Россіи. Я записалъ разсказанный мнѣ фактъ и привожу его, какъ иллюстрацію къ предыдущему изложенію.

„16-ти лѣтній Альдо, сынъ богатыхъ родителей, проснулся въ день своего Ангела позже обыкновеннаго и, лѣниво потягиваясь на постели, раздумывалъ, вставать ли ему, или нѣтъ. Онъ вышелъ уже изъ того возраста, который разсказывалъ ему объ этомъ днѣ волшебныя сказки, а его самого превращалъ въ героя, являвшагося центромъ общаго вниманія, принимавшаго поздравленія и подарки, его не манили уже ни игрушки, ни сладкія пирожныя, ни имянинный пирогъ, ни суета и нарядные гости. Онъ былъ уже въ томъ возрастѣ, который оторвалъ его отъ дѣтей и не связалъ съ взрослыми, переживалъ то время, когда дѣти чувствуютъ себя наиболѣе одинокими и непонятными для окружающихъ. И сегодняшній день не только не забавлялъ его, а, наоборотъ, угнеталъ, и онъ готовъ былъ уже укрыться съ головою въ одѣяло и снова заснуть, если бы его взоръ не остановился на новенькой бумажкѣ въ 100 лиръ, лежавшей у изголовья и бережно положенной туда его матерью, въ качествѣ имянинннаго подарка.

Эти деньги заставили его очнуться и онъ крѣпко задумался.

„Но мнѣ нужно только 50 лиръ, думалъ Альдо, припоминая то, что ему хотѣлось купить, а что же мнѣ сдѣлать съ другими 50-ю лирами?!“

И мгновенно въ его сознаніи воскресли всѣ совѣты и наставленія его родителей и учителей, съ дѣтства пріучавшихъ его любить ближняго, помогать бѣднымъ, утѣшать скорбящихъ и, подъ напоромъ этихъ мыслей, онъ рѣшилъ послать эти 50 лиръ своему товарищу, русскому бѣженцу, такому же юношѣ, какъ и онъ самъ, случайно проживавшему съ нимъ въ одномъ городѣ. Вскочивъ съ постели и наскоро одѣвшись, Альдо тутъ же написалъ записку: „Дорогой другъ, посылаю тебѣ эти 50 лиръ. Прими ихъ отъ неизвѣстнаго и не ищи его, ибо подпись и адресъ вымышлены“.

Счастливый, Альдо побѣжалъ на почту, опустилъ письмо и почувствовалъ послѣ этого такую чистую радость, такое блаженство, такой праздникъ, какіе говорили ему столько же о чистотѣ его души, сколько и о томъ, что онъ поступилъ правильно и что такъ и нужно было поступить. Одно только смущало его, онъ чувствовалъ, что почему то долженъ былъ скрыть свой поступокъ не только отъ своихъ товарищей,

но и отъ родителей. Онъ зналъ, что со стороны товарищей встрѣтитъ только насмѣшки, а родители его осудятъ. И то, что онъ это зналъ, то связывало и мучило его. Альдо не могъ понять, почему его хвалили тогда, когда онъ внимательно слушалъ хорошіе совѣты и наставленія, одобрялъ ихъ и проникался ими, и почему его порицали за то, что онъ старался воплощать эти совѣты въ жизнь и осуществлять ихъ... Почему помощь ближнему считалась не только добрымъ дѣломъ, но и признавалась долгомъ христіанина, а между тѣмъ никто такой помощи никому не оказывалъ и всѣ проходили мимо страшной нужды, горя и страданій, точно не замѣчая ихъ... Почему люди точно стыдятся быть хорошими людьми и настоящими христіанами, а только и дѣлаютъ, что осуждаютъ другъ друга въ разнаго рода грѣхахъ и преступленіяхъ, противныхъ христіанскимъ требованіямъ.

И не находя отвѣтовъ на эти вопросы, Альдо призналъ, что лучше всего дѣлать добро украдкой, чтобы никто не зналъ, что не нужно никого ни о чемъ разспрашивать и ни съ кѣмъ совѣтоваться, а нужно поступать такъ, какъ будетъ подсказывать его личная совѣсть. Правда, онъ сознавалъ, что въ такомъ рѣшеніи скрывалось не только малодушіе, но и ложь, но онъ утѣшалъ себя мыслію, что эта ложь являлась вынужденной и что онъ не виноватъ, если ему не позволяли быть искреннимъ.

И чѣмъ больше думалъ Альдо о русскомъ бѣженцѣ, тѣмъ яснѣе сознавалъ, что онъ не сдѣлалъ ошибки, а поступилъ такъ, какъ нужно было поступить. Между тѣмъ русскій бѣженецъ, получилъ эти 50 лиръ и краска стыда залила лицо юноши. Безпомощно оглядываясь по сторонамъ, онъ точно искалъ того, кто прислалъ ему эти деньги и до того часто наводилъ разнаго рода справки у своихъ знакомыхъ итальянцевъ, что надъ нимъ сжалились и выдали ему тайну.

„Мы догадывались, сказала ему знакомая итальянская семья, что деньги послалъ вамъ Альдо, но не были въ этомъ увѣрены, пока онъ самъ себя не выдалъ своимъ отношеніемъ къ нашему выговору. Онъ обидѣлся на насъ и больше не заходилъ къ намъ. Но вы не судите его строго за его необдуманный поступокъ... Все же онъ это сдѣлалъ отъ чистаго сердца"... Выговоръ ошеломилъ Альдо, онъ не зналъ за что получилъ его и почему взрослые люди считаютъ дурнымъ то, что онъ считалъ хорошимъ. Онъ сердился и на самого себя за то, что не сумѣлъ скрыть тайны и своимъ смущеніемъ предъ старшими выдалъ себя. Однако же этотъ выговоръ далъ его мыслямъ другое направленіе и въ его воображеніи стали рисоваться фантастическія картины, превращавшія его

поступокъ въ чудовищное преступленіе, онъ готовъ былъ уже обвинять себя въ томъ, въ чемъ еще вчера черпалъ источникъ радости, и видѣть въ чистомъ порывѣ своего сердца кровную обиду, нанесенную его бѣдному другу.

И эти картины, какъ кошмаръ давили и терзали его. Не зная куда укрыться отъ своихъ мыслей, избѣгая встрѣчъ со своими знакомыми, съ товарищами, которые уже узнали о его поступкѣ и смѣялись надъ нимъ, и болѣе всего опасаясь встрѣчи съ русскимъ бѣженцемъ, котораго онъ „обидѣлъ“, Альдо, подъ какимъ то предлогомъ, упросилъ родителей отпустить его въ Римъ, откуда написалъ родителямъ такое письмо: „*Я не знаю какъ надо жить*, я поступилъ такъ, какъ подсказала мнѣ совѣсть, какъ требовало мое сордце, какъ вы съ дѣтства учили меня поступать... Я не зналъ, что хорошее въ теоріи признается дурнымъ на практикѣ. Мнѣ стыдно смотрѣть въ глаза, *я знаю только, что не знаю, какъ надо жить*“.

Кто у кого долженъ учиться жить, дѣти у взрослыхъ, или взрослые у дѣтей? Господь нашъ Іисусъ Христосъ давно отвѣтилъ на этотъ вопросъ — Мѳ. 18, 2-3; Марк. 10, 14-15.“

Думаю, что юношество всего міра находится въ такомъ же положеніи и что вездѣ и повсюду оно чувствуетъ себя одинокимъ и безпомощнымъ именно въ ту пору, когда такъ нуждается въ опорѣ, въ посредникахъ между небомъ и землею, въ духовныхъ наставникахъ и руководителяхъ...

Ихъ не было... Въ лучшемъ случаѣ были только книги... Офиціальная Церковь, творившая свое великое дѣло въ широкомъ масштабѣ, была далека и точно стояла въ сторонѣ отъ нихъ, въ сторонѣ отъ отдѣльныхъ жизней, съ ихъ неразрѣшимыми проблемами, драмами и трагедіями...

ГЛАВА 55.

Душевная драма обывателей.

Если дѣтская душа страдала потому, что была чистой и всякое прикосновеніе къ ней мірской грязи причиняло ей мучительную боль, то не меньшими были страданія и тѣхъ взрослыхъ людей, которые мучились сознаніемъ своей нечистоты и духовной темноты, желали очиститься и просвѣтиться и не знали, какъ это сдѣлать.

Проживъ всю жизнь, стоя уже у порога смерти, эти наиболѣе чуткіе и лучшіе изъ людей увидѣли, что точно

просмотрѣли самое главное, самое важное, что было нужно въ жизни, просмотрѣли *науку жизни*, которой не обучались ни дома, ни въ школѣ... Все, чему ихъ учили и что почиталось важнымъ и нужнымъ, сводилось къ умѣнію извлекать изъ жизни земныя блага и умѣнію пользоваться ими, и пока эти блага удовлетворяли ихъ, пока интересовали и забавляли, до тѣхъ поръ они и не сталкивались съ тѣми „проклятыми" вопросами, какіе были ужасны, какіе не только обезцѣнивали всѣ блага міра и желаніе ими пользоваться, но убивали и самую идею ихъ жизни, ея смыслъ и содержаніе и дѣлали ихъ глубоко несчастными людьми... Оглядываясь на прожитую жизнь, они убѣждались въ томъ, что даже самыя высокія идейныя цѣли, къ которымъ они стремились въ полной увѣренности, что дѣлали нужное и доброе дѣло, вся ихъ самоотверженная работа, проникнутая заботами о „народномъ благѣ", не достигала и не могла достигнуть той единственно разумной цѣли, какая заключалась въ уменьшеніи суммы зла и въ увеличеніи суммы добра въ жизни, т. е. въ борьбѣ съ грѣхомъ въ себѣ и вокругъ себя.

Ихъ мучили не только перекрестные вопросы и то, что они не умѣли ихъ разрѣшать, но мучили и угрызенія совѣсти, сознаніе своей грѣховности и виновности предъ Богомъ, и послѣднія страданія были горше первыхъ.

Подобно дѣтской душѣ, и ихъ души также искали духовныхъ наставниковъ и руководителей и, или не находили ихъ, или находили тѣхъ, которые много знали, обладали великимъ духовнымъ опытомъ, были святы, но не умѣли передать имъ своихъ знаній, говорили съ ними на непонятномъ языкѣ и не могли ни утолить ихъ духовной жажды, ни избавить отъ мучительныхъ страданій духа...

Тогда они бросались въ другія двери, хватались за науку, обращались къ откровеніямъ Священнаго писанія, доискивались отвѣтовъ на запросы встревоженной совѣсти и... нигдѣ не находили этихъ отвѣтовъ.

Въ I томѣ своихъ „Воспоминаній", описывая религіозную атмосферу С.-Петербурга (гл. 57, стр. 247), я указывалъ на многочисленные „салоны" знати, являвшіеся средоточіемъ религіозной мысли высшаго столичнаго общества. Я и сейчасъ не могу безъ боли вспомнить о тѣхъ впечатлѣніяхъ, какія я выносилъ оттуда, глядя на ту великую духовную жажду, какая влекла въ эти салоны лучшихъ людей и какая оставалась неудовлетворенною всѣми этими бесѣдами и рефератами на религіозныя темы...

Выступалъ съ этими бесѣдами и покойный митрополитъ С.-Петербургскій Владиміръ и пребывающіе въ столицѣ епи-

скопы, читали свои рефераты и міряне, посѣщали означенные салоны всѣ кто хотѣлъ, начиная отъ членовъ Государственнаго Совѣта и сенаторовъ и кончая гимназистами и семинаристами, не говоря уже о свѣтскихъ дамахъ, для которыхъ эти бесѣды являлись чуть ли не единственною духовной пищею, какою онѣ питались.

После бесѣдъ происходилъ обмѣнъ мнѣній... Я видѣлъ, какъ почтенные генералы, съ громкими именами, сановники и вельможи, завершившіе уже свой жизненный путь, робко подходили къ лектору и задавали ему рядъ такихъ вопросовъ, какіе свидѣтельствовали какъ объ ихъ великой душевной драмѣ, такъ и той великой вѣрѣ, какая была, казалось, способна на героическіе подвиги и жертвы, но съ которой они не знали, что дѣлать.

Я видѣлъ и такихъ, которые даже не рѣшались дѣлиться своими недоумѣнными вопросами и сомнѣніями изъ опасенія, чтобы ихъ вопросы не показались слишкомъ элементарными и не обнажили бы ихъ полнаго невѣдѣнія въ области религіи... И эти люди страдали еще больше... Они были постоянными посѣтителями этихъ салоновъ, съ особеннымъ вниманіемъ вслушивались въ слова лектора, отмѣчали его слова въ своей записной книжкѣ, въ надеждѣ осмыслить ихъ и найти въ нихъ отвѣты на мучившіе ихъ вопросы...

И глядя на эту подлинную аристократію, какую такъ строго судили, обвиняя въ безвѣріи и лицемѣріи, въ черствости и эгоизмѣ, въ гордости и надменности, и какая въ дѣйствительности была виновата только въ томъ, что не знала, что дѣлать съ избыткомъ своей вѣры и какъ утолить свою жажду добра, я поражался темами духовныхъ бесѣдъ и рефератовъ, подносимыхъ вниманію этихъ столь ревностныхъ и добросовѣстныхъ искателей Бога...

Эти темы отражали совершеннѣйшее незнакомство лекторовъ съ психологіею ихъ слушателей. Митрополитъ Владиміръ читалъ рядъ лекцій о пьянствѣ и его губительныхъ послѣдствіяхъ для души и тѣла; архіепископъ Евдокимъ, обнаруживая недопустимое для монаха непониманіе иноческой идеи и не учитывая обстановки, развивалъ рядъ рискованныхъ и въ корнѣ невѣрныхъ соображеній о роли монастырей и высказывалъ пожеланіе реорганизовать ихъ на почвѣ болѣе активнаго служенія ближнему и тѣснѣе связать съ міромъ; шумѣвшій въ то время архимандритъ Михаилъ Семеновъ (впослѣдствіи старообрядческій епископъ) углублялся въ первоисточники Божественнаго Откровенія и распиналъ вѣру; лекторы-міряне шли еще дальше и останавливались преимущественно на проблемахъ христіанскаго соціализма или на

религіозно-философскихъ темахъ, играя, точно мячиками, словами „Логосъ“, „Софія“, „Эросъ“, говорили о Богочеловѣчествѣ и человѣкобожествѣ, о самотожественности и каѳоличности, единосущіи и подобосущіи, о соборномъ единствѣ и соборной множественности, о самости и всеединствѣ, теофаніи, теократіи, антропократіи, временности и сверхвременности, о трансцендентномъ отношеніи Бога къ человѣку и, само собою разумѣется о „я“ и „Я“, цитировали ученыхъ о существованіи которыхъ никто не зналъ, словомъ говорили обо всемъ, о чемъ нужно было говорить для того, чтобы увеличить томленіе духа и что заставляло нерѣдко присутствовавшихъ на этихъ лекціяхъ простецовъ монаховъ Александро-Невской Лавры, сопровождавшихъ Владыкъ, глубоко вздыхать и со словами: „прости Господи, вотъ искушеніе“, осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ и отмахиваться отъ краснорѣчія лекторовъ, какъ отъ нечистой силы...

Ученые лекторы не понимали того, что ихъ слушатели — это тѣ же простецы, съ великою вѣрою и великою жаждою добра, только пышно и нарядно одѣтые, что имъ нужна не философія, а самое простое дѣло любви къ ближнему, что они хорошо знаютъ о подавляющемъ ихъ совѣсть горѣ и страданіяхъ ближнихъ и мучатся сознаніемъ неумѣнія придти имъ на помощь, что имъ нужно дать маленькое, но конкретное, опредѣленное дѣло, т. е. именно то, что давалъ своимъ прихожанамъ прелатъ Буткевичъ, о которомъ я говорилъ въ 53-ей главѣ, и что могло бы утолить страданія ихъ духа и дать нравственное удовлетвореніе...

И сколько разъ я порывался взойти на каѳедру и громко крикнуть о томъ, что открыло бы глаза и лекторамъ и слушателямъ, но всякій разъ меня удерживало сознаніе, что не подобаетъ мірянамъ выступать съ проповѣдями, да еще въ присутствіи іерарховъ Церкви, нескромно выступать въ роли учителя христіанской жизни, стыдно говорить объ азбучныхъ истинахъ, какимъ бы великимъ откровеніемъ онѣ ни казались этой блестящей аудиторіи искателей Бога.

Я видѣлъ предъ собою людей, съ тонко развитыми нравственными понятіями, съ возвышенными стремленіями и горячими порывами, людей ищущихъ выхода этимъ высокимъ движеніямъ души и не знавшимъ гдѣ найти его. Я зналъ, что ихъ не нужно было учить вѣрѣ, ибо они ее имѣли, не нужно было разогрѣвать сердце, ибо оно уже пылало любовью къ ближнему, не нужно было кричать объ окружающемъ злѣ, ибо они знали объ этомъ, тѣмъ меньше были нужны абстрактныя разсужденія на религіозно-философскія темы, а нужно было только *показать* имъ картины дѣйствительности,

показать то, что они знали и слышали, но чего они *не видѣли*, еще лучше повести ихъ лично туда, гдѣ царствовали порокъ и преступленія и побѣждала злоба, гдѣ несчастныя жертвы этой стихіи, точно отгороженной высокой стѣной отъ всего прочаго міра, тщетно взывали о помощи и куда никто не заглядывалъ, куда не проникали ни свѣтъ, ни жалость и состраданіе, а царила вѣчная тьма...

Кругомъ было столько видимаго горя и еще больше горя невысказаннаго, живущаго въ нѣдрахъ чуткой души, боявшейся выносить его наружу, а наряду съ этимъ столько душъ, жаждавшихъ подвига и способныхъ на самопожертвованіе, а между тѣмъ обѣ стороны одинаково страдали, не находили другъ друга, и дѣйствительность стояла на одномъ мѣстѣ и не двигалась въ сторону правды и добра...

И предо мною воскресали картины той ужасной дѣйствительности, какія я самъ видѣлъ и какія показывала мнѣ моя бабушка, дивная старица 92-хъ лѣтъ, у которой я жилъ одно время въ Петербургѣ, мой другъ и мудрый учитель жизни.

„Сегодня Рождественскій Сочельникъ, день Вашего Ангела и рожденія“, сказала мнѣ однажды бабушка, обращавшаяся, по старинному обычаю, на „вы“ и къ своимъ внукамъ, „чѣмъ же Вы намѣрены ознаменовать Вашъ день?!“

И, не дожидаясь моего отвѣта, бабушка продолжала: „теперь принято устраивать обѣды, пить шампанское, подносить подарки, а въ старину было не такъ. Въ мое время во дни имянинъ или рожденія старались творить сугубое добро и отваживались даже на подвигъ во имя своего Святого... Возьмите „Новое Время“, тамъ на послѣдней страницѣ печатаются въ этотъ день адреса тѣхъ несчастныхъ, которымъ нужно помочь, выберите себѣ кого либо, найдите ихъ и помогите имъ, вотъ и дѣло сдѣлаете доброе и сами радость получите...“

Стояли трескучіе морозы... Было уже темно, когда я подъѣхалъ къ Обводному каналу, разыскивая адресъ бѣдной вдовы съ 5-ю малолѣтними дѣтьми. Переходя изъ одного двора въ другой, спускаясь то съ одной грязной лѣстницы, скользкой, облитой помоями, то съ другой, я только и слышалъ грозные окрики: „да развѣ ихъ понаходишь-то, всѣ подвалы биткомъ набиты, ищите по нарамъ, да и на что они вамъ понадобились“, кричали дворники...

И ощупью, съ закрытыми глазами, чтобы не наткнуться на гвоздь, стуча впереди себя палкой, я пробирался по темнымъ коридорамъ подвальнаго этажа огромнаго дома въ поискахъ бѣдной вдовы и не находилъ ее...

Можетъ быть Господу и не угодно принять мою лепту, тревожился я...

Вдругъ откуда то послышался плачъ ребенка... Я подошелъ къ дверямъ... Онѣ были полуоткрыты... Было темно...

„Кто здѣсь“, спросилъ я.

„Мы, мы“, раздалось нѣсколько голосовъ.

„Что же вы дѣлаете здѣсь, гдѣ мама?“ спросилъ я, зажигая спичку.

„Мама пошла за хлѣбомъ“, отвѣтили всѣ сразу.

Я увидѣлъ предъ собою крохотныхъ дѣтей, изъ коихъ старшему было не болѣе 5-ти лѣтъ... Всѣ трое копошились на высокихъ нарахъ, рискуя каждый мигъ свалиться на грязный, каменный, холодный полъ и искалѣчить себя...

Я не зналъ, что дѣлать... Въ расположенныхъ вдоль длиннаго коридора комнатахъ, сверху до низу уставленныхъ нарами, никого не было и некого было попросить присмотрѣть за дѣтьми...

„Когда ушла мама, скоро придетъ?“, спросилъ я дѣтей.

„Утромъ“, отвѣтили они, „дайте кусочекъ хлѣба, кушать хочется“, лепетали дѣти, очевидно голодавшія цѣлый день.

У меня же, кромѣ денегъ, ничего не было... Я не догадался взять съ собою ничего, что было такъ нужно взять, чтобы оказать несчастнымъ дѣйствительную помощь...

„Сидите смирно и не двигайтесь“, сказалъ я имъ, закутавъ дѣтей въ грязную тряпку, служившую имъ одѣяломъ, „я сейчасъ принесу вамъ покушать, но только сидите смирно, иначе попадаете на полъ“...

Обрадованныя дѣти обѣщали сидѣть смирно, а я бросился къ извозчику и приказалъ ему какъ можно скорѣе ѣхать въ ближайшую булочную или паштетную.

„Что вы, что вы“, встрепенулся извощикъ, „сегодня же Сочельникъ, какія тамъ булочныя, да паштетныя, все позакрыто, да тутъ и въ будній день булочной не найдешь по близости, а пришлось бы возвращаться въ городъ“...

У меня опустились руки... Возвращаться домой, на Марсово поле, гдѣ я жилъ, значило потерять около двухъ часовъ, давать деньги дѣтямъ было невозможно, и я рѣшилъ обойти квартиры жильцовъ этого огромнаго дома и попросить ихъ помочь бѣднымъ голоднымъ дѣтямъ...

Но не успѣлъ я подойти къ первой освѣщенной квартирѣ, какъ встрѣтился съ входившей во дворъ оборванной, полуобнаженной женщиной, съ груднымъ младенцемъ на рукахъ... За нею, держась за юбку матери, шелъ мальчикъ лѣтъ четырехъ, волоча по землѣ... маленькую елочку.

У меня дрогнуло сердце при видѣ этой картины и слезы показались на глазахъ...

Отъ волненія я ничего не могъ сказать ей, а только быстро сунулъ ей въ руку деньги, побѣжалъ къ своему извозчику, провожаемый злобными выкриками дворника: „Ишь какая, выпрашиваетъ у господъ деньги, а сама покупаетъ елки, подумаешь, барыня какая!!...“

Но то, что вызвало досаду у дворника, то пробудило въ моей душѣ совершенно иныя ощущенія...

Вотъ она, та награда небесная, о которой предваряла меня моя бабушка, думалъ я, возвращаясь домой... Да развѣ можно забыть когда либо этотъ фактъ, который былъ способенъ исторгнуть изъ самой черствой души, изъ самаго окаменѣлаго сердца, слезы умиленія, утолить самую великую духовную жажду, зарядить душу неисчерпаемымъ запасомъ духовной бодрости и энергіи и отвѣтить на всѣ недоумѣнные вопросы встревоженной совѣсти?!

Вотъ гдѣ настоящій подвигъ, вотъ гдѣ подлинный отблескъ небеснаго сіянія на землѣ, думалъ я, и можетъ ли быть что либо выше и чище того чувства, которымъ руководилась голодная мать, отказывая себѣ въ кускѣ хлѣба для Рождественской елочки дѣтямъ?!

Съ тѣхъ поръ прошло уже 20 лѣтъ, а эта картина дрожащей отъ холода матери, въ одной рукѣ державшей грудного младенца, а другой рукою трепетно закрывавшей обнаженную грудь своими лохмотьями, этотъ растерянный видъ несчастной женщины, точно ошеломленной неожиданной встрѣчею со мною, этотъ четырехлѣтній мальчикъ, цѣплявшійся за юбку матери и крѣпко державшій въ рукѣ 7-ми копѣечную елочку, — эта картина и до сихъ еще поръ стоитъ предъ моими глазами и учитъ гораздо бóльшему, чѣмъ всѣ эти собесѣдованія, лекціи и рефераты, казавшіеся мнѣ такими жалкими, ненужными и ничтожными, собиравшіе въ салонахъ знати скучавшую публику, томившуюся отъ бездѣлія въ то время, когда вокругъ было столько дѣла и дѣла срочнаго.

Предъ моими глазами стояла вереница экипажей, съ замерзающими на козлахъ кучерами и ливрейными лакеями, ожидавшими у блестящихъ подъѣздовъ, залитыхъ свѣтомъ электричества, своихъ господъ и я глубоко жалѣлъ... господъ. Я зналъ, какъ несправедливо осуждаютъ ихъ, какъ зналъ и то, что ихъ грѣхъ заключается не въ томъ, что они, сытые и довольные, *не хотѣли* думать о меньшемъ братѣ и помогать ему, а въ томъ, что они *не знали*, какъ это сдѣлать, что любая изъ этихъ свѣтскихъ дамъ, сводившая, казалось бы, всѣ интересы своей жизни къ заботамъ о своемъ туалетѣ,

не задумалась бы отдать этой меньшей, голодной братіи, вмѣсто куска хлѣба, всѣ свои драгоцѣнности, если бы только увидѣла то, о чемъ слышала на лекціяхъ и собесѣдованіяхъ, или читала въ газетахъ...

И я вспоминалъ покойную княжну М. М. Дондукову-Корсакову и Е. Н. Воронову, приводившихъ въ изумленіе своими подвигами окружавшихъ, Ф. К. Пистолькорса, не разлучавшагося съ Евангеліемъ и читавшаго его оборванцамъ въ Галерной Гавани и цѣлый рядъ другихъ представителей столичной знати, самоотверженно отдававшихъ себя безкорыстному служенію ближнимъ...

О, если бы эта аристократія, вмѣсто того, чтобы терзаться надъ измышленіемъ способовъ помощи ближнимъ или надъ разрѣшеніями религіозно-философскихъ проблемъ, увидѣла бы эту елочку въ 7 копѣекъ, то ринулась бы въ эти трущобы нищеты и увидѣла бы Бога, Котораго искала въ салонахъ знати... И эта елочка переставила бы всѣ старыя точки зрѣнія, опрокинула бы все прежнее міросозерцаніе, разрѣшила бы всѣ донынѣ неразрѣшенныя проблемы духа и сказала бы, что подлинное Царство Божіе находится внутри насъ, въ сердцѣ нашемъ, а не тамъ, гдѣ его искали и все еще продолжаютъ искать и нигдѣ его не находятъ.

Но кто же могъ показать имъ эту елочку, кто долженъ былъ бы повести ихъ къ родникамъ чистой воды и напоить ихъ, утолить ихъ жажду духовную и дать имъ, вмѣстѣ съ дѣломъ Христовымъ, тѣ небесныя ощущенія, какія съ этимъ дѣломъ связаны...

Я приподнялъ только уголокъ душевной драмы обывателя... Но развѣ только эти житейскіе вопросы, хотя и высшаго порядка, терзали его душу?! Развѣ эти люди спрашивали только о томъ, почему такъ много зла въ жизни и какъ бороться съ нимъ, какъ и гдѣ найти выходъ своимъ стремленіямъ къ добру?! Нѣтъ, они спрашивали и о томъ, откуда взялось это зло, гдѣ спрятаны его причины, почему міръ ведетъ борьбу со зломъ въ области его послѣдствій, а не въ области его причинъ, почему не вырываетъ его корней, а въ лучшемъ случаѣ только отбивается отъ него?..

Отвѣты на эти вопросы были, но ихъ никто не давалъ.

И какъ у дѣтей, такъ и у взрослыхъ не было посредниковъ между небомъ и землею, какъ тѣ, такъ и другіе ощупью добирались до Бога, падали и некому было поднять ихъ... И это въ Россіи, въ лонѣ Православной Церкви — средоточіи величайшаго въ мірѣ духовнаго богатства, крупицами котораго пользовались лишь единицы...

ГЛАВА 56.

Пастыри и паства.

Мы видѣли уже изъ предыдущаго, что іерархи были склонны объяснять всякаго рода нестроенія въ церковной жизни то внѣшними причинами, разумѣя подъ ними Синодальную систему, то внутренними, связывая ихъ съ свойствами самой паствы, оторванной отъ Церкви, безвѣрной и безрелигіозной. Но это невѣрно. Формы всегда неодушевлены, жизненно только содержаніе. И никакая форма не способна убить духа, если онъ есть. И тѣ, кто имѣлъ его, тѣ не только являли его, но и одухотворяли другихъ.

Синодальная система, какъ я уже неоднократно указывалъ, явила цѣлый сонмъ подвижниковъ, причтенныхъ къ лику святыхъ Православной Церкви, цѣлый рядъ выдающихся церковныхъ дѣятелей, изъ коихъ ни одинъ не жаловался на тотъ гнетъ и оковы рабства, о которыхъ стали говорить въ Россіи лишь съ момента общаго революціоннаго броженія, заразившаго и нѣкоторыхъ іерарховъ, вторившихъ общимъ крикамъ о „свободѣ".

Нѣтъ, нестроенія въ церковной оградѣ нужно искать совершенно въ другомъ мѣстѣ, и я частично уже отмѣтилъ ихъ, когда говорилъ о взаимоотношеніяхъ между офиціальной и неофиціальной церковью, между епископами и монахами, между образованнымъ классомъ и духовенствомъ...

Авторитетъ духовенства въ Россіи дѣйствительно былъ невысокъ, но вызывалось такое явленіе не безвѣріемъ и безрелигіозностью русскаго народа, а какъ разъ наоборотъ, его повышенными религіозными требованіями, не находившими удовлетворенія со стороны русскаго духовенства въ массѣ.

„Богоискательство" — чисто русское явленіе, рожденное именно на этой почвѣ религіозной неудовлетворенности и одиночества духовнаго.

Авторитетъ духовенства и не могъ быть высокимъ при той кастовой организаціи, какая, если не исключала, то во всякомъ случаѣ сильно затрудняла доступъ въ его среду представителей другихъ сословій. Причины этого послѣдняго явленія сложны и я не буду ихъ касаться, однако тотъ фактъ, что составъ русскаго духовенства былъ ограниченъ рамками кастовой къ нему принадлежности, а между духовными и свѣтскими учебными заведеніями стояла непроходимая стѣна, чрезвычайно рѣзко отражался на его общемъ уровнѣ. Можно

сказать больше того. За послѣднихъ 25-30 лѣтъ передъ революціей служеніе Церкви въ Россіи сдѣлалось какъ бы привилегіей для дѣтей церковныхъ причетниковъ, зажиточныхъ крестьянъ и мѣщанъ, потому что даже дѣти бѣлаго духовенства, въ особенности городского, получали обыкновенно образованіе въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ и не шли по слѣдамъ отцовъ, а устраивали свою будущность на разныхъ поприщахъ государственной и общественной дѣятельности.

Въ связи съ этимъ и епископатъ пополнялся преимущественно представителями мало тронутаго культурой русскаго простонародья. Такіе іерархи, не соприкасавшіеся вовсе съ интеллигенціей и не знавшіе ее вплоть до епископской хиротоніи, открывшей имъ доступъ въ чуждую для нихъ среду, относились къ послѣдней не только отрицательно, но часто даже враждебно. Воспитанные на началахъ оппозиціи къ „дворянству", какъ таковому, въ специфической обстановкѣ домашняго очага, а затѣмъ въ условіяхъ семинарскаго быта, русскіе іерархи, въ большинствѣ случаевъ, не только не умѣли приблизить къ себѣ паству, но и не желали этого, и не собирались входить въ болѣе тѣсное общеніе съ средою, чуждою имъ и по рожденію, и по воспитанію.

Изъ смиренныхъ и простыхъ крестьянскихъ и псаломщицкихъ дѣтей, зачастую съ добрыми навыками и наклонностями, они чрезвычайно быстро превращались въ гордыхъ и надменныхъ Владыкъ, воспринимали почести и славу, пресыщались честолюбіемъ и ограничивали свою задачу служенія народу лишь совершеніемъ торжественныхъ богослуженій или подписываніемъ консисторскихъ бумагъ. Но духовная жизнь паствы, общія церковно-государственныя задачи протекали не только внѣ поля ихъ зрѣнія, но и внѣ поля ихъ разумѣнія. Это были духовные сановники, неудачно копирующіе губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ, бравшіе отъ своей паствы все и взамѣнъ ничего ей не дававшіе.

При такихъ условіяхъ вѣрующіе люди, по необходимости, должны были искать удовлетворенія своихъ духовныхъ запросовъ въ другихъ мѣстахъ, и неудивительно, если наталкивались на тѣхъ, кто эксплоатировалъ ихъ вѣру.

О темнотѣ русскаго народа и его религіозномъ невѣжествѣ, о гордости и надменности русской интеллигенціи и особенно ея аристократіи, писалось и говорилось такъ много, что потребовались бы томы для того, чтобы опровергнуть ту ложь, какая скрывалась за этими писаніями и разговорами. И однако, въ области своей религіозной жизни, ни одинъ народъ въ мірѣ не проявлялъ столько смиренія, столько пла-

менной вѣры, столько уваженія къ достойнымъ представителямъ духовенства, какъ русскій народъ.

Значительно выше былъ общій духовный уровень низшаго духовенства, и особенно подвижниковъ монастырскихъ и сельскихъ священниковъ, между которыми встрѣчались выдающіеся представители, фактическіе держатели вѣры русскаго народа и его подлинные воспитатели. Эти послѣдніе, разумѣется, не только никогда не жаловались на какія то „системы“ церковнаго управленія, но даже не замѣчали своего архіерея или игумена монастыря, ибо ихъ начальниками были не Синодъ и епископъ, не Оберъ-Прокуроръ или секретарь консисторіи, а ихъ вѣра, страхъ Божій, сознаніе нравственнаго долга.

При отсутствіи регламентаціи церковной жизни въ Россіи и неорганизованности приходской жизни, эти подвижники были единственными, къ коимъ тянулись русскіе люди, начиная отъ Царя и кончая простолюдиномъ, офиціальная же Церковь стояла въ сторонѣ, и духовная жизнь русскаго народа протекала помимо ея, чего бы никогда не случилось, если бы ея представители были похожи на этихъ подвижниковъ и являлись бы въ глазахъ народа подлинными пастырями Церкви. И чѣмъ больше тянулись іерархи къ власти, чѣмъ болѣе погружались въ сферу государственныхъ дѣлъ, своеобразно ими понимаемыхъ, чѣмъ болѣе рѣзкую грань проводили между церковными и государственными дѣлами, тѣмъ дальше уходили отъ своей паствы, тѣмъ меньше были ей нужны.

Вотъ гдѣ источникъ нестроеній въ области церковной жизни Россіи.

ГЛАВА 57.

Епископы и монахи.

Мы подошли къ вопросу, на которомъ уже останавливались на предыдущихъ страницахъ. Душевная драма епископа, если онъ монахъ не по должности, а по призванію и убѣжденію, настолько велика, что у епископа имѣется только два выхода: или опуститься въ толщу мірской жизни и заглушить грѣхами свою совѣсть, переставъ думать о данныхъ при постриженіи въ иночество обѣтахъ Богу, или, оставаясь вѣрнымъ этимъ обѣтамъ, сбросить съ себя ярмо своихъ обязанностей „правящаго“ архіерея и уйти на покой.

Наиболѣе чуткіе изъ епископовъ, послѣ безплодныхъ попытокъ найти средній путь и примирить непримиримое, такъ и поступали, и слагали съ себя свои обязанности, понимая, что никакая церковно-государственная дѣятельность несоединима съ иночествомъ. Предъ ними была дилемма: или, оставаясь въ міру, перестать быть монахомъ, или, оставаясь монахомъ, не соприкасаться съ міромъ. Въ большинствѣ случаевъ, однако, практика разрѣшала эту дилемму не только въ ущербъ, но даже противно иноческой идеѣ, въ результатѣ чего въ Россіи было много архіереевъ, но среди нихъ очень мало монаховъ, тогда какъ первѣйшая и главнѣйшая задача русскаго православнаго епископа заключалась именно въ поддержаніи и укрѣпленіи иноческаго духа, этой главной основы и опоры Православія.

Отсюда получилось два роковыхъ послѣдствія:

Первое изъ нихъ выразилось въ оскудѣніи монашества и гибели монастырей, утратившихъ свое первоначальное значеніе, второе — въ фактическомъ отдѣленіи Церкви отъ государства, хотя и связанной съ послѣднимъ юридическими связями, однако фактически не выполнявшей своей задачи.

Обратимся сначала къ первому.

Естественно, что контролировать дѣятельность монастырей, слѣдить за иноческою жизнью и содѣйствовать ея процвѣтанію можетъ только монахъ, опытно прошедшій школу иночества, знакомый съ пріемами, задачами и цѣлями внутренняго духовнаго дѣланія, и, потому, совершенно правильно, что монастыри были отданы вѣдѣнію епископа, какъ лица, не только прошедшаго всѣ ступени иноческаго подвига, но и вознесеннаго на самую высшую ступень послѣдняго. Теоретически мысль была построена правильно и возраженій не вызывала.

Но что же получилось въ дѣйствительности и во что превратились наши современные монастыри?

Являясь по мысли и по духу иноческихъ уставовъ духовными лѣчебницами для больныхъ, зараженныхъ грѣхами людей, тою школою безстрастія, гдѣ научаются замѣчать свои грѣховные навыки, бороться съ ними, искоренять ихъ и возноситься душою къ Богу, тѣми единственными оазисами въ пустынѣ міра, которые призваны беречь правду Христову отъ мірской заразы и пріобщать къ ней ищущихъ ея, — монастыри стали постепенно превращаться въ общежитія людей, связанныхъ между собою только общими грѣхами, гдѣ бушевали всѣ свойственныя человѣку страсти, на общемъ фонѣ которыхъ особенно рѣзко выдѣлялось безмѣрное, не знающее никакихъ предѣловъ, ничѣмъ неутоляемое честолю-

біе, эта главная ось, вокругъ которой вращались всѣ прочія страсти.

И это понятно!

Начиная отъ іерарховъ и кончая послушниками, иноческая братія выходила обычно изъ той среды, какая воспиталась на ненависти къ высшему сословію, но въ то же время стремилась сравняться съ нимъ... Здѣсь сказывались столько же зависть къ преимуществамъ, сколько и совершенно невѣрное представленіе объ интеллигенціи, являвшейся, по мнѣнію непринадлежащихъ къ ней, обладательницею всѣхъ доступныхъ человѣку земныхъ благъ... Вѣдь одна только Россія являла собою примѣры, когда родовитая знать, движимая высокими идейными побужденіями, шла въ толщу народную, надѣвала свитки и лапти и превращалась въ мужиковъ, а мужики, движимые непомѣрнымъ честолюбіемъ, наряжались въ пиджаки и рясы, уподобляясь „господамъ". Побудительнымъ мотивомъ къ иночеству для весьма многихъ являлось даже не это, столь характерное желаніе отмахнуться отъ упорнаго физическаго труда, сколько именно это неукротимое честолюбіе, стремленіе сравняться съ настоящими „господами". А укладъ монастырскаго быта, съ его системою „наградъ" и „повышеній по службѣ", какъ нельзя болѣе культивировалъ эту страсть, открывая полуграмотнымъ и невѣжественнымъ монахамъ перспективу достиженія даже епископскаго сана. Отсюда соревнованіе и зависть, отсюда самая обыденная проза жизни, столкновеніе самыхъ грубыхъ, разнородныхъ, взаимно пересѣкающихъ другъ друга интересовъ, постепенно вытѣснявшихъ главную идею монастыря — спасеніе души, смыслъ и основу иноческой жизни.

Что представляла собою братія любого монастыря, а особенно многолюдныхъ Лавръ? Это было сборище людей, чуждыхъ культурѣ, живущихъ интересами желудка, зачастую эксплоатировавшихъ вѣру простого народа, развращенныхъ лѣностью и тунеядствомъ, сгоравшихъ отъ честолюбія и страстно добивавшихся всякаго рода „отличій" и „повышеній" по службѣ.

Окруженные исключительно благопріятными внѣшними условіями жизни, вдали отъ шума и житейской суеты, свободные отъ необходимости добывать себѣ средства къ жизни упорнымъ физическимъ трудомъ, имѣя выработанные великими подвижниками святые уставы, а часто даже великихъ учителей жизни, опытно усвоившихъ эти уставы, — насельники монастырей, въ своемъ большинствѣ, не были способны воспользоваться ни однимъ изъ этихъ условій и отличались отъ своихъ собратьевъ крестьянъ только тѣмъ, что вмѣсто

шапокъ носили клобуки, вмѣсто свитокъ — рясы; освободившись отъ прежней приниженности и смиренія, они стали надменными и гордыми; вмѣсто того, чтобы приблизиться къ Богу, — ушли отъ Него на такое разстояніе, откуда уже перестали и видѣть и слышать Его.

Какимъ же образомъ произошла такая „эволюція“ и кто въ этомъ повиненъ? Почему монастыри, гордость и краса Православія, стали хирѣть и утрачивать свой первоначальный обликъ и значеніе?

На фонѣ исторической жизни монастырей можно было бы найти много самыхъ разнообразныхъ причинъ, разлагавшихъ жизнь обителей, однако наблюдательный историкъ сведетъ ихъ къ одной и скажетъ, что погубили монастыри, главнымъ образомъ, сами же епископы.

Пока монастыри жили своею обособленною отъ епархіи жизнью и надъ ними главенствовалъ не епископъ, а игуменъ, причемъ должность настоятеля монастыря не являлась переходною ступенью къ епископству, а была высшею ступенью иноческаго подвига, пока монастыри не участвовали въ расходахъ на содержаніе епархіальнаго архіерея и его штата и были независимы отъ него, до тѣхъ поръ они и вращались въ сферѣ, отведенной имъ ихъ уставомъ и, работая на себя, не имѣя подчасъ и нужды возрастать матеріально, росли духовно, и за оградою монастыря жила только одна идея — спасеніе души и нравственное совершенствованіе.

Съ того же момента, когда монастыри стали разсматриваться какъ учрежденія, подвѣдомыя епархіальному архіерею, обязанныя предъ нимъ отчетностью и контролемъ, когда должность настоятеля монастыря стала переходною для соисканія епископскаго сана и на эту должность стали назначаться не умудренные духовнымъ опытомъ старцы-учители иноческой жизни, каковыми и были прежніе игумены, а юноши-карьеристы, окончившіе курсъ Духовной академіи и мечтавшіе объ архіерейской каѳедрѣ, когда монастыри были пріобщены къ расходамъ на содержаніе епископа, что погрузило ихъ въ заботы объ изысканіи такихъ средствъ, когда, наконецъ, стали резиденціями епископовъ, втащившихъ за ихъ ограду тяжелый грузъ епархіальной жизни, заразившій своимъ мірскимъ ядомъ самый воздухъ обители, — тогда и началось разложеніе монастырей.

И такое разложеніе сдѣлалось бы неминуемымъ даже при условіи, если бы сами епископы были подвижниками-монахами, ибо пріобщеніе монастырей къ матеріальному участію въ расходахъ на содержаніе архіерея само по себѣ заключало въ себѣ элементы такого разложенія, такъ какъ превращало

монастыри въ данниковъ архіерея, налагало на нихъ преимущественныя заботы объ изысканіи потребныхъ для этой цѣли средствъ, и отвлекало ихъ отъ прямыхъ задачъ.

Когда же большинство епископовъ были монахами только по должности, а не по призванію и не только не имѣли никакого понятія объ иноческой жизни, но даже не видѣли этой жизни, не бывали ни въ Оптиной, ни въ Глинской, ни въ Саровской и др. пустыняхъ, ни на Валаамѣ или въ Соловкахъ, и не чувствовали потребности въ общеніи съ подвижниками этихъ обителей, свѣтившими даже міру, считая монастыри вообще безполезными учрежденіями, тогда между епископомъ и монастыремъ образовалась, съ теченіемъ времени, уже такая непроходимая бездна, такая пропасть, что они и не видя, и не слыша, и не понимая другъ друга, только враждовали между собою.

Какъ ни низко пали монастыри нашего времени, какъ ни удалились отъ своихъ первоначальныхъ цѣлей и заданій, однако они имѣли писанные уставы величайшихъ подвижниковъ и мудрецовъ, и тотъ, кто пользовался этими уставами и добросовѣстно выполнялъ программу жизни инока, оставаясь вѣрнымъ обѣтамъ постриженія, тотъ достигалъ и горнихъ высотъ, доходилъ до такого совершенства, какое дѣлало его, поистинѣ, святымъ даже при жизни.

Инымъ былъ путь молодого постриженника, двигавшагося по направленію къ епископской каѳедрѣ. Обыкновенно начальнымъ этапомъ такого пути была семинарія, куда молодой постриженникъ назначался инспекторомъ или ректоромъ, а конечнымъ этапомъ — великосвѣтскія гостиныя и салоны знати, гдѣ онъ появлялся уже по достиженіи сана архимандрита, находясь, такъ сказать, уже въ преддверіи епископскаго сана.

Но этотъ путь даже не соприкасался съ оградою монастыря и епископы, вооруженные, въ лучшемъ случаѣ, лишь теоретическими познаніями, пріобрѣтенными въ Духовной академіи, оказывались мало подготовленными къ сложному дѣлу управленія епархіями, а въ сферѣ иноческой жизни такъ и совсѣмъ не разбирались, ибо не имѣли ни малѣйшаго духовнаго опыта.

Вотъ гдѣ нужно искать причины тѣхъ взаимоотношеній, какія существовали между епископами и подлинными монахами, между епископами и монастырями. Между ними шла страшная борьба и, хотя побѣждали епископы, но *правыми были монахи*. Не только подвижники-монахи, но мало мальски духовно-просвѣщенные міряне понимали, что какъ иночество является (теперь нужно сказать должно являться) основою

Православія, такъ основою иночества является *старчество*, а между тѣмъ старчество почти повсемѣстно изгнано самими же архіереями и теперь существуетъ въ нѣкоторыхъ монастыряхъ лишь какъ рѣдкое исключеніе. Не имѣя понятія о природѣ этого дивнаго института, сохранившагося только въ одной Россіи, близорукіе епископы видѣли въ старчествѣ явленіе, подрывавшее не только нравственный, но и юридическій авторитетъ епископа.

Кто не знаетъ, напримѣръ, той упорной и жестокой борьбы, какую вели Калужскіе архіереи съ Оптинскими старцами и, въ частности, съ знаменитымъ старцемъ Амвросіемъ?!

„Это не старцы, а анархисты", сказалъ мнѣ однажды одинъ изъ Калужскихъ владыкъ, „они отбиваютъ отъ епископа его паству... Тамъ, гдѣ заведется такой старецъ, тамъ народъ толпами ходитъ къ нему, днемъ и ночью простаиваетъ предъ его келліей, слѣпо повинуется ему и, конечно, не только епископъ, но и всякая другая власть становятся народу не нужными, ибо старецъ для него — *все*... Онъ для народа и епископъ, и врачъ, и судья, и ходатай по дѣламъ... Я бы разогналъ всѣхъ этихъ старцевъ, чтобы они перестали морочить головы простому люду, и послалъ бы ихъ копать огороды", говорилъ владыка, все болѣе раздражаясь.

Эти слова, кстати сказать, относились къ одному изъ выдающихся старцевъ Оптиной пустыни, недавно скончавшемуся іеросхимонаху Анатолію, одна изъ бесѣдъ съ которымъ была приведена мною въ первомъ томѣ моихъ „Воспоминаній".

Я не былъ удивленъ такимъ отзывомъ о старцахъ Калужскаго епископа. Я увидѣлъ въ этихъ словахъ лишь новое свидѣтельство того, что большинство епископовъ имѣетъ слабое представленіе объ иноческой жизни, до постриженія не проходило требуемаго уставами искуса, а послѣ постриженія не выдержало опредѣленнаго монашескаго стажа въ стѣнахъ монастыря и совершенно незнакомо съ иноческими уставами.

Нисколько не удивительны и отзывы Калужскаго епископа о старцахъ и отношеніе большинства архіереевъ къ „старчеству". Здѣсь нашло свое отраженіе и общее незнакомство съ природою и сущностью монашества, и непониманіе психологіи народной вѣры и государственнаго значенія дѣятельности старцевъ, которые были и навсегда останутся единственными учителями жизни, единственными свѣточами вѣры, и къ которымъ до скончанія вѣковъ будетъ тянуться Святая Русь.

Къ иноческой идеѣ нельзя подходить съ общегосударственными мѣрками, ибо эта идея — внѣгосударственная, точнѣе — надгосударственная.

Съ точки зрѣнія архіерея, какъ церковно-государственнаго дѣятеля и начальника епархіи, всякій подвижникъ, не имѣющій нужды въ земной власти, можетъ казаться анархистомъ, не въ обычномъ, конечно, смыслѣ этого слова, съ коимъ связано непризнаніе, или отрицаніе власти, а потому, что подвижникъ свободно обходится безъ нея; власть, попросту не нужна ему въ томъ дѣлѣ возношенія души къ Богу и нравственнаго усовершенствованія, какое составляетъ его единственную задачу на землѣ.

Но, съ другой стороны, съ точки зрѣнія подвижника, монахъ, давшій обѣты Богу при постриженіи, и не можетъ имѣть никакихъ другихъ задачъ и цѣлей на землѣ, и монахъ-епископъ, управляя епархіей, и живя въ міру — нарушаетъ данные имъ Богу обѣты.

Разногласія между монахами по призванію и монахами по должности неизбѣжны и неустранимы, но правда на сторонѣ первыхъ, ибо идея монашества недѣлима и къ этому выводу приходили и тѣ изъ наиболѣе чуткихъ сердцемъ епископовъ, которые покидали свои епархіи и уходили на покой, или даже въ затворъ, признавая невозможнымъ, при иныхъ условіяхъ, выполнить обѣты, данные, при постриженіи Богу.

Возможно, что іерархи, прочитавъ настоящую главу, осудятъ меня и припишутъ мнѣ мысли, какихъ я не имѣю, однако же я повторяю лишь то, что всегда искренно исповѣдывалъ, говоря, что Россія должна всемѣрно беречь иноческую идею, ибо эта идея является ея главной опорой.

Я искренно сочувствовалъ проектамъ церковныхъ реформъ 1916 года и въ выработкѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ принималъ даже личное участіе, однако я сознавалъ и сознаю, что всѣ они въ бо́льшей или меньшей степени являлись только палліативами, что для возрожденія церковной жизни Россіи необходимо прежде всего оберегать иноческую идею отъ мірской заразы, ибо глубоко вѣрю, что обѣщанное Спасителемъ Царство Божіе на землѣ наступитъ только тогда, когда весь міръ превратится въ монастырь, когда религіозное сознаніе пробьется въ самую толщу жизни, когда государственныя цѣли и задачи сольются съ церковными и *идея спасенія станетъ государственною идеей.*

ГЛАВА 58.

Православіе и Католицизмъ.

Заканчивая обзоръ церковныхъ вопросовъ, я не могу, въ заключеніе, не коснуться параллели между православіемъ и католицизмомъ въ сферѣ ихъ практической дѣятельности въ Россіи. Такая параллель можетъ оказаться полезною при оцѣнкѣ той лжи, какая витала вокругъ обвиненій государства въ насиліяхъ и гнетѣ, чинимыхъ надъ Православною Церковью, и вокругъ жалобъ на Синодальную систему, какъ источникъ всѣхъ бѣдъ и несчастій, обрушивавшихся на Церковь и державшихъ ее въ оковахъ.

Нужно было бы исписать много страницъ для того, чтобы только перечислить функціи этого католическаго церковнаго аппарата, вливающаго струи католицизма во всѣ поры государственной, общественной и личной жизни, и регламентирующаго жизнь католическаго населенія съ помощью пріемовъ, недоступныхъ даже государству.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что съ точки зрѣнія своихъ земныхъ устоевъ и совершенства церковнаго аппарата и техническихъ орудій управленіе церковью, католическая церковь имѣетъ всѣ преимущества предъ православною... Однако же, только незнакомство съ плодами католицизма можетъ связывать съ папствомъ процвѣтаніе церкви.

Источники земного могущества католической церкви восходятъ ко времени разрыва между Квириналомъ и Ватиканомъ. Лишившись опоры со стороны государства, не понимая, что безъ нихъ немыслимо земное существованіе церкви, Ватиканъ, поневолѣ, былъ вынужденъ изыскивать свои собственныя опоры... А земныя опоры не только вездѣ одинаковы, но и создаются одинаковыми способами и пріемами... Съ этого момента начался ростъ внѣшняго могущества католической церкви, но одновременно и упадокъ ея, какъ Божественнаго установленія. Медленно и постепенно католическая церковь стала превращаться въ государство, сумѣвшее подчинить католиковъ своей волѣ, дисциплинировать ихъ на началахъ абсолютнаго повиновенія, связать ихъ церковно-политическими задачами, преслѣдующими земныя цѣли, но не сумѣвшее ни поддержать, ни развить у населенія религіозной настроенности, и убившее у него мистическія начала вѣры, являющіяся сердцевиною вѣры и столь дорогія въ Православіи. Даже лучшіе изъ представителей духовенства являлись только выдающимися церковными дѣятелями, очень цѣнными церковными чиновниками, но не пастырями душъ въ православномъ по-

ниманіи. Они умѣло выполняли свою миссію христіанизаціи жизни, но выполняли ее государственными, а не церковными способами, звали къ практическому дѣланію, осуществляли, подобно прелату Буткевичу, о которомъ я упоминалъ въ предыдущей главѣ, тѣ задачи, какія у насъ выполнялись разнаго рода благотворительными обществами и учрежденіями, развивали вкусъ къ добру, но... оцѣнивали своихъ пасомыхъ съ точки зрѣнія ихъ служенія общецерковнымъ цѣлямъ, а не съ точки зрѣнія высоты ихъ нравственнаго уровня и степени религіозной настроенности.

Обладая огромными средствами и совершеннымъ техническимъ аппаратомъ, Ватиканъ имѣлъ во всемъ мірѣ безчисленную армію церковныхъ чиновниковъ въ рясахъ, но весьма мало подлинныхъ пастырей церкви. Всѣ эти чиновники, начиная отъ высшихъ, облеченныхъ высокимъ званіемъ кардиналовъ и кончая ксендзами, были вполнѣ законченно образованными людьми высокой культуры, но всѣ они сводили свою задачу къ укрѣпленію позицій Ватикана, къ распространенію католицизма въ мірѣ, но не простирали ее за предѣлы загробной жизни, не связывали ее съ идеей спасенія души.

Несмотря на крайне своеобразныя отношенія, существующія между Ватиканомъ и Квириналомъ, несмотря на „юридическое“ отдѣленіе церкви отъ государства въ Италіи, ни одна страна въ мірѣ не являетъ болѣе яркаго примѣра служенія интересамъ государства, какъ Италія. И это объясняется не только тѣмъ, что Ватиканъ считаетъ своею паствою весь міръ, но и тѣмъ, что отдаетъ себѣ отчетъ въ значеніи земныхъ устоевъ церкви и старается ихъ всячески поддерживать, зная, что безъ нихъ рушится и церковь... И эти земные устои Ватикана дѣйствительно прочны... Развалить ихъ было бы способно только большевичество... Однако свою земную устойчивость, совершенство своего техническаго аппарата Ватиканъ купилъ дорогою цѣною, переставъ быть церковью...

Сіяющая блескомъ своего внѣшняго могущества, обладающая колоссальными средствами, окружающая своихъ представителей сказочною помпою, распространившая свою дѣятельность во всемъ мірѣ, католическая церковь стала *безплодною*, перестала быть церковью, превратилась въ міровое учрежденіе, преслѣдующее высокія благотворительныя и просвѣтительныя цѣли, поддерживающее интересы государства и населенія, но утратила даже пониманіе своихъ непосредственныхъ задачъ духовнаго окормленія многочисленной, разбросанной по всему міру паствы.

Все это очень нужно. Слабое участіе въ культурно-просвѣтительной работѣ государства было недостаткомъ право-

славной Церкви въ Россіи. Однако же видѣть въ означенной работѣ задачу Церкви — нельзя. Ея задача — спасеніе душъ пасомыхъ; но переобремененная грузомъ мірскихъ дѣлъ, озабоченная своею внѣшнею устойчивостью, католическая церковь не имѣла даже времени и возможности отдаваться своей непосредственной задачѣ.

Вотъ тѣ перспективы, какія стоятъ и предъ православною Церковью въ Россіи на пути къ обособленію Церкви отъ государства.

Безспорно, что всякаго рода земныя организаціи, живущія въ предѣлахъ государства, тѣмъ жизненнѣе, чѣмъ прочнѣе ихъ земныя опоры, но опытъ католической церкви доказываетъ, что такія опоры должно давать церкви государство, а отнюдь не сама церковь, если хочетъ оставаться церковью.

ГЛАВА 59.

Дурманъ.

Какъ ни разнообразны узоры исторіи, какъ ни извилисты линіи жизни, но наблюдательный взоръ историка не только подмѣтитъ опредѣленную систему въ направленіи этихъ линій, но сумѣетъ, основываясь на прошедшемъ, сдѣлать выводы и для будущаго. То же сдѣлаетъ и психологъ, наблюдая внутреннюю жизнь людей, такъ же подчиненную непреложнымъ законамъ духа и слагающуюся въ соотвѣтствіи съ отношеніемъ человѣка къ этимъ законамъ.

Это не пророческій даръ неба, не прозорливость праведника, а свободное произволеніе смотрѣть и видѣть, и только непривычка всматриваться вглубь окружающихъ насъ явленій рисовала намъ картину внѣшнихъ фактовъ, будто не связанныхъ другъ съ другомъ и разъединенныхъ между собою, тогда какъ они составляли собою лишь звенья общей длинной цѣпи...

Начало XIX вѣка въ Россіи было ознаменовано однимъ страшнымъ и поистинѣ ужаснымъ явленіемъ, природа котораго не только не была въ свое время разгадана, но и до сихъ поръ, спустя 100 лѣтъ, остается загадкою для каждаго, кто не видитъ корней этого явленія въ глубочайшихъ нѣдрахъ исторіи.

Имѣвшее обманчивую внѣшность, выражавшуюся въ неудержимомъ стремленіи къ „новшествамъ“ въ многораз-

личныхъ областяхъ русской жизни, и даже въ сферѣ религіозной мысли, такое явленіе, преслѣдуя внѣшнія цѣли, стремилось, въ дѣйствительности, къ искорененію самаго духа христіанства, находившаго для себя наиболѣе полное и яркое выраженіе въ древнемъ русскомъ бытѣ, вѣрномъ историческимъ завѣтамъ Православія и Самодержавія.

Праотеческая вѣра, предковскій укладъ жизни, все „старое“, на чемъ держались главнѣйшіе устои русской церковности, государственности и народнаго быта, чѣмъ жили, мыслили и чему поклонялись предыдущія поколѣнія, все это, подъ вліяніемъ массоваго гипноза, навѣяннаго жидовствомъ, стало ниспровергаться, опрокидываться, уничтожаться и замѣняться новымъ знаніемъ, новыми достиженіями и откровеніями, изобличающими сатанинскую ложь вдохновителей, слѣпоту и ничтожество тѣхъ, кто имъ вѣрилъ и слѣдовалъ.

Корни этого движенія были запрятаны настолько глубоко, что ихъ не замѣчали ни идейная молодежь, имъ охваченная, ни литература и пресса, руководившія этимъ движеніемъ, ни тѣ неумные, такъ называемые „передовые“ люди, какіе создавали „прогрессивную“ общественность и какіе и до сихъ поръ еще разсматриваютъ исторію человѣчества, какъ смѣну отживающихъ „старыхъ“ понятій, или добровольно уступающихъ свое мѣсто „новымъ“, или насильственно вытѣсняемыхъ революціями, этими, якобы, неизбѣжными историческими факторами, знаменующими собою лишь „измѣненіе символики внутренней жизни народовъ“ (Н. Бердяевъ. Журн. „Путь“, № 1, стр. 43).

Здѣсь величайшее заблужденіе, ибо съ момента возвѣщенія человѣчеству идеи Вселенскаго Бога, т. е. съ момента явленія Христа Спасителя на землю, Истина уже сказала людямъ свое послѣднее слово, выразительницею этой Истины явилась Церковь, идеалы которой вѣчны, неизмѣнны и независимы ни отъ духа времени, ни отъ его требованій, такъ что исторію человѣчества никакъ нельзя разсматривать какъ смѣну „стараго“ чѣмъ то „новымъ“, ибо ничего „новаго“ въ сферѣ возвѣщенныхъ Богомъ идеаловъ и способовъ ихъ достиженія, не можетъ быть, а нужно разсматривать лишь какъ смѣну историческихъ процессовъ, то приближавшихъ человѣчество къ возвѣщенной *уже* Истинѣ, то удалявшихъ его отъ нея, то сокращавшихъ разстояніе людей отъ Бога, то увеличивавшихъ его.

Разсматривая исторію подъ этимъ угломъ зрѣнія, мы замѣтимъ и тѣ причины, какія вызывали означенные процессы, и намъ станетъ до очевидности яснымъ, что, съ момента низведенія Божественной Истины на землю, вся исторія че-

ловѣчества свелась, въ сущности, къ исторіи борьбы двухъ міровыхъ процессовъ — процесса *христіанизаціи* міра и процесса его *сатанизаціи*, или ожидовленія.

Пересмотръ, а возможно и составленіе *заново* исторіи человѣчества подъ указаннымъ угломъ зрѣнія, обнаруживаніе подлинной роли еврейства въ исторіи міра, указаніе на процессъ его ожидовленія, какъ на тотъ факторъ, который не только являлся постояннымъ спутникомъ исторической жизни народовъ, но и составлялъ ея главнѣйшее содержаніе, подчиняя ее своимъ дерективамъ, господствуя надъ нею, направляя ее въ заранѣе намѣченное русло и порабощая умъ и волю человѣка, — все это задачи уже недалекаго будущаго надъ разрѣшеніемъ которыхъ трудятся и русскіе и иностранные ученые, разоблачающіе еврейскую ложь вездѣ, куда она вкралась и справедливо относящіе корни этого ужаснаго процесса сатанизаціи міра къ моментамъ зарожденія той борьбы, какая выразилась въ бунтѣ сатаны противъ Бога, началась на небѣ и продолжается до нашихъ дней на землѣ съ цѣлью разрушить дѣло Христово и уничтожить его плоды — христіанскую вѣру, цивилизацію и культуру.

Въ дальнѣйшемъ я имѣю въ виду развернуть нѣсколько страницъ исторіи и показать въ какомъ мѣстѣ запрятаны корни того процесса, который въ своемъ результатѣ далъ ужасы революціи, частично отмѣченные мною въ предыдущихъ главахъ моей книги, сейчасъ же достаточно сказать, что именно это стремленіе къ „новшествамъ“, шедшее параллельно съ разрушеніемъ „стараго“, диктовалось не дѣйствительными требованіями времени, отражавшими „измѣненіе символики внутренней жизни народовъ“, а было однимъ изъ способовъ, который практиковался жидами на протяженіи вѣковъ въ цѣляхъ сатанизаціи міра, и который и погубилъ Россію.

И это видно изъ того, что все тяготѣвшее въ сторону ожидовленія міра, всѣ тѣ приманки, на которыя столь жадно набрасывались такъ называемые „идейные“ люди, порвавшіе связь съ Богомъ, — признавалось „новымъ“, знаменовало „весну“, окрашивалось радужными цвѣтами, выражало жизнь, прогрессъ, культуру, и, наоборотъ, все, оберегавшее завѣты прошлаго, исходившіе изъ родниковъ предковской православной вѣры, этихъ священныхъ нѣдръ подлинной культуры духа, — признавалось реакціей, застоемъ, отсталостью.

Этотъ дурманъ продолжается и до сихъ поръ и будетъ продолжаться, пока не установится общій взглядъ на революцію, какъ на одно изъ звеньевъ единой цѣпи историческихъ событій, искусственно вызываемыхъ съ цѣлью ожидовленія

или сатанизаціи міра, а не какъ на историческій факторъ, отражающій измѣненіе „символики внутренней жизни народовъ“ въ пониманіи Н. Бердяева. Да, это символика, но символика колоссальнаго невѣжества и духовной слѣпоты народа, а не его борьбы съ старыми, отживающими понятіями, добровольно не уступающими своего мѣста новымъ понятіямъ и, потому, насильственно вытѣсняемыми чрезъ революцію.

То, что названо словомъ „большевичество“ и еще долго будетъ скрываться подъ этимъ именемъ, составляетъ обычный пріемъ, коимъ жидовство пользовалось на протяженіи вѣковъ въ цѣляхъ завоеванія міра, и непостижимо, что это нужно объяснять даже теперь, когда жиды уже стоятъ у порога своей цѣли и почти овладѣли міромъ.

Въ № 9 „Русской Трибуны“, отъ 15 Іюля 1923 г., помѣщена замѣчательная статья подъ заглавіемъ „Уроки прошлаго“, какую нужно отмѣтить какъ свидѣтельство, что эти уроки ничему не научили русскихъ людей, даже донынѣ не распознавшихъ природы „большевичества“(!).*)

Эти же мысли, въ примѣненіи къ конкретнымъ дѣйствіямъ жидовъ, выражены не менѣе яркою статьею В. В., напечатанной въ № 1421 газеты „Новое Время“, отъ 24 Января 1926 г., и присланной редакціи изъ Москвы. Авторъ справедливо отмѣчаетъ, что русское бѣженство не только не разгадало корней революціи, но даже не разбирается въ ея внѣшнихъ проявленіяхъ.

В. В. пишетъ: „Когда читаешь статьи въ эмигрантской печати (до сихъ поръ такія доходятъ), касающіяся еврейскаго вопроса въ общемъ и вопроса о колонизаціи евреями юга Россіи въ частности, — не знаешь, чему больше удивляться: неосвѣдомленности ли, или непонятной наивности русскихъ авторовъ. Болѣе всего смѣшны и наивны предостереженія, которыя направлены по адресу евреевъ. „Совѣтская власть де не вѣчна и не пеняйте на насъ, если волна народнаго гнѣва пробѣжитъ надъ вашими головами.“

Кто-то изъ еврейскихъ публицистовъ уже отвѣтилъ на это ясно и опредѣленно: „не запугаете!“ Но никто, повидимому, этихъ словъ не понимаетъ и упорно не хочетъ понять. Уже кажется чего яснѣе: и палкой по головѣ бьютъ, такъ что черепъ трещитъ, и говорятъ ясно, а нѣтъ, — не понимаютъ! Все не укладывается въ сознаніи, что т. н. русская революція не съ неба свалилась, что совѣтская власть не

*) Статья эта — польскаго публициста Антонія Холоневскаго, напечатанная въ газетѣ „Rzecz Pospolita“ (№ 159, отъ 13 Іюня с. г.) — *о жидовскомъ государствѣ,* — помѣщена у насъ въ главѣ 49-ой, стр. 369-372. Н. Ж.

такъ себѣ что-то случайное, а продуманное проведеніе въ жизнь открытаго осуществленія неограниченной государственной власти еврействомъ надъ жизнью и имуществомъ русскаго народа. Первый опытъ перехода отъ скрытыхъ формъ власти къ открытымъ формамъ. И надо имъ отдать справедливость, — опытъ очень удачный. Когда *мы* говоримъ о завоеваніяхъ революціи, — это звучитъ глупо и подло. Но когда эти слова произноситъ еврей, они для него полны глубокаго смысла. Да завоеваніе! Завоеваніе, какъ результатъ длительной и упорной войны, какъ результатъ безпощадной борьбы за осуществленіе власти. Когда *русскіе* соц.-революціонеры повторяли свой лозунгъ „въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое", — о какомъ такомъ правѣ они говорили? Когда еврей соц.-революціонеръ говоритъ эти слова, онъ вкладываетъ въ нихъ опредѣленный смыслъ: о правѣ на власть, о борьбѣ за эту власть.

Не о моральномъ правѣ бороться за житейскую несправедливость, какъ кажется это русскимъ соц.-рев., а о томъ самомъ реальномъ правѣ на власть, которое есть ни что иное, какъ физическая сила, передъ которой всѣ склоняются, признавая безполезность и ненужность борьбы съ ней)* и ставятъ штемпель „de jure". Такъ неужели не должно быть ясно каждому здравомыслящему человѣку, что отступать назадъ евреямъ теперь, когда они заняли въ Россіи командныя высоты, когда они подчинили себѣ всю жизнь страны, когда они достигли того, къ чему стремились, когда передъ ними открываются необозримые горизонты могущества и наслажденія всѣми радостями жизни, когда мечты изъ сказки обратились въ дѣйствительность, — неужели они могутъ бросить все это только потому, что мы пугаемъ ихъ будущимъ гнѣвомъ народнымъ?! — „Не запугаете!" — кричитъ намъ парижскій еврей. И онъ тысячу разъ правъ. Онъ не думаетъ спать, онъ не останавливается въ своей борьбѣ, онъ упорно работаетъ надъ укрѣпленіемъ занятыхъ позицій, онъ продолжаетъ войну. И мы видимъ, какъ шагъ за шагомъ онъ одерживаетъ одну побѣду за другой, отъ „de facto" переходитъ къ „de jure", причемъ вездѣ и повсюду еврейство всемѣрно поддерживаетъ свою совѣтскую власть.

Формы этого содѣйствія весьма различны, колеблясь отъ формъ пассивнаго непротивленія до формъ активной и открытой помощи. Невозможно и глупо требовать отъ евреевъ иного отношенія къ своему кровному дѣлу. Пора бы уже кажется намъ понять, что всѣ революціи во всѣ времена

---

*) Курсивъ нашъ. Н. Ж.

исторіи всегда приносили наибольшую выгоду еврею, ибо онъ всегда былъ первымъ и активнымъ работникомъ всѣхъ революціонныхъ лабораторій. Больше чѣмъ когда-либо еврей пожалъ отъ послѣдней русской революціи. Вѣдь не надо закрывать глаза на то, что евреи численно сильно разбогатѣли и продолжаютъ богатѣть на нашихъ глазахъ; есть, конечно, и потерпѣвшіе, но число ихъ ничтожно въ сравненіи съ громаднымъ числомъ разбогатѣвшихъ и сдѣлавшихъ большіе запасы богатствъ, которыхъ хватитъ и на дѣтей, и на внуковъ. Само собою разумѣется поэтому, что еврей будетъ всячески поддерживать совѣтскую власть! Иначе и быть не можетъ.

Не требуйте отъ еврея того, чего онъ дать не можетъ. Не требуйте этого даже отъ еврейской эмиграціи: рѣки назадъ не текутъ. Сходите въ разныя полпредства, совѣтскія и полусовѣтскія учрежденія — вы обязательно встрѣтите тамъ 90 процентовъ еврейской эмиграціи. Они дѣлаютъ дѣла! Они спѣшатъ использовать моментъ, спѣшатъ нажиться и укрѣпиться. У каждаго изъ нихъ тамъ, въ Россіи плеяда зятьевъ, шурьевъ и всякихъ родичей, которые стали изъ маленькихъ еврейчиковъ такими, отъ которыхъ многое зависитъ. Конечно, они должны соблюдать въ дѣлахъ извѣстную осторожность, но къ цѣли идутъ вмѣстѣ, хотя и немного разными дорогами. И если есть между ними пять или шесть бѣлыхъ воронъ изъ стариковъ, которые утратили бодрость духа и которыхъ можно запугать, то это — единицы. А тѣ, кто помоложе — ихъ не запугаешь, они исполнены энтузіазма отъ достигнутыхъ завоеваній и со вкусомъ говорятъ о власти и значеніи своихъ сородичей въ Россіи. *Безъ боя власти этой не отдадутъ**). Наивно думать, что совѣтская власть осуществляетъ колонизацію Россіи евреями, имѣя въ виду заполучить на это дѣло какіе то американскіе милліоны. Этихъ милліоновъ у совѣтской власти еще достаточно припрятано изъ нашихъ россійскихъ запасовъ. Не въ этомъ дѣло, — это разъ. А затѣмъ, — развѣ, давая милліоны долларовъ на заселеніе евреями Россіи, не свое ли національное еврейское дѣло они дѣлаютъ? *Развѣ не для такихъ цѣлей собиралось золото, накоплялись богатства, разорялись народы и государства?**) Центръ тяжести не въ этомъ. А въ томъ, что верхи еврейства прекрасно понимаютъ, что при переходѣ отъ формъ невидимаго осуществленія власти къ формамъ открытаго ея осуществленія, связаннаго съ государственной территоріей, необходимо создать свой классъ землевладѣльцевъ, то есть

---

*) Курсивъ нашъ. Н. Ж.

классъ, неразрывно связанный съ судьбою государства и наиболѣе заинтересованный въ сохраненіи того государственнаго порядка, который даровалъ ему землю и защищаетъ результаты его труда, вложеннаго въ землю. Долженъ создаться классъ еврейскаго земельнаго дворянства. Это вполнѣ логично, естественно и въ порядкѣ вещей.

Всегда такъ оно и бывало, стоитъ хотя бы вспомнить исторію колонизаціи евреями древняго Египта. И остановить и запугать еврейство на этомъ пути невозможно, ибо это относится всецѣло къ завоеваніямъ революціи. Послѣ 1905 года, казалось бы, картина существа „завоеванія революціи" для каждаго русскаго должна была бы быть ясной. Но русскій мозгъ былъ безнадежно поврежденъ соціалистической эквилибристикой и изъ за деревьевъ не видалъ лѣса. Пора бы хоть теперь поставить его на свое мѣсто.

Но что же дѣлать? Неужели для насъ картина полной безнадежности? Евреи намъ ясно говорятъ что дѣлать. Надо только не извращать смысла ихъ словъ. Надо перестать носить свой мозгъ наизнанку. „Не запугаете!" — кричатъ намъ они. И это правда: ихъ не запугаешь. И не запугиваніемъ намъ надо заниматься, а *борьбой. Надо разъ навсегда понять, что мы съ ними находимся въ состояніи войны*)* и не о братаніи съ ними приходится сегодня думать: братаніе съ врагомъ всегда было и есть предательство родной земли и родного народа!"

Итакъ, по совершенно справедливому убѣжденію В. В. нужна борьба. Но для того, чтобы начать ее, нужна прежде всего общая идейная почва. Имѣемъ ли мы ее, готовы ли русскіе люди начать такую борьбу?!

На эти вопросы отвѣтитъ слѣдующая глава.

ГЛАВА 60.

Уроки революціи.

Прошло уже 10 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ жиды, вызвавшіе роковой сдвигъ влѣво въ сознаніи русской „передовой" интеллигенціи, погубили Россію и столкнули ее въ бездну. Срокъ достаточный для полнаго отрезвленія, для того, чтобы отказаться отъ самыхъ крайнихъ заблужденій и сдѣлать вѣр-

---

*) Курсивъ нашъ. Н. Ж.

ные выводы изъ фактовъ, какихъ не допускало никакое воображеніе и какіе однако же стали самой ужасной дѣйствительностью.

Позволительно, поэтому, спросить, чему же научила революція нашу „передовую“ интеллигенцію и здѣсь, въ бѣженствѣ, и тамъ — въ Россіи?

Въ средѣ русскаго бѣженства, тамъ, гдѣ русскіе люди еще не сговорились между собою на почвѣ общаго пониманія природы и психологіи революціи, тамъ, гдѣ вся бѣженская масса, съ Зарубежною Церковью во главѣ, раскололась на множество самыхъ разнородныхъ партій, взаимно пожирающихъ другъ друга, гдѣ нѣтъ общихъ программъ спасенія Россіи, нѣтъ единомыслія, а царитъ ненависть и злоба, гдѣ все бѣженство являетъ собою картину Вавилонскаго столпотворенія, — тамъ еще нельзя говорить объ отрезвленіи. Оно наступитъ тогда, когда русскіе люди поймутъ природу поработившей Россію злой стихіи и проникнутся мистическимъ сознаніемъ необходимости бороться съ нею способами, указанными намъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, стараясь увеличивать сумму добра въ жизни и уменьшать сумму зла. Оно наступитъ тогда, когда, спускаясь съ неба на землю, русскіе люди оцѣнятъ значеніе монархическаго начала, какъ единственнаго орудія въ борьбѣ съ этой злой стихіей и перестанутъ вѣрить тому, чему ихъ учили и продолжаютъ учить слѣпые люди, говорящіе, что „самодержавія никогда не было и никогда не будетъ. Это утопическая, мечтательная идея, основанная на смѣшеніи царства кесаря съ Царствомъ Божіимъ. Восьмого таинства помазанія царя на царство догматическое сознаніе Церкви не знаетъ, оно цѣликомъ относится къ исторической, а не мистической сторонѣ Церкви... Теократическая утопія есть источникъ всѣхъ соціальныхъ утопій“... (Н. Бердяевъ, журн. Путь, № 1, стр. 46). Отрезвленіе наступитъ, тогда когда русскіе люди распознаютъ природу интернаціонала, какъ того апокалипсическаго звѣря, который вырвался изъ бездны и котораго нужно уничтожить, ибо „побѣда интернаціонала, какъ справедливо говоритъ проф. Локоть, — смерть культурѣ и свободѣ человѣчества.

Поскольку есть возможность бороться съ интернаціоналомъ вооруженной силой, непремѣнно нужно бороться и такъ. Освобожденіе Россіи отъ присосавшагося къ ней интернаціонала безусловно требуетъ и широкаго, всесторонняго примѣненія вооруженной силы. Защита Китая отъ того же интернаціонала, дѣйствовавшаго изъ того же центра — изъ нѣдръ совѣтской власти въ Москвѣ, было бы точно также безуспѣшна безъ примѣненія вооруженной силы.

Но — помимо вооруженной силы — необходима и духовная моральная реакція противъ интернаціонала. Т. е. необходима самая отчетливая кристаллизація человѣческаго сознанія, пониманія разрушительной сущности интернаціонала, и въ связи съ этимъ — кристаллизація активной рѣшимости бороться за все то, противъ чего направляетъ свои разрушительныя усилія интернаціоналъ. Принципъ національной свободы и независимости, воплощенной національнымъ государствомъ. Принципъ національной религіи, воплощенный національной церковью. Принципъ хозяйственной самостоятельности, воплощенный національной буржуазіей, въ которую здравый смыслъ долженъ включать все населеніе, обладающее хотя бы малѣйшей долей національнаго богатства страны, въ видѣ ли заработной платы — безразлично. Принципъ морали, выработанный вѣковой работой всего человѣчества.

Таково знамя человѣчества въ противовѣсъ знамени интернаціонала. Эти принципы общи для всего человѣчества, хотя оно и подѣлено на національныя группы. И уничтожить это дѣленіе на группы, слиться въ какое-то единое сверхчеловѣчество оно не можетъ и не должно, если не желаетъ утерять своей главной жизненной, творческой силы — національной индивидуальности. Утерявши ее, оно скоро станетъ — стадомъ, которымъ будетъ владѣть и править интернаціоналъ. Національныя группы человѣчества должны отчетливо понять и признать, что „интернаціоналъ“ — по существу — злостная фикція, такъ какъ въ интернаціоналѣ безусловно господствующую и руководящую роль играетъ одна, ярко выраженная національность — еврейская...“ („Новое Время“, 10 Сентября 1927 г., № 1907).

Къ этимъ прекраснымъ словамъ профессора Т. Локотя я могу добавить лишь указаніе на необходимость противопоставить интернаціоналу жидовскому *Интернаціоналъ Христіанскій*, который, не уничтожая національныхъ перегородокъ между христіанскими народами, объединилъ бы ихъ въ общей борьбѣ съ врагами Христа на почвѣ служенія Единому Вселенскому Богу.

Въ сознаніи русскаго бѣженства ни одна изъ означенныхъ цѣлей не стоитъ даже въ перспективѣ...

Значитъ и говорить не о чемъ, отрезвленія въ средѣ русскаго бѣженства нѣтъ.

Если оно наступило, то навѣрное только въ самой Россіи, гдѣ несчастный русскій народъ не только стоитъ предъ лицомъ апокалипсическаго звѣря, но и является его жертвой, гдѣ мучится, страдаетъ и извивается отъ боли въ когтяхъ этого страшнаго вампира, злораднаго, торжествующаго, откро-

венно циничнаго, не имѣющаго и нужды скрывать свое настоящее лицо...

Увы, прозрѣли только руки и ноги Россіи, прозрѣлъ только простолюдинъ, да и то не умомъ, а сердцемъ, но ни офиціальная Церковь, продолжающая ссылаться на слова Апостола Павла о происхожденіи всякой власти отъ Бога и логически докатившаяся до повелѣнія повиноваться сатанинской власти, ни мозгъ страны, каковымъ себя считали, „писатели“ и признавала себя „передовая“ интеллигенція, еще не прозрѣли и находятся попрежнему въ состояніи дурмана и гипноза... Объ этомъ свидѣтельствуетъ приведенное нами въ 37-й главѣ „Обращеніе русскихъ писателей къ писателямъ міра“, ставшее извѣстнымъ всему міру и, вѣроятно, вызвавшее у всѣхъ прочитавшихъ его одинаковыя мысли...

Красочно очерчены невыразимыя страданія авторовъ этого „обращенія“, но тѣмъ болѣе тяжелое впечатлѣніе производитъ то, что даже эти ужасныя муки оказались безсильными открыть имъ глаза на природу окружающей ихъ дѣйствительности, и заставить ихъ понять ея причины и психологію.

По поводу этого „обращенія“ я получилъ отъ своего друга А. С. письмо, помѣченное 5 Августа 1927 г., такого содержанія:

„Два или три года тому назадъ (точно не помню, а не хочется рыться въ Вашихъ письмахъ, чтобы найти, когда именно это было), Вы настойчиво меня уговаривали написать воззваніе къ читателямъ газетъ въ цѣломъ мірѣ и въ этомъ воззваніи выразить весь ужасъ большевическаго владычества надъ Россіей, чтобы разбудить совѣсть мыслящихъ и чувствующихъ людей разныхъ странъ и толкнуть ихъ на борьбу съ международной организаціей, одинаково опасной для всѣхъ государствъ и народовъ. Я не чувствовалъ въ себѣ достаточно вдохновенія, чтобы исполнить Ваше желаніе. Всѣ обращенія къ совѣсти иностранцевъ, какія я пробовалъ набрасывать, казались мнѣ слабыми и блѣдными выраженіями непостижимаго ужаса русской дѣйствительности.

Однимъ словомъ, я не нашелъ достаточно сильной формы изложенія, способной воздѣйствовать на души людей, и отклонилъ Ваше настояніе.

Теперь приблизительно такое воззваніе, какого Вы желали, появилось. Оно называется обращеніемъ русскихъ писателей, оставшихся въ Большевіи, къ писателямъ міра. Вѣроятно, оно перепечатано въ бѣлградскомъ „Новомъ Времени“, которое Вы обыкновенно читаете. Многое въ этомъ обращеніи хорошо выражено, но есть нѣсколько строкъ, которыя пока-

зываютъ, что писатели, сидящіе въ большевическомъ застѣнкѣ, всетаки не понимаютъ сущности происшедшаго въ Россіи переворота и причинъ, почему заграничные писатели не вскрываютъ ужасовъ большевичества а упорно молчатъ. Они выражаются такъ:

„Вспомните годы передъ нашей революціей, когда наши общественные организаціи мѣстнаго самоуправленія, Государственная Дума и даже отдѣльные министры звали, просили, умоляли власть *свернуть съ дороги*, ведшей въ пропасть. Власть осталась глуха и слѣпа. Вспомните: кому вы сочувствовали тогда — *кучкѣ вокругъ Распутина* или народу? Кого вы тогда осуждали и кого нравственно поддерживали? Гдѣ же вы теперь?“

Разберемся въ высказанныхъ здѣсь мысляхъ. Авторы обращенія считаютъ какъ будто бы для себя несомнѣннымъ, что Императорское правительство съ Государемъ во главѣ вело Россію въ пропасть, а революціонеры всѣхъ мастей указывали путь спасенія. Нужно быть круглыми дураками, чтобы думать такъ теперь, послѣ всего того, что произошло и что раскрыто и освѣщено въ воспоминаніяхъ участниковъ трагическихъ событій, принадлежавшихъ, какъ къ правительственному, такъ и къ революціонному лагерю. Какъ разъ наоборотъ. Революціонеры разныхъ оттѣнковъ, но двигавшіеся къ одной цѣли, вели и привели Россію къ гибели, столкнули ее въ пропасть, на днѣ которой барахтаются подъ большевической пятой авторы обращенія. Императорское правительство честно и благородно, насколько умѣло и могло, отбивало подкопы и атаки революціонеровъ и стремилось предотвратить гибель Россіи. Кто же виноватъ, что глупое общество, съ писателями во главѣ, не понимало положенія вещей и поддерживало не правительство, а революціонеровъ? Теперь воочію видно и доказано, что Императорское правительство заключало въ себѣ лучшія и благороднѣйшія умственныя силы русскаго народа, а на сторонѣ революціи стояли или сомнительныя ничтожества въ родѣ членовъ Временнаго Правительства, или форменные негодяи всякихъ типовъ отъ Керенскаго и Чернова до Ленина и Бронштейна. Но самое главное, что упускаютъ изъ виду авторы обращенія, — это участіе въ революціи жидовъ, какъ капиталами (вспомнимъ Якова Шиффа, Варбурговъ, Гуггенгейма и пр.), такъ и лично, въ такомъ количествѣ, какое даетъ возможность сказать, что русское государство въ настоящее время находится подъ полнымъ владычествомъ жидовскаго народа. Между тѣмъ участіе жидовъ въ революціи даетъ ключъ къ объясненію тѣхъ недоумѣній, надъ которыми мучаются бли-

зорукіе наши писатели не только въ большевической преисподней, но и въ Европѣ.

Иванъ Бунинъ пишетъ: „Семь лѣтъ, прожитыхъ мною въ Европѣ, цѣлыхъ семь лѣтъ съ несказаннымъ изумленіемъ и ужасомъ восклицаю я внутренно: да гдѣ же вы, совѣсть міра, прозорливцы, что же молчите вы, глядя на то, что творится рядомъ съ вами, въ цивилизованной Европѣ, въ христіанскомъ мірѣ?“

Иванъ Шмелевъ пишетъ: „Помнятся случаи, — и не столь трагичные, какъ съ Россіей, — и тогда совѣсть міра, писатели, — протестовала, возмущалась. Почему же теперь — молчаніе? Или заснула совѣсть? Или весь міръ — пустыня? И вопль оттуда, и русскіе голоса оттуда — лишь гласъ вопіющаго въ пустынѣ? Почему не слышатъ? Почему не чуютъ? Почему десять лѣтъ — молчаніе?! Необъяснимо. Непонятно.“

Бѣдные писатели! — они не понимаютъ, въ чемъ дѣло. Они забываютъ, что такъ называемое общественное мнѣніе создается газетами, что 95% европейскихъ газетъ принадлежитъ жидамъ, и что, слѣдовательно, отъ жидовъ зависитъ пропустить или не пропустить на столбцы газетъ чей бы то ни было голосъ. Когда обезумѣвшіе русскіе люди съ писателями во главѣ въ ложномъ представленіи, будто они борются съ „кучкой вокругъ Распутина“, на самомъ дѣлѣ безсмысленно разрушали свое умно и удобно построенное историческое государство, что было въ интересахъ международнаго жидовства, о! тогда не было конца привѣтствіямъ и выраженіямъ сочувствія со стороны печати. Писатели изливались въ восторгахъ на столбцахъ европейскихъ и американскихъ газетъ, захваливая безумцевъ до полнаго ихъ одурѣнія. Жидовскія деньги всемогущи, и всякаго писателя могутъ заставить или говорить въ интересѣ жидовъ, или молчать. Теперь жиды достигли своей цѣли. Россія не только разрушена, но и подпала подъ ихъ власть. О чемъ же говорить? И вотъ настало то явленіе, о которомъ пишетъ *Иванъ Шмелевъ*: „Воистину, страшное явленіе! Скоро десятилѣтіе угнетенія русскаго народа коммунизмомъ (по нашему съ Вами пониманію: жидами), а не помнится случая, когда бы раздался голосъ писателей въ мірѣ, ихъ возмущенной совѣсти. *Молчаніе, какъ въ пустынѣ!*“ Да, молчатъ писатели, ибо жиды не могутъ допустить, чтобы они заговорили, и столбцы газетъ закрыты для всякаго, кто вздумалъ бы посочувствовать русскому народу. Цѣль жидовъ достигнута. Россія повержена, и жиды надъ нею властвуютъ яко бы по послѣднему слову соціалистическаго ученія. Какой же можетъ быть вопросъ о пересмотрѣ этого положенія, хотя бы русскій народъ и стра-

далъ безмѣрно? Пусть себѣ страдаетъ во имя торжества жидовъ и соціализма.

Я удивляюсь *Бунину и Шмелеву*, что они, живя въ Парижѣ, не дѣлаютъ никакихъ выводовъ изъ того, что тамъ можно наблюдать. Приближается время суда надъ часовщикомъ Шмулемъ Шварцбартомъ, убившимъ Петлюру 25 Мая 1926 г., и посмотрите, какъ писатели не только говорятъ, но кричатъ о несчастныхъ жидахъ, подвергшихся погрому со стороны петлюровскихъ бандъ. Печать поднята на ноги. Bernard Lacasche — зять извѣстной писательницы m-me Severine выпустилъ цѣлую книгу подъ возбуждающимъ заглавіемъ: „Quand Israel meurt"... чтобы передъ судомъ окружить жидовъ ореоломъ мученичества, а изъ Шварцбарта создать жидовскаго народнаго героя, чуть ли не эпическаго богатыря, мстителя за народныя обиды. Почти съ увѣренностью можно предсказать, что Шварцбарта оправдаютъ, что жидовскіе милліардеры доставятъ ему богатство, и что долго еще будутъ прославлять его „писатели" наравнѣ съ какой нибудь Юдифью, фигурирующей, къ стыду нашему, въ православныхъ святцахъ.

Изъ этого Вы можете заключить, что въ наше время на каждомъ шагу примѣняются двѣ мѣры: если задѣтъ одинъ жидъ (напр. Дрейфусъ, Бейлисъ, Шварцбартъ), то весь міръ приводится въ движеніе, чтобы его защитить, оправдать, прославить, возвеличить; но страданіе даже стомилліоннаго народа всѣмъ безразлично, если жидамъ оно выгодно, и они постановили его замолчать. Вотъ почему меня поражаютъ слова *Н. Е. Маркова*: „Впутывать антисемитизъ въ нашу вѣру не только кощунственно, но и практически безполезно". Какъ разъ напротивъ. Когда іудейскій народъ почти цѣликомъ попалъ въ вавилонскій плѣнъ и, находясь въ состояніи полнаго униженія, предавался отчаянію, тогда духовные вожди его, чтобы подтянуть духъ народа и пробудить надежды на лучшее будущее, начали внѣдрять идею, что іудеямъ нечего унывать, ибо они — избранный народъ Яхве, который возвратитъ имъ утерянныя временно блага самостоятельности, независимости, богатства, славы и величія.

Въ такомъ духѣ переработаны были вывезенныя съ родины древнія сказанія, историческія повѣствованія, сборники законовъ, пѣсни, стихотворенія, и сведены въ рядъ книгъ, изъ коихъ пять главнѣйшихъ, якобы откровенія самого Яхве, приписаны полулегендарному Моисею. На идеѣ избранничества іудейскій народъ помѣшался, и она изуродовала всю душу этого народа. Христіанство до нашего времени не разбиралось въ этихъ вопросахъ и молчаливо поддерживало

самомнѣніе и гордость іудеевъ, довѣряя грандіозному подлогу, учиненному жидовскими книжниками 2500 лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ, какъ въ вавилонскомъ плѣну сформировался типъ вѣчнаго жида, всѣ народы, входившіе въ соприкосновеніе съ жидовскимъ народомъ, инстинктивно чувствовали необычайную зловредность жидовъ, но не доискивались ея причинъ, а въ тѣхъ случаяхъ, когда эксплоатація со стороны жидовъ становилась невыносимою, прибѣгали къ погромамъ. Теперь всѣ убѣдились, что погромы не достигаютъ цѣли, не обуздываютъ жидовской хищности, и погромы отходятъ въ область преданій. Единственно правильный путь борьбы съ жидовствомъ — это разоблачить его идейно, и вотъ, вопреки Н. Е. Маркову, разоблаченіе подлога, учиненнаго жидовскими книжниками 2500 лѣтъ тому, — *практически полезно*. Оно снимаетъ съ жидовъ тотъ ореолъ избранничества, которымъ они были, благодаря подлогу, окружены и ставитъ ихъ на свое мѣсто — самыхъ презрѣнныхъ и отвратительныхъ представителей человѣческаго рода. Практически необходимо, чтобы христіанскія церкви признали наличность подлога и стремились къ очищенію христіанства отъ тѣхъ жидовскихъ наслоеній, какія вѣками на немъ накопились. Отъ этого христіанство не только ничего не потеряетъ въ своей религіозной привлекательности, но, напротивъ, оживетъ и расцвѣтетъ. Жидовская религія, внѣ связи съ христіанствомъ, будетъ поставлена въ рядъ съ другими древне-восточными религіями: египетской, вавилонской, ассирійской, персидской и пр., какъ это и слѣдуетъ. При ближайшемъ изученіи она оказывается, по внутреннему содержанію, ниже этихъ религій. Если до образованія жидовства въ израильскомъ и іудейскомъ царствахъ выступали высокіе представители религіознаго чувства, какъ Исаія и Іеремія, то этихъ людей нельзя класть на вѣсы при оцѣнкѣ жидовства, ибо въ іудейскомъ народѣ они не нашли сочувствія, и оба, по преданію, кончили мученичествомъ: Исаія былъ распиленъ, а Іеремія побитъ камнями. Христосъ обращаясь къ Іерусалиму, восклицалъ: „Іерусалимъ, Іерусалимъ, избивающій пророковъ и камнями побивающій посланныхъ къ тебѣ!“ (Лук. 13, 34. Матѳ. 23, 37). Вѣроятно, Онъ имѣлъ въ виду эти преданія...“

Вотъ, когда въ сознаніе офиціальныхъ христіанскихъ Церквей проникнутъ убѣжденія автора приведеннаго письма, когда міровое жидовство будетъ лишено той христіанской базы, какую незаконно занимаетъ и на которую опирается, когда христіане признаютъ, что имъ нужно соединиться на почвѣ общей борьбы съ жидовствомъ, вмѣсто того, чтобы или пользоваться имъ въ интересахъ личнаго земного блага,

или дѣлаться его жертвою, — только тогда наступитъ подлинное отрезвленіе въ умахъ и сердцахъ, и человѣчество освободится отъ той злой силы, какая его обезличивала, порабощала и вела къ гибели.

Практическимъ результатомъ такого отрезвленія явится Христіанскій Интернаціоналъ, безъ котораго и внѣ котораго не мыслима не только побѣда, но даже борьба съ интернаціоналомъ жидовскимъ, какъ той злой стихіей, какая прикрываясь обманными вывѣсками, преслѣдуетъ только одну цѣль, — владычество діавола на землѣ и міровое господство его „избраннаго народа".

И можетъ быть только тогда христіане вспомнятъ о томъ непобѣдимомъ оружіи въ борьбѣ съ злой силою, какимъ всегда была и на вѣчныя времена останется молитва къ Богу, а мы, русскіе, вспомнимъ пророческій гласъ Св. Іоасафа, еще въ 1912 году предупреждавшаго русскихъ людей о надвигавшейся революціи и указавшаго пути спасенія Россіи, покаемся въ томъ, что отвергли его, не повѣрили ему, а теперь уже и забыли о немъ. *И только тогда, когда весь русскій народъ повергнется въ слезахъ умиленія предъ Песчанскимъ образомъ Матери Божіей и широкой волной потечетъ къ св. мощамъ Угодника Божія Николая, исконнаго Заступника и Покровителя Россіи, только тогда можно будетъ говорить объ отрезвленіи, только тогда придетъ и спасеніе нашей Родины.*

Читатели I-го тома моихъ „Воспоминаній" знаютъ о чемъ предупреждалъ и что говорилъ, по повелѣнію Матери Божіей, Святитель Іоасафъ. Но I-й томъ весь разошелся и нѣтъ возможности переиздать его. Разошлись и тѣ брошюрки, какія были мною составлены для широкаго оповѣщенія русскихъ людей о пророчествѣ Св. Іоасафа, и какія были изданы усердіемъ Настоятеля Казанско-Богородицкаго монастыря въ г. Харбинѣ, всечестнаго о. архимандрита Ювеналія, подъ заглавіемъ: „Свыше указанный путь ко спасенію Россіи". Этой брошюрою, дополненной примѣчаніями о. архимандрита, я и заканчиваю свой II-й томъ.

ГЛАВА 61.

Свыше указанный путь ко спасенію Россіи.

Какъ тучи скрываютъ отъ взора нашего солнце, такъ грѣхи заслоняютъ отъ насъ Бога. Воздвигли они между небомъ и землею стѣну непроницаемую, закрыли ликъ Божій и, чѣмъ грѣшнѣе человѣкъ, тѣмъ темнѣе и холоднѣе у него на душѣ, тѣмъ труднѣе непосредственное общеніе съ Источникомъ Свѣта, тѣмъ меньше вѣры даже въ возможность такого общенія, тѣмъ непонятнѣе для него все вокругъ происходящее.

Не поняли русскіе люди и даже ослушались Гласа Свыше, явленнаго двукратно устами *Св. Іоасафа* Бѣлгородскаго и задолго до войны 1914 года, съ цѣлью предупредить ее, и въ 1915 году съ цѣлью прекратить ее.

Вспомнимъ хотя теперь объ этомъ Гласѣ, используемъ хотя теперь указанные Самимъ Богомъ пути ко спасенію Россіи! Богъ — не идея, а Милосердный Отецъ Небесный, любящій Свои созданія и пекущійся о нихъ, то изливая Свои безмѣрныя милости, то предупреждая и предостерегая отъ бѣдъ, то наказывая гордаго человѣка за ослушаніе Его святой и всеблагой волѣ.

Будемъ имѣть такую вѣру, и по этой вѣрѣ дано будетъ намъ увидѣть нашу Родину, великую Россію, омытую и очищенную страданіями и слезами. Но будемъ страшиться не внять сему Гласу даже теперь, спустя 15 лѣтъ послѣ того, какъ онъ впервые раздался.

Въ 1754 г. Святитель Іоасафъ, обозрѣвая свою епархію, прибылъ въ городъ Изюмъ. Встрѣченный духовенствомъ въ предмѣстьи города и войдя въ притворъ Вознесенской церкви, Святитель съ изумленіемъ остановился и началъ всматриваться въ большую икону Богоматери, стоявшую въ углу притвора и служившую какъ бы перегородкой за которой ссыпали уголь для кадила. Долго съ умиленіемъ смотрѣлъ онъ на святую икону, потомъ осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, опустился предъ нею на колѣни и громко произнесъ: „Царица Небесная, прости небрежность Твоихъ служителей, не вѣдятъ бо, что творятъ!". Затѣмъ, обратившись къ сопровождавшему его благочинному, сказалъ: почему этотъ образъ не поставленъ въ лучшемъ мѣстѣ? *Въ семъ образѣ преизобилуетъ особенная благодать Божія, въ немъ Пресвятая Владычица являетъ особое знаменіе Своего заступничества для сей веси и цѣлой страны!"*.

Войдя въ церковь и обративъ вниманіе на большой кіотъ сзади лѣваго клироса, уставленный небольшими иконами изъ стараго иконостаса, которыя было можно съ удобствомъ размѣстить по другимъ мѣстамъ, Святитель сказалъ: „вотъ самое приличное мѣсто для иконы Божіей Матери. Поставить ее на мѣсто этихъ уже обветшавшихъ иконъ, чтобы она всегда стояла на этомъ мѣстѣ". Святитель Іоасафъ пробылъ въ городѣ болѣе трехъ дней, и утромъ и вечеромъ приходилъ онъ въ Вознесенскую церковь и усердно молился предъ симъ образомъ Богоматери, тогда же поставленнымъ на указанномъ Святителемъ мѣстѣ. Вѣсть объ этомъ событіи распространилась между жителями; многіе стали притекать къ образу, съ вѣрою и молитвою ко Владычицѣ міра, и по мѣрѣ вѣры своей получали исцѣленія. И теперь отъ иконы истекаютъ великія чудеса и знаменія благодати Божіей. По установленіи иконы Богоматери на мѣстѣ, Святитель Іоасафъ разсказывалъ близкимъ, что предъ выѣздомъ изъ Бѣлгорода онъ видѣлъ слѣдующій сонъ: „при входѣ въ одну изъ осматриваемыхъ церквей, въ притворѣ онъ увидѣлъ въ кучѣ сора икону Богоматери, съ свѣтлымъ сіяніемъ, исходившимъ отъ нея, причемъ слышенъ былъ голосъ говорившій: „смотри, что сдѣлали съ Ликомъ Моимъ служители сего храма. *Образъ Мой назначенъ для страны сей источникомъ благодати, а они повергли его въ соръ*". Сильно смущенный этимъ сновидѣніемъ, глубоко запечатлѣвшимся въ его душѣ, Святитель, при обозрѣніи церквей, подробно осматривалъ ихъ, какъ снаружи, такъ и внутри съ цѣлью узнать, нѣтъ ли въ самомъ дѣлѣ чего подобнаго, что ему снилось. Посѣщая Вознесенскую Изюмскую церковь онъ былъ пораженъ внѣшностью ея, сходною съ представляющеюся церковью во снѣ, а потому увидѣвъ Свыше указанный ему образъ Богоматери въ притворѣ въ такомъ небреженіи, понялъ, что сонъ его былъ благодатный и относился къ этой церкви, и этому образу Богоматери. Это откровеніе Свыше, эта милость Божіей Матери, избравшей Св. Іоасафа Своимъ орудіемъ для прославленія образа, были наградою ему за попеченіе о святыхъ храмахъ и св. иконахъ. Во все время своего служенія Святитель Христовъ Іоасафъ строго наблюдалъ за благоговѣйнымъ почитаніемъ святыхъ иконъ и за правильностью ихъ изображеній, о чемъ неоднократно писалъ увѣщанія и дѣлалъ распоряженія.

Вотъ этотъ именно Песчанскій Образъ Богоматери, являвшійся по свидѣтельству Самой Царицы Небесной *источникомъ благодати для всей Россіи*, и пришелъ на помощь нашей Родинѣ въ одинъ изъ самыхъ тяжкихъ моментовъ ея жизни, въ самый разгаръ войны 1914 года и былъ... *отверг-*

нутъ. Горделивый человѣкъ отвергнулъ небесную помощь, не повѣрилъ Гласу Свыше и отсюда всѣ тѣ бѣдствія, какія незамедлили обрушиться надъ Россіей и донынѣ тяготѣютъ надъ нею. Случилось это такимъ образомъ:

„4 Сентября 1915 года, въ годовщину прославленія Св. Іоасафа, Чудотворца Бѣлгородскаго, въ Вознесенскомъ храмѣ Петрограда состоялось обычное архіерейское богослуженіе, а вечеромъ того же дня — Общее Собраніе членовъ братства Святителя Іоасафа. Предсѣдателемъ братства, послѣ генералъ-адъютанта адмирала Д. С. Арсеньева, былъ избранъ генералъ отъ инфантеріи Л. К. Артамоновъ, а товарищами предсѣдателя были протоіерей Маляревскій и я. Не помню, что помѣшало мнѣ быть на Общемъ Собраніи, какому суждено было не только оставить глубочайшій слѣдъ въ моей жизни, но и сдѣлаться поворотнымъ пунктомъ одного изъ этаповъ этой жизни. Вечеромъ, 5 сентября, явился ко мнѣ протоіерей А. І. Маляревскій и, выражая сожалѣніе о моемъ отсутствіи на вчерашнемъ торжествѣ, разсказалъ подробно обо всемъ, что случилось.

„Кончилась обѣдня“ — началъ о. Александръ — „отслужили мы молебенъ, съ акаѳистомъ, Угоднику Божію и разошлись по домамъ, съ тѣмъ, чтобы собраться вечеромъ въ церковномъ домѣ на Общее Собраніе. Генерала не было, Васъ тоже; открывать собраніе пришлось мнѣ. Прочиталъ я отчетъ за истекшій годъ, а далѣе должны были слѣдовать выборы новыхъ членовъ, рѣчи и доклады и все, что обычно полагается въ этихъ случаяхъ. Вышло же нѣчто совсѣмъ необычное... Не успѣлъ я сойти съ каѳедры, какъ замѣтилъ, что ко мнѣ пробирается черезъ толпу какой то военный, безцермонно расталкивающій публику и держа въ высоко поднятой рукѣ какую то бумагу... Онъ очень нервничалъ и, вплотную подойдя ко мнѣ, спросилъ меня:

„Вы предсѣдатель братства Святителя Іоасафа?...“

„Нѣтъ“ — отвѣтилъ я — „я товарищъ предсѣдателя!“

„Кто же предсѣдатель, кто сегодня предсѣдательствуетъ?“ — нетерпѣливо и крайне взволнованно спрашивалъ меня военный.

„Предсѣдательствую я“ — отвѣтилъ я.

„Въ такомъ случаѣ разрѣшите мнѣ сдѣлать докладъ братству“ — сказалъ военный. Я пробовалъ отклонить это намѣреніе, ибо имя этого военнаго не значилось въ числѣ докладчиковъ, я видѣлъ его первый разъ, доклада его не читалъ, а его внѣшность, возбужденное состояніе духа, не располагали меня къ довѣрію, и я опасался какихъ либо неожиданностей...

Однако военный, видя мое замѣшательство, мягко успокоилъ меня, заявивъ: „Докладъ мой важности чрезвычайной, *и малѣйшее промедленіе будетъ грозить небывалыми потрясеніями для всей Россіи...*“

Онъ выговорилъ эти слова такъ увѣренно, съ такимъ убѣжденіемъ и настойчивостью, что, застигнутый врасплохъ, я только и могъ сказать въ отвѣтъ: „Читайте!“

„Я до сихъ поръ не могу очнуться отъ впечатлѣнія, рожденнаго его докладомъ“ — говорилъ протоіерей А. Маляревскій.

„Кто же этотъ военный, о чемъ онъ говорилъ?“ — спросилъ я.

Это полковникъ О., отставной военный докторъ на фронтѣ. Я отмѣтилъ наиболѣе существенныя мѣста доклада и могу воспроизвести ихъ почти стенографически. Вотъ что сказалъ полковникъ:

„Милостивые Государи... Я не буду заранѣе радоваться, ибо не знаю кого вижу въ вашемъ лицѣ... Но то, что вы составляете братство имени величайшаго Угодника Божія Іоасафа, даетъ мнѣ надежду возбудить въ васъ вѣру въ мои слова. До сихъ поръ меня только гнали и преслѣдовали столько же злые, сколько и темные люди; уволили со службы, заперли въ домъ умалишенныхъ, откуда я только недавно выпущенъ, и все только потому, что я имѣлъ дерзновеніе исповѣдывать свою вѣру въ Бога и Его Святителя Іоасафа... Вѣрить же — значитъ дѣлать и другихъ звать на дѣло... Я и зову, и умоляю... Не удивляйтесь тому, что услышите, не обвините заранѣе въ гордости, или „прелести“. Духъ Божій дышетъ, идѣже хощетъ, и не нужно быть праведникомъ, чтобы снискать милость Божію. Тамъ, гдѣ скрываютъ эту милость, тамъ больше гордости, чѣмъ тамъ, гдѣ громко славословятъ Бога. Въ положеніи военнаго и, при томъ, доктора принято ни во что не вѣрить. Я это знаю и мнѣ трудно вызвать довѣріе къ себѣ, и, если бы вопросъ касался только меня одного, то я бы и не дѣлалъ этихъ попытокъ, ибо не все ли равно мнѣ, за кого меня считаютъ другіе люди... Но вопросъ идетъ о всей Россіи и можетъ быть даже *о судьбѣ всего міра*, и я не могу молчать, какъ по этой причинѣ, такъ и потому, что получилъ отъ Угодника Іоасафа *прямое повелѣніе объявить людямъ волю Бога.* Развѣ я могу, поэтому останавливаться предъ препятствіями, развѣ меня можетъ запугать перспектива быть снова схваченнымъ и посаженнымъ въ сумасшедшій домъ, развѣ есть что либо, что удержало бы самаго великаго грѣшника отъ выполненія воли

Божіей, если онъ знаетъ, что дѣйствительно Богъ открылъ ему Свою волю?

Вотъ и я прошу васъ, обсудите мой докладъ, разсмотрите его со всѣхъ сторонъ, а потомъ и рѣшайте, точно ли мнѣ было откровеніе Свыше, или только померещилось мнѣ; въ здравомъ ли умѣ я излагаю свой докладъ, или точно я душевно больной человѣкъ и дѣлюсь съ вами своими галлюцинаціями?...

Года за два до войны, слѣдовательно въ 1912 году, явился мнѣ въ сновидѣніи Святитель Іоасафъ, и, взявъ меня за руку, вывелъ на высокую гору, откуда нашему взору открывалась вся Россія залитая кровью.

Я содрогнулся отъ ужаса... Не было ни одного города, ни одного села, ни одного клочка земли, не покрытаго кровью... Я слышалъ отдаленные вопли и стоны людей, зловѣщій гулъ орудій и свистъ летающихъ пуль, зигзагами пересѣкавшихъ воздухъ; я видѣлъ, какъ переполненныя кровью рѣки выходили изъ береговъ и грозными потоками заливали землю...

Картина была такъ ужасна, что я бросился къ ногамъ Святителя, чтобы молить Его о пощадѣ. Но отъ трепетанія сердечнаго я только судорожно хватался за одежды Святителя и, смотря на Угодника глазами, полными ужаса, не могъ выговорить ни одного слова.

Между тѣмъ Святитель стоялъ неподвижно и точно всматривался въ кровавыя дали, а затѣмъ изрекъ мнѣ:

„Покайтесь... Этого еще нѣтъ, но *скоро будетъ*"...

Послѣ этого дивный обликъ Святителя, лучезарный и свѣтлый, сталъ медленно удаляться отъ меня и растворился въ синеватой дымкѣ горизонта.

Я проснулся. Сонъ былъ до того грозенъ, а голосъ Святителя такъ явственно звучалъ, точно наяву, что я вездѣ, гдѣ только могъ, кричалъ о грядущей бѣдѣ; но меня никто не слушалъ... Наоборотъ, чѣмъ громче я кричалъ о своемъ снѣ, тѣмъ громче надо мною смѣялись, тѣмъ откровеннѣе называли меня сумасшедшимъ. Но вотъ подошелъ іюль 1914 года...

Война была объявлена... Такого ожесточенія, какое наблюдалось съ обѣихъ сторонъ, еще не видѣла исторія... Кровь лилась потоками, заливая все большія пространства... И въ этотъ грозный часъ, можетъ быть, только я одинъ понималъ весь ужасъ происходящаго и то, почему все это происходитъ и должно было произойти... Грозныя слова Святителя „*скоро будетъ*" исполнились буквально и обличали невѣровавшихъ. И, однако, всѣ попрежнему, были слѣпы и глухи. Въ Штабѣ

разговаривали о политикѣ, обсуждали военные планы, размѣряли, вычисляли, соображали, точно и въ самомъ дѣлѣ война и способы ея ликвидаціи зависѣли отъ людей, а не отъ Бога. Слѣпые люди, темные люди! Знали ли они, что эти десятки тысячъ загубленныхъ молодыхъ жизней, это море пролитой крови и слезъ, приносились въ жертву ихъ гордости и невѣрію, что никогда не поздно раскаяться, что чудо Божіе никогда не опаздываетъ, что спасеніе возможно въ самый моментъ гибели, что разбойникъ на Крестѣ былъ взятъ въ рай за минуту до своей смерти, что нужно только *покаяться*, какъ сказалъ Св. Іоасафъ?! А ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ становится все больше; сметались съ нашего кроваваго пути села и деревни, цвѣтущія нивы, горѣ и лѣса, разрушались города, не щадились святыни... Я содрогался отъ ужаса при встрѣчѣ съ такимъ невозмутимымъ равнодушіемъ; я видѣлъ, какъ притуплялось чувство страха предъ смертью, но и одновременно съ этимъ чувство жалости къ жертвѣ; какъ люди превращались въ дикихъ звѣрей, жаждущихъ только крови... Я трепеталъ при встрѣчѣ съ такимъ дерзновеннымъ невѣріемъ и попраніемъ заповѣдей Божіихъ, и мнѣ хотѣлось крикнуть обѣимъ враждующимъ сторонамъ: „довольно, очнитесь, вы христіане; не истребляйте другъ друга въ угоду ненавистникамъ и врагамъ христіанства; опомнитесь, творите волю Божію, начните жить по правдѣ, возложите на Бога упованіе ваше: Господь силенъ и безъ вашей помощи, безъ войны, помиритъ васъ“...

И, въ изнеможеніи, я опускался на колѣни, звалъ на помощь Святителя Іоасафа и горячо ему молился.

Залпы орудій сотрясали землю; въ воздухѣ рвались шрапнели; трещали пулеметы; огромныя, никогда невиданныя мною молніи разрѣзывали небосклонъ, и оглушительные раскаты грома чередовались съ ужаснымъ гуломъ падающихъ снарядовъ... Казалось, даже язычники должны были проникнуться страхомъ, при видѣ этой картины гнѣва Божьяго, и сознать безсиліе немощнаго человѣка. Но гордость ослѣпляла очи. Чѣмъ больше было неудачъ, тѣмъ большими становились ожесточеніе и упорство съ обѣихъ сторонъ. Создался невообразимый адъ. Какъ ни храбрился жалкій человѣкъ, но всѣ дрожали и трепетали отъ страха. Дрожала земля, на которой мы стояли, дрожалъ воздухъ, которымъ мы дышали, дрожали животныя, безпомощно оглядываясь по сторонамъ, трепетали бѣдныя птицы, растерянно кружившіяся надъ своими гнѣздами, охраняя птенцовъ своихъ. Зачѣмъ это нужно — думалъ я — зачѣмъ зазнавшійся человѣкъ такъ дерзко попираетъ законы Бога: зачѣмъ онъ такъ слѣпъ, что не видитъ

своихъ злодѣяній, не вразумляется примѣрами прошлаго?! И исторія жизни всего человѣчества, отъ сотворенія міра и до нашихъ дней, точно живая, стояла предо мною и укоряла меня...

Законы Бога вѣчны, и нѣтъ той силы, какая бы могла измѣнить ихъ; и всѣ бѣдствія людей, начиная отъ всемірнаго потопа и кончая Мессиной, Санъ-Франциско и нынѣшней войной, рождены одной причиною и имѣютъ одну природу — упорное противленіе законамъ Бога. Когда же одумается, опомнится гордый человѣкъ; когда, сознавъ свой грѣхъ, *смирится* и перестанетъ испытывать долготерпѣніе Божіе?!.. И въ страхѣ за грядущее, въ сознаніи страшной виновности предъ Богомъ, у самаго преддверія справедливой кары Божіей, я дерзнулъ возопить къ Спасителю: „Ради Матери Твоей, ради Церкви Православной, ради Святыхъ Твоихъ, въ землѣ Русской почивающихъ, ради Царя-Страдальца, ради невинныхъ младенцевъ, не познавшихъ грѣха, умилосердись, Господи, пожалѣй и спаси Россію и помилуй насъ“... Близокъ Господь къ призывающимъ Его!..

Я стоялъ на колѣняхъ съ закрытыми глазами, и слезы текли по щекамъ, и я не смѣлъ поднять глазъ къ иконѣ Спасителя... Я ждалъ... Я зналъ, что Господь видитъ мою вѣру и мои страданія, и что Богъ есть Любовь, и что эта Любовь не можетъ не откликнуться на мою скорбь...

И вѣра моя меня не посрамила...

Я чувствовалъ, что въ мою комнату вошелъ Кто-то, и она озарилась свѣтомъ и этотъ свѣтъ проникъ въ мою душу... Вмѣсто прежняго страха, вмѣсто той тяжести душевной, какая доводитъ невѣрующихъ до самоубійства, когда кажется, что отрѣзаны всѣ пути къ выходу изъ положенія, я почувствовалъ внезапно такое умиленіе, такое небесное состояніе духа, такую радость и увѣренное спокойствіе, что безбоязненно открылъ свои глаза, хотя и зналъ, что въ комнату вошелъ Нѣкто, озарившій ее Своимъ сіяніемъ. Предо мною стоялъ Святитель Іоасафъ.

Ликъ Его былъ скорбенъ.

„Поздно“ — сказалъ Святитель: — „теперь только одна Матерь Божія можетъ спасти Россію. Владимірскій образъ Царицы Небесной, которымъ благословила меня на иночество мать моя, и который нынѣ пребываетъ надъ моею ракою въ Бѣлградѣ, также и Песчанскій образъ Божіей Матери, что въ селѣ Пескахъ подлѣ г. Изюма, обрѣтенный мною въ бытность мою епископомъ Бѣлгородскимъ, нужно немедленно

доставить на фронтъ, и пока они тамъ будутъ находиться до тѣхъ поръ милость Господня не оставитъ Россію. Матери Божіей угодно пройти по линіямъ фронта и покрыть его Своимъ омофоромъ отъ нападеній вражескихъ... Въ иконахъ сихъ источникъ благодати, и тогда смилуется Господь по молитвамъ Матери Своей!"

Сказавъ это, Святитель сталъ невидимымъ, и я очнулся. Это второе видѣніе Угодника Божія было еще явственнѣе перваго, и я не знаю, было ли оно наяву, или во снѣ... Я, съ удвоенною настойчивостью, принялся выполнять *это прямое повелѣніе Божіе*, но, въ результатѣ, меня уволили со службы и заперли въ сумасшедшій домъ... Я бросался то къ дворцовому коменданту, то къ А. А. Вырубовой, то къ митрополитамъ и архіереямъ, гдѣ могъ, искалъ приближенныхъ Царя; но меня отовсюду гнали и ни до кого не допускали... Меня или вовсе не слушали, или слушая, дѣлали видъ, что мнѣ вѣрятъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ мнѣ никто не вѣрилъ, и всѣ одинаково считали меня душевно больнымъ.

Наконецъ, только сегодня я узналъ, что въ Петербургѣ есть братство Святителя Іоасафа... Я забылъ всѣ перенесенныя страданія, все передуманное и пережитое и, измученный, истерзанный, бросился къ вамъ. Неужели же и вы, составляющіе братство Угодника Божія прогоните меня; неужели даже вы не повѣрите мнѣ и, подобно многимъ другимъ, признаете меня психически больнымъ?!

Помните, что прошелъ уже цѣлый годъ со времени вторичнаго явленія Святителя Іоасафа, что я уже годъ скитаюсь по разнымъ мѣстамъ, толкаюсь къ разнымъ людямъ, дабы исполнить повелѣніе Святителя, и все напрасно... А война все больше разгорается, и не видно конца: ожесточеніе все увеличивается, а злоба съ обѣихъ сторонъ растетъ...

Или и вы, можетъ быть, думаете, что побѣда зависитъ отъ количества штыковъ и снарядовъ?!. Нѣтъ, *судьбы міра и человѣка въ рукахъ Божіихъ и будетъ такъ, какъ повелитъ Господь, а не такъ, какъ захочется людямъ...* Спѣшите же исполнить повелѣніе Святителя Іоасафа; пока есть еще время его исполнить... Тотъ, Кто далъ такое повелѣніе, Тотъ поможетъ и выполнить его... Снаряжайте *немедленно* депутацію къ Государю; добейтесь того, чтобы святыя иконы Матери Божіей были доставлены на фронтъ; и тогда вы отвратите гнѣвъ Божій на Россію и остановите кровопролитнѣйшую изъ войнъ, какія видѣлъ міръ. Не подвиговъ и жертвъ требуетъ отъ васъ Господь, а даруетъ Свою милость Россіи...

Идите навстрѣчу зову Господню, а иначе, мнѣ страшно даже выговорить, иначе *погибнетъ Россія* и погибнете вы сами за гордость и невѣріе ваши“...

Не буду описывать подробностей, связанныхъ съ пріемомъ Песчанскаго образа Божіей Матери въ Ставкѣ, куда онъ промыслительно прибылъ 4-го Октября 1915 года, наканунѣ Тезоименитства Наслѣдника Цесаревича, ибо всѣ эти подробности описаны мною на страницахъ I тома моихъ „Воспоминаній“ (гл. 1-15, стр. 1-70), скажу лишь кратко, что повелѣніе Святителя Іоасафа, *безъ вѣдома Государя Императора*, не было исполнено и протянутая Россіи Небесная Рука помощи была отвергнута недостойными царскими слугами.

И какъ ясно, что всѣ обрушившіяся на Россію бѣды явились слѣдствіемъ того ослушанія волѣ Божіей, такъ ясно и то, что Господь проститъ этотъ грѣхъ лишь послѣ того, когда повелѣніе Св. Іоасафа будетъ выполнено.

Такъ думаютъ тѣ, кто на протяженіи 8 лѣтъ своей бѣженской жизни безуспѣшно разыскивалъ Песчанскій Образъ Богоматери во всей Европѣ и не находилъ его, такъ думаютъ и тѣ, кто вѣрилъ Аѳонскимъ старцамъ, связывавшимъ спасеніе Россіи съ обрѣтеніемъ этого Образа — *„источника благодати для всей Россіи“* и твердившимъ, что моментъ обрѣтенія этого чудодѣйственнаго Образа явится первымъ реальнымъ моментомъ на пути къ спасенію Россіи.

И этотъ моментъ наступилъ: Аѳонскіе старцы вымолили у Бога милость и сей Образъ Песчанскій дивными путями Промысла Божія явился къ одному изъ нихъ и послѣднимъ препровожденъ въ Европу именно къ тѣмъ людямъ, коимъ предуказано идти впереди Священной Рати и чьи святыя имена, донынѣ сокрытыя, будутъ изъ поколѣнія въ поколѣніе славиться благодарнымъ потомствомъ...

Первый шагъ къ спасенію Россіи сдѣланъ Самимъ Богомъ, даровавшимъ Зарубежной Руси Песчанскій Образъ Матери Божіей, второй шагъ долженъ быть сдѣланъ каждымъ, кто въ Бога вѣруетъ.

Для сего нужно:

1) Учредить повсемѣстно комитеты для сбора пожертвованій на отпечатаніе снимковъ и изготовленіе иконъ съ чудодѣйственно обрѣтеннаго Песчанскаго Образа въ количествѣ достаточномъ для того, чтобы каждый русскій смогъ бы за минимальную плату пріобрѣсти икону и молиться предъ ней.

2) Въ соотвѣтствіи съ разосланными Епархіальною властью циркулярами, совершить повсемѣстно колѣнопреклоненныя молебныя пѣнія Песчанскому Образу Богоматери

и тѣмъ выполнить повелѣніе Св. Іоасафа остающееся и донынѣ невыполненнымъ.

3) Вырученныя отъ продажи снимковъ и иконъ суммы, за покрытіемъ расходовъ по ихъ изготовленію, направлять въ качествѣ пожертвованія Барградскому Подворью *Св. Николая*, Защитника и Покровителя Россіи. Подворье въ Бари, гдѣ почиваетъ величайшая святыня русскаго народа — мощи Святителя Николая, не только не закончено постройкой и переобременено *угрожающими ему долгами*, но не имѣетъ даже постояннаго священника, вслѣдствіе чего не совершается богослуженія тамъ, гдѣ денно и нощно должна была бы возноситься молитва о спасеніи Россіи. Этотъ грѣхъ нужно загладить.

4) Каждому вѣрующему русскому православному христіанину нужно дать обѣтъ Богу откликнуться на призывъ, когда онъ послѣдуетъ, о постройкѣ въ благодарность за спасеніе Россіи величественнаго храма во имя Матери Божіей, Песчанскій Образъ Которой займетъ въ Россіи мѣсто равное Ея Казанскому Образу. Теперь же надлежитъ открыть пріемъ пожертвованій на сооруженіе въ Барградскомъ храмѣ Св. Николая кіотовъ для Песчанской иконы Царицы Небесной, Св. Іоасафа Бѣлгородскаго и Преп. Серафима Саровскаго.

Вотъ реальные пути спасенія Россіи!

Будемъ не только помнить, но откликнемся хотя теперь на гласъ, прозвучавшій устами Святителя Іоасафа съ неба: *„теперь только одна Матерь Божія можетъ спасти Россію!“* Имѣющіе уши слышать, да слышатъ!

Во всѣ концы Европы я разослалъ приведенную выписку изъ І-го тома своихъ „Воспоминаній“, умоляя издать ее отдѣльной брошюрой и распространить среди русскаго бѣженства, но только одинъ о. архимандритъ Ювеналій откликнулся на мой зовъ, исполнилъ мою просьбу и снабдилъ изданную имъ брошюрку своими дополненіями, какія мы и приводимъ:

„Помѣстивъ выше глубоко знаменательное сообщеніе Князя Н. Д. Жевахова, приведемъ здѣсь историческую справку о заступленіи Царицы Небесной отъ святыхъ чудотворныхъ Ея иконъ въ бѣдственныя времена нашего многострадальнаго отечества на протяженіи многихъ вѣковъ его существованія.

Вспоминая великія благодѣянія, полученныя отъ Матери Божіей нашимъ отечествомъ, по всей справедливости Ее можно назвать *„Взбранною Воеводою православной Русской Земли“*.

Русскіе православные люди въ годины бѣдствій, и особенно когда на нихъ нападали внѣшніе враги, всегда прибѣгали съ покаяніемъ и горячею молитвой ко Господу и Царицѣ

Небесной. Отправляясь на ратное поле, они всегда брали съ собой тотъ или иной чудотворный образъ Божіей Матери.

Перечислимъ кратко тѣ случаи дивнаго заступленія Богоматери чрезъ Ея святыя иконы, на протяженіи многихъ вѣковъ въ жизни русскихъ людей. Въ княженіе Андрея Боголюбскаго, въ 1164 г., напали на Русь Волжскіе болгары. Предъ сраженіемъ, на бранномъ полѣ горячо молился Князь Андрей предъ чудотворнымъ образомъ Владимірской Божіей Матери, и враги были разбиты на голову. Когда, послѣ битвы, Князь съ духовенствомъ и воинами приносилъ свою благодарственную молитву предъ симъ чудотворнымъ образомъ, то отъ Животворящаго Креста и отъ сей иконы возсіялъ необыкновенный свѣтъ, который озарилъ весь полкъ. Память о семъ чудѣ и доселѣ сохраняется въ празднествѣ 1-го Августа, которое тогда же было установлено по желанію Андрея Боголюбскаго. Въ 1395 году въ княженіи Василія Дмитріевича эта же икона Владимірской Божіей Матери спасла нашу родину отъ нашествія Тамерлана. Князь, воины и весь народъ пламенно молились предъ этой иконой. Тамерланъ въ сонномъ грозномъ видѣніи былъ устрашенъ явленіемъ Божіей Матери, окруженной Святителями и тьмами молнеобразныхъ воиновъ. Грозно обративъ свой взоръ на Тамерлана, Она повелѣла ему оставить предѣлы Русской земли, а молненосные воины устремились на Тамерлана. Устрашенный такимъ видѣніемъ, онъ приказалъ своимъ войскамъ оставить русскіе предѣлы. Торжественно встрѣчена икона Божіей Матери съ похода въ гор. Москвѣ духовенствомъ и всѣмъ народомъ. Въ благодарную память сего чудеснаго заступленія Богоматери на мѣстѣ срѣтенія Ея иконы построенъ монастырь Срѣтенскій и установленъ въ честь сей иконы Праздникъ 26 Августа.

Въ 1480 г. Москва опять была спасена помощью Божіей Матери отъ Ея чудотворной иконы Владимірской, отъ нападенія на Россію Ахмета-хана Золотой Орды и въ память этого событія былъ установленъ второй праздникъ въ честь Владимірской иконы Богоматери — 23 Іюня.

Приведемъ еще болѣе умилительное и весьма трогательное повѣствованіе о заступленіи Царицей Небесной земли Русской отъ Ея иконы Владимірскія. Въ 1521 году, въ царствованіе Василія Ивановича, татары, подъ предводительствомъ Махмедъ-Гирея, снова двинулись на Русь; опустошая все на пути, они дошли до Москвы. Великій Князь ушелъ изъ Москвы собирать войска; въ столицѣ было смятеніе, но молитвы не прекращались. Однажды ночью юродивый старецъ Василій со слезами молился у дверей Успенскаго собора; вдругъ онъ слышитъ во храмѣ шумъ: двери собора растворяются и чу-

дотворная икона Владимірская сходитъ съ своего мѣста. Отъ иконы слышится голосъ: *„выйду съ Святителями изъ града сего“* и съ сими словами вся церковь наполняется пламенемъ, который тутъ же и исчезаетъ. Въ ту же самую ночь, въ Вознесенскомъ монастырѣ, одна слѣпая старуха монахиня, сидя въ своей келліи, узрѣла въ видѣніи, что изъ Кремля направляется въ Спасскія ворота какъ бы въ крестномъ ходу сонмъ Святителей и другихъ угодниковъ Божіихъ; среди ихъ чудотворная икона Владимірская. Вотъ они вышли уже изъ воротъ; на встрѣчу имъ идутъ преподобные отцы: Сергій Родонежскій и Варлаамъ Хутынскій. Припавъ къ стопамъ Святителей, они вопрошаютъ ихъ: „зачѣмъ они уходятъ изъ города и на кого оставляютъ его въ такое многоскорбное время?“ Святители со слезами отвѣчаютъ: „много молили мы Всемилостиваго Бога и Пречистую Богородицу объ избавленіи отъ сей великой скорби; но Богъ повелѣлъ выйти намъ изъ города и вынести съ собой сей чудотворный образъ Пречистой Его Матери, потому, что люди забыли страхъ Божій и нерадятъ о заповѣдяхъ Господнихъ... Пусть они накажутся отъ сего варварскаго народа и чрезъ покаяніе обратятся къ Богу“. Тогда преподобные стали умолять Святителей, чтобы они своимъ ходатайствомъ умилостивили правосудіе Божіе, и тутъ же вмѣстѣ съ ними стали пѣть молебенъ, произнесли молитву Богоматери, и осѣнивъ крестообразно городъ, всѣ вошли обратно въ Кремль съ чудотворною иконою. (Въ память сего дивнаго видѣнія старицы-инокини и заступленія Богоматери — чрезъ Спасскія ворота положено входить въ Кремль съ открытой головой). И дѣйствительно: молитвами Матери Божіей Москва опять была спасена. Лѣтописцы говорятъ, что татары хотѣли сжечь посады Московскіе, но увидѣли вокругъ города безчисленное множество войска Русскаго и сказали о томъ хану. Тотъ не повѣрилъ и послалъ посмотрѣть. Ему подтвердили сказанное. Онъ въ третій разъ послалъ удостовѣриться, тогда посланный прибѣжалъ, въ ужасѣ взывая: „О! Царь! что ты медлишь? Изъ Москвы выступаетъ на насъ войско безъ числа; побѣжимъ скорѣе!“ и татары бѣжали. Въ благодарное воспоминаніе этого чуда установленъ третій Праздникъ въ честь иконы Владимірской — 21 Мая. Предъ сей иконою при избраніи Святителей клали запечатанные царской печатью жребіи, которые послѣ молебна тутъ же вынимались Митрополитомъ и распечатывались Царемъ, при чемъ объявлялось имя избраннаго. Предъ тою же иконой послѣ молебнаго пѣнія былъ по жребію избранъ на Патріаршій Престолъ Всероссійскій Патріархъ Тихонъ, недавно въ Бозѣ почившій. Здѣсь же предъ Владимір-

скимъ образомъ Божіей Матери становились древніе Цари при своемъ помазаніи на царство...

Всѣ эти перечисленныя чудесныя заступленія Царицы Небесной отъ чудотворной иконы Владимірской, далеко еще не исчерпываютъ всѣхъ милостей Ея въ Россіи. Есть и еще довольно много событій въ нашей отечественной исторіи, свидѣтельствующихъ о чудесной помощи Богоматери русскимъ въ борьбѣ ихъ со врагами и отъ многихъ другихъ Ея чудотворныхъ иконъ. Такъ, напримѣръ, въ царствованіе Θеодора Іоанновича заступленіемъ Божіей Матери чрезъ чудотворный образъ Ея, именуемый „Донскія", Русская земля была спасена отъ нападенія Шведовъ и Крымскихъ татаръ. Въ память сей небесной помощи Владычицы совершается праздникъ 19 Августа и установленъ крестный ходъ въ Донской Монастырь.

Кто изъ русскихъ православныхъ людей не знаетъ дивную помощь и заступленіе Богоматери, явленныя нашему отечеству и чрезъ другія чудотворныя иконы Ея, какъ то: Казанскія, Смоленскія, Знаменія и мног. др.

Не лишнее вспомнить и болѣе древнія времена, какъ, напримѣръ, дивное заступленіе и Покровъ Божіей Матери, оказанные Царь-Граду въ царствованіе Греческаго Императора Льва Мудраго во Влахерискомъ Храмѣ отъ Ея чудотворной иконы. При нападеніи сарацынъ на греческую столицу, во время всенощнаго бдѣнія Божія Матерь явилась на воздухѣ Св. Андрею, Христа ради юродивому, молящеюся среди Ангеловъ и осѣняющую Своимъ Покровомъ. Когда разнеслась вѣсть объ этомъ чудномъ явленіи, то греки воодушевились и скоро прогнали враговъ изъ предѣла своего отечества. Въ память этого событія и установленъ Праздникъ — „Покровъ Пресвятой Богородицы" — 1-го Октября, принятый и торжественно совершаемый въ нашей Русской Церкви.

Вспоминая всѣ эти дивныя заступленія Божіей Матери въ годины бѣдствій народныхъ, дѣйствительно нужно обратить намъ глубокое вниманіе на изложенное выше сообщеніе Кн. Н. Жевахова о „*Свыше указанномъ пути ко спасенію Россіи*", гдѣ такъ трогательно описано повелѣніе Св. Іоасафа, Бѣлгородскаго Чудотворца. И надо сознаться и покаяться, что въ послѣднее время, какъ въ Японскую, такъ и въ великую войну съ Германіей, эти святые завѣты благочестивыхъ нашихъ предковъ были отвергнуты и въ результатѣ на нашихъ глазахъ ужасная гибель нашей родины..."

Архимандритъ Ювеналій.

27 Мая 1926 г.

Увы, отклика не послѣдовало, повелѣніе Св. Іоасафа и до сихъ поръ не исполнено, огромное большинство русскихъ бѣженцевъ даже не слышало о Песчанскомъ Образѣ Матери Божіей и можетъ быть даже до сихъ поръ не знаетъ въ чемъ причина его униженія и гдѣ искать спасенія...

Цѣна 1 долларъ 50 центовъ.

Книга продается въ Русской Типографіи С. Филонова—
Королевство С. Х. С., Новый Садъ, Темеринская, 25.
Пересылка за счетъ Типографіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

1920 годъ.

Того же автора:

„Воспоминанія“
Товарища Оберъ-Прокурора Св. Синода
Князя Н. Д. Жевахова
Томъ I — распроданъ

Готовится къ печати:

„Воспоминанія“
Томъ III